

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО КУЛЬТУРЕ И КИНЕМАТОГРАФИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

О. Б. Кох

Михаил Иванович Семевский

Опыт аналитической биографии

Санкт-Петербург
2005

Монография издается по решению Редакционно-издательского совета Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.

Рецензенты

В. Г. Чернуха,

главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН

Н. Н. Масленникова,

доктор исторических наук,
профессор кафедры истории СПбГУКИ

Кох О. Б.

К 75 Михаил Иванович Семевский. Опыт аналитической биографии [Текст] / О. Б. Кох ; Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. – СПб. : СПбГУКИ, 2005. – 420 с.

ISBN 5-94708-048-6

Михаил Иванович Семевский – историк, журналист, педагог, библиофил, чиновник, и общественный деятель – известен, прежде всего, как редактор-издатель исторического журнала «Русская старина».

В настоящем исследовании рассматриваются те стороны его деятельности, которые ранее не привлекали внимания исследователей – педагогика, библиофильство, коллекционирование, издательское дело как форма самовыражения научных и мировоззренческих установок. Реконструкция биографии позволила изучить ряд актуальных проблем истории России второй половины XIX в.: черты поколения 60-х гг.; принципы и подходы формирования частных коллекций; процессы дифференциации гуманитарных, в том числе вспомогательных исторических дисциплин; формирование самосознания русского общества, влияние на которое оказывала пресса, в том числе и специальные исторические журналы.

Исследование выполнено в рамках междисциплинарных подходов; использованы методы исторического исследования, принятые при изучении документов личного происхождения (сравнительно-исторический, культурно-антропологический, источниковедческий). Впервые изучение «Русской старины» предпринято через призму понятия «эго-документ». Традиционные методы дополнены подходами, используемыми в исторической антропологии, социальной психологии, педагогике, книговедении, культурологии.

ISBN 5-94708-048-6

- © Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2005
- © Кох О. Б., 2005
- © Владимирова С. А., оформление, 2005

От автора

Два обстоятельства способствовали замыслу этой книги. Когда автору довелось проводить экспертизу книжного собрания Государственного музея политической истории России, на базе которого предстояло сформировать фонд редкой книги, среди фолиантов в старинных переплетах, на корешках которых красовались владельческие монограммы, были обнаружены конволюты составленные М. И. Семевским — редактором одного из популярнейших во второй половине XIX в. исторических журналов «Русской старины». Изучение книжного собрания М. И. Семевского положило начало многолетним изысканиям в архивах. Форма биографии была выбрана под влиянием работы над спецкурсом «История в лицах», читаемого в стенах Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.

Претворению замысла в жизнь способствовала помощь многих лиц. Приношу искреннюю благодарность профессору Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктору исторических наук Н. Н. Масленниковой и заведующей кафедрой истории Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, кандидату исторических наук Н. Н. Каретниковой за поддержку, внимание и критические замечания, высказанные при подготовке рукописи к печати; главному научному сотруднику Санкт-Петербургского института истории РАН доктору исторических наук В. Г. Чернухе за сделанные в процессе работы указания и советы; генеральному директору Государственного музея политической истории России кандидату исторических наук Е. Г. Артемову за содействие в издании каталога библиотеки М. И. Семевского. Глубоко признательна ректору Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств профессору, доктору исторических наук П. А. Подболотову и проректору по научной работе доктору филологических наук, доктору философии, профессору В. В. Головину, сделавшими возможным выход в свет этой книги.

Список сокращений

АЕ	– Археографический ежегодник
ВИ	– Вопросы истории
ГАТО (Тверь)	– Государственный архив Тверской области
ГМР	– Государственный музей революции в Ленинграде
ГМПИР	– Государственный музей политической истории России
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения
Известия СПб ГД	– Известия Санкт-Петербургской Городской Думы
ИРЛИ	– Институт русской литературы (Пушкинский Дом), отдел рукописей
Летопись СПб ПО	– Летопись Санкт-Петербургского Педагогического общества
ЛЗАК	– Летопись занятий Археографической комиссии
ЛМ ИРЛИ	– Литературный музей Института русской литературы (Пушкинский Дом)
ЛН	– Литературное наследие
ОИПБ	– Отчет императорской Публичной библиотеки
РА	– Русский архив
РГБ	– Российская Государственная Библиотека
РЛ	– Русская литература
РНБ	– Российская Национальная Библиотека, рукописный отдел
РС	– Русская старина
СПБ ИИ	– Санкт-Петербургский институт истории РАН
Уч.	– Учитель

Введение

Михаил Иванович Семевский – историк, журналист, педагог, библиофил, чиновник, служивший в штате Государственного Совета и общественный деятель – известен, прежде всего, как редактор-издатель исторического журнала «Русская старина».

Время, в которое жил М. И. Семевский – вторая половина XIX в. – одна из величайших переломных эпох в истории России. Это было время сложных и мучительных поисков путей дальнейшего развития страны, время «Великих реформ», которые затронули все слои общества на огромных пространствах империи. Экономические и социальные преобразования, вызванные отменой крепостного права, изменили роль ведущего правящего класса России – дворянства. Еще более значительные изменения коснулись основной массы населения – крестьян, получивших, пусть и ограниченные, права и свободу. Вторая половина XIX века – время ускоренного процесса формирования третьего сословия, становления гражданского общества, бурного вовлечения в общественную жизнь интеллектуальной элиты, расцвета науки, просвещения и искусств.

Личность М. И. Севеvского – подвижника просвещения, неутомимого собирателя исторических материалов, безусловно, представляет интерес для истории науки и общественной мысли России второй половины XIX в. М. И. Семевский не принадлежал к числу «великих», но и не был «рядовым» истории.

Канва его жизни повторяет биографии многих людей его времени и вместе с тем отличается яркой индивидуальностью. М. И. Семевский (1837 – 1892) происходил из дворян Псковской губернии. Получив военное образование в Полоцком кадетском корпусе и Дворянском полку в Петербурге, шесть лет прослужил в лейб-гвардии Павловском полку. Участвовал в Крымской компании по охране побережья Балтийского моря в Выборгской губернии, был ранен и награжден светлобронзовой медалью в память войны 1853 – 1856 гг. и вышел в отставку в чине подпоручика. Во время пребывания полка в 1855 – 1856 гг., в Москве по случаю коронационных торжеств, посещал литературные кружки А. Н. Островского и А. Д. Галахова, познакомился с поэтом А. А. Григорьевым, склонившим его к литературной деятельности. Неудовлетворенный службой, перешел с 1857 г. в репетиторы, но не выдержав экзамен на преподавателя сло-

весности, подал в отставку. Еще в пору его военной службы, на офицера с явным педагогическим талантом обратил внимание К. Д. Ушинский в Таврической школе – одной из воскресных школ, организованной группой энтузиастов на общественных началах, и пригласил преподавать историю в старших классах Александровской половины Смольного института. Но стать педагогом М. И. Семевскому было не суждено, прослужив немногим более года, он покинул институт вслед за К. Д. Ушинским. В 1862 – 1863 гг. по заданию Министерства народного просвещения совершил поездку по Псковской губернии для инспекции народных школ. Его отчеты были высоко оценены Министром и общественностью. В эти годы М. И. Семевский принял решение навсегда связать свою судьбу с Петербургом, отказавшись от места преподавателя в Полоцке. Столица привлекала его своей культурной жизнью: театрами, Публичной библиотекой, где засиживался за книгами с утра и до позднего вечера, возможностью общаться с литераторами, журналистами, учеными, общественными деятелями. Среди его знакомых этого периода, П. Л. Лавров, благодаря которому посещал салон архитектора А. И. Штакеншнейдера; вернувшийся из Сибири декабрист барон В. И. Штейнгейль, литераторы В. С. и Н. С. Курочкины, Ф. М. и М. М. Достоевские, Н. Г. Чернышевский, педагоги В. И. Водовозов и К. Д. Ушинский, их журфикисы известны как центры интеллектуального цвета столицы. В доме Министра народного просвещения А. В. Головнина, он познакомился с Н. А. Милютиным, Ю. Ф. Самариным, А. П. Заблоцким-Десятовским, А. Ф. Гильфи́рдингом.

В 1864 г. М. И. Семевский был принят на должность помощника экспедитора Государственной канцелярии. Сделав блестящую карьеру государственного чиновника, он вышел в отставку в чине тайного советника (1882 г.). Служба помощником статс-секретаря Государственного Совета не помешала ему стать известным литератором, издателем и общественным деятелем.

М. И. Семевский собрал уникальную библиотеку, которой пользовались при его жизни многие писатели, ученые и общественные деятели. Научные интересы М. И. Семевского лежали в области новой истории России (XVIII – XIX вв.). Личность Петра I и его сына Алексея, деятельность Тайной канцелярии, Петр III и события 1762 г.; Павел I и заговор 11 марта 1801 г., мятеж 14 декабря 1825 г. – это темы, привлекавшие его как исследователя и коллекционера, многие из которых были запретными в те годы. С 1858 г. он опубликовал ряд крупных работ об эпохе Петра Великого, основанных на новых

фактах, почерпнутых в архивах. Безусловный дар историка-собиранителя, способного интуитивно оценивать значимость материала для науки, желание сделать исторические источники доступными для публики, подтолкнули М. И. Семевского к переписке с А. И. Герценом, которому он 1858 – 1860 гг. неоднократно высылал исторические материалы. В 1862 г. по подозрению в связях с Лондоном арестован, и за отсутствием доказательств был отпущен, но и в 1869 – 1875 гг. находился под строгим негласным надзором полиции.

Наделенный от природы деятельным характером, М. И. Семевский всегда был в центре общественной и научной жизни и пробовал себя на многих поприщах, был членом многих ученых обществ, в частности Императорского географического общества по отделению этнографии, Императорского исторического общества, Санкт-Петербургского педагогического общества, Археографической комиссии и шести региональных подразделений: Нижегородской, Пермской, Рязанской, Саратовской, Тамбовской, Тверской архивных комиссий. В большинстве из них он был работающим членом. Многие годы (1877 – 1892 гг.) он был гласным Санкт-Петербургской Городской Думы, членом училищной комиссии, ведавшей вопросами народного образования столицы, а в 1883 – 1885 гг. товарищем городского головы.

Широкую известность М. И. Семевский получил как редактор-издатель исторического журнала «Русская старина». По мнению его современника историка Н. К. Шильдера, «Русская старина» заставила читающую публику интересоваться историей своего отечества и полюбить свою родную историю, и ни один труд по истории России XVIII – XIX вв. невозможен без ссылки на этот журнал, и назвал редактора журнала «архивариусом русской истории»¹.

В общественное сознание и современников и потомков М. И. Семевский вошел как человек «типичный» по своему мировоззрению и политическим взглядам и для своего времени и для своего сословия. Он относился к числу лиц, которые являются «потребителями» идей. Их взгляды – плод вполне самостоятельной переработки бытующих в обществе представлений, но они не оригинальны, и не изобилуют новациями. Их деятельность, как правило, направлена на распространение и упрочение общепринятого, они не отстают, но и

¹ Шильдер Н. К. Предисловие // Тимоцук В. В. Михаил Иванович Семевский – основатель исторического журнала «Русская старина». СПб., 1895. С. II – III.

не опережают свое время. Как человек действия М. И. Семевский – идеальный объект для выявления тех способов, характерных для каждого социума, прибегая к которым индивид в заданных и полностью контролируемых им обстоятельствах «творит свою историю».

Реконструкция биографии М. И. Семевского дает возможность на уровне микроистории обратиться к изучению некоторых актуальных проблем истории России второй половины XIX в.:

– Проследить, как глобальные идеи проникали в сознание «рядовой» (с определенными оговорками) личности, становились жизненной позицией, и передавались посредством журналистской и издательской деятельности в другие социальные и возрастные страты. Вторая половина XIX в. – это период политической борьбы старых политических течений, в основном представленных дворянской фрондой, и новых, формирующихся в связи с вступлением в общественную жизнь разночинных слоев общества. Становление мировоззрения М. И. Семевского проходило в водовороте различных политических течений. Проблемы политической ориентации, альтернативного выбора, взаимовлияния и переплетения идеологических установок различных общественных групп, их синтез в мировоззрении современников являются актуальными в условиях формирования современного демократического общества, тем важнее исторический опыт прошлого.

– Обратиться к изучению некоторых сложных процессов формирования самосознания русского общества, значительное влияние на которое оказывала пресса, в частности и специальные исторические журналы. Одним из таких журналов во второй половине XIX в. была «Русская старина». Механизм формирования активной жизненной позиции через средства массовой коммуникации является одной из актуальных проблем современного общества, что делает особенно важным изучение аналогичного исторического опыта.

– Определить уровень и характер исторических знаний, бытовавших среди людей с различным образовательным потенциалом, как формы самосознания и самопознания народа. Изучение отечественной истории на разных срезах образовательной системы, вплоть до народной школы (через систему внеклассного чтения), строго контролировалось правительством, которое видело в истории как учебном предмете, и не без оснований, форму идеологического воздействия на молодое поколение. Учебный предмет «история» превратился в объект политической борьбы. Как и какие новейшие достижения исторической науки переходили в общедоступные знания возможно

выявить в результате изучения педагогической деятельности М. И. Семевского, которую он успешно сочетал с карьерой офицера и чиновника.

– Проследить направления исканий русской интеллигенции в области просвещения как составляющей более широкого процесса, протекающего в русском обществе – формирования гражданского общества. Реформы второй половины XIX в., особенно крестьянская, породили одну из важнейших проблем общественной жизни – формирование нового поколения русских людей, способных воспользоваться всей полнотой преимуществ демократических реформ. В отечественной историографии проблема просветительства как формы выражения этого процесса была отвергнута или сведена к изучению роли революционно-демократических сил в революционной пропаганде через просветительские организации. Возросшее внимание в настоящее время к проблеме русского либерализма делает актуальным изучение общественных и культурологических течений с точки зрения идей просветительства. Личность М. И. Семевского, чья жизнь и деятельность в значительной степени была связана с культурологической сферой, дает возможность изучить эти проблемы, как на уровне индивида, так и общественных начинаний.

– Проследить черты поколения 1860-х гг. Глобальные процессы в обществе, как правило, оказывают решающее воздействие на судьбы целых поколений, предопределяя стереотип внешнего и внутреннего поведения. Мотивация выбора и общественного поведения М. И. Семевского дает возможность понять побудительные начала действий поколения шестидесятников, которое дало большой отряд людей, готовых по зову сердца отдать свои силы общественному служению.

– Позволяет конкретизировать одну из важных проблем современной отечественной историографии – изучение российской либеральной бюрократии. Эта проблема относительно полно представлена исследованиями о представителях высших эшелонов власти, но представители средних и низших слоев русского либерального чиновничества пока мало изучены.

– Проследить процесс дифференциации гуманитарных наук, в том числе формирования вспомогательных исторических дисциплин. М. И. Семевский сложился как историк в процессе самообразования, его взгляды и представления наглядно отражают процесс поиска и зарождения новаций, которыми изобиловали гуманитарные науки во второй половине XIX в.

– Проследить принципы и подходы формирования частных коллекций как устойчивую тенденцию в российском обществе второй половины XIX в. к сохранению исторической памяти.

Историография¹. Первой крупной работой о М. И. Семевском был очерк В. В. Тимошук, сотрудницы журнала «Русская старина», начавшей свою научную деятельность с переводов иностранных источников (с немецкого, английского, французского языков) и написания статей по материалам, предоставленным редакцией, под надзором М. И. Семевского². Можно утверждать, что он сам воспитал своего первого биографа. Но В. В. Тимошук, несмотря на обилие фактического материала, не смогла написать полноценной биографии и не вышла за рамки расширенного послужного списка. В нем обращено внимание читателей лишь на те факты жизни и деятельности М. И. Семевского, память о которых желала сохранить, прежде всего, его вдова – Е. М. Семевская, по заказу которой и была написана книга. То, что считали необходимым скрыть или о чем вежливо умолчать, в очерке пропущено. На тот факт, что издание грешит существенными пробелами, обратил внимание В. И. Порох³. Однако не следует забывать, что В. В. Тимошук писала свою работу, что называется по «горячим следам» (вышла в свет через три года после смерти М. И. Семевского), так что к ней справедливо отношение и как к жанру некролога, который в силу своей специфики содержит только положительные факты биографии. Среди некрологов о М. И. Семевском и статей по случаю 25-летия издания «Русской старины» (мало чем отличавшихся по содержанию от некрологов), наиболее обстоятельными были статьи Г. К. Градовского, Ф. В. Духовникова, Н. К. Шильдера, Вл. Михневича⁴. Но следует заметить, что все они

¹ На страницах многочисленных трудов по истории России второй половины XIX в. рассыпано множество ценных замечаний и дополнений к биографии М. И. Семевского и оценке его деятельности. Его имя часто упоминается в исследованиях по самым разнообразным проблемам, будь то политическая история, история педагогики, архивное дело, книговедение, краеведение, поэтому историографический обзор целесообразно перенести в соответствующие главы. Такое изложение возможно принять и потому, что впервые и с достаточной полнотой обзор литературы о М. И. Семевском уже был представлен в монографии В. И. Пороха, что избавляет от необходимости повторения последовательно-хронологического изложения историографии.

² **Тимошук В. В.** Михаил Иванович Семевский...

³ **Порох В. И.** М. И. Семевский в общественной жизни России в 60-е – начало 90-х гг. XIX в.: дисс. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1999. С. 8.

⁴ **Михневич Вл.** Михаил Иванович Семевский // Новости. 1892. № 74. С. 3.

исходили из лагеря сторонников, сотрудников журнала и касались в основном заслуг в редакционно-издательской деятельности. Только Д. Д. Семенов выступил с небольшой статьей о М. И. Семевском – педагоге¹.

Из всех статей этого времени в плане постановки проблемы изучения жизни и творчества М. И. Семевского заслуживает внимания, по нашему мнению, статья Г. К. Градовского «Суд потомства». Автор перечислил тех, кто мог приветствовать редактора в день 25-летнего юбилея издания. Это: «1 – бывшие товарищи по воспитанию, много раз приветствовавшие его на городских товарищеских обедах, 2 – бывшие сослуживцы по государственной канцелярии, 3 – гласные думы, 4 – представители псковского земства, 5 – историки и педагоги, 6 – представители литературы, артисты, художники и представители тех многочисленных обществ и учреждений, членом которых состоял М. И. Семевский»². М. И. Семевский был натурой разносторонней, пытался реализовать себя на разных поприщах, и как шутили современники, не было, казалось, такого общества, членом которого он бы не состоял. Поэтому, решая задачу написания научной биографии, исследователь невольно сталкивался с необходимостью изучать огромный комплекс материалов по самым разнообразным вопросам, что с неизбежностью приводило к разумному ограничению круга исследуемых проблем. В результате большинство работ биографического характера о М. И. Семевском восходит, как правило, к работе В. В. Тимошук и не выходит за рамки фактографического корпуса материалов, введенных ею в научный оборот³.

Только труды Н. Я. Эйдельмана существенно раздвинули рамки, очерченные В. В. Тимошук. Следует обратить внимание, на тот факт, что не только первая монография «Тайные корреспонденты «Полярной звезды», перевернувшая устоявшиеся представления о политических убеждениях М. И. Семевского, содержала новые сведения, но и

¹ **Семенов Д. Д.** М. И. Семевский как педагог. (Посвящается памяти М. И. Семевского) // Вестник воспитания. 1892. № 4. С. 121 – 128.

² **Градовский Гр.** Суд потомства. Памяти М. И. Семевского // Новости и биржевая газета. 1895. 10 марта. С. 2. Перепечатано в: **Тимошук В. В.** Михаил Иванович Семевский... Приложение. С. 69 – 72.

³ Михаил Иванович Семевский // Семевский М. И. Прогулка в Тригорское / с 19 рисунками и 74 силуэтами работы А. Г. Строило. Псков, 1999. С. 141 – 142; Невельская старина: сб. мат. по истории Невеля XVI – нач. XX в. в СПб., 1993. С. 158; **Балуев Б. П.** Искренний и правдивый друг народа: Василий Иванович Семевский // Историки России: XVIII – начало XX в. М., 1996. С. 449 – 451.

в последующих работах автор уточнял и дополнял биографию новыми фактами¹. Результаты его изысканий вошли в комментарии к факсимильному изданию «Полярной звезды» А. И. Герцена². Следующим важным шагом в этом направлении стали работы В. И. Пороха. В отдельных статьях нашли отражение характеристика «московского» периода жизни (1855 г.), анализ юношеской переписки с отцом и Г. Е. Благодетелевым, история о тайном полицейском надзоре, эпизоды общественной деятельности³. В монографии, вышедшей в свет в 1999 г., автор сосредоточил свое внимание в основном на редакционно-издательской деятельности и проблемах взаимоотношений редактора с цензурным ведомством, анализе корпуса исторических материалов, представленных на страницах «Русской старины»⁴. Работы В. И. Пороха содержат ряд ценных наблюдений и принципиально новых положений. Особо следует отметить вывод о том, что усилия М. И. Семевского, направленные на публикацию источников (в частности мемуаров, инициатором написания которых часто выступал сам редактор), способствовали расширению временных рамок его научных интересов, связанных первоначально в основном с XVIII в. «Русская старина» раздвинула границы публикаций исторических материалов, разрешенных цензурой. На страницах журнала была представлена история декабризма, общественного движения 40 – 50-х гг. XIX в., а так же (в несколько завуалированной форме) сделана попытка ознакомить читателей с биографией и издательской деятельностью А. И. Герцена. «Это была победа, – констатировал ав-

¹ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды» М., 1966; Он же. Герцен против самодержавия. Секретная политика России XVIII – XIX веков и Вольная печать. М., 1973. (В частности, об авторстве «Письма Румянцева Титову» – С. 77 – 80; о сборнике «Бунт военных поселян в 1831 г. Рассказы и воспоминания очевидцев» (СПб., 1870) С. 204 – 205); Он же. Из потаенной истории России XVIII – XIX века. М., 1993. С. 426 – 427.

² Полярная звезда. Журнал А. И. Герцена и Н. П. Огарева. В 8 кн. Лондон – Женева. Факс. изд. М., 1968. Кн. 9: Комментарии и указатели.

³ Порох И. В., Порох В. И. Семевский в Москве (октябрь 1955 – июль 1856) // Россия в XIX – XX вв.: сб. ст. к 70-летию со дня рождения Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998 С. 147 – 158; Порох В. И. М. И. Семевский под полицейским надзором // Освободительное движение в России. Саратов, 1999. Вып. 17. С. 18 – 49; Он же. М. И. Семевский в общественной жизни России в 70-е – начале 90-х годов XIX века // Страницы Российской истории: межвуз. сб. к 60-летию со дня рождения профессора Г. А. Типкина. М., 2001. С. 243 – 267;

⁴ Порох В. И. Офицер, историк, издатель. Все о М. И. Семевском. Саратов, 1999.

тор, – прогрессивной тенденции в историографии и источниковедении»¹. Не менее важным является наблюдение, что «в борьбе с цензурой редактор всегда отстаивал цельность исторического документа, принадлежавшего минувшей эпохе, но готов был поступиться страницами в собственных статьях или в произведениях современников»². Преодолевая цензурные препятствия, М. И. Семевский проявлял, по мнению В. И. Пороха, завидное терпение и дипломатические способности. За период издания «Русской старины» под его редакторством в 96 книгах делались вырезки, 29 раз на издание накладывался арест в типографии. Но, несмотря на все усилия, редактор не всегда выходил победителем в борьбе с цензурой. Эти данные позволяют снять обвинение в недобросовестности, ранее выдвинутое Н. Г. Симиной, которая отмечала, что многие последующие издатели опубликованных в «Русской старине» источников обвиняли М. И. Семевского в небрежности и намеренном искажении смысла рукописей³.

Деятельность М. И. Семевского как издателя в борьбе за свободу слова, влияние на читателя через выбор тем в репертуаре журнала – стали предметом исследования в докторской диссертации В. И. Пороха, в которую вошли и положения, содержащиеся в его монографическом исследовании⁴. Эта проблема в развернутой форме была поставлена и во многом решена исследователем. Впервые она была обозначена неизвестным автором в справке о репертуаре и объеме издания за подписью «Н. Л.» (видимо, псевдоним Н. О. Лернера, сотрудничавшего в журнале с 1907 по 1916 гг.), помещенной на страницах «Энциклопедического словаря» Ф. Л. Брокгауза и И. А. Ефрона, которая содержала только одно оценочное положение: «События ближайшие к нам, уроки и ошибки недавнего прошлого С<емевский> считал, притом особенно назидательными для будущего», и поэтому помещал на страницах журнала материалы самого недавнего прошлого⁵.

В изучении «Русской старины» как периодического издания в отечественной истории сложились определенные устоявшиеся подходы, суть которых сводилась к констатации факта публикации на

¹ Порох В. И. Офицер... С. 145.

² Порох В. И. Офицер... С. 145.

³ Симина Н. Г. Исторические документы на страницах «Русской старины» в 70 – 80-х гг. XIX в. // Исследования по отечественному источниковедению: сб. ст., посвященных 75-летию проф. С. Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 202.

⁴ Порох В. И. М. И. Семевский в общественной жизни...: дисс. ... д. ист. н.

⁵ Брокгауз Ф. Л., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1899. Т. 27. С. 321

страницах журнала в основном мемуарных источников, и в частности по вопросам общественного движения и общественного быта¹. Отдавая должное объему опубликованного материала, на что обратил внимание еще Н. К. Шильдер, исследователи XX в. сосредоточили свое внимание на истории публикаций деятелей революционно-демократического направления. Таковы статьи Н. Г. Симиной и С. А. Селивановой². Отчасти это замечание относится и к монографии В. И. Пороха. Подобную односторонность первыми пытались преодолеть авторы публикации «Русская старина. Путеводитель по XVIII в.», своеобразной документальной антологии, как определил жанр издания автор послесловия С. Н. Искюль³. В книге представлены материалы о «галантном веке» некогда увидевшие свет на страницах журнала «Русская старина» за весь период его существования с 1870 по 1918 гг.

Все исследователи, обращавшиеся к общей характеристике журнала, подчеркивали, что в нем были представлены многочисленные источники по истории российской словесности. Но только в 1999 г. вышла в свет статья Е. В. Бронниковой, предметом изучения которой стали пушкинские материалы на страницах «Русской старины». Статья охватывает весь период издания, изобилует фактами о публикации произведений А. С. Пушкина и материалов к его биографии в период редакторства М. И. Семевского. Автор ввела в научный оборот новые материалы по истории пушкинианы, главным образом почерпнутые из фонда П. А. Ефремова (РГАЛИ) и пришла к выводу, что на страницах журнала была опубликована значительная часть рукописного наследия поэта, большой комплекс переписки современников⁴.

Важные концептуальные подходы к источниковедческому изучению «Русской старины» наметил С. С. Дмитриев. Им был очерчен круг проблем по истории русской исторической журналистики, решение которых возможно на основе помещенных в издании редакци-

¹ Очерки истории исторической науки в СССР. В 4 т. М., 1960. Т. 2. С. 612.

² **Симина Н. Г.** Исторические документы...; **Селиванова С. А.** Историк декабристов М. И. Семевский в годы революционной ситуации // Революционная ситуация в России в середине XIX века. Деятели и историки. М., 1986. С. 175 – 185.

³ **Искюль С. Н.** Послесловие // Русская старина. Путеводитель по XVIII в. М.; СПб., 1996. С. 360 – 369.

⁴ **Бронникова Е. В.** Пушкиниана «Русской старины» // А Е за 1999 г. М., 2000. С. 193 – 208.

онных материалов¹. Современное состояние историографии, к сожалению, не позволяет считать исчерпывающим освещение названной проблемы. Статья Ю. И. Штакельберга «Архив «Русской старины» по содержанию значительно уже заявленной темы, и освещает лишь состав материалов, отложившиеся в архиве редакции журнала по истории восстания 1863 г., что сделано с исчерпывающей полнотой². Автор привел краткую справку о первом редакторе, общую характеристику состава архива и истории его поступления на хранение в ИРЛИ. В вопросе об истории архива допущены некоторые неточности, связанные со временем формирования коллекций из материалов некогда принадлежавших М. И. Семевскому в Санкт-Петербургском Институте истории РАН и БАН. Оба комплекса были переданы М. И. Семевским в дар Археографической комиссии еще при жизни, и в состав редакционного архива никогда не входили.

Менее изучен вопрос о месте М. И. Семевского в отечественной историографии не как издателя, но как историка. В историографических обзорах, особенно появившихся в последнее десятилетие, имя его встречается редко или вообще отсутствует, например, в учебном пособии А. Л. Шапиро³. Из более ранних исследователей должное внимание ему уделил только Н. Л. Рубинштейн, в первом советском учебнике по историографии⁴. Автор определил жанр сочинений М. И. Семевского как историческую повесть, скользящую на грани между историей и романом, подчеркнув, что все произведения «проникнуты известной оппозиционностью, но чужды всякого научного анализа, научной исторической оценки эпохи». Оппозиционность

¹ Дмитриев С. С. Источниковедение русской исторической журналистики: (постановка темы и проблематика) // Источниковедение отечественной истории: сб. ст. 1975. М., 1976. С. 294.

² Штакельберг Ю. И. Архив «Русской старины» // К столетию героической борьбы «За нашу и вашу свободу»: сб. ст. и мат. о восстании 1863 г. М., 1964. С. 292 – 350.

³ Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. – В. Е. Иллерицкий и И. А. Кудрявцев упомянули журнал «Русскую старину» без указания имени редактора, только как исторический журнал, публиковавший мемуары (Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1971. С. 208).

⁴ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. – А. Л. Шапиро отметил, что он «содержал ценный и хорошо систематизированный материал» (Шапиро А. Л. Русская историография... С. 5).

М. И. Семевского определялась его либеральными тенденциями, его взгляды, по мнению автора, «не лишены народнического налета»¹.

Не вышла за рамки, очерченные историографией 1960-х гг., и В. С. Нечаева. Автор осветила вопрос появления на страницах журнала «Время» двух наиболее крупных работ М. И. Семевского «Царица Прасковья» и «Семейство Монсов» и отношение к ним Ф. М. Достоевского. Критика придворной жизни России XVIII в., излишний натурализм в изложении безобразий, творимых «птенцами» гнезда Петрова, В. С. Нечаева представила глазами Ф. М. Достоевского, осуждавшего позицию М. И. Семевского. Своего мнения о М. И. Семевском как исследователе не высказала, ограничившись объяснением возможности появления этих сочинений на страницах журнала славянофильской направленностью и самих сочинений и издания².

В период 1990-х гг., когда особенно остро ощущался недостаток исторических научных трудов, доступных массовому читателю, многие произведения М. И. Семевского были переизданы. Но лишь немногие содержали пояснительные статьи. Среди них следует отметить статью О. А. Яновского. Помещенная как предисловие к переизданию сочинений М. И. Семевского, она не содержит анализа его творчества, ее задача служить путеводителем по страницам книги, своеобразным пособием для людей неискушенных в русской истории XVIII в. Автор отнесся к представляемым трудам с явной симпатией, и подчеркнул тот факт, что М. И. Семевский был «непревзойденным популяризатором исторических знаний вообще», его «творческое наследие неповторимо, самобытно, рассчитано на широкие круги читателей, так и на специалистов»³. Задачу критического разбора творчества М. И. Семевского как историка не ставил ни один исследователь. В частности Е. В. Анисимов, используя факты, извлеченные из сочинений М. И. Семевского, не останавливается на вопросе о его месте в исторической науке⁴. Тем не менее, традиционная оценка деятельности М. И. Семевского исключительно как популяризатора и публикатора не является единодушной. Обращаясь к отдельным сюжетам и вопросам, разработанным М. И. Семевским, исследователи

¹ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. С. 366, 421.

² Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время»: 1861 – 1863. М., 1972. С. 201.

³ Яновский О. А. Прежде чем читать эту книгу... // Семевский М. И. Тайная служба Петра I. Документальные повести. М., 1996. С. 6 – 9.

⁴ Анисимов Е. В. Дыба и кнут. – Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999; Он же. Елизавета Петровна. М., 2002.

нередко делают замечания о его таланте историка и сложившейся научной позиции. Так А. Г. Тартаковский обратил внимание, что в отечественной историографии мемуаристики заслуживают внимания и до сих пор сохраняют свое научное значение рецензии на мемуарные издания второй половины XIX – начала XX в. некоторых крупных историков, среди которых названо имя М. И. Семевского¹. В. В. Фарсобин отметил, что М. И. Семевский, опираясь на современные в его время знания дипломатики, обратил внимание на форму и дал характеристику «формулярного списка» полицейского допроса в делопроизводстве начала XVIII в.². Вопрос о месте М. И. Семевского как исследователя в отечественной исторической науке нельзя считать до конца решенным.

В заключение следует обратить внимание на ряд высказываний о М. И. Семевском, сделанных в предисловиях к публикациям источников из его архива, как правило, содержащих оценочные характеристики его деятельности. Все они напрямую увязаны с этапами изучения биографии М. И. Семевского. Так в 1930-е гг. почти в одно время появились три характеристики: С. Я. Штрайха, Б. П. Козьмина и И. М. Троцкого, которые несут на себе следы идеологических штампов периода приоритета в отечественной историографии сословно-классовых оценок. М. И. Семевский предстает как преуспевающий чиновник-буржуа, упрочивающий свое материальное положение и в результате брака по расчету с Е. М. Протопоповой, владелицей доходного дома в Петербурге (С. Я. Штрайх)³; и как поверхностный либерал, труд которого подверг справедливой резкой критике Н. А. Добролюбов (Б. П. Козьмин)⁴; и, наконец, как «великий ловец исторических материалов», «знаменитая фигура петербургского либерально-бюрократического круга» (И. М. Троцкий)⁵. Более сдержанной была оценка Б. П. Козьмина, но и на него классовый подход оказал влияние. Ранее в 1925 г. в предисловии к публикации писем о караковском процессе, он писал с большой симпатией о М. И. Семевском, отметив, что «автор принадлежал к числу тех либе-

¹ Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991. С. 8.

² Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод. М., 1983. С. 110.

³ Штрайх С. Я. Сестры Корвин-Круковские. М., 1933. С. 18 – 19.

⁴ Козьмин Б. П. Мемуары Е. Н. Водовозовой // Водовозова Е. Н. На заре жизни и другие воспоминания. М.; Л., 1934. С. 21.

⁵ Запись беседы Салтыкова с М. И. Семевским / сообщ. И. М. Троцкого // ЛН. Т. 13 – 14. М., 1934. С. 519 – 520.

рально настроенных интеллигентов, которые проявили значительный интерес к небывалому в летописях русского суда политическому процессу, каким был процесс кучки революционеров, обвинявшихся в покушении...»¹. Кстати, Б. П. Козьмин в этой публикации сделал предположение, что письма были корреспонденциями, предназначенными для какого-нибудь заграничного издания, но сам же и отверг его только потому, что по обмолвкам в тексте можно было узнать автора и это, по его мнению, делало невозможным публикацию. Как умеренного либерала, противника революции характеризовал М. И. Семевского и М. К. Азадовский в 1940 – 1950-е гг. При этом он отметил, что тот «тем не менее, внес очень крупный вклад в изучение истории русского революционного движения как ревностный собиратель и первый публикатор в легальной печати материалов о декабристах»². Упреки в недостаточной революционности были прерваны изысканиями Н. Я. Эйдельмана. Последующие исследователи обычно ограничивались расплывчатой формулировкой – «прогрессивный общественный деятель», либо указывали, что он корреспондент А. И. Герцена и безоговорочно причисляли к революционно-демократическому лагерю. Это относится к работам популяризаторов и краеведов³. Но те, кто изучал взгляды М. И. Семевского на события 1870 – 1880 гг. по материалам его личного архива, не спешили переместить его в ряды революционно настроенной интеллигенции и придерживались оценки, высказанной в 1925 г. Б. П. Козьминым. Так, например, Н. А. Троицкий использовал наброски к мемуарам М. И. Семевского для характеристики взглядов либеральной интеллигенции, осудившей действия народовольцев⁴. П. А. Зайончковский опираясь на те же источники, характеризовал действия правительства в начале 1880-х гг. и относил эти характеристики к мнению лагеря

¹ **Козьмин Б. П.** Современник о Каракозовском процессе: (письма М. И. Семевского) // Былое. 1925. № 6 (34). С. 38.

² Воспоминания Бестужевых / рец., статья и коммент. М. К. Азадовского. М.: Л., 1951. С. 875.

³ **Врубель И.** Боярин «Русской старины» // Родина. 1989. № 9. С. 54 – 56; **Петров С.** Не забудь их Россия. Исторические очерки. Великие Луки, 1997. С. 57; Он же. Он был поэтом истории // Нева. 1999. № 11. С. 216 – 219.

⁴ **Троицкий Н. А.** «Народная воля» перед царским судом. 1880 – 1894. 2-е изд. Саратов, 1983. С. 169. – В монографии «Царские суды против революционной России» отмечал, что, далеко не все, даже передовые ученые сочувствовали в 70 – 80-е гг. революционерам или хотя бы понимали их..., при этом ссылаясь на мнение М. И. Семевского (Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871 – 1880 гг. Саратов, 1976. С. 285).

либералов¹. Кстати и Н. Я. Эйдельман различал политические пристрастия М. И. Семевского в юности и в зрелые годы².

В восприятии личности М. И. Семевского сложился определенный стереотип. Редакционная деятельность всегда была самодовлеющим фактом его биографии. Несомненно, что М. И. Семевский не может быть понят без своего детища – «Русской старины», это кульминационный момент его жизни, но он не может быть понят и без многочисленных общественных дел и личных увлечений, которые оказались вне поля зрения исследователей его биографии. Таким образом, для оценки творчества и деятельности М. И. Семевского необходимы дополнительные изыскания, поиск нового корпуса источников, и переосмысление того, что уже введено в научный оборот, и пересмотр в отдельных случаях устоявшихся оценок.

Источники. Корпус источников по теме исследования достаточно традиционен. Прежде всего, это сочинения самого М. И. Семевского. Библиография его работ, состоящих из монографий, переводов, путевых заметок, рецензий, изданий, в которых он выступил в качестве редактора или издателя, помещена в приложении к монографии В. В. Тимошук. В перечне отмечено 120 самостоятельных сочинений и 28 изданий редакции «Русской старины» (три из них переиздания его монографий)³. Он восходит к спискам, составленным самим М. И. Семевским, причем в нескольких вариантах⁴. Кроме того, нами выявлен в фонде ГМПир конволют, состоящий из собранных самим М. И. Семевским оттисков и вырезок из газет своих статей и переплетенных в отдельные тома по годам под общим названием «Полное собрание сочинений М. И. Семевского»⁵. Однако этим библиография его трудов не исчерпывается. М. И. Семевский был не только издателем, редактором, литератором (при этом он выступал в самых различных жанрах как писатель, историк, литературный критик), библиографом, но и автором ряда публицистических статей по

¹ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 – 1880 гг. М., 1964. С. 37.

² «Взгляды его [М. И. Семевского – О. К.], – писал Н. Я. Эйдельман, – выглядят довольно умеренными [к 1870 – 1880 гг. – О. К.], хотя в своей «Русской старине», постоянно сражаясь с цензурой, он стремился напечатать статьи и документы о декабристах, петрашевцах, даже Герцене и Огареве». (Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты... С. 140).

³ Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... Приложение. С. 73 – 82.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 638 – 669; Ф. 265, оп. 1, д. 34.

⁵ ГМПир. Ф. 14, ед. хр. 1772 – 1779.

современным общественно-политическим вопросам, помещенных на страницах газет «Голос» и «Санкт-Петербургские ведомости». В своих произведениях он помещал разного рода сентенции, касающиеся впечатлений от встреч, прочитанных книг, мест пребывания, часто напрямую не связанные с содержанием текста. То, что современники считали проявлением дурного вкуса, для современного исследователя является ценным материалом. С началом издания «Русской старины» он полностью переключился на ее издание. На страницах журнала представлены его оригинальные сочинения, редакционные обзоры, некрологи, комментарии к материалам и иллюстрациям, иногда весьма обширные, информационные справки о юбилеях и чествованиях, об обедах в честь 19 февраля 1861 г., открытия музеев и памятников или об объявлении подписки на их сооружение, ответы на письма читателей и т. д. В ходе исследования впервые была предпринята попытка выявления и анализа всего комплекса авторского текста М. И. Семевского за все 22 года его редакторской деятельности. Наиболее крупными произведениями были некрологи деятелям культуры, государственным чиновникам, людям, которых он лично знал и уважал. Они являются важным источником не только политических и нравственных воззрений, но и содержат многочисленные факты биографического свойства об авторе-составителе (место, время знакомства, содержание бесед, личные оценки и отношение). На страницах «Русской старины» увидели свет такие сочинения как «Путешествие по России в 1890 г.», печатание которых автор-издатель прервал, и публикация была завершена только в 1892 г. после его смерти¹. Кроме того, М. И. Семевский переиздал некоторые свои ранние исторические сочинения, неоднократно он выступал по педагогическим вопросам, представлял проекты памятников и благотворительных мероприятий, печатал свои речи в Городской Думе, включал сведения о книгах из своей библиотеки, рассказы о своей семье, в частности о братьях Александре, Петре, Василии.

Наиболее важной информационной частью авторского текста являются редакционные примечания. Для удобства анализа они были систематизированы в соответствии со смысловыми единицами, на которые внутренне разделялся текст примечаний. В приведенных фрагментах текстов выделены ключевые слова и фразы, позволившие объединить фрагменты группы. Выполненная системная выборка об-

¹ **Семевский М. И.** Поездка М. И. Семевского по России в 1890 г. // РС. 1890. Т. 48. С. 713 – 788; 1893. Т. 76. С. 514 – 547.

ладает всеми признаками репрезентативности поскольку: а) обработаны материалы за все годы редакторства М. И. Семевского; б) рассмотрены все виды комментариев и примечаний (включая подстрочные). Традиционные методы исследования – сопоставление и выборочное использование информации в сочетании с приемом структурирования текстов примечаний, дает возможность составить целостное представление о научных подходах к изданию документов и о взглядах М. И. Семевского, а также дидактической, информационной и просветительской направленности редакционных текстов.

Плодотворным направлением в изучении «Русской старины» является параллельное изучение репертуара издания, материалов редакционного архива и экземпляров журнала из личной библиотеки редактора с примечаниями, указанием цензурных изменений, пометами, следами редакторской правки при подготовке переизданий отдельных томов.

Одним из наиболее распространенных направлений изучения «Русской старины» в отечественной историографии являлся анализ публикации источников. Несмотря на то, что в этом направлении уже предпринято несколько исследований, тема далеко не исчерпана, даже по такому вопросу как декабристы и революционно-демократическое движение¹. Почти не востребованным остался материал, помещенный на страницах «Русской старины» по вопросам истории русской литературы, архитектуры, музыки, педагогики, музейному строительству, библиографии. Не раскрыты все возможности и по проблеме истории русской журналистики, направление исследования, которое отмечал как перспективное еще С. С. Дмитриев².

В рамках данного исследования впервые поставлен вопрос об изучении «Русской старины» через призму понятия «эго-документ». М. И. Семевский оставил о себе немало документальных свидетельств, но они находятся в потаенном состоянии: в виде мелких вкраплений (иногда два – три слова) примечаний к статьям, редакторских ремарок, помет на книгах и пр. Значительная часть из них приведена в нашем исследовании. Многочисленные цитаты усложнили изложение материала, но позволили избежать бездоказательности.

М. И. Семевский известный собиратель, коллекционер, однако его коллекции, в их целостном восприятии, в том числе и его библиотека

¹ Симина Н. Г. Исторические документы...; Порох В. И. Офицер...

² Дмитриев С. С. Источниковедение русской исторической журналистики: (постановка темы и проблематика) // Источниковедение отечественной истории: сб. ст. 1975. М., 1976. С. 285.

никогда не становились объектом источниковедческого анализа. Изучение собрания М. И. Семевского позволяет расширить представления о его политических, научных, художественных, общекультурных интересах. Плодотворность анализа личных библиотек, по мнению П. Н. Беркова, состоит в том, что «эти данные, а в особенности непосредственное знакомство с экземплярами книг из библиотеки того или иного писателя, почти всегда вносит в наши представления о нем и о его творчестве много нового и подчас неожиданного, интересного не только исследователю, но и широкому кругу читателей. Благодаря этому выясняется не только круг проблем, привлечших внимание автора, его отношение к читаемому материалу, проявляющееся в форме помет, надписей на полях (маргиналий), отчеркиваний, подчеркиваний, бумажных закладок, вкладок разного рода, например, газетных вырезок, соответствующих выписок из произведений других писателей, записей на переплете или обложке и пр.»¹. Вместе с тем такой метод, как отметил А. С. Мыльников, впервые поставивший вопрос о книге как историческом источнике, особенно плодотворен в исследованиях по истории общественной мысли, идеологии, культуре². Книга как специфический исторический источник, по его мнению, должна изучаться в трех направлениях: отдельный экземпляр, книжное собрание, репертуар книг определенной эпохи. При изучении книжного собрания М. И. Семевского важны все три направления. На уровне изучения отдельного экземпляра возможно представить: а) его отношение к содержанию текста (по пометам); б) требования к внешнему виду книги (по владельческим переплетам); в) представления о библиофильских правилах (новые переплеты, обрезка экземпляров и т. п.). На уровне книжного собрания – изучать взгляды и вкусы, приоритет идей, научные интересы, изменения в мировоззрении; осмыслить направления собирательской деятельности владельца библиотеки с историко-культурной точки зрения. Здесь на первый план изучения выступают такие проблемы как история собрания (было ли оно полностью или частично собрано владельцем, унаследовано или приобретено от другого лица), его тематическое содержание и соотношение книг по отдельным отраслям знания, характер его организации (наличие каталогов, картотек, совместного хранения книг и вырезок из периодической

¹ Берков П. Н. Личные библиотеки трех русских писателей (Ломоносова, Пушкина, М. Горького) // Книга. Исследования и материалы. Т. 8. М., 1963. С. 351.

² Мыльников А. С. Книга как объект источниковедения // Источниковедение отечественной истории: сб. ст. 1975. М., 1976. С. 74.

печати, способов систематизации); использование (связь состава личной библиотеки с литературой, цитируемой владельцем в своих авторских трудах). Для изучения круга знакомых имеет значение анализ дарственных надписей на находящихся в библиотеке книгах. И, наконец, деятельность М. И. Семевского по изданию журнала, основным направлением которого была публикация источников мемуарного характера, позволяет ставить вопрос о его влиянии на формирование вкусов и интересов массового читателя, до того времени не получавшего возможность столь широко знакомиться с подобными сочинениями.

Основным массивом книг из библиотеки М. И. Семевского, подвергнутых поэкземпляроному изучению, была та часть, которая волею судьбы оказалась в составе книжного собрания ГМПИР. В ходе обследования собрания библиотеки ГМПИР выявлено по экслибрисам и пометам более 400 книг, принадлежавших М. И. Семевскому, в результате чего они были выделены в отдельную коллекцию из состава библиотеки музея и определены на хранение в фонд редкой книги. Итогом этой работы стал каталог¹. Включение библиотеки М. И. Семевского в число исторических источников исследования позволяет в определенной мере преодолеть то парадоксальное положение, о котором писал А. С. Мыльников, когда результаты историко-книговедческих изучений не выходят за историко-книговедческую среду, почти не используются в исторических исследованиях².

Важным источником для изучения темы является эпистолярное наследие М. И. Семевского. Количество писем, написанное им, исчисляется тысячами и не поддается точному статистическому учету, поскольку его письма хранятся во многих архивах страны, далеко не все выявлены и учтены в путеводителях по архивохранилищам. Только по материалам рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинского Дома) можно составить представление о масштабах переписки, которую он вел: список корреспондентов составляет не менее 400 имен. Такой объем корреспонденции был связан прежде всего с родом занятий – редакторской деятельностью, участием во многочисленных обществах, в частности, в Археографической комиссии (состоял членом 8 региональных комиссий) и общительным, активным характером, привычкой отвечать лично на обращения в редакцию. В эпистолярном наследии М. И. Семевского можно выделить несколько комплек-

¹ «В этих книгах вся моя скромная трудовая жизнь...» Каталог книг библиотеки М. И. Семевского из собрания государственного учреждения культуры «Государственный музей политической истории России». СПб., 2002.

² Мыльников А. С. Книга как объект... С. 59.

сов: деловую переписку, семейную, дружескую и интеллектуальную. Эти группы существенно отличаются по информативности и имеют разные потенциальные возможности для характеристики автора. Деловая переписка М. И. Семевского содержит главным образом информацию о его профессиональной деятельности, по ней возможно уточнить многие факты биографии.

Семейная переписка представлена письмами М. И. Семевского отцу и матери, братьям и сестре (в значительно меньшей степени), жене и дочери Анастасии, и первому учителю О. И. Малевичу. В этой переписке содержится немало сведений именно о себе, о своей жизни, бытовой информации, внешних событий. Мир внутренних переживаний практически отсутствует. М. И. Семевский делал попытку «раскрыть душу» своему отцу, но натолкнулся на непонимание, осуждение и запрет посещать дома некоторых знакомых и перешел на форму подробных отчетов о внешних событиях своей жизни (по типу отчетов во времена обучения в кадетском корпусе). В отношении О. И. Малевича – он также применял прием «избирательности» информации, сообщая лишь то, что могло быть интересно престарелому учителю, не выходил за рамки мещанской добропорядочности. Поэтому не следует переоценивать возможности этой группы писем как источника, что делал В. И. Порох¹, из-за сдержанности самовыражения, но они несут в себе только важную информацию о хронологической канве жизни автора, позволяют уточнить некоторые события и факты биографии. Ценную информацию о личности, взглядах, убеждениях, эмоциональном состоянии автора содержит дружеская переписка. Среди корреспондентов М. И. Семевского следует назвать Г. С. Батенкова, М. А. Бестужева, И. Ф. Горбунова, Л. Н. Модзалевского, К. Д. Ушинского. Особое место занимают письма Г. Е. Благодетелю. Именно их следует выделить в особую группу интеллектуальной переписки. Они сохранились лишь потому, что М. И. Семевский рассматривал свои письма в качестве дневника, мемуаров, философского сочинения, и поскольку они ему были дороги, то особо оговорил их возврат, что и было выполнено². Серьезность содержания, литературно-философская направленность, интерес участника и свидетеля событий, мировоззренческая позиция и взгляды, отраженные в письмах к Г. Е. Благодетелю

¹ Порох В. И. Офицер... С. 30.

² «Люблю вспоминать старое да бывалое, – писал он своему наставнику в марте 1856 г. – Вы скажите: да есть ли у меня это старое и бывалое? А как же Григорий Евлампиевич – я имею уже свое прошедшее...» – ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 91б.

ву, делают их бесценным источником, позволяющим проникнуть в мир души их автора. Но, к сожалению, этот источник охватывает сравнительно небольшой отрезок биографии – «московский период» (1855 – 1856 гг.), адресат, как правило, ограничивался лаконичной информацией, расшифровать которую возможно только при наличии дополнительных данных, что требует сопоставления с другими источниками.

Не менее информативно и эпистолярное наследие адресатов. Будучи человеком активным, М. И. Семевский часто попадал в поле зрения знакомых и малознакомых лиц, которые выказывали свое отношение, комментируя поведение или передавая «анекдоты» о нем. К числу таковых следует отнести письма М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. З. Елисеева, Н. Н. Страхова, А. А. Краевского, Г. Е. Благовосветлова и ряда других лиц.

Важным источником по теме являются и мемуары. Основной корпус воспоминаний о М. И. Семевском указан в сводном труде П. А. Зайончковского¹. Удалось также выявить ряд неопубликованных материалов – В. А. Половцова (период 1860-х гг.)², Г. Н. Геннади (период 1860-х гг.)³, О. В. Синакевич (период 1880-х гг.)⁴, а также вышедшие из печати в последние годы – А. С. Суворина, графа С. Д. Шереметева, князя В. П. Мещерского⁵. Многие черты характера М. И. Семевского делали его человеком неприятным, курьезным, вызывающим, поэтому специфику мемуаров как исторического источника следует в полной мере учитывать при изучении его личности.

Наиболее интересными, и значительными по объему являются материалы личного происхождения. К ним относятся, прежде всего, документы, связанные с его научной деятельностью (выписки, заметки, черновики, пометы на документах) и общественной (конспекты выступлений, статей, черновики протоколов). Высокой степенью информативности обладают дневники (1852 – 1853 гг.), заметки к мемуарам, конспекты учебных лекций, каталоги личной библиотеки. Кроме того, сохранился относительно большой комплекс документов, характеризующий семейные отношения, увлечения, досуг (программы, визитки, записки, открытки и т. п. с пометами членов семьи).

¹ **Зайончковский П. А.** История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннот. указ. кн. и публ. в журн. В 4 т. М., 1978 – 1989. Т. 3 – 4.

² РНБ. Ф. 601, д. 134.

³ РНБ. Ф. 178, д. 10.

⁴ РНБ. Ф. 163, д. 314.

⁵ **Суворин А. С.** Воспоминания. М., 2001; Мемуары графа С. Д., Шереметева. М., 2001; **Князь Мещерский.** Воспоминания. М., 2001.

Многие из этих материалов использованы впервые, эта часть фонда Семевского (ИРЛИ. Ф. 274) до сих пор не привлекала внимания исследователей.

Для характеристики общественной деятельности М. И. Семевского особое значение имеют протоколы общественных организаций, членом которых он был, таких как Петербургское педагогическое общество, Санкт-Петербургская Городская Дума, Археографическая комиссия, Великолукское реальное училище. Впервые комплексно изучены материалы иконографии. Основное количество портретов М. И. Семевского сосредоточено в Литературном музее ИРЛИ и ГМПИР. Выявлен ряд ранее неизвестных портретов, как в архивах, так и опубликованных при жизни М. И. Семевского, но не попавших в поле зрения его биографов.

Основной корпус архивных материалов по теме сосредоточен в рукописном отделе ИРЛИ, где составляет фонды М. И. Семевского (Ф. 274) и «Русской старины» (Ф. 265), а также не менее 30 личных фондов, выделенных из архива журнала. Кроме того, материалы о М. И. Семевском находятся во многих фондах коллекционеров, например, П. Я. Дашкова (Ф. 93), Н. Г. Устрялова (Ф. 14), П. А. Ефремова (Ф. 103), собрании Яковлева (Ф. 357) и др. Значительная часть материалов хранится в отделе рукописей РНБ, где выделен особый фонд М. И. и А. И. Семевских (Ф. 683). Фонд сложился из поступлений разных лет, основой его стали поступления 1927 г. – результат археографической экспедиции сотрудников библиотеки в Псковскую область. Книги из библиотеки М. И. Семевского находятся в новом собрании рукописных книг отдела рукописей (Ф. 905 НСРК), переписка – в личных фондах: С. Г. Батенкова (Ф. 20), В. П. Гаевского (Ф. 252), А. А. Краевского (Ф. 699) и др. Небольшие фонды, история поступления которых связана с коллекциями М. И. Семевского, находятся в БАН (РО, собр. № 21) и архиве СПб института истории РАН (Ф. 120). Экземпляры книг из библиотеки М. И. Семевского хранятся в РНБ, в БАН и через абонемент нередко попадают в руки современным читателям. Небольшая группа материалов о семье Семевских имеется в архиве Великих Лук (ВФ ГАПО. Ф. 39, 55, 58, 79, 129), письма М. И. Семевского к священнику И. С. Беллюстину в архиве Твери (ГАТО. Ф. 103). Фонды музеев: ГМПИР (Ф. 2, 14), Литературного музея ИРЛИ (Ф. 1, 4) привлечены впервые.

Сведения о судьбе собрания М. И. Семевского содержатся в опубликованных каталогах библиотек ряда крупных библиофилов,

например, В. Г. Юдина, Н. П. Смирнова-Сокольского, М. С. Лесмана, а также каталогах букинистической торговли конца XIX – первой четверти XX вв.

Следует указать и на использование в качестве источника многочисленных публикаций материалов из собрания М. И. Семевского, в частности, справочного аппарата к ним. Особо отметим публикации 1920 – 1930 гг., выполненные сотрудниками Пушкинского Дома. В силу чрезвычайной общественной активности М. И. Семевского, источники о его жизни и деятельности отложились в самых неожиданных фондах и архивах страны, поэтому сведения о нем можно найти в монографических исследованиях по различным проблемам, которые также были привлечены для более полного освещения.

Задействован далеко не весь известный комплекс источников биографического письма, который можно отнести к материалам, представляющим личность М. И. Семевского, вместе с тем, избранные нами можно признать репрезентативными, позволяющими с достаточной полнотой раскрыть тему исследования.

Жанр биографии переживает в настоящее время период обновления. Рост его популярности вызван тем, что в последние годы методологические поиски отечественной историографии все более сосредоточивались в направлении микроистории, и в первую очередь в направлении истории индивида. Вопрос о том, каким образом унаследованные культурные традиции, обычаи, представления определяли поведение людей в специфических исторических обстоятельствах и, в конечном счете, влияли на весь ход событий и их последствия, потребовал выхода на уровень анализа самоидентификации личности, личного интереса, индивидуального рационального выбора, инициативы. Персонализация истории дала возможность глубже проникнуть в повседневность жизни, сделать историю более насыщенной фактами, конкретизировать развитие событий, участником которых был человек, глубже проникнуть в проблему альтернативности исторического процесса, оценить влияние случая, и тем самым дать материал для решения одного из важнейших вопросов истории: соотношения субъективных и объективных факторов в развитии общественных процессов. Исследования на уровне индивидуального сознания, индивидуального опыта, индивидуальной деятельности выдвинули проблему проникновения через микроисторию в закономерности макроистории. Соотношение и совместимость микро- и макроанализа наиболее успешно решаются в исследованиях предпринятых в форме биографий.

Кроме того, ряд удачных исследований (К. Гинзбург, Дж. Леви), появившихся в 1970 – 80-е гг., предметом изучения которых стала судьба «маленького» человека, явились доказательством перспективности нового подхода изучения исторических явлений и процессов. Отечественная историография, которая также обратилась к теоретическому осмыслению этого направления, еще не выработала определенных подходов в построении сочинений биографического жанра. Так М. М. Кром, предприняв попытку систематизировать разнообразные приемы в написании биографий, пришел к выводу, что новые подходы принципиально не отличаются от традиционной биографии¹. В то же время в литературе наметилась дискуссия о направлениях обновления приемов биографического исследования и даже появлении «новой биографической» или «персональной истории»².

Все эти обстоятельства побудили нас дать проблемно-историографический очерк по биографике в тех рамках, которые необходимы для конкретизации приемов и методов настоящего исследования.

Проблемно-историографический очерк биографики. Традиционно описание жизни и деятельности человека принято определять термином биография. Термин «биография» в разные эпохи обозначал: а) жанр сочинения (как научного, так и научно-популярного, высокой беллетристики и бульварной литературы), б) метод научного исследования (в истории, литературоведении, педагогике, психологии, социологии, медицине) и сравнительно недавно в) науку – биография или биографика.

Разночтения при употреблении термина «биография», требуют уточнения содержания понятия в рамках данного исследования.

Изучение исторической личности через посредство биографий – традиция, уходящая корнями в древность. Феномен биографии как

¹ Кром М. М. Историческая биография: новая жизнь старого жанра // Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований: сб. мат. научно-практического семинара (Санкт-Петербург, 4 – 5 июня 2002 г.) СПб.: СПбГУ, 2002. С. 182 – 189.

² Репина Л. П. «Персональная история». Биография как средство исторического познания // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 2. М., 1999. С. 76 – 100; Она же. Историческая биография и «новая история» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 5. Спец. выпуск: Историческая биография и персональная история. М., 2001. С. 3 – 12; Она же. Персональная история и интеллектуальная биография // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 8. Спец. выпуск: Персональная история и интеллектуальная биография. М., 2001. С. 3 – 9.

историко-культурная проблема проанализирована в трудах И. Л. Беленького, А. Л. Велевского, Л. П. Репиной, Г. Е. Померанцевой¹, что позволяет не останавливаться подробно на этом вопросе, и сосредоточиться только на проблемах имеющих непосредственное отношение к предмету исследования, в частности, на некоторых дискуссионных проблемах. К таковым относятся: а) является ли биография наукой или искусством; б) соотношение понятий история и биография; в) понятие «чужое Я» в биографии.

При рассмотрении вопроса о сущности биографии как науки важно уяснить, о какой именно науке идет речь. Поскольку рассказ о жизни человека – это, как правило, рассказ о прошлом, то биографию традиционно связывали исключительно с историей.

Истоки возникновения биографии относятся к античности. Как установил С. С. Аверинцев биография развивается из сплетен и первоначально существует в формах близких к анекдоту или современной желтой прессе. Одновременно известен и жанр обычного научного исторического исследования – хронологического изложения этапов жизни и деятельности людей. Традиции современного биографического письма восходят не к названным видам биографии, а к сочинениям Плутарха², поскольку созданный им жанр моралистско-психологических этюдов был востребован христианской литературой в виде агиографии, оказавших сильное влияние на светскую литературу, в том числе, на описания деяний светских героев. «Параллельные жизнеописания» Плутарха были созданы по канонам этических наставлений, их написание преследовало педагогические цели. Это произведение (в момент его создания) имело отношение к истории только в том плане, что Плутарх использовал исторические сочинения как источник информации (вряд ли он не пользовался справками из исторических сочинений для выбора фактографии). Это была именно выборка фактов, организованных сюжетно для рассуждений

¹ **Беленький И. Л.** Проблемы биографического жанра в советской исторической науке. Научно-аналитический обзор. М., 1988; **Велевский А. Л.** Биография как дисциплина гуманитарного цикла // Лица. Биографический альманах. М.: СПб., 1995. С. 32 – 69; **Репина Л. П.** Историческая биография и «новая историческая история»...; **Она же.** Персональная история и интеллектуальная биография...; **Померанцева Г. Е.** Биография в контексте времени. ЖЗЛ. Замыслы и воплощение серии. М., 1987; Историческая биография: Historic biography: сб. обзоров. М., 1990.

² **Аверинцев С. С.** Добрый Плутарх рассказывает о героях, или счастливый брак биографического жанра и моральной философии // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 637 – 654.

на моралистические темы. Поэтому Плутарх отметил, что его биографии – не история.

Нетрудно заметить, что особый интерес к биографиям в обществе проявлялся в эпоху Возрождения, Просветительства, на рубеже XIX – XX вв. Усиление научного интереса к подобного рода исследованиям имеет один импульс, несмотря на все различия эпох и внутренних побудительных причин – интерес к личности. В эпоху Возрождения гуманистический подход к человеку проистекал скорее не из сущего, а из должного. Весь гуманизм был по существу педагогичен, он был одним большим наставлением человечеству, что и привело к востребованности биографии как форме назидательного сочинения. Назидание это усиливалось тем, что опиралось на правду жизни. Именно тогда, в XVI в., был впервые употреблен термин биография Дж. Драйденом в предисловии к переводу «Параллельных жизнеописаний» Плутарха – «Биография или история жизни отдельных людей».

Если в эпоху Возрождения сочинения Плутарха привлекали идеалами гуманизма, то Просветительство востребовало идеалы гражданственности, при этом успехи в развитии естественных и точных наук, стремление к достоверности оказало влияние на биографический жанр. Если биограф средневековья, особенно агиограф, не отличал вымысел от объективного свидетельства, то для историка эпохи Просветительства непременным условием было использование источников, и вместе с тем, критическое отношение к ним, стремление к исторической точности. Именно в XVII – XVIII вв. появилась биография как вид исторического исследования. Такая биография вписывалась в господствующую в те годы философию позитивизма и была востребована Просветительством: перестроить общество на разумных основаниях мог только человек определенных взглядов и качеств, образцы для подражания были представлены в виде жизнеописания выдающихся личностей.

В конце XIX – начале XX вв. позитивизм утрачивает свои позиции. В борьбе философских течений видное место занимает персонализм¹. Биография (и автобиография), как метод и форма осмысления самоценности личности вновь оказалась востребованной философией. Эта связь отчетливо прослеживается и в современных подходах. Так, авторы книги «Персональная история» в создании биографий исходят из философии экзистенциалистов. Главнейшая проблема эк-

¹ Кроме персонализма интерес к личности проявляли сторонники экзистенциализма.

зистенциальных исканий – поиск способов наполнить жизнь смыслом перед лицом предстоящей смерти. Все тот же вечный философский вопрос: «зачем явился человек в мир? В чем его предназначение? Каким он должен быть, чтобы выполнить свою миссию на земле?» При таком подходе к созданию биографий, как отмечают авторы, отпадает необходимость в описании исследовательской техники, «поскольку к «высшим вопросам» она не имеет ни малейшего отношения». «События истории играют роль фактологического каркаса, не более того»; «вытравляется любая номотетичность, ничто общее, массовое не имеет ценности»; «социальное начало пребывает только в виде фона»¹. Исходя из таких посылок, авторы считают, что наиболее полезной формой познания индивидуального является биография, где «раскрывается прежде всего динамика психологического мира индивида». Вывод звучит достаточно определенно: в таких биографиях «психология нечувствительного только переходит в философию и наоборот – а именно это является одним из фундаментальных принципов методологии персональной истории»². Таким образом, биография возникает под влиянием философии, и не утрачивает эту связь и в последующем. Историческая наука в данном случае выступает как вспомогательная дисциплина, представляющая надежный фактографический материал. Связь с этикой предопределяет особый интерес не только к поступкам личности, но и мотивам выбора, ибо нравственный выбор одна из основных проблем морали. При этом биография как жанр морального и дидактического повествования требует яркой литературной формы, в противном случае не будут достигнуты дидактические цели, ради чего она и создается. Все это предопределяет связь биографии с культурой.

В историографии дискуссии, что есть биография – наука или искусство, решение предопределено доминантой культуры и переносится в плоскость культурно-исторической традиции. Так, И. Л. Бельский, автор ряда теоретических работ по теории биографии, появившихся в последние годы, определил биографию как культурно-историческую форму, заключающую в себе единство науки и искусства³. Решение научных проблем через принцип синтеза двух начал – достаточно традиционно. Но автор так и не смог найти адекватную форму результату этого синтеза, за исключением портрета, отметив,

¹ Персональная история. М., 1999. С.4.

² Персональная история... С. 5.

³ **Бельский И. Л.** Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // Диалог со временем. 5. Спец. выпуск. М., 2001. С. 40.

что при этом сохраняется жанровое разнообразие (от научного до художественно-документального). В ходе этих рассуждений, он сделал одно важное наблюдение – указал на связь биографии с философией, сославшись на строки из книги Г. О. Винокура¹, в которых говорится о необходимости «философского отношения» к биографии. Этот аспект в изучении биографии, на который указал Г. О. Винокур в работах еще начала XX в., не нашел в дальнейшем развития в литературе на протяжении XX в. и в настоящее время, за исключением указанного замечания И. Л. Беленького, сделанного в примечании. Вместе с тем, он имеет, по нашему мнению, основополагающее значение для понимания сущности биографии и определения ее в системе наук.

Итак, традиционно биография – это синтез этики (как формы философии), истории, литературы и искусства (цель – содержание – форма). Игнорирование этого внутреннего триединства всегда вызывало протест теоретиков биографии. Но оно изначально содержит в себе противоречия. Во-первых, биография основана на документальных данных и не должна содержать вымысел. Здесь заложено противоречие с искусством, которое предполагает элемент творчества, а творчество сродни фантазии. Во-вторых, биография должна отвечать требованиям морали. Здесь заложено противоречие с историей, поскольку жизнь во всех ее проявлениях не всегда вписывается в нормы морали. В-третьих, выразительность формы предполагает отбор наиболее ярких фактов. Здесь заложено противоречие с историей, поскольку принципы исторического исследования исключают произвольную выборку фактов. Генезис биографии – это постоянная борьба всех начал. Именно это обстоятельство делает, во-первых, неизбежным привлечение междисциплинарных методов исследования как единственно возможного пути создания «подлинных» биографий и, во-вторых, порождает неприменные дискуссии вокруг феномена биографии.

Вопрос, как понять другого и в потоке современности и в системе исторического времени, столь же вечный, как и вопрос, что есть человек. Проблема биографики, обозначенная как «чужое Я», происте-

¹ Винокур Г. О. Биография и культура. М., 1927. С. 86. (Переиздана в составе: Винокур Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М., 1997. С. 15 – 88). Не изучен и не ставился в литературе вопрос о философских воззрениях Г. О. Винокура и Н. А. Рыбникова в рамках возникшего в начале XX в. в России философского течения экзистенциализма. (Рыбников Н. А. Изучение биографии: Темы семинара; указ лит. М., 1922; Он же. Собрание биографий местных деятелей // Вопросы краеведения. Н. Новгород, 1923. С. 135 – 137).

кает из философской категории исторического времени. Эта проблема подробно рассмотрена в труде М. А. Барга, оказавшего на отечественную историографию основополагающее воздействие. Сама проблема не нова для философии.

М. А. Барг выделил время календарное, которое позволяет упорядочить события, но оно ничего не сообщает об историческом существовании процессов и ритмах изменений. Познавательный процесс требует от историка не только проникнуть в прошлое, но и на основе накопленного опыта создавать основание для прогнозирования будущего, что возможно только при изучении события во времени историческом. «Историческое время – неразложимое единство его модусов: настоящего, прошлого и будущего. В историческом настоящем происходит содержательный «диалог» исторических времен, – писал М. А. Барг. – Неудивительно, что историческое познание черпает в живом опыте настоящего «реактивы», необходимые для осмысления происшедшего в прошлом и для прогнозирования будущего»¹.

Идея «диалога», который ведет исследователь с выбранным актором, а также механизм его установления и является объектом дискуссии в рамках биографики. Ученый осуществляющий «диалог», познавая объект не является «нейтральным» Нестором-летописцем, он как общественный индивид – носитель ментальности своего времени. Детерминированный своим временем исследователь должен проникнуть в ментальность другой культуры или иной эпохи, в стиль мышления и поведение людей другой культуры и выразить другое время в его реалиях, передавая его на языке понятий своего собственного времени. Задача, решение которой во многом зависит от личности историка.

Современная биоградика теоретически не отрицает возможность познания биографом «Я» актора, дискуссия сводится к методам, в частности к их несовершенству и неуниверсальности. Возможность познания «чужого Я» блестяще продемонстрировал Ю. М. Лотман, применив принципы семиотики при изучении биографии Н. М. Карамзина. Автор определил жанр исследования как роман-реконструкцию, подчеркнув тем самым ограниченные возможности данного метода, которые заложены в нарушении онтологического порядка исторического времени в процессе исследования, когда биограф неизбежно отталкивается от времени более позднего в познании времени более раннего. Процесс непрерывности текущего времени

¹ Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 93.

превращает будущее в настоящее и тем самым расширяет временные горизонты истории, что приводит к модификации познавательной призмы историка. Обратимся вновь к выводам М. А. Барга. «Каждое новое настоящее, – писал он, – открывает новые проблемы, новые стороны в вопросах в прежнем настоящем (ставшем теперь уже прошедшим) решенным. Очевидно, что даже при неизменности числа и объема источников исторической информации историческое знание столь же неисчерпаемо, как историческое время»¹.

Определяя суть биографической реконструкции, А. В. Валеvский, автор наиболее обстоятельного труда по проблемам методики биографии, отметил, что она строится на базисном вопросе «Кто он?» Биографическая реконструкция включает в себя два этапа – реконструкцию пространственно-временного уровня идентичности персонажа и ценностно-временного. Реконструкция пространственно-временного уровня обеспечивает фактографию биографического знания. Формирование фактографического биографического знания осуществляется путем предпосылки вопросов типа: Кто? Что? Где? Когда? Основная задача этого этапа сводится к тому, чтобы заполнить фактографические лакуны. Следующий этап биографической реконструкции – стадия формирования выводного знания. Ее суть заключается в том, что биограф предпосылает к известному фактографическому материалу вопросы: Почему? Зачем? Вследствие чего? Тем самым на основе фактографической событийной аббревиатуры биограф в состоянии выстроить ценностно-смысловой уровень идентичности персонажа. Индивидуальность, по мнению А. В. Валеvского, – есть нечто большее, чем это воплощено в исторических документах и свидетельствах. Ценностно-смысловая структура идентичности есть по существу основание «мира личности», «смысла жизни»². Сегодня это положение считается общепринятым в биографии. Добавим, что второй уровень при современном развитии наук предполагает использование методик психологии, социологии и пр. Указанные стадии работы над биографической реконструкцией позволяют определить место исторических приемов исследования в биографии. Историк работает, прежде всего, на первом уровне создания биографии. Его задача правильно и полно собрать факты. Здесь наиболее целесообразно применение методов исторического исследования, в частности источниковедческих.

¹ Барг М. А. Категории и методы... С. 94.

² Валеvский А. Л. Основание биографии. Киев, 1993. С. 10 – 13.

В анализе вышеизложенных проблем мы исходили из того, что биография является самостоятельной наукой или наукой в процессе своего становления. И. Л. Беленький в последних своих работах сформулировал основные параметры биографии как науки и в качестве таковой она включена в словник энциклопедии Отечественной истории (статья также принадлежит И. Л. Беленькому)¹. Изменения статуса биографии в современной науке происходит и в западной историографии, сошлемся, в частности, на работу Ж. Ревеля². Постановка вопроса о биографии как науке позволяет повторить слова Плутарха, сказанные им на заре дифференциации гуманитарного научного знания, что биография не история. Предметом изучения биографии является индивид, самоценность личности, ибо нет ничего столь неумолимо единичного как биографический опыт.

Предметом изучения истории является общество, закономерности его развития со всеми его изменчивыми формами. Как заметил М. Блок, история – наука о людях во времени³. Подчеркнем, что о людях, составляющих общество, в котором совершается единение индивидов, и тем самым, завершается индивидуальное существование. Поэтому одной из важнейших задач в рамках настоящего исследования является определение позиции по вопросу о соотношении биографии и истории.

Любой индивидуальный опыт детерминирован общественным и интегрирован в него. Достаточно вспомнить занимавшую умы нескольких поколений исследователей «проблему Робинзона» или виртуального влияния общества на личность.

Как учение о личности биографика является самостоятельной наукой, как историческая биография она выступает в качестве метода, подхода для рассмотрения в определенной степени феномена, лежащего за пределами сферы ее собственных интересов. За пределы исторической биографии, поскольку она сама относится к категории частного, выходит познание закономерностей и изучение коллективного (общественного), как входящих в категорию общего. Следовательно, метод исторической биографии позволяет через микроисторию изучать процессы макроистории. Реконструкция личной жизни, судьба отдельного человеческого индивида, изучение формирования и развития его внутреннего мира, всех сохранившихся «следов» его

¹ Беленький И. Л. Биографика // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. М., 1994. С. 233 – 234.

² Ревель Ж. Биография как историческая проблема. М., 2002.

³ Блок М. Антропология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 18.

деятельности рассматривается как главная цель исследования и как адекватное средство познания того исторического социума, в котором он жил, творил, мыслил, страдал и действовал.

Биография как метод исторического познания изменяет и вопрос о том, кто из живших на земле заслуживает право иметь биографию. Применив одним из первых биографию как метод культурологии, Ю. М. Лотман обосновал тезис, вызвавший в настоящее время дискуссию, что «далеко не каждый живущий в обществе человек имеет право на биографию. Каждый тип культуры вырабатывает свои модели «людей без биографии» и «людей с биографией»¹. Культурология определила возможности биографии как метода в рамках собственной парадигмы. Интеллектуальный внутренний мир человека – категория историческая и социальная, что и приводит к существованию страт «людей без биографий». Персональная история, как направление микроистории, – это попытка отказаться от социальной истории, биография в данном случае, является методом исторического исследования.

Персональная история как направление микроистории – направление новое, на Западе начало формироваться в 1990 гг., в России – лишь к началу XXI в. Для персональной истории нет подобных концептуальных ограничений, она расширила возможности применения биографии как метода исторических дисциплин – биографии «простых», «рядовых» людей, интерес к которым очевиден в настоящее время особенно в западной историографии. Жизненный путь отдельного рассматривается в качестве исторического источника, который может пролить свет на неизученные институты прошлого, поскольку многие из них сложились и бытовали в низовых структурах общества или изначально развивались в высших сферах общества (литература, образование, мода, обычаи, привычки и пр.) и опускались до уровня «простого» народа.

Однако возможности персональной истории как метода ограничены, как ограничены возможности любого исследовательского метода. Это ограничение связано с наличием достаточной документальной базы. Применение биографии как метода затруднено относительно древней истории, в частности античной, средних веков. Но и в более близкие времена есть люди, фактографическая сторона жизни которых не отражена в документах личного происхождения. Герой

¹ Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 683. Тарту, 1986. С. 106.

без фактографии не является объектом для исторической биографии как метода познания макроистории, что не исключает возможности биографической реконструкции его жизни и деятельности методами биографики, в частности, методом реконструкции пространственно-временного уровня идентичности персонажа.

Биография как метод восходит к так называемому биографическому методу, поэтому необходимо определить соотношение этих понятий. Первоначально биографический метод возник в позитивистски ориентированном литературоведении в середине XIX в. как способ изучения литературы, при котором биография и личность писателя рассматривалась определяющим моментом творчества, биография была лишь своеобразным «проводником» проникновения в глубины творчества. На возражения исследователей данного направления, что биография не является их целью, что ее следует писать по иным канонам, внимания не обратили. Попытки использовать биографический метод в системе зеркального отображения – через творчество писателя познать его личность – привели к дискредитации самого метода. Уже в начале XX в. он был подвергнут критике, ставшей последние десятилетия почти уничтожающей¹. Таков же был удел и психоанализа. Зигмунд Фрейд для пропаганды своего метода познания личности в целях привлечения внимания к психиатрии написал биографию Леонардо да Винчи на основе документов личного происхождения. Попытка написать биографию Авраама Линкольна на основании документов официального характера историками-дилетантами в области психоанализа потерпела полный провал. Биографический метод (т. е. обращение к личности как объекту исследования с соблюдением требований конкретной науки) успешно используется в социологии, психологии, педагогике, медицине и продолжает применяться в литературоведении и психиатрии, но глобализация метода при изучении личности в рамках биографики, как правило, портит его репутацию, если исследователь уподобляет себя специалисту перечисленных выше наук или даже если выступает как дилетант. Причина провалов заключается не в биографическом методе, она лежит в нарушении исследователями общей методологии научного познания, игнорирования особенностей дедуктивных приемов исследования и в абсолютизации избранного метода. Личность – не-

¹ Цейтлин А. Г. Методы литературоведения // Литературная энциклопедия. М., 1934. Т. 7. Стб. 241 – 280; Богданов В. Биографический метод в литературоведении // Словарь литературных терминов. М., 1979. С. 32 – 33.

повторима своей индивидуальностью, биографика в процессе реконструкции личности вынуждена пользоваться многими методами, количество и специфика которых зависит от многих входящих: времени жизни индивида, рода его деятельности, образа жизни, документальной базы и т. д.

Следует остановиться также на понятии «историческая биография» и ее соотношении с биографическим методом. Традиционно появление «исторической биографии» связывают с XVIII в. (иногда с концом XVII – XVIII вв.), со временем процветания естественных наук, что оказало влияние и на приемы создания биографии. Стремление к достоверности, отказ от вымысла, использование источников, и вместе с тем, критическое отношение к ним, стремление к полноте фактографического материала, отказ или попытка отказа от выборочности фактов, включение в повествование исторического и социального фона – все свидетельствовало, что биография стремится к канонам исторической науки. Требования к биографии как виду исторического исследования, сложившиеся в эпоху Просвещения почти не претерпели изменений до настоящего времени. Одним из таких требований является максимальная полнота сведений о жизни «героя». Известно, что Вольтер вынужден был отказаться от написания биографии Петра I по заказу Екатерины II, поскольку последняя строго контролировала содержание документов, посылаемых Вольтеру. Укажем на позицию большинства участников дискуссии 1970 г., организованной журналом «История СССР»¹. Биография мыслилась большинством исследователей в форме монографии и строилась по всем канонам исторического исследования, обязательным являлась доказательность, показ приемов и методов исследования. Чтобы сделать такую историческую биографию доступной массовому читателю, текст обрабатывали с позиций популяризации. Классическими в этом направлении являются работы Н. Я. Эйдельмана.

В связи с этим следует обратить внимание на то, что в те же годы прошла еще одна дискуссия, связанная с созданием серии биографий деятелей науки. В своем выступлении Д. С. Данин заявил: «Когда проблемы биографической литературы обсуждает научный симпозиум, литератор, строго говоря, лишается права голоса. Он не может притворяться историком науки или исследователем психологии научного творчества. Работая над жизнеописанием замечательного чело-

¹ Биография как историческое исследование // История СССР. 1970. № 4. С. 231 – 242.

века, он вовсе не создает научного труда»¹. Это замечание важно тем, что оно четко отделяет исследование историческое, т. е. историческую биографию, как монографию, от биографии, которая включает приемы исторического исследования, но не исчерпывается им.

Следует отметить, что биография как метод исторического исследования получила новый импульс развития в связи с изменениями в отношениях общественных наук к глобальным научным парадигмам – позитивизму, структурализму и марксизму. Ж. Ревель отмечал, что «эти три интегративные функционалистические познавательные модели так и не нашли себе замены»². В этих условиях биография воспринимается как экспериментальное, чуть ли не альтернативное решение по отношению к социальной истории, когда научная ценность определяется количественными исследованиями и данными статистики.

Биография как метод исторического исследования не совершенна, как любой научный метод. Но она дает обнадеживающие перспективы обращения исторической науки к тем проблемам, процессам, явлениям, которые не поддаются исследованию методами социальной истории, но являются историческими реалиями и требуют внимания науки. Кроме того, те методики изучения исторических процессов, которыми пользуется макроистория, исчерпали источниковую базу, введение в научный оборот принципиально новых пластов источников способна решить микроистория и, в частности, биография как метод исследования (т. е. выступает как синоним персональной истории). Выявление фактографического материала, синтезированного на ином качественном и количественном уровне – еще одна из перспектив, которые несет в себе его применение в истории. Немецкая «история повседневности», итальянская «микроистория», английская «народная история» при всех кажущихся особенностях, основываются на едином методологическом принципе – дедукции индивидуального.

Подводя итоги, уточним содержание основных терминов, которыми оперируют исследователи при изучении проблемы индивида в истории: «биографика», «историческая биография», «биография как метод исторического исследования» (или биографический метод в истории).

¹ Данин Д. С. Сорок баррелей парижского пластыря. О психологической реконструкции образа ученого // Человек науки. М., 1974. С. 73.

² Ревель Ж. Биография... С. 6.

Биография возникает на основе синтеза методов и приемов трех наук – этики, истории, литературы. И соответственно использует все преимущества этого синтеза, включая естественные, технические, социальные и пр. методики, позволяющие проникнуть в потаенный мир человека. «Строительство» мира души изучаемого объекта осуществляет биограф, во-первых, при всех посылках к объективности, он действует в рамках своей ментальности, во-вторых, он, обладая правом компенсировать лакуны фактографии, определять причинно-следственные связи по своему усмотрению, исходит из своих познавательных возможностей, и следовательно, усиливает субъективный фактор в науке. В этом же направлении подвигает биографию и проблема формы. Вопрос о выразительности в изложении материала породил дискуссию: является ли биография наукой или искусством.

Историческая биография (или частный случай монографии, объектом которой избрана историческая личность) строится по законам исторического исследования и находится в рамках и традициях социальной истории, индивид лишь частный случай общего; личность служит лишь иллюстрацией закономерностей развития общества; следовательно, основная методологическая посылка – от общего к частному.

Биография как метод исторического исследования в рамках персональной истории – строится по законам истории, как правило, не переходит за рамки приемов и методов исторического исследования, центр тяжести перенесен на изучение особенного, основная методологическая посылка – от частного, через частное к общему. Изучается как личность, так и закономерности исторических процессов.

Различие между исторической биографией и биографическим методом в истории состоит в том, что в первом случае личность является объектом исследования, во втором – предметом. Методологическая сложность одновременного применения методов состоит в том, что исходя из посылок персональной истории, личность является не только предметом исследования, но и объектом (т. е. средством познания). Следует заметить, что некоторые теоретики методологии науки отмечают близость содержательного начала понятия «объект» и «предмет» исследования и нецелесообразность их разделения. В данном исследовании избранная методика создает сложности в разграничении этих понятий. Объектом исследования является личность М. И. Семевского и комплекс эго-документов о его жизни и деятельности. Предметом исследования является личность М. И. Семевского и те общественно-политические процессы, в которые он интегриро-

ван в силу своей жизнедеятельности. Поэтому предлагаем ввести термин, обозначающий единство названных подходов – аналитическая биография, что нашло отражение в названии книги.

При изучении биографии исследователи часто сталкиваются с необходимостью ограничить рамки исследования. Традиционными являются: а) по возрастному признаку (детство, юность, зрелые годы и т. д.), б) по роду занятий (профессия, хобби и т. п.), в) по месту пребывания (жизнь в каком-либо населенном пункте).

В настоящем исследовании изучаются те стороны деятельности М. И. Семевского, которые не попадали ранее в поле зрения исследователей, но не менее важны, чем те, которые уже исследованы – педагогическая деятельность, увлечения: библиофильство и коллекционирование; а также издательская деятельность как форма самовыражения научных и мировоззренческих установок.

Написание исследования в форме биографии неизбежно разрывает личность на «куски». Индивидуальность личности проявляется через структуру исследования: анализ образа мысли, жизненный путь, гражданская, служебная, творческая деятельность – каждая из этих сфер включает в себе возможности выявления своеобразного в человеке, комбинация отличительных актов действия сливается в характеристику конкретной личности, представляет ее неповторимость и непохожесть на других людей своей эпохи, при всех общих послылках. Но это «куски» одного целого. В этом делении изначально заложено использование междисциплинарных методов исследования. В основу деления монографии на главы был положен преимущественно тематико-хронологический принцип, что стало возможно благодаря тому, что увлечения в жизни М. И. Семевского были долговременными и их приоритеты менялись через относительно существенные временные отрезки. Исключением является первая глава, в основу которой положен принцип анализа эволюции личности в единстве внешних (портрет) и внутренних (мировоззрение) проявлений на протяжении всей жизни с применением репрезентативного и онтологического подходов, а также принципа бихевиоризма. Выделение портрета в качестве отдельного объекта исследования позволило изучить характер, привычки, манеры, что способствовало раскрытию образа. Портрет как метод исследования используется во многих гуманитарных науках, где образ реального человека служит средством постановки и решения социальных проблем, и где ему соответствуют различные видовые модификации: лингвистика – речевой портрет; право – словесный портрет; социология – социологический портрет.

Подходы, используемые в названных науках, применены в данном исследовании. Использована также иконография, отображающая оригинал в прямом понимании термина портрет.

Исследование выполнено в рамках междисциплинарных подходов. В работе использованы различные методы исторического исследования, принятые при изучении документов личного происхождения (сравнительно-исторический, культурно-антропологический, источниковедческий). Традиционные приемы дополняются подходами, используемыми в исторической антропологии, социальной психологии, педагогике, книговедении, культурологии. Метод портрета, широко используемый в литературоведении и искусствоведении. Метод бихевиоризма, основанный на учении о поведении человека, как форме отражения внутреннего состояния, компенсирует относительный дефицит эго-документов по теме исследования, позволяющих проникнуть во внутренний мир личности. Метод реконструкции при изучении библиотеки и коллекций, для этого направления критически изучались и интерпретировались источники разного типа. Понять мотивы поведения, выбор, действия личности возможно только в контексте конкретных событий, близкого окружения, учитывая жизненные установки близких людей, предопределенные социальными интересами и временем. На всех этапах исследования основополагающим являлся принцип историзма.

Глава I.

Характеристика личности

§ 1. Портрет

Уже почти полтора столетия историки широко пользуются материалами, опубликованными М. И. Семевским на страницах «Русской старины», но никто даже и не пытался представить личность редактора, весьма своеобразного человека, который не только пояснял читателям исторические факты, но и сообщал о раритетах домашней библиотеки, представлял близких знакомых и членов своей семьи и, наконец, разослал собственный портрет подписчикам. Нельзя сказать, что историки совсем обошли молчанием персону издателя, но встречающиеся в исследованиях упоминания о нем как о человеке, как правило, кратки. Так, В. В. Тимошук представила М. И. Семевского обладателем многих добродетелей с одним лишь изъяном в характере – раздражительностью, которую тут же извинила его добрым сердцем и милосердными поступками¹. «Ловким ловцом исторических материалов», обладавшим «поразительным бюрократическим безвкусием», считал его И. М. Троцкий², а С. Я. Штрайх, упомянув ряд положительных черт – скромность, аккуратность и работоспособность, все же представил его отрицательным героем своего романа, поскольку расчет и стремление к обогащению, по мнению автора – сущность его натуры³. Последующие авторы почти не обращались к характеристике его личных качеств. Такое положение сложилось отчасти потому, что обрисовать М. И. Семевского, как отмечали современники, затруднительно. «Многие и очень многие знали... Семевского, – писал его друг и известный историк Н. К. Шильдер, – как издателя, редактора, литератора, чиновника, гласного, офицера, преподавателя, но едва ли кто знал его как человека. Он мог быть очень откровенен, но всегда чувствовалось, что в нем есть что-то такое, что он не откроет лучшему другу, такие тайники сокровенных

¹ Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский – основатель исторического журнала «Русская старина». СПб., 1895. С.256 – 257.

² Троцкий И. М. Запись беседы Салтыкова с М. И. Семевским // ЛН. М., 1934. Т. 13 –14. С. 519 – 520.

³ Штрайх С. Я. Сестры Корвин-Круковские. М., 1933. С. 18 – 19.

мыслей и чувств, которые он ни перед кем не обнаружит»¹. На эту черту характера обратила внимание и Е. Н. Водовозова, кстати, единственная из современников написавшая обстоятельные мемуары о М. И. Семевском. Она знала его многие годы: вначале как ученица по Смольному институту, где тот преподавал историю, затем – как жена самого близкого друга, В. И. Водовозова, и далее – как невестка, жена младшего брата Василия². Но язвительный тон записок и обилие черной краски вызывают скорее сомнение, чем убеждение в достоверности представленного портрета. Все остальные воспоминания – лишь беглые зарисовки отдельных эпизодов, чаще всего лишенные характеристики личности. Более ценный материал дает переписка М. И. Семевского с родными и знакомыми, а подчас и незнакомыми людьми, обращавшимися в редакцию «Русской старины». В замечаниях, не рассчитанных на огласку, точнее и резче очерчен его облик, характер, манеры, привычки, вкусы, увлечения, круг знакомых, друзей, семья. Обмен письмами был не только основным средством коммуникации, но и характерной чертой культуры XIX в. и даже определил одно из литературных направлений – эпистолярный жанр. И все же, обилие корреспонденции впечатляет. Из мельчайших осколков, извлеченных из этого богатства, складывается достаточно яркое мозаичное панно, отдельные фрагменты которого так же важны, как и целое, поскольку могут подчас пролить свет на политические воззрения и мотивы общественных поступков М. И. Семевского.

Иконография М. И. Семевского невелика. Большая часть дошедших до нас фотографий из личного архива хранится в Литературном музее ИРЛИ (Пушкинский Дом)³, но, к сожалению, семейный альбом Семевских утрачен в недавние годы. Три фотопортрета находятся в ГМПИР.⁴ Из рисованных портретов известны работы Л. А. Серякова и И. П. Пожалостина⁵, но, можно предположить, что были и другие, поскольку среди знакомых М. И. Семевского много известных художников и скульпторов: Л. Н. Бенуа, А. В. Верещагин, В. В. Матте, К. Е. Маковский, М. О. Микешин, А. М. Опекушин, И. Е. Репин,

¹ Цит. по: Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... С.8.

² Семевская Е. Василий Иванович Семевский // Голос минувшего. 1917. № 9 – 10. С. 50 – 58.

³ ЛМ ИРЛИ. Ф. 1, ед. хр. 30686, 40374 – 40377, 49568; Ф. 4, ед. хр. 29534, 29535, 51247.

⁴ ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 1773, 1779.

⁵ Морозов А. В. Каталог моего собрания гравированных и литографированных портретов. М., 1913. Т. 4. С. 198.

Ф. Г. Солнцев и др., что подтверждает знаменитая книга автографов М. И. Семевского¹. Сохранилось упоминание о портрете, который должен был украсить зал Санкт-Петербургской Городской Думы после смерти М. И. Семевского². Но неизвестно ни имя художника, ни судьба полотна в послереволюционное время. Из опубликованных наиболее известны два: 1862 года – в кругу преподавателей Смольного института с К. Д. Ушинским³; 1884 – среди членов Литературного фонда⁴. На последней фотографии хорошо видно, что М. И. Семевский был невысокого роста. В воспоминаниях Я. Ф. Березина-Ширяева отмечено: «Михаил Иванович Семевский, мужчина лет около сорока, очень низенького роста, с круглым лицом, с темно-русыми волосами на голове и с небольшими усами и бородкою»⁵. Сам М. И. Семевский представил свою внешность в письме к отцу в 1855 г., где описал первые шаги на военном поприще: «...с чрезвычайной гордостью ваш небольшой и тоненький Миша вел 25 едва ли не саженных молодцов-гренадеров»⁶. Заметим, что распределение его после окончания кадетского корпуса в лейб-гвардии Павловский полк уже предполагало круглолицесть, курносость и русые волосы, ибо служившие в нем должны были чертами напоминать Павла I.

Надо полагать, что в молодости из-за ужасной худобы, дополняющей его невысокий рост, М. И. Семевский выглядел несолидно. «Невзрачный офицер», – так, с явным сожалением, заметила Е. А. Штакеншнейдер (1861 г.)⁷. Фото, представленное в собрании сочинений К. Д. Ушинского, как нельзя более удачно иллюстрирует его слова, обращенные к М. И. Семевскому: «Мне каждый раз становится грустно, когда я припоминаю Вас, такого бледного и худого» (1863 г.)⁸. Корректор журнала «Время» К. Сунгуров отметил, что М. И. Семевский «просто постник (у него очень худое лицо)» (1862 г.)⁹, а Г. Е. Благодетель ссылаясь по поводу «угловатой и костлявой фигуры»

¹ Знакомые. Альбом М. И. Семевского: 1867 – 1888. СПб., 1888.

² **Семенов Д. Д.** М. И. Семевский как педагог // Вестник воспитания. 1892. № 4. С. 124.

³ **Зажурило В. К.** Ушинский в Петербурге. Л., 1979. С. 129.

⁴ Юбилейный сборник Литературного фонда: 1859 – 1919. СПб., 1903. С. 17.

⁵ Из записок Я. Ф. Березина-Ширяева // Русский библиофил. 1912. № 3. С. 20.

⁶ Цит. по: **Тимошук В. В.** Михаил Иванович Семевский... С. 26.

⁷ **Штакеншнейдер Е. А.** Дневник и записи (1864 – 1886). М.; Л., 1934. С. 164.

⁸ **Ушинский К. Д.** Собрание сочинений. Т. 11. М.; Л., 1952. С. 157.

⁹ Дневник корректора (Записки Сунгурова, корректора «Времени») // РЛ. 1962. № 1. С. 228.

(1859 г.)¹. Недоедание было обычным состоянием М. И. Семевского в молодости, в письмах масса доказательств его тяжелого материального положения. Неудивительно, что друзья, в частности Д. Д. Семенов, как могли содействовали в 1862 г. в получении места по Министерству народного просвещения для ревизии народных школ. Брат Петр, соблазняя этим предложением, писал что «путешествовать по России, с 1600 р. с. [рублями серебром. – О. К] и прогоны отдельно, я нахожу, что это тебе будет выгодно, и что ты разъешься и поправишься здоровьем»². С годами он раздобыл, как и подобало чиновнику, занимающему солидный пост помощника статс-секретаря Государственного Совета. Но в 1885 г. неприятности в делах Санкт-Петербургской Городской Думы, где в это время М. И. Семевский занимал весьма важный пост товарища городского головы, расстроили его здоровье. «Мало радости смотреть на меня: худой, желтый, постаревший. Нет сна, в нем источник болезни», – писал он жене³. «Видел в театре Семевского, – отметил, А. Ф. Кони в письме к Л. Г. Гогель, – который совершенно расстроен думскими интригами и не знает, куда деваться от нервов...»⁴. Место вскоре было определено – курорты Меррекуль и Висбаден, тогда достаточно модные у русской публики, отправляющейся на лечение за границу. Еще один жестокий удар был нанесен ему судьбой в 1889 г., когда скончалась старшая дочь. Но портретов, запечатлевших его в период невзгод, нам неизвестно.

Заметим, что на всех фотографиях М. И. Семевский добротен и по моде одет, и не только для фотографирования, как отмечала Е. Н. Водовозова, он «выходил из себя, когда не мог обзавестись хорошим платьем»⁵. Еще одна любопытная деталь: в карманах его сюртука почти всегда лежали бумаги. «Я не помню ни одного банкета, юбилея или поминального торжества, – писал журналист А. Е. Кауфман, – где Семевский не говорил бы экспромтов, которые запасливо приносил с собою в карманах в нескольких экземплярах, и любезно раздавал газетным хроникерам или сам рассылал по редакциям». И далее: «В редакции и на торжества он являлся с записными книжками, куда все

¹ Письма и документы: Г. Е. Благодетель, Я. П. Полонский, Г. А. Кушелев-Безбородко // Звенья: сб. мат. и док. по истории литературы, искусству и общественной мысли XIX в., М.; Л., 1932. С. 343.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 317, л. 2 об.

³ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 44, л. 59.

⁴ Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 8. М., 1969. С. 86.

⁵ Семевская Е. Василий Иванович Семевский... С. 52.

сколько-нибудь известные писатели и деятели должны были заносить свои автографы»¹.

Желание оповестить мир о своем существовании было присуще М. И. Семевскому с юности. В письме к своему первому учителю О. И. Малевичу он писал, что «надеется оставить по себе имечко, чтоб [быть – О.К.] в словаре российских деятелей-писателей»². И чтобы потомки могли судить о нем, сохранил огромный личный архив. Современникам М. И. Семевский запомнился таким, каким они его видели, а не таким, каким он пытался представить себя сам.

Была у него черта, которую отмечали все (и он сам), – это тяжелый, неуживчивый, взрывной характер. Уже в 1855 г. (в 18 лет) он писал отцу: «капризный, своенравный и раздражительный мой характер не в состоянии перемениться»³. Такие откровения появлялись в письмах и позднее, когда речь шла о взаимоотношениях в собственной семье: «горькие слова, на которые, увы, так слабы и я, и мамаша, истерзанные горем, и не приучившие свои характеры к сдержанности»⁴. Что это были за слова, можно судить из письма брата Александра: «...дорогой Миша, видно, что ты был в весьма дурном расположении духа... Мерзавцы, подлецы и еще более сильные выражения остались у меня при прочтении твоего письма...»⁵. Семейные ссоры были привычным фоном его жизни, так же как и домашнее диктаторство. Г. З. Елисеев, по роду журналистской деятельности многие годы знавший М. И. Семевского, жаловался М. Е. Салтыкову-Щедрину на жизнь в Ницце (1881 г.): «Так как в пансионе все делалось и делается для М. И. Семевского и по его желанию, то мы с молодым человеком представляли не то его нахлебников, не то его свиту»⁶. Пансион состоял в том, что в нанятой М. И. Семевским квартире было две свободные комнаты, которые и сдали постояльцам. Барствовать в традициях XVIII в. (и не лучших) было в его характере. Он неумоимо пестовал свою семью как в узком (жена, дети), так и в широком понимании этого слова (братья, сестра), часто проявляя самодурство. В семье он не встречал должного отпора, но в отношениях со своими подчиненными или людьми

¹ Кауфман А. Е. За кулисами печати: (отрывки воспоминаний старого журналиста) // Исторический вестник. 1913. Т. 133. № 7. С. 98.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 239, л. 21.

³ Цит. по: Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 22.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 2, д. 110, л. 1.

⁵ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 2, д. 109.

⁶ Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину. М., 1935. С. 51.

зависимыми, где стереотип поведения повторялся, часто сталкивался с резким неприятием своих поступков. Такой случай описала Е. Н. Водовозова, когда бедный студент-секретарь потребовал подобрать с пола бумаги, брошенные ему в лицо, и заявил о своем уходе, несмотря на уговоры¹. Если М. И. Семевский не стремился создать хорошее впечатление, то обычно он производил неприятное. Сохранились воспоминания случайного свидетеля – Ольги Викторовны Синакевич, искавшей место учительницы. Свой визит к М. И. Семевскому, который был членом училищной комиссии Санкт-Петербургской Городской Думы, и потому мог оказать протекцию, она описала в письме к подруге: «Семевский мне не очень понравился: ужасно неприветлив и смотрит педантом»². Однако проявление сильной воли и характера другими «заставляли его проникаться к ним уважением и сердечным расположением», констатировала Е. Н. Водовозова³. В молодости он был настолько горяч, что даже солидные работодатели не только были осведомлены о свойстве его натуры, но и пытались предостеречь его от неуместных выпадов. Так, в августе 1862 г., М. И. Семевский попал, как и многие литераторы, в связи с начавшейся репрессивной политикой правительства в число лиц неблагонадежных, и потерял право работать в архивах. Разрешение было предоставлено в свое время по ходатайству редактора «Военного сборника» П. К. Менькова, и он, отбирая это право (не по своей воле), счел необходимым лично объяснить своему молодому сотруднику сложившуюся ситуацию, но, не застав М. И. Семевского дома, написал записку, заканчивающуюся словами предостережения: «Не вините людей, не зная обстоятельств, в которых они действуют»⁴.

Перечисленные свойства характера находились в гармонии еще с одним – М. И. Семевский любил первенствовать. «...Хочется везде блистать, не хочется стоять на заднем плане», – писал он в 1856 г. из Москвы Г. Е. Благосветлову⁵. В тон этому заявлению наблюдение писателя П. Д. Боборыкина, встретившего в 1870 г. М. И. Семевского в Клубе художников в роли председателя комитета: тот «умел первенствовать, и на него косились многие члены комитета, и когда я

¹ Семевская Е. Василий Иванович Семевский... С. 54.

² РНБ. Ф. 163, д. 314, л. 11.

³ Семевская Е. Василий Иванович Семевский... С. 54.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 242, л. 5.

⁵ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 897.

поступил в него, то под шумок стали мне жаловаться на него»¹. В сочетании с замашками барина-самодура вечное стремление к лидерству приводило к тому, что он всю свою жизнь терял друзей. Неординарность натуры М. И. Семевского легко привлекала людей, а вышеописанные качества быстро сводили дружбу в лучшем случае к равнодушию, а иногда и вражде. Так произошло с Г. Е. Благодетелевым, который в 1859 г., встретив М. И. Семевского в Париже, наградил его такими комплиментами в письме к К. К. Случевскому, что и по сей день читать совестно: «мерзкая рожа», «фигура самолюбивая до опьянения», «он был у меня, я принял его сухо, угрюмо, как принимают рвотное», «груб, дерзок, нахален и неприличен» – все это помещено на полу страничке письма². Это было завершение их дружбы, безмятежно начавшейся в 1855 г. «В шесть часов вечера отправился к Благодетелю; отлично меня принял мой многоуважаемый профессор, поздравил с чином, я у него напился чаю, и два часа в самых приятных разговорах пролетели незаметно», – с гордостью за себя сообщал М. И. Семевский отцу³. Те же, кто пытался погасить конфликты, вынуждены были делать шаг примирения первыми, как это видно из уже упомянутого письма П. К. Менькова. Так же вел себя и брат Ф. М. Достоевского Михаил Михайлович, редактор журнала «Время». Письмо не датировано, но поскольку речь идет о сотрудничестве в журнале, то можно определить, что это было самое начало 1860-х гг.: «...я заключаю, что между нами произошло страшное и довольно комичное недоразумение: мы оба почему-то считали друг друга генералами... Записка Ваша оскорбила меня действительного вовсе не потому, что была написана на клочке бумаги и не запечатана, а потому, что я принял ее за демонстрацию с Вашей стороны...»⁴. А когда-то к письмам делались такие приписки: «нечего и прибавлять, что брат будет очень рад Вас видеть»⁵. Возможно, М. И. Семевский испытывал чувство неловкости после подобных размолвок, признавая свою вину, и сам отдалялся от людей, которым наносил незаслуженные оскорбления. Е. Н. Водовозова отметила, что

¹ Боборыкин П. Д. Воспоминания. В 2 т. Т. 2. М., 1965. С. 148.

² Письма и документы: Г. Е. Благодетель, Я. П. Полонский, Г. А. Кушелев-Безбородко... С. 343.

³ Цит. по: Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 25.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 145, л. 22.

⁵ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 145, л. 3.

он нередко каялся, но «это нисколько не ослабляло его гневных вспышек»¹.

Был и другой М. И. Семевский – любезный, обаятельный, предупредительный, готовый на услуги – с людьми нужными или стоящими по служебной лестнице выше его. В молодости он легко налаживал отношения с декабристами. Как известно, «страдальцы за веру» предпочитали не афишировать свои старые связи и не заводить новых знакомств. Печальный опыт, приобретенный в Сибири, подсказывал, что, несмотря на объявленную в 1856 г. Александром II амнистию, контакты с ними могли по-прежнему принести неприятности, хотя и в меньшей степени, чем во времена правления их главного политического оппонента Николая I. Но М. И. Семевский легко преодолевал это препятствие и был близко знаком со всеми, кто вернулся в Россию. Особое расположение он завоевал у М. А. Бестужева и барона В. И. Штейнгейля. Последний рекомендовал его Г. С. Батенкову как «одного из неутомимейших деятелей юного поколения, с которым я имел удовольствие сердечно сойтись. Прошу тебя принять и обнять его с такой степенью ответа сердца, на какое я имею у тебя право. Уверяю, оба не ошибемся»². В старости М. И. Семевский столь же легко налаживал связи с молодежью. В его доме можно было видеть сыновей Ф. В. Булгарина, графа М. А. Милорадовича и многих других. У М. И. Семевского на них были свои виды. Эти отпрыски знаменитых людей располагали архивами предков и могли передать права на их публикацию. Отношения строились на предупредительности, внимании и деликатности. Но если надобности в юнце не было, то и тон становился жесткий, требовательный, категоричный. Это хорошо видно по переписке с сыном профессора Н. Г. Устрялова Федором Николаевичем, историком, романистом. В письмах речь идет о продаже библиотеки, М. И. Семевский безжалостно диктует невыгодные условия: «Так как полученные мною от Вас... рукописи... представляют интерес весьма небольшой, то я могу предложить за них только 20 руб. серебром. Поэтому... потрудитесь прислать за означенными деньгами, которые я оставлю конторщице, или тогда же получите обратно бумаги»³.

¹ Семевская Е. Василий Иванович Семевский... С. 53.

² Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. В 2 т. Т. 2. Иркутск, 1985. С. 582.

³ ИРЛИ. Ф. 14, д. 167, л. 44.

Столь резкий контраст в поведении подметили, прежде всего, собраты по перу, в ход были пущены литературные сравнения: Молчалин, Подхалюзин, Бобчинский. Описываемые при этом сцены явно не вызывают симпатии к нашему герою. Г. З. Елисеев зафиксировал один из подобных эпизодов. «Надобно Вам сказать, – письмо адресовано М. Е. Салтыкову-Щедрину, – что здесь [в Ницце. – О.К.] около Лориса, как бывшей знаменитости, третия множество разных хамов в числе которых... Семевский... Он про-сживает целое утро в приемной графа, чтобы по выходе его пред-ложить ему какую-нибудь услугу или просто поговорить с его сия-тельством самим. Мне рассказывал доктор, что его... пригласил к себе Лорис... Как вдруг является к доктору Семевский. У доктора прием, он к жене. «Вы что?» – спрашивает жена. – Да, вот – гово-рит, – вашего мужа просит к себе Лорис» – «Мой это знает, и полу-чил приглашение» – отвечает жена. «Да я знаю, что знает, – отве-чает Семевский, но я желал бы поехать с ним вместе к Лорису». – «Да к чему же это? Я вовсе не понимаю, – возражает жена. – Он и сам знает дорогу. А впрочем, прибавила жена, поговорите с му-жем. Я не знаю: понравится ли ему так ехать?» – Вы видите из сего, – констатировал Г. З. Елисеев, – что Семевский около Лориса играет роль Петра Ивановича Бобчинского около городничего. Он даже без нужды так бегаёт петушком, петушком»¹. М. Т. Лорис-Меликов действительно занимал до своей отставки высокий пост. В условиях политического кризиса конца 1870 – начала 1880-х гг. боевому генералу было предложено возглавить Верховную распо-рядительную комиссию, затем министерство внутренних дел. «Лорис-Меликов простоял у кормила государственной власти в течение года и сделал необыкновенно много, за это время, подгото-вив программу перехода к новому витку продолжения реформ», – такова оценка современных историков². Убийство Александра II 1 марта 1881 г. было и концом реформ и концом карьеры Лорис-Меликова. М. И. Семевскому довелось наблюдать и начало этой голо-вокружительной карьеры. В набросках к мемуарам он запечатлел Ло-риса в дни празднования 20-летия крестьянской реформы, в «достопа-мятный день 19 февраля 1880 г. на знаменитом выходе в Зимнем двор-це» – «худой, желтый, сутуловатый, но с мягкими, умными чертами лица. Он шагал с правой стороны длинной обычной процессии на выходе

¹ Письма Г. Е. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину... С. 55.

² Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996. С. 363.

почти вслед за государем, какой-то тихой поступью и мягкими шажками. Тысячи проводили любопытным взором этого тщедушного по наружности генерала, в руки которого в эти дни передана была часть самодержавной власти»¹. Заметим, что М. И. Семевский собирался писать мемуары, делал даже отдельные наброски. Но вряд ли читатель получил бы удовольствие: автору явно не хватало литературного дара, у него настойчиво пробивался канцелярский стиль; описания были невыразительны, характеристики банальны. Судьба свела его со многими выдающимися людьми, и он прекрасно понимал их неординарность и, когда они были на вершине славы, и когда падали в пропасть, как в случае с М. Т. Лорис-Меликовым. Он сохранял к ним почтение, несмотря на превратности судьбы. Но выразительно запечатлеть на страницах мемуаров, увы, не мог. Кстати, и письма М. И. Севеvского, даже времен его молодости, когда он склонен был к литературному творчеству, не отличаются ни яркостью описаний, ни меткими наблюдениями.

Вернемся к эпизоду, описанному Г. З. Елисеевым. В нем зафиксирована еще одна любопытная деталь. Убедившись, что доктор занят, М. И. Семевский пошел к его жене. Это характерно. Но было время, когда по молодости М. И. Семевский тяготился женским обществом. В 1856 г. писал из Москвы Г. Е. Благосветлову, тогда еще его духовнику: «Как я отстал от общества дамского, от бесед с дамами. Сегодня пришлось просидеть вечер... в обществе трех женщин... верите ли, двух слов порядочных не сумел сказать! Странно, никогда не был стыдлив и робок в их кругу? Что-то такое особенное делается со мной, ставишь себя неизмеримо выше всей этой дребедени, т.е. бабья...»². Слова, достойные гвардейского офицера! Но зима 1862 – 1863 гг. неожиданно подарила любовь. Во время поездки по Псковской губернии с ревизией народных школ М. И. Семевский оказался в Палибине, где встретил дочь генерал-лейтенанта В. В. Корвин-Круковского – Анну Васильевну. «Стройная, прекрасная блондинка, с синими как бы зелеными глазами и дивною волнистою косою...»³ покорила сердце молодого литератора. Во время поездки М. И. Семевский вел дневник – в нем исключительно деловые записи: названия сел, городов, имена учителей, статистика школ. Исключение – заметки о посещении Великих Лук и Палибина. Они тщательно вымараны. Но время иногда

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 204.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 897.

³ Семевский М. И. Поездка по России в 1890 г. // РС. 1890. Т. 68. С. 714.

раскрывает тайны самым неожиданным образом. Первоначальные записи были сделаны более темными и устойчивыми чернилами; а затускивались – менее качественными; первые проявлялись на фоне выцветшей штриховки. Особенно примечательна одна, сделанная в январе 1863 г. в воскресенье: «Визит к А. В. [Анне Васильевне Корвин-Круковской – О.К.]. Вечером бал. Счастье, любовь – неужели вы снизошли на меня!»¹. Прошло всего две недели со дня первой встречи. Далее события развивались стремительно. Уже 16 января 1863 г. М. И. Семевский делает предложение, а 16 марта, получив решительный родительский отказ и запрет бывать в доме, покидает Палибино около трех часов ночи, как отметила в дневнике Е. Ф. Кровин-Круковская². Вначале неудачливый жених был раздосадован, но спустя три года, сделав карьеру на статской службе, будучи в чине титулярного советника, возобновил сватовство. Однако теперь отказала сама невеста³.

М. И. Семевский, натура увлекающаяся, действительно был очарован своей избранницей. С годами это чувство утратило романтизм, в него была добавлена определенная порция практицизма, что тоже было свойственно его характеру. Но чувство было истинным и сохранилось на многие годы. В брак М. И. Семевский вступил лишь когда Анна для него навсегда была потеряна, в 1872 г. (с 1870 г. она замужем за французским революционером В. Жакларом). С. Я. Штрайх заметил, что своим браком М. И. Семевский существенно увеличил капитал, что брак с Е. М. Протопоповой был лишь сделкой и в этом проявился истинный Семевский⁴. Это не совсем так. Доход с приданого (ценные бумаги) составлял меньшую часть дохода семьи. Доходный дом в Петербурге был получен в наследство лишь спустя пять лет со дня свадьбы.

Семейная жизнь М. И. Семевского была далека от идиллии. «Роденькая женушка, будь добра, ворочайся немедленно; к чему, голубчик, всю жизнь делать все в пику и с недобрым сердцем», – из письма к жене в 1880-е гг.⁵. Радовали только дети: «Дочурки прелесть. Выросли, пополнили. Настуша обворожила меня своею ласкою...»⁶. Из переписки

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 3, л. 81 об.

² Штрайх С. Я. Сестры Корвин-Круковские... С. 17.

³ О сватовстве М. И. Семевского см.: Кох О. Б. «Он был титулярный советник...» // Псков, 1999. № 10. С. 17 – 22.

⁴ Штрайх С. Я. Сестры Корвин-Круковские... С. 17.

⁵ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 44.

⁶ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 44.

видно, что только в отношениях с женой он занимал всегда примирительную позицию, прощая, увещевая. Писем много: семья часто жила раздельно. По причине болезни (или это был только предлог, которого требовали правила приличия) жена с дочерьми большую часть года проводила на заграничных курортах. Смерть Татьяны в 1889 г. стала для М. И. Семевского двойной трагедией. Старшая дочь была близка к нему духовно, и в свои неполные 16 лет заменяла товарища и помощника в занятиях, собеседника, настоящего друга. Младшая – Настя – всегда более тяготела к матери. С этого времени М. И. Семевский боялся потерять и ее: «Верь, дорогая, мне, что и папочка твой тебя горячо любит, всем для тебя пожертвует и все, что в силах его, для тебя сделает...» (3 ноября 1889 г.)¹. Вернемся к письмам Г. З. Елисеева. Они интересны еще и потому, что дополняются ответами М. Е. Салтыкова-Щедрина; его оценки независимы от мнения корреспондента. Г. З. Елисеев зол, его характеристики – характеристики человека, стремящегося обругать, чтобы снять собственное раздражение. Добавим к этому, что он был всегда хорошим редактором, но посредственным писателем, в его оценках нет изящества, яркости. Иначе у М. Е. Салтыкова-Щедрина. Дар писателя позволяет ему смотреть на ситуацию со стороны, он ироничен, и поэтому более объективен. После побега из пансиона М. И. Семевского Г. З. Елисеев писал: «Ах, проклятый человек! Как он мне надоел, несмотря на свою любезность и предупредительность. Есть люди, которые насквозь пропитаны всякого рода пошлостью и подлостью, и между тем, на первый взгляд, люди совершенно приличные. Ничего резкого, выдающегося. Но стоит вам побыть с ними несколько времени, и вас обдаст такою невыносимой вонью от их существа, что вы тотчас почувствуете, что быть с ними невозможно. При этом им совершенно невдомек их внутренняя гнусность, и они даже рисуются ею, что делается так скромно, с таким сознанием своего достоинства, что гнусность делается от этого еще гнуснее. В основе его несомненно тип Молчалина, но гораздо утонченнее. Молчалин слишком груб, нахален»². По получении письма М. Е. Салтыков-Щедрин сообщал Н. А. Белоголовому: «Елисеев пишет, что перебрался на квартиру оттого, что ему надоел Семевский. Действительно ужасный холоп» (19 ноября 1881 г.)³. Спустя несколько дней (23 ноября 1881 г.), в ответе Г. З. Елисееву он развил свою оценку: «Я совершенно

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 2, д. 111.

² Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину... С. 51.

³ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. В 20 т. Т. 19. Кн. 2. С. 61.

понимаю Ваше бегство от лица М. И. Семевского. Этот малый, созданный для того, чтобы обращать людей в бегство, и если бы правительство в прошлую войну употребило его в качестве передового отряда, то многих врагов обратил бы он в бегство без кровопролития. Я никогда особенно часто с ним не виделся, но могу себе представить положение человека, который видится с ним каждый день поневоле»¹. Эти качества прорывались и в отношениях с высокопоставленными лицами. Так, государственный секретарь А. А. Половцов заметил в дневнике: «Отвратительный Семевский подличает» (1883 г.); в другом случае замечает, что великий князь Константин Константинович «жалуется на нескромность Семевского»².

Итак, М. И. Семевский – это несомненно Молчалин, но еще любезнее, еще предупредительнее, еще услужливее. Тот Молчалин, в котором, как считал автор «Горя от ума», Загорецкий не умрет. Фраза из письма Г. Е. Благовестову тому прекрасная иллюстрация: «Серого сожителя в знак моего почтения потрепните за ушко и мордочку...»³. В результате он вызывает чувство отвращения, неприязни. Отсюда проистекают все малопрстойные эпитеты: *мерзавец, хам, тварь, негодяй, прохвост*. М. Е. Салтыков-Щедрин нашел более точное слово – *холоп*. Русский барин уживался в М. И. Семевском с Молчалиным, истинная доброта – с позерством. Он много и чистосердечно помогал людям, состоял членом 14 (!) благотворительных обществ, регулярно делал денежные пожертвования. Дочь педагога Елизавета Редкина благодарила за «шесть рублей на бедную семью Куркиных»⁴. Такие факты встречаются нередко (кстати, суммы везде небольшие: М. И. Семевский был и небогат, и скуповат). Часто он откликался на просьбы едва знакомых людей, отнимающие немалое время и силы. Один из его корреспондентов А. И. Рыжов из Пскова писал: «Едва ли найдется в целом Петербурге другой человек, как вы, Михаил Иванович. Родной брат не сделал бы в половину того, что вы сделали» (1860 г.)⁵. По просьбе барона Ф. Ф. Торнау М. И. Семевский организовал издание и продажу книги, и даже написал рецензию в газету «Голос», что способствовало скорейшей распродаже, хотя автор заранее предупредил, что не имеет средств отблагодарить⁶. Помог он и Л. Н. Павлицеву, который в минуты отчаяния писал: «Чувствую: злоупотребляя Вашим распо-

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 19. Кн. 2. С. 63.

² Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. В 2 т. Т. 1. М., 1966. С. 73; Т. 2. С. 423.

³ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 293, л. 3.

⁵ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 303, л. 5.

⁶ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 355.

ложением ко мне, умоляя Вас о содействии в доставлении мне какой бы то ни было работы. В постоянной работе мое единственное спасение. В финансовом отношении я словно сижу на бочке с порохом: три выдержанные моим 16-летним сыном опасные болезни разорили меня в конец. О будущем страшно и очень страшно думать»¹. М. И. Семевский сделал все, что мог. На письме есть интересная приписка его рукою: «Родной племянник А.С.». Это для него было важно. Он не просто помогал, а помогал племяннику Пушкина! В доброте и отзывчивости М. И. Семевского прослеживается некоторая двойственность: он добр, но бескорыстен ли? Вдова художника Л. А. Серякова, сотрудника «Русской старины», «пользовалась и пользуется его покровительством и теперь, чтит его как бога»², – констатировал Г. З. Елисеев. Это тот результат, которого он желал. Но не все способны были и на такое. Неудивительно, что сестра Софья Ивановна после актов благодетельства восклицала: «Ведь Миша на редкость доброй души человек! Но какой невыносимый характер!»³.

В деловых кругах и на службе М. И. Семевского высоко ценили. Во-первых, в отношениях с начальством он сдерживал свой строптивый характер. Во-вторых, он обладал талантами полезными в его секретарской деятельности. Прежде всего, он был необычайно трудолюбив. Псковский знакомый А. И. Рыжков писал: «Вы составляете такое редкое исключение в мире и так много у вас часов в сутки, чуть ли не 72, судя по количеству изложенного» (1860 г.)⁴. Секрет увеличения суток был прост: вставал он рано, часов в семь, «постоянно, это еще корпусная привычка» (1856)⁵, трудился до позднего вечера, иногда и ночи напролет, особенно когда готовил к печати журнал. М. И. Семевский был способен, если требовали обстоятельства, отказать себе в отдыхе и развлечениях. Так, в записке к П. А. Ефремову, с кем его объединяло увлечение коллекционированием, писал: «Извините, сосед, что я, вопреки своему положительному обещанию провести у Вас сегодня вечер, не могу побывать у Вас. Вот уже 3-й день сплошь сижу над корректурами II книжки «Русской старины» (1872 г.)»⁶. Из письма Льва Николаевича Модзалевского, сотоварища М. И. Семевского по педагогической деятельности в Смольном институте, известно, что он обратился с просьбой к М. И. Семевскому

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 274.

² Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину... С. 52.

³ Цит. по: **Семевская Е.** Василий Иванович Семевский... С. 53.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 303, л. 7.

⁵ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 239, л. 6.

⁶ ИРЛИ. Ф. 103, оп. 2, д. 64, л. 7.

разрешить своему младшему брату Константину, которого воспитывал с ранних лет, бывать в доме Михаила Ивановича, так как «для меня дорого Ваше влияние на него и личный пример честности и трудолюбия. Примеры воспитывают – это азбука и вечная истина, а потому надеюсь, что поймете меня»¹. В другом письме замечал: «Вы трудитесь немало и сделали никак не меньше того, сколько позволили Вам Ваши силы и обстоятельства. За это-то и уважаю Вас, как человека с сильной волей»². Л. Н. Модзалевский был человеком прямым и как педагог способен оценивать других. Ему вторит и декабрист М. А. Бестужев, первоначально знакомый с М. И. Семевским только по переписке, утверждая, что он «человек дел, а не слов»³. К указанным качествам добавим организаторские способности. «Возьмитесь за организаторство – это по вашей части», – советовал Л. Н. Модзалевский⁴. Еще одна черта – необычайная аккуратность. Н. Н. Страхов был поражен: «Видел у него [Семевского – О.К.] большое диво: книжки «Русской старины» за сентябрь, октябрь и ноябрь, он уезжая [имеется в виду поездка за границу в 1878 г. – О.К.] только поручит разослать их»⁵. Это строки из письма Л. Н. Толстому. И хотя Н. Н. Страхов сам был причастен к издательскому делу и хорошо понимал, что нельзя злоупотреблять доверием подписчиков, сам факт заготовки журналов вперед так поразил его, что он не преминул сообщить о том и А. А. Шеншину (поэту Фету): «...а Семевский совсем собрался за границу и заготовил на три месяца вперед книжек «Русской старины». Подобной аккуратности еще не видел свет»⁶. Столь же аккуратен М. И. Семевский и в работе с бумагами, при этом он обладал еще одним важным навыком – умел быстро записывать; это были не стенограммы, а именно запись, в архиве их хранится множество. Писал он на листе бумаги, сложенном вдоль, узкой полосой, видимо на коленях (текст идет наискосок), карандашом. Историки пытались расшифровать эти заметки, так как многие из них представляют научный интерес, например беседы с декабристами, но тщетно:

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 252, л. 23 об.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, л. 5 об.

³ Воспоминания Бестужевых / ред. ст. и коммент. М. К. Азадовского. М.; Л., 1951. С. 440.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 252, л. 3 об.

⁵ Толстовский музей. Т. 2. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым: 1870 – 1894. СПб., 1914. С. 184.

⁶ Из переписки: письма графа Л. Толстого, А. Фета, Н. Н. Страхова // Русское обозрение, 1901. Вып. 1. М., 1901. С. 81 – 82.

сокращения произвольны, расшифровать их мог только автор, что он часто и делал в ближайшее после встречи время, опираясь на память. Это было своего рода хобби. Появление же подобных материалов в прессе вызывало возмущение. Так, в 1883 г. литератор В. П. Гаевский заметил в дневнике: «Обедал у Данона с Анненковым, Кавелиным, Салтыковым, Спасовичем. Вспоминали о Тургеневе, и все были возмущены приемами Семевского, который, пригласив к себе Тургенева, устроил ему ловушку: стенографировал его разговор (вероятно, стенограф сидел в соседней комнате) и напечатал его, как только скончался Тургенев. Прием вполне достойный Семевского»¹. Стенограф действительно был, но на другой день, рано утром (в предисловии к публикации подчеркнуто, что за ночь не мог сильно перепутать слова И. С. Тургенева)². М. И. Семевский сам продиктовал разговор, состоявшийся 4 марта 1880 г., опираясь на свои заметки и память. Когда речь шла о добыче исторических материалов, пригодных к публикации, от честности, которую обнаружил Л. Н. Модзалевский, не оставалось и следа.

М. И. Семевский, как и подобало человеку века XIX (и именно мужчине), был сентиментален. Он хранил школьные сочинения и записочки дочерей, засушивал на память цветы и веточки между книжных страниц. Е. Н. Водовозова описала сцену примирения после «дипломатического разрыва» с Василием по случаю окончания им гимназии с золотой медалью: «Когда Михаил Иванович узнал об этом, он с величайшим восторгом приехал поздравить брата... На этот раз не было конца объятиям, поцелуям и даже слезам, в искренности которых Василий Иванович никогда не сомневался»³. Чувственность следовало не только иметь, но и приличным считалось ее проявлять. М. И. Семевский любил красоты природы, в городе тосковал о сельском приволье: «Счастливы вы друзья, вы в деревне весной, а я ее встречаю в своем подвале», – из письма отцу 1860 г. в село Федорцево⁴. «Зима здесь стоит превосходная...», – к А. Ф. Кони в 1886 г.⁵. «Я с семьей провожу осень в Крыму и какую осень! Это просто прелесть!», – из письма к Н. Н. Селифонтову в 1888 г.⁶.

По характеру М. И. Семевский был человеком общительным и легко налаживал контакты. Появление среди его знакомых людей

¹ Из дневника В. П. Гаевского // Красный архив. М., 1940. № 3 (100). С. 234.

² РС. 1883. № 10. С. 202, 216.

³ Семевская Е. Василий Иванович Семевский... С. 65.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 2, д. 18, л. 271.

⁵ ИРЛИ. Ф. 134, оп. 3, д. 1516.

⁶ РНБ. Ф. 682, д. 226.

известных создавало для них определенную опасность оказаться в числе его гостей, причем в роли именинного пирога, который радушный хозяин приглашает откусать. Один из первых был А. Н. Островский. В 1855 г. во время пребывания лейб-гвардии Павловского полка в Москве восемнадцатилетний М. И. Семевский знакомится с писателем весьма оригинальным по тому времени способом: без рекомендаций отправляется на квартиру и добивается приема. Затем с такой же настойчивостью добивается ответного визита. «Русский авось» велик; авось – Вы дома сегодня, будьте добры исполните слово и зайдите вечером посидеть», – зазывал он А. Н. Островского¹. Не дождавшись, не отступился: «Беру смелость снова беспокоить Вас своею покорнейшею просьбою – подарить мне сегодняшний вечер, т. е. если Вы свободны сегодня, то будьте добры, навестите»². В подобной ситуации оказался и С. Д. Полторацкий. Почтенному библиофилу М. И. Семевский оставил записку следующего содержания: «Милостивый государь Сергей Дмитриевич! Я уезжаю в Нижний в воскресенье – вот почему крайне бы желал еще до отъезда иметь честь Вам представиться. Но время у меня на счету, сегодня я был у Вас, но кое-кто из пишущих, может быть, будет, и я отлучиться не могу. Не могу ли я просить сегодня же Вас к себе...» (1862 г.)³. Письмо написано человеку незнакомому, которому еще следует представиться, значительно старше по возрасту, но все это не смущало начинающего литератора. Попался в эти сети и И. С. Тургенев. В 1880 г. в записке Н. Н. Селифонтову значится: «Премного обяжете, если придете сегодня... ко мне и проведете вечерок. Хозяйшюшка моя также просит Вас. Сегодня будет у нас И. С. Тургенев, который ведь уж второй вечерок дарит нам; проведем время в приятной беседе»⁴. Чаще всего М. И. Семевский приглашал гостей послушать сценки из народной жизни, сочиняемые и исполняемые артистом Иваном Федоровичем Горбуновым. Пожалуй, это был единственный человек, с кем дружеские отношения сохранялись многие годы. Этому способствовал и мягкий, услужливый характер И. Ф. Горбунова, и его популярность в высшем свете и при дворе. Известно, что Александр II, дополняя программы концертов, составленных женой, несмотря на их классический репертуар, неизменно включал И. Ф. Горбунова. Для М. И. Семевского это много значило. Он приложил немало усилий, чтобы числиться среди знакомых великих князей Константина Нико-

¹ Неизданные письма к А. Н. Островскому. М.; Л., 1932. С. 534.

² Неизданные письма к А. Н. Островскому... С. 534 – 535.

³ РНБ. Ф. 603, д. 184, л. 1.

⁴ РНБ. Ф. 682, д. 226, л. 23.

лаевича, а позже Сергея Александровича¹. Но хочется верить, что это была настоящая дружба, основанная на внутренней симпатии, которой проникся М. И. Семевский с первого знакомства, состоявшегося в Москве в 1856 г. «Что касается до И. Ф. Горбунова, – писал он к Г. Е. Благовестову, – то это молодой человек с провинции, выразительным лицом, черными глазами и черными, как смоль волосами»². Он был восхищен перевоплощением И. Ф. Горбунова при чтении рассказов из русской жизни собственного сочинения. Восхищение переросло в дружбу, чему способствовал переезд артиста в Петербург. Они немало времени проводили вместе, увлекались коллекционированием древностей, в одном доме нашли и невест, позже дружили семьями. И это был единственный человек, с кем в обращении допускалась вольность, шутка, как в письмах к семье: «Приезжай, дружище, Иван Федорович», «Что же вы, родной мой»³. И на всех вечерах И. Ф. Горбунов обязательно читал. Цензор А. В. Никитенко записал в дневнике 1875 г.: «9 февраля, воскресенье. Большой вечер у М. И. Семевского. Праздновали пятилетие <Русской> старины. И. Ф. Горбунов занимал целый вечер своими мастерскими рассказами из народной и общественной жизни»⁴. В доме друга он впервые прочел свои мемуары, написанные по его настоянию. «Иван Федорович! И. Ф. Горбунов прочитает записки артиста. В. В. Самойлов обещал быть непременно и вообще будет до 20 лиц почти исключительно мужские персоны, но Вас надеюсь видеть с милой...»⁵ – это письмо не датировано, но по дневнику И. Ф. Горбунова легко установить, что событие происходило в 1883 г.: «читал начало своих мемуаров» (и на вечере действительно был артист В. В. Самойлов)⁶. К этому времени М. И. Семевский состоял в отставке «с производством в награду за особенно полезную долголетнюю и отлично полезную службу в тайные советники, с назначением из Государственного Казначейства пенсии 2000 руб. в год и с предоставлением права носить в отставке мундир, присвоенный должности помощника статс-секретаря Государственного Совета», как значилось в «Формулярном списке»⁷. Гости его были все более люди ученые («будут археологи и прочие доброуважаемые мужи») или сотоварищи-гласные городской думы

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 335.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 958.

³ ИРЛИ. Ф. 659, д. 178, л. 1, 27.

⁴ Никитенко А. В. Дневник. В 3 т. Т. 1. М., 1956. С. 330.

⁵ ИРЛИ. Ф. 659, д. 1778, л. 1, 27.

⁶ Горбунов И. Ф. Сочинения. В. 3 т. Т. 3. СПб., 1907. С. 433.

⁷ РНБ. Ф. 708, д. 911, л. 5.

(«Будет вся городская управа, городской голова и много моих знакомых»)¹. М. И. Семевский был радушным хозяином. Я. Ф. Березин-Ширяев отметил, что стол, накрытый для ужина в зале, был хорошо сервирован². М. И. Семевский, видимо, любил хорошее вино: «Надо будет распить несколько бутылочек отличного вина по случаю годовщины моей свадьбы...», – предложение «дорогому соседушке» И. Ф. Горбунову³. К своему брату Василию явился с поздравлениями по случаю окончания гимназии, держа в одной руке «корзину с вином...», в другой – целый ворох разных сластей и закусок⁴. Дурные привычки не свойственны были ему в старости, поскольку не возникли в молодости. Еще в 1855 г. он заметил отцу, что «папиросы не явились у меня с офицерскими эполетами, как это делали некоторые из моих товарищей...», то же касалось вина и карт⁵. В доме Семевского любили потчевать гостей блинами. «В 2 часа по-полудни у меня соберется на блины мужская компания – приятели. Будет и кн. Ф. Куракин», это из письма к И. Ф. Горбунову, и в дневнике у адресата есть неоднократные упоминания о блинах⁶. Гостей «потчевали» не только деликатесами, но и некоторыми заведенными в доме обычаями. Во-первых, все должны были расписаться в специальном альбоме. «Со временем, – сказал М. И. Семевский, – эта тетрадь может быть драгоценным материалом для биографий»... и пригласил меня к конторке, на которой лежала тетрадь», – вспоминал Я. Ф. Березин-Ширяев⁷. Многие из современников посмеивались над этим обычаем. В завершение вечера у М. И. Семевского гостей ждал еще один ритуал. «По окончании ужина Семевский принес откуда-то из соседней комнаты громадную кипу отдельных оттисков статей из «Русской старины» и предложил воспользоваться случаем их приобретения. Как стая воронов, мы с хохотом бросились на статьи...», – отметил Я. Ф. Березин-Ширяев⁸. На заре литературной деятельности М. И. Семевский дарил оттиски собственных статей: «У Кр[аевского] нашел Семевского, который свел к себе, надавал своих оттисков», – отметил Г. Н. Геннади в 1860 г. в «Прерванных заметках для памяти»⁹. Неудивительно, что в письмах братьев, особенно Петра, часто выполнявшего

¹ ИРЛИ. Ф. 659, д. 178, л. 12, 25.

² Из записок Я. Ф. Березина-Ширяева ... С. 25.

³ ИРЛИ. Ф. 659, д. 178, л. 29, 51.

⁴ Семевская Е. Василий Иванович Семевский... С. 65.

⁵ Цит. по: Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 25.

⁶ ИРЛИ. Ф. 659, д. 178, л. 27; Горбунов И. Ф. Сочинения... С. 435.

⁷ Из записок Я. Ф. Березина-Ширяева ... С. 24.

⁸ Из записок Я. Ф. Березина-Ширяева ... С. 25.

⁹ РНБ. Ф. 178, д. 10, л. 6.

различные поручения, упоминание о получении оттисков встречается довольно часто: так, в 1862 г. «в типографии взял 140 оттисков «Монс» и прислали 20 оттисков «От Твери до Астрахани», больше теперь не велено давать»¹. Рассылая свои работы, М. И. Семевский добивался новых знакомств. Так, малоизвестный литератор завязал дружеские отношения с московским библиофилом М. Н. Лонгиновым, отправив ему в 1862 г., как становится ясно из переписки, оттиски трех своих статей².

Знакомые и друзья, которых радушно собирал к себе на огонек М. И. Семевский, были той благодатной аудиторией, где он мог блеснуть своими талантами. Первый уже хорошо известен читателям: это повествование о своей коллекции. Второй – дар рассказчика. Один из его учеников, скрывшийся за инициалами В. П., в некрологе особо отметил, что живо помнит «талантливые юмористические импровизации и исторические анекдоты, мастерски рассказываемые покойным, вносившим оживление во все, преимущественно молодые кружки»³. Сей талант проявился у М. И. Семевского смолоду: в письме к отцу 1858 г. с явным удовольствием сообщал, что был «у придворного архитектора Штакеншнейдера – упростили рассказать народным [стилем]. Я не преминул блеснуть»⁴. Об этом несомненном даровании ему говорили многие, например А. И. Креницин, псковский помещик, человек образованный, начитанный и способный потому дать реалистичную оценку:

«Историк честный и правдивый,

Рассказчик умный и игривый...»

Эти строки стихотворного посвящения М. И. Семевский записал в деловом дневнике своей поездки по Псковской губернии. Сам он, как отметил П. Д. Боборыкин, «считал себя прекрасным чтецом и даже участвовал в спектаклях» (1870 г.)⁵. О сценических успехах достоверно известно лишь в пору военной службы: в 1857 г. на любительском спектакле в лейб-гвардии Павловском полку в «Свадьбе Кречинского» он сыграл роль Расплюева и в драме «Окно на втором этаже» – роль 70-летнего старика (ему тогда шел 21 год); в 1858 г. он выступил в роли режиссера в постановке «Женитьбы» Н. В. Гоголя⁶. Упоминание

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 317, л. 2.

² РНБ. Ф. 683, д. 27, л. 1.

³ В. П. Михаил Иванович Семевский. (Некролог) // Мир божий. 1892. № 4. С. 30.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 660.

⁵ Боборыкин П. Д. Воспоминания... С. 148.

⁶ Тимощук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 65, 66, 72.

П. Д. Боборыкина об участии М. И. Семевского в спектаклях относится к деятельности последнего (состоял председателем комитета) в Клубе художников (официальное название – Собрание художников). С 1867 г. в клубе стали проводить раз в неделю «Драматические вечера». Труппа этих «любительских» спектаклей комплектовалась из провинциальных актеров, артистов императорских театров, которые могли выступать исключительно под псевдонимами, и собственно любителей. На этой сцене (ныне Малый драматический театр в Петербурге – здание перестроено) играли К. А. Варламов, М. И. Писарев, М. Г. Савина, П. А. Стрепетова и В. В. Самойлов. Некоторые спектакли признавались лучшими, чем в Александринском театре. Среди этих звезд сцены был и М. И. Семевский. В молодости он пробовал выступать и как чтец на литературных вечерах в зале Первой гимназии. Один из таких вечеров описан агентом III отделения. 10 декабря 1862 г., как следует из документа, в зале было до 600 человек; выступали П. Л. Лавров, И. Ф. Горбунов, поэты А. Н. Майков, Я. П. Полонский, В. С. Курочкин и М. И. Семевский. «Только Семевский, – заметил филер, – читал путевые записки, в коих он почему-то приплел много анекдотов и приказов смешных и, можно сказать, даже глупых, из жизни покойного генерала Скобелева, – хотя и были слушателями приняты с удовольствием, большим смехом и рукоплесканиями, – но при всем этом заставили некоторых благоразумных людей между собою говорить и удивляться, что цензор Бекетов, дозволивший печатать программу всех этих сочинений, а потому и читавший оные, дозволил такого заслуженного генерала выставлять перед публикою в весьма смешном виде»¹. Рассказы М. И. Семевского были забавны и смешны, но юмор этот был грубоват, что и заметила образованная часть публики. Наблюдательная Е. Н. Штакеншнейдер, на наш взгляд, точно определила причину выбора подобного репертуара: «Необразованный человек Семевский, оттого он и шлепает так; и нет у него чувства изящного, так что и цинизм у него не намеренный, а наивный»². С этим несчастьем (а он всегда считал, что все его беды проистекают от отсутствия университетского образования) М. И. Семевский боролся средствами самообразования. Менялся он сам, менялось и отношение к его репертуару. «Почтенный Михаил Иванович! – обращался к нему в конце 1860-х гг. А. Ф. Гильфердинг. – Записки, которые Вы читали на-медни у Бестужева, так интересны, что я прибегаю в Вам с усерднейшею просьбою не отказать прочитать их у нас, для удовольствия моей жены и

¹ Материалы для биографии П. Л. Лаврова. Вып. 1. Пг., 1921. С. 76.

² Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки... С. 264.

папеньки, а также некоторых весьма почтенных господ, как, например, Ю. Ф. Самарин, который меня очень просил доставить ему случай послушать это чтение»¹.

В молодости у М. И. Семевского было еще одно увлечение – танцы, но, как подметила Е. Н. Штакеншнейдер, это не вязалось с его тщедушным видом: он был «небальный», в то время как П. Д. Боборыкин запомнил его в тот вечер лихо отплясывающим мазурку². Часто упоминаются балы и в письмах: «Много плясал и дурачился на балу у А. Д. Галахова» (1858 г.). И даже был момент (1855 г. – 18 лет!), когда перед ним стояла серьезная проблема: «...словесность – это удовольствие, следовательно, во всяком случае для военного должно быть дело второстепенное; я не прочь также в знакомом доме вспомнить и танцы, кои очень люблю, но как согласить три разнородные предмета: фронт, литературу и балы – вот вопрос, который должна мне разрешить настоящая зима: что перетянет? А трем господам трудно служить»³. Прошла не одна зима, когда окончательно был сделан выбор – он стал слугой госпожи Клию. Балы с годами сменились беседами в «мужской компании» ученых мужей⁴. Но некоторым увлечениям молодости он оставался верен всю жизнь. Его театром был Александринский, и посещал его почти еженедельно. Как многие театралы, собирал программы. На них пометы: 5 ноября 1881 г. – «был и много смеялся»; 12 ноября – «скучная пьеса»; 3 декабря – «с удовольствием видел игру г-жи А.»; 10 декабря – «был в театре: пьеса очень веселая»⁵. И в зрелые годы он сохранил свой веселый нрав. Достигнув определенных успехов, преисполненный чувством собственного достоинства, М. И. Семевский заважничал. Нет, не стал важным, а старался играть роль важного господина. Ироничный А. Ф. Кони в письме к М. М. Стасюлевичу (замечу, что оба не только многие годы знали, но и питали к М. И. Семевскому дружеские чувства) сообщал: «Вчера я поддался на настойчивое и неоднократное приглашение М. И. Семевского и был на его лекции о Петре. Благодарю! Не ожидал!»⁶. Насмешка заключена в последних двух фразах. Это цитата из широко известной эпиграммы, приписываемой С. А. Соболевскому на графа Соллогуба. Последний в 1869 г. написал дюжину куплетов, каждый заканчивал-

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 117, л. 89.

² Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки... С. 164; Боборыкин П. Д. Воспоминания... С. 148.

³ Цит. по: Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 29.

⁴ ИРЛИ. Ф. 659, д. 178, л. 15, 25, 27.

⁵ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 440.

⁶ Кони А. Ф. Собрание сочинений... С. 86.

ся словами: «Благодарю, не ожидал!». Стишки вскоре забылись, но эпиграмма на них была известна всем:

*«Вчера я видел Соллогуба.
Как он солидно рассуждал
И как ведет себя – ну, любо.
Благодарю, не ожидал»*¹.

Посмеивалась над М. И. Семевским и молодежь, граф Милорадович писал П. Я. Дашкову (оба на 20 лет моложе): «А потом пришлю Вам два рассказа о знаменитом Михаиле Ивановиче Семевском. Теперь некогда...» (1891 г.)². Самому М. И. Семевскому импонировало скромное поведение знаменитостей. Так, описывая вечер, проведенный с И. С. Тургеневым, преднамеренно подчеркнул, что тот вел себя «чрезвычайно просто, без всякого самовеличия и тех выходов самолюбия, которыми зачастую отличаются не только звезды первой величины в мире литературы и артистическом, но и второй и третьей величины...»³. Но своего «самовеличия», как водится, не замечал.

Свойства характера М. И. Семевского как нельзя соответствовали роду его занятий. Гипертрофированное трудолюбие и педантичность в делах были полезны как в занятиях чиновника, так и библиофила и издателя. Уникальная способность знакомиться с людьми самых разных взглядов и возрастов, входить в доверие к лицам разного социального происхождения была необходимым условием в деле коллекционирования, когда ценные в историческом плане материалы, но далеко не всегда имеющие значимую материальную стоимость, находились в основном в частных руках, и нужно было проявлять немалую изобретательность, изворотливость и ловкость, чтобы заполучить их в свое собрание. Общительность и эмоциональность М. И. Семевского способствовала успеху в реализации всех его начинаний; он использовал друзей, знакомых и сослуживцев для решения своих проблем.

§ 2. Общественно-политические взгляды

Судить о воззрениях М. И. Семевского достаточно сложно по причине скудости материалов, на основании которых возможно составить подобное представление. Его переписка и незавершенные мемуары, хотя и содержат суждения по различным вопросам, в том числе и по общественно-политическим – отрывочны и случайны, и

¹ Эпиграммы и экспромты. М., 1912. С. 88.

² ИРЛИ. Ф. 93, оп. 1, д. 15, л. 163.

³ РС. 1883. № 10. С. 210.

потому не дают целостной картины. Столь же скупы и отдельные, весьма краткие замечания, сделанные им в статьях. Кроме того, интерес к М. И. Семевскому III отделения уже с конца 1850-х гг., о чем ему было известно, делал его, и без того человека скрытного, чрезвычайно осторожным и воздержанным.

Решая задачу определения места М. И. Семевского в общественно-политической жизни русского общества, исследователи опирались, главным образом, на факты его биографии и анализ круга знакомых. Так, одна из наиболее ранних характеристик политических взглядов М. И. Семевского, представленная в середине 1930-х гг. И. М. Троцким, была предопределена его социальным происхождением и положением в служебной иерархии – он предстал как фигура «петербургского либерально-бюрократического круга», «обладавшая поразительным бюрократическим безвкусием», а его политические воззрения не ушли дальше либерализма 60-х гг. – «пресноводного» и «пошловатого»¹. И. М. Троцкий опирался на факты, почерпнутые им из единственной в то время биографии М. И. Семевского, составленной в 1895 г. В. В. Тимошук под надзором вдовы Е. М. Семевской, и представлявшей его достойным высокого чина тайного советника².

Новые факты из жизни М. И. Семевского, выявленные в середине 1960-х гг. Н. Я. Эйдельманом, изменили оценку его политических воззрений. Установив, что он был корреспондентом А. И. Герцена, исследователь выдвинул предположение, что именно объемные послышки с историческими документами от М. И. Семевского навели А. И. Герцена на мысль об издании «Исторического сборника». Посланные в Лондон материалы соответствовали как научным, так и общественным интересам начинающего историка. В молодые годы он встречался с декабристами, петрашевцами; собирал запрещенные сочинения. И хотя сам исследователь был осторожен в оценках, подчеркнув, что он стоял особняком среди выявленных корреспондентов; отметил, что его письма товарищам по делу сухи, официальны и касаются исключительно деловых вопросов, в то время как остальные находились в дружеских или приятельских отношениях, и определил взгляды М. И. Семевского как «умеренный либерализм»³. Тем не менее в историографии наметилась тенденция к смещению М. И. Се-

¹ Троцкий И. М. Запись беседы Салтыкова с М. И. Семевским // ЛН. Т. 13 – 14. М., 1934. С. 519 – 520.

² Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский...

³ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 140, 151, 264.

мевского, в связи со вскрывшимся фактом корреспондентских связей с А. И. Герценом, к либерально-демократическому и даже к демократическому течению (В. И. Порох¹ и С. Г. Петров²).

Хотя В. И. Порох выявил ряд новых фактов политической биографии М. И. Семевского, тем не менее, вопрос нельзя признать решенным, поскольку был применен все тот же традиционный прием – изучение близкого окружения, при этом допущен очевидный крен в направлении лиц, примыкавших к демократическому лагерю. Однако М. И. Семевский имел обширный круг знакомых, как в зрелые годы, так и в молодости, и важно не только выявить его, но и определить, чьи взгляды и в какой мере он разделял. К числу них лиц следует отнести: сторонников демократического движения – Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, В. И. Кельсиева, П. Л. Лаврова; славянофилов – А. Н. Попова, А. Ф. Гильфердинга, О. Ф. Миллера, В. И. Ламанского; из числа педагогов – К. Д. Ушинский и В. И. Водовозов.

Одним из наиболее радикальных по политическим убеждениям человеком, с которым судьба свела М. И. Семевского, был Н. Г. Чернышевский. Время их знакомства точно не установлено. Самая ранняя возможность могла представиться уже в 1855 г., по завершению М. И. Семевским кадетского корпуса на квартире у И. И. Введенского, который принял на себя труд наставлять подающего надежды ученика, пригласил на свои знаменитые «среды», вдохновил на написание литературно-критического сочинения о русской комедии XVIII в.³ Самая поздняя – в начале 1858 г., когда Н. Г. Чернышевский вошел в редакцию «Военного сборника». Факт их знакомства и присутствие в некоторых общественных организациях (Шахматный клуб, Педагогическое общество) был растолкован исследователями как от-

¹ «Общественная роль М. И. Семевского, – констатировал В. И. Порох, – вполне укладывается в квалификацию его как представителя либерально-демократического направления в расстановке политических сил России 60 – 80-х гг. XIX в.» (Порох В. И. Офицер, историк, издатель. Все о М. И. Семевском. Саратов, 1999. С. 19). Или «М. И. Семевский больше тяготел к западническому направлению в его либеральной трактовке» (Порох И. В., Порох В. И. М. И. Семевский в Москве (октябрь 1855 – июль 1856) // Россия XIX – XX вв.: сб. статей к 70-летию со дня рождения Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 157).

² Позиция автора высказана в категоричной форме: «С кем же М. И. Семевский, на чьей стороне его симпатии? Только на стороне революционно-демократического лагеря Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова» (Петров С. Г. Он был поэтом истории // Нева. 1999. № 11. С. 217).

³ Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 27.

ношения «друзей и единомышленников»¹. Как близких по интересам людей представило их и III отделение. В Докладе шефа жандармов В. А. Долгорукова от 27 апреля 1862 г. М. И. Семевский упомянут в «списке лиц, у которых предполагается сделать одновременный строжайший обыск», как человека, который «обращает на себя внимание предосудительным образом мыслей, и был в близких отношениях с Чернышевским»². В деле Вс. Костомарова в составленном им шифрованном списке фигурировала фамилия М. И. Семевского, на что обратил внимание еще М. К. Лемке³.

Однако ряд фактов заставляет усомниться в том, были ли они действительно единомышленниками. В письме к отцу, как сообщал М. И. Семевский, один из воскресных дней 1858 г. (15 декабря), он закончил балом у Н. Г. Чернышевского, «важнейшего сотрудника в журнале «Современник»: плясал, плясал и более ничего»⁴. Вечера у Чернышевских сильно отличались и по составу гостей и по видам развлечений. Танцы предполагались лишь на половине у Ольги Сократовны; Николай Гаврилович в это время либо сидел у себя в кабинете, либо вовсе уходил из дома. Сама О. С. Чернышевская спустя годы отмечала, что ее гости, «как люди большею частью пустые, его не интересовали» и среди них он нашел прототипы действующих лиц романа «Что делать?»⁵. Неудивительно, что спустя годы, когда Ф. В. Духовников собирал материалы в Саратове к биографиям Н. Г. Чернышевского и Г. Е. Благодетель, именно Ольга Сократовна живо отреагировала на имя М. И. Семевского, заказавшего эту работу, спросив мужа: «Ты помнишь Мишу?» На что последовал односложный ответ: «Помню»⁶. Возможно, что О. С. Чернышевская помнила М. И. Семевского и потому, что встречалась с ним не только во время светских визитов. Как отметил М. А. Антонович, «когда до Н. Г. доходили сведения о стесненном положении и нуждах литераторов, особенно молодых, он всегда спешил на помощь, и его агентом

¹ Таубин Р. А. К вопросу о роли Н. Г. Чернышевского в создании «революционной партии» в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. // Исторические записки. 1958. № 39. С. 88.

² Дело Чернышевского: сб. док. и мат. Саратов, 1968. С. 116.

³ Лемке М. К. Политические процессы в России в 1860-е гг.: (по архивным документам). М.; Пг., 1923 г. С. 254.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 670.

⁵ Богданович Т. А. Любовь людей 60-х гг. Л., 1929. С. 147, 149.

⁶ РС. 1912. № 5. С. 302.

по этой части была его супруга, Ольга Сократовна»¹. В 1858 г., особенно осенью 1859 г. М. И. Семевский сильно бедствовал. В письме к отцу от 21 сентября 1859 г. восклицал: «Вот бедственная осень для Семевских!», а неделей позже писал: «Денег осталось 3 рубля. Служба ничего не дает, уроков нет...»². Наша версия о материальной помощи со стороны Чернышевских, только версия, но встречи по этому поводу быть могли.

Вспоминая о своем знакомстве с Н. Г. Чернышевским в 1858 г., М. А. Крымов отметил, что тот пришел в гости с женою. Компания состояла из А. Н. Пыпина, А. Д. Галахова, М. И. Семевского, А. Ф. Погосского. «Беседа как всегда велась оживленно, – отметил он, – подняты были злободневнейшие вопросы, трактовалось о предстоящих реформах, затем говорили о новых произведениях гр. Льва Толстого и Тургенева, о Герцене, о Огареве, о содержании последних номеров «Колокола» и «Полярной звезды»³. Здесь интересен состав гостей. О. С. Чернышевская на деловые встречи мужа не ходила. А. Н. Пыпин и А. Д. Галахов – частые гости семьи⁴. Складывается впечатление, что М. И. Семевский принадлежал к той части посетителей дома, в присутствии, которых, велись только общие разговоры. В 1859 – 1861 гг., когда шла поляризация сил, от Н. Г. Чернышевского многие отделились. В 1858 г., Как отметил в воспоминаниях М. А. Антонович, журфиксы самого Н. Г. Чернышевского в 1858 г. были многочисленны, «собиралось самое разнообразное и блестящее интеллигентное общество. ...Реакция еще только начиналась почти незаметно, и общество еще не дифференцировалось и не разбилось в два враждебных лагеря, прогрессистов и реакционеров, опасных нигилистов и благонамеренных патриотов». «Но уже в следующем году, – подчеркнул мемуарист, – из прежних посетителей журфиксов Н. Г. Чернышевского явились к нему очень немногие, а большинство

¹ Антонович М. А. Из воспоминаний о Чернышевском // Памяти Н. Г. Чернышевского. СПб., 1910. С. 20.

² ИРЛИ. Ф. 274, д. 1, л. 726 об., 727.

³ Крымов М. А. Знакомство с Н. Г. Чернышевским: (1858 – 1862) // Слово. 1905, 16 ноября. № 302. Приложение. С. 12.

⁴ Н. Д. Новицкий, впоследствии генерал-майор, встречал на квартире у Чернышевских А. Д. Галахова. (Таубин Р. А. К вопросу о роли Н. Г. Чернышевского... С. 64.) А. Н. Пыпин – родственник Чернышевских. А. Ф. Погосский – издатель-редактор журнала «Солдатская беседа», автор рассказов из солдатского быта.

сторонилось от него, как от опасного человека, одного из главарей нигилизма»¹.

Сомнителен и факт совместной деятельности Н. Г. Чернышевского и М. И. Семевского в «Военном сборнике». Долгое время утверждалось, что Н. Г. Чернышевский был в течение 1858 г. редактором журнала, и что он привлек к участию в издании молодых литераторов, среди которых называли и М. И. Семевского². Существовавшую долгие годы неточность исправил О. Р. Айрапетов. Когда 6 января 1858 г. было дано позволение на издание, то редакторами были назначены профессора Академии Генерального штаба полковник В. М. Аничков (впоследствии заменен капитаном Х. Г. Окербломом) и капитан Н. Н. Обручев. Последний реально руководил редакцией. Его усилиями заведующим хозяйственной частью журнала и ответственным по литературной части был назначен Н. Г. Чернышевский. По мнению О. Р. Айрапетова, о значительном влиянии штатного литератора на издание военного журнала говорить не приходится³. М. И. Семевский мог быть приглашен в «Сборник» не только Н. Г. Чернышевским, но и своим другом Н. Ф. Дубровиным, служившим в Генеральном Штабе, и уже известным военным историком. В письмах к родным имя его упоминается довольно часто. Так 16 ноября 1859 г. он сообщал отцу: «Навещает меня чаще всех Н. Ф. Дубровин»⁴. Не покинул М. И. Семевский журнал и по выходе в отставку редактора, как сделали большинство авторов⁵, и на что указывал новый редактор П. К. Меньков: «Весьма немногие из лиц, принимавших участие в прежнем «Сборнике» предложили услуги новой редакции»⁶. П. К. Меньков добивается для М. И. Семевского права рабо-

¹ Антонович М. А. Из воспоминаний о Чернышевском... С. 18.

² Макеев Н. Н. Г. Чернышевский – редактор военного сборника. М., 1950. С. 99; Баренбаум И. Е., Костылева Н. А. Книжный Петербург – Ленинград. Л., 1986. С. 232.

³ Айрапетов О. Р. Н. Н. Обручев и дело «Военного сборника»: (1858) // П. А. Зайончковский: 1904 – 1983: ст., публ. и воспоминания о нем. М., 1998. С. 442 – 452.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, с. 744.

⁵ По подсчетам Р. А. Таубина ушло не менее 80% сотрудничавших с журналом авторов (Таубин Р. А. К вопросу о роли Н. Г. Чернышевского... С. 63).

⁶ Записки П. К. Менькова. В 2 т. Т. 2. СПб., 1998. С. 270. На страница «Русской старины» М. И. Семевский отметил, что «с 1860 г. по самый год его кончины 1875 г. [они – О. К.] состояли в самых дружеских отношениях» (РС. 1888. Т. 57. С. 772).

тать в государственных архивах и в 1859 – 1862 гг. вышла в свет целая серия его статей¹.

Отрицательное отношение М. И. Семевского к «Современнику», основанное на совершенно определенном высказывании о неприятии направления журнала, отметил В. И. Порох, однако расценил этот факт не как свидетельство сложившихся убеждений, но как обиду на Н. А. Добролюбова, спровоцированную резкой рецензией², что это было отторжение не по убеждениям, а из-за раздражения. Н. А. Добролюбов высмеял книгу М. И. Семевского «Великие Луки и Великолукский уезд». Прежде всего, он отметил, что книга «замечательна... в том отношении, что автор ее при крайней ограниченности понятий и знаний, все-таки выражает сочувствие современному направлению». Далее рецензент показал полную беспомощность автора как историка, статистика, этнографа и иронично заметил: «Словом, автор почти на каждой странице своей книжки обнаруживает такое наивное неведение о самых простых предметах, что мы несколько не удивились бы, если увидели, что он к особенности Великолукского уезда причисляет и то, что там люди вверх головой не ходят»³. Критик обращался к этой теме неоднократно, так что сам М. И. Семевский в декабре 1859 г. записал: «..Мой единственный противник, Добролюбов сделал новую заметку обо мне, вспоминая вовсе не к стати книжечку «Великие Луки»⁴. Замечание, высказанное попутно в заметке о статье А. Филонова «Очерки Дона», было действительно обидное. Н. А. Добролюбов писал: «Мы помним, с каким неудержимым смехом

¹ **Семевский М. И.** Исторические предания о событиях 1757 г. // Военный сборник. 1859. № 6; Он же. Кожуховский поход, современное описание. 1694 г. / с прим. и пред. М. И. Семевского // Там же. 1860. № 1; Он же. Из записок убитого офицера: 1831 – 1838 // Там же. 1860. № 4; Он же. Противники Фридриха Великого: Апраксин и Бестужев-Рюмин, очерк из русско-прусской войны 1756 – 1762 // Там же. 1862. № 5, 6, 9.

² **Порох В. И.** Офицер... С. 60.

³ **Добролюбов Н. А.** Полн. собр. соч. В 6 т. Т. 3. М., 1934. С. 332. Уже к концу XIX в. книга ценилась краеведами и составляла библиографическую редкость. (Псковский городской листок. 1896. 20 марта. № 22. С. 2) Современные исследователи так же высоко оценивают работу М. И. Семевского. Написанная на основе «собственных натурных изысканий объектов топографии древних Великих Лук и их следов», «она надолго сформировала представления об истории города и его топографии в прошлом, став своеобразным источником для исследователей-краеведов конца XIX – XX вв.» (**Юрасов А. В.** Великие Луки в XII – XVII вв. Историческая топография средневекового города. Псков, 1996. С. 11, 14).

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, с. 749 об.

читали мы, два года тому назад, книжку г. Семевского, весьма важно и наивно утверждавшего, что в Великолукском уезде прежде свадьбы бывает сватанье, сговора, девишник, на котором песни поют, и что он г. Семевский, составил сборник великолукских пословиц, в роде: ученые свет, а не ученые тьма,... и т. д. Мы долго не могли вспомнить без смеха, как это г. Семевский ходит по Великолукскому уезду и собирает такие редкие пословицы... Говорят, что г. Семевский в последнее время напечатал несколько замечательных ученых трудов и уже занял почетное место в ряду почтенных деятелей нашей науки»¹. Неоднократно Н. А. Добролюбов высмеивал и количество, и качество работ: «Почитайте, например, г. Семевского: как он пользуется слухами и безграмотными «делами» старых лет!» Или: «Мехиканцы должны производить в год столько же революций, сколько г. Семевский пишет исторических исследований...»². Следует обратить внимание, что Н. А. Добролюбов определил политические воззрения М. И. Семевского – либерал, и повторял это неоднократно³. М. И. Семевский действительно, вступив на литературное поприще, довольно много писал, удачно пристраивал свои часто скороспелые произведения в столь же скороспелые журналы и, что может показаться еще более странным, имел немалый круг поклонников, возможно, потому Н. А. Добролюбов и не выпускал его из поля зрения, напоминая читателям свою резкую оценку о второсортности подобной литературы. Нам представляется, что дело было именно в политических разногласиях. М. И. Семевский не принимал не только направления журнала «Современник», но и роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» В письме от 14 февраля 1863 г. из Йены Л. Н. Модзалевский, его друг по педагогической деятельности, писал в ответ на мысли, высказанные М. И. Семевским: «Цель у всех у нас одна, но средства не обдуманы хорошенько. Вы находите роман Чернышевского сумбуром, идеализмом (подчеркнуто мною – О. К.), потому что Вы знаете жизнь, а гимназист или институтка, не знают жизни и сойдутся с толку...»⁴. Следовательно, М. И. Семевский не только не восторгался романом, но и принял его за сумбур. Сходное отношение к Н. Г. Чернышевскому проявлял и А. И. Афанасьев, входивший в круг литераторов, связанных с журналом «Библиографические запис-

¹ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 532.

² Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 6, 177.

³ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 333; Т. 5. С. 4.

⁴ Модзалевский Л. Н. Письма М. И. Семевскому // Тимопук В. В. Михаил Иванович Семевский... Приложение. С. 41.

ки», составлявших, по выражению Н. Я. Эйдельмана «партию Герцена и Огарева», к которой примыкал и М. И. Семевский. «По моему мнению, проповедь этого человека в настоящее время более вредна, чем полезна, — писал А. И. Афанасьев в дневнике в 1862 г., — потому что смысл ее таков: «человечеству, а следовательно, и русскому народу нужен социальный переворот, полнейшее изменение имущественных отношений, и потому надо наперед расчистить почву, чтобы приступить к новой постройке общества на новых началах, при которых все были бы максимально удовлетворены и обеспечены и равно сыты; все же остальное: и представительное правление, и суд присяжных, и гласность, и свобода совести — вздор, чепуха, бревна, которые мешают только идти к цели!»¹ Если взгляды Н. Г. Чернышевского воспринимались некоторыми современниками именно так, т. е. как полное отрицание идеи земства, суда присяжных и пр., то М. И. Семевский смолodu и до конца жизни преклонявшийся перед реформами Александра II неизбежно должен был отойти от «Современника». Однако это не мешало ему видеть в Н. Г. Чернышевском неординарную личность, интерес к которой не пройдет с годами. Он закажет Ф. В. Духовникову написать специально для журнала «Русская старина» биографию Н. Г. Чернышевского. Выбор автора был сделан обдуманно — член археографической комиссии Саратова, краевед, сочинитель, современник, знавший лично Чернышевских, мог действительно составить научную биографию. Хранил М. И. Семевский в своем собрании и редкий портрет знаменитого современника, который поименован в материалах, поступивших в 1920-е гг. на хранение в Музей Революции в Петрограде².

Вторым не менее важным фактом в оценке взглядов М. И. Семевского была его связь с А. И. Герценом. Как многие молодые люди, принадлежащие к поколению 1860-х гг., он был во власти вольной публицистики. Позже, в набросках к мемуарам писал: «Об этом времени слишком много написано, и мне ни к чему прибавлять что-либо к его характеристике. Скажу только, жилось до крайности весело и до крайности весело работалось, с необыкновенным увлечением, а тут эти листки талантливых публицистов, эти забористо-жгучие строчки Искандера, как воспламеняюще падали на тогдашнюю почву! Как возбуждительно действовали они, отвлекая и откидывая от всякого за-

¹ Цит. по: Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты... С. 191.

² ГМПИР. Книга поступлений ГМР № 1. Запись № 219 от 20 марта 1922 г.

стоя и спячки»¹. Еще совсем юный М. И. Семевский, как это было принято в те времена, составлял рукописные сборники, из которых сохранилось три тома за 1855 – 1857 гг.² Среди авторов привлечших его внимание – А. С. Пушкин, В. Л. Пушкин (стихотворение «Опасный сосед» сопровождается комментариями с расшифровкой упомянутых лиц), Д. В. Давыдов, П. А. Вяземский, К. Ф. Рылсеев, Н. А. Некрасов – произведения, известные только в списках по причине строгостей цензуры, либо уже печатавшиеся тексты, с дополнениями цензурных пропусков. В первом сборнике, помеченное 10 марта 1855 г., переписано «Письмо императору Александру II», при этом указаны фамилия и псевдонимы автора: Герцен–Яковлев (Искандер). В третьем – находится отрывок «Из прерванных рассказов», в четвертом – «*Il pianto*» и из «Былого и дум» (Дубельт, Бенкендорф; вторая ссылка, Новгород). Нельзя сказать, что М. И. Семевский собирал исключительно работы А. И. Герцена, для них нет даже отдельной тетради. В целом это обычный набор «потаенной литературы» вполне доступный в обеих столицах человеку просвещенному. Интерес к произведениям Вольной русской типографии не был чем-то особенным в 1850 – 1860-е гг. Однако М. И. Семевский перешагнул грань общепринятого интереса, он принял на себя обязанности корреспондента.

История лондонских связей М. И. Семевского обстоятельно изложена Н. Я. Эйдельманом, и результаты исследования включены в справочный аппарат факсимильных изданий «Полярной звезды» и «Исторических сборников»³. Материалы М. И. Семевского печатались во всех изданиях Вольной русской типографии – «Колоколе», «Полярной звезде», «Исторических сборниках». Весь перечень выявленных Н. Я. Эйдельманом и В. И. Порохом материалов приведен в табл. 1. (Приложение I), из которой следует, что М. И. Семевский посылал материалы только исторического содержания, не выходявшие за рамки его интересов как историка. Он всю жизнь был верен теме декабристов, даже тогда, когда в 1870 – 1880-е гг. большинство издателей, в частности П. И. Бартенев, прекратили публикации. Столь же стойкий интерес у него вызывали такие сюжеты как смерть Павла I,

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 9 об.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 437 (Ч. 1. 1855 г.), д. 438 (Ч. 3. 1856 г.); РНБ. Ф. 905 НСРК, оп. 2, д. Q. 91. (Ч. 4. 1857 г.)

³ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты...; Полярная звезда. Журнал А. И. Герцена и Н. А. Огарева. В 8 кн. 1855 – 1869. Факс. изд. М., 1968. Кн. 9: Приложение; Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герцена и Н. А. Огарева. Кн. 3. Коммент. и указ. М., 1971.

восшествие на престол Екатерины II. Возможно, в посылках были и его собственные сочинения. Обращает на себя внимание фраза в письме А. И. Герцена от 29 июля 1859 г. М. И. Семевскому: «Ваш рассказ непременно напечатаем, но скажите, сказать ли, что цензура не пропустила его?»¹. Под словом «рассказ» может быть зашифрован небольшой литературный опус «В карауле», написанный в конце 1858 г., предназначавшийся в журнал «Искра», и уже появившийся в корректурных листах, но запрещенный цензурой, в котором сравнивалось настоящее с прошедшим, с «нелепостями незабвенного Ник<олая>»². Этот рассказ так и не вышел в печати. Об этом М. И. Семевский сообщал в письме отцу. Возможно, этим рассказом были воспоминания Н. А. Бестужева, которые он пытался опубликовать на родине, но они увидели свет только в VI номере «Полярной звезды»³.

Н. Я. Эйдельман установил точно время отправки только двух посылок от М. И. Семевского. Первую он отправил самостоятельно в июне 1859 г. во время поездки за границу, из Парижа (Приложение I, табл. 1, № 3, 6 – 11), вторую летом 1861 г. через Н. В. Гербеля (Приложение I, табл. 1, 13 – 15). Но, как отметил сам автор, в 1860 г. появляются еще и материалы В. И. Штейнгейля и рассказ о В. П. Колесникове в Оренбурге (Приложение I, табл. 1, № 4, 12), и возможно доставлены А. И. Афанасьевым, находившимся за границей с июня по октябрь 1860 г.⁴. Но совершенно до сих пор неясно по какому каналу были посланы «Записки Панаева Н. И.», напечатанные в «Колоколе» в июне – июле 1858 г. Н. Я. Эйдельман выдвинул осторожное предположение, что М. И. Семевский пытался установить контакты с Лондоном еще в 1856 г. В качестве доказательства он приводил запись из записной книжки М. И. Семевского, где тот вел учет писем (с 12 июня 1855 по 31 июля 1857 г.). Запись велась следующим образом:

<u><№№></u>	<u><Дата отсылки></u>	<u><Кому послано></u>	<u><Куда></u>
№ 92	27 ноября 1856 г.	А – // – И – // – й	в Л

¹ Герцен А. И. Собр. соч. В 30 т. Т. 26. М., 1957. С. 284 – 285.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 686 (16 февраля 1859 г.)

³ Так трактуется в кн.: Летопись жизни и творчества А. И. Герцена: 1859 – июнь 1864 гг. М., 1983. С. 189.

⁴ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты... С. 164.

Литеры «А. И.» были расшифрованы Н. Я. Эйдельманом как инициалы А. И. Герцена; «Л.» – Лондон¹. Однако эту версию следует отбросить как несостоятельную, если обратиться к другим записям, в которых многократно употребляется литера «Л.». Адресатов большинства писем несложно определить – это члены многочисленной семьи Семевских, проживающие в поместье и в Луках – Великих Луках. «А. И.- й» – Алексей Иванович Семевский, дядя М. И. Семевского, который, судя по письмам, оказывал на него сильное влияние². Следовательно, вначале канал доставки материалов А. И. Герцену был другим. Возможно это московские связи со славянофилами, или с П. И. Бартеневым, или Г. Е. Благодетелем, который в 1857 г. выехал за границу, мог взять посылку и переправить ее в Лондон, находясь уже за границей. Судя по времени выхода из печати, это были «Записки Н. И. Панаева» и «Письма Румянцева к Титову» (публикация весны-лета 1858 г.). В августе 1858 г. Г. Е. Благодетель познакомился с А. И. Герценом и стал учителем его детей. М. И. Семевский многие годы находился с Г. Е. Благодетелем в переписке, когда не мог видаться лично. Кроме того, Г. Е. Благодетель пересылал материалы своему другу В. П. Попову преподавателю военно-учебных заведений через петербургского книгопродавца Дюфурга³, сотруднику журналов «Пантеон», «Общезанимательного вестника», позже «Русского слова»⁴, журналов, в которых сотрудничал и М. И. Семевский.

При рассмотрении взаимоотношений с А. И. Герценом следует остановиться еще на одном не нашедшем отражения в литературе факте, который выходит за рамки обычных схем – корреспондент никогда не разглашал своей деятельности, А. И. Герцен никогда не называл имен корреспондентов на страницах своих изданий. Но в «Колоколе» № 151 от 1 декабря 1862 г. было опубликовано в разделе «Смесь» письмо Петра Васильевича Новицкого⁵, находившегося в

¹ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты... С. 142. – Выдвигая эту версию, Н. Я. Эйдельман пропустил в рукописи букву «й».

² К сожалению, установить какие-либо биографические сведения о нем не удалось, кроме факта их регулярной переписки, возможно, неизвестной даже отцу.

³ Варустин Л. Э. Журнал «Родное слово»: 1856 – 1866. Л., 1966. С. 35.

⁴ Письма и документы: Г. Е. Благодетель, Я. П. Полонский, Г. А. Кушелев-Безбородко... С. 305.

⁵ Агента III отделения Новицкого и автора письма идентифицировать не удалось, во всех случаях фамилия указывается без инициалов. – См. например: Ор-76

Гейдельберге, где распространился слух о его причастности к III отделению¹. В письме было выдвинуто обвинение против М. И. Семевского, рассказывавшего в Петербурге, что он был арестован в августе 1862 г. по доносу Новицкого. Автор письма сообщал: «живет в Петербурге один злобный человек, по прозванию Михайло Иванович Семевский, – он же и литератор; имеет он против меня «зуб». А уж если у Михайло Ивановича есть такой душевный человек, то он его никогда не забудет и найдет всегда случай излить на него свою злобу». Далее содержится еще несколько интересных сведений о привычках и характере М. И. Семевского: «г. Семевский имеет на этот раз (подчеркнуто мною – О.К.) весьма мало шансов отговориться, ... что он говорил не обо мне»; «Семевский едет теперь по России, и как водится, не забудет обо мне...» Автор явно осведомлен о том, что делает его обидчик, знает о поездке по Псковской губернии и об отношении к нему местного просвещенного общества: «...известный литератор и путешественник по России, М. И. Семевский, этот обворожительный для провинциальных людей человек...»². Ложь, злопамятность, отказ от своих слов – неполный перечень выдвинутых обвинений. Факт публикации такого письма, ставящий собственного помощника в затруднительное положение, более чем странен. Заметка занимает более страницы, в то время как обычно практиковался краткий пересказ писем. А. И. Герцен всегда был осторожен и не допускал выпадов против людей, связанных с ним по изданию. Вряд ли А. И. Герцен не знал имени своего корреспондента, поскольку Н. В. Гербель встречался с ним лично в 1861 г. и передавал материалы, в том числе и от М. И. Семевского. И только принципиальные политические разногласия могли оказать влияние на нарушение этого правила. Фактов, подтверждающих продолжение корреспондентской связи с Лондоном со стороны М. И. Семевского в последующие годы, обнаружить не удалось. Но М. И. Семевский не обойдет вниманием личность «лондонского короля». Пожалуй, ни к кому из великих людей, с кем судьба свела его в молодости, он не проявлял столько интереса как к личности А. И. Герцена. На страницах «Русской стари-

жеховский И. В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60 – 70-х годах XIX в. Горький, 1974.

¹ Б. П. Козьмин привел факты в пользу этой версии: Н. В. Новицкого подозревали в предательстве студенческой сходки на квартире Н. В. Альбертини 5 октября 1861 г. (**Козьмин Б. П.** Герцен и Огарев, и «молодая эмиграция» // ЛН. Т. 41 – 42. 1941. С. 4).

² Колокол. 1862. № 151. С. 1256.

ны» появятся воспоминания Т. П. Пассек, Н. А. Тучковой-Огаревой, произведения самого А. Н. Герцена, правда, без подписи автора (1871 г. № 11) – статья «Ум хорошо, а два лучше» – это была первая публикация произведения в России¹; 1876 г. – письма академику А. Л. Витбергу; 1889 г. – письма А. Ф. Вельтману. В первое десятилетие издания журнала имя А. И. Герцена упоминается почти в каждом томе. Именные указатели журнала показывают, как М. И. Семевский старался сохранить для читателя полную информацию: в 1870 – 1873 гг. указано полное имя и псевдоним «Искандер», кроме того дано пояснение – «писатель эмигрант»; с 1876 г. – в урезанном виде «Г–нь Алсд Ив», но, до этого, например, в 1877 г. поименована Герцен Наталья Анатольевна, рожд. Захарьина», что помогало читателям расшифровать сокращения. Побывав на могиле А. И. Герцена, в примечаниях к воспоминаниям Т. П. Пассек в «Русской старине» 1882 г. М. И. Семевский описал кладбище в Ницце: «На могиле его на высокой горе, на старом городском кладбище, стоит на небольшом пьедестале, во весь его рост бронзовая статуя, Герцен изображен в пиджаке, со сложенными на груди руками и обнаженною головою. Бюст довольно схож с известными портретами Герцена. На пьедестале нет никакой надписи. Художник М*<икешин> сделал для нашего альбома довольно хороший рисунок этого памятника»².

После предполагаемого разрыва с А. И. Герценом М. И. Семевский продолжал отсылать корреспонденции за границу. Из письма от 7 февраля 1863 г. к Л. Н. Модзалевскому в Гейдельберг следует, что были посланы материалы для печати. «Исполняя ваше желание, – писал Лев Николаевич, – пишу к вам тотчас же по получении Вашего письма с приложением (здесь и далее подчеркнуто мною – О. К.). Последнее написано очень правдиво, убедительно, ясно, но некоторые выражения, обнаруживающие Ваше отношение к разным «скотам», уж слишком искренни и, явившись в печати, могут Вам повредить. Понятно, что Вам трудно было быть настолько сдержанным, насколько требует осторожность. Альбертини того же мнения. Сам изменять что-либо я не решаюсь, а желал бы посоветоваться с Сент-Илером, которого жду на днях, а еще более с Ушинским, так как он пишет, что в начале марта будет в Гейдельберге»³. Возможно заметка была посвящена проблемам педагогики, т. к. круг лиц, с которыми

¹ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 2. С. 448.

² РС. 1882. Т. 34. С. 757.

³ Модзалевский Л. Н. Письма к М. И. Семевскому... С. 38.

желает посоветоваться Л. Н. Модзалевский – друзья по педагогической деятельности, кроме Н. В. Альбертини, сотрудника «Отечественных записок». Известно, что даже в 1866 г. М. И. Семевский продолжал писать статьи для заграничной печати. Б. П. Козьмин, публикуя анонимные письма о каракозовском процессе, сумел раскрыть имя составителя и обратил внимание на то, что письма нумеровались по листам, написаны на листах почтовой бумаги обычного формата и, по его мнению, «были корреспонденциями, предназначенными для какого-нибудь заграничного издания (появление их в изданиях, выходивших в России, было немислимо по самому содержанию их)». Однако автор считал, что и за границей они не могли быть напечатаны, поскольку «автор мимоходом сообщает в них некоторые сведения о самом себе, появление которых в печати вряд ли представлялось для него удобным. Если мы, – писал далее Б. П. Козьмин, – на основании этих сведений смогли определить личность автора, то равным образом могло бы сделать это и III отделение...»¹. Но и по материалам, отправленным в Гейдельберг в 1863 г., по-видимому, так же возможно было вычислить М. И. Семевского, чего опасался Л. Н. Модзалевский, и потому считал, что необходимо отредактировать текст, и лучше, чтобы это сделал авторитетный человек, а именно К. Д. Ушинский.

Возникает вопрос, где кроме герценовских изданий мог печататься М. И. Семевский. Если корреспонденции были отправлены в Гейдельберг, то, вероятно, предназначались для изданий русской колонии². Известно, что после закрытия университета в Петербурге в 1861 г., многие студенты продолжили образование за границей, в частности, в Гейдельбергском университете. В 1862 г. к студентам прибавились командированные для подготовки к профессорскому званию молодые люди, отчасти из числа только что окончивших университет, отчасти из числа педагогов. Из числа интересующих нас лиц были: из педагогов – Л. Н. Модзалевский, К. Д. Ушинский, К. К. Сент-Илер, В. Г. Варенцов, В. И. Герье, из литераторов – Н. В. Альбертини; позже прибыл Н. И. Пирогов, курировавший посланных за границу правительством. Все они были далеко не студенческого возраста, но входили в состав той группы, которая приняла

¹ Козьмин Б. П. Современник о Каракозовском процессе: (письма М. И. Семевского) // Былое. 1925. № 6 (34). С. 39.

² История колонии изучена Б. П. Козьминым (Козьмин Б. П. Герцен и Огарев, и «молодая эмиграция»... С. 4 – 54).

самое деятельное участие в создании Гейдельбергской читальни¹. Именно педагоги, и прежде всего Л. Н. Модзалевский, были решительно настроены против использования читальни, как закрытого политического клуба со строгим отбором членов. Собрав большинство, они добились превращения читальни в обычную библиотеку. О ней Л. Н. Модзалевский писал в письме от 30 декабря 1862 г. М. И. Семевскому. «У нас образовалось общество с учено-литературными чтениями; я немало хлопотал о его существовании. Альбертини – один из наиболее деятельных членов. Читальня наша очень хороша: все главнейшие русские газеты и журналы»².

Члены русской колонии, как установил Б. П. Козьмин, принимали участие в эмигрантской прессе, в частности в изданиях Герцена, в «Свободном слове» Л. Блюмниера и в журнале «Правдивый» (после ссоры с издателем переименован в «Правдолюбивый»), издававшемся в Лейпциге книгопродавцом В. Гергардом и выходившим при участии П. В. Долгорукова. Н. Я. Эйдельман высказал предположение о том, что М. И. Семевский, видимо, был связан с П. В. Долгоруковым³. Были возможности публиковаться и в Гейдельберге. В 1863 г. студенты издавали собственный журнал полемически-сатирического направления. Но номера этого журнала до нас не дошли⁴. Вполне возможно, что М. И. Семевский в 1860-е гг. сотрудничал с русской заграничной прессой не только как историк-собираатель, но и как публицист-обличитель.

Не менее важным в характеристике взглядов М. И. Семевского являются его взаимоотношения с В. И. Кельсиевым. В 1859 г. В. И. Кельсиев уехал за границу и стал сотрудником А. И. Герцена. Спустя три года он совершил дерзкую нелегальную поездку по России, посетив Петербург и Москву. В 1867 г., решив вернуться на родину, сдался на границе властям и был заключен в тюрьму⁵. В написанной в заключении «Исповеди», отрекся от своих прежних убеждений. «Кельсиев начал, как начинало большинство молодежи того

¹ Сватиков С. Русские студенты в Гейдельберге // Новый журнал для всех. 1912. № 12. С. 74.

² Модзалевский Л. Н. Письма М. И. Семевскому... С. 38.

³ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты... С. 199.

⁴ Козьмин Б. П. Герцен и Огарев и «молодая эмиграция»... С. 6.

⁵ Исследователи отмечают, что биографические данные о В. И. Кельсиеве крайне скупы («Исповедь» В. И. Кельсиева / вступ. ст. М. Клевенского // ЛН. Т. 41 – 42. М., 1941. С. 253 – 262).

времени, – заметил в воспоминаниях Н. В. Шелгунов, – только кончил иначе»¹. Поселившись в Петербурге после освобождения, он пытался возобновить старые знакомства. Об одной такой попытке вспоминал Н. К. Михайловский, встретивший его у Н. С. Курочкина, когда тот выходил из кабинета хозяина «красный как рак, явно в большом смущении...»². «К старым знакомым ему, конечно, – констатировал Н. К. Михайловский, – лучше было совсем не являться, ...положение Кельсиева, как всякого ренегата было в Петербурге незавидное». И далее он привел слова поэта Д. И. Минаева о том, что «слишком мягко и серьезно отнесся к этому человеку, что с ренегатами надо поступать гораздо круче, не вдаваясь в логические и психологические тонкости, что этак можно дойти и до оправдания ренегатства». Биографы В. И. Кельсиева отмечали, что от него отвернулись абсолютно все, приветствовал только Ф. М. Достоевский³. Сведения не совсем точны. В Петербурге был круг лиц, кто поддерживал с ним отношения – это редакторы изданий, где он печатался: газеты «Голос», журналов «Отечественные записки», «Заря», «Нива», «Семейные вечера», «Всемирный труд». Именно этих лиц перечислил П. Н. Ткачев, описывая жизнь В. И. Кельсиева после его предательства в статье 1868 г., предназначенной для журнала «Дело» и запрещенной цензурой. «Придет [он] в гости к своим друзьям – гг. Ханам, Краевским, Семеvским, Стебницким и др. – слышит у них только умные, практичные, деловые разговоры»⁴. А. А. Краевский – известная личность в исторической литературе, редактор либеральных изданий «Голос» и «Отечественные записки»; Э. А. Хан – доктор медицины, издатель многочисленных журналов, в частности, «Домашней беседы»; М. Стебницкий – псевдоним Н. С. Лескова. Из перечисленных лиц только М. И. Семеvский – не редактор. Он должен был быть знаком с В. И. Кельсиевым еще до отъезда за границу, поскольку у них было много общих знакомых⁵. Возможно, В. И. Кельсиев встречался с ним во время поездки в 1862 г., как встречался в Москве с другим корреспондентом А. И. Герцена, А. Н. Афанасьевым⁶. Свидетельство

¹ Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. В 2 т. Т. 1. М., 1967. С. 171.

² Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 7. СПб., 1909. С. 68.

³ Клевенский М. «Исповедь» В. И. Кельсиева... С. 253.

⁴ Ткачев П. Н. (О книге Кельсиева) // Шестидесятые годы: мат. по истор. литературы и общ. движению. М., Л., 1940. С. 216.

⁵ Клевенский М. «Исповедь» В. И. Кельсиева... С. 258.

⁶ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты... С. 190.

П. Н. Ткачева важно и тем, что, отметив факт знакомства В. И. Кельсиева с М. И. Семевским, о чем, видимо, было достаточно широко известно в Петербурге, охарактеризовал его взгляды, как взгляды человека иного, чем М. И. Семевский круга – круга либералов. Оно тем более ценно, что П. Н. Ткачев был достаточно долго сотрудником газеты «Дело» и хорошо знал пишущую братию. Факт знакомства с В. И. Кельсиевым зафиксирован и в альбоме М. И. Семевского «Знакомые», где тот дважды оставил автографы¹, а также появлением в библиотеке М. И. Семевского конволюта из его статей². Еще ранее, в 1872 г. заметил: «писатель не без таланта»³. В 1882 г. в «Русской старине» было опубликовано письмо В. И. Кельсиева, которому предшествовало примечание редактора, где в частности, отмечалось, что он автор «весьма талантливых очерков Галичины», что «очерки и статьи бойкие, бесспорно талантливые», а также, что «издал две, не лишённые интереса книги: «Пережитое и передуманное», «Галичина и Молдавия»⁴. Первая – это как раз те мемуары, в которых В. И. Кельсиев сделал попытку объяснить свой поступок. Для М. И. Семевского – эти рассуждения не лишены интереса, он не отвергал человека совершившего предательство.

П. Л. Лавров был еще одним видным идеологом революционного движения, с которым судьба свела молодого М. И. Семевского. Однако имя П. Л. Лаврова ни разу не было названо на страницах «Русской старины», что кажется странным, поскольку М. И. Семевский всегда находил способ упомянуть о человеке, имя которого желал напомнить читателям.

Время знакомства П. Л. Лаврова с братьями Семевскими установить не удалось, но возможно, он знал их еще детьми как сосед по Торопецкому и Великолукскому уездам, где имел два села и оброчные деревни⁵. Самая поздняя дата знакомства – конец 1856 г.: в ноябре Михаил Иванович Семевский возвратился из Москвы, а его брат Александр Иванович, закончив Константиновский корпус, был принят в Артиллерийскую академию, где преподавал П. Л. Лавров. Братья были друзьями, и наняли одну квартиру. Именно Александр был

¹ Знакомые. Альбом М. И. Семевского. СПб., 1888. С. 30, 43.

² Описание экземпляра см. гл. 3, § 1.

³ РС. 1872. Т. 6. С. 684.

⁴ РС. 1882. Т. 35. С. 634.

⁵ **Нечаев В. Н.** Процесс П. Л. Лаврова. 1866 // Сб. мат. и ст.: редакция журнала «Исторический архив». Вып. 1. Гос. изд-во, 1921. С. 54.

основным связующим звеном, через него установились тесные отношения с П. Л. Лавровым. Он входил в кружок офицеров-артиллеристов, собиравшихся на квартире своего профессора по «вторникам», принимал непосредственное участие в выступлениях студентов петербургского университета в 1861 г. и был арестован 27 сентября¹. К этому времени он служил в чине поручика в лейб-гвардии конной артиллерии. Судьба провинившихся офицеров по делу о студенческих беспорядках решалась самим императором. Военный министр Д. А. Милютин отметил в мемуарах: «...В числе первых вопросов, обративших на себя внимание Его Величества по возвращении из Крыма, было решение участи пяти офицеров, арестованных на студенческой сходке 2-го октября². Четверо из них были артиллеристы, а именно: три состоявшие при петербургском арсенале – поручики Энгельгарт, Семевский и прапорщик Странден, а четвертый прапорщик Богданов был в числе обучавшихся в Михайловской артиллерийской академии. Все они были преданы военному суду по распоряжению Великого Князя генерал-фельдцейхмейстера. Суд признал первых трех виновными «в неисполнении приказа коменданта выйти из толпы студентов» и подлежащими строгому наказанию; но во внимание к их прежней службе взыскание ограничено арестом, одного – на месяц; других на две недели»³. В эту тревожную для семьи осень 8 сентября 1861 г. брат военного министра Н. А. Милютин⁴ вызвал к себе на квартиру М. И. Семевского для беседы о судьбе Александра Ивановича, о чем уведомил его письмом А. Ф. Гильфердинг⁵. В том же 1856 г. в Константиновское военное училище поступил следующий Семевский – Петр Иванович, который, как и старший брат, стал учеником П. Л. Лаврова, преподававшего в специальных классах механику. Он не отставал от братьев, и в 1858 г.

¹ Дьяков В. А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии: 1856 – 1865. Библиографический словарь. М., 1967. С. 156.

² Аресты проводились в разные дни и, видимо, Д. А. Милютин не помнил, когда кто был арестован.

³ Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1850 – 1862. М., 1999. С. 192.

⁴ Милютины несколько раз вмешивались в жизнь Семевских. Так в 1863 г. во время неудачного сватовства Михаила к А. В. Корвин-Круковской письмо Л. Д. Милютиной, дочери Д. А. Милютина, с дурными известиями на счет «героя», позволило родителям невесты отказать неподходящему жениху (Штрайх С. Я. Сестры Корвин-Круковские... С. 14; Кох О. Б. «Он был титулярный советник...» // Псков. 1999. № 10. С. 17 – 22).

⁵ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 117, л. 75.

у него была отобрана записная книжка с рукописными копиями запрещенных произведений¹.

Если до поступления А. И. Семевского в Академию невозможно утверждать факт знакомства М. И. Семевского с П. Л. Лавровым, то с 1856 г. он не может вызывать сомнений. Но материалами о том, что их отношения перешли грань официальных, не располагаем. Известно, что М. И. Семевский обращался к П. Л. Лаврову как члену Литературного фонда за помощью в деле М. А. Бестужева: в сентябре 1860 г. направил просьбу о пособии «на подъем и дальнюю дорогу» для возвращения на родину «старика-изгнанника». «И не в последнюю очередь благодаря ему (Лаврову – О. К.), – отметили Итенберг Б. С. и Володин А., – комитет принял 18 марта 1861 г. решение выдать единовременно 1000 рублей»². В этом вопросе их мнения совпадали. По свидетельству В. П. Гаевского, одного из руководителей Литфонда, П. Л. Лавров «проводил мысль, чтобы Комитет при обсуждении прав на пособие принимал в соображение образ мыслей и направление писателя»³. Он пытался придать Фонду политическую направленность. М. И. Семевский также стремился придать общественным организациям, в деятельности которых он принимал участие, в частности, Педагогическому обществу, политическое направление⁴. М. И. Семевский передал для прочтения материалы (письма и мемуары), полученные им от М. А. Бестужева. П. Л. Лаврову, на которого они произвели «самое приятное впечатление»⁵. Память о декабристах свела их вместе и 30 сентября 1862 г. на похоронах барона В. И. Штейнгейля, группа лиц настояла на том, чтобы нести гроб на руках и потребовали совершить панихиду у Петропавловской крепости, в виду места казни декабристов, чему воспрепятствовал сын Штейнгейля⁶. О поведении участников похорон, среди которых были П. Л. Лавров и М. И. Семевский, последовал доклад императору и обращено внимание, что эти лица уже известны⁷. На что последовала

¹ Дьяков В. А. Деятели русского и польского освободительного движения... С. 156.

² Володин А. И., Итенберг Б. С. Лавров. М., 1981. С. 73.

³ XXV лет: 1859 – 1884: сб. изданный комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884. С. 432.

⁴ См. гл. 2, § 4.

⁵ Володин А. И., Итенберг Б. С. Лавров. С. 73.

⁶ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты... С. 207.

⁷ Общественное движение в России в первую половину XIX в. Т. 1. Декабристы / сост. В. И. Семевский, В. Богучарский, П. Е. Щеголев. СПб., 1905. С. 320.

резолуция: «К вящему соображению». Эти соображения не замедлили сказаться: в 1863 г. П. Л. Лавров пытался занять место редактора «Заграничного вестника», и на запрос цензурного комитета из III отделения был дан ответ: «Лавров хуже всех Чернышевских, Благовосветловых, Елисеевых и проч. И явно подстрекал к беспорядкам студентов в 1861 г. и к манифестации во время похорон барона Штейнгейля (декабриста) в минувшем 1862 г., а потому едва ли благонадежен»¹.

Следует остановиться еще на одном эпизоде – деятельности Шахматного клуба. Известно, что П. Л. Лавров был старшиной клуба, им же составлен список лиц, приглашенных для организации клуба осенью 1861 г. (107 человек), в числе которых поименован Семевский. В списке помечена только фамилия и нет никакой гарантии, что П. Л. Лавров имел в виду Михаила как полагает большинство исследователей. Изучая круг офицеров-артиллеристов, с которыми П. Л. Лавров поддерживал контакты, Б. С. Итенберг отметил, что именно А. И. Семевский был близок своему учителю². Путаница братьев в литературе – явление распространенное³, но до сих пор никто не подверг сомнению это далеко не бесспорное заключение. Вероятнее, что П. Л. Лавров имел ввиду Александра. А. И. Семевский, потерпев неудачу из-за своих убеждений на военной службе (после ареста по делу о студенческих волнениях был переведен в Брянский арсенал и вынужден уйти в отставку в 1862 г.), но не сломился и продолжал общественную деятельность на поприще земском в Перми, где служил на заводах графа Стейнбока, позже в родных Великих Луках. Многое сделал для развития народного образования как в Перми, так и в Великих Луках. В 1873 г. выбран гласным земского собрания, открыл школу в своем имении. Был женат на сестре А. В. Бутаевича-Петрашевского⁴.

¹ Володин А. И., Итенберг Б. С. Лавров. С. 112.

² Итенберг Б. С. П. Л. Лавров в русском революционном движении. М., 1988. С. 69.

³ Кроме Михаила, Александра, Петра, следует назвать еще и Василия. Все они принимали активное участие в общественной деятельности (**Чернышевская Н. М.** Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953. С. 164).

⁴ А. В. Семевская (урожденная Бутаевич-Петрашевская) в 1894 г. составила биографию мужа, где писала: «за слушание лекций в университете и, находясь случайно на набережной Невы во время студенческих волнений в 1861 г. был арестован и посажен на 6 недель в Ордонантхаус. Не имея за собой вины, был выпущен и переведен в Брянский арсенал. В брянском арсенале ему дали в веде-

В 1866 г. П. Л. Лавров был арестован. Среди допрашиваемых по делу как свидетель проходил и М. И. Семевский, но он показал, что лично встречался редко и никаких дел с полковником не имел. В письмах к отцу за 1850 – 1860 гг., писем доверительных, он часто упоминал имена знакомых, места, где проводил время, но никогда у П. Л. Лаврова. Обратимся к кругу знакомых, которые могли их связывать: прежде всего, брат – Александр Иванович, который покинул Петербург в 1862 г., Н. А. Штакеншнейдер (брат Е. И. Штакеншнейдер, через которого попал в салон), имя которого никогда не упоминалось в письмах М. И. Семевского. Примечательна фигура М. Д. Хмырова, считавшего себя умеренным либералом, отставного офицера лейб-гвардии Измайловского полка, по свидетельству III отделения входившего в петербургский областной комитет «Земля и воля». Более был известен как библиофил, с которым М. И. Семевский обменивался книгами¹. Он оставил в альбоме «Знакомые» у М. И. Семевского обширное сообщение о себе², и сохранил дружбу на многие годы. Этим исчерпан круг близких знакомых (следует учитывать, что они могли быть не все выявлены). Сведения обо всех скудны и не проливают свет на отношения М. И. Семевского с П. Л. Лавровым, которые, видимо, строились как отношения учителя с учеником, но ни как дружеские.

Новое поколение революционеров-народников вызывало у М. И. Семевского резкое отторжение. В заметках к мемуарам, описывая цензурные мытарства в связи с попыткой напечатать в «Русской старине», написанный им некролог Н. А. Некрасова, отметил, что некоторым фразам «цензура придавала такой смысл, который мне не приходил в голову, а именно, что я нахожу, будто бы он именно подвинул этих ходобщиков в народ, которые являются туда с разными брошюрами и книжками, менее всего понятными для народа» (подчеркнуто мною – О. К.)³. Он не понимал, «чего только хотят эти бессмысленные

ние несколько мастеровых и солдат, любовь которых он приобрел в короткое время, что поставлено было ему в вину, и в ноябре 1862 г. он должен был уйти в отставку» (ИРЛИ. Ф. 274, оп. 2, д. 25, с. 1 об.).

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 368, л. 6, 7, 12.

² Знакомые. Альбом М. И. Семевского... С. 22–25. – М. Д. Хмыров, принимал участие в похоронах В. И. Штейнгейля, в 1866 г. как и многие литераторы, был подвергнут обыску (Вейсман Е. Подвиг русского библиофила (М. Д. Хмыров) // Альманах библиофила. М., 1973. С. 101).

³ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 40.

злодеи»-народники¹. Неоднократно высказывался против распространения умственного пролетариата². Термин «мыслящий или умственный пролетариат», по наблюдениям Ю. С. Сорокина, ставший особенно популярным в 1860-х гг., возник в кругу Д. И. Писарева и означал разночинную интеллигенцию, лишенную каких-либо источников существования, кроме платы за результаты своей умственной деятельности и близко стоящих к другим обездоленным³. В конце 1878 г., после шумных процессов В. Засулич, «193-х» М. И. Семевский писал: «Все это крайне грустно, все это крайне тяжело, ибо нет сомнения, что крамольники способствуют упрочению реакции и застою в нашем бедном обществе» (подчеркнуто мною – О. К.)⁴.

Н. А. Троицкий неоднократно отмечал в своих исследованиях, что «далеко не все, даже передовые ученые сочувствовали в 1870 – 1880-е годы революционерам, или хотя бы понимали их»⁵. К числу таковых он причислял и М. И. Семевского⁶. Следует отметить, что в перечень лиц, приведенный Н. А. Троицким, ученых и профессоров, враждебно отзывавшихся о политических эксцессах после 1866 г., включены люди почтенного возраста, например Д. И. Мечников, Н. И. Пирогов, Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин и др., которые, по его мнению, отличались политическим индифферентизмом, и только после 1881 г. «политика стала все чаще отрывать их от науки»⁷. Следовательно, речь идет о людях разных поколений. Либералы-«отцы», хотя и принадлежали часто к разным направлениям либерализма, иногда открыто враждовавшим, не приняли революционеров-«детей», их политического экстремизма, не приняли именно потому, что имели определенную политическую позицию. Так, по мнению М. И. Семевского, методом борьбы с этим негативными явлениями, должна была стать реализация в полной мере всех начатых в 1860-е гг. реформ, поклонником которых он был всю свою жизнь, особенно тех, что связаны с самоуправлением и системой просвеще-

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 212 об.

² Тимощук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 177.

³ Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30 – 90-е гг. XIX в. М.: JL, 1965. С. 101.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 549.

⁵ Троицкий Н. А. Царские суды против революционеров России. Политические процессы 1871 – 1880 гг. Саратов, 1976. С. 285; Он же. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866 – 1895. М., 1979. С. 144 – 148.

⁶ Троицкий Н. А. Царизм под судом... С. 169; Он же. Царские суды... С. 285.

⁷ Троицкий Н. А. Царизм под судом... С. 169.

ния всех уровней от народной школы до высшей. Отсюда логически вытекало неприятие «отцами», на что обратил внимание и Н. А. Троицкий, правительственного террора¹. Именно в нем, они видели источник политических неурядиц. Попытки правительства искоренить «крамолу» через «белый» террор, по их мнению, все дальше уводили общество от идеалов 1860-х гг., что грозило политическим тупиком.

Определяя политические воззрения М. И. Семевского, В. И. Порох отметил, что в Москве [октябрь 1855 г. – июнь 1856 г.] он «испытывал через А. Н. Островского определенное влияние славянофильства, но не стал последователем их учения, подвергаясь одновременно воздействию западников (А. Д. Галахова, С. М. Соловьева и др.). Равнодействующей этих влияний явилось укрепление у М. И. Семевского либеральных взглядов на крепостное право, на свободу печати»². Эта мысль выражена с еще большей определенностью в другой статье: «Испытав влияние кружка А. Н. Островского, не стал все же славянофилом»³. Прежде чем сделать столь однозначный вывод, следует более подробно рассмотреть круг знакомых и друзей-славянофилов, и степень влияния их на взгляды М. И. Семевского.

Фигура А. Н. Островского до некоторой степени знаковая, с него начинается для юного М. И. Семевского личное знакомство с представителями этого политического течения. Самого писателя не причисляют к славянофилам, но большинство членов кружка, собиравшегося у него на квартире, и состоявшего, в основном, из «молодой редакции» «Москвитянина», придерживались славянофильской ориентации. После Москвы встречи с ним были нечасты и, как правило, на литературных вечерах с участием писателя. В письме к отцу от 15 декабря 1858 г. М. И. Семевский сообщал: «В воскресенье я и Саша в большом обществе литераторов были у А. А. Григорьева (редактора «Русского слова»). Здесь Островский читал новую комедию свою [«Бесприданницу» – О. К.] – это верх совершенства; притом мой обожаемый писатель – читает великолепно»⁴.

В доме А. Н. Островского в Москве он познакомился с А. А. Григорьевым и И. Ф. Горбуновым и поддерживал с ними отношения и при переезде в Петербург. Последний стал с годами его другом. Если

¹ Троицкий Н. А. Царизм под судом... С. 144.

² Порох В. И. Офицер... С. 38.

³ Порох И. В., Порох В. И. М. И. Семевский в Москве... С. 157.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 670.

А. Н. Островский был для него скорее кумиром в мире литературы¹, то в отношении А. А. Григорьева складывается впечатление, что убедив гвардейского офицера посвятить свои досуги литературному труду, он в дальнейшем курировал проведение в печать его статей². Так, став во главе редакции «Русского слова» (октябрь 1858 г. – август 1859 г.), предоставил возможность печататься в журнале. После дебюта в «Москвитянине» в 1856 г.³, это было первое действительно серьезное издание, среди тех тонких журналов, в которых появлялись его статьи. Следует отметить и тот факт, что с уходом А. А. Григорьева из редакции и началом его сотрудничества в «Русском вестнике», «Отечественных записках», «Светоче» (1859 г.), «Времени» (1861 – 1863 гг.), «Эпохе» (1863 г.), в этих же журналах и с той же хронологической последовательностью печатался и М. И. Семевский. Причем В. С. Нечаева, изучив «Замечания на статью Семевского о книге Устрялова «Царевич Алексей Петрович» Ф. М. Достоевского, пришла к выводу, что писатель явно недоброжелательно и критически относился к начинающему историку, однако это не мешало публикации его многочисленных статей в журнале. «Можно думать, – заключает она, – что здесь нашло место влияние более последовательных «почвенников», как Ап. Григорьев и Страхов, чем был в это время Достоевский»⁴. В конце 1850-х гг. А. А. Григорьев и А. Н. Островский возглавили «молодую редакцию» «Москвитянина». В этот период он активно защищал идею патриархальной самобытности и возводил в культ творчество А. Н. Островского. Позже, в Петербурге, в 1861 г. он вошел в кружок Ф. М. Достоевского, был близок к «почвенничеству» и активно сотрудничал с братьями Достоевскими в изда-

¹ М. И. Семевский принимал восторженно все произведения А. А. Островского и всячески выказывал это. В 1857 г. Е. Э. Дриянский в письме к драматургу писал: «Семевский вам кланяется, он в восхищении от «Доходного места» (Неизданные письма к А. Н. Островскому. С. 121).

² М. И. Семевский в письме к Е. Г. Благосветлову от 24 марта 1856 г. передал разговор с А. А. Григорьевым, «Что Вы не пишете ничего, – заметил мне хозяин, – у Вас так уже много сложилось элементов необходимых пишущему человеку, что право же странно, если Вы не воспользуетесь этим, мы удивляемся этому обстоятельству, тем более что Вы занимаетесь, страстно занимаетесь каждым литературным вопросом, каждым явлением в обширнейшей нашей словесности» (ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 940).

³ Семевский М. И. Несколько слов о фамилии Грибоедовых, письмо редактору // Москвитянин. 1856. № 12.

⁴ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861 – 1863. М., 1972. С. 203.

ваемых ими журналах, стремясь превратить их в центры антиинициализма. М. И. Семевский так же был вхож в этот кружок и печатался в тех же изданиях. Влияние А. А. Григорьева прослеживается и в увлечении М. И. Семевского трудами Н. И. Костомарова, и в особом интересе к творчеству А. С. Пушкина, имена которых А. А. Григорьев связывал с понятием «национального» идущего от «патриархального». Заметим, что в семье Семевских А. С. Пушкин не был любимым поэтом. Отец Михаила Ивановича оставил тетрадь стихов, записанных в 1829 г., видимо за одну ночь («окончена в 6 часов утра») и озаглавленную «Стихи влюбленного И. Е. Семевского»¹. Было ли это спонтанное излияние чувств, или подарок невесте, сейчас определить сложно, но в этой тетради, из помещенных более чем 30 стихотворений, нет ни одного сочинения А. С. Пушкина. Весьма скромное место занимают произведения поэта и в первых рукописных сборниках М. И. Семевского, относящихся к 1854 – 1856 гг. Но уже в 1866 г. он публикует серию статей о своей поездке в Тригорское, знакомстве с А. Вульфом, стихи А. С. Пушкина из альбома П. О. Осиповой-Вульф². В дальнейшем немало сил и времени посвятил публикации произведений поэта на страницах своего журнала «Русская старина».

Исследователи-соотечественники почти единодушны (с небольшими разночтениями) во мнении, что А. А. Григорьев придерживался славянофильских взглядов³. Несколько иную точку зрения высказал С. Н. Носов: «Григорьев часто был более радикален, более демократичен, чем славянофилы, в подходе ко многим проблемам, вставшими перед Россией в 50 – 60-х годах, по вопросам, которым он придавал большее значение, – Россия и Запад, личность и общество, учение и подражание – неизменно решались Григорьевым в той же плоскости, в какой они несколько ранее, на рубеже 50-х годов, были поставлены «ортодоксальными» славянофилами»⁴. Схожую оценку дал первый

¹ ГМПИР. Ф. 2, ед. хр. 48383.

² Семевский М. И. Прогулка в Тригорское: заметки и материалы для биографии Пушкина, Жуковского, Языкова и барона Дельвига // Санкт-Петербургские ведомости. 1866. № 139, 146, 157, 163, 168, 175; Он же. Письма А. С. Пушкина к П. О. Осиповой и А. Н. Вульфу // Русский архив. 1867. № 1.

³ Раков В. П. А. Григорьев – литературный критик. Иваново, 1980; Авдеева Л. Р. Русские мыслители: Ап. А. Григорьев. Н. Н. Данилевский, Н. Н. Страхов. Философская культурология второй половины XIX в. М., 1992.

⁴ Носов С. Н. Письма А. Григорьева как источник по истории славянофильства // Вспомогательные исторические дисциплины. 1981. Т. 12. С. 139. – Несмотря на то, что вывод сформулирован достаточно определенно, в тексте статьи встречаются столь же противоречивые оценки А. А. Григорьева, сколь противо-

президент Чехословацкой республики Т. Г. Масарик в книге «Россия и Запад» (впервые издана в 1913 г. в Германии, в русском переводе появилась только в 2000 г.) Посвятив А. А. Григорьеву отдельную главу, отметил, что мировоззрение поэта-критика «представляло собой разновидность славянофильства, и в то же время он делал попытку синтеза славянофильских и западных взглядов»¹. К таковым можно отнести: принципы «органической критики», символом которой было свободно и естественно развивающееся на живой национальной почве искусство; идеи синтеза патриархальности и европейской культуры в русской литературе – ратуя за самобытное, национальное – он никогда не отрицал общеевропейского. К вопросу о своей общественно-политической позиции А. А. Григорьев обращался неоднократно и почти всегда приходил к одному итогу. Так, в 1857 г. он писал: «Знаю только теперь положительно и окончательно, что я столь же мало славянофил, сколько мало западник...»; в 1861 г. – «Я столь же мало славянофил, сколь мало западник, столь же далек от Асоченского, сколь и от Добролюбова. Что же я такое? Этого я пока и сам не знаю»². И в том же году у него сложилось убеждение, что противоположность между славянофилами и западниками преодолена, по крайней мере, они не имели оправдания для существования, после того как Пушкину, по его мнению, удалось создать синтез обоих элементов культуры.

А. А. Григорьев был личностью незаурядной и не только как литератор, но и благодаря темпераменту своего характера, силе эмоционального воздействия на окружающих. Анализ взглядов М. И. Семевского наводит на мысль, что встреча его с А. А. Григорьевым в начале жизненного пути не прошла бесследно. Он на протяжении всей своей жизни увлечен всем русским, и вместе с тем, никогда не отрицал и высоко ценил достижения европейской культуры. Превознося творчество А. Н. Островского, преклонялся перед гением Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева (многие произведения которого высоко ценил и А. А. Григорьев). Это позволило М. И. Семевскому сблизиться в конце 1850-х гг. с кружком педагогов во главе с

речива была и его натура. Например, на с 120: «Григорьев никогда не был в полном смысле слова славянофилом и даже никогда не считал себя примкнувшим к славянофильству...»; «Григорьев сумел придать славянофильству новое звучание, но его обновленное славянофильство не стало внутренне цельным мировоззрением, не превратилось в последовательную систему идей».

¹ Масарик Т. Г. Россия и Европа. СПб., 2000. С. 365.

² Цитирую по: Носов С. Н. Письма А. Григорьева... С. 122, 130.

К. Д. Ушинским, которые исповедовали идею национальной школы как синтез народности и достижений европейской педагогики, и выдвигали задачу просвещения народа, что позволило бы занять России достойное место среди цивилизованных стран.

Кроме славянофильского кружка в Москве, М. И. Семевский был связан узами дружбы или тесного знакомства со многими славянофилами в Петербурге. Среди них следует назвать А. Н. Попова, А. Ф. Гильфердинга, О. Ф. Миллера, В. И. Ламанского.

Несмотря на наличие довольно обширной литературы о славянофильстве, есть области, которые не привлекали должного внимания исследователей, особенно скудны биографические сведения об отдельных представителях течения, что отмечалось многими современными исследователями¹. Вышеназванные имена часто встречаются в исследованиях Н. И. Цимбаева, Е. А. Дудзинской, В. А. Китаева, Т. Ф. Пирожковой, но только как корреспонденты «московского кружка». Лишь А. Ф. Гильфердингу посвящено несколько серьезных исследований, но ни как представителю славянофильства, а как этнографу и слависту². Изучение биографий А. Н. Попова и О. Ф. Миллера застыло на уровне фактов, помещенных в «Русском биографическом словаре» А. А. Половцова. Это обстоятельство вынуждает в настоящем исследовании указать некоторые подробности их жизни и деятельности.

Кроме того, следует определить степень причастности названных лиц к направлению славянофильства, поскольку в литературе высказываются на этот счет различные точки зрения. Большинство исследователей склонно считать истинными славянофилами только членов «московского кружка». Даже А. Ф. Гильфердингу и А. Н. Попову иногда отказывают в праве считаться истинными славянофилами как петербуржцам, хотя в юности, в московский период своей жизни, они входили в «московский кружок». Так, например, В. А. Китаев причисляет О. Ф. Миллера и В. И. Ламанского «к обойме «нового» сла-

¹ **Пирожкова Т. Ф.** Славянофилы и их журнально-издательская деятельность. М., 2002. С. 3, 5.

² Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. / вступ. ст. В. Базанова. М.:Л., 1949 г.; **Базанов В.** Поэзия Русского севера. Петрозаводск, 1981. С. 80 – 85; **Баландин А. И.** А. Ф. Гильфердинг – собиратель былин на Севере // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Архангельск, 1983.

вянофильства»¹. Примерно такую же характеристику – «новый приверженец славянофильства» дали А. Н. Попову Н. И. Цимбаев и Е. А. Дудзинская². Последняя считала А. Ф. Гильфердинга близким славянофилам³. К «истинным славянофилам» причислил Н. И. Цимбаев А. Ф. Гильфердинга и В. И. Ламанского⁴, а О. Ф. Миллера – к славянолюбам, направлению, получившему широкое распространение в период позднего славянофильства, т. е. после 1861 г. Однако значительная и наиболее активная часть жизни и деятельности указанных лиц падает на поздний период славянофильства, когда завершилась история кружка со смертью в 1860 г. его главных деятелей – А. С. Хомякова, К. С. Аксакова, и еще ранее в 1856 г. – И. В. и П. В. Кириевских. При всех разночтениях во мнениях исследователей, тем не менее, есть нечто общее – никому в категоричной форме не отказано в причастности к этому течению.

Александр Николаевич Попов (1820 – 1877) – входил в московский кружок славянофилов. Близко сошелся с А. С. Хомяковым (снял с ним одну квартиру), имевшим большое влияние на формирование его взглядов. Окончив университет, защитив магистерскую диссертацию, в 1845 г. вынужден был переехать в Петербург. Хорошо знавший его А. И. Тургенев писал по этому случаю К. С. Сербиновичу: «Редко образованный ум г. Попова, и благородный характер его, и необыкновенные знания его, будут находкою вашего досуга... Постарайтесь только победить его скромность; он добрый москвич – разумею под ним и русского – едет в Петербург со сжатым сердцем...»⁵. А. Н. Попов продолжал поддерживать отношения со своими московскими друзьями на протяжении всей жизни, находился в постоянной переписке с Ю. Ф. Самариным, А. С. Хомяковым; они со своей стороны держали его в курсе своих дел. Н. И. Цимбаев привел письмо 1847 г. Ю. Ф. Самарина к А. Н. Попову, в котором тот просил его быть осторожным, поскольку арестован Ф. В. Чижев, обвиненный в подготовке заговора против австрийского правительства: «На всякий

¹ Китаев В. А. «Вестник Европы» и славянофильство // П. А. Зайончковский (1904 – 1983): ст., публ., воспоминания о нем. М., 1998. С. 337.

² Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 42; Дудзинская Е. А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983. С. 206;

³ Дудзинская Е. А. Славянофилы... С. 63.

⁴ Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни... С. 45.

⁵ РС. 1882. Т. 34. С. 459.

случай примите меры и особенно просмотрите свои бумаги; мои бумаги, в том числе стихи Аксакова, письма Гагарина, Хомякова, одно письмо Киреевского, находится в том портфеле, который я вам дал на сохранение»¹. В 1859 г. А. Н. Попову довелось трудиться в Редакционных комиссиях непосредственно со своими единомышленниками – Ю. Ф. Самариным и В. А. Черкасским. Именно ему, как правоведа было поручено переложить на язык законодательных положений доклады всех четырех отделений Редакционных комиссий². Славянофилы всеми доступными средствами пытались содействовать реформам. В 1856 г. поддерживали связь с А. И. Герценом, информируя о деятельности правительства, и доставляли разоблачительные материалы о положении в обществе, тем самым стремясь оказывать влияние на ход эмансипации, и делали это подчас весьма удачно. Непосредственную связь с Лондоном имели И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, В. А. Черкасский, А. И. Кошелев, П. И. Бартенев, А. Ф. Гильфердинг, А. Н. Попов³. Последние трое – друзья М. И. Семевского, так что, возможно, он пользовался и этим каналом для пересылки своей корреспонденции в Лондон к А. И. Герцену.

По роду своей служебной деятельности А. Н. Попов – секретарь первого департамента Правительствующего Сената, чиновник II отделения Его Императорского Величества канцелярии. По порыву души – историк. Он был членом-корреспондентом Академии наук. Крупнейшие его работы: «История возмущения Стеньки Разина», «Французы в Москве в 1812 г.», «Отечественная война 1812 г. От Малоярославца до Березины». Однако как историк, по мнению Н. Л. Рубинштейна, он не сумел воплотить идеи славянофильства в конкретно-историческом исследовании⁴. Его труды конкретно-описательны, освещают деятельность государства, но не народа.

М. И. Семевский познакомился с А. Н. Поповым в 1860 г., вероятно, через А. Ф. Гильфердинга. Он высоко ценил его и как человека и как исследователя. «Это был замечательный ученый и писатель-историк, – писал в «Русской старине» в 1882 г. – С обширную начитанностью он соединял замечательное трудолюбие; впрочем, говорил еще лучше, чем писал: беседа его была поистине увлекательна!»⁵.

¹ Самарин Ю. Ф. Сочинения. М., 1877 – 1911. Т. 12. С. 279 – 281, 422 – 425.

² Дудзинская Е. А. Славянофилы... С. 233.

³ Дудзинская Е. А. Славянофилы... С. 141.

⁴ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. С. 286 – 287; Дудзинская Е. А. Славянофилы... С. 52.

⁵ РС. 1882. Т. 34. С. 463.

А. Н. Попов оказал влияние на решение М. И. Семевского создать журнал. «С самого начала издания «Русской старины» А. Н. Попов относился к этому журналу с большим сочувствием, – вспоминал М. И. Семевский. – Самая программа журнала и первое объявление об этом издании были написаны нами в ноябре 1869 г., по совещании с А. Н. Поповым. Лучшие главы из блестящего во всех отношениях труда Попова о 1812 г. напечатаны им в «Русской старине»¹. В память о своем друге и учителе М. И. Семевский отпечатал его труд «От Малоярославца до Березины» (269 стр.) и все издание передал вдове, и был удивлен, когда в том же месяце – ноябре 1877 г. все книги оказались на Толкучем рынке в Петербурге.

Начать издание собственного журнала было не простым решением для М. И. Семевского, и если он принимает это решение при непосредственном участии А. Н. Попова, то вряд ли возможно отрицать влияние этого человека на его жизненную позицию и взгляды.

А. Ф. Гильфердинг (1831 – 1872), окончив Московский университет, поступил на службу в Министерство иностранных дел и в 1856 г. был назначен русским консулом в провинции Боснии и Герцеговины. Положение русского дипломата в Турции было нелегким, занимая этот пост в течение трех лет, энергично отстаивал интересы славянского населения в Балканских землях, в той степени, в какой позволяло его официальное положение². В 1863 г. он служил в Комитете по делам Царства Польского. Его программа основывалась на распространении образования среди крестьян, убеждении, что никакое политическое устройство, никакая система управления не принесут предполагаемых результатов, пока не будет предоставлена самостоятельность польскому крестьянству. По его инициативе были проведены усовершенствования преподавания в средних школах, открыт Варшавский университет. Причем в конкретной разработке этих мероприятий приоритетная роль принадлежала самому А. Ф. Гильфердингу³. Еще в Московском университете он сблизился с А. С. Хомяковым, К. С. Аксаковым, Ю. А. Самариным и братьями И. В. и

¹ РС. 1882. Т.34. С. 463.

² А. И. Баландин считает, что в этот период времени А. Ф. Гильфердингу были присущи панславистские идеи (Баландин А. И. А. Ф. Гильфердинг – собиратель былин... С. 11).

³ **Азбелев С. Н.** Александр Федорович Гильфердинг (1831 – 1872) // Смирнов С. В. Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX вв. М., 2001. С. 154.

П. В. Кириевскими, поддерживал эти отношения до конца своей жизни. Он принимал активное участие в деятельности славянофилов в период подготовки реформы 1861 г. Когда в 1859 г. А. И. Кошелев, не сумев войти в Редакционные комиссии, уехал за границу, чтобы печатать в герценовских изданиях, что будет нужно по ходу дела, Ю. А. Самарин и В. А. Черкасский регулярно посылали ему доклады и протоколы Редакционных комиссий, доступные только царю. Транспортировкой этих документов занимался А. Ф. Гильфердинг¹. Активно участвовал в славянофильских изданиях, в частности в газете «День». Самым известным научным трудом его стала запись 318 былинных текстов в Олонецкой губернии, первое издание которых вышло через год после его смерти. Он успел опубликовать статью «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды», где изложил научные принципы издания подобного «сырого материала», которые стали образцом для всех последующих поколений этнографов². Отметим, что термин «сырой материал» был также характерен для М. И. Семевского в отношении публикаций в «Русской старине».

А. Ф. Гильфердинг наиболее последовательно придерживался славянофильских взглядов в научных исследованиях. Но, по мнению некоторых исследователей (Ю. Соколова, Н. Л. Рубинштейна), не оставил следа в исторической науке, ценны только его этнографические труды.³ Последнее утверждение не совсем верно. Так, славянофильские элементы воззрений К. Н. Бестужева-Рюмина, получившие отражение в его представлениях об особых национальных качествах славянских народов, предопределивших якобы их выдающуюся роль во всемирной истории, сложились по его собственному свидетельству под влиянием трудов А. Ф. Гильфердинга⁴.

Не позднее осени 1860 г. М. И. Семевский знакомится с А. Ф. Гильфердингом. Но, возможно, что было и более раннее знакомство через графа И. Ф. Паскевича-Эриванского, с которым поддерживал тесные отношения отец А. Ф. Гильфердинга – Федор Иванович, отец же М. И. Семевского – Иван Егорович в имени графа был управляющим. Сохранилось письмо М. И. Семевского (можно

¹ Дудзинская Е. А. Славянофилы... С. 143.

² Материал был расположен по сказителям, даны их биографии, характеристика творчества. – Онежские быliny, записанные А. Ф. Гильфердингом... Т. 1. С. 37.

³ Ю. Соколов считал, что для А. Ф. Гильфердинга свойственны даже русификаторские тенденции. – БСЭ. М., 1929. Т. 16. С. 835.

⁴ Очерки истории исторической науки в СССР. В 4 т. Т. 2. М., 1960. С. 87.

датировать серединой 1860-х гг.), из которого следует, что они уже продолжительное время знакомы¹. В 1862 г. М. И. Семевского приглашают в имение Арефина на лето, при этом все семейство Гильфердингов благоволит молодому писателю. «Мы все решительно встали в тупик при виде Вашей церемонности. Помилуйте, как Вам не совестно – совеститься на счет приезда к нам, – писал Александр Федорович. – Возьмите с собою побольше книг и материалов, чтобы не так скоро стосковаться по Петербургу»². В письме к М. М. Стасюлевичу от декабря 1863 г., посылая в первый номер 1864 г. «Вестника Европы» сочинение о Павле I, М. И. Семевский писал, что «представленные в этой статье материалы – в высшей степени интересны – это я могу сказать смело, это подтвердит и мой друг А. Ф. Гильфердинг...»³. В апреле 1864 г. в письме к О. И. Малевичу писал, что у него «истинно прекрасный круг знакомых: Водовозов⁴, статс-секретарь Зубов⁵ и помощник статс-секретаря известный ученый Гильфердинг, вот те три семейства, у которых я бываю, и которые у меня бывают чаще всех друзей»⁶. Дружбу со стороны А. Ф. Гильфердинга он явно почитал за честь.

М. И. Семевский трудился в 1864 г. под началом А. Ф. Гильфердинга, прикомандированный к Комитету по делам Царства Польского, возможно, и по его рекомендации. В недатированном письме, относящемся к этим годам (написано не ранее 1862 г.), А. Ф. Гильфердинг приглашает к себе, чтобы обсудить уставы Петропавловской школы и женской гимназии («потолкуем еще на счет этих проектов»)⁷. Под влиянием своего начальника М. И. Семевский серьезно изучает школьное дело в Польше, пишет ряд статей о системе народного образования, пытается разобраться и в церковном вопросе, роли церкви в вопросах просвещения польского народа⁸. Все подготовительные материалы по реформе школы затем

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 117, л. 89.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 117, л. 3.

³ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 117, л. 36 об.

⁴ Водовозов Василий Иванович – педагог. См. о нем гл. 3, § 2.

⁵ Зубов Петр Алексеевич (1819 – 1880) – юрист, криминалист, тайный советник, с 1868 г. статс-секретарь Государственного Совета, участвовал в подготовке Судебной реформы (1864 г.), с 1865 г. – сенатор, с 1872 г. – член Государственного Совета (РС. 1880. № 8. С. 809 – 815).

⁶ ИРЛИ. Ф. 293, оп. 1, д. 1287, л. 1.

⁷ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 117, л. 35 об.

⁸ **Семевский М. И.** Общественное образование в Царстве Польском. 1815 – 1864 гг. // Голос. 1864. № 229, 230, 235, 239, 250; Он же. Средние учебные заве-

были собраны М. И. Семевским в один том, переплетены и снабжены соответствующей подписью. Том хранился в его библиотеке¹.

В некрологе А. Ф. Гильфердингу М. И. Семевский заметил: «В течение восьми лет, пишущий эти строки был почти ежедневным свидетелем служебной деятельности покойного. Раз в неделю, обыкновенно по четвергам, вечером, собирался у него небольшой круг друзей и знакомых; в последние годы в эти вечера чаще всего сходились члены славянского комитета, и веселая, дружеская беседа и чтение новейших произведений литературы протягивалась далеко за полночь»². Когда в 1868 г. в Петербурге открылось отделение Славянского благотворительного комитета, А. Ф. Гильфердинг стал его председателем, М. И. Семевский – активным членом и был в 1889 г. награжден черногорским орденом Даниила I-й степени.

Вряд ли, возможно отрицать влияние и научных, и политических, и житейских воззрений А. Ф. Гильфердинга на своего молодого друга.

Третьим, не менее знаковым лицом является Орест Федорович Миллер (1833 – 1889), литературовед, профессор Петербургского университета, и Высших женских курсов. Обе его диссертации вызвали резкую критику современников. Сам О. Ф. Миллер заметил, что был удостоен степени магистра за книгу «О нравственной стихии в поэзии» и в то же время сделался «притчею во языцех»³. С резкой критикой в 1858 г. его научного подхода выступил Н. А. Добролюбов. О. Ф. Миллер оценивал литературу всех времен и народов с точки зрения христианской морали, на основании чего объявлял всю греческую мифологию безнравственной. Не менее бурные возражения вызвала в 1870 г. и его вторая работа, за которую он получил степень доктора, особенно со стороны В. В. Стасова⁴. К. Н. Бестужев-Рюмин, несмотря на доброжелательное отношение и, учитывая обстоятельства написания статьи, в некрологе О. Ф. Миллера постарался обойти вопрос о его научном вкладе, заострив внимание на человеческих

дения в Царстве Польском // Русский инвалид. 1866. № 301, 303, 304; Он же. О греко-унияетском духовенстве в Царстве Польском // Голос. 1866. № 193, 214.

¹ Описание экземпляра см. гл. 3, § 1.

² **С<емевский> М. И.** Александр Федорович Гильфердинг: (1831 – 1872) // РС. 1872. Т. 6. С. 455 – 456.

³ Знакомые. Альбом М. И. Семевского... С. 34.

⁴ Диссертация была посвящена древнерусской литературе: «Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса: Илья Муромец и богатырство Киевское».

качествах присущих его натуре – сострадании и помощи ближнему¹. О. Ф. Миллер состоял долгие годы в переписке с И. С. Аксаковым, был сотрудником славянского отдела газеты «День», и на его плечи легла основная работа по подготовке к изданию полного собрания сочинений, предпринятого вдовой И. С. Аксакова в 1886 – 1887 гг.².

Судьба свела М. И. Семевского с О. Ф. Миллером в молодые годы: в 1858 г. оба приняли самое деятельное участие в создании Таврической воскресной школы³. Знакомство поддерживали многие годы, о чем свидетельствуют регулярные записи в альбоме М. И. Семевского «Знакомые» – в 1874, 1878, 1888 гг.⁴. В круг близких друзей О. Ф. Миллер явно не входил, т. к. его имя никогда не упоминается в приглашениях, где перечислялся весь список гостей. Но с ним связана одна программная публикация в журнале «Русская старина». В 1880 г. в Москве проходили торжества по случаю открытия памятника А. С. Пушкину. На заседании «Общества любителей российской словесности» кульминационным моментом стала речь Ф. М. Достоевского, которую приветствовали славянофилы. «Мысли в ней заключающиеся, – писал И. С. Аксаков О. Ф. Миллеру, – не новы ни для кого из славянофилов. Глубже и шире поставлен этот вопрос у Хомякова и у брата Константина Сергеевича. Но Достоевский поставил его на художественно-реальную почву, но он отважился в укор публике, совсем не под лад ему и его направлению настроенной, высказать несколько мыслей, резко противоположных всему тому, чему она только что рукоплескала, и сказать с такою силой суждения, которая, как молния же, и исчезла, прожегши только души немногих...»⁵. Взгляды Ф. М. Достоевского полностью разделял О. Ф. Миллер. «Приятно мне знать, – писал И. С. Аксаков, – что вы разделяете мое мнение насчет речи Достоевского. Но, без сомнения, еще важнее содержания его речи – впечатление, им произведенное»⁶. Речь Ф. М. Достоевского была опубликована в «Вестнике Европы» и вызвала бурную дискуссию в обществе и печати. Защитником писателя выступил его друг О. Ф. Миллер: «Спорить с ним (Достоевским – О. К.) можно, и даже с успехом, останавливаясь на частностях; но сила вовсе не в

¹ Бестужев-Рюмин К. Н. О. Ф. Миллер (некролог) Отд. отт. из ЖМНП. Июль 1889. С. 2.

² Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни... С. 9, 78.

³ О школе см. гл. 2, § 1.

⁴ Знакомые. Альбом М. И. Семевского... С. 30, 110, 363.

⁵ ЛН. Т. 86. М., 1973. С. 515.

⁶ ЛН. Т. 86. С. 511.

этом, а в том, чтобы схватить его мысль в целости»¹. М. И. Семевский также принял участие в этой дискуссии на стороне славянофилов. Его журнал, выходивший в те годы тиражом в 6 тыс. экземпляров и распространявшийся по всей стране, опубликовал выступление О. Ф. Миллера, выдержанное в духе славянофильства: «...Пушкин сбросил наконец с себя даже иго современного «Властителя дум», а вместе с тем у него «разверзлись зенницы», чтобы разглядеть в нашем народном образе, сквозь всякие наносные черты, его надменный, еще не изглаженный склад. Простота и непритязательность, отсутствие всякого щегольства собою, всего того, что называется позою и на что не имеется русского слова, – вот черты нашего народного склада, которые так верно отразились в нашем народном эпосе, которых так долго не доставало нашей книжной поэзии и которые разом наконец сказались у Пушкина»².

Взаимоотношения с В. И. Ламанским определялись интересами обоих как библиофилов, деятельностью в Археографической комиссии и Славянском благотворительном комитете. Они были скорее знакомыми, более тесные отношения сложились только в 1880-е гг.

Какие идеи учения славянофилов воспринял М. И. Семевский? Славянофилы, чьи взгляды складывались и оттачивались в салонах, только в конце 1840 – начале 1850-х гг. представили в печати, главным образом, благодаря выступлениям И. С. Аксакова, в основном законченную концепцию, основанную на тезисе о глубоком различии между началами жизни России и Запада³. Однако многие вопросы, особенно в условиях повышенной политизации общества в конце 1850 – начале 1860-х гг., требовали конкретизации, и «Современник» в лице Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова и А. И. Герцен настоятельно предлагали славянофилам высказать свою доктрину⁴. И хотя к этому были приложены определенные усилия, И. С. Аксаков в конце жизни вынужден был признать, что славянофильское учение «не было вполне сформировано и выражено в виде точного кодекса»⁵.

¹ ЛН. Т. 86. С. 520.

² РС. 1880. Т. 28. С. 508.

³ **Шапиро А. Л.** Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: учеб. пособие. Л., 1993. С. 387 – 389.

⁴ **Пирожкова Т. Ф.** Революционеры-демократы о славянофильстве и славянофильской журналистике. М., 1984. С. 102 – 103.

⁵ **Аксаков И. С.** Федор Иванович Тютчев (Биографические очерки) М., 1874. С. 77.

М. И. Семевский жил в потоке событий своего времени и первоначально, в конце 1850 – начале 1860-х гг., в силу изложенных обстоятельств, а также возраста, ума и образования, мог воспринять только те положения учения, которые через прессу были преданы широкой гласности, которые позже, в 1860 – 1870 гг., уточнялись и определялись под влиянием друзей-славянофилов.

М. И. Семевский начал с усвоения сентенций, представленных на страницах «Москвитянина» еще в 1840-х гг. Интерес к этому журналу проявился, видимо, и под влиянием кружка Н. А. Островского, кумира «молодой редакции». Он усиленно читал не столько свежие номера, как номера старых лет¹. Некоторые его высказывания времен пребывания в Москве 1855 – 1856 гг., по настроению совпадают с текстом статей журнала. Для сравнения приведем две обширные цитаты. Первая из «Москвитянина» за 1842 г.: «Было время, когда, увлеченные Западом, мы жили его жизнью, повторяли его слова, дышали остатками его дыхания. Это и естественно. Запад образованнее нас, мы его ученики. Тот, кто учился не сам по себе, а с помощью учителя, естественно, сначала идет за учителем слепо, *jurat in verba magistrum*. Для того, чтобы он стал мыслить сообразно со своим личным характером, ему нужно разрушить старое и создать новое... Наша литература была долго отголоском Запада, наша мысль светила заимствованным светом. И теперь, при распространении мысли о народности, нам надобно снять чужое платье, сбросить покрывающую нас кору, чтобы, наконец, явиться в своем виде, просветлеть своим светом. Это то процесс отрицания чужого совершается теперь у нас»².

Вторая – из письма восемнадцатилетнего М. И. Севековского от 12 декабря 1855 г. к Г. Е. Благовестову, человеку далекому от идей славянофильства. Ученик делится с учителем усвоенным материалом, плодами «своих» размышлений. «Весело-весело бьется сердце русского – мы просыпаемся от тяжелого сна, мы сбрасываем с себя блестящие оковы чужеземного влияния, основы гнетущие нас полтора столетия! Русь вяло, но поворачивает глаза на самую себя. Что ж мы хуже иностранцев? Чем? Что у нас более любви к родине, более преданности религии правлению, что натура наша постояннее, благороднее и возвышеннее, чем у какого-нибудь пройдохи англичанина? Да, мы просыпаемся, тысячу раз говорю: просыпаемся! Мы начинаем находить и гармонию, и звучность, и богатство в русском языке; мы

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 28, л. 5.

² Москвитянин. 1842. Ч. V. № 9. Критика. С. 204 – 205.

не дарим уже презрением и не клеймим насмешками того, кто не может в обществе говорить по-французски, и мы начинаем думать, что человек и без лепету французского и не во фраке, а тоже может быть и умным, и хорошим человеком... А наш народный костюм, мы начинаем находить в нем красоту, мы сбрасываем с себя фрак, и мы в своем кафтане... Мы только перевели дух и смотрите? Долго ли для нас настало это золотое времечко? Долго ли? Но уже отозвалось, крепко отозвалось оно в русской литературе...»¹.

В продолжение своих мыслей, М. И. Семевский решается на отчаянный шаг. В письме от 3 февраля 1856 г. к Г. Е. Благовестову замечает: «Я хочу сделать визит Погодину и Кошелеву, без всякой рекомендации – под знаменем русской пословицы «смелость города берет», но не глупа ли будет выходка...»². Знакомство состоялось, и оба (М. П. Погодин, А. И. Кошелев) печатали его произведения в своих изданиях. Он не видел для себя в эти годы различий во взглядах М. П. Погодина и А. И. Кошелева. Летом 1856 г. М. И. Семевский неоднократно обращается к проблеме «русскости». «Никогда не забуду я отрадных вечеров, проводимых мною у А. Н. Островского! Там я видел чисто русское гостеприимство, добродушие, откровенность,... постоянно встречал людей русских, людей скоросходящихся, поборников дружных, поборников любви к отечеству! Умная беседа, живая, огненная, как русское слово и песня, песня столь же разудало веселая, как русское веселье! Здесь и только здесь я мог сказать, что тут:

*Великорусское начало торжествует,
Великорусской речи склад...
Великорусский ум, великорусский взгляд
Как Волга-матушка широкий и разгульный...*

(А. Григорьев)»³.

В 1856 г. обращается с просьбой к своему старому учителю И. И. Малевичу: «она покажется Вам немного странною: не зовите меня Мишелем, я – русский, я – славянин и имею русское имя: при том же Миша, Мишенька, или польское Михась, несравненно звучнее и мелодичнее отвратительного слова: Мишель, которое я употреблю вместо клички первой из собак, которая будет когда-либо у меня»⁴. М. И. Семевский будет часто в своей жизни обращаться к мысли о

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 811 – 811 об.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 885.

³ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 959 об.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 239, л. 9.

приоритете русского. Так, описывая в «Русской старине» в 1888 г. школу Тверской мануфактуры, заметил: «...Тверская мануфактура образцовая. Когда только на подобных фабриках будут: а) машины производства русского, б) головные мастера – русские, а не бельгийцы или эльзасцы, при чем русские пока здесь лишь в званиях подмастерьев? Даже один из директоров фабрики, любезно разрешивший нам ее осмотреть – родом бельгиец. Поживем – дождемся...»¹. Отправился М. И. Семевский и на похороны И. В. Кириевского, которые описал в письме от 18 июня 1856 г. Г. Е. Благовосветлову: «Близ Красных ворот в скромной, даже бедной приходской церкви отпевали сегодняшний день тело покойного доблестного литератора-философа нашего Ивана Васильевича Кириевского. Бездушный труп одного из умнейших людей нашего времени окружен был во время последней панихиды небольшим кругом людей... вот все, кто пришли проводить молитвою отвозимое в Смоленскую губернию в родовое имение Бельского уезда тело талантливого, мыслящего человека. Грустно сжалось у меня сердце от этой пустоты, от этой безлюдности в церкви, и вспомнил я живо похороны каких-нибудь генералов, не стоящих подошвы здесь лежащего трупа, а между тем, у них полное торжество... Я упал на колени, и теплей, горячее стала моя задушевная молитва за человека незнакомого мне лично, но уважаемого за его последние общепользные труды»². Последние слова особенно важны для представления о взглядах М. И. Семевского – деятельность И. В. Кириевского он считал «общепользным трудом». В этом же письме содержится описание А. С. Хомякова. «...Я невольно обратил внимание на доблестного воина, известного Алексея Степановича Хомякова. Весьма небольшого роста, смуглую, худощавую, но выразительную физиономию его, косыми глазами, редкими, черными с большою проседью волосами, с обрывками, клочками бороды, он останавливает на себе пытливый долгий взгляд, всякого более или менее наблюдательного человека. Костюм его способствует этому немало: помещик 3-х тысяч душ – он ходит в красной рубашке, плисовых шароварах, сапогах до колен... По выразительному лицу его катились слезы, во все время службы он стоял в немом отчаянии, потупя голову»³. М. И. Семевского несколько удивляет этот костюм, ви-

¹ Семевский М. И. Путевые очерки, заметки и наброски. Поездка по России в 1888 г. // РС. 1888. Т. 59. 440.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 980 – 981.

³ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 981.

димо, он не воспринимает его как символ принадлежности к славянофилам.

Восприняв некоторые славянофильские взгляды, М. И. Семевский стал пользоваться некоторыми выражениями, имевшими хождение у славянофилов. В его лексиконе навсегда укоренятся рассуждения о важности «внутренней» жизни в отличие от жизни «внешней». Например, в 1857 г. в «Историко-этнографических заметках о Великих Луках и Великолукском уезде» писал: «Внутренняя жизнь народа, его, так сказать, частный быт теряется из вида, и в этом то случае пословицы, как материал для изучения, для пополнения сего раздела истории, незаменимы...»¹.

Формирование жизненной позиции, мировоззрения человека психологи относят к завершающему этапу развития личности, что соответствует возрасту 20 – 23 года. У М. И. Семевского этот возраст совпал с предреформенным периодом, временем острых политических дискуссий, когда все политические течения были сосредоточены на решении вопросов современности, что характерно и для выступления славянофилов. В 1887 г., помещая заметку о А. В. Головнине, М. И. Семевский отметил: «То было смутное, трудное время... Реформа за реформой, шедшие может быть, слишком быстро, волновали умы... Чем больше было дано Преобразователем и Освободителем, тем более жаждали получить...»².

В предреформенные годы выступления славянофилов были сосредоточены, в основном, на проблемах современности. Опираясь на труды Н. И. Цимбаева, Е. А. Дудзинской, В. А. Китаева³ рассмотрим некоторые положения их концепции 1850 – 1860 гг. по наиболее острым политическим вопросам и позицию по этим вопросам М. И. Семевского.

Славянофилы горячо поддержали курс правительства на реформы и искренне приветствовали крестьянскую реформу. Для М. И. Семевского дело освобождения крестьян было величайшим событием современности, о чем он неоднократно заявлял публично, посвящая ежегодно один из томов своего журнала «Русская старина» этой теме.

¹ **Семевский М. И.** Историко-этнографические заметки о Великих Луках и Великолукском уезде. СПб., 1857. С. 190.

² РС. 1887. Т. 53. С. 778.

³ **Цимбаев Н. И.** И. С. Аксаков в общественной жизни...; Он же. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М., 1986; **Дудзинская Е. А.** Славянофилы...; **Китаев В. А.** «Вестник Европы» и славянофильство... С. 335 – 351.

Он подчеркивал глубокие перемены в жизни общества, произошедшие после реформы. В очерках «От Твери до Астрахани» (1862 г.), обсуждая описания города Казани в различных изданиях, заметил: «Остановим только Ваше внимание на годах, в которых напечатались два столь разноречивые отзыва о казанском обществе: 1848 и 1861 года... В глубоком раздумье о мистическом значении этих цифр, отправимся к Черному пруду ...»¹. В заметке «Городское управление и городские выборы в Холму (Псковской губернии)» в 1865 г. восклицал: «... для тех уголков не наступило еще свое 19 февраля, но для нас оно уже наступило!» или «для города действительно наступило 19 февраля»². В 1884 г. М. И. Семевский был избран секретарем товарищества в память «19 февраля», которое составлял тесный кружок лиц непосредственно причастных к подготовке «Положений». Свое вступление М. И. Семевский объяснит тем, что с 1866 по 1882 гг. служил в Главном Комитете об устройстве сельского состояния при Государственном Совете. Кроме того, он был награжден в 1869 г. серебряной медалью на Александровской ленте, учрежденной «За труды по устройству крестьян в Царстве Польском» и знаком отличия «За труды по поземельному устройству государственных крестьян»³. По предложению К. К. Грота М. И. Семевский был избран секретарем товарищеских собраний 19 февраля и с этого времени регулярно печатал отчеты собраний на страницах своего журнала. Публикуя в «Русской старине» отчеты об торжественных памятных обедах участников товарищества, в частности, писал: «19-ое февраля – великий день, ознаменованный актом освобождения крестьян в нашем отечестве – чествуется, празднуется, вот уже двадцать три года, всюду, где только слышится русская речь, где только встречаются русские люди. Но особенно замечательно чествование этого дня кружком лиц, которые имели счастье непосредственно содействовать незабвенному государю в создании Положений 19 февраля 1861 г...»⁴. Признание необходимости крестьянской реформы – один из вопросов по которому взгляды двух течений либерализма (славянофилов и западников), сблизились в конце 1850 – начале 1860-х гг., и следовательно, не мо-

¹ **Семевский М. И.** От Твери до Астрахани // Отечественные записки. 1862 г. № 12. С. 504.

² **Семевский М. И.** Городское управление и городские выборы в Холму (Псковской губернии) // Санкт-Петербургские ведомости. 1865. № 231. С. 6.

³ РНБ. Ф. 708, д. 911, л. 15; РС. 1884. Т. 41. С. 671.

⁴ **Семевский М. И.** 19 февраля // РС. 1884. Т. 41. С. 671.

жет служить неопровержимым доказательством принадлежности лица к какому-либо одному течению.

Славянофилы были убеждены, что только самодержавная власть может обеспечить эффективное проведение крестьянской реформы, что во многом персонифицировалось в личности Александра II. Император для М. И. Семевского был кумиром и в молодости, и в зрелые годы, исключительно с его именем он связывал реформы. Так, в декабре 1860 г. по поводу слухов закрытия воскресных школ, он заметил в письме к И. С. Беллюстину, что «одна надежда на благость и великодушие нашего монарха, доброе имя которого чужается всякого рода стеснений и запрещений»¹. После 1 марта 1881 г. М. И. Семевский с думской трибуны выразил свое отношение к Александру II. «4 марта, – вспоминал он, – было второе собрание Городской Думы в новое царствование, и я поминул покойного небольшим экспромтом и от всей души вылившейся речи»². Речь вызвала переполох в высшем обществе. Один из отставных министров, имени которого М. И. Семевский не указал, стал говорить «о том, что речь эта была целое восстание против высших сословий, что будто бы я, приписывая покойному государю, исключительный почин в деле освобождения крестьян и приведя его отметку на записках Соловьева³ о крестьянском деле, что именно в этом деле у государя было весьма много недоброжелателей, и даже врагов, против которых строк государь отметил «правда», что этим написанием я совершил чуть ли не уголовное преступление!»⁴. Следует отметить, что все без исключения «экспромты» М. И. Семевский тщательно готовил, поэтому все сказанное им с думской трибуны было заранее написано. Он восхвалял и самого самодержца и все его реформы: «Мало сказать, что Александр II разбил оковы крепостного ига; он, разбивая эти оковы, снял цепи с нашего земства, с нашего общественного управления городского, вдохнул в земские и городские учреждения новую жизнь, разорвал путы, стеснявшие науку, почти во всех отраслях ее и дал ей полный простор и рост в нашем дорогом отечестве»⁵.

Из цитируемых сочинений М. И. Семевского следует, что, восхваляя императора, он критиковал деятельность чиновничества и

¹ ГАТО (Тверь). Ф. 103, оп. 1, д. 1292.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 389.

³ Соловьев Я. А. Записки сенатора Соловьева: Крестьянское дело в 1856 – 1859 гг. // РС. 1880. Т. 27, 30 – 31, 33 – 34, 36 – 37, 39.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 383.

⁵ РС. 1881. Т. 30. С. 899.

правления, что также было характерно для славянофилов. Особенно с осени 1859 г., когда началась работа в Редакционных комиссиях, они обрушились с критикой на «правительственных бюрократов», чиновничий произвол, чрезмерную централизацию административного аппарата. В этом духе неоднократно, особенно в молодости высказывался и М. И. Семевский. «Теперь в Петербурге гирляндой седовласых сановников поднят вопрос варварский: об уничтожении или закрытии воскресных школ...» – из письма И. С. Беллюстину (1860 г.)¹; «Вы все сводите к вопросу о правительстве...» – из письма Л. Н. Модзалевского (1863 г.)². В справке III отделения о М. И. Семевском, которую привел В. И. Порох, так же отмечалось, что «характер [его] отличался... злобою против всего, что только несет на себе отпечаток правительственного»³. Цитируя ту же справку III отделения, В. И. Порох привел еще несколько оценок воззрений М. И. Семевского в том же духе, но относящихся к более позднему времени. Так, в 1869 г., на заседании в Педагогическом обществе по вопросу принятия «Устава», он заявлял по поводу замечаний министра народного просвещения, что «правительство и здесь хочет пропустить через воронку действия общества»; в справке Главноуправляющему III отделением П. А. Шувалову значилось, что М. И. Семевскому свойственно «либеральное стремление, а его творчество и общественная деятельность отличаются злобою против всего, что носит на себе отпечаток правительственного»⁴. М. И. Семевский состоял в те годы на службе в Государственной канцелярии в чине надворного советника.

Славянофилы выступали за широкое местное самоуправление, и уже с 1857 г. приступили к разработке проектов, которые были использованы при подготовке земской реформы. Отношение М. И. Семевского к вопросу местного самоуправления было достаточно определенно высказано им в статье газеты «Голос»⁵. Заметка была написана в 1867 г. после поездки в Торопецкий, Холмский и Великолукские уезды (Семевские имели мелкие владения в названных уездах Псковской губернии), которые охватил голод. М. И. Семевский обрушился с критикой на взгляды местного дворянства. Поскольку за-

¹ ГАТО (Тверь). Ф. 103, оп. 1, д. 1292.

² Модзалевский Л. Н. Письма М. И. Семевскому... С. 41.

³ Порох В. И. Офицер... С. 65.

⁴ Порох В. И. Офицер... С. 71.

⁵ Семевский М. И. Из Псковской губернии: Корреспонденция // Голос. 1867, 16 февраля. № 65. С. 3 – 4.

метка дает представление и о вопросах, изложенных выше, то будет уместно представить достаточно обширную выдержку: «Большинство местных дворян, в лице влиятельнейших своих членов и представителей, смотрят на наступившее бедствие как на нечто такое, что дает им, будто бы право торжествовать: мы, мол, все это предвидели, мы даже предсказывали, что именно так и будет, мы говорили и писали (в «Вести»), но нас не хотели слушать. Корень зла, по мнению этих господ, в великих реформах последних годов (здесь и далее подчеркнуто мною – О. К.). «Весть» более и более приобретает значение; даже юные девы под влиянием своих ближайших руководителей, зачитываются органом людей крепостной закваски. Рассуждения этих чтецов и почитателей «Вести» все сводится к одному общему, следующему результату: упразднение де крепостного права дело, конечно, великое (это говорится мимоходом, как бы из приличия), но надо было совершить это упразднение иначе: а то, сами посудите, детям грубым, глупым, испорченным дали в руки зажженную свечу и не приставили к ним няньки! Дитя и обожглось, сгорит и совсем; надевание крестьян землею, устранение патриархальной над ними власти помещика, уничтожение (вне приговоров волостных судов) розог, дарование дикарям самоуправления, отсутствие более решительных мер (!) по взиманию недоимок, уничтожение откупа – и многое, многое другое, по мнению крупнейших глашатаев местной интеллигенции, суть главнейшие причины народного бедствия. А тут еще земские учреждения: по понятию этих господ, эти учреждения совершенно фантастическая затея, будто бы положительно и окончательно пришедшаяся не по плечу нашему народу, нашему обществу». И далее М. И. Семеvский писал: «Вся эта плантаторская дичь, весь этот накипающий крепостной закваски не заслужили бы в другое время никакого внимания, но теперь нельзя не прислушиваться к этим воплям, нельзя отвечать на них одним лишь презрительным молчанием – нельзя потому, что все эти господа мало встречают отпору в современных мировых деятелях. Изрыгая хулу на все великое чем, по справедливости, каждый из русских людей должен гордиться, здешние поклонники «Вести» говорят смелее и смелее; им вторят и представители администрации второй и третьей руки. Бог знает почему, но эти последние вообразили, что наступит другая пора, пора движения вспять, и что им следует руководить этим движением, дабы удостоиться наибольших щедрот и милостей; они тоже уверяют, что весь корень настоящего бедственного положения народа лежит в нем самом и в последних реформах...» Завершая статью, М. И. Семеvский

отметил, что положение не безвыходно, нужно только проявлять больше инициативы и энергии в земствах¹. В заметке М. И. Семевский резко выступил против органа «людей крепостной закваски» – газеты «Вести», которая была создана в середине 1860-х гг. и финансировалась Н. А. Безобразовым и В. П. Орловым-Давыдовым. Поместное дворянство недовольное «эмансипацией» стремилось взять реванш за нарушенное право собственности, бороться против проведенных реформ, и весной 1866 г. шли разговоры о создании аристократической партии². М. И. Семевский был осведомлен об этом, что явно следует из заметки, и со свойственной ему горячностью выступил в защиту реформ. Об отношении М. И. Семевского к самоуправлению говорит и тот факт, что в 1877 г. и до последних дней своих, он состоял гласным Санкт-Петербургской Городской Думы немалым более 15 лет, а в 1883 – 1885 гг. в должности товарища городского головы. В речи при вступлении в должность в 1883 г. отметил: «не стану повторять стереотипной фразы..., что буду трудиться с усердием, но скажу, что это усердие я найду в том чувстве искреннейшего уважения, которое я усвоил себе к общественному самоуправлению, трудясь в его среде в звании гласного...»³.

Исследователи его биографии едины в понимании того, почему при очень большой занятости делами (служба, редактирование и издание журнала) он, тем не менее, принял на себя нелегкие общественные обязанности. «М. И. Семевский, чуткий и отзывчивый на всякое живое дело, всю жизнь интересовался вопросами общественного характера», – писала В. В. Тимошук, участие его в деле городского самоуправления «свидетельствовало об активной жизненной позиции», – констатировал В. И. Порох⁴.

Как гласный М. И. Семевский трудился во многих комиссиях, в частности, в Училищной – все годы за исключением небольшого перерыва, когда исполнял должность товарища городского головы⁵; а также в созданной в 1884 г. Комиссии для составления соображений о постановке в Александровском саду бюстов замечательных русских

¹ Семевский М. И. Из Псковской губернии... С. 3-4.

² Власть и реформы... С. 344.

³ Известия СПб ГД. 1884. Т. 77. С. 2763.

⁴ Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 167; Порох В. И. М. И. Семевский в общественной жизни России в 70-е – начале 90-х годов XIX века // Страницы Российской истории: межвуз. сб. к 60-летию со дня рождения профессора Г. А. Типкина. М., 2001. С. 244.

⁵ См. гл. 2, § 5.

деятелей под председательством И. И. Домановича, в которую, помимо него, входили: Н. Л. Бенуа, А. А. Краевский, Н. В. Латкин, А. Н. Неустров¹. Любопытно, что среди избранных «великих» – Н. М. Пржевальский, действительно великий современник, к которому М. И. Семевский питал особое уважение, и по его предложению путешественника чествовали после второго похода в стенах Городской Думы особенно торжественно². Не менее активно он трудился и в Финансовой комиссии по рассмотрению сметы доходов и расходов города, и когда в 1883 г. его избрали на пост товарища городского головы, то председатель комиссии П. П. Дурново заявил, что «М. И. Семевский состоял членом... комиссии в течение шести лет и в настоящем году при рассмотрении сметы, во многих отношениях измененной, участие М. И. Семевского было бы особенно полезно с правом решающего голоса, и не следовало бы избирать новых членов в комиссию, а просить М. И. Семевского остаться в ней»³. Согласие было получено. На посту товарища городского головы он потратил много сил для решения социальных вопросов, благоустройства города, улучшения его санитарного состояния. Так в октябре 1884 г. вместе с городским головою И. И. Глазуновым принял участие в «обозрении» Обводного канала министром финансов Н. Х. Бунге, и не только дал историческую справку о строительстве канала, но и грамотно и точно изложил основные технические характеристики инженерных частей сооружения (ложе для реки Лиговки на гранитной арке)⁴. Он принимал самое деятельное участие в деле строительства водопроводов, освещения Васильевского острова, строительстве Сенного рынка, станций ветеринарного надзора над мясной продукцией в связи с эпидемией в городе и т. д. Задачу Думы по улучшению городского хозяйства М. И. Семевский видел не в том, чтобы увеличить поступления в казну. «Значение общепользных предприятий, – говорил он с думской трибуны в 1885 г., – то, что они должны, прежде всего, удешевить для населения те услуги, которые частная предприимчивость дает им дорого в качестве монопольной. Если бы город имел, например, свой собственный газовый завод, свои собственные водопроводы, то он, прежде всего, должен был бы рассматривать предприятия не исключительно с точки зрения дохода, а как средства

¹ Известия СПб ГД. 1884. Т. 73. С. 413.

² Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 190.

³ Известия. 1885. Т. 77. С. 3126.

⁴ Известия СПб ГД. 1884. Т. 76. С. 46.

удешевить для потребителей-обывателей газ и воду»¹. Он считал, что в городе еще многое предстоит сделать, что «Петербург все еще представляет весьма бедную и плохую, по отношению городского благоустройства, копию своих старших братьев, столиц Европы»². Деятельность М. И. Семевского на этом поприще была весьма успешной, и в 1885 г. он баллотировался вторым (запасным) кандидатом в городские головы³. Но уже 4 сентября 1885 г. М. И. Семевский подал заявление об отставке с поста товарища городского головы. Оно не было удовлетворено, по предложению гласного полковника Г. Н. Шаумана, выступившего с горячей речью с перечислением заслуг М. И. Семевского, Дума готова была просить взять заявление обратно. На следующем заседании 25 сентября он выступил с краткой речью: «Не может быть ни малейшего сомнения в том, что я дорожу общественной службой, прослужив городу более 8 лет в звании гласного Городской Думы, в том числе почти 2 года в звании товарища городского головы»⁴. И все же в 1885 г. из-за тяжелой болезни и интриг М. И. Семевский ушел в отставку с поста товарища городского головы. Отставка была принята, гласные Городской Думы, встав со своих мест, общим поклоном выразили ему свою признательность⁵.

Чтобы считать М. И. Семевского примкнувшим к славянофилам, достаточно представленного материала. Правда, восприняв отдельные положения, М. И. Семевский не сумел сформировать достаточно стройных представлений, что сделать ему было сложно и в силу отсутствия целостной концепции течения, противоречивости высказываний отдельных представителей, и в силу того, что его друзья-славянофилы также имели серьезные расхождения в своих воззрениях. В итоге его взгляды оказались столь же неопределенны и претерпят тот же путь эволюции, как и применение термина «славянофил». Ю. С. Сорокин проследил следующую цепочку употребления термина: а) в 1840-е гг. — обозначались мнения, выраженные «Москвитянином», отсюда возникали сложности для современников в разграничении позиции истинных славянофилов (К. С. Аксаков, А. С. Хомяков,

¹ Известия СПб ГД. 1885. Т. 77. С. 1109.

² Известия СПб ГД. 1885. Т. 77. С. 2763.

³ В этом списке голоса распределились следующим образом: Ламанский Е. И. — 116; Семевский М. И. — 48; Корф П. Л. (он баллотировался и в первом списке, но уступил первенство Лихачеву В. И.) — 34; Краевский А. А. — 3. (Известия СПб ГД. 1885. Т. 77. С. 2763).

⁴ Известия СПб ГД. 1885. Т. 80. С. 246.

⁵ Известия СПб ГД. 1885. Т. 80. С. 246.

И. В. Кириевский) и М. П. Погодина и А. И. Шевырева «находившихся в непосредственной близости к вождям славянофильства», но представлявших в целом иное политическое течение; б) в 1850-е гг. понятие славянофильской школы стало связываться с кругом сотрудников журнала «Русская беседа»; в) в 1860-е гг. неоднократно менялись границы этой группы и к славянофилам то относились писатели, которые лишь отчасти разделяли теоретические взгляды основоположников, то выделялись особые течения (почвенничество)¹. Согласившись в целом с этим наблюдением, Н. И. Цимбаев дополнил его тем, что уже в конце 1840-х гг. славянофильство начинают смешивать со славянолюбием и панславизмом². «Истинное славянофильство, – подчеркнул он, было течением русской общественной жизни, возникло в России, и было обращено к России»³. Славянский вопрос играл скромную роль в теориях славянофилов. Однако в русской периодике второй половины XIX в. главенствовало понимание славянофильства как славянолюбия. Н. И. Цимбаев отметил, что такая смысловая подмена была отчасти вызвана переменной во взглядах И. С. Аксакова, который «в 1870 – 1880 гг. субъективно был верен идеалам истинного славянофильства, но в действительности с середины 1870-х гг. был, конечно, славянолюбом»⁴. Обращает на себя внимание тот факт, что все названные выше лица – А. Н. Попов, А. Ф. Гильфердинг, О. Ф. Миллер, были связаны с И. С. Аксаковым многие годы, их взгляды также претерпели изменения. В 1870-е гг. они все были сотрудниками «Дня», славянского отдела, и следовательно, шли тем же путем эволюции. Ни один современный исследователь не привел фактов противостояния их взглядов взглядам И. С. Аксакова, этот вопрос даже не ставился. Наиболее ярко диффузию политических течений (славянофильства и славянолюбия) можно проследить, опираясь на труды О. Ф. Миллера. В 1865 г. он выступил со статьей «Славянский вопрос в науке и в жизни», где сетовал на замкнутость кружка славянофилов, призывая их отказаться от своего устаревшего *credo*. Он сузил и исказил идеи истинных славянофилов, поставив их у истоков славянолюбия, сделав предтечами и теоретиками, как отметил, Н. И. Цимбаев, принципиально иного течения русской общественной жизни⁵. Понимание О. Ф. Миллером славянофильства как на-

¹ Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава... С. 324.

² Цимбаев Н. И. Славянофильство... С. 32 – 45.

³ Цимбаев Н. И. Славянофильство... С. 37 – 38.

⁴ Цимбаев Н. И. Славянофильство... С. 45.

⁵ Цимбаев Н. И. Славянофильство... С. 40.

чальной стадии формирования славянолюбия укрепилось с годами не только в его сознании, но и в общественном. В статье 1876 г. он отметил: славянофильство «перестало жить, как достояние особого абсолютного кружка», оно «умерло для кружка, первоначально его подготовившего, чтобы продолжать жить для целого общества»¹. Обратимся к мнению еще одного современника – А. Д. Градовского. В лекциях о первых славянофилах, прочитанных в 1873 г. говорилось: «Славянофилы провозгласили право славян, т. е. племен или политически поработенных другими расами, или духовно ими плененных, играть роль во всемирной цивилизации, т. е. они доказывали культурную гордость начал, составляющих особенность славянского племени. Они сделали больше. Теория их доказывала не только годность, но превосходство культурных начал славянского мира над таковыми же началами романо-германского»². При этом по наблюдениям Н. И. Цимбаева истинное славянофильство трактовал с позиций славянолюбия, но видел в них различия (хронологические), и называл деятелей петербургского славянского общества «неославянофилами»³.

По нашему мнению, сближение и смешение понятий, прежде всего в головах современников, было вызвано деятельностью славянофилов в 1870-е гг. Изучая деятельность славянских комитетов в России, С. А. Никитин отметил, что «без всякого сомнения, можно утверждать, что источником мыслей о создании славянского общества в Москве был славянофильский круг. А в нем в особенности И. С. Аксаков»⁴. Его поддерживал и А. С. Хомяков. Реализация идеи культурной и материальной помощи южным славянам нашла поддержку части русского общества и правительства, но основные деньги на создание Московского Славянского благотворительного комитета внесли славянофилы⁵. Заметим, что демократическим слоям русского общества, по наблюдениям Н. И. Цимбаева, славянолюбие было глубоко чуждо⁶.

В смешивании понятий и неточном употреблении термина в 1860 – 1870-е гг. не следует видеть только случайность или неосведомленность. В этом, по нашему мнению, нашло отражение измене-

¹ Миллер О. Ф. Славянство и Европа. СПб., 1877. С. 3 – 4.

² Градовский А. Д. Собр. соч. В 9 т. Т. 6. СПб., 1901. С. 162, 264 – 272.

³ Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни... С. 41 – 42.

⁴ Никитин С. А. Славянские комитеты в России. М., 1960. С. 34.

⁵ Никитин С. А. Славянские комитеты в России. С. 39.

⁶ Цимбаев Н. И. Славянофильство... С. 39.

ние исторических реалий. Во второй половине XIX в славянский мир переживал период становления самосознания славянских народов, формирования наций, литературного языка, национальной литературы, музыки, культуры в целом. Процесс этот требовал философской основы. Славянофильство как философское течение уже существовало к этому времени в завершенной форме, оно и составило основу национальных философских концепций славянства. Оглядки славянолюбов на славянофилов закономерны, хотя прямым продолжением эти течения считать невозможно, так же как и националистические течения в славянском мире не есть прямое продолжение славянофильства.

И если задачи науки требуют четкого разграничения всех оттенков употребления термина, то в реальной жизни как раз этого и не наблюдалось. Зафиксированная путаница терминов, их подмена, применение к политическим течениям различной направленности отражают состояние, которое царило в умах людей, формы бытования идей и осмысление их не идеологами и их политическими противниками, т. е. людьми, «профессией» которых было генерирование идей или борьба с ними, а «потребителями», молчаливыми наблюдателями. Эклектизм взглядов, надо полагать, достаточно распространенное явление для интеллектуальных обывателей в периоды обострения общественно-политических процессов, что и происходило во второй половине XIX в. К таким лицам следует отнести и М. И. Семевского. Его образование, даже с учетом попыток пополнить свои знания в университетах, не позволяло ему разобраться в терминологических разночтениях и проникнуть в философскую сущность учения. Возможно, это было свойство семейного склада ума Семевских. Известно, что Василий Иванович Семевский никогда не писал концептуальных трудов, не был теоретиком исторической науки, не оставил историофилософских сочинений¹.

Именно поэтому в конце 1850 – 1860 гг. сложилась ситуация, когда истинные славянофилы не признавали М. И. Семевского за славянофила, а остальные видели в нем именно славянофила, поскольку каждый смотрел под углом своего понимания проблемы, и это не было исключением для тех лет. Приведем в подтверждение два факта, относящиеся к 1858 г. Исполняя обязанности репетитора в Первом

¹ **Балуев Б. П.** Искренний и правдивый друг народа: Василий Иванович Семевский // Историки России: XVIII – начало XX вв. М., 1996; **Невелев Г. А.** Русское декабристоведение конца XIX – начала XX в. Брянск, 1993. С. 41.

кадетском корпусе, М. И. Семевский вынужден был выступить в роли режиссера, и настоял на постановке «Женитьбы» Н. В. Гоголя. Об успехе спектакля сообщила газета «Санкт-Петербургские ведомости». Заметка была приписана М. И. Семевскому и вызвала скандал. Генерал Лихонин отчитал подчиненного, его слова Михаил Иванович сообщил отцу: «Постойте, я скажу вам без обиняков, что я слышал, что вы принадлежите к партии славянофилов (подчеркнуто мною – О. К.), следовательно, вы восстаете против старого порядка. Вы видите, что я все знаю, что касается моих подчиненных...»¹. Другая оценка дана А. С. Хомяковым. Речь шла о статье «Царевич Алексей Петрович», которую М. И. Семевский предлагал для «Русской беседы», работа над ней была закончена в ноябре 1857 г. В апреле 1858 г. А. С. Хомяков сообщал автору, что она вызвала восторг у К. Ф. Филиппеуса, И. С. Назарова, А. И. Кашелева, но напечатана быть не может. «Не думаю, чтобы цензор взял на себя позволить печатания Вашей рукописи без особого разрешения, – писал А. С. Хомяков, – но знаю, я от всей души желал бы ее видеть напечатанною... Очевидно, что Вы не принадлежите ни к какому исключительному мнению, и что Вас нельзя обвинить в славянофильстве (подчеркнуто мною – О. К.), как нас грешных, тем важнее Ваш рассказ и Ваше мнение...»². В последнем случае имеется ввиду, что М. И. Семевский принадлежал к молодому поколению, и не был вхож в московский кружок.

Общественно-политические пристрастия М. И. Семевского проявляются и в его литературной деятельности. Анализ публикаций (120 статей)³, охватывающий период с 1856 г. по 1870 г., т. е. весь период активной литературной деятельности (с 1870 г. начнет издавать собственный журнал и почти перестанет писать) и список редакций, с которыми он сотрудничал (Приложение 2), показывает, что в журналах однодневках, которые во множестве возникали в конце 1850-х г. и удерживались не более 2 – 3-х лет, политическое лицо которых определялось не более как общей политической ситуацией, он печатался сравнительно мало. Среди них можно назвать журнал Е. Ф. Сафонова «Ваза: литературно-художественный журнал светских новостей, мод, домашнего хозяйства и рукоделия»; В. Рюмина «Общезанимательный вестник: журнал литературы, наук, искусств,

¹ Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 78.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 369, л. 2.

³ Перечень трудов М. И. Семевского приведен в книге: Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... Приложение. С. 73 – 82.

промышленности, торговли и общежития»; В. Кремпина «Рассвет: журнал наук, искусств и литературы для взрослых девиц»; Е. В. Салиас-де-Турнемир (Евгении Тур) «Русская речь: обозрение литературы, истории, искусств и общественной жизни на Западе и в России». В них появлялось не более чем по 1 – 3 публикации, далее либо прекращалось издание, либо он более не публиковался. Редакторы этих журналов, как правило, сами приглашали М. И. Семевского к сотрудничеству. Так Евгения Тур в письме от 19 октября 1860 г. писала: «Я обращаюсь к Вам с убедительною просьбою, не откажите мне участ-
вовать (подчеркнуто автором – О. К.) в моем издании»¹. Из письма ясно, что она обратила внимание на него как автора исторических сочинений, появившихся в печати. Выше отмечалось, что М. И. Семевский в 1859 – 1863 гг. был связан с различными изданиями славянофилов. Например, Достоевские стремились заполучить его статьи. В письме к М. П. Погодину М. И. Семевский заметил об обстоятельствах публикации «Царицы Прасковьи»: «Первая половина труда... уже печатается в журнале «Время». Издание новое и редакторы... Христом богом просили «Прасковью» к себе»². В 1859 – 1860 гг. он публиковал исторические статьи в «Русском слове» Г. А. Кушелева-Безбородко, однако с появлением Г. Е. Благосветлова в качестве редактора, который придал журналу демократическое направление, печататься перестал. В данном случае имели место не политические убеждения, а личные отношения (ссора 1859 г.)³. В 1860 – 1861 гг. «Библиотека для чтения» А. Ф. Писемского, «Военный сборник» и «Журнал Министерства народного просвещения» чаще всех брали его исторические статьи, соответствующие тематическому профилю журнала. Но в те же годы (1859 – 1860; 1866 – 1867) он активно печатался в «Русском вестнике» М. Н. Каткова (8 публикаций). Однако М. И. Семевский никогда не печатался в «Современнике». В конце 1850-х гг., как отметила Т. Ф. Пирожкова, «демократы вели спор с «Русской беседой» о сотрудниках. Для них это был принципиальный вопрос». По мнению Н. Г. Чернышевского именно сотрудники определяли «физиогномию» журнала, поскольку большинство людей предрасположено приравнивать идеи образу их защитников, поэтому политическому и нравственному облику людей, представлявших те-

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 306.

² Письма о Достоевском. Достоевский в неизданной переписке современников // ЛН. Т. 86. М., 1973. С. 377.

³ **Порох В. И.** Офицер, историк, издатель... С. 52 – 53.

чение, редакторы придавали большое значение¹. М. И. Семевский не подходил «Современнику». Он пытался печататься и в «Морском сборнике», но потерпел неудачу. В письме к С. М. Жуковскому сообщал, что материалы, предложенные им, отвергнуты, и он отправит их в «Русский архив» и просит дать замечания. Определяя оценку отношения М. И. Семевского к названным журналам, следует учитывать, что уровень их литературных требований был выше тех, в которых его сочинения принимались к печати, следовательно, отказы могли быть вызваны как недостаточно высоким литературным уровнем сочинений, так и несоответствием предлагаемого материала направлению журнала².

Самый большой процент (более 25 %) публикаций приходится на издания А. А. Краевского. В «Отечественных записках» М. И. Семевский печатался с 1860 г., в газете «Голос» со дня ее основания – 1863 г., пик активности падает на 1866 г. Все его статьи посвящены, в основном, историческим сюжетам. Исключением являются газеты. Если в «Санкт-Петербургских ведомостях» (печатался при редакторстве А. А. Краевского) помещал некрологи и путевые заметки, то в «Голосе» он выступал как публицист. Выявить все статьи, принадлежащие перу М. И. Семевского, к сожалению невозможно, поскольку он подписывал их псевдонимами (достаточно распространенные литеры «М» и «М. С.», и при этом они часто варьировались). Авторство установлено нами только в том случае, когда подготовительные материалы или вырезки из газет отложились в личном архиве. Направление всех публикаций – поддержка реформ на местах, особенно создания местного самоуправления.

Знакомство с А. А. Краевским произошло через А. Д. Галахова. Он, как и А. А. Григорьев, исполнил роль наставника в отношении юного М. И. Семевского. В 1888 г., помещая в «Русской старине» отрывки из мемуаров А. Д. Галахова, М. И. Семевский уведомил своих читателей о личном знакомстве с автором. «В октябре 1855 г., восемнадцатилетний тогда юноша, ныне пишущий эти строки, прибыв в Москву, имел честь и истинное удовольствие явиться с рекомендательным письмом от Якова Ивановича Ростовцева к Алексею Дмитриевичу Галахову. Радушию и вниманию к нам А. Д. Галахова, – отмечал он, – мы много обязаны: он ввел нас в круг писателей, ученых, живших тогда в Москве, укрепил в нас любовь в литературе и науч-

¹ Пирожкова Т. Ф. Революционеры-демократы о славянофильстве... С. 116.

² РНБ. Ф. 287, д. 228, л. 1.

ным занятиям; по его совету мы стали посещать многие лекции в Московском университете...»¹. А. Д. Галахов знал А. А. Краевского по сотрудничеству в издаваемом им журнале «Отечественные записки», знал в тот период, когда А. А. Краевский, человек необычайно практичный, чувствуя потребности общества, пригласил в журнал В. Г. Белинского и предоставил ему полную свободу действий. В период реакции 1848 г. он резко изменил свои убеждения. Но он при любых обстоятельствах стремился извлечь из издательской деятельности материальную выгоду, прекрасно чувствовал конъюнктуру рынка. Только газета «Санкт-Петербургские ведомости» (арендовал с 1852 г. по 1862 г.) имела в конце издания 12 тысяч подписчиков и давала 50 тысяч ежегодного дохода². Поэтому Н. К. Михайловский заметил, что передача «Отечественных записок» Н. А. Некрасову в 1868 г. всего лишь «простая денежная сделка», «никакого союза тут не было». «Пришел Некрасов, – писал Н. К. Михайловский со слов Н. С. Курочкина, – предложил Краевскому выгодные условия. Краевский, человек, собственно говоря, совершенно чуждый литературе, хотя и наживший на ней каменные палаты, согласился отдать свой журнал представителям враждебного ему направления» (подчеркнуто мною – О. К.)³. Сам А. А. Краевский считал себя умеренным либералом⁴. Газету «Голос» он начинал издавать в 1863 г. взамен утраченной аренды над «Санкт-Петербургскими ведомостями». И в этот раз верный принципу, что прибыль приносит только то, что находит потребителя, сделал целью издания освещение проводимых реформ. «Одна из главных задач, – отмечалось в редакционной статье, – ознакомление читателя с внутренней жизнью в России», при этом подчеркивалось, что, поддерживая «деятельную реформу» «мы не хотим льстить правительству, но не желаем льстить и народу, не желаем заискивать в среде нетерпеливцев»⁵. Князь В. П. Мещерский, известный своими консервативными взглядами, отметил, что газета «проводит антиправительственную политику», и это нравится «в сферах петербургских сановников в особенности»⁶. Этот печатный орган, столь

¹ РС. 1888. Т. 57. С. 31.

² Русский биографический словарь. Т. Кнаппе – Кюхельбеккер. С. 402.

³ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. СПб., 1909. Т. 7. С. 46 – 47

⁴ Голос. 1863. № 1. С. 1.

⁵ Голос. 1863. № 1. С. 1.

⁶ Князь Мещерский. Воспоминания. М., 2001. С. 297. – В действительности газета не выходила, особенно в первое десятилетие, за рамки охранительного направления, но ее исключительная популярность (тиражи возросли с 4 тыс. экз. 118

удачно вписывался в общественную жизнь страны, «пользовался поддержкой известных либеральных правительственных сфер», которые, князь Мещерский назвал со всей определенностью: «Валуев разрешил А. А. Краевскому издавать «Голос», про который все знали, что это орган антиправительственный, создающийся под эгидой и протекцию восходившего тогда яркою звездой на горизонте Головнина»¹. Газета создавалась при поддержке А. В. Головнина, первое время финансировалась правительством и была проводником идей «константиновцев» (А. В. Головнина, М. Х. Рейтерна, Д. А. Милюкова), как отметила В. Г. Чернуха, изучая вопрос о влиянии правительственной политики в отношении печати в 1860 – 1870-е гг.². Соответственно А. А. Краевский подбирал и сотрудников, в их числе был и М. И. Семевский. Прагматизм А. А. Краевского, как в случае с «Отечественными записками» периода сотрудничества в журнале В. Г. Белинского, так и в истории издания газеты «Голос», привел к тому, что его издания были радикальнее убеждений их редактора.

Отношения М. И. Семевского и А. А. Краевского были исключительно деловыми: отношения редактора и сотрудника, позже, в 1870 – 1880 гг. как гласных Санкт-Петербургской Городской Думы, где оба входили в училищную комиссию; а так же как членов комитета Литературного фонда. М. И. Семевский часто обращался за помощью к А. А. Краевскому. Самым показательным был случай с получением места при Министерстве народного просвещения для инспекции народных училищ в Псковской губернии в 1862 г. М. И. Семевский просил ходатайствовать за него перед А. В. Головниным³. Несомненно, для него не прошел бесследно богатый издательский опыт А. А. Краевского, умение найти ту струю общественного интереса, которая позволит создать прибыльное издание.

В журнальной деятельности М. И. Семевского отчетливо прослеживается стремление (особенно после 1866 г.) печататься, в основном, в специальных журналах («Русский архив», «Летопись знаний Археографической комиссии», «Чтения Московского общества исто-

в 1863 – 1865 гг. до 22,5 тыс. экз. в 1882 г. на момент закрытия) пугала власть, и за первые 15 лет издания «Голос» получил 11 предупреждений, 3 раза был приостановлен, 11 раз запрещен в розничной продаже (15 лет газеты «Голос». СПб., 1878. С. 27).

¹ Князь Мещерский. Воспоминания... С. 113 – 114.

² Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати 60 – 70-е гг. XIX в. Л., 1989. С. 107 – 110.

³ Порох В. И. Офицер... С. 66 – 67.

рии и древностей») или умеренно-либеральных («Вестник Европы», газета «Голос»).

В числе круга знакомых М. И. Семевского следует отметить еще две группы лиц, оказавших на него известное влияние в пору формирования убеждений. По возвращении с полком из Москвы в 1856 г., он сошелся с известным педагогом В. И. Водовозовым и затем, с К. Д. Ушинским и «ушинцами» – Л. Н. Модзалевским, Д. Д. Семеновым, Ю. С. Рахневским, М. О. Косинским¹. Не менее важным было на него влияние А. В. Головнина, который как отметила В. В. Тимошук, «постоянно оказывал Семевскому особое расположение и имел огромное влияние на его развитие и карьеру». Первая встреча с Министром народного просвещения состоялась в 1862 г., но более близкое знакомство – с 1866 г. В. В. Тимошук отметила, что в течение двадцати лет он был вхож в дом, где «встречался... со многими высокообразованными личностями, с деятелями государственными, с людьми науки и нередко долго беседовал с самым просвещенным хозяином дома о событиях прошлого»². В этом доме он познакомился с А. П. Заблоцким-Десятовским, С. М. Жуковским, В. А. Арцимовичем и другими деятелями крестьянской реформы. Будучи чиновниками при высоких должностях, они протезировали своему юному другу в определении на службу в Государственную канцелярию и продвижению по службе.

Почти о каждом из них впоследствии на страницах «Русской старины» он скажет теплые слова (как правило, это были некрологи) и особо подчеркнет, что знал их лично. О П. Е. Татаринове – помощнике управляющего делами в Главном комитете об устройстве сельского состояния заметил: «в том же комитете и в тот же период времени, имел честь быть сначала делопроизводителем, а потом и помощником статс-секретаря пишущий эти строки»³. «Помним мы его живо, помним с января 1864 г., – писал о С. И. Зарудном, – когда, поступивши на службу в Государственную канцелярию, застали его сначала исправлявшим должность, и затем и статс-секретарем Государственного совета»⁴. О Степане Михайловиче Жуковском: «Государственный муж замечательного ума, глубоко преданный делу своего отечества, один из главнейших деятелей при создании Положений 19-го февраля 1861 г., как в Ревизионных комиссиях, так и в Секретном, и затем в

¹ Об их отношениях подробнее см. гл. 2.

² Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский.... 245.

³ РС. 1888. Т. 57. С. 820.

⁴ РС. 1888. Т. 57. С. 477.

Главном по крестьянскому делу комитетах»¹. В мартовском номере 1884 г. «Русской старины», опубликовав отчет об обедах собрания в память «19 февраля», поместил портреты наиболее видных, с его точки зрения, деятелей реформы: Александра II, К. В. Чевкина, Н. А. Милютина, С. М. Жуковского². Имя А. В. Головнина на страницах журнала встречается часто. Из примечаний следует, что М. И. Семевский получал от него некоторые документы из личного архива, часть из которых предназначалась для печати в ближайшее время, некоторым предстояло лежать в архиве редакции до лучших времен³. Он напечатал некролог-биографию и в 1888 г. ко дню основания А. В. Головниным народного училища в родном селе Гулынки Пронского уезда Рязанской губернии «озаботился оттиснуть двести экземпляров нашего очерка, заключающего в себе обзор деятельности и характеристику знаменитого государственного и высоко нравственного человека, каким был русский патриот А. В. Головнин»⁴.

Круг перечисленных знакомых А. В. Головнина – это те кадры реформаторов, которые подготовили и провели «великие реформы». Авторы монографии «Власть и реформы» отметили важный факт – периоду реформ предшествовал период идеологической подготовки общества и государственного аппарата, комплектовался кадровый корпус работоспособного чиновничества из числа чиновников «второго эшелона» министерств. Некоторые реформаторы были привлечены из среды общественных деятелей⁵. Указаны В. А. Черкасский, Ю. Ф. Самарин, А. И. Кошелев (все славянофилы). Следовательно, хотя в основе внутривластного курса реформ, что особо подчеркнуто, лежала западническая, либеральная доктрина⁶, тем не менее, общественные деятели – западники не пополнили кадры реформаторов. Однако это противоречие мнимое. В основе взглядов либеральной бюрократии лежала идея реформирования общества с ориентацией на европейские образцы, но она составляла лишь часть идеологической доктрины. Суть их политической позиции достаточно

¹ РС. 1878. Т. 24. С. 795.

² РС. 1884. Т. 41. С. 671 – 716. .

³ Примечание М. И. Семевского к записке И. С. Тургенева – «весьма обязательно была сообщена А. В. Головниным» (РС. 1884. Т. 41. С. 718); «В одной из заметок переданных нам А. В. Головниным» (РС. 1888. Т. 58. С. 708).

⁴ **Семевский М. И.** Александр Васильевич Головнин // РС. 1888. Т. 57. С. 709.

⁵ Власть и реформы... С. 314.

⁶ Власть и реформы... С. 306.

определенно выразил А. П. Заблоцкий-Десятовский: «Эти люди не были революционерами (хотя впоследствии клеймили их этим именем), ни конституционалистами; они не мечтали о перестройке общества на новых началах» (подчеркнуто мною – О.К.)¹. Последнее и стало точкой сближения либеральной бюрократии и славянофилов. Реформы должны были сохранить незыблемым самодержавие и православие. А. П. Заблоцкий-Десятовский высказал еще несколько мыслей, которые представляют интерес. Он указывает время появления этого политического течения: «время, когда тяжелый гнет лежал над свободным проявлением мысли» – т. е. 1840-е гг. годы николаевского режима. В это время они занимались «изучением вопросов администрации и политики, а главное – изучением положения народа, его нужд и желаний. Эти люди не имели между собой никакой внешней связи, но их соединила связь нравственная – служение одному делу... у этих людей был идеал, к которому они стремились [...] Идеал их был – водворение правды, в тех сферах жизни, где им приходилось действовать. Идеал этот был прост, как сама правда, об этом идеале никто не проповедовал, и он как выражаются натуралисты, зарождается у них самопроизвольно». И далее: «Вот почему эти люди, – заключил А. П. Заблоцкий-Десятовский, – явились в передовых рядах деятелей. И без всяких масонских и иных знаков, – узнали друг друга, сошлись как старые знакомые»². Среди них он назвал В. Ф. Одоевского, Н. А. Милютину, К. В. Чевкина, П. Д. Киселева, Ю. Ф. Самарина. «Правда», «люди правды», «дело правды» – эти слова и словосочетания могут быть расценены как термин, он достаточно часто встречается и в текстах названных лиц и М. И. Семевского. Это понятие связывается с преобразованиями, с освобождением крепостной России. Например, в примечаниях к «Запискам Ивана Степановича Жиркевича», говоря о высоких нравственных качествах автора мемуаров, М. И. Семевский заметил, что таких людей будет больше, «если гласность, правда, суд и просвещение будут шире и глубже развиваться и упрочиться на святой Руси...» (Здесь как одна из составляющих реформ)³. Однако раскрыть полное содержание этого понятия затруднительно из-за недостаточного количества материала. В трудах по лингвистике упоминаний обнаружить не удалось. Единственное наиболее развернутое объяснение находим в вы-

¹ РС. 1882. Т. 36. С. 542. (Речь на обеде 23 ноября 1879 г.)

² РС. 1882. Т. 36. С. 542.

³ РС. 1874. Т. 9. С. 211 – 212.

ступлении профессора Я. К. Грота, брата К. К. Грота, одного из членов собраний в память 19 февраля. Перечисляя принципы, на которых строил свою жизнь, он отметил: «Таковы были правила, которые я всегда считал обязательными для каждого честного академика, помня при этом святое апостольское слово: плод правды сеется в мире. Вместе с тем я сознавал, что стремление к миру должно иметь свои пределы, что в делах общественных правда не может быть приносима в жертву миру, (подчеркнуто мною – О. К.) и что, когда предстоит выбор между ними, то предпочтение должно быть без колебания отдано правде»¹. В Высказывании К. К. Грота содержится скрытая цитата из Нового завета, «Послания Иакова» (гл. 3, ст. 18). Для понимания текста приведем ст. 17 – 18. «Но мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом, мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна»; «Плод же правды в мире сеется у тех, которые хранят мир»². Однако к переводу следует отнестись с осторожностью. На старославянском этот текст читается иначе: «Плодь иѣ же правды к миръ съется творящымъ миръ»³.

Идея поиска золотой середины, неприсоединения к существующим, заявившим о себе течениям, нашла приверженцев среди бюрократов. Так в 1870-е гг. К. Д. Кавелин писал, что человек, который принимает «к сердцу интересы родины» не может не чувствовать себя наполовину славянофилом, наполовину западником»⁴. Попытки определить это политическое направление делались и в 1870 – 1880 гг. Отметим, например, мнение В. А. Гольцева. В некрологе В. Н. Лешкова, определяя его политические воззрения, он отметил, что тот «не был славянофилом, но он не был и западником. Если говорить о принадлежности его какой-либо партии, то такую партию можно было бы назвать русская народная либеральная партия» (подчеркнуто мною – О. К.). И далее, разъясняя свою мысль, писал: «Эта была та партия, основателями которой можно считать и лучших славянофилов, и лучших западников»⁵. И как итог привел слова А. И. Герцена: «мы за пророче-

¹ Цитирую по: **Семевский М. И.** Профессор и академик Я. К. Грот: 50-летняя ученая и литературная его деятельность // РС. 1883. Т. 37. С. 228.

² Новый завет господя нашего Иисуса Христа. В русском переводе. По благословению Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1905. С. 304.

³ Библия или книга священного писания ветхого и нового завета. Российское библейское общество. Б/м, б/г. С. 148.

⁴ **Кавелин К. Д.** Собр. соч. СПб., 1899. Т. 3. Стлб. 1163.

⁵ **Гольцов В. А.** Памяти В. Н. Лешкова // РС. 1882. Т. 35. С. 666.

ство – чувство безграничной, охватывающей все существование любви к русскому народу, русскому быту, русскому складу ума».

Д. Л. Толстой назвал приверженцев этих идей «партией»: «Я был поражен единодушием, царившим в этой группе людей, – писал он об обедах в память 19 февраля, – как бы сплоченных около одного знамени; это была организованная партия, со своим штабом и своими кадрами, способная и готовая твердо, последовательно, энергично провести свою политическую программу, как только она могла бы встать у власти»¹. Однако состав этой группы (участников обедов) был в основном далек от славянофильства, за исключением К. Д. Кавелина². Эта «партия» – течение общественно-политической мысли не была ограничена только членством на обедах или журфиксов в доме А. В. Головнина. Тот факт, что М. И. Семевский, человек другого поколения, легко вошел в состав этой группы, не случайность. С годами, что естественно, все уже круг «настоящих реформаторов». Уйдут из жизни его знакомые – друзья А. В. Головнина. Пытаясь найти им замену: М. И. Семевский все больше сходится с К. Д. Кавелиным, Н. В. Калачовым, А. Ф. Кони, последний известен как защитник незыблемости судебных уставов 1864 г., человек, политическая позиция которого заключалась в неприсоединении ни к каким политическим партиям.

Участники обедов в память «19 февраля» – это фиксированная часть «партии», но любое течение общественной мысли имеет приверженцев. Можно говорить о выделении достаточно консолидированного либерального направления, стоящего на прагматических началах. Наиболее яркой частью этого течения была либеральная бюрократия. Эта группа имела, хотя и чисто формальный, признак единения – непосредственное участие в комитетах, готовящих документы предстоящих реформ. Но помимо них существовала определенная часть дворянского общества, формально трудно фиксируемая, разде-

¹ Цит. по.: Политическая история Россия – СССР – Российская Федерация: В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 308.

² Списки присутствующих на обедах в 1880-е гг.: И. П. Арапетов, А. А. и В. А. Арцимовичи, Е. И. Барановский, Н. Х. Бунге, Г. П. Галаган, кн. С. П. Голицин, А. В. Головнин, К. К. Грот, К. И. Домантович, С. И. Зарудный, К. Д. Кавелин, Н. В. Калачов, Н. Н. Колошин, Ф. П. Корнилов, Е. И. Ламанский, М. Н. Любощинский, В. М. Маркус, Ю. Н. Милютин, М. П. Митков, С. А. Мордвинов, И. Новиков, Н. П. и П. П. Семеновы, А. И. Скребицкий, Е. П. Старицкий, Н. И. Стояновский, П. Е. Татаринов, П. А. Шульд, А. Д. Шумахер, Н. П. Щепкин. Составлен на основании списков помещенных М. И. Семевским. – Знакомые. Альбом М. И. Семевского... С. 207, 241, 392.

ляющая взгляды либеральной бюрократии. К числу них принадлежали люди не только старшего, но и молодого поколения, чья юность, как юность М. И. Семевского совпала с началом реформ, которые их и осуществляли.

Политическую позицию М. И. Семевского в зрелые годы характеризует его деятельность в так называемом «бараньем парламенте» – Временном Совете при санкт-петербургском градоначальнике. История этого учреждения описана П. А. Зайончковским, который широко использовал заметки к мемуарам М. И. Семевского. По его мнению, Совет был бесплоден, но интересен как свидетельство смятения и паники, охватившей правительственные круги; обращение к обществу свидетельствовало о слабости правительства. Совет являлся предшественником Священной дружины, особенно его подкомиссии, занимавшейся охраной царя¹. Относиться к Временному Совету как политическому учреждению подлежащему, как заметил П. Е. Щеголев, «скорее ведению юмориста и сатирика, чем историка»², не следует. Это была попытка, возможно и не до конца осознанная ее организаторами и участниками, действовать в рамках старого курса. По мнению князя Мещерского, Н. М. Баранов «все более и более увлеклся идеей слияния общественности с полицией...»³. Идея разумного компромисса М. Т. Лорис-Меликова в руках М. И. Баранова превратилась в фарс со стороны власти⁴. Но общество восприняло эту идею иначе. В передовице «Санкт-Петербургского листка» от 22 марта 1881 г. подчеркивалось: «Членам Совета всегда надо помнить, что они пионеры свободно выражаемого общественного мнения, спрашиваемого в самый критический момент государственной жизни»⁵. Общество считало, что Совет должен выразить общественное мнение,

¹ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 – 1880-х годов. М., 1964. С. 304 – 311.

² Щеголев П. Е. После 1 марта 1881 г. // Былое. 1907. № 3. С. 302, 299.

³ Князь Мещерский. Воспоминания. М., 2001. С. 497.

⁴ П. А. Зайончковский дал негативную характеристику Н. М. Баранову: авантюрист и беспросветный лгун» (Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80 – начала 90-х годов. М., 1970. С. 58); «человек неумный и беспросветный лгун» (Зайончковский П. А. Кризис самодержавия... С. 304); «Просто фокус Баранова, ищущего популярности», – Заметил Е. А. Перетц (Дневник Е. А. Перетца (1880 – 1883). М.:Л., 1928. С. 52). В поисках славы, М. И. Баранов неумело использовал идею М. Т. Лорис-Меликова, не понимая, что обстоятельства изменились.

⁵ Санкт-Петербургский листок. 1881. 22 марта. № 57. С. 1.

и он попытался это сделать через деятельность созданных комиссий. Первая задача охраны личности императора (подкомиссия под председательством И. И. Воронцова-Дашкова для организации «при особе его величества охранной стражи»). Вторая – парализовать действия анархистов и содействовать их аресту (здесь действовало несколько комиссий: для создания артели дворников; о мерах против ведения подкопов; об определении обязанностей полиции и дворников за наружным наблюдением домов; об устройстве внутреннего надзора в домах – эта последняя разработала 4 проекта «Правил»). Третья – противодействовать распространению анархизма. По этому вопросу Совет подготовил записку «О причинах беспорядков и волнений среди учащейся молодежи». Именно этот проект разрабатывал М. И. Семевский. В его личном архиве сохранились черновики «Записки»¹. Причинами распространения нигилизма он считал: в высшей школе – чрезмерную регламентацию жизни студентов; отсутствие права проводить научные диспуты под надзором профессоров; запрет создавать кассы взаимопомощи и общественные библиотеки; безраздельное господство классической гимназии в средней школе, непосильность программ по древним языкам, что приводило к большому отсеву учеников и пополнению ими рядов неудачников; ограничения в получении высшего образования после окончания реальных училищ; незначительное число мест в системе ремесленного образования для детей городских низов. Особенно резко М. И. Семевский выступал против господства классического образования. В общем, меры сводились к предложению продолжить реформы всех ступеней школы в духе «великих реформ». Следует отметить, что это был единственный документ, вышедший из недр Временного Совета не полицейского, но политического характера. И в этом первом и единственном политическом документе Совет высказал точку зрения, которая в сложившихся обстоятельствах не устраивала власть. Как только новый курс правительства определился, Совет прекратил свое существование (в начале лета 1881 г.). После убийства Александра II правительство находилось в смятении и тревоге, неспособность нового «самодержца определить политический курс своего правительства привела, – как отметил П. А. Зайончковский, – ...к борьбе правительственных группировок в первые два месяца царствования»². В этой борьбе свое мнение высказала и либеральная общественность. По-

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 411, л. 52 – 55.

² Зайончковский П. А. Кризис самодержавия... С. 315.

этому, возможно, «не следует считать курьезом распространение петербургского опыта на другие города империи»¹. В прессе муссировались слухи создания подобных Советов в Москве и Киеве².

Излишний «либерализм», приверженность «великим реформам» М. И. Семевского сделали неизбежной его отставку в связи с изменением политического курса после 1 марта 1881 г. Статс-секретарь Государственного совета Е. А. Перетц привел в дневнике содержание беседы с К. П. Победоносцевым, состоявшейся 3 января 1883 г. «Нехорошо, Егор Абрамович, – сказал он [Победоносцев – О. К.], – что государственная канцелярия переполнена журналистами. Нельзя в Государственном совете сказать задушевного искреннего слова без того, чтобы оно тотчас же сделалось всем известным. Государственный совет есть совет государя, не учреждение гласное, в роде новых судебных мест или земских учреждений»³. Вероятно, неприязнь К. П. Победоносцева предопределяла и негативное отношение Александра III. А. А. Половцов зафиксировал разговор с императором состоявшейся в связи с его назначением на должность государственного секретаря. Отметим, что доводы Александра III о причинах отставки помощников статс-секретаря Государственного совета слово в слово совпадают с тем, что привел Е. А. Перетц. Разговор состоялся на сутки позднее, 4 января 1883 г. «Я сидел в Государственном совете, будучи великим князем, и уже тогда меня корбило от направления, которое получали дела благодаря стараниям Государственной канцелярии, – заявил Александр III. – Я не имел доверия к Перетцу, и потому сменил его; я надеюсь, что вы дадите делу другое направление и перемените состав государственной канцелярии. При докладе дел в Общем собрании сидит множество чиновников, которые передают сказанное в журналы; прежде там был сын Краевского, а теперь есть Семевский и Манн...»⁴. Вопрос, впрочем, был беспредметный, о чем заметил Е. А. Перетц, т. к. увольнение М. И. Семевского состоялось еще 17 сентября 1882 г. с закрытием Главного комитета обустройства сельского состояния⁵. Граф С. Д. Шереметев на страницах мемуаров

¹ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия... С. 310

² Страна. 1881, 7 апреля. № 42. С. 3.

³ Дневник Е. А. Перетца (1880 – 1883) / с предисловием. А. Е. Преснякова. М.: Л., 1927.

⁴ Дневник государственного секретаря А. А. Половцева. В 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 26.

⁵ Дневник Е. А. Перетца... С. 114.

отметил неприязненное отношение Александра III к М. И. Семевскому как к человеку, так и к редактору, который готов идти на поводу у известной части общества (подразумевались либералы) при выборе материалов для публикации в журнале. И если с П. И. Бартеневым он готов был примириться, то М. И. Семевский вызывал почти полное неприятие¹.

Авторы монографии «Власть и реформы» констатировали, что в период правления Александра III начинания правительства, направленные на сворачивание прогрессивных преобразований предшествующего правления, наталкивались на сопротивление не только выборных представителей земств, но и государственных чиновников. М. И. Семевский принадлежал к числу таких чиновников. Он был, может быть, благодаря своей издательской деятельности более заметен, но далеко не оригинален по своим политическим воззрениям среди «второго» и «третьего» эшелонов чиновников административного аппарата, особенно в столице. Видимо, в этом и была причина, почему пробуксовывали «контрреформы» правительства Александра III².

Становление взглядов М. И. Семевского происходило в эпоху обострения внутривнутриполитической обстановки в стране в конце 1850 – начале 1860-х гг. Шел процесс размежевания политических сил, уточнения позиций ведущих общественных течений. Личная эволюция взглядов М. И. Семевского в 1860-е гг. связана с теми же вехами, что и для всего русского общества – 1862-м и 1866-м гг. Он начал с почти одновременного знакомства со всеми ведущими политическими течениями. Вначале жизненного пути сильное влияние на него оказало славянофильство. Однако сближение славянофильства и западничества в конце 1850 – начале 1860-х гг. создает определенную сложность в классификации его взглядов. Отдельные высказывания и анализ круга знакомых позволяют оценить его позицию как близкую к славянофилам с последующей эволюцией к славянолюбию. Знакомство с участниками революционно-демократического движения: с Г. Е. Благосветловым и Н. Г. Чернышевским, корреспондентская связь с А. И. Герценом, интерес к истории революционных движений – декабристам и петрашевцам не дает на наш взгляд оснований

¹ Мемуары графа С. Д. Шереметева / сост., подгот. текста и прим. Л. И. Шохина. М., 2001. С. 571.

² Власть и реформы... С. 391 – 393.

причислять М. И. Семевского к числу демократов. Он отходит от революционеров-демократов, так до конца и не сойдясь с ними. Арест 9 августа 1862 г. и последовавший обыск не только сделали М. И. Семевского более осторожным, и окончательно отдалили его от революционеров в Петербурге, но он еще продолжал посылать корреспонденции за границу. Это был лишь итог уже происходившего в нем процесса. В его интересе к революционным деятелям прошлого (декабристам и петрашевцам) не следует видеть, как это делали некоторые исследователи, только мировоззренческие установки, следует учитывать также профессиональный интерес историка-собиранья. Но, справедливость требует отметить, что борьба за придание гласности «потопленных» исторических фактов (это касается, кстати, и таких сюжетов как смерть Павла I, падение Петра III и др.) часто превращалось у М. И. Семевского особенно в эти годы в политическую позицию. Провести грань между научным интересом и политическим подчас очень сложно.

1866 г., отмеченный новым конфликтом с властью (привлечен как свидетель по делу П. Л. Лаврова), приводит М. И. Семевского в стан либеральной бюрократии. Но на этом пути не могло не быть издержек, колебаний и, главное, поиска своей позиции. Тот факт, что убеждения М. И. Семевского не остались неизменными на протяжении всей его жизни, не свидетельствует, тем не менее, о хаотично-мозаичном характере его мировоззрения, об отсутствии в нем объединяющего начала. Таким твердым стержнем его воззрений, сформировавшимся в молодые годы и на всю жизнь, стали убеждения просветителя. Этим объясняется факт его некоторой «всеядности» в политических интересах. Идею просветительства в той или иной мере выдвигали все прогрессивные течения, поэтому со всеми ими так легко сходилась М. И. Семевский, но всегда «не до конца». Другие же положения их учений у него часто вызывали отторжение, но именно эти другие и были их политической сущностью.

Глава 2.

Педагогическая деятельность и взгляды на проблемы педагогики

Педагогическая деятельность М. И. Семевского один из мало освещенных эпизодов его биографии. Среди немногочисленных работ, касающихся этого вопроса, следует назвать краткую статью Д. Д. Семенова, в которой, опираясь на личные воспоминания, автор рассказал об их совместной службе в Смольном институте и организации городских училищ столицы¹. В. В. Тимошук, зная из личных наблюдений, сколь большое значение М. И. Семевский придавал своей деятельности по народному образованию, посвятила этому вопросу две главы монографии, составленные как по семейным архивам, так и по воспоминаниям современников, специально заказанных автором². Некоторые новые факты, относящиеся к педагогическим занятиям М. И. Семевского приведены в монографии В. И. Пороха, в частности, впервые названа причина, по которой за ним был установлен в 1868 г. негласный надзор полиции – это его резкие критические замечания в адрес правительства при обсуждении устава Педагогического собрания, когда решался вопрос о предании ему статуса Общества³. Все авторы не выходили за рамки описания отдельных эпизодов, и не делали попыток определить роль педагогических увлечений М. И. Семевского в процессе становления его как личности. В обобщающих трудах по педагогике, опубликованных в основном в 1960 – 1970-е гг., М. И. Семевский упоминается только в связи с деятельностью К. Д. Ушинского как один из его сотрудников по Смольному институту, что характерно для всех исследований, посвященных жизни и деятельности великого педагога как XIX, так и XX веков⁴. И если во многих монографиях товарищам М. И. Семевского – Д. Д. Се-

¹ **Семенов Д. Д.** М. И. Семевский как педагог. (Посвящается памяти М. И. Семевского) // Вестник воспитания. 1893. № 4. С. 121 – 128.

² **Тимошук В. В.** Михаил Иванович Семевский – основатель исторического журнала «Русская старина». СПб., 1895. С. 159 – 185.

³ **Порох В. И.** Офицер, историк, издатель. Все о М. И. Семевском. Саратов, 1999. С. 71.

⁴ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976; **Осколков А. В.** Вопросы истории начального образования в России (вторая половина XIX в.) М., 1974; **Смирнов В. З.** Очерки по истории прогрессивной русской педагогики XIX в. М., 1963; Он же. Реформа начальной и средней школы в 60-х гг. XIX в. М., 1954.

менову, Л. Н. Модзалевскому, В. И. Водовозову и др. посвящены многие страницы или отдельные главы, то он не привлекал особого внимания исследователей.

Педагогическая наука во второй половине XIX в. находилась в процессе бурного развития, поиски новой школы в пореформенный период являлись делом государственной важности, вокруг вопросов педагогики велись бурные дискуссии даже в прессе, что практически невозможно было сделать по вопросу крестьянской эмансипации. «Педагогический фронт» был одним из передовых рубежей «великих реформ». Изучение частной судьбы, вовлеченной в водоворот дидактических поисков, позволяет вскрыть и ряд общих закономерностей формирования просветительских воззрений поколения 1860-х гг. В пореформенные годы (1870 – 1880) вопросы педагогики оставались в поле зрения общественности, хотя обсуждение их потеряло остроту и напряженность 1860-х гг. Позиция просвещенного общества по вопросам приоритета классической гимназии, судьба земской школы, перспективы женского образования оставались в поле внимания общественности и отражали политические настроения и способность воспринимать идею демократических реформ как различными социальными слоями, так и общественными деятелями.

Представляется важным проанализировать становление и эволюцию педагогических взглядов М. И. Семевского, что даст возможность полнее раскрыть как профессиональные педагогические, так и научные, и политические воззрения в период их становления, поскольку именно в среде педагогов, среди друзей, в дискуссиях в кружке К. Д. Ушинского, во многом сформировалась его гражданская позиция. Не менее важно то, что некоторые принципиальные подходы к изданию журнала «Русская старина» были, несомненно, почерпнуты М. И. Семевским из его педагогической практики, в частности, иллюстрирование журнала – прием наглядности, получивший широкое применение в педагогике второй половины XIX в., характер подбора материалов, прежде всего выбор тематики воспоминаний. М. И. Семевский, несомненно, в первую очередь руководствовался значимостью мемуаров как исторического источника. Однако многие для нас сейчас «неинтересные» воспоминания появились на страницах журнала лишь потому, что исполняли роль своеобразного примера для подражания или назидания потомкам. Так, в редакционном примечании к запискам Н. А. Корфа, одного из подвижников народной школы в 1870 – 1880-х гг., М. И. Семевский писал: «Тогда же при личном свидании мы просили его приступить к своей автобиографии,

имея в виду, что рассказ о пережитом и передуманном таким человеком весьма полезен в воспитательном отношении (подчеркнуто мною – О. К.)»¹. Причем с годами эта тенденция усиливалась. В начале же издания журнала М. И. Семевский, весь пронизанный педагогикой, не удерживался от забавных комментариев к публикуемым материалам. Так, в редакционных примечаниях к документам о Павле I из библиотеки Павловского дворца, он поместил следующее замечание по поводу метода Ф. Д. Бахтева в обучении цесаревича азбуке с помощью солдатиков: «...Кукольных солдатиков было удобнее всех других игрушек расставлять попарно, пошеренжно, повзводно, составляя склады и цельные слова»². По поводу того, что «Никита Иванович [Панин – О. К.] рассказывал в невразумительных его высочеству [Павлу I – О. К.] словах», заметил, что «невразумительные слова всегда более вразумительных подстрекают любопытство ребенка»³. При этом необходимости в подобных редакторских примечаниях не было никакой.

В сравнительно короткий срок (с 1858 по 1862 гг.) М. И. Семевский репетитор словесности в Первом кадетском корпусе, один из организаторов-энтузиастов воскресной Таврической школы, учитель истории на Александровской половине Императорского воспитательного общества благородных девиц (Смольный институт), инспектор народных училищ в Псковской губернии по заданию Министерства народного просвещения. Но М. И. Семевский не состоялся как профессиональный педагог, хотя педагогическая деятельность продолжала занимать в его жизни видное место: он состоял членом Санкт-Петербургского педагогического общества, гласным Санкт-Петербургской Городской Думы по училищной комиссии, попечителем Великолукского реального училища, членом ряда комиссий по реформе школы в 1870 – 1880-е гг.

§ 1. Начало педагогической деятельности. Таврическая школа

Желание М. И. Семевского стать педагогом были связаны с внутренним дискомфортом, вызванным неудовлетворенностью военной службой. Сказалось и веяние времени. Просвещенное общество обсуждало статьи Н. И. Пирогова⁴, в прессе дискутировался вопрос о задачах школы в новой пореформенной России.

¹ РС. 1884. № 3. С. 547.

² РС. 1874. Т. 9. С. 668.

³ РС. 1874. Т. 9. С. 670.

⁴ **Пирогов Н. И.** Вопросы жизни // Морской сборник. 1856. № 9.

Возможность перейти на педагогическую деятельность у М. И. Семевского сложилась в связи с реформами в военно-учебных заведениях, возобновленными с 1855 г. начальником Главного Штаба Е. И. В. по военно-учебным заведениям Я. И. Ростовцевым. В ходе преобразований стала проводиться замена старых преподавателей молодыми офицерами – «людьми истинно достойными, с чистой нравственностью, с познаниями и способностями к воспитанию», как отмечалось в инструкции¹. Выразившего желание заняться делом воспитания М. И. Семевского зачислили репетитором словесности в Первый кадетский корпус². Через год он сдал экзамен на учителя, но не набрал нужного количества баллов, необходимого для занятия должности, и оставался репетитором до февраля 1860 г. Параллельно с занятиями в корпусе, с 1858 по 1860 гг., он начал преподавать историю и русский язык в пансионах для мальчиков полковника Дыханова и капитана Беренса при Михайловском артиллерийском училище. Возможно, были и еще какие-то уроки³. В автобиографии он писал, что принял «преподавание русской словесности, а вслед за тем и отечественной истории в нескольких второстепенных учебных заведениях»⁴. Тогда же началось и его репетиторство в частных домах.

Будучи по натуре человеком деятельным, М. И. Семевский активно включился в общественное движение по созданию бесплатных школ для народа. С осени 1858 г. он участвует в создании частной «Бесплатной Таврической школы в память святых Кирилла и Мефодия». В существующей довольно обширной литературе о воскресных школах никогда не освещалась история отдельных учебных заведений, прежде всего, из-за скудости источников. Иначе обстоит дело с Таврической школой, деятельность которой достаточно полно прослеживается по материалам периодической печати, мемуарам, отчетам Петербургского Комитета грамотности. В рамках биографии М. И. Семевского целесообразно остановиться на истории этого

¹ Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. СПб., 1849. С.17; Глушко Ю., Колесников А. Школа российского офицерства: ист. спр. М., 1993. С. 69.

² Я. И. Ростовцев как начальник военно-учебных заведений не только знал, но и опекал, по долгу соседства по псковским имениям, всех малолетних Семевских – Владимира, Михаила, Александра, Егора, Петра – детей Е. И. Семевского, служившего экономом Полоцкого кадетского корпуса, а затем управляющим смоленскими имениями князя И. Ф. Паскевича-Эриванского.

³ Сохранились конспекты лекций М. И. Семевского по словесности, русской и всеобщей истории (ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 14).

⁴ Михаил Иванович Семевский: [некролог] // РС. 1892. № 4. С. VII.

учебного заведения, в стенах которого он состоялся как педагог. Школа известна под несколькими названиями, кроме уже указанного: «Бесплатное Таврическое народное училище», «Таврическое училище бесплатного обучения», «Кирилло-Мефодиевское училище» или Таврическая школа барона М. О. Косинского, поскольку душой этого начинания был именно он¹. Среди учредителей значились также графиня Е. Е. Ламберт, Е. И. Философова, А. А. Философов. Материально начинание поддерживали великий князь Николай Николаевич-старший, начальницы Смольного института М. П. Леонтьева и Мариининского А. П. Кологривова и др. Подвижница народного образования Н. В. Стасова писала в воспоминаниях: «Кто их начал [воскресные школы – О. К.]? Не киевские профессора и киевская университетская молодежь в 1859 г., как обыкновенно думают, а молодые петербургские офицеры (преимущественно инженерные), во второй половине 1858 г. Во главе всех стоял молодой инженер, барон Косинский. Они задумали и сообща устроили так называемую «Таврическую школу». Но это была еще не собственно воскресная школа, а ежедневная школа, только главная черта ее физиогномии была та, что не было посторонних учителей, «по найму», а учили собственно своею особою, те самые, кто основал школу»². Среди преподававших известны имена лишь немногих, ставших впоследствии профессиональными деятелями просвещения: профессора О. Ф. Миллера, барона М. О. Косинского, Д. Д. Семенова, М. И. Семевского. Всего в школе в 1860 г. было 30 учителей из них 6 офицеров, 6 студентов, 7 преподавателей, 7 служащих³.

М. О. Косинский (1839 – 1883) преподавал геометрию и был инспектором школы. Военная карьера его сложилась неудачно, будущий инженер за дисциплинарный проступок был отчислен из Николаевской инженерной академии в 1861 г. и вскоре вышел в отставку. Он принял приглашение К. Д. Ушинского, но в связи с разгромом

¹ Пичкуренко Я. Д. К вопросу о роли воскресных школ в буржуазно-демократическом освободительном движении России в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. // Советская педагогика. М., 1954. С. 95 – 114; Занятия Комитета грамотности. Прибавление к «Трудам Императорского Вольного Экономического Общества». Вып. 2. 1863. № 2. С. 173. Отд. отт.; Ходнев А. И. История Императорского Вольного Экономического Общества с 1765 до 1865 гг. СПб., 1865. С. 375.

² Стасов В. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 93.

³ Духовная беседа. 1861. № 3. С. 197.

«ушинцев» в 1862 г. вынужден был уйти из Смольного института. В 1860-е гг. – активный член Петербургского Комитета грамотности и секретарь Педагогического общества в петербургский период жизни. С 1869 г. руководил Александровской земской учительской школой в Новгороде. Однако в дальнейшем отошел от педагогической деятельности¹. Не менее известным педагогом стал и Д. Д. Семенов, один из немногих имевший уже опыт преподавания в гимназии к моменту работы в Таврической школе. С годами авторитет Д. Д. Семенова как методиста стал столь высок, что в 1883 г. Петербургская Городская Дума предложила ему место эксперта по учебной части при Училищной комиссии². Только М. И. Семевский, не менее остальных увеченный идеей просвещения народа, сменил в 1864 г. карьеру на чиновничью, но и он никогда полностью не порывал с педагогической деятельностью.

Школу решено было открыть после того, как группа молодых офицеров взялась подготовить к 3 – 4 классам гимназии 5 – 7 мальчиков из бедных семей и выяснила, что желающих значительно больше. Официально школа начала работать с 22 февраля 1859 г. по получении разрешения от попечителя Петербургского учебного округа. Задача заведения была сформулирована следующим образом: «Служить бедным детям низшего сословия, давая им образование по возможности полное, которое не отрывало бы их от собственной среды, но тем именно приносило бы им существенную пользу»³. Польза имела совершенно конкретное выражение – готовить к должностям приказчиков по ремесленной части. Школа планировалась как ежедневная для мальчиков, но довольно быстро превратилась и в воскресную, а с января 1860 г. и для девочек, так подсказала практика организации дела. Судя по отчетам Петербургского Комитета грамотности, она сразу находилась под его опекой⁴. Дело преподавания было поставлено так успешно, что Комитет неоднократно пытался сделать ее базой для школы сельских учительниц, учрежденной Комитетом. Но М. О. Косинский отказывался, обращая внимание на то, что и так с трудом справляется с принятыми обязательствами из-за резкого сокращения поступающих от жертвователей средств, особенно с 1862 г.⁵. Однако в 1865 г. Школу сельских учительниц из Пятой гимназии все же пере-

¹ Русский биографический словарь. СПб., 1903. [Т. 9]. С. 298.

² Семенов Д. Д. Избранные педагогические сочинения. М., 1953. С. 98.

³ Духовная беседа. 1861. № 1. С. 197.

⁴ Занятия Комитета грамотности... С. 173.

⁵ Занятия Комитета грамотности... С. 58.

вели в Таврическое бесплатное училище. Обучалось в ней 12 девушек духовного звания, прибывших из деревень. В 1866 г. через Министерство народного просвещения была высочайше пожертвована сумма в 500 рублей¹. Уроки давали «ушинцы» – Д. Д. Семенов, Я. П. Пугачевский, А. П. Пятковский, Н. М. Тимаев, М. О. Косинский, требования по педагогике составил Л. Н. Модзалевский. Преподавание истории России (от начала Руси до Александра Невского) было поручено М. И. Семевскому. Судя по составу педагогов, в школе поддерживался интерес к прогрессивным педагогическим методам.

Репрессии 1866 г. коснулись и Комитетской школы, 13 сентября последовал указ о ее закрытии. Недоучившимся учительницам из министерской суммы были выданы пособия на обратную дорогу. Такие меры не удовлетворили М. О. Косинского и М. И. Семевского, они высказались за необходимость дальнейшего обеспечения воспитанниц и помощи им². Д. Д. Протопопов, автор обстоятельного труда по истории Комитета грамотности, имея еще возможность встретиться с живыми участниками событий, т. к. писал в конце XIX в., отметил, что «современники, к которым составитель... очерка обратился за разъяснениями, не могли привести иных мотивов этой решительной меры, кроме недоверия к частному начинанию и подозрительного отношения к некоторым деятелям Таврического училища»³. Само же заведение продолжало успешно работать еще многие годы.

Для выявления воззрений М. И. Семевского важно определить положение Таврической школы в ряду общественно-педагогического движения конца 1850-х – начала 1860-х гг., получившее название «воскресные школы». В России, как и в Европе, воскресные школы возникли как благотворительные учреждения. К числу таких следует отнести не только те, что функционировали по воскресным дням, но и в субботние, праздничные, и все те учебные заведения, которые ставили целью бесплатное обучение работающего населения как детского, так и взрослого возраста в свободное от работы время усилиями добровольных учителей.

¹ Протопопов Д. Д. История Санкт-Петербургского комитета грамотности, состоявшего при Императорском Вольном Экономическом Обществе (1861 – 1895). СПб., 1893. С. 271 – 273.

² Протопопов Д. Д. История Санкт-Петербургского комитета грамотности... С. 273.

³ Протопопов Д. Д. История Санкт-Петербургского комитета грамотности... С. 30.

Одним из дискуссионных вопросов истории воскресных школ, имеющих отношение к Таврической школе, является вопрос о начале их деятельности. В буржуазной историографии были высказаны три точки зрения о месте и времени их возникновения: а) в Киеве в 1859 г.¹; б) в Петербурге в 1860 г.²; в) совершенно независимо друг от друга и, следовательно, не имеет смысла искать единственный центр, давший толчок движению³. Подводя итог обстоятельному изучению вопроса, М. К. Лемке отметил, что «историки... сами затрудняются сказать с точностью, кто и где открыл в России впервые воскресную школу» и особо обратил внимание на то, что власти также ставили вопрос о подобной системе образования и в Петербурге еще в 1858 г. ремесленная управа обсуждала вопрос об открытии школ и к январю 1861 г. содержала 8 из 19 существовавших в городе⁴.

Изучая архивные материалы, советские исследователи сосредоточились, главным образом, на вопросе о революционной пропаганде в воскресных школах, и сочли именно это причиной повсеместного закрытия их в 1862 г. Был выдвинут тезис, что «революционная демократия, возглавляемая Чернышевским и Добролюбовым, Герценом и Огаревым стояла в центре общественного движения по открытию воскресных школ»⁵. И если в 1950-е гг. исследователи справедливо считали, что необходимо учитывать все явления общественной жизни в процессе развития добровольного педагогического движения⁶, то к 1970-м гг. сложилась жесткая схема – единый центр, единые задачи

¹ Семевский В. И. Василий Иванович Водовозов. Биографический очерк. СПб., 1888. С. 69.

² Глинский Б. Революционный период русской истории: (1861 – 1881). Ч. 1. 1913. С. 175.

³ Абрамов Я. В. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. СПб., 1900. С. 10.

⁴ Лемке М. К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1906. С. 401.

⁵ Пичкурено Я. Д. К вопросу о роли воскресных школ... С. 96.

⁶ Пичкурено Я. Д. К вопросу о роли воскресных школ... – Этот тезис был отражением утверждения М. В. Нечкиной о прямой договоренности двух центров (лондонского и петербургского) о создании тайной организации (Нечкина М. В. Вопрос о русской революционной организации и планах открытого выступления в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов // ЛН. Т. 62. М., 1955. С. 121). Положение, высказанное как гипотеза, стало вскоре аксиомой. Обоснованную критику положения в историографии вопроса высказала Н. М. Пирумова (Пирумова Н. М. Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек. М. 1989. С. 162 – 164). Ионова И. Г. Воскресные школы в годы первой революционной ситуации (1859 – 1861) // Исторические записки. М., 1956. № 57. С. 177 – 210.

движения. В наиболее законченном виде эта концепция отражена в работах И. Т. Дронова и выглядит следующим образом¹. А. И. Герцен предложил профессору П. В. Павлову возглавить движение по организации воскресных школ во время его визита в Лондон и рекомендовал ему в качестве помощников группу студентов, исключенных из Харьковского университета и перебравшихся на местожительство в Киев (это положение никакими фактическими данными не подтверждается). П. В. Павлов получил разрешение от попечителя Киевского учебного округа Н. И. Пирогова, данное без согласования с генерал-губернатором, т. е. на свой страх и риск. Роль Н. И. Пирогова в деле народного образования, фактически пробудившего широкое общественное педагогическое движение в стране, не обозначена вовсе. Популярность П. В. Павлова приводит к превентивным мерам со стороны правительства – его переводят на службу в Петербург в конце 1859 г.², где при поддержке тех же харьковских студентов (в частности С. С. Рымаренко), он разворачивает деятельность по организации воскресных школ. Число случайных людей среди преподавателей было ничтожно, в основном это были члены революционных групп и кружков, и организации «Земля и Воля». И следовательно, именно они были главными идейными руководителями воскресных школ³. Факт существования школ до 1860 г. рассматривается как частные случаи благотворительности⁴. К числу таких в Петербурге отнесены Таврическая школа барона М. О. Косинского (февраль 1859 г.), школа М. С. Шпилевской (апрель 1859 г.) и школы, открытые ремесленной управой (май 1860 – конец 1861 г.)⁵.

¹ Дронов И. Т. Первые воскресные школы в России // ВИ. 1970. № 6. С. 198 – 201; Он же. Воскресные школы очаги культуры и просвещения // Советская педагогика. 1971. № 6. С. 112 – 117.

² Р. Г. Эймонтова опровергла предположение, что П. В. Павлов не по своей воле переехал в Петербург, по ее мнению, он добивался службы в столице и воспользовался первой же реальной возможностью (Эймонтова Р. Г. Ученый просветитель П. В. Павлов (60-е гг. XIX в.) // Исторические записки. М., 1986. Т. 113. С. 213).

³ Дронов И. Т. Первые воскресные школы... С. 202.

⁴ Таубин Р. А. Революционная пропаганда в воскресных школах России в 1860 – 1862 гг. // ВИ. 1956. № 8. С. 84. – Р. А. Таубин высказал многие положения этой концепции, но с определенными оговорками. У И. Т. Дронова она получила законченную безальтернативную форму.

⁵ 6 мужских: при 1, 2, 3 и Ларинской гимназиях, Вознесенском училище, Институте корпуса путей сообщения; и два женских при Мариининском женском училище.

Именно в этих школах, по мнению Р. А. Таубина, была замечена наименьшая революционная пропаганда, и некоторые из них не были закрыты летом 1862 г.¹ Всего же в Петербурге к моменту запрета насчитывалась 61 школа². По формальным признакам Таврическая школа не была типичным заведением подобного рода (курировалась высокопоставленными лицами, работала, в основном, как регулярная), но отрицать ее влияние на подъем педагогического движения невозможно, так же как и факт ее появления задолго до всплеска движения по созданию воскресных школ и в Киеве, и в Петербурге. «Прослышав о Таврической школе, их, студентов Санкт-Петербургского университета, охватил порыв «торжества света просвещения народа», – вспоминал известный педагог В. П. Острогорский. – И они единодушно положили попробовать свои силы, соображая, что ведь и деятели Таврической школы также не педагоги, и тоже бедняки, как и мы, однако же, дело завели и ведут успешно»³. В сентябре 1859 г. они посетили школу, затем при содействии профессора К. Д. Кавелина открыли свою. Эта школа в литературе никогда не упоминалась.

Однако и Таврическая школа могла бы быть помещена в схему советской историографии. Одним из активных организаторов ее был М. И. Семевский, тайный корреспондент А. И. Герцена, находившейся с ним в 1860-е гг. в переписке, как установил Н. Я. Эйдельман⁴. Следовательно, аналогично схеме: «Герцен – Павлов – харьковские студенты – «Земля и воля» можно создать схему: «Герцен – Семевский – «Земля и воля». Великолукский краевед С. Г. Петров категорично причисляет М. И. Семевского к тайной организации, правда без ссылок на источники⁵. Однако его причастность к «Земле и Воле» не доказана, хотя он и поддерживал отношения со многими участниками движения. Впрочем столь же

¹ Таубин Р. А. Революционная пропаганда... С. 86.

² Ширинский-Шихматов А. П. Воскресные школы России. СПб., 1863. С. 6.

³ Острогорский В. П. Из истории моего учительства. Как я сделался учителем: (1851 – 1864). СПб., 1895. С. 127 – 128.

⁴ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 138 – 139.

⁵ Петров С. Г. Он был поэтом истории // Нева. 1999. № 11. С. 218. – В наиболее обстоятельных трудах, посвященных этому вопросу, имя М. И. Семевского не упоминается (Виленская Э. С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.) М., 1965; Линков Я. И. Революционная борьба А. И. Герцена и Н. А. Огарева и «Земля и воля» 1860-х гг. М., 1964).

неубедительна и версия, что П. В. Павлов действовал исключительно по заданию А. И. Герцена. Следует высказать сомнение и в том, что проницательный А. И. Герцен, сумевший из своего лондонского далека уловить изменения политической конъюнктуры, произошедшей к 1862 г., полагал, что пропаганда в воскресных школах могла дать существенные результаты в деле политического просвещения народа. В невозможности этого скоро убедились на практике и сами основатели школ. «Многие из нас приступили к делу с целью политической пропаганды, – писал М. П. Драгоманов, член киевского кружка студентов – основателей движения, – но скоро увидели невозможность ее среди детей (из разных мастеровых и прислуги) и ее непрактичность даже среди взрослых, но неграмотных, и усердно увлеклись педагогической стороной дела»¹. Заметим также, что Р. Г. Эймонтова достаточно убедительно доказала, что П. В. Павлов был по своим взглядам типичным просветителем². Естественно, все вышесказанное не отвергает факта революционной пропаганды в отдельных школах или отдельными лицами.

Выдвинутый советской историографией тезис, что «историю возникновения и развития воскресных школ в России невозможно понять вне связи с явлениями общественной жизни»³, – плодотворен, но сведение всей общественной жизни к революционно-демократическому движению, особенно при изучении педагогического движения, не может дать позитивных результатов.

Общественно-педагогическое движение конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в., охватившее самые широкие слои образованной части общества, было политически неоднородным, а многие участники этого движения были далеки не только от идей революционной демократии, но и от каких-либо четких политических воззрений вообще. Они руководствовались лишь популярными в конце 1850-х – 1860-е гг. идеалами просветительства, которое, как показала Р. Г. Эймонтова, стало в эти годы «основой общественно-просветительного движения, захватившего значительную часть учащейся молодежи, интеллигенции и вообще образованного общества»⁴. Многие из участников педагогического движения

¹ Драгоманов М. П. Автобиография // Былое. 1906. № 6. С. 184.

² Эймонтова Р. В. Ученый просветитель П. В. Павлов... С. 231 – 232.

³ Пичкуренок Я. Д. К вопросу о роли воскресных школ... С. 96.

⁴ Эймонтова Р. Г. Идеи просвещения в обновляющейся России (50 – 60-е годы XIX в.) М., 1998. С. 371.

рассматривали воскресные школы лишь как достаточно эффективный способ распространения грамотности среди населения, что с их точки зрения было основополагающим в решении социальных проблем. Следует обратить внимание на то, что подавляющее большинство организаторов воскресных школ были профессиональными педагогами (только так возможно было получить официальное разрешение на открытие школы), при всей своей прогрессивности они, как правило, не выходили за рамки весьма умеренного либерализма. Самые радикальные из них, впоследствии известные педагоги – В. И. Водовозов, В. Я. Стоюнин, В. П. Острогорский и др., исповедовали широкие просветительские взгляды, но не более. Это относится и к Таврической школе, где политические убеждения организаторов неизбежно должны были быть существенно ограничены элементарным практицизмом. В противном случае частный характер заведения не спас бы ее от закрытия, тем более что репрессии коснулись и этой школы.

В официальных документах нашел отражение тот факт, что к сентябрю 1861 г. произошло резкое сокращение желающих учить и что в воскресной школе при 3-й гимназии к началу учебного года явился всего один учитель¹. При наличии контроля со стороны революционно демократических организаций подобная ситуация была бы невозможной. Именно к этому времени (осень 1861 г.) относится формирование «Земли и Воли». Но лица, увлеченные сиюминутно идеей «пользы и общественного блага», о которых так модно было говорить в эпоху «Великих реформ», отошли от движения.

Изменения отношения в обществе к воскресным школам отметил и М. И. Семевский. Но как человек молодой, увлеченный и лично заинтересованный, он вначале склонен был идеализировать движение и был полон надежд на то, что образование, распространенное усилиями просвещенных людей, принесет существенные изменения в обществе. Так в письме от 31 декабря 1860 г. священнику И. С. Беллюстину писал: «Теперь в Петербурге гирляндой седовласых сановников поднят вопрос варварский: об уничтожении или закрытии воскресных школ всей России, в четверг, т. е. 5 января будут о том говорить в собрании Министерства. Знаете ли Вы, что только один Министр народного просвещения отстаивает народные школы, этого единственного светоча знаний и нравственного развития (подчеркнуто мною – О. К.), который блеснул для бедного, загнанного народа.

¹ Ширинский-Шихматов А. П. Воскресные школы... С. 7.

[...] Знаете ли вы, что только одна надежда на благость и великодушные нашего монарха, доброе сердце которого чурается всякого рода стеснений и запрещений»¹. Но спустя лишь год, в 1861 г., в очерке от «Твери до Астрахани» М. И. Семевский рисовал картину падения интереса общества: «В последнее время ... устная молва и газетные статьи стали заявлять о факте безотрадном: воскресные школы падают, падают не от недостатка усердия со стороны народа отправлять своих малюток обучаться грамоте, а от неумения заниматься с ними и от ослабления энергии у тех самых распорядителей и распорядительниц, которые с таким жаром принялись было за дело»². Пустыми он нашел школы в Твери: «Что до воскресных школ Твери – то они стоят впусе, без преподавателей, без учеников». Та же картина была и в Ярославле. Не без иронии он заметил по этому поводу: «Не оживятся ли рассадники народного образования с морозами...»³. Спустя еще год в очерке «Поездка по Псковской губернии» заметил: «...Нельзя не пожалеть, что воскресные школы, вызвавшие такое живое участие если не в обществе, то хоть в отдельных личностях, так преждевременно замерли»⁴. Судя по его высказываниям, М. И. Семевский уже не идеализировал силу общественного порыва в деле народного образования. Он привел множество примеров бездарности и бессмысленности в преподавании, высмеивал образованных барышень с папиросками, пришедших учить, а на деле занятых своими разговорами⁵. Но М. И. Семевский продолжал сражаться за идею народного просвещения и в 1862 г. в Пскове во время командировки по инспекции народных школ создал с организованным им кружком подвижников воскресную школу⁶.

¹ ГАТО (Тверь). Ф. 103, оп. 1, д. 1292.

² Семевский М. И. От Твери до Астрахани, волжские заметки, 1861 г. // Отечественные записки. 1861. № 12. С. 441.

³ Семевский М. И. От Твери до Астрахани... С. 434.

⁴ Семевский М. И. Поездка по Псковской губернии 1862 г. СПб., 1862. С. 20.

⁵ Семевский М. И. От Твери до Астрахани... С. 438.

⁶ Псковский городской листок. 1896. 20 марта. № 22. С. 3. – Школа эта не погибла. Незнакомый автор сообщал: «..оставшийся кружок напел возможным собрать настолько средств, что вместо воскресной открыл постоянную женскую школу, быстро пополнявшуюся ученицами. Она существовала до открытия земских учреждений, когда псковское уездное земство напало возможным взять ее в свое владение. Эта школа существует ныне и помещается в доме Смоленского на Новгородской улице. По всей справедливости ее следовало бы назвать именем Михаила Ивановича Семевского».

Его взгляд на историю воскресных школ в основном совпадал с позицией Министра народного просвещения А. В. Головнина, который в своих мемуарах уделил им несколько страниц. Он привел сведения по истории вопроса и статистику воскресных школ по стране и в Петербурге, и подробно остановился на причине их падения и закрытия. А. В. Головнин разделял эти два явления: обнаруженная революционная пропаганда во Введенской и Сампсоньевской школах была, по его мнению, лишь последней и официальной причиной, которая завершила процесс падения, начавшийся значительно раньше, в конце 1861 г. Неудачу начинания он связал с неподготовленностью общества решать задачи самостоятельно. «Главная причина падения наших воскресных школ, – отметил он, – заключается в легкомыслии и необдуманности, которыми обыкновенно сопровождаются всякие наши общественные начинания и которые почти всегда причиняют их неуспешность и упадок. [...] В минуту своего возникновения воскресные школы приобрели необыкновенную популярность и сделались, так сказать, модными. [...] Многие шли в воскресную школу, вовсе не давая себе отчета в том, за какое серьезное и святое дело они берутся, а единственно потому, что другие занимаются в воскресных школах, что это дело современное и модное»¹. Неудивительно, что А. В. Головнин, после прочтения очерков М. И. Семевского «От Твери до Астрахани», пригласил его в инспекционную поездку по Псковской губернии².

Воскресная Таврическая школа, организованная на общественных началах, сыграла важную роль в становлении М. И. Семевского как педагога. Именно в Таврической школе и пансионах при Михайловском училище М. И. Семевский проявил себя как преподаватель – практик, овладел методикой первоначального обучения и преподавания специальных предметов – истории и словесности, курсы которых наряду с географией и геометрией читались в Таврической школе. К. Д. Ушинский, посетивший две воскресные школы в 1861 г., нашел, что учителя должны были владеть самыми разнообразными методическими приемами, свободно переходить от одной методики к другой, поскольку в одном классе были ученики разных возрастов и разной степени подготовки. Он особо подчеркнул, что прошедшие столь суровую педагогическую практику, должны были действительно

¹ Головнин А. В. Записки для немногих // ВИ. 1977. № 3. С. 97 – 98.

² См. наст. гл. § 3

многому научиться¹. В Первом же кадетском корпусе М. И. Семевский выступал более в роли воспитателя. Уже в конце первого своего учебного года – весной 1858 г. он поставил с кадетами как режиссер «Женитьбу» Н. В. Гоголя. Этот спектакль, а не репетиторская деятельность вызвали к нему уважение начальства, поскольку государь-император, присутствуя на представлении с семьей, высказал одобрение².

§ 2. Преподаватель Смольного института

Работа в Таврической школе предопределила следующий шаг на педагогическом поприще М. И. Семевского. Он «променял блестящий военный мундир», как заметил его друг Д. Д. Семенов, «на скромную долю педагога и литератора»³, приняв предложение К. Д. Ушинского преподавать в Смольном институте, хотя служил в армии к этому времени уже 6 лет и даже участвовал в Крымской войне. Согласно послужному списку он «находился в составе войск, охранявших побережье Санкт-Петербургской губернии и уезда Странди Выборгской губернии», был ранен и удостоен бронзовой медали за участие в компании. Но дальше чина подпоручика гвардии карьера не пошла⁴. «Я уволен – писал он в декабре 1861 г. О. И. Малевичу, своему первому учителю и другу, – по прошению в отставку... Военная служба не для меня, и не по мне, и рано или поздно должно было сбросить ливрею»⁵. Процедура отставки была длительной: 27 февраля 1861 г. отчислен из Первого кадетского корпуса в лейб-гвардии Павловский полк, но, считаясь еще официально на службе, уже 16 февраля 1861 г. начал преподавать в институте⁶, находясь в отпуску, тогда как окончательная отставка последовала 27 ноября 1861 г. Судя по автобиографии, написанной им в начале 1860-х гг. и неоднократно

¹ Ушинский К. Д. Педагогические сочинения. В 6 т. Т. 2. М., 1988. С. 65 – 66.

² Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 71.

³ Водовозова Е. Н. На заре жизни. В 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 459.

⁴ Произведен в подпоручики 30 августа 1860 г.; при отставке оставлен чин прапорщика (РНБ. Ф. 708, д. 911, л. 17).

⁵ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 239, л. 18 об.

⁶ «Начал читать 16 февраля 1861 г. в четверг, в час по полудни» – такая запись предослана конспекту лекций (ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 14, л. 2).

самим же правленной, М. И. Семевский о своей карьере вспоминать не любил, в ней военные заслуги даже не упомянуты¹.

Подбирая учителей для Смольного института, К. Д. Ушинский «нужных для себя людей искал повсюду, – отмечала в воспоминаниях Е. Н. Водовозова, – чтобы познакомиться с преподаванием как можно большего числа учителей, [...] усиленно посещал различные лекции, слушал преподавание не только в средних учебных заведениях, но даже в элементарных школах. [...] Не стесняясь, ни летами, ни дипломами, ни социальным положением человека, Ушинский приглашал каждого, у кого находил то, что ему было нужно»². В Таврической школе он мог оказаться как по своей инициативе, так и по приглашению учредителей, в частности, и М. И. Семевского, поскольку тот любил «блеснуть» своими талантами. Знакомство их состоялось в 1860 г. Когда К. Д. Ушинский занял пост редактора «Журнала Министерства Народного Просвещения» то сразу, по мнению большинства исследователей его жизни и деятельности, стал привлекать к сотрудничеству преподавателей Смольного, среди прочих указывается и М. И. Семевский³. Факты свидетельствуют, что это предположение ошибочно, поскольку М. И. Семевский начал печататься значительно раньше, чем стал преподавать в Смольном. Уже в третьем номере журнала за 1859 г. появляется его рецензия на книгу Н. С. Шпилевской «Описание войны между Россией и Швецией в Финляндии в 1741 – 1743 гг.» (СПб., 1859), а в девятом – «Очерк управления мануфактурной промышленностью от Петра I до Екатерины II: 1700 – 1774 гг.», написанный еще в годы обучения в кадетском корпусе в ноябре 1854 г. Непосредственную протекцию М. И. Семевскому составил Д. Д. Семенов. Сохранилась записка, написанная карандашом, которую следует датировать началом февраля 1861 г. Д. Д. Семенов писал, рекомендуя согласиться на предложение К. Д. Ушинского о преподавании истории в Смольном институте: «Я был у Ушинского и говорил ему про Ваши уроки новой истории в I и II классах Александровского училища. Но в таком случае дайте ему знать, или сами съездите к нему до 9 часов утра [...]. Советую взять, потому что лучше маленькая рыбка, чем быстрый таракан. Бог знает, что будет»⁴.

¹ ИРЛИ. Ф. 273, оп. 2, д. 25, л. 1. – Заметим, что современники, как ни странно, запомнили его именно офицером, возможно, из-за несоответствия его гвардейского мундира роду занятий – журналистике.

² Водовозова Е. Н. На заре жизни... Т. 1. С. 459.

³ Зажурило В. К. К. Д. Ушинский в Санкт-Петербурге. Л., 1979. С. 98.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 317, л. 5.

Согласно своим правилам, К. Д. Ушинский к моменту приглашения М. И. Семевского, должен был хорошо его знать, неоднократно посещать его уроки. Так Д. Д. Семенов, описывая историю своего поступления на службу в Смольный, отметил, что встречен был сухо и ему категорично было заявлено, что «...я принимаю в институт учителей лично мне известных. При том я требую от своих учителей, кроме основательных знаний, непременно и педагогического таланта. Затем я решаюсь пригласить учителя лишь по прослушивании, по крайней мере, десяти уроков»¹. М. И. Семевский, видимо, соответствовал этим высоким требованиям. К. Д. Ушинский увидел в нем человека ищущего, думающего, способного к самосовершенствованию. Свое «корпусное» образование (полученное в Полоцком кадетском корпусе и Дворянском полку в Петербурге; оба заведения закончил в числе первых учеников) М. И. Семевский всегда считал недостаточным. «Мое горе, – писал он О. И. Малевичу в 1861 г., – кадетское воспитание, благодаря которому я многого лишился, что положительно нужно в моих теперешних занятиях»². Уже в 1855 – 1859 гг., как отмечено в автобиографии, «довершил свое образование частью в Московском, частью в Петербургском университетах, в которых слушал многих профессоров»³, в частности, С. М. Соловьева, О. М. Бодянского⁴ в Москве, Н. Г. Устрялова и Н. И. Костомарова в Петербурге. В 1859 г. он предпринял поездку за границу с целью повысить свои навыки во французском языке (по крайней мере, эту цель он называл своим близким)⁵. В 1862 г. стал изучать латинский язык и искал репетитора. Л. Н. Модзалевский предложил своего брата Константина, уверяя, что тот «учит хорошо,

¹ Семенов Д. Д. Избранные педагогические сочинения. М., 1953. С. 98.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 2, д. 239, л. 21.

³ ИРЛИ. Ф. 273, оп. 2, д. 25, л. 1. – Московский университет признавал в М. И. Семевском своего питомца, на юбилейные торжества 12 января 1890 г. ему был выслан именной пригласительный билет (ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 444, л. 4). «...В 1855 – 1856 гг. мы с благоговейным вниманием, тогда еще почти юношеско, посещали лекции в Университете, и диспуты в его стенах...» – писал М. И. Семевский в 1882 г. (РС. 1882. т. 36. С. 619).

⁴ «В 1855 – 1856 гг. пишущий эти строки, в бытность свою в Москве, часто посещал лекции О. М. Бодянского в Московском университете, – писал М. И. Семевский спустя годы. – Лет десять спустя мы начали печатать в «Чтениях» некоторые исторические материалы из нашего обширного собрания... Тогда завязалась между нами оживленная переписка...» (РС. 1879. Т. 25. С. 214).

⁵ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 698.

только нетерпелив по молодости»¹. Способность к самообразованию он сохранил на всю жизнь. Так В. В. Тимощук отметила, что «еще за год до смерти... отводил ежедневно некоторое время изучению немецкого языка: делал переводы, заучивал слова, писал под диктовку и всегда с удовольствием говорил о делаемых им успехах»². Уровень его знаний ко времени приглашения в Смольный был значительно выше кадетского. Кроме того, он был уже достаточно известным историком-публицистом, автором ряда статей по новейшей истории и монографии «Царица Прасковья», написанной на архивных материалах. Несомненно обладал природным даром педагога и любил детей, что отмечали многие современники. Так М. А. Бестужев в 1860 г., зная М. И. Семевского только по переписке, высказывая свою признательность за присылку детских книг, заметил: «Вы, верно, хорошо изучили природные склонности детей и знаете, как им необходимо позолотить пилюли...»³.

М. И. Семевский был приглашен преподавать русскую историю в выпускных классах Александровской половины «Императорского воспитательного общества благородных девиц», т. е. на «мещанскую» половину Смольного института, как его называли из-за первоначального размещения в корпусах Смольного монастыря. О начале своей деятельности он восторженно писал О. И. Малевичу: «Я состою преподавателем русской истории в Смольном монастыре, где подвизаюсь (не без славы и цены, но так же и без особого прибытка, так как лекций пока имею всего четыре) до настоящего времени, с нового года буду иметь там лекций побольше»⁴. В первом и втором «выходных» классах на русскую историю отводилось всего по два часа в неделю, они и были доверены М. И. Семевскому. Продолжительность уроков, по распоряжению К. Д. Ушинского, составляла один час. Читалась история в основном XVIII – начала XIX вв. Программа предписывала, чтобы основное внимание при изложении материала было обращено на историю образования⁵. Но М. И. Семевский, судя по конспектам, сжато изложил весь курс российской истории от древних

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 253.

² Тимощук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 257.

³ Воспоминания Бестужевых / ред., ст. и коммент. М. К. Азадовского. М.; Л., 1951. С. 442.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 239, л. 18 об.

⁵ Чернышев В. И. К. Д. Ушинский и реформа Смольного и Александровского институтов // Известия Академии наук РСФСР. М., 1951. № 33. С. 98 – 100.

времен, и более подробно новую историю¹. Как и все вновь приглашенные К. Д. Ушинским учителя, уделял большое внимание самостоятельной работе учениц, подбирал для них литературу, главным образом, сочинения Н. И. Костомарова и С. М. Соловьева, на основании которых они составляли развернутые ответы². Подготовка лекций занимала много времени при незначительном жаловании³. Несмотря на увлеченность педагогическим делом, совокупность обстоятельств: скандалы, долги, отставка К. Д. Ушинского подтолкнули М. И. Семевского к следующему решительному шагу, он покинул институт в июне 1862 г. вслед за своими товарищами. Первым, в начале 1862 г., из-за скандалов, учиненных учителям, покинул Смольный К. Д. Ушинский. За ним пришлось уйти и большинству лучших преподавателей, поскольку скандалы продолжались⁴. Когда очеред-

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 14.

² **Струминский В. Я.** Очерки жизни и педагогической деятельности К. Д. Ушинского. (Биография). М., 1960. С. 175 – 176.

³ В письме к О. И. Малевичу от 13 июня 1862 г. отмечал, что «за четыре лекции в неделю я получал в месяц 29 рублей и за эти деньги (!) посвящая (подготовке – О. К.) от двух с половиной до трех суток в неделю...» (Цит. по: Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 95).

⁴ Появление нового энергичного инспектора в Смольном институте в 1859 г. было веянием времени, но проводимые им преобразования, не нашли поддержки у старого педагогического коллектива, к тому же он решительно заменял учителей своими сторонниками. Инспектриса и классные дамы объединились в борьбе за свои прежние привилегии. По воспоминаниям Е. Н. Водовозовой, имевшей беседы с К. Д. Ушинским об этих событиях, «когда он узнал, что классные дамы стараются своими «фокусами и мелочною пошлостью» раздражать учителей, он убедительно просил их не обращать на это ни малейшего внимания. И они действительно твердо держались данного слова». «Когда он узнал о скандале, – записала она далее, – устроенном ею (статс-дамой М. П. Леонтьевой, начальницей института с 1837 г. – О. К.) М. И. Семевскому, он не мог допустить, чтобы инспектриса, без всякой причины, могла опельмовать человека, и решил, что, вероятно, она вынуждена была спешно увести куда-нибудь воспитанниц» (Водовозова Е. Н. На заре жизни. Т. 1. С. 480). События этого печального для М. И. Семевского дня также подробно изложены ею в мемуарах. «Однажды, – писала Е. Н. Водовозова, – в дежурство m-lle Тюфяевой, когда мы ждали преподавателя русской истории М. И. Семевского, к нам вошла тамаш. Мы встали со своих мест с обычным приветствием, а она голосом, срывающимся от нервного возбуждения, произнесла (по обыкновению по-французски): «Этот невоспитанный мальчишка, который должен к вам придти сию минуту (он в то время был одним из самых молодых), так непристойно – заносчиво держит себя здесь со всеми, что я считаю долгом проучить его за это. Теперь я выйду из класса, а как только он войдет, я возвращусь, пройду к противоположной двери в коридор, но когда я буду позади

148

ной разразился в адрес В. И. Водовозова, по поводу сочинения одной из воспитанниц¹, и тот принял решение выйти в отставку², М. И. Семевский поддержал друга. Уход был труден. «Я оторвал себя от

скамеек, m-lle Тюфяева, а за нею и все вы должны присоединиться ко мне, вставая со своих мест без всякого шума. Таким образом, мы все выйдем из класса. Он останется один среди пустых стен! Может быть, хоть это образумит негодяя!» (Водовозова Е. Н. На заре жизни. Т. 1. С. 471 – 472). Далее события развивались почти по намеченному сценарию: «...Появился учитель. Он поклонился Тюфяевой, но она не отдала ему поклона; мы привстали, чтобы раскланяться с ним, но в эту минуту вошла инспектриса. Мы продолжали стоять, а учитель, уже успевший сесть, снова встал со своего места и поклонился инспектрисе, но та только выше подняла голову и величественно направилась к противоположной двери». Девочки последовали из класса, но трое остались. «Учитель, как встал для поклона... – писала она далее, – так и продолжал стоять, растерянно оглядываясь по сторонам. Ни он, ни мы не произносили ни звука. Наконец он сел и начал вынимать книги из своего портфеля, но затем быстро положил их обратно со словами: «при таких условиях я не могу читать!»... встал, раскланялся и вышел. Весь этот инцидент продолжался несколько минут» (Водовозова Е. Дореформенный институт и преобразования К. Д. Ушинского // Русское богатство. 1908. № 11, ноябрь. С. 31. – Е. Н. Водовозова в конце жизни переработала воспоминания, цитируемый текст в новую редакцию не вошел). Как Е. Н. Водовозова так и К. Д. Ушинский в разное время интересовались, почему этот скандал был устроен именно М. И. Семевскому. Е. Н. Водовозова считала, что это «навсегда останется неизвестным. Сам он категорически отрицал возводимые на него обвинения в том, что он при встрече с той или другой классной дамой толкал кого-нибудь из них, нагло и с издевательством смотрел им в глаза и т. п. При этом он совершенно справедливо указывал на то, что если бы что-нибудь подобное случилось с ним, то оскорбленная дама не стала бы ждать случая, а тут же подняла бы «историю», как это было при столкновении Ушинского с Тюфяевой». Расследование К. Д. Ушинского показало, что скандал «начат был с М. И. Семевского, как с самого молодого, и наверное, устроен был бы и другим учителям, если бы он, Ушинский, тотчас и сразу не положил этому конец» (Водовозова Е. Дореформенный институт и преобразования К. Д. Ушинского ... С. 472). Последней точкой в конфликте стал донос от институтского законоучителя священника В. С. Гречулевича.

¹ **Титова Н. К.** Д. Ушинский и В. И. Водовозов: Воспоминания институтки // РС. 1887. № 2. С. 492 – 494. – Первая публикация мемуаров Е. Н. Водовозовой появилась под псевдонимом.

² «Со Смольным вообще нам всем: и Михаилу Ивановичу (Семевскому) и мне... придется распрощаться, – писал он своей будущей жене Е. Н. Цевловской (Водовозовой). – Там совершенное землетрясение: все перевернулось вверх дном... Я был сегодня у Ушинского. Он истинно страдает, что все дело разладилось. Можно себе представить, кто после нас пойдет преподавать в Смольном...» (Семевский В. И. Василий Иванович Водовозов: Биографический очерк. СПб., 1888. С. 50).

Смольного» – писал О. И. Малевичу, писал, что пережил травму в моральном плане – «девицы чрезвычайно меня любили»¹. «Если бы Вы и не написали мне, что оставили Смольный, – констатировал К. Д. Ушинский итог конфликта, – то я бы и без того мог это предвидеть...»².

М. И. Семевский прослужил в институте около года и трех месяцев, но столь короткий эпизод в жизни оказал существенное воздействие на становление непреходящего всю жизнь интереса к педагогике. В этом, несомненно, влияние К. Д. Ушинского. М. И. Семевский разделял и пропагандировал многие его педагогические идеи, в частности, по вопросу о назначении народной школы, о классическом и реальном образовании, педагогике как искусстве, о задачах и месте религии в процессе воспитания. Последнее проявилось в том, что своим дочерям, согласно сохранившемуся «Расписанию уроков Тани и Насти Семевских на 1877 – 1878 гг.», словесность, историю и религию он вел сам³.

Видимо, воздействие К. Д. Ушинского на молодого сотрудника было не столько прямым, сколько опосредованным – через В. И. Водовозова, Л. Н. Модзалевского, Д. Д. Семенова, людей более близких по возрасту и оставшихся друзьями до конца жизни. Сильное влияние на М. И. Семевского в становлении его педагогических воззрений оказал В. И. Водовозов. Он познакомился с ним в 1858 г., раньше, чем с другими будущими «ушинцами» и, несмотря на разницу в возрасте (Водовозов был старше на 12 лет), они стали большими друзьями. В письме к отцу от 20 октября 1858 г. писал: «Но более всего люблю я провести незанятый вечерок у Водовозова. Этот человек, дружбой которого я чрезвычайно дорожу»⁴. Летом 1859 г. они вместе совершили поездку в Германию, Швейцарию и Францию. Деньги для поездки собирал с большим трудом, зарабатывая в основном частными уроками (в то время он был прапорщиком лейб-гвардии Павловского полка)⁵. На протяжении многих лет дружеские отношения под-

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 239, л. 22.

² Ушинский К. Д. Педагогические сочинения... Т. 1. С. 462.

³ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 2, д. 78, л. 99.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 654 об.

⁵ Чтобы не растратить свои сбережения, отдавал их на хранение В. И. Водовозову. Отношения их были так близки, что М. И. Семевский помогал другу решить очень для него сложный из-за старообразного вида вопрос о женитьбе. В письме к О. И. Малевичу М. И. Семевский объяснял, что не имел романа с одной из знакомых дам и что «на ней сватался Водовозов, кстати, от того я и бывал

150

держивали семьями, и после смерти В. И. Водовозова его вдова Е. Н. Водовозова стала женой младшего брата – Василия Ивановича Семевского, известного историка, бывшего некогда учеником В. И. Водовозова по 1-й гимназии.

В 1850 – 1860-е гг. В. И. Водовозов более известен как педагог – практик, позже уже в 1870 – 1880-е гг. как публицист и автор ряда книг для первоначального обучения и народного чтения. Когда с пылом, свойственным молодости, М. И. Семевский включился в педагогические начинания 60-х гг. XIX в., В. И. Водовозов был уже 35-летним умудренным человеком с десятилетним педагогическим опытом. Один из основателей Петербургского педагогического общества (под его руководством в Обществе была создана комиссия по вопросам наглядного обучения), активный член Комитета грамотности; он поддержал идею создания воскресных школ и взял на себя обязанности организатора одной из них – при 1-й гимназии, где состоял многие годы учителем словесности. В 1864 г. был приглашен как эксперт при разработке устава средних учебных заведений по вопросу о классическом и реальном образовании. Позже в 1866 г. прочел доклад в Педагогическом обществе против принятой системы классического образования в России. Свобода выражения мнения, дозволенная во времена управления Министерством народного просвещения А. В. Головинным, стала невозможной после 1866 г. Репрессии коснулись и В. И. Водовозова – этот доклад стал в последующем причиной запрещения педагогической деятельности во всех типах учебных заведений. В последние годы он жил литературным трудом и изданием педагогических книг¹.

Многие идеи В. И. Водовозова были восприняты М. И. Семевским. Он понимал степень этого влияния и свой первый труд с ярко выраженным педагогическим уклоном – серию очерков «От Твери до Астрахани» посвятил своему другу². Спустя годы, в 1888 г., читая

у нее, ...для отводу у приятелей подозрений о сватовстве своего друга, болтают, что де я влюбился в нее. Она отказала В[асилию] И[вановичу] и я бросил бывать у нее» (ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 239, л. 23). В. И. Водовозов женился в 1862 г., М. И. Семевский же спустя десять лет.

¹ В. И. Водовозову посвящена обширная литература: Водовозов В. И. Избранные педагогические сочинения. М., 1986; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976. С. 307 – 313; Смирнов В. З. Очерки по истории прогрессивной русской педагогики XIX в. М., 1963. С. 266 – 287.

² Семевский М. И. От Твери до Астрахани... 1861. № 12; 1862. № 4, 6, 12.

работу В. И. Семевского «Василий Иванович Водовозов: Биографический очерк» (СПб., 1888), М. И. Семевский оставил на полях многочисленные пометы, отчеркивая текст и ставя знак «NB!». Все пометы относятся ко времени их знакомства¹. Если К. Д. Ушинскому импонировали педагогические устремления начинающего педагога, то сформированы они были под сильным влиянием В. И. Водовозова.

К. Д. Ушинский относился к М. И. Семевскому более чем благосклонно. Хорошо знали молодого педагога и его домочадцы. В одном из немногих дошедших до нас писем к М. И. Семевскому в 1862 г. он писал: «семья моя вам кланяется. Недавно слушаю – дети мои играют и во что же? Костя (старший сын – О.К.) представляет Семевского»². И, тем не менее, тон обращений в письмах всегда официальный, приглашения во время кратковременных визитов в Петербург передавались через Д. Д. Семенова, личная переписка со временем оборвалась. Понимания внутреннего мира друг друга так и не возникло. Из Швейцарии, в пору длительной заграничной командировки, К. Д. Ушинский обращался к своим друзьям: «Я так нуждаюсь, чтобы кто-нибудь из близких душе моей поддерживал меня, хоть письменным словом: иногда одолевает такая тоска, что не знаешь, что делать»³. Письма М. И. Семевского такого исцеляющего воздействия не вызывали. «Я рад, – довольно холодно он заметил Л. Н. Модзалевскому, – что этот добрый человек, который видно считает своею обязанностью утешать меня в горе комплиментами, получил случай... быть полезным»⁴.

Возможно, дружеские отношения не сложились из-за разницы в возрасте или несхожести интересов. Так, летом 1861 г. они оба совершили поездку в Самарскую губернию на кумыс, и оставили путевые дневники. М. И. Семевский опубликовал свое сочинение в «Отечественных записках»⁵, у К. Д. Ушинского оно осталось в рукописи. Изучив обстоятельства этого путешествия, А. И. Иванов пришел к выводу, что они проследовали почти по одному маршруту порознь, по всей вероятности, К. Д. Ушинский следовал за М. И. Семевским, несмотря на договоренность встретиться в Нижнем Новгороде, спутниками могли быть только на обратном пути. А. И. Иванов обратил внимание на существенные различия в характере путевых заметок:

¹ ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 3504.

² Ушинский К. Д. Педагогические сочинения ... Т. 2. С. 464.

³ Архив К. Д. Ушинского. Т. 1–4. М., 1959 – 1962. Т. 1. С. 78.

⁴ Ушинский К. Д. Педагогические сочинения ... Т. 2. С. 467.

⁵ Семевский М. И. От Твери до Астрахани...

«если Семевский описывает города, учебные заведения, библиотеки, исторические памятники, местную интеллигенцию, печать, то в записках Ушинского на первом плане – природа страны, экономический быт народа»¹. М. И. Семевский к этому времени уже определился как историк, краевед, собиратель древностей. К. Д. Ушинского прошлое привлекало мало. В чем они были схожи, так это в привычке записывать рассказы простых людей.

Возможно, сближению препятствовали и характеры обоих. М. И. Семевский по вспыльчивости и несдержанности часто терял друзей. Но и К. Д. Ушинский не всем был симпатичен. «Личность Ушинского, – заметил учитель Н. Ф. Бунаков, вернувшийся на педагогическое поприще исключительно под влиянием знакомства с ним, – говоря откровенно, для меня была не особенно симпатична. Я видел в нем (может быть ошибочно) странную и несимпатичную мне смесь умеренного либерализма с благонамеренным генеральством, приниженного народничания с заносчивым сомнением, реформаторских замашек с склонностью примирять непримиримое. В нем, на мой взгляд, виделся большой ум и талант, много знающий и много передумавший, но не энтузиаст, больше педагог-книжник, нежели педагог-деятель. И по наружности и по манерам держать себя он напоминал не Песталоцци и Дистервега, а скорее русского директора-генерала, скорее чиновника, нежели педагога, учителя и воспитателя»². Интересно, что Н. Ф. Бунаков был сверстником М. И. Семевского и в Петербурге пытался зарабатывать журналистской, пока не решил вновь стать учителем.

М. И. Семевский был моложе всех тех педагогов, которых пригласил в Смольный К. Д. Ушинский. По очень немногим высказываниям в письмах можно сделать предположение, что он относился к своему молодому коллеге как к человеку с еще не устоявшимися представлениями, а следовательно, требующему опеки и наставления. Причем это касалось как педагогического мастерства, так и мировоззрения в целом. В письме от 5 февраля 1864 г. К. Д. Ушинский писал из-за границы после прочтения его статьи «О школах Псковской губернии»: «В отношении автора я думал: как хорошо, что в нем растет

¹ **Иванов А. И.** О путевых заметках К. Д. Ушинского во время поездки в Самарскую губернию летом 1861 г. // Ярославский государственный педагогический институт им. К. Д. Ушинского. Доклады на научных конференциях. Т. 2. Ч. 2. Вып. 1. Ярославль, 1963. С. 98.

² Записки Н. Ф. Бунакова. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной: 1837 – 1905. СПб., 1905. С. 63.

живой педагогический интерес, что его, смутные прежде, педагогические понятия уясняются самой жизнью (подчеркнуто мною – О. К.), что сообщит и его убеждениям и практичность и жизненность (подчеркнуто мною – О. К.), как бы мне хотелось, чтобы последние оттенки рабства мысли перед известным кружком у него исчезли скорее, и он свободно вышел на дорогу самостоятельного сознания и т. д.»¹. В письме от 24 августа 1862 г. дает совет беречь здоровье: «Извините за откровенность, а то истинное дружеское расположение, которое у меня есть к вам, позволяет мне сказать вам, что вы себя вовсе не бережете, не столько в трудах, сколько в дружеских беседах (подчеркнуто мною – О. К.); а вам должно быть крайне осторожным»². Журфиксы, столь характерные в среде интеллигенции в конце 1850-х – начале 1860-х гг., были любимой формой времяпрепровождения М. И. Семевского – в салоне Е. А. Штакеншнейдер, в домах у Н. Г. Чернышевского, у В. И. Водовозова, М. М. и Ф. М. Достоевских, О. Ф. Миллера, А. В. Никитенко, А. Д. Галахова, самого К. Д. Ушинского, кроме того, еженедельные, по понедельникам, дискуссии в своей квартире в Саперном переулке, – вот лишь неполный перечень «дружеских бесед»³. Взгляды некоторых из этих лиц великий педагог не разделял и, видимо, стремился повлиять на М. И. Семевского. В уже выше цитированном письме от 24 августа 1862 г. он с сожалением писал: «Жаль мне от всей души, что ваше педагогическое поприще прервалось так скоро: оно было истинно полезно и для Вас и для заведения, и неужели вы не сделаете попытки опять на него выйти? Ах, как рано и не в пору мы расстались с Вами!»⁴. К. Д. Ушинский при многих талантах, как отметила Е. Н. Водовозова, обладал еще и «удивительным умением быстро разгадывать способности ближнего»⁵. В случае с М. И. Семевским – талант педагога. В августе 1862 г. он писал Л. Н. Модзалевскому, уже после того как из Смольного ушли все «ушинцы»: «Семевский, по-видимому, очень скучает. Жаль мне бедного Михаила Ивановича: он попал на настоящую дорогу, а между тем у наших «великих» педагогов не станет ни ума, ни совести, чтобы оценить его по достоинству и поставить на ноги»⁶.

¹ Записки Н. Ф. Бунакова... С. 464.

² Ушинский К. Д. Педагогические сочинения... Т. 2. С. 463.

³ Порох В. И. Офицер... С. 59; ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 660, 670, 697.

⁴ Ушинский К. Д. Педагогические сочинения... Т. 2. С. 462.

⁵ Водовозова Е. Н. На заре жизни... С. 459.

⁶ Ушинский К. Д. Педагогические сочинения... Т. 2. С. 465.

К. Д. Ушинский прилагал немалые усилия, чтобы повысить культурный и профессиональный уровень приглашенных им учителей. Л. Н. Модзалевский в мемуарах заметил, что «будучи сам более всех одушевлен надеждами на духовное возрождение России, Ушинский жестоко преследовал и разрушал в своих сотрудниках и последователях всякие утопические мечты, был враг фразы и, прежде всего, требовал дела и знаний». И далее: «Особенно я был признателен своему бывшему начальнику, лектору и другу за беспощадное с его стороны порицание тех слишком широких взглядов, того самомнения и критиканства, которыми вообще было заражено тогдашнее молодое русское общество, только что начавшее жить своим умом и нередко терявшее почву из-под ног. Ушинский был тогда уже человеком вполне установившимся, с глубоким религиозным чувством, с продуманными и крепкими убеждениями, враг всякого фразерства и фанфаронства и почти аскет по образу жизни. Такого человека не могли сбить с пути никакие модные влияния, и он, в свою очередь, старался направить на тот же путь знания и честного труда и своих сотрудников»¹.

Влияние патрона на своих подопечных было велико, кроме того, он хотел и умел влиять не только на их педагогические, но и на политические взгляды. В воспоминаниях Д. Д. Семенова о вечерах, знаменитых «четвергах» в доме К. Д. Ушинского отмечено, что «в карты мы не играли, поздних ужинов тоже не было, я Ушинский был враг всяких излишеств, – а за чашкой чая толковали и спорили о новостях тогдашней литературы, о современных государственных реформах, одушевляющим образом действовавших особенно на хозяина, да и на всех его гостей...»². На провинциального священника И. С. Беллюстина, далекого как от столичной жизни, так и от каких-либо кружков, собрания у К. Д. Ушинского в пору его пребывания в Петербурге в марте 1862 г., произвели сильнейшее впечатление, и обо всех он оставил примерно одинаковые записи в дневнике: «Было литературное собрание с великими спорами»³. Но эти «великие споры» не вызвали неприятия у человека, в общем, консервативного⁴, тогда как

¹ Модзалевский Л. Н. Очерки истории воспитания и обучения с древнейших времен до наших дней. Ч. 1. СПб., 1899. С. 582 – 583.

² Семенов Д. Д. Избранные педагогические сочинения. М., 1953. С. 84.

³ ГАТО (Тверь). Ф. 103, оп. 1, д. 1287, л. 9 об.

⁴ Буртина А. Ю. Мелочи иерейской жизни. Документальный очерк об И. С. Беллюстине // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1995. С. 187 – 237. – Сочинение И. С. Беллюстина «Описание сельского духовенства», анонимно напечатанное за границей в 1858 г., стало событием в отечественной журналистике.

несколькими днями позже в дневнике о вечере у Н. В. Калачова он отметил: «Между прочим, были два студента университета – очень неглупые. Но, создатель мой, до чего только развращено и испорчено юношество! Даже и наука не наука. Достаточного одного здравого смысла»¹. В речах этих молодых людей нетрудно узнать нигилистов. Отметим здесь, что при всей резкости и несдержанности в высказываниях, свойственной М. И. Семевскому, И. С. Беллюстин воспринимал его как человека достойного, суждения молодого педагога импонировали ему. 9 октября 1860 г. из Калязина писал: «Прежде всего сердечнейшая благодарность Вам с поклоном до земли за то, что Вы мне подарили несколько отрадных часов... Когда-то еще судьба доставит мне радость видеть Вас! А признаюсь, жутко приходится тем, которых решились вы разоблачить. Будь Вы на месте, после каждой Вашей статьи я обнимал бы Вас крепче и крепче; потому что каждая ваша строчка фактически подтверждает то, что давно сделалось моими убеждениями»².

Определить сегодня, какие педагогические идеи К. Д. Ушинского были восприняты его учениками, значительно проще, чем направление политических воззрений, которое он стремился придать своим соратникам. Разработка педагогического наследия К. Д. Ушинского и, следовательно, оценки его взглядов относятся, главным образом, к концу 1940 – 1950-м гг., когда готовилось первое собрание его сочинений, так же как и основные исследования по истории педагогики³. Само время предопределило смещение оценок в сторону усиления демократического начала в делах и мыслях великого педагога. Не изменилось существенно положение и в 1980-х гг., когда было подготовлено новое шеститомное издание педагогических трудов со вступительной статьей С. Ф. Егорова, в которой он отметил, что «историки относят К. Д. Ушинского к педагогике буржуазно-демократического направления»⁴. Но определенные попытки в пересмотре оце-

¹ ГАТО (Тверь). Ф. 103, оп. 1, д. 1287, л. 9 об.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 74.

³ Архив К. Д. Ушинского...; **Струминский В. Я.** Русская начальная школа в 60-х гг. XIX в. // Начальная школа. 1945. № 7 – 8; **Ганелин Ш. М.** Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX в. Изд. 2. М., 1954; **Смирнов В. З.** Реформа начальной и средней школы...; **Смирнов В. З.** Очерки по истории прогрессивной русской педагогики...; Очерки истории школы и педагогической мысли...

⁴ **Егоров С. Ф.** К. Д. Ушинский: жизнь и педагогическая деятельность // Ушинский К. Д. Педагогические сочинения...Т. 1. С. 18.

нок все же были сделаны: в это собрание педагогических сочинений впервые включены все работы, затрагивавшие, в частности, такой сложный для советской историографии вопрос, как место религии в воспитательном процессе, включены и письма о воспитании наследника престола. Вопрос о религиозности К. Д. Ушинского, как правило, обходили молчанием, так же как и его отношение к православию в деле воспитания. Так С. Ф. Егоров считал религиозность «слабой стороной воззрений педагога», и констатировал, что «в наши дни наивность подобных высказываний очевидна»¹. В оценку педагогической концепции включался лишь осколок этой проблемы – то, что К. Д. Ушинский был против передачи дела народного образования в руки священников. В действительности религия занимала ведущее место в выстроенной им системе воспитания. Прежде всего, это основа формирования нравственности у крестьянства. Но не менее существенна ее роль и в системе воспитания привилегированных сословий, поэтому К. Д. Ушинский добивался увеличения часов на «Закон божий» в Смольном институте. Устранение одного из важнейших принципов педагогической системы К. Д. Ушинского позволило советской историографии определить его взгляды как более демократические, чем это было в действительности. Из всего потока оценок, выдержанных в едином политическом ключе, выделяются две: Б. П. Козьмина и Н. К. Гончарова. Б. П. Козьмин отметил, что некоторые идеи К. Д. Ушинского были созвучны со взглядами левого крыла его современников, в частности, декларация, что основной задачей воспитания является формирование всесторонне развитой личности, находящей свое счастье в труде. Но в остальном он был чужд им – как идеалист, националист, эклектик, глубоко религиозный человек он «далеко отходил в основных элементах своего мирозерцания от лагеря «Современника»². Его симпатии были на стороне старой дворянской интеллигенции. Эта оценка оказалась незамеченной как в историографии 1930-х гг., так и в последующие годы, возможно потому, что Б. П. Козьмин высказал ее не в специальной работе, посвященной К. Д. Ушинскому, а лишь во вступительной статье к первому полному изданию мемуаров Е. Н. Водовозовой, возражая против чрезмерной идеализации его образа на страницах ее сочинения. Заслуживает внимания и мнение, высказанное Н. К. Гончаровым в

¹ Егоров С. Ф. К. Д. Ушинский... С. 22.

² Козьмин Б. П. Мемуары Е. Н. Водовозовой // Водовозова Е. Н. На заре жизни и другие воспоминания. В 2 т. М.; Л., 1934. С. 16 – 20.

1974 г. Он обратился к изучению взглядов К. Д. Ушинского на важнейшие политические вопросы жизни страны – проводимые реформы, и в первую очередь, крестьянскую. Вывод сформулирован предельно четко: относился «как демократ-просветитель, не больше. Как просветители революционные демократы были близки и понятны ему, но как революционеры – далеки для него»¹. Оба автора почти сошлись в оценке. Б. П. Козьмин определил политические взгляды К. Д. Ушинского как умеренный либерализм². Н. К. Гончаров, пытаясь вписать свою позицию в общепринятые в это время рамки, когда все прогрессивно настроенные личности, представлялись преимущественно как демократы, вынужден был прибегнуть к оговоркам, уточнениям: как демократ-просветитель К. Д. Ушинский примыкал к правому крылу демократического движения, смыкавшегося с либерализмом.

Для оценки политических воззрений К. Д. Ушинского заслуживают внимания многие положения, высказанные в исследованиях Р. Г. Эймонтовой³. Рассматривая взаимосвязь различных политических течений и просветительства в середине XIX в., она отметила, что «в России... просветительство явилось сильно политизированным. Ведущим в нем оказались две тенденции, которые можно определить как либеральную и радикально-демократическую или революционную»⁴, при этом «исторические условия были таковы..., что либерализм... существовал в то время в оболочке просветительства»⁵. Но отождествлять «российских просветителей либо с революционерами-демократами, либо с либералами, либо, наконец, с теми и другими вместе, – по ее мнению, – представляется неправомерным»⁶. Просветительство не входит в систему политических понятий, как либерализм или революционный демократизм, но относится к философско-мировоззренческой сфере, а «деятельность в области просвещения входит в комплекс культуры и имеет дело с духовными ценностями»⁷. Оценивая просветительство как реальное явление общественной мысли 1850 – 1860-х гг., Р. Г. Эймонтова полагала, что не только

¹ Гончаров Н. К. Педагогическая система К. Д. Ушинского. М., 1974. С. 36.

² Козьмин Б. П. Мемуары Е. Н. Водовозовой... С. 20.

³ Эймонтова Р. Г. Идеи просвещения в обновляющейся России (50 – 60 годы XIX в.) М., 1998.

⁴ Эймонтова Р. Г. Идеи просвещения... С. 143.

⁵ Эймонтова Р. Г. Идеи просвещения... С. 245.

⁶ Эймонтова Р. Г. Идеи просвещения... С. 143.

⁷ Эймонтова Р. Г. Идеи просвещения... С. 143.

40-е гг., но и 60-е гг. XIX в. выдвинули «ряд крупных фигур, позиция которых в общественной жизни тех лет определялась, главным образом, и, прежде всего, идеологией просветительства»¹, к которым отнесла, например, А. П. Шапова и П. В. Павлова². Полагаем, что к их числу следует отнести и К. Д. Ушинского. Так, с просветительских позиций написаны им письма о воспитании наследника престола, адресатом которых была императрица Мария Александровна³. Отвергая цель образования ради приобретения конкретных знаний в пользу формирования широких мировоззренческих представлений, сделав основополагающим суждение о том, что широко образованный монарх употребит свои знания во благо подданных, К. Д. Ушинский сформулировал, по существу, одно из основных положений просветительства.

Но К. Д. Ушинский был просветителем на российский манер: он не отрицал религию и отводил ей решающую роль в воспитании нравственности в человеке. Терпимое отношение к православию, как отметила Р. Г. Эймонтова, было одной из особенностей российского просветительства⁴. Политические же взгляды К. Д. Ушинского были ближе к либерализму. Так он смотрел, например, на назначение просвещения в обществе. Либералы надеялись, что распространение грамотности и образованности смягчит нравы, и тем самым позволит избежать кровавых потрясений и приведет страну к лучшему будущему мирным путем. К. Д. Ушинский высказал подобный взгляд, в частности, в статье о воскресных школах. «Искренние, дружеские отношения между учителем и учеником в школе – лучшее ее противоядие тех экономических отношений, которые приводили в Западной Европе к таким грустным явлениям, и если с этой точки зрения мы взглянем на назначение воскресных школ, то нет сомнения, что будем смотреть на их быстрое возникновение с такой же радостью, с какой смотрим на учреждение в селах обществ трезвости. Да, трезвый и просвещенный религией и образованием рассудок народа – лучшее

¹ Эймонтова Р. Г. Идеи просвещения... С. 144.

² Эймонтова Р. Г. Ученый – просветитель П. В. Павлов // Исторические записки. М., 1986. Т. 113. С. 231 – 232. – Ранее подобную оценку П. В. Павлову давал Н. Л. Рубинштейн (Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. С. 388); Сравни, напр.: Чернышев Е. Революционный демократ – историк А. П. Шапов (1830 – 1876) // ВИ. 1951. № 8. С. 38 – 58.

³ Ушинский К. Д. Письма о воспитании наследника русского престола // Ушинский К. Д. Педагогические сочинения. Т. 1. С. 317 – 341.

⁴ Эймонтова Р. Г. Идеи просвещения... С. 67.

ручательство за благоденствие государства, его спокойствие, силу и богатство»¹. Характерно, что для К. Д. Ушинского одинаково важны и религия и образование. Столь подробный экскурс, посвященный выяснению взглядов К. Д. Ушинского, был необходим для уточнения позиции М. И. Семевского, сходства и различия между их пониманием одних и тех же проблем.

Новые преподаватели, приглашенные К. Д. Ушинским в Смольный, заметила Е. Н. Водовозова, «должны были не только знать свое дело и быть более или менее талантливыми педагогами, но должны были являться истинными сотрудниками и товарищами Ушинского. Вместе с ним они должны были представлять единую семью, объединенную одними и теми же прогрессивными интересами...»². К. Д. Ушинский усиленно прививал своим подчиненным идеи просветительства. И если высказывались критические замечания о действительности, то это также было присуще просветительству. И он сам, и «ушинцы» были радикалы в педагогике, в частности, в методике, но не в общественно-политических воззрениях. С годами многие из его бывших коллег оказались консервативнее своего наставника.

Почему же столь умеренный в политических взглядах К. Д. Ушинский подвергся гонениям в начале 1860-х гг.? Ответ кроется в позиции министра народного просвещения А. В. Головнина. Он считал просветительство опасным течением общественной мысли, даже более чем воззрения революционеров, справедливо отмечая, возможность широкого распространения первого среди образованной части общества и ограниченность второго. В 1861 – 1862 гг. в специальных записках А. В. Головнин неоднократно обращал внимание правительства на необходимость принимать экстренные меры для предотвращения вредных идей в обществе³. К. Д. Ушинский был одним из носителей таких вредных идей.

Становление М. И. Семевского как гражданской личности происходило под влиянием педагогической среды, в основном, в лице К. Д. Ушинского и «ушинцев», воздействовавших в направлении умеренности, взвешенности, и возможно, содействовало тому, что М. И. Семевский не разделял позицию «Современника», несмотря на личное знакомство с Н. Г. Чернышевским. Сам К. Д. Ушинский отказался сотрудничать в журнале с появлением в нем новых сотрудни-

¹ Ушинский К. Д. Воскресные школы // Педагогические сочинения. Т. 2. С. 63.

² Водовозова Е. Н. На заре жизни... С. 459.

³ Эймонтова Р. Г. Идеи просвещения... С. 107, 128, 329.

ков – Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Кстати, многие «ушинцы» не приняли и роман «Что делать?»¹.

§ 3. Инспекция народных школ Псковской губернии

Отказавшись от службы в Смольном институте, М. И. Семевский остался без средств к существованию, кроме гонораров от литературного труда, которые были более чем скромны. Зная об этом, друзья по Смольному сделали все возможное, чтобы найти для М. И. Семевского подходящее место.

В сентябре 1862 г. М. И. Семевский приступает к выполнению задания Министерства народного просвещения – инспекции народных школ в Псковской губернии. История этой поездки, упомянутая в работах В. В. Тимошук и В. И. Пороха², может быть дополнена новыми данными. Получить назначение М. И. Семевскому было сложно, поскольку в августе 1862 г. он был арестован и доставлен в III отделение. Выдвинутые против него обвинения – наличие сочинений А. И. Герцена и «возмутительных» воззваний, не были доказаны, и он был отпущен³. Это обстоятельство и стало существенным препятствием в получении места, хотя назначение уже состоялось в июле, и о нем было известно многим. Так, даже К. Д. Ушинский, находясь за границей, куда новости доходили с запозданием, в письме к А. И. Стребницкому от 23 сентября 1862 г. писал: «Семевского, исторического писателя тоже взяли по возвращении в Петербург, обыскали, ничего не нашли и отпустили, но тем не менее места не дали, на которое он был уже назначен»⁴. О приглашении его в Министерство известно из письма Д. Д. Семенова. «Головнин просит Рехневского, – писал он, – указать ему человека, которого бы можно было послать путешествовать по России – с целью – определить отношение народных школ к народу. Рехневский никак не мог выбрать лучшего, как Вас. Если вы согласитесь, то вам дадут приличное жалование рублей 1600, ... и прикомандируют к М. Н. П. чиновником неотложных по-

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 252, л. 21; **Модзалевский Л. Н.** Письма М. И. Семевскому // Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... Приложение. С. 41.

² **Тимошук В. В.** Михаил Иванович Семевский ... С. 99 – 100; **Порох В. И.** Офицер... С. 66 – 67.

³ **Порох В. И.** Офицер... С. 65.

⁴ **Ушинский К. Д.** Собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. 11. С. 198. – В указателе к тому неправильно указаны инициалы М. И. Семевского. В 1862 г. Василий еще учился и известным писателем быть не мог. – Ушинский К. Д. Собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. 11. С. 711.

ручений или как-нибудь иначе. Я со своей стороны советую Вам согласиться, выполнив поручение, вы сможете пойти по ученой или учебной части. Отвечайте поскорее мне или Рехневскому Юлию Семеновичу, адресуя в редакцию Ж М П¹, а лучше, если (смогли бы) сами приехать. Куйте железо пока горячо». К письму были сделаны две приписки. Рукою брата Петра: «Д. Д. Семенов приезжал с предложением путешествовать по России с 1600 р. с. и прогоны особо; я нахожу, что это тебе будет выгодно, и что ты разъешишься, поправишься здоровьем, и все-таки будешь служить при народном просвещении. Приезжай поскорее, лучше бы, если ты сам приехал переговорить с Рехневским – Сашенька тоже советует и уже дала почти слово об согласии». И рукою жены Петра Александры Васильевны: «Пожалуйста, Миша, не сглуми второй раз, не отказывайся от этого выгодного предложения, уж как хочешь, а я за тебя дала слово, и потому ждем тебя если не сегодня, то завтра, наверное. Выгоды не перечисленные, почет, деньги, а главное слава, которая поедет за тобой во все концы Европы, ты знаменитый путешественник, просветитель и проч., проч., всех выгод не перечислить»². Кандидатура М. И. Семевского была, как следует из письма, предложена Ю. С. Рехневским, знавшим его через К. Д. Ушинского по Смольному институту и по издательским делам, поскольку именно он сменил К. Д. Ушинского на посту редактора «Журнала Министерства Народного Просвещения». Многие годы они поддерживали дружеские отношения. Так в середине 1860-х гг. Д. Д. Семенов приглашал М. И. Семевского «на маленькую пирушку» по поводу приезда Л. Н. Модзалевского, среди прочих бывших «ушинцев» назван и Ю. С. Рехневский³. Письмо Д. Д. Семенова было получено 28 июля, как пометил сам М. И. Семевский. Он незамедлительно выехал в Петербург, но по прибытии на Николаевском вокзале был арестован. Однако М. И. Семевский не отступился, стал искать защиты у А. А. Краевского, обратившись к последнему с письмом, в котором просил замолвить за него слово, уверяя в своей полной благонадежности при выполнении задания⁴. Назначение, после всех мытарств, состоялось.

А. В. Головнину нужны были инспекторы, которые не только могли проехать по всем школам, но и сумели бы правильно оценить

¹ Журнал Министерства Народного Просвещения.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 317, л. 1 – 2 об.

³ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 317, л. 3.

⁴ Письмо почти полностью приведено В. И. Порохом (Порох В. И. Офицер... С. 66).

ситуацию, знали школьное дело. Кандидатура М. И. Семевского отвечала этим требованиям. В уже цитированном письме Д. Д. Семенов сообщал, что «Рех[невский] дал Головнину прочесть Ваши заметки от Твери до Астрахани. Голов[нин] вполне разд[еляет] Ваши взгляды и думает, что Вы сделаете много пользы для народного образования»¹. Очерки, опубликованные в «Отечественных записках», содержат описания визитов в учебные заведения, встречавшиеся ему в поволжских городах: гимназии – мужские и женские, семинарии, женские духовные училища, народные школы. Инспектируя по собственной инициативе, он интересовался всем: и экономической и педагогической стороной дела, посещал уроки, просматривал конспекты, присутствовал на экзаменах, высказывал замечания о программах, методике, составе и подготовке учителей. Взгляды, изложенные М. И. Семевским, импонировали министру.

Назначение А. В. Головнина на пост министра народного просвещения в 1861 г. стало началом реальных перемен в министерстве. Его политическая позиция и деятельность получила в историографии последних лет однозначную оценку: «Только с его приходом в учебное ведомство оно приобрело реформатора, готового сотрудничать с обществом, выслушивать контраргументы и рассматривать их, имевшего и программу, и либеральные убеждения»². В историографии, касающейся реформ, разрабатываемых Министерством народного просвещения в начале 1860-х гг., дается общая оценка деятельности А. В. Головнина³. Наиболее подробно рассмотрен только вопрос о подготовке нового университетского устава 1863 г.⁴. Воззрения же на реформу начального образования до сих пор не привлекали внимания исследователей. Однако представляется важным изложить его позицию, насколько позволяют это сделать впервые опубликованные мемуары А. В. Головнина. Эта позиция нашла отражение в постановке задач для экспертов, обследующих существующие народные школы.

Одним из самых сложных участков работы в Министерстве и «столь же необходимым», как и реформа «по улучшению быта крестьян», по мнению министра, была реформа начальной школы как

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 317, л. 1.

² Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 330.

³ Смирнов В. З. Реформа начальной школы...; Очерки истории школы и педагогической мысли...

⁴ Эймонтова Р. Г. Университетская реформа 1863 г. // Исторические записки. 1961. Т. 70. С. 163 – 196.

залог успеха начатых правительством глобальных преобразований в начале 1860-х гг. «Россия готовилась к великим общественным реформам. Для того, чтобы реформы эти не послужили вреду государству и народу, – рассуждал он, – а приносили им всю ожидаемую пользу, необходимо было неотлагательно принять надлежащие меры к обеспечению за народом более надежных и более доступных средств развития образования»¹. Значение реформы образования А. В. Головнин видел не только в создании условий для более полной реализации социально-экономических последствий реформ, но и в предотвращении возможных социально-политических эксцессов. Еще во время своего путешествия по России в 1859 г. он обратил внимание на существенное расхождение в умонастроениях различных поколений крестьян. «Вслед за помянутыми двумя поколениями ... (старшим и средним – О.К.), – писал он в мемуарах, – является еще третье – юнейшее, которое вырастает теперь без малейшего понятия об обязанностях своих к богу и правительству. Это поколение будет под полным влиянием своих старших братьев и вместе с ним составит буйную вольницу (populace), какой Россия давно уже не имела и которая доставит правительству много затруднений. Необходимо предупредить вредное направление умов этой части сельского населения, и для сего неотлагательно учредить школы, которые дали бы ему, по возможности, нравственное направление и понятие своих обязанностей»². В своих мемуарах А. В. Головнин привел данные о количестве школ в России. Эти цифры фигурируют в отечественной историографии практически во всех исследованиях по истории народной школы России. Всего в стране насчитывалось к 1865 г. 1846 начальных учебных заведений с числом учащихся 80 тысяч. «Как ни заманчивы на первый взгляд эти цифры, но если сравнить их с количеством народонаселения, то они покажутся ничтожными, – констатировал он, – 1 школа на 1500 жителей и 1 учащийся на 70 жителей»³. Но приступая к реформе, важно было также знать, какие это были школы? Реальные или столь свойственные России педагогические «потемкинские деревни»? Почему учреждаемые казенные школы, несмотря на их малочисленность, во многих местностях пустуют, а обучение ведется в т. н. вспомогательных (частных) школах. Какая школа устроила бы низшие слои населения – крестьян, мещанин,

¹ Головнин А. В. Записки для немногих // ВИ. 1997. № 3. С. 89.

² Головнин А. В. Записки... 1996. № 10. С. 97.

³ Головнин А. В. Записки... 1997. № 3. С. 89.

купцов? Для выявления истинного состояния дел «Министерство старалось собрать как можно более достоверных данных, – вспоминал он, – которые большею частью собраны были не путем официальным, а через командированных на место лиц, на показания которых Министерство могло вполне положиться»¹. Выбор пал на литераторов, находящихся не у дел педагогов и отставных чиновников, сочувствовавших делу народного просвещения.

М. И. Семевский, как видно из письма к О. И. Малевичу от 22 сентября 1862 г., понимал свою роль именно так, как видел ее А. В. Головнин, привлекая сторонних экспертов: «Я не ревизор, я литератор, слабый талант которого вызвал пока внимание умного министра. Сумею ли я оправдать это внимание, сумею ли оказать пользу – не знаю. Знаю только, что постараюсь изо всех сил»².

Сохранились записные книжки М. И. Семевского за 1862 – 1863 гг., которые он вел во время поездки. В разъездах провел без малого год: с 27 сентября 1862 г. по 20 сентября 1863 г. Дата завершения командировки, указанная В. И. Порохом (декабрь 1862 г.) не соответствует действительности³. Видимо, эта дата определена на основании того факта, что в ноябре 1862 г. М. И. Семевский действительно появился в Петербурге. Но это был лишь кратковременный перерыв в его поездке, что подтверждает письмо О. И. Малевичу от 11 ноября 1862 г.: «Ездил дней на 9 в Петербург, сдал в Министерство первую часть моего отчета о нуждах школ города Пскова, читал этот отчет разным властям: все были довольны (не прими, голубчик, за хвостовство)...»⁴. Исходя из указанных сроков поездки, можно опровергнуть слухи, распространившиеся в петербургском обществе в конце 1862 г., о том, что М. И. Семевский якобы принят на службу при Министерстве народного просвещения с окладом в 1600 р.⁵. Это был лишь отголосок его уже давно состоявшегося назначения, который нашел отражение как факт о слухах в документах III отделения. На основании чего, В. И. Порох сделал вывод, что М. И. Семевскому отказали в назначении либо из-за установленного над ним полицейского надзора, поскольку А. В. Головнин не захотел иметь опального чиновника, либо по причине отсутствия необходимого вакантного

¹ Головнин А. В. Записки... 1997. № 3. С. 90.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 239, л. 26 об.

³ Порох В. И. Офицер... С. 67.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 239, л. 28.

⁵ Порох В. И. Офицер... С. 67.

места¹. По нашему мнению, причина была иной. Неблагонадежность М. И. Семевский в глазах III отделения проистекала из его литературных занятий, знакомства с радикально настроенным кругом литераторов, в первую очередь Н. Г. Чернышевским, так же резкими высказываниями, что было присуще его характеру, по поводу современных ему событий в публичных местах. В начале 1863 г. М. И. Семевский привлек к себе внимание общества, в первую очередь, как автор скандальной статьи «Петр Великий, как юморист»², которая вызвала гнев митрополита Филарета, считавшего, что в ней выражены «мысли и учения противохристианские, противуправительственные», что «такая литература вдруг оскорбляет и религию, и нравственность, и царский род»³. Скандал разразился, когда М. И. Семевский уже составил о себе мнение первыми отчетами. Для А. В. Головнина вопрос об отношении к религии был первостепенным. Будучи министром, весной 1862 г. он подал записку о «вредном учении» – просветительстве, враждебном религии и государственному устройству. При этом он полагал, что более или менее критическое отношение к существующим порядкам свойственно подавляющему большинству литераторов. Для противостояния этому злу предлагал разработать систему мер по линии Министерства внутренних дел, духовного ведомства и Министерства народного просвещения. Одной из составных частей предполагаемых мер была реформа образования⁴.

Событий, которые развернулись вокруг исторических сочинений М. И. Семевского, было бы вполне достаточно, чтобы А. В. Головнин не желал видеть среди своих подчиненных человека, убеждения которого противоречили его политической позиции, тем не менее М. И. Семевский не был отозван. Предположение В. И. Пороха о политической неблагонадежности как возможной причине осложнений с назначением М. И. Семевского для инспектирования школ и получения места в министерстве не находит подтверждения.

Причину следует искать в другом. Вопрос о штатных местах для участников инспекции не стоял изначально. Судя по мемуарам А. В. Головнина, ради объективности, все эксперты должны были быть людьми не из министерства и никаких гарантий по трудоустройству им не давали, и никто из них мест в дальнейшем не получил.

¹ Порох В. И. Офицер... С. 67.

² Кох О. Б. «Мои любезные книги и книжечки...» (Заметки о библиотеке М. И. Семевского) // Псков. 2000. № 13. С. 57.

³ Душеполезное чтение. 1863. № 1 С. 6.

⁴ Эймонтова Р. Г. Идеи просвещения... С. 107, 324.

Кроме того, они были командированы на средства разных министерств. Еще в 1859 г. от Министерства государственных имуществ поступило предложение, чтобы школы в учебном отношении подчинялись Министерству народного просвещения, но в хозяйственном – своим министерствам. В ведении таких министерств как Государственных имуществ, Уделов, Внутренних дел, Синоде школ было значительно больше, чем в Министерстве народного просвещения¹. Расходы по назначенной инспекции уже несли все министерства за своих корреспондентов самостоятельно. Так, В. А. Золотов совершил поездку по югу России от Министерства уделов.

М. И. Семевский последовательно объехал губернию. Первым пунктом пребывания осенью 1862 г. был Псков, затем территория северо-запада губернии. Рождество он встречал в родных Великих Луках, к весне 1863 г. обследовал юго-западную территорию, к осени проехал по восточным районам. Записи в дневнике, который он вел в пути, только деловые, он не отвлекался на личные впечатления: перечень школ, имена учителей, статистика численности и посещаемости учебных заведений, записи о присутствии на уроках, народные песни, пословицы, загадки, меткие народные выражения, проба пера учениками – довольно забавные детские каракули. Частные записи появляются только на страницах, посвященных описанию Великих Лук, села Палибино (имения Корвин-Круковских, где домашним учителем служил О. И. Малевич), сельца Мишнево (владелец которого А. И. Креницин удостоен краткой записи его биографии и стихов)². Помимо ведения дневника, где отражал свои наблюдения, пытался проводить анкеты об организации школьного дела. С этой целью, как вспоминал он, «в 1863 г. я просил учителей, волостных писарей, равно учащихся собирать мне по этому предмету свои заметки. Многие отзывались на мою просьбу, многие присылали интересные заметки...»³. Он стремился с помощью подобного опроса выяснить также, что думали крестьяне об обучении их детей. Собрал он и воспоминания сельских учителей о работе в предыдущие годы, лучшими из них считал заметки Н. Н. Ясинского. Все бумаги сброшюровал во внушительный том, который подарил много лет спустя в библиотеку Великолукского реального училища⁴.

¹ Смирнов В. З. Реформа начальной школы... С. 57.

² ИРЛИ. Ф. 274, п. 1, д. 3. л. 186 об. – 187.

³ РНБ. Ф. 683, д. 2, л. 318.

⁴ В настоящее время хранится в РНБ (Ф. 683, д. 2).

М. И. Семевский изучал вопрос основательно, посещал десятки учебных заведений, будь то образцовое Мариинское училище в Пскове или захудалые школы, содержащиеся волостными писарями и церковными сторожами в глухих захолустьях отдаленных уездов. Обращал внимание на все детали: помещение, отопление, бюджет школы, учебники, методика, уровень обучаемости детей, их поведение, круг чтения учеников, ставки учителей, условия их жизни и пр. и пр. Впоследствии оказалось, что он был одним из немногих экспертов, столь серьезно подошедший к поставленной задаче. Его отчет содержал как описательную часть, более походившую на очерки или путевые заметки, так и сводные статистические таблицы, дающие полное представление о состоянии школьного дела¹. Неудивительно, что отчет получил одобрение Министерства и был не только напечатан в «Журнале Министерства Народного Просвещения» и газете «Голос», но и отдельным оттиском. Без ведома А. В. Головнина и без его одобрения отчет не был бы столь широко, по тем временам, обнародован. Высоко оценил труд М. И. Семевского и К. Д. Ушинский. В письме от 5 февраля 1864 г. из Гейдельберга он писал: «Прочел я вашу книгу с двойным интересом: один был возбужден во мне самим трудом, другой – личностью автора. Что касается до труда, то без всяких лживых для вас похвал скажу, оканчивая чтение с одного присеста, я подумал, как мало мы знаем нашу исполинскую Русь; как полезно было бы появление подобных описаний, как мало у нас людей, способных для того [...] Словом, ваша брошюра разбудила мой педагогический инстинкт на несколько дней, а это много говорит в ее пользу»².

И в настоящее время этот отчет является чуть ли не единственным печатным источником, на который ссылаются, иллюстрируя состояние грамотности в России ко времени отмены крепостного права.

Поездка по Псковской губернии не пройдет для М. И. Семевского бесполезно. В 1864 г. он получит место в Государственной канцелярии при посредничестве лиц, обративших внимание на его способности: А. П. Заблоцкого-Десятовского и А. Ф. Гильфердинга. А. П. Заблоцкий-Десятовский высоко оценил отчет о школах, А. Ф. Гильфердинг уже знал его и как библиофила, и по делам Комитета грамотности, высоко ценил его организаторские и педагогические способно-

¹ Грамотность в деревнях временно-обязанных крестьян Псковской губернии в 1863 г. / со статистическими таблицами. СПб., 1864; Грамотность в деревнях государственных крестьян Псковской губернии в 1863 г. / со статистическими таблицами и картою Псковской учебной дирекции. СПб., 1864.

² Ушинский К. Д. Педагогические сочинения... Т. 2. С. 464.

сти. Еще в 1862 г. советовался с ним по уставам Петропавловской школы и женской гимназии¹. В доме А. Ф. Гильфердинга М. И. Семевский лично познакомился с А. В. Головниным и Н. А. Милютиным. При формировании комиссии по подготовке реформы в Царстве Польском Н. А. Милютин², лично подбирал себе сотрудников. А. В. Головнин если и не содействовал своему лучшему корреспонденту, то и не препятствовал в получении места. М. И. Семевский был включен в комиссию по подготовке реформы школы, важно, что он не только знал к этому времени школьное дело, но и владел польским языком. Он готовил материалы под непосредственным началом А. Ф. Гильфердинга³. Как всегда глубоко вник в проблему, результатом явилась серия публицистических статей по вопросам образования в Польше⁴. Все подготовительные материалы, тексты с редакторской правкой впоследствии М. И. Семевский объединил в отдельный том, на форзаце которого сделал надпись: «Приложение к П[олному] С[обранию] сочинений М. И. Семевского к VII тому, Редакцией сего сборника, составленного А. Ф. Гильфердингом и напечатанного Н. А. Милутиным и занимался при его издании настоящей книги в мае 1864 г. М. Семевский»⁵.

Поездка по Псковской губернии в 1862 – 1863 г. была важным этапом в педагогических исканиях М. И. Семевского. Учительская практика, полученная в Петербурге и в родном селе Федорцове, возможность составить собственные представления о народной школе в России – все это сформировало у него твердые представления о

¹ «Потолкуем еще на счет этих проектов», – писал А. Ф. Гильфердинг к М. И. Семевскому (ИРЛИ. Ф. 274., оп. 1, д. 117, л. 26).

² Н. А. Милютин принимал участие в судьбе семьи Семевских. В записке от 8 сентября, вероятно, 1861 г. А. Ф. Гильфердинг писал: «Н. А. Милютин желает поговорить с Вами на счет Вашего брата, на городской квартире» (ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 117, л. 72). У М. И. Семевского в эти годы были проблемы только с одним братом – Александром, арестованным по делу о волнении студентов Петербургского университета осенью 1861 г. (Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь / сост. А. А. Шилов, Г. М. Карноухова Т. 1. М., 1928. Ст. 368; Семевский В. И. М. В. Петрашевский в Сибири // Голос минувшего. 1915. № 5. С. 60 – 61).

³ Материалы по учебной части в Царстве Польском: 1808 – 1864 гг. / издание и перевод с польского под редакцией М. И. Семевского; напечатано по распоряжению А. Н. Милютина. СПб., 1865.

⁴ **Семевский М. И.** Общественное образование в Царстве Польском: 1815 – 1864 гг. СПб., 1864; Он же. Средние учебные заведения в Царстве Польском // Русский инвалид. 1866. № 301, 303, 304;

⁵ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 30.

задачах и назначении образования, которые не претерпели существенных изменений в будущем. Он был готов к профессиональной педагогической деятельности, но решительно отказался от попыток получить место педагога. Причина такого решения была вызвана планами создания семьи. Во время путешествия М. И. Семевский влюбился в Анну Васильевну Корвин-Круковскую, дочь отставного генерала из села Палибино соседнего Невельского уезда, и сделал предложение. Родители невесты отказали жениху, как человеку без положения в обществе и без определенных доходов, перебивающемуся литературным трудом. М. И. Семевский вынужден был смириться с отказом, но поскольку чувства его были сильными и искренними, не отказался от мысли добиться невесты. Педагогическая деятельность не могла принести ни надлежащего дохода, ни достойного в глазах генерала положения, и он решает вновь стать государственным служащим, теперь по статской части. В январе 1864 г. поступил на службу в Государственную канцелярию¹. С педагогикой М. И. Семевский никогда не порывал и стремился реализовать свои интересы как общественный деятель.

§ 4. Деятельность в Комитете грамотности и Санкт-Петербургском педагогическом обществе

Педагогическая практика подтолкнула М. И. Семевского к участию в деятельности общественных организаций, появившихся под влиянием идеи народного просвещения, особенно усилившихся в период подготовки крестьянской реформы. В Санкт-Петербурге почти одновременно возникли две подобные организации: Комитет грамотности и Педагогическое общество. В письме О. И. Малевичу от 7 октября 1863 г. писал: «По-прежнему, литературные работы, уроки, посещение Педагогического собрания и Комитета грамотности (в обоих я член), да сходки с немногими дорогими друзьями поглощают время»².

Замысел общественной организации с целью просвещения крестьян восходит к проекту «Общество для распространения грамотности и первоначального образования», составленному И. С. Тургене-

¹ В 1866 г., достигнув чина титулярного советника, возобновляет сватовство. На сей раз отказ последовал от Анны Васильевны. М. И. Семевский службы не покинул, но никогда не порывал и с педагогической деятельностью (Кох О. Б. «Он был титулярный советник...» // Псков. 1999. № 10. С. 17 – 22).

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 239, л. 30.

вым в августе 1860 г.¹. По мнению советских исследователей, этот замысел открытой просветительской организации, на который уповал Н. П. Огарев, призванной объединить радикалов с либералами, не удался². Однако, на наш взгляд, Санкт-Петербургский Комитет грамотности и стал результатом названного совещания. Многие его участники активно участвовали в его деятельности, в частности, либералы – братья Н. Я. и М. Я. Ростовцевы, В. П. Боткин, М. Ф. Крузе. Но превратить просветительскую организацию, какой ее мыслило большинство (либералы), в революционную, как желало меньшинство (радикалы – С. Н. Рымаренко, А. И. Страннолюбский), было утопией. Комитет никогда не выходил за рамки благоразумной умеренности. Заметим, что А. И. Герцен с самого начала не питал по поводу этого проекта иллюзий, в отличие от Н. П. Огарева. В 1862 г. он писал И. С. Тургеневу: «Политическим человеком я тебя никогда не считал – и теперь не считаю. Несмотря на то, что ты... на острове Вайте говорил об азбуке...»³. То же можно сказать и о большинстве членов Комитета.

Петербургский Комитет грамотности официально был учрежден 1 декабря 1861 г. при Вольном Экономическом Обществе. Всю деятельность планировалось направить на упрощение проникновения книги в народ: создать книжные склады на местах, стимулировать появление дешевых изданий, оказывать содействие написанию книг для народа, публиковать списки рекомендуемой литературы, открыть семинарии для сельских учителей⁴. На практике многие планы Комитета осуществить не удалось, наиболее удачно дело обстояло только с

¹ В разработке приняли участие Н. П. Огарев и П. В. Анненков. На острове Уайт, где неожиданно собралось много русских, состоялось его обсуждение, в котором приняли участие А. К. Толстой, А. Ф. Фрике, М. Ф. Крузе, В. П. Боткина, флигель-адъютанты Н. Я. и М. Я. Ростовцевы, Н. А. Мордвинова (Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960. 449, 452). Е. Л. Рудницкая высказала предположение, что в числе группы были В. К. Касаткин и Н. Н. Боборыкин (Рудницкая Е. Л. Н. П. Огарев в русском революционном движении. М., 1969. С. 226).

² Рудницкая Е. Л. Н. П. Огарев... С. 226 – 227; Пирумова Н. М. Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек. М., 1989. С. 161 – 162.

³ Герцен А. И. Собр. соч. В 30 т. Т. 27. С. 261.

⁴ Половцев В. А. Сведения о Комитете Грамотности (Из памятной книжки Санкт-Петербургской губернии). СПб., 1863. С. 1 – 2.

рассылкой книг¹ и составлением списков². Попытки Комитета заняться делом практической педагогики, как уже отмечалось выше, закончились неудачей: едва начав работать, учительская семинария при Таврической школе закрылась, не успев сделать и одного выпуска. Широкая издательская деятельность была развернута только в 80 – 90 гг. XIX в.³

М. И. Семевский принимает участие в этой общественной организации с первых месяцев ее деятельности. Поездка по Псковской губернии в 1862 – 1863 гг. давала возможность непосредственно на местах определять потребности учебных заведений, поэтому он добровольно принял на себя миссию от Комитета грамотности по распространению книг в школах, ищет энтузиастов, готовых содействовать начинаниям Комитета⁴. Вероятно, по его рекомендации местные просветители обращались в Комитет за помощью. Так, в феврале 1863 г. вскоре после того как он побывал в Великих Луках, священник А. И. Пульхеров просил прислать книги в бесплатную сельскую библиотеку, открытую им при бесплатном училище⁵. На заседании Комитета 9 апреля 1863 г., как отмечено в протоколах, М. И. Семевский «сообщил сведения о лучших деятелях по распространению первоначального образования между простым народом Псковской губернии, и указывает на необходимость снабжения некоторых школ книгами; кроме того, – как отмечено далее, – он просит снабдить его лично книгами для раздачи подобно тому, как в первую поездку»⁶. По его просьбе в ряд школ были высланы книги и в члены приняты указанные им лица. М. И. Семевскому была вынесена благодарность. Не менее активно он включился и в попытку Комитета изучить народно-го читателя и читательские запросы. Хотя, как отметил В. Б. Банк, конец 1850-х – начало 1860-х гг. – время, когда о народном читателе много говорили и писали, но преимущественно в плане догадок и априорных суждений, на практике же были сделаны лишь только пер-

¹ Протопопов Д. Д. История Санкт-Петербургского комитета грамотности, состоявшего при Императорском Вольном Экономическом обществе (1861 – 1895). СПб., 1893. С. 274.

² Здобнов Н. В. Из истории русской библиографии до начала XX в. М., 1955. С. 364.

³ Блюм А. В. Издательская деятельность Санкт-Петербургского комитета грамотности // Книга: Исследования и материалы. М., 1979. Т. 38. С. 99 – 117.

⁴ Занятия Комитета Грамотности. Прибавление к Трудам Императорского Вольного Экономического общества. Вып. 2. 1863. № 2. С. 57. Отд. отд.

⁵ Занятия Комитета грамотности... С. 50.

⁶ Занятия Комитета грамотности... С. 156.

вые шаги. У истоков этого изучения и стоял Комитет грамотности¹. В. Б. Банк отметил также и то, что сведений получили немного, корреспонденты либо не располагали таковыми, либо не умели их собирать². Комитет же никаких рекомендаций не давал. Единственным руководством к действию стала статья Л. Н. Толстого «О значении описаний школ и народных книг», напечатанная в первом номере за 1862 г. журнала «Ясная поляна». Писатель поставил задачу изучать читателя в сельской школе и через ее посредство. Он сформулировал целый ряд вопросов, среди которых стоял и вопрос о том «какие книги распространены в народе, какие книги он любит и читает более других?»³. М. И. Семевский явно руководствовался этой программой. Для выявления репертуара чтения он не только собирал сведения путем опроса, но даже провел эксперимент. Летом 1863 г. он открыл в своем поместье Федорцово школу для крестьянских детей. В это время он остановился в родном доме для отдыха и работы, сводил статистические данные и писал пояснительный текст к отчету. «...В ней (школе – О. К.) перепробовал на практике, – как отметил он в примечании к отчету, – несколько способов обучения грамоте... Когда уже некоторые дети на втором месяце обучения стали читать, я стал давать им лучшие, по моему мнению, статейки из богатого запаса книг для народного чтения, которые были у меня в распоряжении. Откровенно скажу, что ничего не читалось детьми так легко, ничего не пересчитывалось ими так скоро, как яснополянские книжечки⁴. Любопытно, что пересказ детей, после одного даже прочтения книжечки, бывал от слова до слова, до такой степени прост и естественен язык этих книжечек»⁵. Удачной, по его мнению, была также книга «Первое чтение для крестьянских детей. Составлено теткой Настасьей» (М., 1861). Так М. И. Семевский получил первый опыт изучения читательского спроса, опыт немаловажный для будущего редактора⁶.

¹ Банк В. Б. Изучение читателей в России (XIX в.). М., 1969. С. 40.

² Банк В. Б. Изучение читателей... С. 30.

³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. В 90 т. Т. 8. М., 1936. С. 26.

⁴ Имеются ввиду «Русские книги для чтения (1 – 4)» Л. Н. Толстого (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 13 – 233).

⁵ Семевский М. И. Грамотность в деревнях государственных крестьян Псковской губернии в 1863 г. СПб., 1864. С. 68.

⁶ В дальнейшем М. И. Семевский любил изучать опытным путем, насколько доступно содержание книг для народа. Так в 1873 г. в рецензии на «Книгу для чтения» (СПб., 1872) В. И. Водовозова отметил, что на практике убедился в нецелесообразности включения некоторых рассказов, т. к. ученики не понимали их содержания (Народная школа, 1878. № 12. С. 20 – 21). Вопрос этот занимал

Сведений о деятельности М. И. Семевского в Комитете в последующие годы обнаружить не удалось, возможно, что он и не принимал сколь-либо значимого участия, и причиной тому могла быть не только его занятость, но и изменения в деятельности самой организации. После 1866 г. Комитет перестал быть «живой организацией», его деятельность получает все более консервативный характер¹. Такая организация не могла привлекать энергичную натуру М. И. Семевского.

Санкт-Петербургское педагогическое общество, или как оно первоначально именовалось Педагогическое собрание как общественная организация было учреждено по инициативе ведущих педагогов города и состояло, в основном, из директоров, инспекторов и преподавателей гимназий. Организационное заседание было проведено 11 октября 1859 г. по предложению П. Г. Редкина, И. И. Паульсона и А. А. Чумикова² на квартире последнего. С 23 января 1860 г., с восьмого заседания, когда было получено разрешение от попечителя Санкт-Петербургского учебного округа И. Д. Делянова, собрания

М. И. Семевского не только на уровне народного чтения. В 1861 г. он интересовался у М. Н. Бестужева, какие журналы и газеты получали местные жители в Селенгинске (Воспоминания Бестужевых / ред., ст. и коммент. М. К. Азадовского. М.:Л., 1951. С. 441). О популярности журнала «Время» писал Н. Н. Страхову из Великих Лук 31 декабря 1862 г. «...Ф. М. и М. М. Достоевским, пожалуйста, передайте мой искренний поклон. Журнал их везде читался с удовольствием, даже мелкие купчики в лавках по городам – кто выписывает, а кто, например, платит по десять копеек переплетчику-жиду – и тот дня по два, по три ссужает их помещичьими экземплярами, которые ему отданы в переплет...» (ЛН. Т. 86. М., 1973. С. 388).

¹ Диксон К., Кетриц Б. Санкт-Петербургский комитет грамотности. Исторический очерк: 1861 – 1911. СПб., 1911. С. 11, 16.

² Редкин П. Г. (1808 – 1891) – профессор Московского и Санкт-Петербургского университетов, принимал участие в издании «Журнала для воспитания». Ему принадлежит идея создания в России Петербургского педагогического общества (был первым его председателем) и Петербургского Фребелевского общества (1871).

Паульсон И. И. (1825 – 1898) – педагог (преподавал словесность в петербургских школах), специалист в области начального обучения. Основатель и редактор-издатель журнала «Учитель». Организатор Петербургского педагогического общества (секретарь) и Петербургского Фребелевского общества (1871) и курсов при нем.

Чумиков А. А. (1819 – 1902) – педагог, писатель. Основал «Журнал для воспитания» (1857), автор ряда работ по первоначальному обучению.

проходили в помещении 2-ой гимназии два раза в месяц¹. На первом заседании присутствовало всего 18 человек², но скоро собрания стали широко известно и в первые годы работы в общество входило 214 человек, в том числе 15 дам³. Протоколы начали печатать только с 30 ноября 1862 г., после утверждения А. В. Головным новой инструкции о Собрании, на страницах педагогических журналов: «Народная школа», «Журнал Министерства Народного Просвещения», «Учитель», «Журнал для родителей и наставников»⁴. Эти публикации и по сей день являются важнейшими источниками по истории Общества. Статус официальной организации был получен в 1868 г., а спустя 11 лет, 11 декабря 1879 г. оно было закрыто.

Начало историографии Общества было положено «Обзором деятельности Петербургского собрания с 1859 по 1867 гг.», составленным Ф. Н. Медниковым, редактором – издателем журнала «Народная школа» и М. И. Семевским⁵. Второй обстоятельной работой, посвященной этому вопросу, стала статья Н. Зикеева, вышедшая в 1938 г.⁶ Автор сосредоточил свое внимание на событиях 1868 г., когда общество получило официальный статус и новое название. Н. Зикеев впервые использовал дела, обнаруженные им в архиве III отделения и опубликовал значительные выдержки из этих документов, в частности, филерскую справку по поводу принятия устава и придании Обществу статуса официальной организации, дело о его запрещении. Общие же выводы соответствовали времени написания статьи – Общество стремилось внести в педагогический

¹ **Терлецкий В. В.** Материалы о деятельности К. Д. Ушинского в Санкт-Петербургском педагогическом обществе и Литературном фонде // Новое об К. Д. Ушинском: исследования и материалы о жизни, деятельности, педагогическом наследстве: межвуз. сб. науч. тр.. Вып. 139. Ярославль. С. 76; Учитель. 1862. Т. 2. С. 1186.

² **Семенов Д. Д.** Очерк педагогической деятельности Иосифа Ивановича Паульсона // Вестник воспитания. 1898. № 6. С. 94.

³ **Зикеев Н.** К истории возникновения Петербургского педагогического общества // Советская педагогика. 1938. № 11. С. 94.

⁴ Все статьи, появившиеся в годы существования Общества, как правило были написаны членами общества: Чумиков А. А. «Необходимость и польза педагогического общества» (Воспитание. 1860. № 5. С. 359 – 368); **Водовозов В. И.** «Санкт-Петербургское педагогическое общество» (ЖМНП. 1863. Ч. XVIII, отд. III. С. 121); [Плещеев А. Н.] «Санкт-Петербургское педагогическое общество» (Отечественные записки. 1869. № 11 С. 134 – 136).

⁵ Летопись СПб ПО. 1869 / Приложение к журналу «Народная школа». С. 1 – 9.

⁶ **Зикеев Н.** К истории возникновения... С. 92 – 97.

процесс демократическую струю, но царское правительство удушило это начинание. В 1999 г. эти же архивные материалы III отделения были использованы В. И. Порохом в монографии о М. И. Семевском, без ссылки на публикацию Н. Зикеева¹. В 1959 г., спустя почти сто лет после появления первого исследования, В. Я. Струмилин констатировал, что материалы Общества «остаются доселе не собранными и не изученными. Большой коллективной работе петербургского учительства... до сих пор не подведены надлежащие итоги»². И хотя через год появилась брошюра И. М. Нефедовой³, по справедливому замечанию В. В. Терлецкого, это исследование – «шаг вперед, но не решение этого вопроса»⁴. И. М. Нефедова опиралась в своем труде на материалы периодических изданий, и поэтому почти не раскрыла сущность тех проблем, которые обсуждались Педагогическим обществом и позиции членов, поскольку такой информации опубликованные протоколы не содержат. Следующий шаг был сделан В. В. Терлецким. Расширив круг источников (использовал материалы архива В. А. Половцова⁵) он достаточно полно осветил деятельность К. Д. Ушинского в Обществе.

Тем не менее изучение истории Общества далеко от завершения. Факты из биографии М. И. Семевского, одного из активных членов Общества, позволят продвинуться в решении вопроса еще на один шаг.

Все эти годы М. И. Семевский принимал самое деятельное участие в работе Педагогического собрания, и даже стал официальным его историографом. Членом же педагогического кружка, из которого и выросла организация, он становится до начала первого публичного заседания в январе 1860 г. во 2-ой гимназии, судя по воспоминаниям Д. Д. Семенова, в то же время, когда и К. Д. Ушинский, В. И. Водовозов⁶. Начиная с 1862 г. можно достаточно полно проследить характер и степень участия М. И. Семевского в деятельности Общества. Уже в

¹ Порох В. И. Офицер... С. 71.

² Струминский В. Я. П. Г. Редкин – русский педагог второй половины XIX в. // Редкин П. Г. Избранные педагогические сочинения. М., 1959. С. 30.

³ Нефедова И. М. Петербургское педагогическое общество. Фрунзе, 1960.

⁴ Терлецкий В. В. Материалы о деятельности К. Д. Ушинского... С. 75.

⁵ Половцов В. А. (1803 – 1866) – писатель, педагог, составитель ряда учебников русской словесности («Русская грамматика для русских»). Член Комитета грамотности. Брат А. А. Половцова.

⁶ Семенов Д. Д. Очерк педагогической деятельности Иосифа Ивановича Паульсона... С. 94.

первом опубликованном протоколе от 3 ноября 1862 г. он предложил тему для доклада – «желал изложить и обсудить в педагогическом собрании» – «О книгах для первоначального чтения с местным характером»¹, что было результатом инспекции по Псковской губернии. Именно в начале ноября он вернулся в Петербург и в письме к О. И. Малевичу от 11 ноября писал: «сдал в Министерство первую часть моего отчета о нуждах школ города Пскова...»². В те же дни присутствовал на заседаниях, но в январе 1863 г. перенес доклад на неопределенное время, судя по всему, он так и не состоялся³.

7 октября 1863 г. он сделал новую заявку на выступление с намерением: «сообщить сведения о положении грамотности временно-обязанных крестьян в некоторых уездах Псковской губернии, собранные им на месте»⁴. Сообщение состоялось 17 и 21 октября 1863 г. и получило полное одобрение собрания, а также вызвало желание и других членов общества сделать доклады на аналогичные темы. Изучение состояния школ так увлекло М. И. Семевского, что в 1864 г. он предложил еще одну тему Педагогическому собранию – «представить на обсуждение... перечень тех вопросов, которые, по его мнению, должны входить в программу исследований о состоянии сельских школ и развития грамотности в народе»⁵. М. И. Семевский предлагал продолжить то, начало чему положил Л. Н. Толстой.

Вслед за успехом, последовали неприятности. В Журнале «Учитель» № 11 – 12 за 1864 г. появилась заметка некоего Е. Стрельцова из деревни Пеники Псковской губернии по поводу статьи М. И. Семевского о псковских школах, в которой ему было предъявлено обвинение в некомпетентности и незнании тех мест и школ, о которых помещены материалы. Сами публикации не были названы, но это заметки из газеты «Голос»⁶. «Перед нами теперь статьи г. Семевского, ... свидетельствующие о том, с какой осторожностью нужно верить рассказам странствующих педагогов и собирателей статистических данных» – писал корреспондент⁷. Предметом обвинения стали – учитель Матвей Гаврилович Суворов, который получил благодаря хло-

¹ Уч. 1862. № 2. С. 1186.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 239, л. 28.

³ Уч. 1863. № 4. С. 19.

⁴ Уч. 1864. № 1. С. 16.

⁵ Уч. 1864. № 6. С. 245.

⁶ **Семевский М. И.** Мариинское женское училище во Пскове // Голос. 1863. № 83. 85, 86.

⁷ Уч. 1864. № 11 – 12. С. 460.

потам М. И. Семевского при поддержке барона М. О. Косинского возможность выучиться на фельдшера и В. А. Золотов, командированный для обозрения народных училищ на юге России и широко пропагандировавший среди местной «интеллигенции» идею народных школ, а также М. А. Дондукова-Корсакова, открывшая учительскую школу в своем поместье селе Буреги в Порховском уезде. «Нет! Мы крепко подозреваем, что г. Семевский писал все вышеприведенные строки с чужих слов» – писал далее корреспондент, подозревая, что автор лично учебных заведений не видел¹. Был задет не только М. И. Семевский, но и люди, которых он уважал. Василий Андреевич Золотов, по его мнению, человек «добрый, кроткий, беззаветно преданный делу народного образования», долгие годы был директором «Дома призрения малолетних бедных Императорского Человеколюбивого Общества». «В 1860-х годах имя Золотова с чувством уважения и признательности произносилось повсюду в России, – писал М. И. Семевский в некрологе о нем. – Не было города, волости, не было деревни – куда бы ни проникли его азбуки, его объяснения, столь понятные и доступные способы обучения грамоты»². В альбоме автографов М. И. Семевского «Знакомые» В. А. Золотов оставил несколько записей. В 1879 г.: «Педагог Василий Андреевич Золотов, родившейся в Москве в 1804 г., воспитывался в Ришельевском лицее в Одессе, потом закончил свое образование в Московском университете. Начал свою педагогическую деятельность с 19-го февраля 1824 г.; обратился к распространению грамотности в народе с 1855 года, что продолжает и до сих пор»³. В конце своей жизни, в 1882 г. (год смерти), он сделал следующую запись: «посетил многоуважаемого М. И. Семевского и говорил о том, как трудно бороться с невежеством; особенно в деле образования никакой труд не ценится, да и не может цениться, потому что слепые о цвете рассуждать не могут»⁴. М. И. Семевский познакомился с В. А. Золотовым в 1862 г. и не прерывал отношений до конца жизни последнего. М. А. Дондукова-Корсакова, помещица Порховского уезда Псковской губернии превратила свое поместье Буреги в центр благотворительности. М. И. Семевский в заметке, помещенной в газете «Голос», с умилен-

¹ Уч. 1864. № 11–12. С. 461.

² [Семевский М. И.] Василий Андреевич Золотов. [Некролог] // РС. 1883. № 1. С. 178.

³ Знакомые: Альбом М. И. Семевского, издателя – редактора исторического журнала «Русская старина». СПб., 1888. С. 82.

⁴ Знакомые: Альбом М. И. Семевского ... С. 103.

ем описал школу для крестьянских детей и для сельских учительниц, последняя, правда, просуществовала недолго. Но сама идея не погибла, и М. А. Дондукова-Корсакова содействовала появлению такой же школы в Петербурге под эгидой Комитета грамотности. Она была учреждена при Пятой гимназии при содействии В. А. Половцова. Но и этой школе не суждено было долго просуществовать. В статье К. Диксона и Б. Кетрица, посвященной деятельности Комитета грамотности, указана дата создания – 1865 г.¹, но видимо, была открыта в 1864 г. Так в дневниках В. А. Половцева за 1864 г. отмечено: «написал я сегодня сведения о школе для Семеvского – живо!»². М. И. Семеvский писал о школе в Петербурге, с делами которой был хорошо знаком, упрек был напрасным и обидным. Он ответил на статью Е. Стрельцова резкой отповедью, закончив фразой: «Будьте уверены, всякие намеки, вроде сделанных вами, не вызовут опровержения; на них один ответ – презрение»³. На изложении этого, казалось бы, незначительного эпизода следовало остановиться, т. к. в том же номере, где были помещены ответы М. И. Семеvского, появилась еще одна статья – редакционная, автором ее был Иосиф Иванович Паульсон (1828 – 1899). Редактор журнала «Учитель» с 1862 по 1871 гг., автор «Книги для чтения», учебника, достаточно распространенного в школах России, он имел частную элементарную (т. е. начальную) школу в Петербурге и управлял Санкт-Петербургской учительской семинарией; был признанный авторитет в педагогическом мире⁴. И. И. Паульсон, человек несдержанный по отношению к своим оппонентам⁵, обвинил М. И. Семеvского во лжи: «На многие, приведенные в статье г. Семеvского факты мы с самого начала смотрели с некоторым недоверием. Недоверие это внушали нам прежние исторические статейки г. Семеvского, в которых он со многими фактами обращался весьма – как бы это сказать поучтивее ... ну скажем хоть по-французски –

¹ Диксон К., Кетриц Б. Санкт-Петербургский Комитет грамотности... С. 19.

² РНБ. Ф. 601, д. 134, л. 150.

³ Уч. 1864. № 13 – 14. С. 618.

⁴ Белявский А. Исторический очерк элементарной школы в биографиях замечательных педагогов и по уставам правительства. СПб., 1905. С. 95.

⁵ Д. Д. Семенов отметил, что в «обращении И. И. Паульсона с другими людьми замечались какая-то холодность, некоторая жесткость и педантизм» (Семенов Д. Д. Очерк педагогической деятельности Иосифа Ивановича Паульсона... С. 115). «Ушинский очень недолюбливал Паульсона за его чересчур авторитетный и самоуверенный тон и в компании знакомых нередко острит над этой чертой его характера» – писала Е. И. Водовозова-Семеvская (Водовозова-Семеvская Е. И. Житейские невзгоды // Голос минувшего. 1923. № 1. С. 60).

cavalierement»¹. На самом деле причина конфликта, произошедшего между И. И. Паульсоном и М. И. Семевским, была иной, чем недоверие маститого педагога к своему начинающему коллеге в справедливости сообщаемых им сведений. В педагогических кругах, начиная с конца 1850-х гг., шла острая дискуссия о том, какой должна быть школа разных уровней, и, прежде всего, народная школа. М. И. Семевский принадлежал к оппонентам И. И. Паульсона. Оценив ситуацию в Псковской губернии по собственным впечатлениям, пришел к выводу, что учитель из отставных солдат, писарей и приказчиков на практике больше сделает для того, чтобы вывести народ из оков «мрака и невежества»², потому что в настоящее время он реально действующее лицо, более важное чем дискуссии о том, как готовить учителей. Обследование Псковщины показало также, что грамотность среди женского населения существовала почти исключительно в южной и юго-западной частях Опоченского уезда, и прежде всего, благодаря подвижнической деятельности М. А. Дондуковой-Корсаковой³. Точка зрения М. И. Семевского не была оригинальной, ее разделяли многие прогрессивные педагоги. Так В. И. Водовозов в статье о воскресных школах в 1862 г. писал: – «Нет сомнения, что образовывать учителей из лиц, наиболее обращающихся в среде народа, – дело первостепенной важности. Они могут распространять грамотность по деревням и селам, чего никак нельзя ожидать от наших патентованных педагогов (подчеркнуто мною – О. К.). Но скажут: возможно ли, чтобы какие-нибудь ремесленники, солдаты, мещане могли способствовать развитию масс, когда они сами так неразвиты? До развития, конечно еще далека песня. Наше дело, выбрав людей наиболее смысленных из простого звания, указать им правильный метод в обучении грамоте, чего достигнуть не так трудно. А к распространению правильных понятий в народе послужат книжки»⁴. И в Санкт-Петербургском Комитете грамотности, членом которого был М. И. Семевский, в начале 1860-х гг. ставился вопрос об обучении народа через волостных писарей или отставных солдат с целью удешевления процесса⁵. М. И. Семевский выступил как прагматик, пред-

¹ Уч. 1864. № 13-14. С. 618.

² РС. 1883. № 1. С. 178.

³ Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России: 1856 – 1880. СПб., 1901. С. 405.

⁴ Водовозов В. И. Избранные педагогические сочинения. С. 409.

⁵ Диксон К., Кетриц Б. Санкт-Петербургский комитет... С. 10.

лагающий реальный путь решения проблемы обучения – для настоящего времени, в данных условиях, а не в отдаленном будущем.

Дискуссионным был вопрос и о том, как готовить учителей для народных школ. В ходе дискуссии сформировались мнения противоположных партий – теоретиков и практиков. Теоретики создавали некую идеальную модель школы и системы подготовки учителей. Практики, понимая, что эта система сможет начать действовать в достаточно отдаленном будущем, считали на определенное время положительной частную инициативу в открытии школ для народа, хотя бы и не идеальных с точки зрения формы школы и качества подготовки учителей. Кстати, наиболее распространенная модель сельской школы, ставшая для России классической (3 отделения, 3 зимы, один учитель) еще не сложилась даже в понимании Н. А. Корфа, ее автора¹. И. И. Паульсон перевел дискуссию с М. И. Семевским в область чистой теории и заклеймил его как бюрократа. «Истинный бюрократ, – писал И. И. Паульсон, – как бы он ни был гуманен, никогда не почтет простолюдина даже за равного себе человека; как бы он ни благоволил к так называемому простому народу, как бы он ни был расположен к нему, народ этот в его глазах все-таки останется не более как «меньшею братиею». Поэтому, желая ему, хотя бы от всей души, образования, бюрократ под этим разумеет совсем не то образование, которым пользуется, например, его сын, а нечто вроде суррогата... Потому он не требователен в отношении к народному учителю: им может быть всякий мало-мальски грамотный и даже полуграмотный парень...» То же и в отношении подготовки учителей. Бюрократ полагает, «что приготовить учителей и учительниц для народа, – продолжал И. И. Паульсон, – может всякий, имеющий только добрую волю и желание пожертвовать временем и материальными средствами»².

Дискуссия эта, начатая в стенах Педагогического общества и вылившаяся в статьи на страницах журнала «Учитель», была продолжена спустя годы в стенах Городской Думы, где оба оппонента выступали в качестве членов Училищной комиссии (М. И. Семевский – гласный, член комиссии, И. И. Паульсон – эксперт по учебной части при той же комиссии). Эта дискуссия имела и непосредственное следствие – в протоколах Педагогического общества за 1865 и 1866 гг. имя М. И. Семевского не встречается.

¹ Белявский А. Исторический очерк... С. 102.

² Уч. 1864. № 13 – 14. С. 619.

В 1867 г. – время, когда М. И. Семевский вновь активно работает в Обществе, принимает участие в обсуждении рефератов, посвященных преподаванию истории: весной – г. Шалфеева «Отечественная история, как предмет общеобразовательного курса» и осенью – И. И. Белярминова «О нравственном предмете в преподавании истории». В подтверждении своей позиции, высказанной в ходе дискуссии по проблемам, поднятым в рефератах, он дает два урока: весной – «Россия в XI – XII вв.» и осенью – «Петербург в 1762 г.»

М. И. Семевский дает показательные уроки в Петербургском Педагогическом обществе, как это делали учителя-практики – М. О. Косинский, Д. Д. Семенов, В. И. Водовозов и др.¹ Продолжая преподавать в Таврической школе и, возможно, в других учебных заведениях подобного рода, он задумал в эти годы написать учебник по истории. Эти стремления поддержал К. Д. Ушинский. В письме 5 февраля 1864 г. из-за границы писал: «...Я уверен, что это сделается, и что мое желание сбудется, и вы подарите детей наших хорошими учебниками по русской истории. Как (не)велика у нас страшно педагогическая литературная деятельность по отечествоведению вообще и по истории в особенности! [...] Право, обратитесь на этот путь! Это полезно для вас и для всех»². М. И. Семевский усиленно работал над учебником, на практике выверял темы и порядок изложения отдельных уроков. Заметим, что он с января 1864 г. на государственной службе в Государственной канцелярии, в декабре 1864 г. «произведен за отличие в титулярные советники», в 1867 г. получил чин коллежского ассессора³ и с проблемами педагогики связан только как общественный деятель. Решение написать учебник – свидетельство того, что интерес к делу был действительно серьезным.

Некоторое представление об уроках, предложенных М. И. Семевским на обсуждение Педагогического общества, дают «Конспекты лекций по русской истории», «Лекции, читанные в Александровском институте Смольного монастыря», а также наброски выступления и пометки о замечаниях по лекции «Москва в конце XVII в.», прочитанной в Педагогическом обществе в 1868 г.⁴ М. И. Семевский не писал полных текстов своих уроков и выступлений, их заменяли весьма своеобразные тезисы, со ссылками на источники, перечнем дат и имен, а также вопросов для учеников и риторических, на кото-

¹ Уч. 1865. № 19 – 20. С. 754.

² Ушинский К. Д. Педагогические сочинения... Т. 1. С. 465.

³ РНБ. Ф. 708, д. 911.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 14, 15.

рые отвечал сам учитель. Следует отметить, что громкое именование «лекцией» занятий в среднем учебном заведении М. И. Семевский употреблял только как общее, не соотнося его с типом урока. Сам же принятый им тип урока он определял как «беседа» – «беседа из русской истории»¹. Он учитывал серьезные различия в изложении материала в рамках элементарного курса (младшие классы), явно рассчитывая на восприятие ребенка, и систематического (старшие классы) – изложение более цельное и научное. В ходе рассказа использовал изобразительный ряд. Так в завершении лекции о «Москве в XVII в.» «показал собранно некоторые изображения конца XVII в.: как-то костюмов тогдашнего времени, портреты русских деятелей того времени, виды Москвы, изображения некоторых царей и проч.»². Из конспектов видно, что М. И. Семевский стремился выделить главное, стержневые факты, избегая подробности изложения материала. Он предлагал ученикам для размышления вопрос: «К чему ведет пустое заучивание имен и годов, без ясного представления характера лица и событий?»³. Далее, останавливаясь на периоде феодальной раздробленности (М. И. Семевский такой термин не употреблял) следующим образом формулировал учебную задачу: «Только самые типичные князья, т. е. представители своего времени, с хорошей и дурной стороны, должны вызывать наше внимание. Блеснуть заучиванием кучи имен князей с их междоусобицами, местами сражений, годами их и проч.» считал ненужным⁴. Изложение светской истории и истории церкви и духовенства велось параллельно. М. И. Семевский действительно широко использовал источники, цитируя их. Так, в лекции о Москве он опирался на воспоминания И. Г. Корба⁵, в лекции об Ива-

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 15, л. 9.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 15, л. 67.

³ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 14, л. 3. – Скорее всего, этот тезис был неоригинален, позаимствован из учебника Н. Г. Устрялова, считавшегося в числе обязательных учебных пособий, по которому учился и сам М. И. Семевский. В замечаниях для преподавателя Н. Г. Устрялов выступал против «механического изучения множества имен и дат», что, по его мнению, обременяет память и «ни мало не способствует развитию мыслящей способности» (Устрялов Н. Г. Руководство к первоначальному изучению русской истории. Изд. 8. СПб., 1845. С 121).

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 14, л. 17.

⁵ М. И. Семевский, вероятно, первоначально пользовался французским изданием, которое было в его библиотеке. В 1866 г. он опубликовал русский перевод, выполненный им совместно с Б. Женевым. (Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гвагента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю московскому, Петру первому, в 1698 году, веденный секретарем

не IV на «Акты Археографической комиссии»¹, сочинения А. Курбского². Применение литературных произведений в лекции об Иване Грозном – выразилось в использовании стихов А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. М. И. Семевский и в последующие годы продолжал выступать с учебными лекциями в Педагогическом обществе: так в 1868 г. он прочел уже упоминаемую лекцию «Москва в конце XVII в.», в 1869 г. две лекции по русской и одну по всеобщей истории³ и по истории педагогики, предметом выступления стало учение А. Каменского⁴. Сам М. И. Семевский полагал, «что они (лекции – О. К.) не представляют что-либо особенное по содержанию, но ... считает их бесполезными»⁵. Собрание каждый раз выражало полное свое одобрение⁶.

В целом у М. И. Семевского, как можно судить и по протоколам Общества и по отдельным замечаниям в письмах, рецензиях, литературных заметках, сложилась четкая педагогическая концепция, которую можно свести к следующим тезисам:

1. «В основу преподавания отечественной истории должна быть положена историческая правда». Преподавание не должно противоречить целям исторической науки⁷.

Требования к преподавателю:

2. Должен быть «знаком со всеми последними выводами науки, хотя необязательно знать путь, которым они получены»⁸.

3. Качество преподавания зависит от таланта педагога: «даровитый преподаватель сделает... курс интересным»⁹.

Цель преподавания:

4. «Развитие любви к русской исторической старине и стремление заниматься ею»¹.

посольства Иоанном Георгом Корбом / пер. с латинского Б. Женева и М. Семевского // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1866. Кн. 4. С. 1–12; 1867. Кн. 1. С. 123 – 206; Кн. 3. С. 207 – 382).

¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической комиссией Императорской Академии наук. Т. 1–4. СПб., 1836 – 1838.

² Сказания князя Курбского. Ч. 1–3. СПб., 1833.

³ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 14, л. 67, 98, 113, 146.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 14, л. 93.

⁵ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 14, л. 66.

⁶ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 14, л. 67.

⁷ Уч. 1867. № 1 – 4. С. 45.

⁸ Уч. 1867. № 1 – 4. С. 45.

⁹ Уч. 1867. № 1 – 4. С. 43.

5. «Вселить в учащихся любовь к разработке и охранению исторических памятников»².

6. Преподавание истории «должно образовывать в учащихся трезвый и ясный взгляд на прошлые судьбы отечества, для совершенно ясного понимания настоящего ее состояния»³.

7. «Вызвать в ученике... самостоятельность мысли». Это положение не нашло отражение при обсуждении реферата, но упоминалось М. И. Семевским достаточно часто. Например, в рецензии на учебник по литературе В. И. Водовозова, он писал, что заслугой автора является именно умение «заинтересовать и вызвать работу мысли»⁴.

Методы:

8. Доступность изложения.

9. Регрессивный метод: «Следует обратить внимание сперва на историю ближайших эпох и потом, если позволит время и учебный материал, изучать другие»⁵.

10. «Надо дать место положительному и отрицательному методу, соблюдая, разумеется, надлежащую осторожность» (не пропускать Святополка Окаянного и Ивана Грозного). «При этом следует заботиться, чтобы учащиеся не становились легкомысленными судьями недостатков народной жизни, а усвоили бы историческую точку зрения»⁶.

11. Обосновывал необходимость наглядности преподавания: «Чтение [в курсе – О. К.] поэтических произведений, могущих служить к разъяснению исторических явлений»⁷.

12. Использование летописей, с той же целью, «для наглядности преподавания». «В своей педагогической практике преподавания отечественной истории, – писал М. И. Семевский в набросках к мемуарам, – я не иначе преподавал ее, как опираясь на примитивные, т. е. первоначальные данные к излагаемым событиям»⁸.

¹ Уч. 1867. № 1 – 4. С. 45.

² Уч. 1867. № 1 – 4. С. 45.

³ Уч. 1867. № 1 – 4. С. 45.

⁴ **Семевский М. И.** Рец. на кн.: Новая русская литература: От Жуковского до Гоголя включительно / составил В. И. Водовозов. СПб., 1870 // РС. 1871. Т. 3. Обложка.

⁵ Уч. 1867. № 17. С. 44.

⁶ Уч. 1867. № 1 – 4. С. 45, 46.

⁷ Уч. 1867. № 1 – 4. С. 46.

⁸ **Тимошук В. В.** Михаил Иванович Семевский... С. 18.

13. Наличие конспекта или пособия для учащихся. В 1877 г. М. И. Семевский, вспоминая свое выступление в Педагогическом собрании, писал: «Урок преподавателя непременно должен сопровождаться значительно подробнейшими объяснениями, – разумеется, насколько позволяет объем курса, – для того, чтобы этими подробностями более и более заинтересовать своих слушателей, так сказать, втянуть их в интерес самого дела, заставить их полюбить предмет; но за всем этим я всегда говорил, что особенно в средних учебных заведениях, где на мальчика обрушивается лавина предметов, где у него усчитаны не только часы, но и минуты, положительное варварство, – не помочь этим юношам (от 12-ти до 15-ти лет), не дать им какого-нибудь пособия, хотя бы в виде конспекта, на который, при изучении предмета, они могли бы опереться; затем только в пределах этого конспекта или учебника и можно требовать от них ответов, разумеется, вознаграждая своим вниманием и поощрениями тех, которые будут усваивать подробности, дополняющие учебник»¹.

14. Отсюда вытекает еще один тезис – посильность предлагаемого материала и по объему и по характеру изложения. В уже упомянутом выступлении 1877 г. он отмечал, что в «тупости» учеников часто повинен учитель, «виновато неумелое отношение..., неспособность снизить до уровня малой, по возрасту, аудитории, и из обширнейшего запаса знаний по своему предмету неуменье взять только небольшую долю, из которой, опять-таки, быть может, лишь сотую он обязан оставить в формирующейся голове своего ученика-подростка»².

Обращаясь к содержанию вышеприведенной цитаты в тезисе 13, являющейся отражением нескольких позиций, следует обратить внимание на такой прием преподавания, как постоянное расширение и углубление информации, «чтобы этими подробностями более и более заинтересовать слушателей, так сказать втянуть в интерес самого дела» (подчеркнуто мною – О. К.). Если здесь слово слушателей заменить на читателей, то по сути своей – это один из приемов, по которому М. И. Семевский будет создавать композицию каждого тома «Русской старины». В журнале не было строго закрепленных отдельных рубрик, переходящих из номера в номер. М. И. Семевский, как

¹ Семевский М. И. Об исключении и увольнении воспитанников из учебных заведений // Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... Приложение. С. 48.

² Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 52.

он указывал в первом программном обзоре журнала, стремился «в одной и той же книге приурочить главные материалы к известной эпохе или к одной какой-то личности... Подобная одновременная совокупность материалов доставляет читателям возможность определить с большой точностью характер этой эпохи или той личности, о которой идет дело...»¹, т. е. как и учеников – «втянуть в интерес самого дела». Не менее важно и то, что М. И. Семевский к публикуемым материалам предъявляет требования как учитель: по объему, содержанию и приемам подачи материала на уроке. К читателям он относится как к «малой аудитории» по объему знаний, поскольку период новой истории (императорской) России был еще *terra incognita*, процесс осмысления исторических событий на уровне просвещенного обывателя еще только начался, только с середины XIX в. отмечается увеличение публикации источников и, чтобы привлечь внимание и к исторической науке и к своему журналу, М. И. Семевский стремился подбирать такие материалы, в которых значимость события, являясь основной побудительной причиной выбора, обязательно дополнялась качеством материала (занимательность изложения; ясность и образность языка, активная роль автора в описываемых событиях), чтобы прочитанное заинтересовало, запало в душу.

М. И. Семевский придавал истории большое воспитательное значение, и потому, по его мнению, «отечественная история должна стоять в общеобразовательном курсе на первом плане»². Этот взгляд, как отметила В. В. Тимошук, «на культурное назначение истории «как науки», ... выработанный в юности, руководил им и в его трудах по отечественной истории и издании им «Русской старины»³. В конце своей жизни, в 1891 г. отвечая на вопрос члена Совета Петербургского комитета грамотности М. М. Ледерле, собиравшего материалы о выборе книг для чтения подростков, писал: «...Возможно раннее (с 12 – до 14 лет) знакомство с историей, хотя бы в начале при посредстве, но, конечно, умело выбранных исторических романов, что теперь несравненно легче, чем сорок лет тому назад, при богатстве нашей и иностранной литературы, хороший выбор мемуаров (для 15 – 17 лет) и, наконец, лучших отечественных писателей-художников, вот что, по моему мнению, ведет к правильному развитию ума и

¹ РС. 1873. № 1. С. 3.

² Уч. 1867. № 1 – 4. С. 44.

³ Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 96.

сердца и включает в трудовую жизнь»¹. Даже в народной школе, по его мнению, исторические знания должны были занимать достойное место, особенно история нового времени. Об этом он неоднократно высказывался публично. Так, в рецензии на книгу для чтения В. И. Водовозова (СПб., 1872) отмечал, что существенным недостатком ее является то, что «о происшедшем после Петра I – ни слова; из периода допетровского – один Ермак Тимофеевич удостоился внимания автора». «Полагаем, – писал М. И. Семевский, – что не та или другая сельская школа в частности, а народная школа вообще, едва ли может удовлетвориться таким ничтожным знанием отечественной истории»².

В прениях по поводу реферата Шалфеева М. И. Семевский обобщал ряд положений, которые раскрывают его позицию как историка. Это касается, прежде всего, положения о регрессивном методе в преподавании, когда период новой истории становится ключевым в изучении предмета в целом, и ему уделяется большее внимание. Подобная точка зрения противоречила идеям тех ученых, которые видели в начальном периоде истории код к расшифровке всех последующих событий и процессов. Она может быть представлена тезисом М. П. Погодина: «История всякого государства есть не что иное, как развитие его начала [...] Начало государства есть самая важная, самая существенная часть, краеугольный камень его истории, и решает судьбу его на веки веков»³. Сторонники этой научной идеи доказывали, что курс русской истории в школе должен ограничиваться только ранним периодом, последующее ученики освоят сами. В связи с выходом в свет в начале 1860-х гг. почти одновременно нескольких учебников, этот вопрос дискутировался и на страницах прессы. Так, И. Белов категорично заявлял, что «тот историк, который помещает в своей книге описание современных событий, может называть себя кем угодно, только не историком»⁴. М. И. Семевский придерживался иной точки зрения и в ходе дискуссии утверждал, что «большая дос-

¹ Цит. по: **Тимошук В. В.** Михаил Иванович Семевский... Предисловие. С. VIII – IX.

² **Семевский М. И.** Несколько слов о книге для чтения г. Водовозова // Народная школа. № 12. С. 20.

³ Цит. по: **Барсуков Н. П.** Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1903. Кн. 17. С. 275, 279.

⁴ **Белов И.** Учебники по истории и географии // Русский инвалид. 1864. 31 января. Прибавление к № 3. С. 5.

тупность детям ближайшего к ним»¹ позволяет доходчивей объяснить события современной истории и через современную историю события прошлого.

В ходе дискуссии М. И. Семевский высказал свои воззрения и на вопросы методологии истории. Он выступил с резкой критикой общепринятого в те годы принципа изложения истории по биографиям выдающихся личностей. «При биографических очерках, – утверждал он, – придется голословно осуждать или хвалить, тогда как при очерках, названных культурными, можно ввести детей в эпоху прошедшего»². Целесообразность отхода от биографического метода ощущалось в это время даже его сторонниками. Так, директор Петербургской гимназии Г. Видеман в пособии по истории для начальных классов, хотя и утверждал, что «биография, как вообще принято, должна составлять основание первоначального преподавания», вынужден был «связать отдельные биографии, на сколько это возможно, соответственными историческими фактами и этим подсластил... горькую хронологическую пилюлю»³.

Что стояло за понятием «культурные очерки»? Разъясняя свою позицию, М. И. Семевский отмечал, что использовать этот прием следует как в элементарном, так и в систематическом курсах: «Расширив культурные очерки элементарного курса, свести их в систематический, в котором явления внешней жизни служили бы разъяснению внутренней (подчеркнуто мной – О. К.) и обратно»⁴. Помимо идеи о преемственности курсов, в этих словах заложена расшифровка подхода к научному прототипу взглядов М. И. Семевского. Они восходят к идеям Н. И. Костомарова, лекции которого посещал начинающий педагог в Петербургском университете в 1859 – 1861 гг. и в «вольном университете» в зале Городской думы в 1862 г. На всю жизнь он сохранил воспоминания о них: «Кто не помнит Н. И. Костомарова на кафедре профессора? Кто не помнит, как замирала нередко тысячная толпа (например, на публичных лекциях в 1862 г. в залах Городской Думы), обращаясь в слух и внимание, и над ней полудребезжащим, невозмутимо ровным голосом Костомаров мастерски живописал картины минувшего или обрисовывал характеристики тех, от кого зависела судьба русского народа в ту или другую эпоху его

¹ Уч. 1867. № 1 – 4. С. 45.

² Уч. 1867. № 1 – 4. С. 46.

³ Видеман Г. Руководство к первоначальному обучению истории, изложенное в форме биографий для низших классов гимназий. СПб., 1865. С. V.

⁴ Уч. 1867. № 1 – 4. С. 46.

истории»¹. И далее: «Отличительная черта этого громадного дарования – можно сказать – гения-историка, была необыкновенная отзывчивость на самые интересные, самые жизненные стороны истории русского народа». Заметим, что столь высоких оценок М. И. Семевский не давал ни одному из ученых.

«Н. И. Костомаров считал, что теперь, когда настало время изучать внутреннюю историю, только внешние явления политической жизни не могут составить историю народа, – констатировала научную концепцию ученого современный исследователь Р. А. Киреева. – Но и внутренняя история (история законодательства, учреждений, быта), если она оторвана от внешней, не достаточна для воссоздания истории народа, ибо и она является не жизнью народа, а только ее выражением»². В конспектах лекций, составленных для Смольного института, М. И. Семевский при перечислении источников на первое место поставил песни, сказки, пословицы, поговорки и только вслед за тем летописи³, в черновом варианте той же лекции выделил тезис «бытовая сторона», там же при изложении материала о князе Владимире записал: «Песни и былины о нем. Значение этих песен для истории»⁴. Тема «Волхвы и кудесники» сопровождалась вопросом «Почему они достойны любопытства при знакомстве с духом времени, с бытом народным?»⁵. Сюжет междоусобных споров князей дублировался вопросом: «В каком отношении любопытна для нас эта эпоха: со стороны ли князей, или беспрестанных усобиц, или в отношении быта народного?»⁶. Приведенных цитат достаточно, чтобы убедиться, что М. И. Семевский воспринял идеи Н. И. Костомарова. Изучение духовной, нравственной и умственной истории народа – основное направление научной деятельности Н. И. Костомарова⁷. «Исследование развития народной жизни – вот в чем состоит история народа, – утверждал он. – Тут основа и объяснение всякого политического события, тут проверка и суд всякого учреждения и закона»⁸.

¹ РС. 1885. Т. 46. С. 230.

² Киреева Р. А. Не мог жить и не писать: Николай Иванович Костомаров // Историки России: XVIII – начало XX века. М., 1996. С. 289.

³ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 15, л. 2.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 14, л. 1, 11 об.

⁵ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 14, л. 16.

⁶ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 14, л. 17.

⁷ Киреева Р. А. Не мог жить... С. 289.

⁸ Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. СПб., 1861. Ч. 1. С. 12.

Приверженность этой позиции М. И. Семевский подтвердил и тем, что в ходе дискуссии на замечание г. Шалфеева о недостаточности пособий по истории, назвал несколько, по его мнению, лучших, в частности работу В. И. Водовозова. Его «Рассказы из русской истории» привлекли внимание М. И. Семевского сразу по выходе в свет в 1861 г. и, в уже неоднократно упомянутом очерке «От Твери до Астрахани» он дал им высокую оценку: «Книга эта может служить прекрасным пособием при преподавании отечественной истории», и что особенно важно, это «первый опыт ввести в преподавание бытовую сторону истории, тщательно воспроизведенную по летописям и народным былинам»¹. Много позже в рецензии на книгу В. И. Водовозова «О том, как стал Петербург и откуда пошла русская наука» (СПб., 1870), заметил, что хорошо было бы в том же духе представить всю новейшую историю, «наконец даже Севастополь, везде рельефно очертив положение русского народа, и то участие, те жертвы, которые принес этот народ»².

Если идею приоритета проблем народного быта в исторических исследованиях М. И. Семевский позаимствовал у Н. И. Костомарова, то термин «культурная история» тот не употреблял, равно как и «культурные очерки». Слово «культура», пришедшее из немецкого в 1840-е гг., относительно широкое распространение в русском языке получило только в 1860 – 1870-е гг.; прилагательное же «культурный» – стало употребляться только с 1860-х гг.³. Так, например И. Е. Забелин в неопубликованной статье 1862 г. «Современные взгляды и направления в русской истории» употребил существительное «культура», связав «культурную историю» с разработкой истории литературы и филологии, дисциплин, считавшихся тогда вспомогательными историческими дисциплинами: «Действуя положительною стороною, идея народности выдвинула на первый план изучение народного быта во всех его явлениях и положениях, изучение так называемой культуры, разъяснению которой особенно много и даже больше всего способствуют современные историко-литературные и филологические труды, открывшие и объяснившие столько любопытных и важных памятников народной старины»⁴. «Культурная ис-

¹ Семевский М. И. От Твери до Астрахани... 1861. № 12. С. 460.

² РС. 1870. № 7. Обложка.

³ Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30 – 90-е гг. XIX века. М.; Л., 1965. С. 94.

⁴ Забелин И. Е. Современные взгляды и направления в русской истории // История и историки. М., 1985. С. 441.

тория» как направление исторической науки окончательно сформировалось позднее, тогда же утвердился и термин. Так, Н. И. Кареев, посвятивший многие свои исследования методологическим проблемам, только в середине 1880-х гг. широко использовал и сам термин, а так же писал о достаточно ясно выраженной в литературе программе нового направления, в изучении которого он опирался в значительной степени на анализ сочинений П. Л. Лаврова¹. На труды П. Л. Лаврова ссылался и Ю. С. Сорокин². Видимо, именно П. Л. Лавров, первым, и как никто другой широко, использовал этот термин в своих работах уже с 1860-х гг. Данное наблюдение особенно важно в отношении М. И. Семевского, который общался с П. Л. Лавровым. Их отношения, как показано выше, не были дружескими, но научные идеи профессора явно оказали влияние. В этой связи особое значение приобретает еще одно наблюдение Ю. С. Сорокина – в сочинениях ряда писателей, а именно Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева в 1860-е гг. слово «культура» не встречается³. Следовательно, в их среде он не мог позаимствовать этих терминов, это результат влияния других социальных групп. Что же касается слова «очерк», то оно уже в середине века употреблялось как синоним слов «статья», «курс», вообще изложение⁴. Нельзя исключить, что словосочетание «культурные очерки» как термин плод творчества М. И. Семевского.

Судить о содержании, которое придавал М. И. Семевский понятию «культурная история», затруднительно. Еще П. Н. Милюков отмечал, что наблюдаемый к началу XX в. приоритет «внутренней» – «культурной истории», тем не менее, не способствовал уточнению предмета изучения. Допускались различия в толковании термина. Первоначальное употребление словосочетания в более широком смысле (т. е. экономическая, социальная, государственная, умственная, нравственная религиозная, эстетическая жизнь человека) стало суживаться до явлений духовной культуры. Для обозначения прочих явлений вводился термин «материальная история»⁵. Судя по тому,

¹ Кареев Н. И. Идея всеобщей истории: Вступительная лекция, читанная в Санкт-Петербургском у-те. СПб., 1885. С. 11 – 12; Он же. Сущность исторического прогресса и роль личности в истории. СПб., 1890.

² Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава... С. 94.

³ Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава... С. 94.

⁴ Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава... С. 458.

⁵ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1896. Ч. 1. С. 2 – 3.

что М. И. Семевский предлагал взаимообогащать «внутреннюю» и «внешнюю» историю, он придерживался первоначального, широкого толкования слова. Кроме того, в его методологическом подходе нет чистоты, он выступает как эклектик, предлагая по существу объединить методы прагматической и культурной истории.

Историческим воззрением М. И. Семевского, во всяком случае, в молодости, действительно был присущ эклектизм. Фактографическое содержание лекций, читавшихся в Смольном институте, писалось по сочинениям Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева. Так определение «Что есть история?» он полностью приводит по Н. М. Карамзину лишь с некоторыми опущениями: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия [и деятельности]; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; [дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего]»¹. Так же обстоит дело и с понятием «исторический источник». Определения как такового не дано, как и у Н. М. Карамзина, но присутствует объяснение значения летописей для изучения отечественной истории. Рассказ о Несторе слово в слово списан с «Истории государства Российского». Несмотря на широкое использование труда Н. М. Карамзина, не все его взгляды были приняты М. И. Семевским. Так в лекции по истории Древней Руси есть замечание: «Ошибочное мнение Карамзина об удельно-вечевом периоде». Прослеживается влияние С. М. Соловьева, лекции которого М. И. Семевский слушал в Московском университете в 1856 г. М. И. Семевский разделял многие положения концепции историка и широко использовал его труды при составлении собственных лекций, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки в конспектах. Одна из воспринятых им идей – была идея единства исторического развития России и Европы. В прениях по реферату г. Шалфеева он высказался предельно ясно: «Русская история должна найти себе соответствие и поддержку в общей истории»², «в отечественной истории проявились те же стремления, которые выдаются в истории общей, хотя и проявились несколько позднее»³. Полностью принял он и периодизацию. Признавая историческую обусловленность и необходимость реформ, С. М. Соловьев, как и остальные западники, принимал и оправдывал насилие как средство

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I – IV. Калуга: Золотая аллея, 1993. С. 6; ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 14, л. 3 (Скобками отмечены пропуски, сделанные М. И. Семевским).

² Уч. 1867. № 1 – 4. С. 44.

³ Уч. 1867. № 1 – 4. С. 46.

осуществления преобразований¹. М. И. Семевский, судя по его работам о Петре I конца 1850-х – начала 1860-х гг., насилия не оправдывал. И в этом он сближался со славянофилами. Н. И. Цимбаев отметил, что «сложную проблему насилия в истории славянофилы понимали метафизически, в ее трактовке использовали, прежде всего, категории морально-этические»². М. И. Семевский осудил жестокость методов реформ Петра I в работах «Слово и дело» и «Фрейлина Гамильтон»³, при этом он исходил из критериев нравственности (прием большей степени присущий литературе, чем истории). Отрицательно он относился и к онемечиванию российской династии монархов. В работе «Семейство Монсов: Очерк из русской истории 1688 – 1724 гг.» (СПб., 1862) в тексте, вырезанном цензурой и сохраненном М. И. Семевским в гранках, резко высказался о засилье немцев: «Оставим ее (Марту Скавронскую – так поименовал он Екатерину I, что незамедлительно было вырезано цензором – О. К.) судить и рядить с немцами и онемеченными русскими над миллионами православного народа»⁴. Совершенно в духе славянофилов звучало заключение монографии, также изъятное цензурой: «Преобразователя не стало. И вот главнейшие птенцы его и их ставленники сильные тем, чем силен был Монс, повели *петровское* общество все дальше и дальше от народа русского, в мрачную «область антихристову», как выражались поборники старины, раскольники»⁵. В маленькой заметке, помещенной в «Энциклопедическом лексиконе» о втором сыне Петра I Александре (1691 – 1692) М. И. Семевский писал, явно сожалея о сложившейся ситуации: «Утрата второго сына для царицы Авдотьи Федоровны была вдвойне горька: останься в живых оба царевича и, бог знает, может быть, судьба их матери не была бы столь злополучна; Великому Петру не пришла бы мысль отделаться от старшего сына пристрастным судом и жестокою пыткой; и уже, во всяком случае, существование двух сыновей от первой жены, затруднило бы вторую в ее интригах и стремлении упрочить престол за детьми своего ложа»⁶. Материалы для более глубокого анализа исторических воззрений М. И. Семев-

¹ Цимбаев Н. И. С. М. Соловьев и его научное наследие... С. 390.

² Цимбаев Н. И. С. М. Соловьев и его научное наследие... С. 390.

³ Семевский М. И. Фрейлина Гамильтон: Исторический очерк: 1719 г. // Отечественные записки. 1860. № 13, 15, 16, 18; Он же. Слово и дело: Рассказы из времени Петра Великого: 1719 – 1724 гг. // Светоч. 1861. № 3, 4.

⁴ ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 1713.

⁵ ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 1713.

⁶ ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 1713.

ского в 1860-е гг., к сожалению, скудны. Но даже из приведенных фактов можно заключить, что ему действительно была присуща эклектичность взглядов. В его научных представлениях в равной мере уживались С. М. Соловьев со славянофилами, Н. М. Карамзин и Н. И. Костомаров. Единственно, что было совершенно для него неприемлемо – это идеи официально-охранительного направления в истории. Он слушал в Петербургском университете лекции Н. Г. Устрялова, но не разделял его взглядов, прежде всего, это касалось оценок петровской эпохи, и выступал в печати с критическими замечаниями в его адрес¹. Такое смешение научных взглядов могло происходить у М. И. Семевского от убеждений. Его взгляды формировались в конце 1850-х – начале 1860-х гг. не без влияния К. Д. Ушинского. Тот же был типичный эклектик, как отмечал Б. П. Козьмин, «ставивший себе в заслугу то, что брал верную мысль, где бы он ее ни находил: и у Гегеля, и у Бекона, и у Декарта, и у Локка, и у Канта, и у материалистов»². Возможно, и у М. И. Семевского подчас противоречивые научные концепции слились как целостный взгляд на исторический процесс. Но возможно, причины кроются в ином – в недостатке знаний, неумении обобщать и анализировать. В этом могли проявиться пороки кадетского образования, на что всегда сетовал сам М. И. Семевский.

Вместе с тем, эклектизм был неизбежен для многих педагогов-практиков во второй половине XIX в. В те годы у учителей был широкий выбор учебников и учебных пособий. Только в начале 1860-х гг. появилось три учебника, выдержавших в последующем более 30 переизданий каждый: это «Учебная книга русской истории» (М., 1859 – 1860) С. М. Соловьева, «Краткие очерки русской истории» (М., 1860) Д. И. Иловайского и «Элементарный курс всеобщей и русской истории» (СПб., 1861) И. И. Белярминова. С. М. Соловьев был представителем государственной школы, последние из названных авторов представляли официально-охранительное направление отечественной историографии. Всего же около сотни учебников и учебных книг по отечественной истории увидели свет во второй половине XIX в.³. Практически все историографические школы старались реализовать свои идеи в школьных учебниках. Министерство народного просвещения ограничивало для казенных учебных заведе-

¹ Семевский М. И. По поводу заметки Н. Устрялова // Голос. 1864. № 150.

² Козьмин Б. П. Мемуары Е. Н. Водовозовой... С. 17.

³ Учебники дореволюционной России по истории. М., 1993. С. 3.

ний выбор строго рекомендуемыми учебниками, частные имели более широкие возможности. Вряд ли школьный учитель при свободе выбора пособий, отражающих взгляды различных научных школ, часто соприкасающихся по частным вопросам, мог избежать эклектики. И М. И. Семевский не был исключением. С годами взгляды его изменились, но судить об этом можно только по репертуару издаваемого им журнала «Русская старина» и редакционным примечаниям, поскольку из-за большой занятости, он практически перестал писать крупные произведения на исторические темы и сосредоточился на примечаниях к журналу.

При обсуждении реферата И. И. Белярминова «О нравственном предмете в преподавании истории» сама постановка вопроса исключала возможность острой дискуссии. Автор считал, что первоначальный курс истории должен быть идеально-христианским, а систематический (т. е. для старших классов) – идеально-христианский-нравственный. И. И. Белярминов придерживался своеобразного педагогического принципа: факты, казавшиеся не нравоучительными, пропускались. Уже по поводу реферата г. Шалфеева М. И. Семевский решительно высказался против создания самим педагогом «белых пятен» в истории. Не удовлетворяло его и положение о том, что подбор фактов должен строго соответствовать христианским заповедям. И хотя М. И. Семевский придерживался точки зрения, что история воспитывает в человеке гражданина, тем не менее, он возражал, поскольку «преподавание... по взглядам г. Белярминова, по его мнению, будет противоречить целям исторической науки»¹. «Преподаватель, – убеждал он, – имея ввиду историческую правду, не должен скрывать от учащихся темных сторон в народной жизни»². Таким образом, М. И. Семевский ставил науку выше религии, что испугало многих присутствующих на дискуссии. Его мнение не поддержали, против выступил даже барон М. О. Косинский. Однако не следует полагать, что М. И. Семевский был атеистом, он был всегда человеком верующим, никаких антирелигиозных высказываний или намеков в его письмах и бумагах обнаружить не удалось, но и увлеченности в отправлении обрядов также. Преподавание же закона божьего в начальной школе он считал фундаментом народного образования, основой нравственности³. Однако приоритет науки для него был

¹ Уч. 1869. № 3 – 6. С. 349.

² Уч. 1867. № 1 – 4. С. 46.

³ Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 179.

столь высок, что поступиться им М. И. Семевский считал невозможным. Возвышение науки над религией – одно из положений просветительства. Особенностью же русского просветительства, как отметил Р. Г. Эймонтова, было примирительное отношение к религии¹. В душе М. И. Семевского мирно соседствовали и вера, и всемогущество науки.

В октябре 1868 г. власти сочли возможным Петербургскому педагогическому обществу придать статус общественной организации и принять устав. «В настоящее время, – было отмечено в резюме III отделения, – обстоятельства, вызвавшие в 1862 г. заключение Кабинета министров, изменились: брожение умов, господствовавшее тогда в русском обществе, если не совершенно утихло, то уже утратило прежний опасный характер»². Отмечалось так же, что Общество ни разу за восемь лет не выходило за рамки дозволенного круга действий. Обсуждение устава Общества проходило в острой дискуссии, одним из инициаторов которой стал М. И. Семевский. «Собрание разделилось на две партии, – доносил филер, – особенно сильно протестовали против замечаний г. министра народного просвещения бывший инспектор Ларинской гимназии Григорьев и известный литератор – либерал М. И. Семевский, который, между прочим, выразился, что правительство и здесь хочет пропустить сквозь воронку действия общества»³. Устав был принят с теми поправками, которые внес министр. «Когда это определение состоялось, Семевский объявил, что он не желает быть членом подобного общества, и со злобою тот час удалился из залы»⁴. Правительство сделало Общество узко-профессиональной организацией педагогов одного города. М. И. Семевский же считал, что оно должно стать координационным и методическим центром всей России. Несмотря на демонстративный уход, он не покинул рядов организации и продолжал бороться за изменение направления ее деятельности. На заседании 5 апреля 1869 г. он пытался вновь поставить вопрос о роли Общества, и поводом послужил «Список тем для рефератов», предлагаемых к прочтению его членами. В протоколе значилось: «С содержанием и характером этих тем не соглашался г. Семевский, утверждая, что [Общество] приступает к решению слишком частных вопросов, что в последовательности

¹ Эймонтова Р. Г. Идеи просвещения... С. 67.

² Цит. по: Зикеев Н. К истории возникновения... С. 94.

³ Цит. по: Зикеев Н. К истории возникновения... С. 94.

⁴ Цит. по: Зикеев Н. К истории возникновения... С. 94.

предложенных тем он не видит системы, что в списке он замечает отсутствие тем, наиболее животрепещущих, что, по его мнению, следовало бы напечатать вызовы от Педагогического общества ко всем русским педагогам за содействием в решении различных, стоящих на очереди вопросов, что в настоящее время мы не должны действовать так уединенно, как прежде, что теперь мы составляем общество, имеющее свой устав, и в отношении действий своих, должны брать пример с других русских обществ, например, Географического, и, наконец, предлагал образовать комиссию, которая образовала список тем для обнародования»¹. Поскольку мнение М. И. Семевского не нашло поддержки, то он «хотел войти в Совет с особым предложением относительно высказанных им взглядов». Причины, по которым М. И. Семевский придавал такое большое значение темам рефератов и настаивал на публикации этого перечня, становятся ясными из его ответа, данного в 1877 г. членам Общества в аналогичной ситуации: «Какие следствия из того, что мы говорим? Отвечаю: хотя это ни в инструкцию, ни в устав, ни в циркуляр по учебному ведомству не внесется, но, тем не менее, косвенное влияние должно оказать значительное. Раз сделано указание от собрания столь компетентного, как наше Педагогическое общество, и вызов к средствам — это уже имеет некоторое значение, хотя бы заключение явилось в столь скромном издании как «Педагогическая летопись»³. Следовательно, М. И. Семевский уповал на силу общественного мнения, считая, что это реально изменит ситуацию.

13 февраля 1869 г. он 12 голосами из 14 возможных был избран в действительные члены, и был чуть ли ни единственным государст-

¹ Летопись СПб ПО // Народная школа. 1869. № 1. С. 16.

² Летопись СПб ПО // Народная школа. 1869. № 1. С. 16. — Не прошло на этом заседании и предложение М. И. Семевского сделать Диплом о членстве через художника М. О. Микешина, с которым он был знаком и предлагал свое содействие. Стремление к экономии средств, взяло верх, диплом решили сделать более скромным.

³ Педагогическая летопись, издаваемая Петербургским педагогическим обществом. 1876. № 1 — 3. С. 41. — Эту же мысль он повторил в 1877 г. в сообщении «Об исключении и увольнении воспитанников из учебных заведений»: «Всестороннее обсуждение поставленного... вопроса, прения, высказанные в нем,... нередко переходящие и в печать и в педагогическую литературу, — все это, если не прямо, то косвенно, может весьма содействовать устранению самых вопиющих недоразумений...» (Семевский М. И. Об исключении и увольнении воспитанников из учебных заведений // Тимопук В. В. Михаил Иванович Семевский... Приложение. С. 54).

венным служащим среди членов Общества – профессиональных педагогов. В том же 1869 г. предложил к обсуждению свою статью «О земских школах», но среди публикаций того времени она не обнаружена¹. С 1870 г. по 1877 г. отсутствуют сведения о его деятельности в Обществе. Вероятно, занятый редакционными делами, он не мог более уделять внимания общественной деятельности. Но в 1877 г., когда М. И. Семевский баллотируется в гласные Городской Думы, вновь возрастает его активность в Обществе.

Именно к этому времени (1877 г.) относится выступление, вызвавшее большой резонанс в обществе – чтение реферата «Об исключении и увольнении воспитанников из учебных заведений». Поскольку этот факт и текст самого выступления уже введены в научный оборот², лишь кратко изложим суть проблемы, поставленной М. И. Семевским. Поводом выступления послужили появившиеся в печати факты, об исключении учеников из ряда петербургских учебных заведений за поведение с «волчьим билетом», т. е. без права учиться в других учебных заведениях. М. И. Семевский предлагал строго регламентировать, за что можно исключать ученика. Лениность и тупость, с его точки зрения, не могли быть веской причиной к исключению, и предлагал разрешить ученикам находиться в классах по два года³. Эту же меру как форму наказания считал возможной и для дисциплинарных проступков. Отчеты о выступлении и дискуссии, которые проходили на 5 заседаниях по просьбе членов Общества, столь много было желающих принять участие в прениях, появились в газетах «Голос», «Санкт-Петербургские ведомости», «Новое время», «Русское обозрение», «Северный вестник», «Биржевые ведомости», «Виленский вестник». М. И. Семевский со свойственной ему аккуратностью, собрал все эти газеты в одну папку⁴. «Неделя» № 13 от 25 марта 1877 г. писала: «Г. Семевский уже за то достоин благодарности, что высказал публично мысль, которую разделяют многие, если не все, что «меры старой школы, карающей известные поступки воспитанников телесным наказанием или ссылкой на Кавказ, были гуманны в сравнении с образом действий новой школы». И подчеркивала, что Педагогическое общество «на этот раз явилось выразителем тех взглядов на нынешнюю школу, которые разделяются большинст-

¹ Летопись СПб ПО. 1869. С. 16.

² Семевский М. И. Об исключении и увольнении воспитанников... С. 46 – 56.

³ Семевский М. И. Об исключении и увольнении воспитанников... С. 54.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 416.

вом образованного общества»¹. Педагогическое общество было благодарно М. И. Семевскому не столько за постановку вопроса об исключении, сколько за вопрос «Чем им быть теперь?», ответ на который давал сам референт: «Если вам м.м. и г.г., случилось быть в числе присяжных заседателей Окружного Суда, то без сомнения, вы заметили, что значительный процент подсудимых составляют не кончившие курса гимназисты, выключенные из училищ, – жертвы непомерной строгости или неумелости г.г. педагогов вести учебно-воспитательное дело»².

Постановка вопроса М. И. Семевским «Чем им теперь быть?» именно в 1877 г., думается, не случайна. Именно в этот год прошло несколько судебных процессов над народниками, в частности, дело о «Казанской демонстрации» и «Процесс 50-ти». Среди подсудимых было много недоучившихся студентов и даже гимназистов, по возрасту едва переступивших порог детства. Общественное мнение, сложившееся в среде образованной общественности в 1870-е гг., по наблюдениям Н. А. Троицкого, отвергло и осудило взгляды революционеров, но отторжение вызвала и правительственная политика террора, в которой видели «корень политических неурядиц»³. Среди лиц, мнение которых было изучено Н. А. Троицким, он назвал и М. И. Семевского. М. И. Семевский искренне не понимал, «чего хотят эти ходебщики» (имея ввиду хождения в народ), считал, что «корень зла» следует искать глубже, не в политике правительства, не в полицейских мерах, неадекватных действиям молодежи, а в сложившейся педагогической системе, прежде всего, средней школы, где «несоответствие с возрастом, со степенью развития учащихся, с их прямо сказать даже физическими силами, числа предметов обучения, размеров программ каждого из них» приводит к массовому исключению⁴. Исключенные за «тупостью», «либо срезавшиеся на экзаменах, – по его мнению, – режутся, стреляются, вешаются, или в умоисступлении, совершенно свихнув с ума, покушаются на жизнь директоров и учи-

¹ Неделя. 1877. 25 марта. № 13. С. 2.

² Семевский М. И. Об исключении и увольнении воспитанников... С. 50.

³ Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России. Саратов, 1976. С. 285; Он же. Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866 – 1895. М., 1979. С. 144.

⁴ В 1877 г. 17 % учащихся покинули гимназию, окончили полный курс только 2,3 %. (Ганелин III. И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX в. 2-е изд. М., 1954. С. 77).

телей»¹. Выход он видел только в реформе школы, для начала, хотя бы частичной, по отдельным вопросам (одним из таких был вопрос об исключении из учебного заведения), не затрагивающим в целом основ системы классического образования. Этого мнения он будет придерживаться даже спустя четыре года, после убийства Александра II. Спасти общество от зла, по его мнению, может только правильная система воспитания.

§ 5. Деятельность в Училищной комиссии Санкт-Петербургской Городской Думы

Много сил отдал М. И. Семевский делу народного образования как общественный деятель. В 1877 г. он баллотировался в Санкт-Петербургскую Городскую думу и, став гласным, был избран в апреле того же года кандидатом в Санкт-Петербургский городской училищный совет, состоящий при Городской Думе, в июне – членом комиссии под председательством Ф. Ф. Эвальда «для приема училищ и заведования как принятыми от Министерства, так и вновь открытыми», также состоящий при Городской Думе². «В члены вновь образованной комиссии Дума озаботилась избрать из числа своих гласных, – писал Д. Д. Семенов, – самых выдающихся в то время деятелей, или как известных ревнителей просвещения или близко знакомых с организацией русской народной школы, или пользовавшихся заслуженным литературным и общественным положением»³. В состав комиссии вошли: Ф. А. Андреев, П. А. Корф, А. А. Краевский, Г. В. Лермонтов, граф Н. Е. Сиверс, М. И. Семевский. Пожалуй, только М. И. Семевский соответствовал полностью всем качествам, названным Д. Д. Семеновым. Биографы М. И. Семевского едины во мнении, почему при очень большой занятости делами (служба, редактирование и издание журнала) он, тем не менее, принял на себя нелегкие общественные обязанности. «М. И. Семевский, чуткий и отзывчивый на всякое живое дело, всю жизнь интересовался вопросами общественного характера, в особенности, образованием народа», – писала В. В. Тимошук, участие его в деле городского самоуправления «свидетельствовало об активной жизненной позиции», – констатируют

¹ **Семевский М. И.** Об исключении и увольнении воспитанников ... С.53.

² Первое десятилетие начальных училищ в ведении Санкт-Петербургской городской думы: 1877 – 1887. Отчет городской комиссии по заведованию городскими начальными училищами и учебными мастерскими. СПб., 1888. С. 41.

³ **Семенов Д. Д.** Петербургская начальная школа на ниве столичного самоуправления // Народное образование. 1895. № 11. С. 46.

вал В. И. Порох¹. Деятельность в Городской Думе, в частности в Училищной комиссии, освещена названными авторами, поэтому остановимся на тех проблемах и фактах, которые оказались вне их поля зрения.

М. И. Семевский работал в Училищной комиссии с момента ее основания и до конца своей жизни с небольшим перерывом в 1883 – 1885 гг., когда был избран товарищем городского головы. Первое, что пришлось сделать комиссия – обследовать передаваемые городу училища, составить отчет, урегулировать все финансовые вопросы и принять эти заведения под свое управление. «В 1877 г., когда администрация передает школы в ведение Санкт-Петербургской Городской Думы, таковых оказалось всего 16 училищ – вспоминал М. И. Семевский начало работы. – В каком состоянии были эти школы в год их приема в заведование Думе, хорошо памятно присутствующим. Помещались они чуть ли не в логовищах. Учащие получали вознаграждение по 13 р. 50 к. в месяц. Библиотеки школы были набиты различным хламом. Город отпускал довольно колоссальную сумму, сколько помню около 14 тыс. рублей, не знал и нисколько не интересовался этими училищами, бывшими вне всякого контроля общественного управления столицы»². Задача, которую надлежало решить, была глобальной. В пояснительной записке от 2 мая 1877 г. председатель Училищной комиссии Ф. Ф. Эвальд в связи с завершением ревизии отмечал, что число школ «должно возрасти до степени полного удовлетворения в помещении в них всех обывательских детей столицы школьного возраста от 8 до 12 лет; тут дело идет о сотнях школ и о сотнях тысяч рублей на их содержание. Как ни огромны издержки, но и цель, указанная Министерством народного просвещения, великая, достойная столицы великой империи и вполне подходящая к благотворным преобразованиям нынешнего славного царствования»³. Таким образом, М. И. Семевский прилагал немалые усилия к реализации на практике программы правительства. Он трудился во славу Александра II – царя, которого боготворил в той же степени, как и не принимал его венценосного родителя. Усилия его были направлены, прежде всего,

¹ Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский...С. 167; Порох В. И. М. И. Семевский в общественной жизни России в 70-е гг. – начале 90-х гг. XIX в. // Страницы российской истории: межвуз. сб. к 60-летию со дня рождения профессора Г. А. Типкиной. М., 2001. С. 244.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 187.

³ Известия СПб ГД. 1877. С. 872.

на борьбу за открытие новых школ. К месту и не к месту, по случаю кончин и юбилейных чествований, поднимал он в Думе вопрос о новых школах. Так в связи с кончиной А. П. Заблотского-Десятовского в 1882 г. предложил учредить два новых народных училища, «а не переименовывать только два существующих»¹, память И. С. Тургенева и Н. М. Пржевальского также была увековечена новыми школами², так же как и Александра П³. М. И. Семевский очень настойчив. Его не останавливают препятствия, основным из которых было отсутствие в городской казне средств. Он активно ищет себе союзников. Так в 1883 г. в записке к М. М. Стасюлевичу, в те годы возглавлявшему училищную комиссию, писал, что празднование памяти А. В. Жуковского следует отметить открытием новых школ и, предвидя возражения, добавляет: «Во всяком случае, в среду в Думе мы свидимся и переговорим»⁴. Особенно быстро росло число школ в начале 1880-х гг., как отметил Д. Д. Семенов, в период, когда во главе комиссии стоял А. А. Краевский⁵. В речи в Городской Думе в 1882 г. М. И. Семевский высказал свои соображения, почему следует форсировать открытие новых школ и открыть 22, вместо запланированных 2, напоминал, что в предыдущие годы открывали по 26 новых школ. По его мнению, столица должна быть реально готова дать начальное образование всем детям к моменту издания закона о всеобщем обязательном образовании, решительным сторонником которого он был. При этом он надеялся, что чем раньше будет готова материальная база, тем скорее явится в свет и закон. «Общественное управление столицы, – утверждал он, – должно идти неуклонно по этому пути и своею энергическою на нем деятельностью, т. е. возможно быстрым увеличением числа училищ вполне соответственно числу нуждающегося в нем детского населения столицы, – ускорить появление со стороны правительства столь давно желанного и благого закона о введении обязательного обучения в Петербурге. На этом пути не может и не должно быть остановки, не может и не должно быть перерыва»⁶. Свою позицию он мотивировал тем, что «чем усерднее мы будем открывать и

¹ РС. 1882 Т. 33. С. 558.

² РС. 1883. Т. 37. С. 489; там же. 1888. Т. 60. С. 544.

³ ИРЛИ. Ф. 265, оп. 1, д. 34, л. 386.

⁴ ИРЛИ. Ф. 273, оп. 1, д. 1287, л. 14 об.

⁵ Семенов Д. Д. Петербургская начальная школа... С. 47.

⁶ Известия СПб ГД. 1882. № 17. С. 1053.

упрочивать школы народного образования, тем более сохраним мы средства на борьбу с нищенством и пороком, т. е. на поддержку тюрем и разных исправительных заведений»¹. Для решения вопроса, сколько же нужно школ, в 1880 г. М. И. Семевский предлагал собрать статистические данные вновь созданному при канцелярии Управы статистическому бюро². Он сам готовил программу переписи, осуществленной в 1881 г. Учету подлежало все детское население с 7 до 12 лет, с указанием грамотен ли и учиться ли в школе. В помощь учителям, проводившим перепись, предлагал подключить околотоčných надзирателей и дворников³. С этого времени начался учет движения детского населения столицы школьного возраста, Дума получила точные сведения о потребностях в образовательных учреждениях.

Успех школьного дела, по мнению М. И. Семевского, во многом зависел от учителя, поэтому по вопросам подготовки, деятельности и оплаты труда учащихся высказывался неоднократно. Настойчиво предлагал ввести прогрессивную систему оплаты в зависимости от выслуги лет и пенсии по старости, ратовал за учительские съезды или семинары по обмену опытом. «Мы имеем теперь, – обращался он в 1880 г. с думской трибуны, – более ста училищ, но учащие в них не составляют одной семьи, члены которой могли бы обмениваться своими взглядами и обращаться друг к другу со своими запросами, в отношении к ведению дела обучения. Они не имеют ни прав, ни возможности собираться на сходки, составлять из себя собрание педагогов, в которых и могли бы иметь место обмен мыслей обо всем, что касается и относится до школы»⁴. Уроки К. Д. Ушинского на его педагогических четвергах и в Педагогическом обществе были усвоены М. И. Семевским на всю жизнь. Именно К. Д. Ушинский внушал своим сотрудникам мысль, что живое дело педагогики должно подпитываться обменом мнений учителей.

В 1883 г. М. И. Семевский, судя по его заметкам, принял активное участие в обсуждении «Проекта условий для поступления на учительскую должность при Санкт-Петербургских начальных училищах», составленного О. И. Паульсоном. Здесь продолжился спор оппонентов, начатый некогда на страницах журнала «Учитель». Многие положения проекта он одобрил. Это касалось такого условия,

¹ Известия СПб ГД. 1882. № 17. С. 1058.

² РС. 1880. Т. 29. С. 780.

³ ИРЛИ Ф. 265, оп. 1, д. 34, л. 367 – 377.

⁴ ИРЛИ Ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 190.

как предоставление мест преимущественно лицам женского пола. М. И. Семевский разделял широко распространенное в то время мнение, что женщина – более подходящий воспитатель для ребенка 7 – 12 лет. Напротив пункта: «Лица неправославного вероисповедания определены быть не могут» – поставил одно слово – «верно», также как и напротив текста об условии годичного испытательного срока. Судя по замечаниям на остальные пункты проекта, основная дискуссия развернулась по вопросу об обязательном для кандидатов специальном педагогическом образовании. Он вычеркнул из текста расплывчатое требование об умении вести класс. Если О. И. Паульсон допускал, что кандидатами могут стать лица без специального образования, сдавшие специальный экзамен, кроме показательных уроков перед комиссией, то М. И. Семевский отметил, что «допустить в кандидатки лиц, не получивших специальное педагогическое образование – невозможно», и что дополнительных проверок знаний не требуется, поскольку «экзаменам уже кандидатки подвергались в Педагогическом или Высших курсах или в учительской семинарии...»¹. Настроен он был решительно, и на полях проекта сделал довольно резкую запись: «Таким образом, достоуважаемый О. И. Паульсон хочет своим судом и приговором заменить суд и приговор специального педагогического заведения, пребывание в котором он даже находит делом необязательным для будущих кандидаток в училищницы городских в Санкт-Петербурге школ. Если бы Комиссия признала возможным с этим согласится, то я долгом считаю теперь заявить, что войду со своим мнением на суд общего собрания Думы, пусть она сама произнесет в этом высшей степени важном деле свой суд»². Училищная комиссия поддержала позицию М. И. Семевского. Экзаменов кандидатки не сдавали, но предварительная практика в земских школах и пробные уроки были обязательны.

Кроме выработки общей стратегии, члены училищной комиссии непосредственно курировали школы. Сохранилась «Расчетная книжка содержанию городских начальных училищ, находящихся в заведении члена училищной комиссии М. И. Семевского» на 1888 г.³. Выполненная типографским способом, стандартная книжка, в кото-

¹ ИРЛИ Ф. 274, оп. 1, д. 411, л. 19 – 19 об.

² ИРЛИ Ф. 274, оп. 1, д. 411, л. 18 об.

³ ИРЛИ Ф. 274, оп. 1, д. 418.

рую вносились все расходы на содержание школ. За ним числилось 12 школ: 2 в Коломне, 3 – за Нарвской заставой, 2 – за Московской, 4 – в Казанской и 2 – в Спасской частях города. Даже посетить все – труд немалый. М. И. Семевский занимался не только контролем, но и, по старой памяти, часто сам давал уроки, участвовал в детских праздниках, беседовал с родителями¹.

§ 6. Взгляды М. И. Семевского на вопросы начального и среднего образования

Педагогические взгляды М. И. Семевского формировались под влиянием тех дискуссий, которые охватывали как широкие слои образованного общества, так и профессионалов-педагогов в 60-е гг. XIX в. Необходимость реформировать систему образования была очевидной, но по вопросам методов и направления реформы разворачивались острые споры, перераставшие иногда за рамки чисто профессиональных дискуссий. Основных проблем было две: какой должна быть народная школа и вопрос о классическом и реальном образовании.

Позиция М. И. Семевского была близка наиболее прогрессивной части русских педагогов. Он негативно относился к старой дореформенной народной школе. «В среде крепостных крестьян народная школа не могла иметь жизни, именно потому, что обучение раба, для продолжения его рабского состояния, представляло явление мало сообразное. В школах для крестьян государственных, Министерством государственных имуществ учрежденных, хотя и целою сетью раскинулись по России, но корней в народе, как известно, не пустила под ближайшей опекою окружных министерских чиновников. Они готовили лишь волостных писарей, конторщиков и др. Народ отвращался от этих школ, смотрел на отправку в них детей, как на одну из тяжелых повинностей и отправлял эту повинность в большинстве случаев с большим неудовольствием», я подвел он итог в 1880 г. в речи по случаю 100-летия учреждения народных училищ Екатериной II в Петербурге². Народная школа, по его мнению, лишь тогда жизнеспособна, когда, во-первых, будет находиться под опекой общества, и, во-вторых, в основу ее формирования будет положен принцип словесности. Из текста упомянутой речи следует, что почти идеальной формой попечительства общества над народным образованием является передача школ в ведение городских дум и земств. По отноше-

¹ Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 175, 179, 181.

² ИРЛИ Ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 187.

нию к народной школе М. И. Семевский всегда отстаивал принцип сословности, который состоял в том, что школа должна отражать представления, взгляды и чаяния того сословия, для которого создается данный тип учебных заведений. Он был противником внесения дворянских представлений об образовании в иную среду. В очерке «От Твери до Астрахани» в 1861 г. писал: «Жаль костромичей (подразумеваю, класс чиновников, купцов, мещан), которые не имеют училища, куда могли бы отдать своих дочерей на воспитание, с уверенностью, что оно будет дано соответственно их быту и той будущности, которая ждет этих девушек по выходе из заведения»¹. После посещения Мариинского женского училища в Пскове в 1862 г. решительно высказался против включения в программу иностранных языков, как ненужных в среде городских обывателей и предлагал заменить их дополнительными уроками гигиены и рукоделия. «В самом деле, для кого возникли женские... училища? ...Кого они должны иметь, прежде всего, ввиду – класс богатый или бедный? Сословия высшие или низшие? Ответ ясен: класс бедный, сословия низшие. Навязывая им знание языков, вопреки положению, что делает училище: пользу или вред? Вред! Училище ставит их в положение ложное относительно той среды, в которой они вращаются... Училище... вообще лишает их образования. Да, лишает: неужели можно думать, что русский купец 3-й гильдии, мещанин, ремесленник, крестьянин не отдадут в училище дочерей только по невежеству своему, по скупости или, наконец, по бедности? Нет! Нередко помимо всех этих причин, он не отдает дочь потому, что образование то в училище дают еще *дворянское* [выделено Семевским – О. К.], а не такое, какое пригодно той сфере, в какой доводится жить его дочери!... А этот дворянский характер образованию дает, прежде всего, обязательное преподавание иностранных языков»². Заметим, что в среде дворян он считал обязательным изучение языков. Так в 1859 – 1860 гг. оплачивал уроки французского за младшего брата Василия, учившегося в те годы в кадетском корпусе, оплачивал по собственной инициативе, считая, что без знания иностранных языков, брат не сможет занять достойного места в своей социальной среде.

Представления, в основе своей сложившиеся в молодости, он пытался реализовать на практике, занимаясь организацией начальных

¹ Семевский М. И. От Твери до Астрахани...// Отечественные записки. 1861. № 12. С. 458.

² Семевский М. И. Мариинское женское училище во Пскове. СПб., 1863. С. 19.

городских школ Санкт-Петербурга. Идеи, выдвигаемые М. И. Семевским в Училищной комиссии по вопросам народного образования, часто носили филантропический характер. Основные из них можно свести к следующим тезисам:

1. Отмечал, что многие учащиеся городских школ страшно нуждаются и не располагают средствами не только на пособия, но и на одежду и пищу. С думской трибуны неоднократно заявлял, что «необходимо, чтобы ученики имели в день кусок хлеба», и считал, что город должен взять на себя эту трату. Но «если удовлетворение этой потребности было бы затруднительно со стороны города, – заявлял он, – то на помощь этому должно явиться общество для вспомоществования бедным учащимся в городских школах, почин учреждению которого уже положен одним из уважаемых сочленов комиссии А. Н. Неустроевым»¹. «Общество для пособия учащимся в городских училищах» было создано в 1881 г. и насчитывало свыше 300 членов², М. И. Семевский принимал в его деятельности самое активное участие.

2. Считал, что необходим обязательный санитарный и врачебный надзор за школьными помещениями и учащимися. Специальная санитарная комиссия во главе с профессором С. П. Боткиным была создана при училищной комиссии в 1880 г. Заболевших посещал врач комиссии на дому, по возможности, бесплатно выдавались лекарства.

3. Считал, что необходимо создать условия для отдыха учащихся в перерывах между занятиями и включения в программу физических занятий, что сделать, по его мнению, при существующем положении дел было затруднительно, поскольку школы не имели собственных зданий, а «в нанимаемых квартирах нет помещений для игр и рекреационных залов»³. М. И. Семевский был хорошо знаком с учебным делом за границей. Во время поездок на отдых и лечение, изучал школы Франции, Швейцарии, Германии, и в выступлениях в Думе объяснял, что за границей дети отдыхают во дворе, «но в нашем скверном и сыром климате» это невозможно. В заметке по поводу Морозовской школы при Тверской мануфактуре писал, что «единственные недостатки школы, мною усмотренные, состоят в полном отсутствии гимнастического зала и обучения гимнастике, без чего не-

¹ ИРЛИ. Ф. 274. п. 1, д. 16, л. 191 об.

² **Семенов Д. Д.** Петербургская начальная школа... С. 55.

³ ИРЛИ. Ф. 274, оп.1, д. 16, л. 189.

мыслима, за границу в особенности, подобная школа...»¹. Неоднократные обращения по вопросу о строительстве специальных школьных зданий завершились тем, что в 1891 г. уже по запросу из думской комиссии М. И. Семевский представил специальную докладную записку. Это было последнее его деяние как гласного в Думе.

4. Убежден, что выпускники городского училища, особенно показавшие отличные успехи, имеют право на дальнейшую поддержку и моральную, и материальную. Первая заключалась в праве пользования школьными библиотеками и народными городскими читальнями по завершении учебы; вторая – в создании специальных бесплатных ремесленных школ. «Деятельность Думы по отношению к ремесленному образованию, о котором так много писали и пишут, и которое, если можно так выразиться, особенно сильно и не без основания выдвигается как единственная гарантия против распространения умственного пролетариата, это дело находится еще у нас в младенческом состоянии» – заявил он в 1883 г. в думской речи, по поводу избрания его товарищем городского головы². Как сторонник этой идеи, уже в 1877 г. был избран членом Совета ремесленного училища цесаревича Николая, учрежденного казной и переданного на попечение города³. Он горячо поддерживал проект создания Думой 2, 3 и 4-х классов училищ для продолжения образования детей городских обывателей⁴.

5. Считал необходимым создать патронат над выпускниками, что позволило бы сохранить в них привитые в школе навыки и устои. «Часто ребенок 10-ти, 11-ти лет, отлично окончивший школу, возвращается в самые ужасные условия той среды, к которой принадлежит, и часто видит восхваление того, что так порицалось в школе; оказать поддержку такому ребенку, – писал М. И. Семевский, – дать ему возможность встать на честную дорогу труда – вот задача»⁵. Он считал, что эту задачу должно решать общество, в данном конкретном случае через «Общество вспомоществования учащимся». В 1886 г. по его настоянию было учреждено попечительство при Ремесленном училище цесаревича Николая «над окончившими курс воспи-

¹ **Семевский М. И.** Поездка по России в 1888 г. Тверь // РС. 1888. Т. 59. С. 439.

² **Тимощук В. В.** Михаил Иванович Семевский... С. 173.

³ Известия СПб.ГД. СПб., 1877. № 18. С. 2074.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 193.

⁵ **Тимощук В. В.** Михаил Иванович Семевский... С. 177.

танниками с целью приискания им мест и наблюдения за ходом их занятий»¹.

6. Считал, что попечение должно продолжаться до тех пор, пока молодой человек не станет материально самостоятельным, получив профессию. Так в 1877 г., М. И. Семевский выступил с резкой критикой «о порядке расходования капитала в 100 тыс. руб., пожертвованных городским кредитным обществом на призрение сирот павших и раненых воинов». Предлагая использовать только проценты, предостерегал от растраты основного капитала, поскольку подобная «нерасчетливость, которая тяжело отзовется на призираемых обществом, бросив их без помощи через 15 лет», недопустима².

По вопросу о среднем образовании М. И. Семевский высказывался в пользу реального, считая изучение древних языков в классической гимназии «только гимнастикой ума», в то время как душа «не получает здоровой пищи». В черновой записке, составленной во время работы Совета при петербургском градоначальнике, получившего название «бараньего парламента», вскоре после событий 1 марта 1881 г., стараясь осмыслить причины катастрофы, именно так он воспринял убийство Александра II, как истинный просветитель корень зла искал в ошибках школы. «Огромное количество юношей, – рассуждал он, – не оканчивает учения в гимназии вследствие трудности изучаемого курса. Те, которые осиливают этот курс, тратят почти все время пребывания в гимназии на бесплодное заучивание грамматических форм мертвых языков и переводы с русского на эти языки. Неудовлетворенные преподаванием мертвых языков юноши стремятся к изучению более живых предметов и набрасываются на различные книги по философии. Желательно было бы: уничтожить вовсе преподавание греческого языка или, по крайней мере, сделать его необязательным, начинать латинский не с 1-го, а с 3-го класса; усилить преподавание географии, истории и истории литературы». Далее предлагал: «Для уменьшения числа юношей, лишенных возможности поступления в университет, необходимо дозволить ученикам реальных училищ поступать на физико-математический и медицинский факультеты или еще лучше было бы уничтожить разделение средних учебных заведений на классические и реальные, возвратившись к

¹ Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 178.

² Известия СПб. ГД. СПб., 1877. № 18. С. 2004.

прежнему типу гимназий с одним древним языком»¹. О его позиции свидетельствует тот факт, что он принял участие вместе с братом Александром в создании в родном городе учебного заведения, соответствующего его представлениям – Великолукского реального училища. Великолукская городская дума постановила выразить М. И. Семевскому благодарность, «как лицу, принявшему горячее участие в этом общепольном деле»². В течение шести лет, со времени открытия училища в 1877 г., он исполнял обязанности почетного попечителя и не собирався покидать этой должности, но интриги среди местного дворянства положили конец его деятельности. Будучи попечителем, М. И. Семевский на практике, по мере возможности, стремился реализовать свои идеи. Так, в 1883 г. предлагал открыть коммерческое отделение и, для детей неспособных к математике, дополнительные классы (общий, механико-технический, химикотехнологический). Удаленность Великих Лук от железной дороги не позволяла родителям посылать детей учиться в Псков и Витебск, поэтому единственное учебное заведение должно было, по его мнению, предоставить право широты выбора профессий.

Об успешности работы учебного заведения, по мнению М. И. Семевского, следует судить по тому, каковы выпускники заведения, какова их дальнейшая судьба, какое место они заняли в жизни. Так в заметке, посвященной истории Дворянского полка (преобразован в Константиновский кадетский корпус) он писал: «...Из-под знамен этого полка, кроме 500 героев, павших на полях сражений, вышло до 100 человек, ознаменовавших себя деятельностью в области наук военных, политических, истории, статистики, а также на поприщах литературном и художественном; но из какой же цифры вышли эти 100? Почти из 16000, которые кончили образование в Дворянском полку... Ничтожность отношений этих двух цифр бросается в глаза: очевидное дело, что в этом учебном заведении были условия, далеко не вполне благоприятные для развития не только деятелей узко военных, способных лишь сложить голову на поле брани, но и вообще образованных граждан, в которых на всех путях общественной деятельности как военной так и гражданской, так нуждается наше отечество!»³.

Авторитет М. И. Семевского в деле среднего образования был столь высок, что в 1882 г. он был приглашен в комиссию по пере-

¹ ИРЛИ Ф. 274, оп. 1, д. 411, л. 54 – 54 об.

² Пульхеров А. И. Образование и образовательные средства в г. Великих Луках и его уезде. Историко-статистические очерки. Псков. 1893. С. 1.

³ РС. 1888. Т. 60. С. 778.

смотру устава реальных училищ. Комиссия была создана еще в августе 1880 г. по инициативе министра народного просвещения А. А. Сабурова. Однако деятельность ее скоро заглохла и возобновлена была только при бароне А. П. Николаи¹. Согласно правилам формирования комиссии, министр мог включить в число членов ряд лиц по своему усмотрению. В состав этой возобновленной комиссии и был приглашен М. И. Семевский. Его рукою написаны протоколы 1882 г. Как всегда все черновые и подготовительные материалы были переплетены в отдельный том². Он отнесся к своим обязанностям с обычной добросовестностью и внимательно изучал подготовительные материалы. К сожалению, пометы на полях и в тексте столь кратки и неразборчивы, что из них невозможно извлечь какую-либо информацию. С полной уверенностью можно констатировать только позицию по вопросу о назначении реальных училищ как заведений исключительно общеобразовательных, а не узкопрофессиональных. Поэтому целью обучения в реальном училище должно стать широкое образование, а не изучение специальных прикладных наук³. Как и прежде М. И. Семевский ставил задачу устранения различий в правах выпускников реальных училищ и классических гимназий. Он не разделял мнения правительственных кругов о реальных училищах как общеобразовательных, предназначенных исключительно для средних слоев населения, и не дающих права на продолжение обучения в высших учебных заведениях⁴. Реализовать эти идеи не удалось, комиссия, не создав проекта, была упразднена.

Вопросы народного образования были столь важны для М. И. Семевского, что он неоднократно обращался к ним на страницах «Русской старины». Журнал был зарегистрирован как специальное историческое издание, события современной жизни могли отражаться в нем только через призму истории (юбилеи, некрологи, создание памятников). И хотя М. И. Семевский всегда подчеркивал, что слово «старина» он понимает расширительно, тем не менее, его публикации о городской школе Петербурга воспринимаются как публицистика, явно рассчитанная на незамедлительный отклик общественности. Первоначально он действительно воспользовался поводом – в 1880 г. скончался Ф. Ф. Эвальд, многие годы стоявший во главе Училищной комиссии Петербургской Городской Думы, и к годовщине со дня его

¹ Ганелин Ш. И. Очерки по истории средней школы... С. 84.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 417.

³ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 417, л. 5.

⁴ Ганелин Ш. И. Очерки по истории средней школы... С. 42.

смерти М. И. Семевский опубликовал отчет о состоянии школ. В 1882 г. – кроме аналогичного отчета, была напечатана и его речь как гласного, которая заканчивалась сентенцией: «Чем усерднее мы будем открывать и упрочивать школы народного образования, тем более сохраним мы средств на борьбу с нищенством и пороком, т. е. на поддержку тюрем и разных исправительных учреждений»¹. Здесь же он опубликовал и отчет о деятельности «Общества для пособия бедным учащимся» и предложение, высказанное Думе от своего лица, – выяснить, сколько детей еще не посещает школу и сколько город может ежегодно расходовать на открытие «возможно большего числа училищ». В последующие годы М. И. Семевский подобных обширных экскурсов в проблемы организации народного образования на страницах своего журнала не делал, и можно с большой степенью уверенности предположить, не потому, что считал их ненужными. Всякий раз, когда появлялась малейшая возможность (например, кончина И. С. Тургенева или Н. М. Пржевальского и др.)² он напоминал о необходимости содействовать образованию, то сообщением о присвоении имени знаменитого соотечественника школам города, то рассказом об актах благотворительности в пользу учащихся, предпринятых самим редактором журнала. Если учесть тираж издания (5 – 6 тысяч экземпляров) и то, что он распространялся по всей стране, не приходится сомневаться, что действия М. И. Семевского оказывали определенное влияние на поддержку такой позиции.

Подводя итоги, следует признать, что педагогическая деятельность М. И. Семевского не была случайностью, мимолетным юношеским увлечением. Он тратил много сил и времени на добровольно принятые на себя обязанности. Его имя было хорошо известно не только учителям Петербурга, но и всей страны, поскольку на страницах своей «Русской старины», имевшей распространение по всей стране, неоднократно представлял материалы о состоянии городских начальных училищ столицы. Где бы ни появлялся М. И. Семевский, за границей ли, в глубинке ли России – он неизменно посещал учебные заведения, вникал «в постановку дела на месте», как он характеризовал свои визиты³. Он стал инициатором дискуссии 1877 г. по

¹ РС. 1882. Т. 34. С. 554.

² РС. 1883. Т. 40. С. 272; 1888. Т. 60. С. 544 – 542.

³ В 1891 г. во время последней поездки в Саратов по делам Археографической комиссии и изучению архива князя Куракина, собирал статистические данные о состоянии народных школ губернии. Воспользоваться этими материалами не

важнейшему педагогическому вопросу – о нецелесообразности применения такой меры наказания за дисциплинарные проступки как исключение из учебного заведения – дискуссии, участие в которой через прессу приняло значительное число педагогов страны. Будучи гласным Петербургской думы, он отстаивал идею введения всеобщего образования в столице, и всячески содействовал развитию системы доступных городских школ. Заслуги М. И. Семевского были признаны современниками, и в память о нем в 1892 г. Городская Дума постановила присвоить двум училищам его имя¹ и установить портрет в зале заседания Училищной комиссии.

Восстанавливая историческую справедливость, полагаем, что имя М. И. Семевского должно, наконец, занять достойное место среди авторитетов отечественной педагогики народной школы второй половины XIX в.

Преподавание истории для М. И. Семевского – важный фактор становления его исторических взглядов. Подготовка лекций требовала от начинающего педагога большой и вдумчивой работы над источниками, систематизации фактов, знакомства с трудами ведущих историков, что, в конечном счете, не могло не способствовать появлению собственного мнения и определения приоритетов научных концепций в системе личных исторических взглядов. М. И. Семевский отверг прагматический подход в историографии, который персонифицировался для него с Н. Г. Устряловым. Уже в 1860-е гг. у него сложилось достаточно твердое представление об истории как науке о культуре, при этом в трактовке этого понятия он более тяготел к приоритету духовной культуры, что достаточно ясно прослеживается по тематике издаваемого им в последующие годы журнала. В формировании этого взгляда он находился не только под влиянием идей Н. И. Костомарова, и друзей-славянофилов А. Ф. Гильфердинга и Н. А. Попова, но и П. Л. Лаврова, который видел в синтезе изображения человеческих деяний (биографий) и показе состояния общества в его эволюционном развитии суть исторической науки. Исходя из этой посылки, М. И. Семевский выдвинул свой метод изложения курса истории – культурные очерки.

В начале научной деятельности характерной чертой его исторических представлений был эклектизм. Влияние К. Д. Ушинского и его

успел. Д. Д. Семенов включил их в свою статью (Семенов Д. Д. Народное образование в Саратове // Образование. 1893. № 3. С. 48).

¹ Это постановление по какой-то причине не было выполнено. По справочнику «Весь Петербург» ни одна школа не носила имя М. И. Семевского.

соратников, среди которых в значительной мере оттачивались представления М. И. Семевского, выражалось в убеждении, что правильная с точки зрения педагогического процесса, мысль, независимо, из какого контекста она почерпнута, может иметь право на существование в арсенале педагога. Кроме того, трудность в определении своей законченной позиции заключалась в «недостатке... теоретического образования»¹, что М. И. Семевский с чувством глубокого сожаления осознавал на протяжении всей жизни.

М. И. Семевский со времени своего вступления на историческое поприще стоял на позициях позитивизма. Факт, точность его изложения до мельчайших подробностей, для него имели большое значение. Это отразилось и на преподавании истории. Он считал важным использовать в лекциях исторические источники (например, летописи), даже такие, которые не были еще широко известны (например, мемуары И. Корба), позволял, по сравнению с общепринятым курсом, более подробное изложение фактов, опирался в рассказе на изобразительные материалы как исторический источник. В дальнейшем, когда М. И. Семевский посвятит себя издательской работе, культ факта будет пропагандировать на страницах своего журнала. Вместе с тем, на значение истории он смотрел уже и в эти годы через призму педагогических задач – историческая наука должна исполнять в обществе роль воспитателя высоких гражданских чувств. И эту позицию он реализовал как редактор, обращаясь к дидактическим приемам в издании научного журнала.

Формирование взглядов и выражение жизненной позиции М. И. Семевского во многом связано с его деятельностью в Петербургском Педагогическом обществе. Вызванное к жизни эпохой реформ, Общество привлекало внимание людей различного возраста, и на собраниях наряду с «идолами», «начиная с Ушинского, была масса юношей и юниц, жадно прислушивающихся к прениям». «На всех сиявших восторгом лицах многочисленных слушателей, – как отмечал современник, – было написано, что им до смерти наскучило все старое, рутинное, и они не помнят себя от радости, почувствовав новые веяния...»². Заседания проходили бурно, при переполненных аудиториях, интерес был огромен, «слишком уж волнующие темы для рефератов»³ ставились на обсуждение. Правительство опасалось по-

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 23, л. 5.

² Записки Н. Ф. Бунакова. Моя жизнь... С. 61.

³ Записки Н. Ф. Бунакова. Моя жизнь... С. 61.

добных организаций, видя в них попытки консолидации оппозиции. Именно по этой причине Общество долгие годы не могло получить официальный статус. В обобщающем труде петербургских историков «Власть и реформы» отмечено, что в период подготовки отмены крепостного права «многие научные и общественные организации становились центрами, клубами, объединениями единомышленников, где они могли собираться обсуждать насущные вопросы»¹. Они исполняли роль политических партий и объединений, в этом выражалось движение к становлению гражданского общества в России. В приведенном авторами монографии перечне есть и организации, связанные с педагогикой, в частности, воскресные школы, Комитет грамотности. На наш взгляд, следует включить в этот перечень и Педагогическое общество. В условиях обострения политических процессов постановка и решение педагогических проблем всегда является если не прямым, то опосредованным их отражением. Такая связь отчетливо прослеживается на примере эпохи «Великих реформ». Вопросы, поставленные в ходе педагогической дискуссии (Каким должен быть человек новой России, России без рабства? Какой должна быть школа, чтобы воспитать человека новой России?), охватившей широкие слои образованного общества в конце 1850-х – начале 1860-х гг., превращались в условиях борьбы вокруг преобразований в злободневные политические. Становилась опасной даже такая исключительно педагогическая проблема, как методика первоначального обучения (например, чему и как учить крестьянских детей).

Политические взгляды М. И. Семевского формировались в конце 1850-х гг., и общая обстановка в стране не могла не отразиться на его воззрениях. Но не менее важное влияние оказало на него общение с представителями передовой русской педагогики. Это было влияние людей с либеральными убеждениями (скорее даже умеренно либеральными), горячо принявшими реформаторские начинания правительства. Но эти взгляды имели свою специфику применительно к решению педагогических проблем. В современной историографии либерализма в России достаточно прочно утвердился тезис что, «отличительной чертой деятельности либеральной бюрократии явилась ориентация на европейские образцы»². Приверженность Западу превратилась в своего рода лакмусовую бумажку, по которой представ-

¹ Власть и реформы... С. 315.

² Власть и реформы... С. 306; **Шевырев А. П.** Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990. С. 61.

ляется возможным определить степени прогрессивности как реформ, так и реформаторов. Однако представители русской педагогики отрицательно отнеслись к попыткам правительства провести переустройство школы по западному типу, считая это регрессом, и выдвинули тезис о русской национальной школе. И К. Д. Ушинский и Л. Н. Модзалевский и др. были командированы Министерством народного просвещения изучать немецкую педагогику, считавшуюся в те годы самой передовой педагогической системой, но все они лишь укрепились во мнении, что школа должна произрастать на национальной почве, резко критиковали механическое перенесение западных образцов¹. Эти взгляды были близки и М. И. Семевскому. Во время инспекционной поездки по Псковской губернии он составил собственное мнение о задачах народной школы, и не только разделял идею, что школа должна отражать представления народа об образовании, но и активно пропагандировал взгляд на целесообразность существования в условиях пореформенной России сословной школы, ориентированной для низших сословий на формирование практических навыков и ограниченного круга знаний, не выходящего за рамки целесообразности в понимании тех социальных слоев, для которых предназначен данный тип учебных заведений.

Уже в начале своего жизненного пути М. И. Семевский воспринял идеи просветительства. И если его педагогические, исторические и политические позиции менялись во времени, то просветительские взгляды сложились в устойчивой, завершенной форме. Во многом этому способствовало время. М. И. Семевский как-то заметил, характеризуя убеждения одного из своих корреспондентов, что тот был человеком своего времени, и уточнил – своей молодости². Это замечание справедливо, прежде всего, по отношению к нему самому. Идея просвещения (узко конкретное проявление просветительства) была самой популярной в начале 1860-х гг. После отмены крепостного права, как отмечало и большинство современников, в частности сошлемся на Н. И. Костомарова, «оставалось желать одного – просвещения освобожденного народа и действительно это желание слышалось на устах всех образованных людей той эпохи»³. Если для многих это оказалось только минутным увлечением, данью моде, то для М. И. Семевского – убеждением, правилом поведения на всю жизнь.

¹ Егоров С. Ф. К. Д. Ушинский... С. 20.

² Русская старина. 1888. Т. 56. Библиографический листок. С. 19.

³ Костомаров Н. И. Литературное наследие. СПб., 1890. С. 124.

Просветительство, как справедливо отметила Р. Г. Эймонтова, автор единственного на сегодняшний день обстоятельного труда по истории русского просветительства второй половины XIX в., – явление культурологическое, но в условиях пореформенной России оно резко политизировалось, и в этом была его особенность. Второй особенностью, по ее мнению, было терпимое отношение к православию. В остальном течение не выходило за рамки общепринятых европейских критериев. Принимая точку зрения Р. Г. Эймонтовой, что просветительство в России продолжало бытовать как философское учение и образ жизни, перейдя и в форму образа действия, следует признать, что оно с неизбежностью должно было приобрести еще одну особенность, не отмеченную в предшествующих исследованиях. Обратившись к народу, просветители вынуждены были изучать собственный народ, познать объект просвещения. Европейское просветительство зарождается и развивается на национальной культуре, являясь отражением развития внутренних социально-политических процессов. Русское просветительство первоначально существовало как философское учение и образ жизни немногих, заимствованное с запада. Оно не выросло из национальной культуры, оно вращалось в русскую культуру.

Одной из первых практических задач, которую поставили перед собой просветители, было решения вопроса о распространении элементарной грамотности среди населения, без чего невозможно было предпринимать прочие шаги. Просветители взялись за изучение собственного народа. Так В. Л. Сорокин вспоминал, что Ф. Ф. Рензлер¹, в последствии известный педагог, настаивал на знакомстве со средой, из которой происходили ученики. «...С этой целью предлагал нам, – вспоминал В. Сорокин, – ходить по простонародным трактирам и харчевням, смешиваться так же с толпой, присматриваться к ней и таким образом изучать народ»². В своем стремлении познать народ, как известно, просветители были неоригинальны и не одиноки. Ранее их свое внимание на народе сосредоточили славянофилы. «Не для того, чтобы сделать науку популярною, – как заметил И. С. Аксаков, – т. е. понятною и доступною простому народу, а для того, чтобы

¹ Рензлер Ф. Ф. (1825 – 1881) – педагог, один из первых теоретиков и популяризаторов идеи свободного воспитания. В 1860 – 1866 гг. руководил бесплатным училищем для бедных детей в Петербурге. В 1871 – 1873 гг. директор ремесленного приюта в Петербурге.

² Сорокин В. Л. Воспоминания старого студента // РС. 1888. Т. 60. С. 619.

самим возродиться в духе народности и обрести правый путь...»¹. стали славянофилы вникать в народное мировоззрение. Народническое движение смотрело на крестьянство лишь как на объект и инструмент революционных преобразований, интересы народа они видели через призму собственных представлений. Просветители, обратив свои взоры к народу, должны были быть практичны и реалистичны, в противном случае они не смогли бы даже приступить к решению выдвинутых задач, важнейшей из которой было создание такой народной школы, которая была бы востребована крестьянством.

У М. И. Семевского была внутренняя потребность в изучении народа, хотя он никогда не переходил грань, отделяющую сословия.

¹ Аксаков И. С. История моего знакомства с Гоголем. М., 1890. С. 15.

Глава 3.

Книжное собрание. Собирательская деятельность

§ 1. Библиотека

История книжного собрания М. И. Семевского до настоящего времени не привлекала внимания исследователей. Имя его никогда не включалось в энциклопедические и справочные издания по истории книги¹. Не упоминался он и в обобщающих трудах по книговедению, только в указателе Г. Д. Никольцевой его деятельность определена как библиофильство². В результате, в ставшей уже классикой книге И. Е. Баренбаума и Н. А. Костылевой «Книжный Петербург – Ленинград» М. И. Семевский фигурирует только в связи с его деятельностью по подготовке к изданию трудов «Русского географического общества»³. В небольшой статье Е. В. Бронникова приведена справка об истории библиотеки, составленная по монографии В. В. Тимошук, и не содержащая в себе новых сведений⁴. Определенный интерес к книжному собранию М. И. Семевского возник в связи с организацией фонда редкой книги в Государственном музее политической истории России и выделении принадлежавших ему книг из собрания библиотеки. Итогом этой работы стал каталог той части собрания, которая хранится в музее⁵. Между тем вся читающая Россия XIX в. со времени издания «Русской старины» знала о существовании внушительного книжного собрания у М. И. Семевского. Пользуясь правом редактора, он при малейшей возможности сообщал читателям о раритетах и новинках из своей домашней библиотеки. Уже в середине 1860-х гг., спустя десять лет со дня создания, ее по достоинству оценил известный библиофил Г. Н. Геннади, включив в реестр 275 наи-

¹ Книговедение. Энциклопедический словарь. М., 1982.

² Никольцева Г. Д. Книга в России: 1850-е гг. – 1917 г.: указ. дорев. лит. Ч. 1. Л., 1986. С. 159.

³ Баренбаум И. Е., Костылева Н. А. Книжный Петербург – Ленинград. Л., 1986. С. 175.

⁴ Бронникова Е. В. О приобретении Г. В. Юдиным части библиотеки М. И. Семевского // Мир источниковедения: (сб. в честь Сигурта Оттовича Шмидта). М.; Пенза, 1994. С. 116 – 119.

⁵ «В этих книгах вся моя скромная трудовая жизнь...». Каталог книг библиотеки М. И. Семевского из собрания Государственного музея политической истории России. СПб., 2002.

более значимых библиотек страны (как частных, так и общественных) под номером восемь¹.

Увлечение М. И. Семевского книгой во многом могло быть предопределено эпохой, в которой он вырос. То было время преддверия «великих реформ», время бесконечных вопросов, сомнений, размышлений о настоящем и будущем России. Смерть Николая I, падение Севастополя в ходе Крымской войны, новый курс правительства, отождествляемый с личностью Александра II, повернувшегося к реформам – все будоражило умы, служило предметом размышлений. Современники свидетельствовали, что неискушенный в осмыслении сложных политических проблем обыватель искал ответы на насущные вопросы в исторических аналогиях и литературных произведениях. В обществе начался читательский голод. В несколько раз увеличились тиражи издаваемых журналов, создавались новые, с восторгом слушались публичные лекции. Но, не найдя ответов на волнующие вопросы, обыватель, в основной своей массе, быстро потерял интерес и к литературе, и к журналистике. Тем не менее, эта эйфория, длившаяся всего чуть более десяти лет (с середины 1850-х до середины 60-х годов), успела сформировать поколение людей, живших, как заметил В. Д. Спасович, «с верою в идеалы и порывистым стремлением к их осуществлению»². Годы эти породили особое отношение к печатному слову. Не редкость, что тогда «офицеры уходили в отставку, – подметил Н. В. Шелгунов, – чтобы открыть книжную торговлю, заняться издательством или основать журнал»³. Вихрь времени захватил и юного М. И. Семевского. В восемнадцать лет, в 1855 г., он окончил кадетский корпус и надел мундир офицера лейб-гвардии Павловского полка. Когда в 1856 г. полк, в котором служил М. И. Семевский, был отправлен в Москву на торжества по случаю коронации Александра II, представившаяся возможность новых светских развлечений не соблазнила молодого человека. В письме от 6 марта 1856 г. своему первому домашнему учителю О. И. Малевичу он так описывал распорядок дня: «Вот мои ежедневные занятия: вставши в 7 часов (постоянно, это еще корпусная привычка...), напившись чаю, сажусь за книгу или иду (до 2-х часов) в Университет, или пишу что-нибудь. В два часа обед... Снова книга или дружеская беседа. В 6 часов – вечер, не танцевальный, но литературный»⁴. По-

¹ Геннади Г. Н. Указатель библиотек в России. СПб., 1864. С. 10.

² Спасович В. Д. Сочинения. СПб., 1913. Т. 8. С. 320.

³ Шелгунов Н. В. Сочинения. СПб., 1895. Т. 2. С. 654.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 239, л. 6.

сещение литературного салона А. Д. Галахова, вечера у А. Н. Островского и «спекуляции по части скупки книг»¹, как называл свои первые шаги по собирательству сам М. И. Семевский – доставляли ему истинное наслаждение. «Странно, что ныне меня радует: две – три сотни новых книг, да два – три новых шкафа! – писал он отцу. – Что-то будет приводить в восторг через десять лет»².

Библиотеку он стал собирать в первые же дни своей самостоятельной жизни, что позже отметил на экслибрисе, указав дату – 11 июня 1855 г. (день выпуска из Дворянского полка). Спустя годы вспоминал, что «в самый первый день производства в офицеры, отправился на толкучку, и на скудные гроши прапорщичьего жалования купил несколько книг, ... ассигновав для этого первоначально 15 рублей, ... увлекся, ухнул 75 целковых», приобрел «довольно, впрочем, редкие и дельные» книги³. В другой раз купил 67 книг. Одно из приобретений выделил особо, назвав «дорогим самоцветным камнем» – это была «История Государства Российского» Н. М. Карамзина⁴. «Есть, конечно, из них книжечки, показывающие торопливость прапорщика», – признавался он в письме к своему учителю словесности по корпусу Г. Е. Благодетелю. К тому же, потратил на них деньги, отложенные на покупку сюртука: «Одним сюртуком будет меньше – зато книг сколько!»⁵. На что тот не без иронии заметил: «Приобретение книг – дело хорошее с Вашей стороны; Вы совершили истинно героический подвиг на месте гвардейского офицера: отказались от нового сюртука и закупили себе едва ли не всю российскую словесность? Да здравствует наука! Это ее победа и над Вашим кошельком и над Вашим сердцем...»⁶. Добавим, и над желудком. В результате любви к науке дневной рацион молодого гвардейского офицера состоял из нескольких кусков хлеба и чая, иногда он баловал себя творогом с молоком. Но страсть брала верх над здравым смыслом, и М. И. Семевский «рыскал» по книжным развалам Москвы и Петербурга «с офицерскими эполетами чуть ли не один». «Книги продавались очень дешево и сосновый дешевый шкаф в бедной обстановке

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 831 а.

² Цит. по: Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский – основатель исторического журнала «Русская старина». СПб., 1895. С. 58.

³ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 28, л. 5.

⁴ Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 51.

⁵ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 831 а.

⁶ Благодетель Г. Е. Письма к М. И. Семевскому // Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... Приложение. С. 18.

прапорщика быстро наполнялся книжными редкостями», – писал он о своем увлечении в набросках к мемуарам¹. Только в первый год он приобрел примерно 250 книг. Бережно хранил также и книги, врученные как подарки на выпускном экзамене в корпусе: «Энциклопедию естественных наук», сочинения Ф. Шодле (1855), «Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты» А. А. Рафаловича (СПб., 1850), врача и путешественника, произведения которого зачитывалась вся Россия, а также «Руководство молодого офицера» и «Курсы артиллерии и фортификации». Пытался М. И. Семевский раздобыть книги и из домашней библиотеки отца, особенно в первое время по выходе из корпуса, когда был очень стеснен в средствах. «Папаша, будьте так добры, помогите в книгах, громадная Федорцовская Ваша библиотека пока мертвый капитал: ссудите Вашего Мишу..., – взывал он к родителю, – будьте так милостивы, дорогой папенька, я Вам обязуюсь сберечь эти книги и по первому же требованию возратить; из Публичной библиотеки на дом книги брать нельзя...»². В архиве М. И. Семевского хранится сложенная вдвое четвертушка листа – «Список книг, взятых из библиотеки И. Е. Семевского и находящихся в библиотеке М. и А. Семевских» – 32 тома, 16 названий³. Среди них – сочинения Д. И. Фонвизина, И. А. Крылова, М. Ю. Лермонтова, И. А. Гончарова, Екатерины II, «История польских корней» (на польском языке – мать Семевского была полькой, да и сам род Семевских пытался доказать свое шляхетское происхождение)⁴. Отец откликнулся на просьбу сына, впрочем, в семье всегда были доверительные отношения между родителями и детьми.

Иван Егорович Семевский и сам всю жизнь собирал книги. Несмотря на превратности судьбы, необходимость добывать пропитание своему многочисленному семейству то службой по выборным должностям в Великолукском уезде, то экономом в Полоцком кадетском корпусе, то управляющим в имении князя И. Ф. Паскевича-Эриванского под Вязьмой, заложенного и перезаложенного имения, вечные долги, малый доход, отставной штабс-капитан сумел собрать у себя в имении Федорцово Великолукского уезда «весьма значительную» библиотеку, по мнению его младшего сына историка Василия Ивановича. «Книжные шкафы, – как вспоминал В. И. Семев-

¹ Благосветлов Г. Е. Письма к М. И. Семевскому... С. 29.

² Цит. по: Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 30.

³ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, д. 508.

⁴ Кох О. Б., Пархомик Н. В. «Имение это останется в роде Семевских...» (Сельцо Федорцово Великолукского уезда) // Псков. 2002. № 16. С. 73 – 76.

ский, – занимали все стены большой комнаты в три окна»¹. К книгам Иван Егорович относился бережно, все они были пронумерованы и подписаны, на многих из них стояла печатка владельца или был наклеен экслибрис, что известно по немногим сохранившимся экземплярам в коллекции ГМПИР. Экслибрис представлял белый прямоугольник с двойной рамкой и довольно крупной надписью в центре: «Библиотека села Федорцова»². О составе книжного собрания почти ничего неизвестно. Дошедшие экземпляры – это литературные журналы 40-х гг., в частности, «Современник»³. Библиотека была так дорога И. Е. Семевскому, что в духовном завещании он оговорил ее судьбу после своей смерти. «Библиотека, собранная в течение нескольких десятков лет моей жизни, со всеми находившимися в ней книгами, хотя бы они и принадлежали другим братьям, но записаны в каталог, я бы желал, чтобы остались в Федорцовской библиотеке, которая совместно с движимостью дома должна принадлежать владельцу [Федорцовскому] без всякого разделения» – гласил особый пункт завещания⁴. Когда сын Михаил начал собирать свою библиотеку, он нашел самую горячую поддержку. Но повлияли ли интересы отца на рано сформировавшееся увлечение сына, как он сам сообщал в те годы, «книгами историческими и, главным образом, в сфере отечественной истории» – неизвестно⁵. Молодого Семевского привлекала также и русская литература. По выпуске из корпуса в 1855 г. он сработал под руководством известного педагога и переводчика И. И. Введенского над историей русской комедии. Интерес к русской истории и литературе, в основном XVIII – начала XIX вв., определил в дальнейшем и направление издаваемого им с 1870 г. журнала «Русская старина».

К 1858 г. библиотека насчитывала уже 557 книг⁶, и тогда в жизни М. И. Семевского произошло событие, составившее «эпоху». Товарищ младшего брата Александра по Артиллерийской Академии

¹ **Семевский В. И.** Автобиографические наброски // *Голос минувшего*. 1917. № 9 – 10. С. 8.

² «В этих книгах...» С. 68.

³ Календарь на 1850 г. СПб., 1849 (ГМПИР Ф. 14, ед. хр. 5080); *Русский вестник*. М., 1858. Т. 18 (ГМПИР Ф. 14, ед. хр. 1839); *Современник*. СПб., 1849. Т. 13, 14 (ГМПИР Ф. 14, ед. хр. 1782 – 1783); *Современная летопись*. М., 1858. Т. 13. (ГМПИР Ф. 14, ед. хр. 1840).

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 2, д. 3, д. 3.

⁵ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 3 об.

⁶ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, . 508.

Н. В. Ханыков, сын члена Государственного Совета и брат государственного преступника петрашевца А. В. Ханыкова, подарил ему 680 томов ценою почти в 2 тысячи рублей. В их число входило: 40 томов философской энциклопедии, 45 томов великолепнейшего издания полного собрания сочинений Вольтера, «Полное собрание законов Российской империи» – это были лучшие сочинения из громаднейшего собрания, доставшегося Н. В. Ханыкову по наследству. «Можете представить себе, с каким наслаждением посвятили мы весь вчерашний день на разборку этого сокровища! Скоро, скоро надобна будет новая квартира ради книгохранилища гг. Семевских» – писал он отцу¹. Наибольший восторг вызвала копия с подлинного архивного списка «О Кожуховских маневрах 1694 г.», выполненная для А. А. Аракчеева. На рукописи сохранились собственноручные пометки первого владельца. М. И. Семевский незамедлительно использовал ее для научной работы, написав статью об этом событии². Спустя годы, в 1877 г., он подарил эту рукопись в библиотеку Великолукского реального училища³.

1858 г. был чрезвычайно удачным – библиотека стремительно увеличивалась: в августе насчитывала три тысячи томов, а в ноябре – четыре. Н. В. Ханыков подарил еще и «Библиотеку для чтения» за 1834 – 1838 гг.⁴, и теперь Семевские располагали полным комплектом журнала с начала издания до 1856 г. Порадовал и подарок отца – журнал «Современник» за 1840-е гг.⁵. Не без гордости отметил Михаил, что «Федорцовская библиотека заняла два с половиной шкафа, благоприобретенная – четыре с половиной шкафа»⁶. Библиотека размещалась в самой большой комнате, или гостиной, в сосновых шкафах (некоторые книги стояли в два ряда) и имела вид «настоящей библиотеки», как считал ее владелец. Квартирка Семевских в Саперном переулке была небольшой: три комнаты, перегороденные на шесть, так что прихожая совмещалась с темной кухней, столовая с комнатой Михаила и библиотека, она же гостиная, с комнатой брата Александра. Младший брат Петр, часто прибегавший из кадетского

¹ Цит. по: Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 557.

² Семевский М. И. Кожуховский поход – обозрение рукописи, заключающей в себе современное описание 1694 г. // Иллюстрация. 1859. № 43 – 49.

³ РНБ. Ф. 905 НСРК, оп. 2, д. Q. 437, л. 30.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 658 об.

⁵ ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 1787.

⁶ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, . 41, . 638.

корпуса, отправил в 1857 г. отцу подробный план этого жилища¹. Интересно, что в комнате Михаила была отдельная полка для книг, взятых у друзей и знакомых для чтения.

Известный библиофил Я. Ф. Березин-Ширяев оставил описание библиотеки, относящейся к концу 70-х гг. XIX в., М. И. Семевский жил тогда в доме Трута на Надеждинской улице. «Библиотека... помещалась в двух комнатах и размещена в больших со стеклами шкафах, расставленных вдоль стен. Книги большею частью в переплетах и расставлены на полках в большом порядке, а рукописи сохраняются в картонках с надписями и номерами. Кроме того, у Семевского есть большая коллекция портретов известных русских личностей и собрание редких гравюр прошедшего столетия, начиная со времени Петра I. Некоторые портреты и гравюры находятся в рамках под стеклами и развешаны в комнатах по стенам и на дверях, другие сохраняются в портфелях и картонках»².

Библиотека не всегда была единоличной собственностью М. И. Семевского. Почти четыре года (с 1857 по 1861 гг.) он делил право на нее с братом Александром Ивановичем, который «лично содействовал приращению библиотеки»³. Но когда в 1861 г. за участие в студенческих волнениях последовал арест А. И. Семевского и перевод в Брянск, то он великодушно оставил все свои приобретения, «из книг взял только математические и военные»⁴. Передавая в дар в 1877 г. Великолукскому реальному училищу около 3 тысяч томов, М. И. Семевский в память о днях юности на специально изготовленном для этих книг экслибрисе написал: «Из собрания М. И. и А. И. Семевских»⁵.

К моменту, когда М. И. Семевский становится полным хозяином книг, библиотека достигла внушительных размеров. В октябре 1863 г. в письме к О. И. Малевичу он писал, что, переехав на новую квартиру, расставил книги в 22 шкафа, всего 2100 названий, 6200 томов⁶. Достоверных данных о размерах всего собрания к концу жизни владельца, к сожалению, нет. Выставляя библиотеку на продажу в 1893 г. вдова Е. М. Семевская указывала 6 тысяч названий, но это

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 557.

² Из записок Я. Ф. Березина-Ширяева // Русский библиофил. 1912. № 3. С. 21.

³ ИРЛИ. Ф. 265, оп. 2, д. 4607, л. 222.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 737.

⁵ Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 160; РНБ. Ф. 683, д. 21; ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 1855.

⁶ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 28, л. 5 об.

была только часть собрания¹. Можно предположить, что все собрание насчитывало не менее 8 – 10 тыс. названий книг или 20 – 30 тыс. томов. Во-первых, на одной из книг, подаренных в марте 1891 г., за год до смерти, М. И. Семевский поставил номер 7593², поэтому цифра в восемь тысяч сомнения не вызывает. Во-вторых, регистрация библиотеки всегда велась по отделам, которых насчитывалось 12. В сохранившемся каталоге I отдела (история России), относящемуся к концу 1860-х – началу 1870-х гг., значилось более 4 тыс. единиц³. Остальные отделы, вероятно, были меньшими, поскольку представляли побочные интересы хозяина. Следовательно, при расчетах получаем ту же цифру в 10 – 12 тыс. названий. Если соотношение названий к томам принять аналогичным состоянию 1863 г., то в библиотеке хранилось не менее 20 – 30 тыс. томов, при этом цифра скорее занижена, поскольку М. И. Семевский стремился собирать комплекты газет и журналов за все годы их издания. Такая библиотека, несомненно, требовала особого помещения. В 1879 г. он переселился в дом на Большой Подъяческой, доставшейся жене в наследство после смерти ее отца, где занимал две квартиры. В одной жил с семьей, во второй размещалась приемная журнала «Русская старина», а также часть библиотеки. В конце 1880-х гг. в этом же доме будут располагаться его книжный и антикварный магазины.

С самого начала владелец научно оформлял библиотеку. Все книги были пронумерованы и помечена их принадлежность. Первоначально это была надпись на титульном листе: «книга из библиотеки А. и М. Семевских», как правило, указывался источник поступления. Так, например, на одном из томов «Полного собрания законов Российской империи» (СПб., 1848) отмечено: «Подарок Н. В. Ханыкова. 1859 года, августа, 17-го»⁴. Если книга была куплена, то фиксировалось место покупки и цена экземпляра: «Заплачено в Париже 13 фр. (3 р. 20 коп. сер.) Августа 15/17 1859 г.» – память о поездке за границу в 1859 г. Сувениром стали книги – издания Вольной русской типографии, в частности, сочинение «О повреждении нравов в России» князя М. М. Щербатова и «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, издательский конволют с предисловием Искандера⁵.

¹ Бронникова Е. В. О приобретении Г. В. Юдиным... С. 118.

² ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 3104.

³ ИРЛИ. Ф. 265, оп. 2, д. 4607.

⁴ ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 4833.

⁵ ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 3468.

В дальнейшем появился экслибрис. Он был прост – прямоугольник с двойной рамкой и надписью: «Из книг М. И. Семевского». Была указана также дата основания библиотеки и графы: отдел, год и место приобретения, цена. Известно, по крайней мере, 4 варианта этого экслибриса только в собрании ГМПИР¹. У. Г. Иваск опубликовал один из вариантов, отметив, что их было несколько, и что размер и рамки экслибрисов были различными². На некоторые книги, даже в поздние годы Михаил Иванович экслибрис не клеил, только на обороте форзаца, в уголке, писал номер регистрации по своей библиотеке. Это были книги с необычной судьбой, принадлежавшие в прошлом, как правило, известным лицам. Так хранил он книгу декабриста Евгения Оболенского, побывавшую в Сибири, купленную у княгини Оболенской неким А. Гончаровым и подаренную ему, как свидетельствует надпись на форзаце, 12 марта 1891 г.³

Когда он смог оплачивать переплетные работы, книги (в основном новые поступления) получили одинаковые красные кожаные или коленкоровые переплеты с золотым тиснением по корешку названия книги и неизменным указанием «Библиотека М. И. Семевского» или только двух литер «М. С.». Переплеты выполнялись, в основном, в мастерской К. В. Экгарта на Восьмой линии Васильевского острова⁴. Более ранний переплет был синего цвета, это относилось ко времени обучения в кадетском корпусе и первым годам службы.

В течение многих лет велся и каталог библиотеки. К сожалению, сохранилась только одна книга регистрации – I отдела⁵. Начало ему было положено в октябре 1858 г. «Труд, который займет добрые два месяца», – писал М. И. Семевский отцу⁶. Этим утомительным делом занимался не столько сам Михаил Иванович, сколько его младшие братья. Судя по анализу почерков, которыми написан каталог, самое активное участие в работе принимали Петр и Егор, тогда кадеты Константиновского корпуса, приходившие по воскресным дням домой. Отношения между ними были хорошие, братья уважали М. И. Семевского и как старшего, и как человека уже знаменитого. К этому времени он выступил на страницах журналов с рядом статей и

¹ «В этих книгах...» С. 67.

² Иваск Г. У. Описание редких книжных знаков. М., 1905. С. 255.

³ ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 3104.

⁴ «В этих книгах...» С. 36 – 37.

⁵ ИРЛИ. Ф. 265, оп. 2, д. 4607.

⁶ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1. д. 41, л. 649.

опубликовал большой труд о родном городе Великих Луках¹. Он заботился о них, как мог, и фактически заменил им отца: хлопотал о зачислении в корпус, снабжал одеждой, нанимал учителей по французскому языку и танцам, давал деньги на сладости по воскресеньям. В письме отцу от 28 декабря 1859 г. подробно расписывал свои благодеяния: «Я, слава богу, из своей копеечки с удовольствием и легко плачу за уроки Васи (все это до 1 января составило около 20 рублей по 2 ч. в неделю по 75 копеек урок, что и заплачено), плачу Жоржу за его солдата по 1 рублю в месяц, обоим им каждое воскресенье по 60 копеек на сувениры. Пете на его чертежи и проч. Конечно, все это немного, но средства увеличиваются, и я не оставлю братишков, как не оставил бы каждый из нас, тем паче что здесь подвига нет, братья оплачивают мне всевозможными мелкими услугами...»². Одной из таких мелких услуг и было написание каталогов библиотеки. Только в одном месте несколько книг записаны Александром. Сам М. И. Семевский в основном руководил работой. Только 138 номеров (с № 3964 по № 4194) написаны его рукою. Но он делал многочисленные пометки, указывающие на многократные переезды владельца с квартиры на квартиру (например, размещение по ящикам), исключение книг из каталога в случае выбытия их из библиотеки (в основном, подарки). Каталог выявляет кропотливую работу владельца по систематизации библиотеки. Она привела к тому, что из отдела книг по русской истории были изъяты брошюры, рукописи и вырезки из газет, по свидетельству Я. Ф. Березина-Ширяева, они хранились отдельно в картонах³. Оттиски статей из журналов, отдельные документы, брошюры были объединены под одним номером. Оттиски указов Анны Иоановны (8 единиц) под № 765, произведения М. Н. Лонгинова за 1858 – 1860 гг. (9 единиц) под № 768 – в результате появлялись сборники одного автора. Составлялись конволюты и по иному принципу, по определенной теме: описание монастырей и церквей (9 единиц) под № 920, сведения о святых угодниках (13 единиц) под № 927. Иногда М. И. Семевский руководствовался и более простым принципом – собрать в тома россыпь оттисков и брошюр, что более

¹ **Семевский М. И.** Несколько слов о фамилии Грибоедовых, письмо к редактору // Москвитянин. 1856. № 12; Он же. Ледяной дом, шуты и забавы при дворе Анны Иоановны 1740 г. // Общезанимательный вестник. 1857. № 16; Он же. Великие Луки и Великолуцкий уезд, заметки. СПб., 1857.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 755 об.

³ Из записок Я. Ф. Березина-Ширяева... С. 21.

удобно для пользования. Например, под № 1382 числились «Сборники исторических статей разных авторов».

Книжное собрание всегда в большей или меньшей степени соответствует вкусам, интересам, интеллектуальным запросам хозяина. Это живой организм, изменяющийся, как и его владелец. За годы жизни в М. И. Семеvском произошли существенные перемены. Состав библиотеки, созданной молодым гвардейским офицером, соответствовал его разносторонним и еще не определившимся интересам. Вначале было выделено 12 разделов: Петр I, законоведение, страна и путешествие, словари, военно-математический, богословско-педагогический, медицина, хозяйство, французские книги, что известно из письма к отцу 1859 г.¹ Такая библиотека могла быть в доме любого образованного человека в середине XIX в., за исключением первого раздела, в тематике которого уже ярко проявились научные пристрастия владельца. Отдел «страна и путешествие» с годами становится внушительным, судя по распродажам библиотеки наследниками в 1895 и 1903 гг., на которых в основном были представлены книги этой тематики². Можно предположить наличие в библиотеке педагогической литературы, поскольку М. И. Семеvский никогда не порывал с педагогической деятельностью.

Менялся М. И. Семеvский, менялась и его библиотека. В 1872 г. в доме появилась еще одна библиотека – жены и дочерей, о чем свидетельствует единственный дошедший до нас экземпляр – стихи Тараса Шевченко с особым экслибрисом³. Разумное решение просвещенного человека второй половины XIX в. – женщины и дети должны иметь свой круг чтения.

В 1877 г. М. И. Семеvский расстается со своей юношеской библиотекой, подарив большую часть ее Великолукскому реальному училищу: 987 названий книг; 2818 томов и брошюр. При передаче был составлен каталог, поэтому состав книг известен⁴. Каталог повторяет разделы собственной библиотеки. Достаточно полно представлены издания сочинителей XVIII – начала XIX вв. Русская словесность была предметом его особого внимания в молодости. Имена М. В. Ломоносова, В. А. Озерова, Я. Б. Княжнина, Г. Р. Державина, М. Н. Карамзина, М. Н. Загоскина и др., часто мелькавшие на страницах писем 1850 – 1860 гг., особенно полно представлены в каталоге

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 654 об.

² Тимошук В. В. Михаил Иванович Семеvский... Обложка.

³ Шевченко Т. Г. Кобзарь. 3-е изд. СПб., 1876. (ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 4008).

⁴ РНБ. Ф. 905 НСРК, оп. 2, д. Q. 437.

(365 названий). Среди периодических изданий – основные журналы: «Библиотека для чтения», «Вестник Европы», «Русский вестник» – комплекты за несколько десятилетий. В отдел вошло 1406 единиц. Среди них М. И. Семевский особо выделил «Морской сборник», оказавший сильное влияние на общественную жизнь России конца 1850 – начала 1860-х гг., сделав в каталоге следующие пометы: «1855 – 1859 гг. ... замечательны по статьям Н. И. Пирогова», «1858 – 1860 гг. – в книгах множество весьма замечательных статей, имеющих государственное значение»¹. Журнал издавался по инициативе управляющего Морским министерством вел. кн. Константина Николаевича и был одним из первых периодических изданий, которое публично поставило вопрос о необходимости преобразований в России. И многие годы спустя «Морской сборник» оставался недостижимым образцом журналистики, будирующей общественное мнение. Еще в юности М. И. Семевский высоко оценил деятельность Морского ведомства. «Ему мы обязаны поднятием весьма важных вопросов, – утверждал еще в 1860 г., – не только для его ведомства, но и дорогих и близких всей России»². Многие годы спустя он не изменил своего мнения.

Самый небольшой отдел составили рукописи (28 ед.). В эти годы они представляли для М. И. Семевского особый интерес, их он редко дарил.

Библиотека М. И. Семевского к концу 1870-х гг., – библиотека журналиста, ученого, историка, библиофила. Составить общее представление о ее составе можно по упоминаниям раритетов в примечаниях к журналу «Русская старина», переписке с друзьями, воспоминаниям современников. Наиболее важным источником является уже упомянутый каталог, к сожалению, только первого отдела библиотеки, который он вел, видимо, до конца 1870-х гг.³. Каталог имеет развернутое название: «Старинные книги, важные для истории просвещения России; исторические документы, указы, материалы, оттиски, сборники; очерки, рассказы, записи, дневники, истории в тесном смысле; речи, письма, путешествия, география, статистика, юридические сочинения, относящиеся до России; биографии, словари; собрание законов, уставы, карты, планы». Всего в нем числилось 4194 единицы⁴. Заметим, что отдел, первоначально, посвященный только ис-

¹ РНБ. Ф. 905 НСРК, оп. 2, д. Q. 437. С. 20.

² Семевский М. И. Иван Скобелев // Русская речь. 1861. № 95. С. 47.

³ Каталогов более позднего времени обнаружить не удалось.

⁴ ИРЛИ. Ф. 265, оп. 2, д. 4607.

тории России первой четверти XVIII в. (Петр I), был расширен и охватывал историю России в целом.

Несмотря на внушительное число зарегистрированных в каталоге книг, приходится поставить под сомнение его полноту. Прежде всего потому, что в него не включены некоторые издания, о наличии которых в библиотеке известно по другим источникам. Например, здесь не обозначена истинная жемчужина его коллекции альманах «Звездочка» – четвертый выпуск альманаха «Полярная звезда» К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева на 1826 г., который из-за сокращенного объема получил иное название. Известно, что сохранилось всего два экземпляра этого издания. Один, более полный, принадлежал П. А. Ефремову, и был добыт им в 1862 г. перед сожжением тиража, хранившегося как вещественные доказательства по делу декабристов в кладовых типографии Главного штаба тридцать шесть лет. Второй из уцелевших – менее полный, поскольку листы были взяты для просмотра из типографии, вероятно всего, А. А. Бестужевым. Впоследствии они оказались в руках у А. Н. Креницина, с которым, несмотря на разницу в годах, близко сошелся М. И. Семевский. Они принадлежали к разным поколениям, но их роднило увлечение книгами и преклонение перед памятью декабристов. А. Н. Креницин передавал своему молодому другу для копирования, имевшиеся у него рукописи декабристов, и подарил сохранившийся экземпляр «Звездочки». В 1883 г. М. И. Семевский опубликовал текст альманаха, подчеркнув его исключительную библиофильскую редкость. Публикация выполнена в том составе материалов, как они были набраны в гранках – около 80 страниц текста, хотя к этому времени он был знаком со всеми произведениями, предполагавшимися к печати. Его однокашник и друг Н. Ф. Дубровин, допущенный к секретным архивам, располагал текстами, но печатать их М. И. Семевский не решился¹.

Можно предположить, что альманах «Звездочка» был включен в каталог (нет уверенности, что дошедший каталог полон и состоял только их одной книги) другого раздела – периодики, поскольку таковой существовал в библиотеке, однако, сомнительно, ведь и этот отдел не исключал нахождение в нем вырезок из газет и оттисков из

¹ «В 1882 г. Николай Федорович Дубровин, – уведомил читателей М. И. Семевский – сообщил нам весь сохранившийся в рукописи текст альманаха «Звездочка» на 1826 г.» («Звездочка» на 1826 год / Издание А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева // РС. 1883. Т. 39. С. 44). Н. П. Смирнов-Сокольский ошибался, считая, что публикация выполнена по копии снятой для Н. Ф. Дубровина (Смирнов-Сокольский Н. Ф. Моя библиотека. М., 1996. Т. 1. С. 20).

журналов. Возможно, М. И. Семевский не отмечал издания, которые могли привлечь ненужное внимание к его персоне. Однако невозможно представить его библиотеку без произведений, принадлежавших перу писателей-декабристов, и прежде всего, А. А. Бестужева-Марлинского, изучение творчества которого, возможно, и сформировало у него непреходящий интерес к судьбам участников движения. Биографию А. А. Бестужева он опубликовал в 1860 г. в «Отечественных записках»¹. Но еще в 1859 г. М. И. Семевский добился личного знакомства с сестрой братьев Бестужевых Еленой Александровной и через нее вступил в переписку с единственным из братьев, оставшимся к этому времени в живых, Михаилом Александровичем, проживавшим в Селенгинске. Он, несомненно, должен был обладать изданием, предпринятым Е. А. Бестужевой в 1860 г., произведений ее брата Николая Александровича, о котором уведомил публику статью в газете «Санкт-Петербургские ведомости»². Есть и прямые указания на наличие книг, принадлежащих перу декабристов, в его собрании, но отсутствующих в каталоге. Так, в 1871 г., когда каталог еще велся, на страницах «Русской старины» появилось следующее замечание: «Это издание (речь идет о книге К. Ф. Рыльева «Войнаровский». СПб., 1825) еще в конце 20-х годов сделалось библиографической редкостью. Экземпляр, поступивший в мою библиотеку, был куплен в 1830-х гг. за 200 руб. ассигнациями»³. Видимо, приобретен отцом – И. Е. Севе́вским. Примеры эти можно умножить. Из каталога первого отдела библиотеки известно, что М. И. Семевский собрал все официальные издания о следствии и суде над декабристами (Блудов Д. Н. Донесение следственной комиссии. СПб., 1826; Блудов Д. Н. Роспись государственным преступникам, приговором Верховного Уголовного Суда осужденным к разным казням и наказаниям. СПб., 1826; Донесение следственной комиссии от 26 июня 1826 года, разосланное при «Московских ведомостях»)⁴. Другие издания, касающиеся этой темы не обозначены. М. И. Семевский поддерживал тесные связи со мно-

¹ **Семевский М. И.** Александр Александрович Бестужев (Марлинский) – письма его с предисловием, примечаниями и приложением М. И. Семевского, 1797 – 1837 // Отечественные записки. 1860. № 5 – 7.

² **Бестужев Н. А.** Рассказы старого моряка. М., 1860; **Семевский М. И.** Николай Александрович Бестужев, 1791 – 1855, объявление о выходе в свет его сочинений и воспоминание о его жизни // Санкт-Петербургские ведомости. 1860, 6 октября. С. 3.

³ РС. 1871. Т. 3. С. 245.

⁴ ИРЛИ. Ф. 265, оп. 2, д. 4607.

гими декабристами. Так мемуары барона А. Е. Розена с автографом, изданные в Лейпциге в 1870 г. были подарены автором М. И. Семевскому в благодарность за посредничество в переговорах с Н. А. Некрасовым и уважение к памяти товарищей¹.

Нет в каталоге изданий и Вольной русской типографии в Лондоне, и также приходится усомниться, что их действительно не было в библиотеке, или они были представлены только теми единичными экземплярами, что известны по собранию ГМПИР². Одно из них – пятая книжка альманаха «Полярная звезда», которую М. И. Семевский приобрел во время своего первого заграничного путешествия, и вверху титульного листа сделал надпись, удостоверяющую сей факт: «Из книг М. и А. Семева. Заплачено в Париже 15 франков (3 р. 75 коп.) 1859 г. Авг. 5/17»³. «Письмо императору Александру II» имеет помету на экслибрисе: «Приобретена: в СПб.; подарена: не установлено кем». «Прерванные рассказы Искандера» имеет пометы: приобретена за 2 р <убля> в Луках, 1868 г.». Книги поступили в библиотеку в разное время. Интерес к произведениям и изданиям А. И. Герцена он проявил еще на студенческой скамье. Рукописные книги, составленные в 1855 – 1858 гг. Михайловановым, как он именовал себя на титульном листе одного из рукописных сборников, содержат тексты из «Колокола» и «Полярной звезды»⁴. Это не исключало, особенно в молодости, поиска нужных ему изданий у знакомых. Подобные просьбы часто были обращены к сотруднику «Русской старины» В. Р. Зотову: «Одолжите на недельку «Посмертные сочинения Герцена». Непременно возвращу»; «последний том «Былого и дум» мне очень нужен на самое короткое время»⁵. Предосторожность могла

¹ [Розен А. Е.] Записки декабриста. Лейпциг. 1879. – Дарственная на форзаце: «Михаилу Ивановичу Семевскому от автора 3-го дня 1873 г.» (ГМПИР Ф. 14, ед. хр. 3434).

² [Герцен А. И.] Письмо императору Александру II: разбор книги барона Корфа [Лондон: Вольная русская тип.], 1857 (ГМПИР Ф. 14, ед. хр. 3441); [Герцен А. И.] Прерванные рассказы Искандера. 2-е изд. Лондон: Trubner & Co, Вольная русская тип., 1857 (ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 3435); Полярная звезда на 1859, издаваемая Искандером и Н. Огаревым. Кн. 5. Лондон: Trubner & Co, Вольная русская тип., 1858 (ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 1858).

³ ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 1858.

⁴ Сборник прозаических и поэтических произведений. Ч. I, III. 1855 (ИРЛИ. Ф. 274., оп. 1, д. 437, 438); Сборник прозаических и поэтических произведений различных авторов. Ч. IV / составил М. И. Семевский. С-Петербург, 1867 (РНБ. Ф. 905 РСРК, оп. 2, д. Q. 91).

⁵ ИРЛИ. Ф. 548, д. 219, л. 17.

заставить его не включать запрещенные в России издания в каталог, хотя они, несомненно, были в его библиотеке.

Рукописная книга представлена в собрании раритетами, которым могли позавидовать и завзятые библиофилы. Увлеченность молодого человека подкупала многих, и ему часто дарили книги. На форзаце подлинной рукописи «Донесения ко двору о действиях флота от адмирала Чичагова в 1789 г.» сделана надпись рукою М. И. Семевского – «Подарена госпожой Шлум, 1857 г. февраль 15. СПб.»¹. В 1859 г. он сообщает в одной из своих статей, что письма Ф. М. Апраксина цитирует по рукописи, где «тщательно вписано 240 писем, полученных адмиралом от Петра I с 1708 по 1722 г.». «Драгоценный сборник этот, – писал далее, – найден мною в куче бумаг, приготовленных г. Ш*** к оклейке комнат», и при известной напористости собирателя стал, как видим, его собственностью². Первоначально многие приобретения происходили из Псковской губернии, куда он ездил к родным, а также по долгу службы объехал с инспекцией народных училищ в 1862 – 1863 гг. всю губернию, и поэтому рукописи тематически были связаны с историей Псковщины. Например, рассуждая о популярности комедии И. А. Крылова «Трумф», о чем свидетельствовало бытование большого числа рукописных списков текста, отметил, что «в нашей библиотеке так же есть список..., поступивший к нам из собрания бумаг, сколько помню А. Н. Креницина»³. В монографии «Авдотья Федоровна Лопухина» (М., 1859.) М. И. Семевский указал, что получил в подарок от П. и Т. В. Лопухиных, последних по мужской линии из своего рода, грамоты – «отпечатанные церковнославянскими буквами, со штофными покровами и большими красными печатями», о земельных владениях в Великолукском уезде⁴. На форзаце «Книги степенной царского родословия» (скоропись XVIII в.) сделал надпись: «Из Торопца от Анны Ивановны Фуфаевой. 4 июня 1863 г.»⁵. «Летописец (от Рюрика до 1563 г.)» (скоропись XVIII в.), представляющая компиляцию из Степенной книги и Хронографа, подарена неким Амосовым 20 января 1859 г.⁶. Публикуя в

¹ РНБ. Ф. 683, д. 21.

² **Семевский М. И.** Шарлота-Христина-София, принцесса Брауншвейг-Люнебургская, супруга царевича Алексея // Ваза. 1859. № 8. С. 59 – 61; № 9. С. 67 – 69.

³ РС. 1871. Т. 1. С. 163.

⁴ **Семевский М. И.** Авдотья Федоровна Лопухина. М., 1859. С. 3.

⁵ РНБ. Ф. 905 НСРК, оп. 2, д. F 321.

⁶ РНБ. Ф. 905 НСРК, оп. 2, д. F 143.

«Русском вестнике» статью о С. А. Порошине, слова благодарности обратил к барону М. И. Сердобину «за подарок этого любопытного манускрипта». Далее следовало описание: «Перед нами рукописный экземпляр известных записок Порошина, в трех толстых фолиантах... Этот список дневника Порошина принадлежал одному из ближайших друзей императора Павла – князю Александру Борисовичу Куракину...»¹. В последующие годы М. И. Семевский, часто совершая поездки по многим губерниям страны по заданию Археографической комиссии, членом которой был с 1871 г., старался выявлять и приобретать как рукописные книги, так и документы. Среди известных нам рукописных книг, принадлежавших М. И. Семевскому, нет особо ценных, в основном это рукописные списки XVIII в. Исключением можно считать лишь «Казанскую историю»². Предыдущие владельцы оставили на ней запись следующего содержания: «А сию купил в городе Казане в пеньковом ряду соликамской купец Иван Коршунов и уступил за всю цену кунгурскому купцу Михаилу Попову подписал svoеручно 1772 году ноября 3 дня». Книга перешла в его собственность, вероятно, во время неоднократных поездок в Пермь к брату Петру и по делам Археографической комиссии. Большая часть коллекции была подарена М. И. Семевским в Великолукское реальное училище. Следует отметить, что таким способом он вернул многие книги на место их первоначального бытования. Раритетных изданий в его библиотеке, несомненно, было больше, но выявить до настоящего времени их не удалось.

Особый интерес у М. И. Семевского вызывала книга XVIII в., поскольку именно этому веку он посвятил свои научные изыскания. Уже в начале своей собирательской деятельности, обладая рядом раритетов, любил похвастаться ими и перед друзьями, и перед читателями, делая особые подстрочные примечания в своих статьях. В этом плане особенно повезло книге Г. В. Крафта «Подлинное и обстоятельное описание, построенного в С-Петербурге в январе месяце 1740 г., ледяного дома». (СПб., 1741). В 1857 г. в статье, посвященной истории ледяного дома, он сообщил читателям, что книга Крафта «сделалась библиографической редкостью», и что «один из подобных экземпляров приобрел на постоялом дворе в Сычевском уезде Смо-

¹ Семевский М. И. Семен Андреевич Порошин: 1741 – 1769 // Русский вестник. 1866. Кн. 8. С. 423.

² РНБ. Ф. 905 НСРК, оп. 2, д. F 142. – Характеристика экземпляра дана в монографии Моисеевой Г. Н. Казанская история. М.; Л., 1954.

ленской губернии»¹. Спустя два года М. И. Семевский не только привел слова известного тогда библиофила М. Н. Лонгинова, ставшего впоследствии не менее известным начальником Главного управления по делам печати, что «книга эта так редка, что мне остается только завидовать тому, кто ее видал», но и с гордостью сообщал: «Мы имеем удовольствие, не только видеть, но и владеть экземпляром, который полнее даже экземпляра Публичной библиотеки...»². И наконец, в 1867 г. он вновь вспоминает об этой книге в связи с посещением книжных складов Академии наук. «Какую чрезвычайную редкость составляет пресловутое «Описание ледяного дома» 1740 г. соч. Крафта, а между тем, в академических складах эти книги имеются в нескольких сотнях экземпляров», – негодовал М. И. Семевский³. Последнее примечание интересно тем, что он привел сведения о составе библиотеки – наличии в ней книг XVIII в.: «Пишущий эти строки, в течение нескольких лет, с большим трудом, составил у себя отдел книг, вышедших за время с 1741 по 1761 г.»⁴. Непременно упоминал об имеющихся у него изданиях 1762 г. Например «Манифест об уничтожении тайной канцелярии» Петра III – «был напечатан на большом листу бумаги, на одной стороне в два столбца. Экземпляр имеется в моей библиотеке». Или Манифест 18 февраля 1762 г. о вольности дворянской – «опубликован Сенатом на отдельных листах»⁵. «Стихотворение Ивана Голеневского, имеющийся в моей библиотеке, «Плач на блаженной и вечно достойной памяти императрице Елизавете Петровне», напечатан в лист, при Академии наук в 1762 г.»⁶. Столь же целенаправленно он собирал книги, изданные в начале XVIII в. Все без исключения. В его библиотеке были «Арифметика Л. Магницкого (М., 1702), и «Рассуждения о древних и новых причинах Свейской войны» Петра Шафирова (М., 1718), уставы, указы и распоряжения, столь характерные для эпохи Петра I. Особо он выделил книгу, изданную в Амстердаме по указу Петра I в 1705 г.

¹ Семевский М. И. Ледяной дом. Шуты и забавы при дворе Анны Иоанновны // Общезанимательный вестник. 1857. № 16. С. 5.

² Семевский М. И. Елизавета Петровна до восшествия своего на престол // Русское слово. 1859. № 2. С. 274.

³ Семевский М. И. Рец. на кн.: «Библиографический сборник, изданный П. Ефремовым» // Голос. 1867. № 185. С. 3.

⁴ Семевский М. И. Рец. на кн.: «Библиографический сборник, изданный П. Ефремовым»... С. 3.

⁵ Отечественные записки. 1867. Июнь, июль, август. С. 62, 770.

⁶ РС. 1871. Т. 3. С. 592.

«Символы и эмблемата», сделав пометку «очень редкая книга», и отметил в каталоге не только число страниц – 289, но и наличие «839 рисунков с объяснением на голландском, немецком и славянском языках».

Не менее интересны конволюты в составе библиотеки М. И. Семевского, многие из которых связаны с жизнью и деятельностью их владельца. Создание конволютов – распространенный элемент книжной культуры XIX в., культуры чтения, так же как и бытование рукописной книги. В те годы подобными конволютами особенно славился известный библиофил П. А. Ефремов. Основой создания конволюта служил том сочинений какого-либо писателя, к которому добавлялись газетные и журнальные вырезки, вписывались дополнения, исправления, иконографические материалы, заказывались печатные обложки. П. А. Ефремов делал это мастерски и поэтому часто вводил в заблуждение и современников и позднейших исследователей, принимавших его самоделки за неизвестные типографские издания. Примерно так же делал свои конволюты и М. И. Семевский, но он никогда не пытался придавать им вид печатных изданий. Напротив, рукописные дополнения к печатным текстам ясно показывали, что это самоделка. Примером может служить том, своим появлением обязанный знакомству М. И. Семевского с В. И. Кельсиевым. Он имел стандартный красный переплет, от этого правила владелец никогда не отступал. Но этот экземпляр оригинален и по переплету – в верхнюю крышку врезан металлический крест. По поводу содержания и оформления тома М. И. Семевский на первом листе оставил подробное разъяснение: «Крест, врезанный в переплет этой книги, принадлежал одному русскому раскольнику-эмигранту, проживающему в Яссах. Раскольник благословил этим крестом Василия Ивановича Кельсиева, когда тот отправился из Ясс в Скуляпы (в мае 1867 г.) с целью передать себя в руки правительства. По получении полного прощения, в сентябре 1867 г. В. И. Кельсиев, уже освобожденный из тюрьмы, пожертвовал этот крест в библиотеку М. И. Семевского. До этого времени крест находился все время на груди В. И. Кельсиева. Помещенные в этой книге корректуры (в листах и сверстанная), есть первая статья В. И. Кельсиева, отданная им для печатания в «Отечественные записки», она предназначалась к печатанию в № 19-м этого журнала за 1867 г., но не была дозволена цензурою». На одном экземпляре корректуры, из числа помещенных в конволюте, дарственная; на другой – пояснительная надпись рукою В. И. Кельсиева: «Передаю Михаилу Ивановичу Семевскому за обещание сохранить для

потомков»¹. Самое необычное «издание» в библиотеке – «Полное собрание сочинений М. И. Семевского» в 10 томах, существующее в единственном экземпляре – любительский конволют из его собственных сочинений. М. И. Семевский отличался удивительной аккуратностью. У него хранились переплетенные в тома письма родителей, братьев, сестры². Переплетен был и весь архив «Русской старины». Видимо, это была семейная черта, поскольку в столь же аккуратных переплетах хранились и письма младших Семевских, собранные родителями, счета их личных денег, отчеты детей об учебе и прочее³, то, что в других семьях просто шло на растопку каминов.

Сохранилось лишь восемь томов «Собрания» (отсутствуют второй и третий тома)⁴, содержащие его публикации с 1856 по 1867 гг. Существовало и приложение к этому «Собранию сочинений»: бумаги, протоколы, проекты, корректуры подготовленных документов – предмет его деятельности как чиновника. В настоящее время известны два тома приложения, хотя их могло быть и значительно больше. Первый – посвящен вопросу подготовки крестьянской реформы в Царстве Польском в 1864 г. По поручению Н. А. Милютина, возглавлявшего Комитет, под руководством А. Ф. Гильфердинга, в последствии известного собирателя северного фольклора⁵, М. И. Семевский готовил материалы для реформы школы. Он глубоко вник в проблему. Результатом явилась серия публицистических статей по вопросам образования, которые и вошли в конволют⁶. На форзаце книги им была сделана соответствующая надпись: «Приложение к ПС сочинений М. И. Семевского к VII-му тому. Редакцией сего сборника, составленного А. Ф. Гильфердингом и напечатанного Н. А. Милутиным и занимаемый при его издании настоящей книги в мае 1864 г. М. Семевский»⁷. Аналогичный том появился и в результате его участия в ко-

¹ РНБ. Ф. 683, д. 20, л. 1, 18, 19.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 2, д. 8, 9.

³ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 2, д. 18.

⁴ ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 1772 – 1779.

⁵ Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные им летом 1871 г. М.; Л., 1949.

⁶ Семевский М. И. О применении русского алфавита к польскому языку // Русский инвалид. 1866. № 122. С. 3 – 4; Он же. Замечательная попытка применения русского алфавита к польскому языку – заметка по поводу книги: «Элементарь» // Отечественные записки. 1866. № 12. С. 749 – 764.; Он же. Средние учебные заведения в Царстве Польском // Русский инвалид. 1866. № 301, 303, 304.

⁷ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 30.

миссии для пересмотра устава реальных училищ, созданной в 1880 г.¹ Сюда вошли подготовительные материалы (обстоятельные ответы с мест на анкету), причем на многих листах есть заметки М. И. Семевского, и черновые протоколы пяти заседаний комиссии в феврале 1882 г., написанные им же. Был и «черновой» вариант. Все свои сочинения в черновиках, гранках, с исправлениями и дополнениями также оформлялись в отдельные тома, но переплет был скромным, использовался холст. Сохранился третий том – «Собрание сочинений, выписок, заметок М. И. Семевского, как печатанные, так и непечатные»².

Свое «Полное собрание сочинений» Михаил Иванович формировал по мере выхода в свет своих трудов. О разновременном появлении томов свидетельствуют различия в переплетах: так крышки первого тома оклеены бумагой под шагрень, остальные – из кожи с разнообразным орнаментальным тиснением на крышках, но номер регистрации по библиотеке на все тома один – 1381. Так было заведено, одно название – единый номер регистрации в каталоге. Он был присвоен, вероятно, в середине 1860-х гг.³ Внутри все тома оформлялись однотипно: рукописное оглавление, выполненное Семевским, с указанием номера и числа страниц на каждую статью; в каждом томе, в конце оглавления, педантично подведен итог; одна статья от другой отделялась несколькими белыми листами и нумеровалась в соответствии с оглавлением. Когда размеры вырезок не совпадали с книжным блоком, то листы подгибались. Если текст был вырезан из газеты, столбцы наклеивались на чистый лист, посторонний текст заклеивался. Четвертый и десятый тома отличаются тем, что в них вклеены после оглавления фотографии автора. Среди страниц и в этих томах, да и во многих других попадаются трогательные находки – засушенные цветы, веточки плакучей ивы. Память о поездках к знакомым в Парголово или в Павловск к семье? О чем напоминали они владельцу полного и единственного в своем роде собрания сочинений? Впрочем, сентиментальность – черта характера, отмеченная многими, кто знал Семевского. Он не мог, например, говорить о любви к родине, не прослезившись.

Благодаря такому своеобразному своду весь объем созданных М. И. Семевским сочинений как опубликованных, так и рукописных

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 417.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 9.

³ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 2, д. 4607.

предстает в обозримом виде. Конволюты сочинений М. И. Семевского представляют интерес не только как феномен книжной культуры второй половины XIX в. Они важны для характеристики мировоззрения их создателя. «Полное собрание сочинений» формировалось одновременно с самим процессом жизни, и вытекало непосредственно из этого процесса. В этом проявлялось отношение М. И. Семевского к самому себе как отстраненного зрителя, как биографа, собственная жизнь воспринималась как жизнь исторической личности, документальное отображение деятельности которой имеет общественное значение. Подобное восприятие собственной биографии характерно для мировоззрения, проистекающего из романтизма. Сотворение биографии, отражающей высшую, идеальную сторону жизни, было свойственно поколению 1820-х гг., но устойчиво сохранялось и позже в поколении 1840-х гг.¹ Вторая половина XIX в. – время широкого культурного течения, направленного на переоценку романтизма, искусство и жизнь начинают измеряться иными критериями, но пример М. И. Семевского позволяет утверждать, что уходящее культурологическое течение бытовало в сознании поколения 1860-х гг., несмотря на острую критику его со стороны В. Г. Белинского, а затем и Л. Н. Толстого, продолжавшуюся не менее чем два десятилетия. На мировоззрении М. И. Семевского безусловно сказался его интерес к жизни и творчеству А. А. Бестужева-Марлинского, увлечение которым было закономерным развитием дружеских отношений с А. Н. Кренициным. Увлечение было столь сильным, что он превратился в семейного летописца Бестужевых. Однако М. И. Семевский не был исключением. Влияние А. А. Бестужева-Марлинского на поколение 1860-х гг. было велико, благодаря таланту, но главное экзотическому фону повествования, сюжету и героям его произведений. Марлинский был одним из наиболее ярких представителей романтизма в русской литературе и, несмотря на развернувшуюся критику, он оставался популярен как в 1830-е гг., так и в последующие десятилетия². Только в середине 1860-х гг. интерес к нему читающей публики ослабевает, о чем свидетельствовали плохо расходившиеся тиражи новых изданий его произведений, предпринятых сестрой Е. А. Бестужевой. Относительная устойчивость книжной культуры,

¹ Например, романтическое сотворение биографии было свойственно А. И. Герцену – Гинзбург Л. Я. Автобиографическое в творчестве Герцена // ЛН. Т. 99. М., 2000. С. 8 – 17.

² Бэбби Л. Александр Бестужев-Марлинский и русский байронизм. СПб., 2001. С. 16, 205.

обращение в обществе книг, изданных в 1820-е гг. и, вероятно, повышенный интерес к декабристам в связи со сложившейся политической ситуацией в России в 1830 – 1840-е гг., продолжали сохранять и воспроизводить в обществе мировоззренческие установки, присущие романтизму.

Конволют собственных произведений М. И. Семевского интересен и тем, что представляет своего рода автобиографию их создателя. Произведения М. И. Семевского содержат массу мелких заметок о событиях его жизни, встречах, оценки ситуаций, отношение к виденному и прочитанному и т. п., причем в ранних произведениях он не скупился на подобные отступления. История написания и публикации статей, включенных в первые тома, охватывающие период 1856 – 1862 гг., подтверждают это положение¹.

Первая научная историческая работа М. И. Семевского «Несколько слов о фамилии Грибоедовых» (она открывает первый том) опубликована в 1856 г. в журнале «Москвитянин»². Тема была подсказана отцом, служившим в те годы управляющим в имении Хмелиты Смоленской губернии, некогда принадлежавшем Грибоедовым. В подвале господского дома хранились фамильные бумаги, они и послужили материалом для статьи. Отец же помогал собирать фольклор для работы «Великие Луки и Великолукский уезд» (СПб., 1857.), к сожалению, эти пословицы и поговорки не пропустила цензура³. Михаил Иванович всегда с любовью относился к родному Псковскому краю. Это было его первое, по-настоящему большое сочинение (211 страниц)⁴, результат длительной работы. Готовил он его тщательно, страдал, «что и вовсе не наступит той поры, когда буду писать право сказать что-нибудь существенное о плодах своих приятных и всяко от-

¹ Рассмотрены отдельные произведения, включенные М. И. Семевским в состав «Полного собрания сочинений»: Т. 1: 1856 – 1859 гг. № 1 – 15; Т. 4: 1861 г. № 52 – 68; Т. 5: 1862 г. № 69 – 74 (ГМПИР Ф. 14, ед. хр. 1772 – 1774).

² **Семевский М. И.** Несколько слов о фамилии Грибоедовых // Москвитянин. 1856. № 12. С. 309.

³ Впервые опубликованы сотрудником журнала «Русская старина» Н. Богупевским в 1896 г. в газете «Псковский городской листок» (20 марта, № 22) с примечаниями автора: «Собраны... со всего Великолукского уезда и смежных ему: Торопецкого, Холмского, Новоржевского, Опоченского, Невельского в августе 1863 г., сообщены М. И. Семевскому в числе 7000, если не больше, бывшему редактору-издателю журнала «Русская старина». Включены в издание: Петров С. Г. Сказания старины седой. Легенды, песни, обряды, пословицы, частушки Великолукского края. СПб., 2000. С. 207 – 218.

⁴ Цифра дана в подсчете М. И. Семевского (ГМПИР Ф. 14, ед. хр. 1772).

радных для меня занятий» (литературных – О.К.)¹. А добравшись до конца работы, сообщил отцу: «Папенька! Ура! Да здравствует Михаил Иванович! 10 января (1857 г. – О.К.) отнес я Якову Ивановичу Ростовцеву большой труд мой под заглавием «Историко-этнографическое исследование о Великих Луках...» с приложением красноречиво и от всей души написанного письма»².

Я. И. Ростовцев, будучи начальником военно-учебных заведений, не только знал, но и опекал, по долгу соседа по псковским имениям, всех малолетних Семевских. Одних только Ивановичей в разные годы училось шесть человек, а были еще и Васильевичи, двоюродные братья. Я. И. Ростовцев заметил Михаила на экзаменах. Понравилось выпускное сочинение – разбор мало тогда известной пьесы А. Н. Островского «Свои люди – сочтемся», и пригласил молодого человека прочесть сей опус в кругу своей семьи. Он и сам не был чужд литературы. Одно из его стихотворений М. И. Семевский опубликует в «Отечественных записках» в 1860 г.³ Но в историю Я. И. Ростовцев вошел не как сочинитель, а как предатель декабристов, на этом и сделал карьеру. Так что его утверждение, «жил честно я, в котле страстей» воспринималось современниками как неприкрытый цинизм. Даже родной сын Я. И. Ростовцева считал, что отец грешен, и искупить свой страшный грех может, лишь самоотверженно послужив делу освобождения крестьян, и взял перед смертью с него клятву. Отец клятву сдержал, но непомерные труды в Редакционных комиссиях свели в могилу и его⁴. М. И. Семевский узнал правду о Я. И. Ростовцеве только в 1856 г. В письме к Г. Е. Благовосветлову из Москвы от 29 марта сделал приписку: «Недавно, прочитывая попавшие мне известия о 14 декабря 1825 г., узнал я, что подпоручик Ростовцев, лейб-гвардии Егерского полка и ныне главный начальник штаба военно-учебных заведений, первоначально, будучи заговорщиком,... 12 декабря притом уведомив Николая I о туче, которая грозит разразиться над обитателями дворцов 14 числа. В ночь с 13 на 14 декабря Рылеев «всегда исполненный отваги» ободрял собравшихся товарищей, сказал: «умереть все равно, мы обречены на гибель», затем, показывая копию с письма поручика Ростовцева к Николаю I,

¹ ИРЛИ. Ф.274, оп. 1, д. 41, л. 560.

² ИРЛИ. Ф.274, оп. 1, д. 41, л. 508.

³ Семевский М. И. Биографические заметки: А. Креницин, гр. Я. Ростовцев и В. Соколовский // Отечественные записки. 1860. № 5. С. 292.

⁴ Джаншиев Г. А. А. М. Унковский и освобождение крестьян. М., 1894. С. 96.

прибавил: «Видите ль? Нам изменили...» «Ножны изломаны, – сказал Бестужев-Рюмин, и саблей спрятать нельзя». Последние двое повешены, первого – я не застал сегодня дома: он ускакал в одной карете с государем в Троицкую Лавру»¹.

Удивительно порою переплетаются человеческие судьбы! О Я. И. Ростовцеве поры вольнодумных мечтаний сохранилось много воспоминаний. В 1820 г. он читал у себя дома барону В. И. Штейнгейлю и К. Ф. Рылееву отрывок из своей трагедии «Пожарский», приготовленный для «Полярной звезды»². А в 1862 г. в газете «Северное слово» появился некролог на смерть барона Штейнгейля³, написанный М. И. Семевским, и даже изуродованный цензурой, он был вызывающе смел, особенно для осени 1862 г. Некролог появился 23, а 30 сентября государю Александру II было доложено, что П. Л. Лавров, М. И. Семевский, М. Д. Хмыров, участвуя в похоронах барона Штейнгейля, настояли на том, чтобы нести гроб на руках и, поравнявшись с Петропавловской крепостью, против того места, где были повешены декабристы, требовали отслужить литургию, и что генерал-майор Штейнгейль, сын покойного, не допустил этого⁴. Но в июне 1855 г., когда М. И. Семевский читал свое выпускное сочинение, будущее было еще туманно. «Мой меценат»⁵, как называл М. И. Семевский Я. И. Ростовцева, открыл для «мальчугана» в гвардейском мундире доступ в литературные салоны Москвы. В 1856 г., когда лейб-гвардии Павловский полк отбывал в древнюю столицу в связи с коронационными торжествами, Я. И. Ростовцев дал М. И. Семевскому рекомендательное письмо к А. Д. Галахову, издателю хрестоматии и составителю курса словесности для военно-учебных заведений, к тому же известному литератору. Содействовал Я. И. Ростовцев и началу его педагогической деятельности. Ученик был благодарен учителю и посвятил свой первый труд наставнику и благодетелю. «Меценат» благосклонно принял посвящение, в чем другим отказывал.

Но не все публикации молодого Семевского вызывали благосклонность Я. И. Ростовцева. Если бы было установлено в 1858 г., кто скрывается за подписью В. К-на, кто написал заметку «Спектакль в I

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 944 об.

² Общественное движение в России в первую половину XIX в. СПб., 1905. Т. 1. С. 302.

³ **Семевский М. И.** Кончина барона Владимира Ивановича Штейнгейля. Некролог: 1783 – 1862 // Современное слово. 1862, 22 сентября. С. 3.

⁴ Общественное движение... С. 320.

⁵ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 577.

Кадетском корпусе», скромный репетитор (должность, которую занимал в 1859 – 1861 гг.) мог бы лишиться места. Статья не прошла незамеченной, как не прошел незамеченным и любительский спектакль, поставленный М. И. Семевским по пьесе Н. В. Гоголя «Женитьба», на котором присутствовал Александр II с семьей и высказал одобрение. За постановку прапорщика стали величать Михаилом Ивановичем, за подозрение в авторстве статьи удостоили выговора. В. В. Тимошук, его первый биограф, так и не ответил утвердительно на вопрос, писал ли М. И. Семевский эту статью¹. Ответил сам автор, включив ее под № 7 в первый том «Полного собрания сочинений». Но самого текста нет, это единственный случай. Из-за осторожности ли или по другой причине не сохранил он крамольную публикацию, может быть это просто случайность?

Вступая на литературное поприще, М. И. Семевский пробовал себя в нескольких жанрах: исторических сочинениях, путевых заметках, рассказах о крестьянской жизни, впрочем, последние приносили лишь огорчения. Рассказ «Покроймин» был возвращен из цензурного комитета с множеством пометок И. А. Гончарова, служившего тогда цензором. Безжалостно раскритиковал М. И. Семевского за литературные труды и Н. А. Добролюбов². Удар был ошеломляющий: начинающий литератор пережил язвительную критику лишь благодаря поддержке отца. В начале творческого пути проб и неудач было много, но уже к началу 1860-х гг. он находит свое направление – исторические сочинения, свою тему – российскую историю императорского периода.

В научных исследованиях М. И. Семевский всю жизнь оставался верен эпохе Петра Великого. Случилось так, что первое, что попало на глаза молодому историку, допущенному в государственные архивы в конце 1850-х гг., были бумаги розыскных дел. Его поразила «живость» материалов, контрастировавшая с сухостью «Истории царствования Петра Великого» (СПб., 1858) Н. Г. Устрялова, хотя и наполненной архивными ссылками. В восторг от архивов, ставших доступными в 1860-х гг., приходили и многие маститые ученые. Так, Н. И. Костомаров писал: «Вы не можете себе представить, какое это сокровище, и чего здесь только нет для всякого, кто бы желал освоиться с былою Русью... А Разбойничий приказ, потом переименованный в Сыскной! Какая масса всевозможных романов или правильнее,

¹ Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 77 – 78.

² См. гл. 1, § 2.

источников для романов, драм, трагедий, комедий и пр. и пр. Вот где изучать народную жизнь во всех ее подробностях»¹.

Увлеченный находками, он сразу начинает публиковать материалы в форме исторических очерков с почти детективным сюжетом. Журналы с удовольствием печатали эти статьи. В короткое время увидели свет биография Евдокии Федоровны Лопухиной (1860), монографии «Царица Прасковья» (1861), «Слово и дело: 1720 – 1725» (1861), «Императрица Екатерина I и семейство Монсов» (1862), «Сторонники царевича Алексея» (1861), выдержавшие не одно издание при жизни автора. В настоящее время российские издатели вновь обратили на них внимание – состоялось не менее десяти переизданий².

Исторические сочинения М. И. Семевого вызвали интерес. «Из всего, что мне приходилось читать о прошлом России, я с наибольшим удовольствием читал Ваши исторические статьи, в которых дышит нелицемерная истина, внушающая полное доверие», – писал М. И. Семевскому декабрист М. А. Бестужев о статье «Елизавета Петровна», помещенной в «Русском слове» в 1859 г.³. «Еще читал ли ты «Фрейлину Гамильтон» в «Отечественных записках» – я начинаю нервами ненавидеть Петра I», – обращался А. И. Герцен к И. С. Тургеневу⁴. Но были и отрицательные отзывы. «Кажется, он особенно обиделся тем, что я не хотел читать его «Елизавету». Заглянув в первый лист, я увидел какое-то сыромятное произведение, чуждое,

¹ Мордовцев Д. Л. Николай Иванович Костомаров за последние десять лет его жизни: 1875 – 1885 // РС. 1885. Т. 41. № 12. С. 647.

² Семевский М. И. Царица Прасковья: 1664 – 1723 г.: Очерк из русской истории XVIII в. М.: Книга, 1989; Он же. Царица Катерина Алексеевна; Анна и Виллиам Монс: 1692 – 1724. Очерк из русской истории XVIII в. Л.: Художественная литература, 1990; Он же. Царица Прасковья: 1664 – 1723 г.: Очерк из русской истории XVIII в. Л.: Художественная литература, 1991; Он же. Очерки и рассказы из русской истории XVIII В.: «Слово и дело!»: 1700 – 1725. М.: Московский кадровый центр, 1991; Он же. Тайная служба Петра I [Документальная повесть]. Минск: Беларусь, 1993; Он же. Царица Катерина Алексеевна; Анна и Виллиам Монс: 1692 – 1724. М.: Пресса, 1994; Он же. Торопец: Уездный город Псковской Губернии: 1016 – 1864 гг. Очерк. Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство, 1999; Он же. Прогулка в Тригорское: [Очерк]: С 19 рис. и 74 силуэтами работы А. Г. Строило. Псков: Робин, 1999.

³ «М. Бестужев вообще очень преувеличивал значение исторических исследований Семевого» – констатировал М. К. Азадовский, издававший бумаги Бестужевых. (Воспоминания Бестужевых / ред., ст. и коммент. М. К. Азадовского. М.: Л., 1951. С. 435, 793).

⁴ Герцен А. И. Собрание сочинений. В 30 т. М., 1956. Т. 12. С. 108.

дерзкое и шарлатанское по цитатам, – негодовал Г. Е. Благодетель в письме к К. К. Случевскому, – поправьте его... в печати, но так, чтоб он почувствовал, что от литературной моли до истинного писателя – далеко. Это подлый человек по голове и по сердцу, и их надо давить прежде, чем из них образуются Булгарины»¹. Булгарин из него не получился. И доказательств его подлости не обнаружено, напротив, М. И. Семевский бережно хранил все письма Г. Е. Благодетель (впоследствии редактора журнала «Русское слово»), что во многом позволило сохранить его образ в истории², а в конце 1880 г. заказал Ф. В. Духовникову собрать в Саратове сведения о нем для «Русской старины» (Благодетель был родом из Саратова, и учился в семинарии вместе с Н. Г. Чернышевским)³. Резкие выпады были характерны для Г. Е. Благодетель, его «ндрав» был хорошо известен литераторам, почище цензора редактор вымарывал целые листы их творчества, заменяя своим, утверждая при этом, что исправил все к лучшему⁴. Но не только Г. Е. Благодетель критиковал М. И. Семевского. «У Краевского нашел Семевского, – отмечал Г. Н. Геннади в «Прерванных записках для памяти», – который меня свел к себе, надавал своих оттисков. В «Отечественных записках» он напечатал статью интересную, но крайне грязную о фрейлине Гамильтон. Не следовало печатать в журнале»⁵. М. Д. Хмыров прислал М. И. Семевскому письмо с пометкой «конфиденциально» с разбором статьи. «В один присест и два раза к ряду прочел я Вашу «Фрейлину», – писал он. – Не охотник до комплементов, но скажу Вам, что это чтение доставило мне много удовольствия». Указав на ряд мелких ошибок, он упрекал М. И. Семевского за резкость тона статьи: «Выставлять недостатки эпох – миссия грустная» и предупреждал о последствиях: «Вы молоды и трудолюбивы – не мешайте же себе сами, пожалейте Вашу будущую славу. Деньги, получаемые за статьи – деньгами. Но есть и потомство: берегитесь. С другой стороны для чего подавать на себя оружие цензур? Разве хотите Вы, чтобы запретили писать о Петре, как запретили распространяться о его потомках? Ну, это не заслуга»⁶. Полное

¹ Письма и документы: Г. Е. Благодетель, Я. П. Полонский, Г. К. Кушелев-Безбородко // Звенья: Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX в. М.: Л., 1932. С. 343.

² Варустин Л. Э. Журнал «Русское слово»: 1856 – 1866. Л., 1966.

³ РНБ. Ф. 179, д. 10, л. 1.

⁴ Варустин Л. Э. Журнал «Русское слово»... С. 60.

⁵ РНБ. Ф. 179, д. 10, л. 1.

⁶ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 368, л. 5 об.

неприятие тон статьи вызвал и у Е. А. Штакеншнейдер: «Мне попала вчера в одном из журналов одна статья (нарочно не называю ее), до того циничная, что я даже мама не скажу, что читала ее.. Книга, между тем, валяется по всем комнатам и может попасть на глаза Маше». И далее: «Понадергал из архивов, скомкал, и со всею грязью, преподнес публике в общедоступном журнале»¹. Противоположные оценки? Столь ли они противоположны? Или просто «нелицемерная истина» оказалась на поверку «крайне грязной», к чему не привыкла читающая публика. Такая история находилась под запретом, особенно история нового времени, поэтому закрыты были и архивы. «Это были склады полусгнившего бумажного хлама, или хорошо устроенные кладовые; куда не проникал ни один нескромный взор, — так охарактеризовал архивное дело М. И. Семевский, столкнувшись с ним на практике. — Очень редко, совершенно случайно, выходили из этих кладовых в крайне скромных размерах новые сведения, большею частью, по запросу Августейшего их Хозяина. Поинтересовался, например, знать Николай Павлович о судьбе Артемия Волинского, о судьбе Анны Леопольдовны, — и вот, чиновниками крайне секретно составлялись две, три записки и оставались в копиях на руках весьма немногих лиц. Дух нового времени вскрыл затворы»². Представленные взгляду читателя дары «этих кладовых», по мнению М. И. Семевского, способствовали «отрезвлению русского общества от устремленности». Он трезво оценивал невысокое качество своих работ, но считал их полезными на момент издания, поскольку назначение их видел в том, чтобы быть «тараном, который пробивал цензурную, все еще плотно сплоченную стену. Десяток таких очерков образовал уже несколько значительную брешь в этой стене, что сквозь нее проходил весьма свободно целый ряд и более серьезных и более научных исследований, но все из области запретной, отечественной истории XVIII века»³. Правительство вынуждено было выставить цензурное заграждение — в 1862 г. последовало распоряжение не допускать к печати «монографий о государях и государынях времени после смерти Петра Великого»⁴. Критерием оценки исторических трудов М. И. Семевского рубежа 1850 — 1860-х гг. следует считать их публи-

¹ Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854 — 1886). М.;Л., 1934. С. 264.

² Цит. по: Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 104.

³ Цит. по: Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 108.

⁴ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре от 1720 по 1862 гг. СПб., 1862. С. 482.

цистическое влияние¹. В 60-е годы XIX в., когда политические процессы часто обретали литературно-публицистическую форму, голос М. И. Семевского был хорошо слышен среди общего хора. «Тогдашняя молодежь зачитывалась его журнальными очерками из русской придворной истории XVIII века, – отмечал казанский литератор Н. Агафонов. – Эти очерки были свободны от того псевдопатриотического, докторального тона, каким отличались труды господствовавших у нас до того времени историков: Погодина, Устрялова, Вейдемейера и др. Мы увлекались Семевским потому, что раньше его никто не говорил таким языком,... произведения сильно действовали на нервы новых читателей, как пикантностью раскрываемых тайн истории, так и неслыханною до того времени смелостью суждений рецензента»².

Последствия появления исторических сочинений М. И. Семевского были порой непредсказуемы. В декабре 1862 г. П. А. Валуев, министр внутренних дел, писал московскому генерал-губернатору: «Здесь говорят, что будто бы в церквах Москвы, во время богослужения, читается недавно составленная особая молитва об избавлении России от того затруднительного положения, в котором она будто бы находится в настоящее время»³. Московский митрополит Филарет ответил на запрос московского генерал-губернатора П. А. Тучкова пространным письмом, как-то быстро разошедшемся по рукам, а затем и опубликованным⁴. «Если бы на сие потребовалось объяснение, – писал Филарет, – справедливость требует сказать, что с некоторого времени мысли и учения противохристианские, противуправительственные особенно сильно распространяются в литературе»⁵, и в подтверждение указал несколько подобных «противуправительственных» произведений. Одно из указанных Филаретом произведений – статья М. И. Семевского «Петр Первый, как юморист»⁶, речь в которой идет о «всепьянейшем соборе». Изложенные М. И. Семев-

¹ Е. В. Анисимов включил в список литературы все сочинения (10 статей) М. И. Семевского об эпохе Петра I в монографии «Дыба и кнут. – Политический сыск и русское общество в XVIII в.» (М., 1999); так же и в монографии «Елизавета Петровна» (М., 2002).

² Агафонов Н. Из казанской истории. Казань, 1906. С. 23 – 24.

³ Лемке М. Эпоха цензурных реформ: 1859 – 1865. СПб., 1904. С. 85.

⁴ Душеполезное чтение. 1863. № 1. С. 5 – 7.

⁵ Душеполезное чтение. 1863. № 1. С. 6.

⁶ Семевский М. И. Петр Первый, как юморист // Светоч. 1861. Кн. 9. Вторично помещена: в РС. 1872. № 6; в «Полное собрание сочинений» М. И. Семевского включена: Т. 4 за 1861 г. под № 53.

ским в этом очерке факты теперь уже давно стали хрестоматийными и ни у кого не вызывают чувства оскорбления. Но тогда Филарет утверждал, что «такая литература вдруг оскорбляет и религию, и нравственность и царский род». «То, что сие основано на современных письменных документах, не служит к оправданию, – продолжал митрополит. – Нечистоты существуют: но их выносить на улицу и показывать народу может решиться только лишенный здравого рассудка или потерявший всякое чувство приличия»¹. Трудно поверить, что тот же человек в том же году утверждал, что «...истину, хотя и печальную, надобно видеть и показывать и учиться от нее, чтобы не дожить до истины более горькой, уже не только учащей, но и наказывающей за невнимание к ней»². Имела ли для М. И. Семевского эта публикация карательное следствие – неизвестно, но это было бы вполне логичным³. Достаточно вспомнить о влиянии Филарета при дворе⁴, чтобы оценить возможные последствия такого напутствия. В защиту М. И. Семевского выступила литературная критика. На страницах журнала «Светоч» было опубликовано письмо, в котором осуждалась позиция журнала «Душеполезное мнение», опубликовавшего письмо Филарета: «Неужели соединение такого незнания фактов исторических с такой бестактностью обвинений может быть для кого-нибудь душеполезно». Позиция автора трактовалась как шаг на пути к свободе мысли: «Что ни толкуйте, хоть вы и можете мешать ходу свободной мысли в нашем народе, но никогда ее не остановите. Это до того очевидно, что не стоит и доказывать. Много еще тут лежит на русской мысли и слове, много еще предстоит борьбы, но победа их над вашей «всешутейшей» тактикой – несомненна»⁵. И уж совершенно неожиданным оказалось следствие от этой публикации, отмеченное в мемуарах И. А. Худякова⁶. Оказавшись осенью 1862 г. в духовной цензуре по издательским делам, он не нашелся, что ответить на

¹ Душеполезное чтение. 1863. № 1. С. 7.

² Письма Филарета к разным лицам светского звания. Тверь, 1888. Т. 2. С. 106.

³ Известно, что весной 1862 г. М. И. Семевскому было на некоторое время запрещено посещать архивы (Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 445).

⁴ Митрополит Филарет был доверенным лицом царской семьи: Александр I посвятил его в тайну отречения от престола Константина; он составил Манифест на восшествие на престол Николая I; по желанию Александра II – Манифест 19 февраля 1861 г. и пр.

⁵ Светоч. 1862. № 2. С. 89 – 90.

⁶ Худяков И. А. – собиратель русского фольклора, более известен как революционер; проходил по делу Д. Каракозова.

замечание, высказанное цензором архимандритом Сергием относительно господ литераторов, пишущих с исторической целью: «А вот, о Петре I позволили писать, вот последствия и оказались. – Какие же? – А вот как показали себя студенты в прошлом году»¹. Видимо, он считал, что статьи, подобные статьям М. И. Семевского, способствовали бунту студентов в Петербурге в 1861 г.

Сам М. И. Семевский придавал особое значение письму Филарета. Вырезка из журнала «Душеполезное чтение» была обозначена в каталоге его библиотеки и особо отмечена в списке «сочинений наиболее в каком-либо отношении замечательных»². В 1872 г., дополнив статью вновь найденными материалами, М. И. Семевский опубликовал ее в «Русской старине», сопроводив комментарием, который свидетельствует, что хорошо помнил реакцию на публикацию 1861 г. «Позволим себе надеяться, что он в настоящее время, когда взгляд на деятельность и характер Петра Великого вполне выяснился, когда вновь открытые и обнародованные материалы устранили всякую односторонность в суждениях о личности и царствовании Петра I, а потому, так или иначе, он есть достояние истории и подлежит ее критике, – писал М. И. Семевский. – Если же сарказм шуточных произведений Петра Великого бросает темный свет на его забавы и развлечения, то не нужно забывать, что Петр при всем своем гении, был прежде всего человеком своего времени»³.

С середины 1860-х гг. М. И. Семевский переходит, главным образом, к публикации документов и к педагогическим сочинениям. С 1870-х гг. он прекращает печататься в журналах, все его время поглощено «Русской стариной», что привело и к прекращению «Собрания сочинений», оно доведено только до 1867 г.

Как редактор-издатель М. И. Семевский хранил в своей библиотеке несколько экземпляров журнала «Русская старина» (годовые комплекты по годам и сброшюрованные по томам). В настоящее время известно три комплекта: два – в ГМПИР, один – в Музее М. Ю. Лермонтова в Тарханах⁴. Все журналы имели владельческие переплеты, лишь незначительно отличающиеся по годам. Все обследо-

¹ Худяков И. А. Записки каракозовца. М.; Л., 1930. С. 79.

² ИРЛИ. Ф. 265, оп. 2, д. 4067.

³ РС. 1872. Т. 5. С. 845.

⁴ ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 1794 – 1803, 1807 – 1812, 1814 – 1824, 2381 – 2391, 2393 – 2423, 2769 – 3030. – Описание экземпляров см.: «В этих книгах...» С. 50 – 58. № 162 – 164; Лурье Ф. М. Хранители прошлого: Журнал «Былое»: История, редакторы, издатели. Л., 1990. С. 162.

дованные нами комплекты «Русской старины», хранящиеся в ГМПИР, несут на себе следы неутомимой деятельности редактора – отметки о цензурных вырезках, вклейки с дополнительными материалами, редакторскую правку для переиздания. Изучение помет позволяет уточнить некоторые вопросы, связанные с изданием журнала.

В набросках к мемуарам М. И. Семевский отметил, что «вырезки начались с августовской книжки «Русской старины» за 1870 г., там был напечатан значительный отрывок из подлинной, бывшей у меня в руках записи князя М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России»¹. Видимо, он запомнил или не принимал мелкие замечания в расчет. Но еще в апрельской книжке 1870 г., как помечено в экземпляре журнала из его библиотеки, начались урезания: «NB! Четыре листа эти перепечатаны по распоряжению цензуры как ниже значится»². Изменения были внесены в текст мемуаров Н. Г. Сигунова о графе А. А. Аракчееве. В 1878 г. с горечью заметил, что «у министра и по сейчас лежат некоторые из материалов «Русской старины», попавшие к нему в кабинет путем цензурного препровождения еще в 1870 г.»³. В пятом томе за 1872 г. отметил: «Перед этим цензура вырезала материал «Манифест их бобовых величеств. 1841 г. Сообщил» Да выводов»⁴. Особенно сердит М. И. Семевский был на М. Н. Лонгинова, возглавлявшего цензурный комитет с 1871 по 1875 гг. Известный московский библиофил слыл либералом, когда молодой литератор осмелился познакомиться с ним, и очень любезно отвечал в 1862 г. на письма и благодарил за присылку статей⁵. При переезде в Петербург считал возможным стать корреспондентом «Русской старины», что не мешало ему ревностно исполнять свои новые служебные обязанности цензора по отношению к журналу. Даже слишком ревностно! Поэтому М. И. Семевский с явным раздражением отмечал, что «в 1873 г. (октябрь) Лонгинов просто по капризу распорядился вырезать из этого издания, остановив книгу, один литературный дневник 1830-х годов, составлявший семь печатных листов, т. е. 112 страниц; а несколько месяцев спустя после смерти Лонгинова, с разрешения А. Е. Тимашева, этот вполне невинный дневник

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 46 – 48.

² ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 2426, с. 273.

³ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 48.

⁴ ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 1811, с. 482.

⁵ РНБ. Ф. 683, д. 27.

явился в той же «Русской старине»¹. «А что выделял тот же М. Н. Лонгинов с прекрасными «Воспоминаниями Татьяны Петровны Пассек»! Несколько раз сряду он вырезал их из книг «Русской старины», доколе наконец смерть Лонгинова не позволила, при том же А. Е. Тимашеве, выйти в свет этим замечательным запискам даровитой писательницы как на страницах «Русской старины» так и в отдельном издании»². Судьба журнала, проходившего предварительную цензуру, по мнению М. И. Семевского, была предрешена: «изданию заранее была дана веревочная петля, в которую оно могло в весьма короткий срок с полным удобством затянуться и помереть»³. Поэтому, прибегнув к связям, он постарался избавить свою «Старинушку» уже в первый год издательства от преждевременной гибели. Усилия М. И. Семевского увенчались успехом, он получил желаемое право издавать журнал без предварительной цензуры. С него была взята подписка об определенных ограничениях: «Я очень жалею, – вспоминал он, я что не имел и не имею текста этой подписки, но помню, что сущность заключалась чуть ли не в клятвенном обязательстве, что «Русская старина» отныне и впредь не будет печатать ничего, что касается до известий о низложении Петра III или о кончине императора Павла I»⁴. Теперь вся ответственность лежала на редакторе, и волей неволей он сам становился цензором. М. И. Семевский стал более осторожен в выборе материалов. Так М. И. Венюков в предисловии к мемуарам, увидевшим свет только за границей, писал, что «издатель „Старины“ М. И. Семевский обещал мне обнародовать главу (о событиях в Польше в 1863 г. – О. К.) как только исполнится тридцать лет со времени моего пребывания там, но он умер раньше этого срока»⁵. Но иногда редактор шел на риск, нередко заканчивающийся тем, что вырезки приходилось делать из уже готовых книжек. В январе 1892 г. по указанию цензуры было приостановлено печатание дневника П. А. Валуева и изъята статья о юности Н. Г. Чернышевского. М. И. Семевский, сожалея по этому поводу в письме к А. Ф. Кони, писал, что «в глубокую чашу всяких переживаний и переживаемого добавилось еще одно и немалое». «Думал ли граф Валуев, – продолжал М. И. Семевский, – некогда Юпитер и громовержец

¹ Речь идет о дневнике В. К. Кюхельбекера. Опубликовано: РС. 1875. Т. 13, 14; Т. 39; 1884. Т. 41.

² РС. 1882. Т. 33. С. 497.

³ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 48.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 52.

⁵ Венюков М. И. Из воспоминаний. Кн. 1 – 3. Амстердам, 1895. Кн. 1. С. 3.

над русской печатью, что придет время, когда одними и теми же ножницами покорной ему когда-то цензуры, будет он подвергнут «урезке языка» в обще с Чернышевским?»¹. Свидетельством ожесточенной борьбы с превосходящим во всех отношениях противником явились два тома вырезок из журнала за 1870 – 1880 и 1881 – 1886 гг.², результат деятельности цензора Санкт-Петербургского цензурного комитета А. Г. Петрова, опекавшего издание³. Сегодня это бесценный материал, позволяющий судить о направлениях цензурных ограничений в 70 – 80-е гг. XIX в. Здесь собраны корректуры, вырезки с цензорскими заключениями и пометами самого М. И. Семевского и в результате библиотека пополнилась уникальным конволютом.

Популярность журнала была велика, о чем свидетельствовал рост его подписчиков (с 2,5 тыс. до 6 тыс.). Первые сборники за 1870 г. переиздавались трижды, за 1872, 1876, 1882 и 1884 гг. – дважды. М. И. Семевский готовил переиздания по экземплярам из своей библиотеки. Для удобства он собрал в один том все оглавления журнала за 1870 – 1884 гг., так же поступил и с указателями⁴. Именно этими конволютами пользовался для справок, на них оставлены многочисленные пометы карандашами различных цветов. Постоянное обращение к ним, видимо, натолкнуло М. И. Семевского на мысль создать подобные справочники для читателей. В 1885 г. вышла первая «Систематическая роспись содержания «Русской старины» с 1870 по 1884 гг.» (СПб., 1885).

На многих книгах сохранились пометы, сделанные самим М. И. Семевский прямо в тексте и на форзацах. Некоторые пометы превращали книгу в важный исторический документ. Так, 6 июня 1867 г., как отметил М. И. Семевский на страницах «Русской старины», он принимал у себя... Ивана Александровича Анненкова. «Тогда же в беседе со мной, – писал М. И. Семевский, – он сообщил мне, между многими другими рассказами, указания на главнейшие годы

¹ ИРЛИ. Ф. 134, оп. 3, д. 1516, л. 7.

² РНБ. Ф. 683, д. 30, 31.

³ Ю. И. Штакельберг указал, что вырезки были подарены М. И. Семевскому самим цензором в 1886 г. (Штакельберг Ю. И. Архив «Русской старины» // К 100-летию героической борьбы «За напу и вапу свободу»: сб. ст. и мат. о восстании 1863 г. М., 1964. С. 297). На форзаце книги М. И. Семевский, как обычно, отметил историю происхождения конволюта, но из текста не следует, что вырезки подарил сам А. Г. Петров.

⁴ ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 2388, 2690. Описание экземпляров см.: «В этих книгах...» С. 56 – 58. № 165, 172.

его жизни. Мы и записали их против его имени в печатный список 1826 года, опубликованный в то время, под заглавием: «Роспись государственным преступникам...»¹. По имеющимся в библиотеке экземплярам он готовил повторные издания своих монографий и отдельных номеров «Русской старины». Хранят книги Михаила Ивановича и документы, льстившие его ученому самолюбию. С неизменной аккуратностью в «Записки князя Якова Петровича Шаховского: 1705–1777 гг. (СПб.: Изд. «Русская старина», 1872) было вплетено письмо – уведомление из Министерства народного просвещения: «Изданную Вами книгу... одобрить для приобретения в основные библиотеки мужских гимназий...»².

Библиотека М. И. Семевого была, как он называл ее сам, «благоприобретенная». Доля книг, доставшихся из библиотеки отца, была незначительна. Поэтому, естественно, что основным источником ее пополнения служила покупка книг. Хотя он и не ставил перед собой цели собирать исключительно раритеты, и с самого начала создавал «рабочую» библиотеку, тем не менее, подавляющая часть книг покупалась у букинистов. Такой выбор мотивировался и низкой ценой старой книги и стремлением собрать наиболее полно книги по некоторым темам. В начале своей собирательской деятельности М. И. Семевацкий довольствовался отдельными томами, с годами, когда стал известен как библиофил, приобретал и целые библиотеки, или значительные их части. Так, в начале 1870-х гг., он приобрел книги из библиотеки чиновника Министерства финансов А. И. Сулакадзева. Библиотека А. И. Сулакадзева неоднократно привлекала исследователей³. Ее владелец был склонен к мистификациям и создавал фальшивые документы, а также «исправлял» подлинные рукописи своими вставками. В его библиотеку вошла часть собрания писателя, публициста, путешественника Ф. В. Каржавина. Некоторые книги Ф. В. Каржавина таким путем попали и в библиотеку М. И. Семевого. После смерти А. И. Сулакадзева библиотеку распродавали частями, дело

¹ РС. 1888. Т. 58. С. 378.

² ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 1831.

³ **Березин-Ширяев Я.** Николай Павлович Дуров // Библиограф. 1887. № 1. С. 5 – 7; **Сперанский М. Н.** Русские подделки рукописей в начале XIX в. (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. V. С. 63; **Козлов В. П.** Тайны фальсификации: анализ подделок исторических источников XVIII – XIX в. М., 1996. С. 160 – 164; **Полонская И. М.** Книги из библиотеки с автографами Ф. В. Каржавина в собрании Отдела редких книг // Труды ГБЛ им В. И. Ленина. М., 1978. Т. 14. С. 13 – 164.

шло медленно, и в 1870 г. многие книги и рукописи оказались в лавке Шапкина на Апраксином дворе, где их раскупили Я. Ф. Ширяев-Березин, Н. П. Дуров, А. Н. Неустроев и М. И. Семевский. Примечательно, что М. И. Семевский и в зрелые годы не порывал с букинистами Апраксина двора. Упомянув о покупке, на страницах «Русской старины», он заметил, что А. И. Сулакадзев был «большой любитель истории и страстный библиоман». Книги сохранили следы кропотливой работы владельца – «испещрены на полях заметками»¹. Многие обращались к М. И. Семевскому с предложениями сами. Так, сын историка Н. Г. Устрялова в 1870 г. пожелал продать библиотеку отца. М. И. Семевский приобрел некоторые книги и направил для покупки К. Н. Бестужева-Рюмина, К. Ф. Опочинина, А. Ф. Гильфердинга².

Поступали предложения купить и отдельные книги. В ГМПИР хранится в ветхом кожаном переплете, с утраченным титульным листом и замусоленными страницами книга: «Воинские артикулы Петра I»³. В ней сохранилась записка некоего Брылкина с предложением к редактору «Русской старины» купить ее хотя бы за десять рублей, по причине страшной бедности. М. И. Семевский снизошел до мольбы несчастного.

Вторым источником поступлений были подарки книг, как например, уже упомянутое подношение Н. В. Ханыкова. Подобные факты М. И. Семевский с особой тщательностью фиксировал на экслибрисах. Чаще всего объектом дарения становились рукописные книги и книги с автографами авторов. На страницах «Русской старины» он часто упоминал имена дарителей. Например, «Историческое описание торжества, проходившего при заложении храма Христа Спасителя на Воробьевых горах» (М., 1818) сопровождалось комментарием: «Книга эта, довольно редкая, подарена в нашу библиотеку покойным А. Я. Буторовым»⁴. Н. А. Некрасов преподнес свою книгу с автографом: «Михаилу Ивановичу Семевскому от автора» 14 мая 1872 г.⁵. Печатаемая в своем журнале стихи вел. кн. Константина Николаевича,

¹ РС. 1871. Т. 3. С. 242.

² ИРЛИ. Ф. 14, д. 167, л. 2.

³ Воинский устав с артикулом военным, при котором приложены толкования, так же с кратким содержанием процессов, экзерциею церемониями, и должностями полных чинов / 2 тиснением напечатана. СПб., 1748 (ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 1564). Полное библиографическое описание установлено по: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725 – 1800. Т. 1. № 1042. С. 171.

⁴ РС. 1876. Т. 17. С. 112.

⁵ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. СПб., 1997. Т. 13. С. 86.

заметил, что они перепечатываются из сборника, не поступившего в продажу, но он обладал этим и другими изданиями поэта «К. Р.». Получить их мог только в качестве презента от автора¹. Некоторые поступления были особенно дороги. Так в 1867 г. Археографическая комиссия в благодарность за сообщение исторических документов преподнесла 27 томов изданий комиссии². Большая часть этой некогда знаменитой коллекции автографов хранится ныне в библиотеке Российской Академии Наук³.

Третьим источником следует назвать современные периодические издания, получаемые по подписке. Многие из них в последующем становились материалом для конвюлютов.

М. И. Семевский создавал библиотеку для удовлетворения своих собственных интересов, научных занятий, издательской деятельности. Он часто использовал свои книги для перепечатки в «Русской старине» любопытных, по его мнению, материалов. Так, отреагировав на замечание читателя, опубликовал забытое стихотворение «На смерть Байрона» К. Ф. Рылеева «из имеющегося в библиотеке «Альбома Северных Муз» (1828, изд. А. И.)⁴. Просматривая журнал «Улей» за 1812 г. отметил «Письмо к издателю». На полях чернилами сделал приписку: «Здесь статья о Пугачеве. Подлежит перепечатке»⁵.

Библиотека М. И. Семевского всегда была «живой». Материалами этого собрания некогда пользовались многие деятели русской культуры: К. Н. Бестужев-Рюмин, А. Д. Галахов, А. Ф. Гильфердинг, И. А. Гончаров, И. Ф. Горбунов, Ф. М. Достоевский, В. Р. Зотов, А. Ф. Кони, Н. А. Некрасов, К. Ф. Опочинин, М. Е. Салтыков-Щедрин, В. В. Стасов, Л. Н. Толстой и многие другие. Об этом М. И. Семевский делал соответствующие записи. Так на одной из рукописных книг отмечено: «Настоящий сборник, в числе некоторых моих других рукописных сборников был дан графу Льву Николаевичу Толстому, когда знаменитый и высокопоставленный романист этот обратился ко мне лично весной 1879 г. в СПб., с просьбой дать ему возможность познакомиться с материалами о декабристах»⁶.

Г. Н. Геннади, составляя каталог «Русских книжных редкостей», ви-

¹ РС. 1888. Т. 57. С. 168.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 91, л. 4 – 5.

³ История библиотеки Академии Наук СССР: 1714 – 1964. М.; Л., 1964. С. 599.

⁴ РС. 1872. Т. 6. С. 438 – 439.

⁵ ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 4481. С. 218.

⁶ ИРЛИ. Ф. 261, оп. 2, д. 2468.

зуально осматривал редкие книги в библиотеках своих друзей, в частности, М. И. Семевского¹.

Пользоваться книгами М. И. Семевский разрешал, но всегда строго соблюдал правило: «не иначе как по одному тому, то есть всегда возвратите ему один, он пошлет вам другой»². Собственная библиотека для человека, занимающегося литературным трудом, журналистикой, издательской деятельностью во второй половине XIX в. была необходимостью, можно даже сказать закономерной неизбежностью. В одном из писем к И. С. Тургеневу П. В. Анненков сетовал на трудности, которые он испытывал в работе над собранием сочинений А. С. Пушкина и которые состояли в том, что он не мог оставить город, «в котором все материалы у меня под рукою, начиная с Публичной библиотеки и до Вашей, да Вашей, сохраняющейся у Языкова»³. Польза, которую Вы мне приносите ею, тогда только может быть оценена, когда узнаешь, что русской библиотеки нет нигде, что Публичная не имеет не только собрания журналов и альманахов, но даже изданий 1825 и 30-х гг. (Крылов, Дельвиг, Востоков считали ее своей собственностью и оставляли у себя на дому присылаемые книги), что для незначительной справки о стихе надо объехать Лонгинова, Гаевского, Плетнева, Срезневского и проч. и проч. Таковы условия труда в России»⁴. Уже имея достаточно большую библиотеку М. И. Семевский обращался за книгами к петербургским библиофилам. В 1867 г. он просит у М. Д. Хмырова журналы «Москвитянин», «Сын отечества» и еще ряд периодических изданий⁵. Спасала литераторов только взаимопомощь.

§ 2. Библиофильские взгляды

Уже в начале 60-х годов XIX в. М. И. Семевский был известен в кругах библиофилов обеих столиц. Он поддерживал тесные отношения с А. Н. Афанасьевым, Г. Н. Геннади, Д. А. Дуровым, П. А. Ефре-

¹ **Бокачев Н.** Описи русских библиотек и библиографические издания, находящиеся в исторической и археографической библиотеке Н. Бокачева. Каталог. СПб., 1890. С. 255.

² Толстовский музей. СПб., 1914. Т. 2. С. 154.

³ Эта библиотека была куплена у вдовы В. Г. Белинского и затем перевезена в Спасское-Лутовиново.

⁴ **Модзалевский Б. Л.** Работы П. В. Анненкова о Пушкине // Модзалевский Б. Л. Пушкин и его современники. Избранные труды. (1898 – 1928). СПб., 1999. С. 452 – 453.

⁵ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 368, л. 11 – 15.

мовым, М. Н. Лонгиновым, и позже с П. Я. Дашковым, Я. Ф. Березиным-Ширяевым, А. Ф. и И. А. Бычковыми, А. Н. Неустроевым, Д. А. Ровинским, М. М. Стасюлевичем. Круг знакомых книговедов был значительно шире: А. Ф. Будаков, С. А. Венгеров, А. Е. Викторова, Э. К. Герье, И. И. Глазунов, Д. Ф. Кобеко, С. Д. Полторацкий. Многие из них пользовались книгами из библиотеки М. И. Семевского и оставили автографы в альбоме «Знакомые»¹. В 70-е гг. активно участвовал в «Дуровских средах» – кружке любителей книги, собиравшихся в Петербурге на квартире преподавателя Института путей сообщения Николая Павловича Дурова, владевшего небольшой, но очень интересной библиотекой². Краткую характеристику этого собрания М. И. Семевский дал на страницах «Русской старины»: «Это, бесспорно, одна из замечательнейших частных библиотек в Санкт-Петербурге по отношению к тем драгоценным, крайне редким изданиям, какие в ней собраны по отношению к русской истории, истории отечественной словесности, русской журналистике, собиранию ее Н. П. Дуров посвятил двадцать лет (1858 – 1877). Это обширное и превосходное книгохранилище заслуживает подробного описания»³. Замечание важное для понимания того, как М. И. Семевский относился к книжным собраниям, считая, что собиратель трудится не только для себя, и плоды его труда заслуживают общественного признания. В зрелые годы вечерам с друзьями-библиофилами посвящались немногие часы досуга. «Вечером пришел ко мне Я. Ф. Березин и уговорил меня съездить – куда бы ты думала? – писал он жене в 1884 г., – к П. А. Ефремову, у которого так и просидели до половины 12-го часа»⁴. Часто в архивах его близких знакомых встречаются записочки М. И. Семевского с приглашениями: «Если удосужитесь, милостивый государь, Павел Яковлевич [Дашков – О. К.] то много обяжете. Обещали быть Д. Ф. Кобеко, Н. П. Дуров, П. А. Ефремов и еще два – три добрых знакомых. Преданный Вам М. Семевский»⁵. Участники вечеров наслаждались, как вспоминал один из них, А. Н. Овсянников, «какой-либо древностью, редкой в библиографическом отношении». «...Я был очевидцем, – писал он, – как все эти господа библиоманы битый час рассматривали «Путешествие Бориса

¹ Деятели книги в альбоме «Знакомые»: (неопубликованные записи) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 47. М., 1983. С. 189 – 190.

² Собиратели книг в России. М., 1988. С. 100.

³ РС. 1878. Т. 23. С. 161.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 43, л. 20.

⁵ ИРЛИ. Ф. 93, оп. 1, д. 2, л. 20.

Петровича Шереметьева в Венецию и Рим в 1697 г.» Эта книга была издана в первый раз в Москве в 1773 г. с замечательными гравюрами в тексте¹. Друзья-библиофилы оказывали ему помощь и в подборе материалов для «Русской старины». В 1871 г., печатая «Мнения великого князя Александра Павловича об Аракчееве в 1799 г.», он отметил, что этот рассказ позаимствован из заметок А. И. Сулакадзева – собирателя книг и редкостей. Записки находились в библиотеках Н. П. Дурова и А. Н. Неустроева. «Оба эти лица, – отметил М. И. Семевский, – постоянные сотрудники «Русской старины» – изъявили полнейшую готовность сообщить на ее страницы наиболее интересные выдержки...»². Сам М. И. Семевский не оставался в долгу. Так Д. А. Ровинский благодарил его за «биографические заметки и даты о разных лицах» для его капитального труда – «Подробного словаря русских гравировальных портретов»³.

Как в юности, так и в зрелые годы М. И. Семевский не жалел денег на приобретение раритетов. Любопытный случай отметил А. М. Скабичевский, рассказывая о печальной судьбе своей книги «Очерки развития прогрессивных идей в России», которая была сожжена в 1870-х гг., – такие завзятые библиофилы как П. А. Ефремов и М. И. Семевский... показывали ему экземпляры его запрещенной книги, хвастаясь, что приобрели за большие деньги, что-то вроде 25 рублей⁴.

Критерии библиофильской ценности, которыми руководствовался М. И. Семевский, можно представить на основании списка «Сочинений, в каком-либо отношении, замечательных и находившихся в сем I отделе», составленного на отдельном листе в начале описи уже упоминавшегося каталога⁵. Всего выделено 74 издания. Из них наибольшее число приходится на книги второй половины XVIII в. В период правления просвещенной императрицы Екатерины Великой издательская деятельность возросла и это, отчасти, может объяснить значительный количественный перевес книг этого периода, а также то, что книга XVIII в. считалась к середине XIX в. редкой и, безусловно, подлежала коллекционированию. Несмотря на устоявшиеся

¹ Овсянников А. Н. Профессор Николай Павлович Дуров // РС. 1900. Т. 102. С. 643.

² РС. 1871. Т. 3. С. 242.

³ Подробный словарь русских гравировальных портретов. СПб., 1889. Т. 1 С. XIII.

⁴ Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.;Л., 1928. С. 315.

⁵ ИРЛИ. Ф. 265, оп. 2, д. 4607, л. 5.

представления о ценности изданий этого периода, М. И. Семевского привлекала не всякая книга XVIII в., а почти исключительно издания документов, указов, уставов учреждений, т. е. те материалы, которые могли служить как исторические источники. Так, из множества сочинений Н. И. Новикова он выделял «Историю о невинном заточении ближнего боярина Артамона Сергеевича Матвеева» (СПб., 1776); «Опыт исторического словаря российских писателей» (М., 1771); «Родословную книгу князей и дворян российских и въезжих» (СПб., 1787). Аналогичным был подход и к книгам, изданным в XIX в. Он особо отметил издания Археологического общества: «Записки отдела Российской и Славянской Археологии» под ред. В. И. Ламанского (СПб., 1831); Археографической экспедиции: «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи» (СПб., 1836 – 1838), а также «Полное собрание русских летописей» (СПб., 1841 – 1869) Археографической комиссии. Иной подход был к книгам первой половины XVIII в. – периоду, которому М. И. Семевский посвятил свои научные изыскания, поэтому собирал и дорожил всеми изданиями.

В потоке современной литературы М. И. Семевский так же умело выделял особо ценные издания. Так из двух возможных вариантов издания «Русских народных картинок» Д. А. Ровинского, он предпочел иметь менее роскошный, но более точный в воспроизведении оригиналов экземпляр на веленовой бумаге (в 4 томах) ценою в 100 рублей, чем отпечатанный на слоновой бумаге (в 7 томах) ценою в 210 рублей, но с произвольной раскраской картинок¹.

В «Список книг, заслуживающих особого внимания», составленный М. И. Семевским включено «Первое издание материалов редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости» в 18 томах и Приложение к ним в 11 томах (СПб., 1859 – 1860). Издание материалов Редакционных комиссий первоначально задумывалось как общедоступное по желанию возглавившего их Я. И. Ростовцева. Однако его смерть и назначение графа В. Е. Панина на пост председателя Комитета, отрицательно относившегося к подобной гласности в делах государственных, отразилось на численности тиража – он был сокращен с нескольких тысяч до 60 экземпляров. С этого времени книги строго контролировались – выдавали под расписку, требовали их возврата, что вызывало негодование высокопоставленных чиновников. В каталоге М. И. Семевского это издание числилось под номером 2692, и было, возможно, получе-

¹ ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. № Б-31908 – 31901.

но им в середине 1860-х гг. через Степана Михайловича Жуковского, состоящего в те годы в должности статс-секретаря, члена управляющего делами Главного комитета об устройстве сельского состояния. В фондах ГМПир хранится книга, на экслибрисе которой написано «Подар<ил> С. М. Жуковский в 1866 г.»¹. Если судить по переписке, С. М. Жуковский проявлял исключительное уважение к молодому коллеге². Столь внимательное отношение было вызвано не только желанием поддержать подающего надежды старательного канцеляриста, но и обычаем того времени. Жуковские – соседи Семевских. «Матушка была великолукская помещица села Цедилова», – записал Степан Михайлович в альбом для гостей М. И. Семевского³. Узы соседства обязывали. Книга эта судьбоносна в жизни М. И. Семевского. Спустя 20 лет, в 1882 – 1883 гг. ему было поручено привести в порядок бумаги Главного комитета и Редакционных комиссий. Вдвоем с помощником они разобрали, пронумеровали 57923 листа и составили 254 тома архивных дел⁴.

Сохранность книги, ее оформление также представляли для М. И. Семевского немаловажное значение. Собираение раритетов всегда сопряжено с проблемой внешнего вида книги. История ее бытования оставляет подчас свои следы на страницах. В середине XIX в. у библиофилов уже сложилось устойчивое правило – выше ценился полный, хорошо сохранившийся экземпляр. С горечью заметил М. И. Семевский после посещения академических складов, забитых нераспроданными, хорошо сохранившимися книгами XVIII в.: «В продаже их нет, и через комиссионеров академии добиться этих изданий трудно; любители должны скупать дрянные, неполные, оборванные экземпляры на рынках. Кто не знает, например, как трудно достать капитальнейшие сочинения для истории, этнографии и географии России: сочинения Лепехина⁵, Георги⁶ и др.»⁷. Еще в начале своего библиофильского поприща, сообщая отцу о важном событии в

¹ ГМПир. Ф. 14, ед. хр. 1522.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 165.

³ Знакомые: Альбом М. И. Семевского: 1867 – 1888. СПб., 1888. С. 17.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 165.

⁵ **Лепехин И. И.** Дневные записки путешествия И. И. Лепехина по разным провинциям Российского государства. Ч. 1 – 3. СПб., 1771 – 1780.

⁶ **Георги И. И.** Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 1 – 3. СПб., 1776 – 1777.

⁷ **Семевский М. И.** Рец. на кн. «Библиографический сборник» / изд. П. Ефремовым // Голос. 1867. 4 июля. № 185. С. 4.

своей жизни – подарке, сделанном Н. В. Ханыковым, М. И. Семевский ликовал по поводу добротных переплетов, что являлось, по его мнению, «немалым достоинством и большой красой для библиотеки»¹. Увлекаясь переплетом, иногда по молодости, он совершал недопустимые для специалиста ошибки. Так А. Ф. Гильфердинг, получив в 1868 г. в подарок книгу, вместо слов благодарности, упрекал его: «Волос стал у меня дыбом на голове при виде столь вопиющего нарушения – и кем же, Вами! – основного элементарного закона библиофильства: поля, о ужас, обрезаны в книге, которая составляет библиографическую редкость!»². Внешний вид книги, по мнению М. И. Семевского, включал и шрифт, и иллюстрации, и качество бумаги. В указанном выше списке наиболее ценных книг из его библиотеки особо оговаривалось наличие иллюстративного материала: рисунков, карт, чертежей. Делая ссылки на отдельные издания в своих работах или в примечаниях к «Русской старине», он особо подчеркивал изящество переплетов и наличие иллюстраций. Так об изданиях «Христианские древности и археология» и «Русские древности» (СПб., 1871) писал: «...формат издания – академическая четвертка, бумага – весьма плотная, гласированная, красивая обертка, шрифт четкий, внятный, украшенный бордюрной линией с углами, многие рисунки расцвечены красками и золотом, литография, принадлежащая В. А. Прохорову, замечательно хороша, особенно в литохромиях». Но главнейшим достоинством этой книг он считал «верность снимков – т. е. точность в передаче изображения»³. О книге «Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии» (Вып. 1. СПб., 1869) заметил, что «внешность издания вполне удовлетворительна. Бумага и печать хороши, к чему подобные издания не вполне нас приучили»⁴. Книга Е. И. Забелина «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII вв.» (М., 1870) получила высокую оценку. Но было высказано замечание, что «нельзя не пожалеть, что при таком капитальном труде не сделано... более богатых приложений; за ними никак не могло быть недостатка; мы не нашли также в книге снимков с почерков цариц, портретов их...»⁵. По поводу издания сочинения Олеария писал: «Нельзя не пожалеть, чтобы к переводу... были бы приложены фотографические снимки с рисунков, которыми украшен подлинник;

¹ Цит. по: Тимощук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 557.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 117, л. 25.

³ РС. 1872. Т. 5. С. 495.

⁴ РС. 1870. Изд. 2. Т. 1. С. 6.

⁵ РС. 1870. Изд. 2. Т. 1. С. 6.

эти снимки могли бы быть сняты с рисунков наиболее интересных...»¹. Даже библиографическая редкость, если иллюстрации были некачественными, вызвала у него раздражение. Так, например, в письме к отцу заметил «у меня, в моей библиотеке есть издание мелких стихотворений А. Полежаева 1833 г. с дурно гравированным (подчеркнуто мной – О.К.) портретом автора в солдатском мундире»². Научные издания, по его мнению, должны иметь более качественный полиграфический вид. По поводу «Чтений в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» писал: «Издание печатается на плохой бумаге, шрифтами довольно плохими и, вообще, безукоризненные по содержанию, «Чтения» наружностью каждой книги являются как бы постоянным укором Министерству народного просвещения...»³. К числу серьезных недостатков книги М. И. Семевский относил наличие опечаток. В рецензии на «Воспоминания кавказского офицера» заметил: «В типографском отношении книга барона Торнау, изданная как отдельный оттиск статей, помещенных в «Русском вестнике», богата многими опечатками, главнейшие из них исправлены самим автором...»⁴. По поводу сочинений А. К. Толстого заметил, что «это издание, превосходно отпечатанное в типографии М. М. Стасюлевича, бесспорно, принадлежит к числу лучших изданий сочинений отечественных писателей, как во внешнем отношении, вполне роскошном (шрифт, бумага, отсутствие опечаток – все это заслуживает полной похвалы), так и по расположению и тщательности воспроизведения текста произведения автора»⁵.

Как издатель стремился создавать книги, отвечающие его требованиям, в соответствии с которыми содержание и оформление дополняли друг друга, сливаясь в единое целое, называемое книгой. Например, о «Систематической росписи содержания «Русской старины» (СПб., 1885) рецензент заметил, что «издана она прекрасно, до роскоши, и вдобавок украшена несколькими гравированными портретами»⁶. Особенно ярко этот подход к книге как материальному выражению единства науки и искусства проявился при создании М. И. Семевским путеводителя по Павловску. У этого издания был влиятель-

¹ РС. 1870. Изд. 2. Т. 1. С. 6.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 101 об.

³ РС. 1870. Изд. 2. Т. 1. С. 11.

⁴ Книжный вестник. 1865. № 8. С. 147.

⁵ РС. 1882. Т. 36. С. 702.

⁶ Новости. 1885, 9 ноября. № 309. С. 4.

ный заказчик – великий князь Константин Николаевич, владевший в ту пору дворцом. Вероятно, выбор пал на М. И. Семевского по двум причинам потому, что служил под его началом в Главном комитете об устройстве сельского состояния, и потому, что уже зарекомендовал себя как писатель и редактор. Созданный М. И. Семевским путеводитель и по сей день признается лучшим изданием подобного рода¹. Именно ему принадлежала ведущая роль в разработке программы издания, выборе художника (гравера Л. А. Серякова), написании текста. В своих заметках к мемуарам он отмечал, что в беседах с Константином Николаевичем «нередко возражал и спорил, а однажды довелось сказать и несколько горячо довольно большое возражение»². По служебным вопросам он вряд ли мог спорить, поскольку занимал незначительную должность. Но по вопросам сочинительства, редакторства и издания был о себе высокого мнения.

М. И. Семевский отличал различные степени в библиофильской ценности книг. Как «величайшую библиографическую редкость» оценил книгу А. Н. Радищева «Письмо другу, жительствовавшему в Тобольске по долгу звания своего». Он сообщал читателям, при переиздании ее на страницах своего журнала, что «письмо это издано Радищевым в 1789 г. особою брошюрою, в маленькую осьмушку, страниц 8. Книжечка отпечатана в Санкт-Петербурге, как пробный оттиск в типографии, заведенной Радищевым». Сам М. И. Семевский не обладал этой редкостью, поэтому заметил, что «она имеется в библиотеке нашего сотрудника, известного библиофила П. А. Ефремова»³. Это единственный обнаруженный случай, когда М. И. Семевский дал столь высокую оценку изданию. Все в ней – и автор, и содержание, и история печатания, и количество сохранившихся экземпляров – свидетельствовало о ее ценности. Можно сравнить, например, с оценкой, данной книге Гильберга «Russische Günstlige» (Tubingen. 1809), которую он назвал только «большой библиографической редкостью». Эта книга для многих русских исследователей, за недостатком русских источников, служила источником по истории России XVIII в. Ею пользовался и сам М. И. Семевский. Однако ей дана иная характеристика. Содержание, мизерное количество экземпляров, бытовавших некогда в России, в этом ее ценность, и не более. Но когда, благодаря

¹ Анисимова Е. Е. Авторы и создатели книги М. И. Семевского «Павловск. Очерк истории». 1877 // Павловские чтения: сб. мат. науч. конф.: 1996 – 1997. СПб.: Павловск, 1998. С. 8 – 19.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 670.

³ РС. 1871. Т. 4. С. 295.

публикации русских источников и появлению новых научных трудов по истории России XVIII в., ситуация изменилась, интерес к книге постепенно снижался. Приведем еще несколько примеров. «Карикатуры на французов в виде карт в алфавитном порядке (1815 – 1817) – весьма редкий экземпляр»; или «Историческое описание торжества, происходившего при заложении храма Христа Спасителя на Воробьевых горах» (М., 1818) охарактеризована как «книга эта довольно редкая»¹. В ранее названном «Списке книг, заслуживающих особого внимания», включенных в каталог его библиотеки, М. И. Семевский напротив двух книг сделал пометки – об особой редкости книги. Первая – «Символы и эмблемата. Амстердам. 289 стр., 839 эмблемам и рисунков, с объяснениями на голландском, немецком и славянском языках. С портретом Петра I. 1705, по указу Петра I». Первое издание было выпущено в Амстердаме параллельно на 7 языках (а не на 3-х, как указано в каталоге библиотеки М. И. Семевского, издание на трех языках также имело место, но в 1719 г.) Особое значение для культуры XVIII в. символических изображений привело к переизданию книги в 1748 г. в Голландии (издание посвящено Петру III), еще раз переиздана в 1811 г. М. И. Семевский, по видимому, располагал настоящей библиографической редкостью, первым изданием, сохранившимся лишь в немногих экземплярах². Второй «весьма редкой» книгой, как пометил М. И. Семевский, было: «Святым Синодом составленное «Благодарственное моление к всещедрому богу за премилостивый его промысел по возведении на всероссийский престол Елизаветы Петровны, церковной печати», год и место издания не указаны. Эта книга издавалась трижды: в Москве в 1742 г. и в Киеве в 1743 и 1757 гг. Какое издание было представлено в его библиотеке неизвестно³. Следовательно, для М. И. Семевского подлинный раритет отличает от остальных изданий не только мизерное количество сохранившихся или напечатанных экземпляров, важна общественная значимость книги, связь ее содержания с историей страны, и главное, уникальная история происхождения и бытования.

Ведущим ценностным признаком книги для М. И. Семевского всегда было содержание. Какой бы ни была книга по оформлению, если она мало давала пищи уму, если из нее нельзя было извлечь по-

¹ ИРЛИ. Ф. 265, оп. 2, д. 4607, л. 6.

² Хотя первоначально, в 1705 г. было отпечатано 800 экземпляров, по тем временам тираж солидный, но он пропал в основном на складах, книга не была востребована читателем.

³ ИРЛИ. Ф. 265, оп. 2, д. 4607, л. 5.

лезной информации, она не привлекала М. И. Семевского. В подтверждение сошлемся на примечание, сделанное им к изданию «Записок о России генерала Манштейна» (СПб.: Изд. «Русская старина», 1875), подготовленное по подлинной рукописи, хранившейся в Павловском дворце. Анализируя предшествующие издания «Записок», он особо отметил русский, выполненный профессором Андреем Глинкой (Дерпт, 1810). Издание считалось уже редким. Но ценность этого перевода, по мнению М. И. Семевского состояла, прежде всего, в том, что он «сослужил добрую службу: в течение полу столетия эта книга, несмотря на свой весьма устарелый, тяжелый язык, дурную печать и бумагу (подчеркнуто мною – О. К.), доставляла русскому обществу весьма интересное чтение»¹.

Кроме того книга, по его мнению, должна быть доступна по изложению материала и привлекательна по оформлению. Поэтому при издании необходимо учитывать не только культурные потребности, но и психологические особенности различных групп читателей, вызванные как социальным положением, так и возрастными особенностями, книга должна быть адресной и иметь соответствующее этому адресату научное и полиграфическое оформление. Так в рецензии на книгу В. И. Водовозова «О том, как стал Петербург и откуда пошла русская наука» писал: «Заметим только гг. издателям, ...что им следовало напечатать ее более крупным шрифтом, т. к. книжка, главным образом, назначена для народа, который недолюбливает книг, напечатанных слепо, т. е. шрифтом убогим, мелким». И далее, по поводу оформления: «На приложение к такого рода изданиям портретов и вообще рисунков не следует гг. издателям скупиться. Эти приложения могут сильно способствовать расходу книги. К такому, например, прекрасному рассказу, как г. Водовозова, следовало бы приложить, хоть на одном листе напечатанные, портреты (головы) главных сподвижников Петра I»².

В душе и в делах своих М. И. Семевский всегда был просветитель и на назначение книги смотрел через призму этого понятия. Книга должна формировать личность, гражданина, быть источником полезной информации. Уже на склоне лет, излагая свою точку зрения на воспитание юношества, отмечал: «Итак, возможно раньше (12 – 14 лет) знакомство с историей, хотя б в начале посредством... историче-

¹ Записки о России генерала Манштейна: 1727 – 1744. СПб., 1875. С. V.

² Семевский М. И. Рец. на кн. В. Водовозова «О том, как стал Петербург и откуда пошла русская наука» // РС. 1870. Т. 2. Обложка.

ских романов,... хороший выбор мемуаров (для 15 – 17 лет) и, наконец, чтение лучших отечественных писателей-художников – вот что, по моему мнению, ведет к правильному развитию ума и сердца, и втягивает в трудовую жизнь»¹. Но чтобы выполнить эту задачу, книга должна быть доступна читателю и по цене. По поводу труда Н. И. Костомарова писал: «Такое сочинение как «Богдан Хмельницкий» должно найти место в библиотеке каждого образованного человека, сколько-нибудь интересующегося литературой, а между тем, г. Костомаров назначением высокой цены, конечно затруднит приобретение его труда в особенности учащуюся недостаточную молодежь, что едва ли может быть желательно автору... Пять рублей за три книги разгонистого шрифта, напечатанных на бумаге невысокого достоинства – цена положительно дорогая»². Свои сокровенные чувства о собранных им за многие годы книгах, излил однажды в письме к жене. «Перебирая книги, я переживал мою прежнюю жизнь! – писал в 1877 г., когда наблюдал за разбором подаренной им библиотеки в реальном училище Великих Лук. – С каждой из них сопряжено воспоминание о тех лишениях, которым я себя добровольно подвергал, чтобы сэкономить из своего достатка на покупку того или другого сочинения. Сколько удовольствия, в истекшие 22 года доставило мне приобретение, разборка, опись, установка, перевозка и опять приведение в порядок всех этих книг! А чтение, а пользование ими на лекциях! Словом, в этих книгах вся моя скромная, труженическая жизнь. Но какое оригинальное чувство: теперь в виду их, я не был огорчен в том, что добровольно лишил себя этих памятников моего прошлого. Я думаю, что это происходило оттого, что во мне живо сознание, что здесь в учреждении, которое переживает, даст бог, ряд многих грядущих поколений это достояние мое сохранится гораздо лучше, нежели в частных руках, да и пользу принесет немалую»³.

Поэтому он всегда дарил книги. Кроме уже упомянутого дара Великолукскому реальному училищу, регулярно снабжал собственными изданиями учителей народных школ, больницы, хотя это и создавало для него определенные материальные затруднения⁴. В 1884 г. М. И. Семевский передал в дар библиотеке Городской Думы сочинение В. Рубана «Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 28, л. 1 об.

² РС. 1870. Изд. 2. Т. 1. С. 17.

³ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 42, л. 3 об.

⁴ Тимощук В. В. Михаил Иванович Семевский... С. 202.

с 1703 по 1751 г., со многими изображениями первых зданий (Изд. 1. СПб., 1779. С рисунками и чертежами)», поскольку по отчету А. Н. Неустроева о состоянии книжного фонда обнаружилось отсутствие многих фундаментальных трудов по истории города. В отчете по поводу дара было отмечено, что «это сочинение ныне весьма редко и потому ценно». Кроме того, подарил комплекты издаваемого им журнала за 1870, 1876 – 1884 гг. М. И. Семевский был единственным частным лицом, пожертвовавшим городу книги¹. При организации Пермской Архивной комиссии он в 1888 г. обещал прислать в дар свои издания, относящиеся до отечественной истории ценою в 100 рублей². В. И. Семевский вспоминал, что в шесть лет его «особенно порадовал... подарок брата Михаила, приславшего... две книжки, которые я не раз перечитывал с величайшим удовольствием: «Серый армяк» Львова и «Боярин Матвеев» Фурмана; последняя книга, вероятно, возбудила во мне интерес к русской истории»³.

Поэтому библиотека М. И. Семевского сильно отличалась от собраний библиоманов, как остроумно заметил С. А. Соболевский, «лиц, свихнувшихся с ума на пункте: собирать книги». Отличалась она и от собраний «чистых» библиофилов, каким, например, было собрание Н. П. Дурова, где находились только раритеты. М. И. Семевский принадлежал к тем библиофилам, которые, по мнению С. А. Соболевского – признанного авторитета среди библиофилов XIX в., ценят «книги не потому, что их нет в известный момент на рынке... не потому, что они недавно запрещены... а по совокупному достоинству их содержания, красоте издания, сохранности экземпляра и изящности переплета. Причем главное условие, чтобы книги касались тех ветвей науки и литературы, для изучения которых библиотека собрана»⁴. В его книгохранилище почти на равных существовали и подлинные библиофильские редкости, и целые библиофильские блоки, и то, что было ценно только для него. В целом сложилось оригинальная, и во многом уникальная подборка книг и периодических изданий.

¹ Известия СПб ГД. 1885. № 5. С. 572 – 573.

² РС. 1888. Т. 59. С. 460.

³ Семевский В. И. Автобиографические наброски // Голос минувшего. 1917. № 9 – 10. С. 9.

⁴ Соболевский С. А. Новые явления в русской библиографии // Русский архив. 1868. № 5. С. 935.

§ 3. Собирательская деятельность

Библиофильство для М. И. Семевского было не единственным увлечением в области собирательства. Приобретать материалы для своих будущих коллекций он начал в то же время, что и для библиотеки. В 1855 г. был получен первый автограф. Визит без рекомендации к драматургу А. Н. Островскому завершился не только сердечным знакомством, но и ценным подарком – неполной рукописью комедии «Свои люди, сочтемся», которую он спустя многие годы опубликовал на страницах «Русской старины»¹. В 1857 г. сделано первое приобретение в собрание иконографии. Распространявшимися в те годы в Москве фотокопиями с портретов декабристов располагали немногие, ими было положено начало известной впоследствии коллекции. В 1868 г. в его библиотеке появляются первые гравюры и древние акты, благодаря подарку Н. В. Ханыкова. Первоначально все материалы будущих коллекций включались в библиотеку, но к началу 1870-х гг. М. И. Семевский стал различать применительно к своим коллекциям такие понятия как « книгохранилище », « собрание портретов русских деятелей », « собрание автографов », « собрание рукописей » и проч., т. е. собственно книжное собрание начал отделять от коллекций². Уже в 1870-е гг. все коллекции, как отметил Я. Ф. Березин-Ширяев, хранились особо: рукописи в « картонах с надписями и по номерам » в шкафах на полках, гравюры и портреты были частично развешаны по стенам и на дверях в рамах³. « Кроме книг, – сообщал о библиотеке Д. Д. Семенов, – тут найдутся и рукописи, и манускрипты, и гравюры, и автографы, и собрание писем и пр. и пр. И все это приведено в такой порядок, какому позавидует любая правительст-

¹ Банкрот: Свои люди – сочтемся. Комедия в 4-х действиях / сочинения Александра Николаевича Островского, собственноручная рукопись, подаренная им М. И. Семевскому в 1855 г. в Москве // РС. 1891. Т. 61. С. 149 – 173.

² « В нашем собственном книгохранилище находится редкий экземпляр этих двух указов... » (РС. 1873. Т. 7. С. 497); « Многие книги из его библиотеки... поступили в книгохранилище пишущего эти строки ». (РС. 1871. Т. 3. С. 242); « В нашем собрании портретов русских людей... » (РС. 1872. Т. 6. С. 135); « Экземпляр этой гравюры (ныне довольно редкой) имеется в нашем собрании » (РС. 1872. Т. 6. С. 501); « В нашем собрании рукописей есть несколько списков « Войнаровского » » (РС. 1871. Т. 3. С. 521); « Копию этого альбома им самим выверенную, г. Щербина подарил в наше собрание рукописей... » (РС. 1872. Т. 5. С. 150); « ..Несколько списков перебивало и в нашем собрании рукописей... » (РС. 1872. Т. 6. С. 1.)

³ Из записок Я. Ф. Березина-Ширяева... С. 21.

венная библиотека»¹. С началом издания журнала М. И. Семевский основал особый архив «Русской старины», в котором первоначально преобладали копии, снятые с имеющихся или предоставленных редакции на время подлинников, как правило, в нескольких экземплярах. Поступавшие на протяжении всех лет издания журнала частные архивы хранились в подлинниках, и только по мере необходимости с отдельных документов снимались копии. Из состава архива журнала, впоследствии при постановке на учет в ИРЛИ (Пушкинском Доме), по подсчетам Ю. И. Штакельберга, было выделено 30 личных фондов (2697 ед. хр.)². Некоторые документы, еще при своей жизни М. И. Семевский передал в более, по его мнению, подходящие места хранения в соответствии с рангом первоначального владельца или значимостью коллекционного материала. Например, архив графа Милорадовича – в Павловский дворец. С годами он все более связывал свои коллекции с принадлежностью к редакции журнала. Так, в 1890 г. отметил, что подлинник приведенного в «Русской старине» письма И. С. Тургенева к цесаревичу Александру Николаевичу, «принадлежит собранию автографов «Русской старины»³, или «автографы А. Н. Островского [подарены – О. К.] в собрание рукописей «Русской старины» артистом и писателем И. Ф. Горбуновым»⁴.

Интересы М. И. Семевского как коллекционера были широки. Он собирал рукописи, автографы, портреты, гравюры, древние акты,

¹ Семенов Д. Д. Речь, сказанная 8-го ноября 1893 г. в день извещения об утверждении М. И. Семевского товарищем Санкт-Петербургского городского головы // Тимопук В. В. Михаил Иванович Семевский... Приложение. С. 43.

² Выделены следующие фонды: А. Б. Аппика (Ф. 615), Бестужевых (Ф. 604), А. Т. Болотова (Ф. 537), А. А. Боровкова (Ф. 511), Ф. В. Булгарина (Ф. 623), Н. В. Веригина (Ф. 619), А. Ф. Воейкова (Ф. 31), В. Д. Вольховского (Ф. 512), П. Н. Воронова (Ф. 610), В. П. Дельсаль (Ф. 522), Демидовых (Ф. 243), А. Д. Желтухина (Ф. 616), Б. Б. Кампенгаузена (Ф. 507), В. Н. Каразина (Ф. 61), С. Г. Краснокутского (Ф. 525), М. Ф. Митькова (Ф. 625), А. З. Муравьева (Ф. 605), Мурзакевича (Ф. 603), С. Г. Нечаева (Ф. 197), Е. П. Оболенского (Ф. 606), М. Ф. Орлова (Ф. 255), И. А. Пиотровского (Ф. 8), Руссова (Ф. 259), А. А. Самборского (Ф. 620), К. С. Сербиновича (Ф. 46), М. И. Семевского (Ф. 274), Д. П. Тропинского (Ф. 538), К. В. Чевкина (Ф. 518), Шипкина (Ф. 171), А. С. Шишкова (536), Ф. Ф. Эртель (Ф. 617). (Штакельберг Ю. И. Архив «Русской старины»... С. 294). Не все указанные архивы были получены в пору редакторства М. И. Семевского.

³ РС. 1890. Т. 65. С. 646.

⁴ РС. 1891. Т. 71. С. 170.

видимо, не отказывался и от нумизматики, мемориальных вещей¹. Все коллекции относились в основном к истории России², но их состав и размеры в настоящее время определить не представляется возможным, т. к. в большинстве случаев маркировки не производилось, и после смерти владельца многие материалы были проданы и затерялись в других коллекциях³. Судить о составе коллекций можно лишь по упоминаниям в письмах и на страницах «Русской старины».

Значимость любой коллекции определяется, прежде всего, не размерами, но той целью, которую преследует собиратель, принципами и критериями отбора материала. «Коллекция сама по себе ничего не значит, – заметил П. Д. Дриверт. – Только мысль собирателя, вернее идеи, которые он вкладывает в коллекционирование, может оправдать это занятие»⁴. Определить идею, которую М. И. Семевский вкладывал в собирательство, наиболее полно возможно на примере самой ранней и наиболее полно изученной коллекции материалов о декабристах, при этом в задачу исследования не входит реконструкция состава коллекции. Она была единственной известной нам тематической, все уже ранее перечисленные коллекции – систематические, т. е. однородны по составу (гравюры, автографы и т. д.).

Интерес к декабристам не был чем-то исключительным в России. Возникновение же повышенного внимания к проблеме в середине века было вызвано возвращением декабристов из Сибири по амнистии 1856 г. «Великое умолчание» о государственных преступниках, наложенное Николаем I, продолжавшее действовать и в первые годы нового царствования, было прервано в 1857 г. обнародованием для публики книги М. А. Корфа, мгновенно разошедшейся двумя изданиями⁵. Ныне хрестоматийными являются факты как о деятельности

¹ «Серебряный рубль, с изображением Иоанна III... Этот рубль не очень редок; у любителей старины и редких монет его можно видеть. Мы приобрели его за семь рублей» (РС. 1873. Т. 7. С. 69).

² В ГМПИР хранится обложка фирменной папки журнала «Русская старина» с пометкой рукою М. И. Семевского: «Материалы 1830 – 1848 гг.» (т. е. крупнейших европейских революций).

³ Достоверная информация о принадлежности к коллекциям существует только о материалах, поступивших на государственное хранение непосредственно из личного архива М. И. Семевского. Но это лишь незначительная часть собрания.

⁴ Цит. по: **Петрицкий В. А.** Библиофильство как творчество // Книга: Исследования и материалы: сб. 33. М., 1976. С. 191.

⁵ **Корф М. А.** Восшествие на престол императора Николая I. 3-е изд. (первое для публики). СПб., 1857.

А. И. Герцена в придании гласности их деяний, так и его «тайных» корреспондентов. Самый широкий отклик в обществе нашли усилия его сторонников по публикации материалов в русских периодических изданиях. Большинство поклонников отошло от этой темы (например, П. И. Бартенев) к 1880 г. В период реакции наблюдалось в целом поправление обывательских взглядов, что отразилось и на интересе к декабристам. У М. И. Семевского эта страсть не ослабевала до конца жизни¹. Он еще ранее проявляет интерес к этой теме до начала общего бума, свидетельство тому – его ранние рукописные сборники литературных произведений, где переписаны многие сочинения декабристов². Сама жизнь часто заставляла задумываться о «запретной теме». Так в письме от 29 марта 1856 г. к Г. Е. Благосветлову из Москвы М. И. Семевский подробно излагает ситуацию последнего заседания в ночь на 14 декабря 1825 г. у К. Ф. Рыльева, вычитанную им из книги, и сравнивает судьбу декабристов с судьбой донесшего на них своего покровителя Я. И. Ростовцева³.

Поколение «внуков», которое в силу обстоятельств (назревавшая крестьянская реформа) стали, кроме того, «внуками по духу» (М. А. Бестужев), формировало свое отношение к «дедам», главным образом, под влиянием тех устных рассказов, которые бытовали в обществе. Барометром этих представлений могут служить детские игры и вопросы. В годы детства М. И. Семевского дети действительно играли в декабристов, но интересно, что не в восстание, а в наказание за бунт (указывались зачинщики и уводились под стражей в тюрьму)⁴. Общество было потрясено не столько выступлениями или идеями декабристов, как расправой над ними. При этом, видимо, в разговорах бунтовщикам придавалась особая значимость, поскольку дети задавали вопрос: «Что больше декабрист или тайный советник?»⁵. Для М. И. Семевского этот интерес поколения был строго

¹ Кох О. Б. Движение декабристов в восприятии поколения шестидесятых годов XIX в. (По материалам архива М. И. Семевского) // Историзм в культуре: мат. междунар. научн. конф. в Санкт-Петербурге 24 – 25 ноября 1997 г. СПб., 1998. С. 54 – 58.

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 437, д. 438; РНБ. Ф. 905, оп. 2, д. Q 91.

³ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 944.

⁴ Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.:Л., 1938. С. 27.

⁵ Парадизов П. Очерки по историографии декабристов. М.:Л., 1928. С. 20. Возможно этот детский вопрос, показывающий особое отношение к декабристам – плод недобросовестности П. П. Парадизова. Библиофил В. Адарюков отметил в воспоминаниях, что о его увлечении декабристами (собирал портреты, заметки и переплетал в тома) знали «все близкие мои знакомые, и один из них

персонифицирован в лице отца – И. Е. Семевского и помещика того же уезда – А. Н. Креницина. Н. Я. Эйдельман первым обратил внимание на то, что именно отец оказывал помощь в сборе исторического материала начинающему литератору. Он выдвинул предположение, что материалы о возмущении 1831 г. были добыты отцом для сына, которые тот переправил А. И. Герцену, а впоследствии опубликовал в России¹. Духовная связь отца и сына проявилась и в особом интересе к декабристам. В биографии И. Е. Семевского имеется один важный факт, на который ранее не обращали внимания – время начала его военной службы: «в службу вступил, – как значится в сохранившихся многочисленных послужных списках и выписках из них, – из кадет 2-го кадетского корпуса прапорщиком в I-й Пионерный (ныне I-й Саперный) батальон в 1825 г., апреля, 28»². С большой степенью вероятности можно предположить, что И. Е. Семевский находился в Зимнем дворце и был если не участником, то наблюдателем событий 14 декабря 1825 г. В книге «Записки декабриста», подаренной М. И. Семевскому бароном А. Е. Розеном, он отчеркнул на 92 странице текст,

путя, задал моей семилетней дочери вопрос: «кто выше: декабрист или действительный статский советник?» И она, не задумываясь, ответила – «декабрист» (Адарюков В. Воспоминания // Гравюра и книга. 1924. № 23. С. 57).

¹ **Эйдельман Н. Я.** Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII – XIX веков и Вольная печать. М., 1973. С. 205. – Речь идет о рукописи «Записок капитана Заикина», опубликованной М. И. Семевским в сборнике «Бунт военных поселян в 1831 г. Рассказы и воспоминания очевидцев» (СПб., 1870). Однако из этого факта не следует, что и записки Н. И. Панаева были переданы М. И. Семевскому отцом, как предположил Н. Я. Эйдельман. Существовал и другой более вероятный канал: через братьев Ростовцевых. Я. И. Ростовцев получил «Записки» от генерал-лейтенанта Я. В. Воронца, случайно увидевшего их в кабинете у самого Н. И. Панаева. Он показал их наследнику престола, тот в свою очередь отцу – Николаю I. Для наследника, вероятнее всего, текст копировался в доме Ростовцева для придания надлежающего вида, и следовательно, побывал не только в руках Ростовцева. В 1868 г. мемуары Н. И. Панаева попали в Лондон. Возможно, в их пересылке принимали участие и Н. Я. и М. Я. Ростовцевы, пострадавшие впоследствии за свои либеральные убеждения (Кох О. Б. Граф Николай Яковлевич Ростовцев – гласный Порховского уездного земства // Краеведческие чтения. Порхов – Холмки: мат. науч. конф. 21 – 23 сентября 2001 г. Псков. 2002. С. 131 – 141).

² ИРЛИ. Ф. 274, оп. 2, д. 1, л. 88. – В 1830 г. числился в Резервном батальоне I-й саперной бригады (ИРЛИ. Ф. 274, оп. 2, д. 10, л. 1); в 1835 г. – уволен в чине штабс-капитана (ИРЛИ. Ф. 274, оп. 2, д. 1, л. 88).

повествующий о расположении войск в день восстания, и написал: «Саперы стерегли дворец»¹.

Вторым человеком, оказавшим влияние на юного М. И. Семевского был поэт А. Н. Креницин. Он не был непосредственным участником заговора, но его связывали узы дружбы с Ф. Ф. Вадковским, братьями Муравьевыми, А. А. Бестужевым. На допросах они отрицали причастность А. Н. Креницина к организации, дело против него было прекращено. В 1828 г. выйдя в отставку, он поселился затворником в своем имении Мишнево в Великолукском уезде. А. Н. Креницин – человек просвещенный, выписывал до 30 русских и иностранных журналов, дружил в юности с Е. А. Баратынским, был знаком с А. С. Пушкиным, и именно он провожал гроб с телом поэта в Святые Горы. Делом своей жизни Александр Николаевич считал сохранение памяти о декабристах, его дом был похож на музей. Он собирал все, что могло рассказать об их жизни и деятельности².

О невзгодах его судьбы, о том, что над ним был до 1836 г. учрежден тайный полицейский надзор, хорошо осведомлен М. И. Семевский, о чем сделал заметку в дневнике поездки по Псковской губернии 1862 – 1863 гг.³ Его перу принадлежал и некролог, опубликованный под псевдонимом «М» в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 16 (28) сентября 1865 г. В характеристике, данной А. Н. Креницину М. И. Семевским, прослеживаются все черты истинного декабриста. Перейдя на риторическое «ты», он писал: «По образованию и убеждениям ты вполне принадлежал к тому ряду людей, лучшим представителям русского общества 1820-х годов, из которого, за немногими исключениями, вышло так много истинных граждан России. Ты, как и они, любил отечество, страстно желал ему просвещения, мечтал о времени, когда порвутся путы крепостного рабства, нетерпеливо ждал свободы слова»⁴.

Отец М. И. Семевского знаком с А. Н. Кренициным, видимо, с 1840-х гг. (с 1839 г. по 1841 г. выбран посредником по размежеванию

¹ ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 3434, с. 92.

² Степанов Е. К. «Мне дорог край родной... (А. Н. Креницин) // РЛ. 1980. № 4 С. 56 – 98; Данилов В. А. А. Н. Креницин // РЛ. 1960. № 3. С. 31 – 79; Попов А. А. Декабристы-псковичи. Л., 1980. С. 184 – 196; Федорова Е. М. Поэт Александр Креницин // Псков. 2002. № 16. С. 143 – 148.

³ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 3, л. 187.

⁴ [Семевский М. И.] Некролог: Александр Николаевич Креницин // Санкт-Петербургские ведомости. 1865, 16 (28) сентября. № 241. С. 3.

земель; с 1841 г. по 1844 г. – земским исправником)¹, поэтому А. Н. Креницин мог знать всех Семевских с детства. Увлечение И. Е. Семевского книгами могло способствовать сближению с А. Н. Кренициным, который явно симпатизировал юному Михаилу. В дневнике поездки по Псковской губернии 1862 – 1863 г. М. И. Семевский записал льстившие его самолюбию стихи за подписью «Нестолбовой», (псевдоним А. Н. Креницина), поводом для которых послужил конфликт на балу в Великих Луках².

*Историк честный и правдивый,
Рассказчик умный и игривый,
Семевский – кажется пустым
Дворянам нашим столбовым.*

*Не оскверню я ложью уст:
Сказать стыжусь – Семевский пуст,
Но как мне слов важнее дело,
Скажу торжественно и смело:
Что пуст не он – дворянский суд,
Наш пуст – Великолукский люд³.*

Отношения их выходили за рамки обычного для того времени патронирования старшего и почитания со стороны младшего. В письме от 4 января 1860 г. М. И. Семевский обращался с просьбой к отцу: «Папенька, заезжайте к А. Н. Креницину, и возьмите у него (как мы условились) мои 2 книги, у него оставленные равно прежде. На то время как поедите погостить, я думаю, лучше никого не берите из прислуги»⁴. О чем «условились», и почему не надо брать прислуги, навсегда останется тайной. В этом же письме М. И. Семевский рассказывал о своей поездке в Мишнево: «...мы приехали в 12 часу к Креницину, старец рассыпался перед нами великолепнейшими угощениями и всякого рода литературным вздором: подарил мне несколько книг, тут на дорогу, автографы разных писателей, и что всего драгоценнее дал (на короткое время) для снятия копий 94 письма А. А. Бестужева-Марлинского. Это драгоценнейший и в высшей сте-

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 2, д. 1, л. 88.

² Поводом к конфликту послужило увлечение М. И. Семевского А. В. Корвин-Круковской (Штрайх С. Я. Сестры Корвин-Круковские. М. 1933. С. 17).

³ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 3, л. 187.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 765.

пени интереснейший подарок»¹. А. Н. Креницин всячески поощрял увлечение молодого гвардейского офицера, пополнял его коллекцию автографов, дарил книги. Возможно, он видел в нем человека, способного продолжить его дело. Указанные письма А. А. Бестужева впоследствии перейдут в собственность М. И. Семевского, так же как и альманах «Звездочка»². Именно А. Н. Креницин познакомил М. И. Семевского со своим другом актером П. А. Каратыгиным и семейством Бестужевых. Оба знакомства сослужили неоценимую службу возможности сблизиться с миром театра и через М. А. Бестужева добиться личных встреч с оставшимися в живых и вернувшимися из Сибири декабристами.

Таким образом, основу коллекции составили копии. М. И. Семевского интересует текст, его содержание, точность воспроизведения, авторство. Показателен в этом плане рукописный сборник 1860 – 1861 г. – тетрадь в коричневом переплете³. Прежде всего, следует внести ясность в вопрос о принадлежности. Н. В. Зейфман при публикации произведений В. И. Штейнгейля по текстам этого сборника, сочла его собственностью К. К. Сунгурова⁴. Но еще В. Г. Базанов в 1962 г. не только дал общую характеристику состава сборника, но и отметил, что некоторые тексты совпадали с записной книжкой К. К. Сунгурова, поскольку именно он копировал для М. И. Семевского, а заодно некоторые отрывки списывал и для себя⁵. И состав сборника, и примечания, написанные рукою М. И. Семевского, свидетельствуют о нем, как составителе и владельце⁶. М. А. Бестужев, В. И. Штейнгейль, Г. С. Батенков, произведения которых представлены в сборнике – это те «старцы», с которыми он сумел наладить са-

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 765.

² Федорова Е. М. Поэт Александр Креницин // Псков. 2002. № 16. С. 147.

³ ИРЛИ. Ф. 265, оп. 2, д. 2468.

⁴ «Печатается по списку, вошедшему в сборник воспоминаний и произведений декабристов, составленный К. К. Сунгуровым»; или «Печатается по списку, вошедшему в сунгуровский сборник» (Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. В 2 т. Иркутск, 1992. Т. 2. С. 369, 372).

⁵ Базанов В. Капитон Сунгуров и его записная книжка // РЛ. 1862. № 1. С. 217; ЛН. Т. 86. С. 584.

⁶ Помета рукою М. И. Семевского: «Весь сборник списан с разных рукописей в 1860 – 1861 г., полученных от барона В. И. Штейнгейля частью из бумаг Бестужевых, частью из других рукописей. Копию снимал студент СПб университета Капитон Корнилович Сунгуров» (ИРЛИ. Ф. 265, оп. 2, д. 2468). Даже в самые бедственные в материальном отношении годы, М. И. Семевский всегда нанимал переписчиков.

мые тесные отношения и от которых получил первые подлинники в свою коллекцию. Создание копий, если это были запрещенные произведения, решало в те годы проблему сохранения мысли автора, его идей. Как видно даже на примере данного сборника, опасения утратить наследие предшествующих поколений были не напрасны. В последнем, наиболее полном собрании сочинений В. И. Штейнгейля, вышедшем в 1992 г., два произведения напечатаны по тексту, скопированному М. И. Семевским¹. Извлечения из донесений князя Б. А. Куракина были опубликованы Б. Л. Модзалевским и Ю. Г. Оксманом по копиям, сохранившимся в личном архиве М. И. Семевского, при этом публикаторы охарактеризовали их как «добросовестные»². Важно заметить, что многие материалы своих коллекций он дополнял пометами об их бытовании, превращая, таким образом, безликие копии в мемориальные вещи, ценность которых возрастала многократно. Так, указанный сборник, во-первых, автограф К. К. Сунгурова, о судьбе которого сообщено в памятной заметке на первой же странице, во-вторых, его читал Л. Н. Толстой, интересовавшийся в 1878 г. материалами о декабристах. Этот факт В. Базанов сопроводил следующими словами: «Тетрадь с декабристскими материалами побывала в руках Толстого; Толстой был первым ее читателем»³. В данном случае В. Г. Базанов не прав, поскольку первым читателем был П. Л. Лавров, который в начале 1860-х гг. брал у М. И. Семевского материалы о декабристах, в частности сочинения М. А. Бестужева и В. И. Штейнгейля⁴. В архиве М. И. Семевского часто хранился не один экземпляр списка того или иного произведения, выполненных в разные годы. Так по поводу «Войнаровского» К. Ф. Рылеева он заметил: «.. в нашем собрании рукописей есть несколько списков... Из них особенно красиво и тщательно написан тот, который сообщен нам М. В. Кюхельбекером»⁵. Если не было

¹ Штейнгейль В. И. Излияние сердца 1-го октября 1833 г. в Петровской тюрьме // Штейнгейль В. И. Сочинения... Т. 2. С. 183 – 184; Он же. Дневник достопамятного нашего путешествия из Читы в Петровский завод 1830 г. // Штейнгейль В. И. Сочинения... Т. 2. С. 172 – 182.

² Модзалевский Б. Л. Декабристы на пути в Сибирь. Донесения сенатора князя Б. А. Куракина. 1827 г. // Декабристы. Неизданные материалы и статьи. М., 1925. С. 99 – 127.

³ Базанов В. Капитан Сунгуров... С. 217.

⁴ Володин А., Итенбенг Б. Лавров. М., 1981. С. 73.

⁵ РС. 1871. Т. 4. С. 484.

возможности работать с оригиналами, он собирал все бытовавшие копиянные варианты.

Отметим также, что М. И. Семевский стремился заполучить в свою коллекцию копии непосредственно выполненные с оригинала или такие, за точность которых, можно было безусловно ручаться, и следовательно, значимость их может быть приравнена к оригиналу. Б. Л. Модзалевский считал такие копии «авторитетными» и относил эту оценку к копиям из архива М. И. Семевского¹. Начало подобным спискам было положено уже упомянутыми письмами А. А. Бестужева (94 письма), предоставленными А. Н. Кренициным. Копии архива семьи Бестужевых, беспрепятственный доступ к которому он получил ранее других, составили ядро его коллекции. В один том были переплетены, например, 607 копий писем Н. А. Бестужева². М. И. Семевский никогда не упускал возможности сверить копию с подлинником, ознакомить с текстом оставшихся в живых декабристов с целью экспертизы. Известно, например, что он показывал с этой целью свою коллекцию барону А. Е. Розену. Некоторые копии, которыми он располагал, были ценны не менее подлинника. Например, список статьи М. А. Фонвизина «Примечания к книге Энно и Шенншо», просмотренный и исправленный самим М. А. Фонвизиным. Рукопись была подарена автором И. И. Пущину, которому и была посвящена. В 1854 г. И. И. Пущин передал ее П. В. Зиновьеву, от сына которого в 1880 г. она поступила к М. И. Семевскому. Эта копия, по мнению Б. Е. Сыроечковского, имеет значение подлинника, дает окончательную редакцию статьи, и особенно ценна тем, что имеет пометки И. Д. Якушкина, читавшего ее еще в Сибири³. Этот принцип соблюдался и при издании «Русской старины». Обращаясь к своим подписчикам с просьбами прислать материалы, редактор подчеркивал, что просит прислать подлинники для снятия копий, и гарантирует их возврат. Он считал невозможным печатать по копии при наличии подлинника, не убедившись в точности воспроизводимого текста, что, впрочем, не гарантировало читателей от его собственной правки, которая производилась им самим по цензурным соображениям.

При всей важности, точнее функциональности списков М. И. Семевский особое значение придавал подлинникам, их разысканию и сохранению. По отношению к материалам декабристов этот принцип

¹ Декабристы: Неизданные материалы... С. XIV.

² Этот том был отправлен через Н. Н. Страхова в 1878 г. Л. Н. Толстому (Толстой Л. Н. Собр. соч. В. 30 т. М., 1928 – 1958. Т. 62. С. 400).

³ Сыроечковский Б. Е. Из истории движения декабристов. М., 1969. С. 309.

превращался в основной. Обращаясь к Г. С. Батенкову, М. И. Семевский высказал свое мнение о значении части архива, что находилась на хранении у барона В. И. Штейнгейля. В письме от 22 сентября 1862 г., в скорбные дни кончины декабриста он, в частности, писал: «У покойника тщательно сберегались между прочими документами Ваши письма; я с г. Ивановым (Конст[антином] Ивано[вичем]) сильно опасаемся, что они будут уничтожены. Сын Владимира Ивановича – генерал. Ради истории дозвоьте их взять на сохранение Кон[ста]нстину[у] Иван[овичу] Иванову,... дозвоьте воспользоваться ими мне впоследствии при составлении биографии Вл[адимира] Ивановича. Ради дружбы Вашей с покойным, решаюсь просить Вас написать воспоминания о нем; не будете ли так добры поделиться ими со мной?.. Вы меня вовсе не знаете, я Вас знаю давно и также давно питаю к Вам чувство глубокого уважения...»¹. Г. С. Батенков не отказал написать мемуары, но так и не выполнил обещания. В письме от 21 ноября 1862 г. М. И. Семевский еще раз пытался объяснить свое отношение к наследию декабристов: «...Я был и теперь убежден, что они должны быть сохранены все до последней записочки, как святыня – для нас и потомства. Видя же те чувства, с какими генерал... Впрочем, не хочу договаривать, скажу только, что я писал под влиянием глубокой грусти о потере знаменитого старца...»². Следовательно, к высокому рангу документальных источников М. И. Семевский причислял как материалы личного происхождения (рукописи, письма, и пр.), так и мемуары. Приобретение подобных документов требовало в условиях XIX в. личных знакомств с участниками событий, доверия с их стороны, поскольку в руки стороннего лица попадали документы частного характера, и от его порядочности и научной принципиальности зависело их будущее. Успех во многом зависел и от личности коллекционера, его нравственных качеств. Показателен в этом плане пример Н. А. Некрасова: причиной, по которой он прервал работу над поэмой «Русские женщины», была «крайняя неподатливость русских аристократов на сообщение фактов, хотя бы и для такой цели, как моя, т. е. для прославления»³. Если доступ к архиву Бестужевых был облегчен протекцией А. И. Креницина, то частные архивы некоторых лиц оставались недоступными даже при наличии протекции. М. И. Семевский установил тесные связи со многими «страдальцами

¹ Штейнгейль В. И. Сочинения... Т. 1. С. 471.

² Штейнгейль В. И. Сочинения... Т. 1. С. 582.

³ Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов как человек, журналист и поэт. М., 1922. С. 335.

за веру»: И. А. и П. Е. Анненковыми, Г. С. Батенковым, А. П. Беляевым, М. И. Бестужевым, Ф. Н. Глинкой, Д. И. Завалишиным, Н. И. Лорером, М. И. Муравьевым-Апостолом, М. А. Назимовым, Н. Н. Оржицким, А. Е. Розеном, П. Н. Свистуновым, А. Ф. Фроловым, Н. Р. Цебриковым, В. И. Штейнгейлем. Многие из них оказали сильное влияние на взгляды юного М. И. Семевского, особенно В. И. Штейнгейль; любовь и уважение их были взаимными. В письме к Г. С. Батенкову В. И. Штейнгейль отрекомендовал его как «одного из неутомимейших деятелей юного поколения, с которым я имел удовольствие сердечно сойтись. Прошу тебя принять и обнять его с такою степенью отверствия сердца, на какое я имею право. Уверяю, оба не ошибемся»¹. Условия, на которых М. И. Семевскому доверяли личные архивы, были самыми благоприятными. «Располагайте всем, что у Вас есть, – писал ему М. А. Бестужев по поводу бумаг, доставленных из Сибири в особом портфеле, – как свою собственность. Чтoб братья Бестужевы явились в свет в своем костюме, а не оборванцами цензуры, надо время, время и случай»². Доверяя М. И. Семевскому, барон В. И. Штейнгейль, как удалось установить Н. В. Зейфман, передал в 1862 г. переписку Я. И. Ростовцева с Е. П. Оболенским по поводу давнего предательства Ростовцева, которую удалось опубликовать в «Русской старине» спустя многие годы³. Именно через М. И. Семевского в 1872 г. Н. А. Некрасов пытался получить для печати в «Отечественных записках» мемуары барона А. Е. Розена⁴. С годами М. И. Семевский становится авторитетом, многие современники предпочитают передать свои архивы именно ему, содействуя приращению коллекций. Так, Н. А. Тучкова-Огарева распорядилась передать после смерти все бумаги Н. П. Огарева в собственность М. И. Семевского.⁵ Решив расстаться со своей единственной ценностью, письмами А. С. Пушкина, А. П. Керн предпочла продать их именно М. И. Семевскому, дешевле, чем могла, но зато, по ее мнению, в хорошие руки⁶. Августа Павловна Созанович, воспитанни-

¹ Штейнгейль В. И. Сочинения... Т. 1. С. 465. – Эта встреча по неизвестной причине не состоялась.

² Воспоминания Бестужевых... С. 449.

³ Штейнгейль В. И. Сочинения... Т. 1. С. 196.

⁴ Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 47.

⁵ Тучкова-Огарева Н. А. Глава из воспоминаний // Материалы к биографии М. Бакунина: Бакунин в Первом интернационале. М.; Л., 1928. С. 223.

⁶ Александр Сергеевич Пушкин. Его дружба, любовь и ненависть. 1799 – 1837 // РС. 1879. Т. 24. С. 773.

ца М. И. Муравьева, просила в конце 1880 г. А. Г. Достоевскую помочь продать М. И. Семевскому письма декабристов¹. В его распоряжение, или как он отмечал, в распоряжение «Русской старины» поступили на правах собственности личные архивы К. В. Чевкина, Г. А. Орлова, архимандрита Фотия, Евг. Болховитинова, С. Р. Лепарского и др.² и список этот можно продолжить.

М. И. Семевский предпринимал определенные усилия и в побуждении декабристов к написанию мемуаров. Первая попытка была предпринята по отношению к М. А. Бестужеву, который после долгих колебаний ответил согласием: «Вы один своим задушевным, благородным сочувствием, – писал он 26 мая 1861 г., – к памяти покойных братьев и братьев страдальцев нашего дела сумели расшевелить мою мертвенную апатию, мое безотрадное равнодушие к настоящему и будущему, мое недоверие к справедливому суду потомков»³. Тогда же М. И. Семевский заручается согласием написать мемуары и П. Е. Анненковой. «Многие часы коротали мы, в 1860 г. в С.-Петербурге и летом 1861 г. в Нижнем Новгороде, слушая оживленные рассказы Прасковьи Егоровны о пережитом и выстраданном ею и ее мужем, – вспоминал он на страницах «Русской старины» в 1888 г., – говорила она на французском языке и весьма охотно согласилась, чтобы ее рассказы были записаны за нею по-русски, что было тогда же исполнено ее дочерью... Впоследствии рукопись была передана нам самою Прасковью Егоровной с тем, чтобы была напечатана после ее смерти. Таковой завет и исполняем»⁴.

М. И. Семевский был очень настойчив и за многими документами охотился годами. Так, упомянутые выше письма Г. С. Батенкова в конце концов перешли в его архив⁵. Он сумел со временем найти общий язык с генералом В. В. Штейнгейлем. В 1883 г. М. И. Семевский вместе с А. П. Асташевой разбирал рукописи архива Г. С. Батенкова⁶.

¹ Рыбкина И. А. Отчизны внеземлем призыванье. М., 1976. С. 153.

² РС. 1882. Т. 36. С. 742 (К. В. Чевкина); РС. 1879. Т. 24. С. 656. (Г. А. Орлова); РС. 1875. Т. 13. С. 301 (архимандрита Фотия); РС. 1872. Т. 6. С. 406. (Евг. Болховитинова); РС. 1878. Т. 22. С. 339 (С. Р. Лепарского).

³ Воспоминания Бестужевых.. С. 440.

⁴ Рассказы Прасковьи Егоровны Анненковой рожденной Гербль (1800 – 1876) // РС. 1888. Т. 57. С. 173.

⁵ ИРЛИ. Ф. 265, оп. 2, д. 2368, 3133; Зейфман Н. В. Письма В. И. Штейнгейля к Г. С. Батенкову // АЕ за 1975 г. М., 1976. С. 261 – 270.

⁶ Батенков Г. С. Сочинения и письма. В 2 т. Иркутск, 1989. Т. 1. С. 475.

Столь же важное значение как подлиннику М. И. Семевский придавал свидетельству очевидцев. По своим взглядам и научным интересам он историк-новист, и поскольку, по его убеждению, история создается на наших глазах, зафиксировать исторический факт – задача просвещенных современников, так же как и сохранить исторические документы, которые еще не воспринимаются большинством как таковые.

Увлечение записями устных рассказов проявилось смолоду. Уже в первые свои путевые заметки о поездке по Волге М. И. Семевский включил как записи устных рассказов, так и эпизоды, повествующие о его приемах работы с народными сказителями¹. «Я пригласил слепца в палатку,.. где мы и уселись за самовар. По моей просьбе, калика переходный охотно продиктовал всю «канту». ...Я записал все с полным вниманием, что не мешает, однако, оставить канту в записной книжке, т. к. она не имеет ни особенного интереса, ни особенного значения»². Один из его ранних рассказов, основанный на подобных записях, получил соответствующее название «Сказочник Ерофей»³. М. И. Семевский подробно изложил историю создания рассказа: «В 1863 г. я объезжал сельские школы Псковской губернии. При посещении деревень я считал не лишним досуги свои от сбора сведений по вопросу о народном образовании посвящать на соби́рание данных, относящихся до народного быта. Понятное дело, что песни, сказки, легенды и т. п. этнографические материалы не могли быть оставлены без внимания, и скоро мои записные книжки наполнились множеством песен, сказок, загадок, легенд, пословиц и т. п. произведений народного творчества. Некоторые части моего сборника напечатаны в разных периодических изданиях, и, между прочим, я счел небезынтересным сгруппировать более характеристические рассказы сказочника Ерофея, старика-крестьянина, встреченного мною при объезде деревень Опоченского уезда»⁴. Мысль, что услышанные рассказы могут

¹ **Семевский М. И.** От Твери до Астрахани, волжские заметки, 1861 г. // Отечественные записки. 1861. № 12; 1862. № 4, 6, 12.

² **Семевский М. И.** От Твери до Астрахани... 1862. № 12. С. 510.

³ **Семевский М. И.** Сказочник Ерофей // Отечественные записки. 1864. № 2. С. 485 – 498; Статья «Место заточения царицы Авдотьи Федоровны Лопухиной» также начинается с изложения бытовавших в Подмоскowie легенд о царице. (Семевский М. И. Место заточения царицы Авдотьи Федоровны Лопухиной // На несколько часов: лит. сб. СПб., 1867. Вып. 2. С. 266 – 348).

⁴ **Семевский М. И.** Г-ну Тягунову (По поводу статьи «Сказочник Ерофей») // Отечественные записки. СПб., 1864. Т. 155. С. 991.

быть объектом не только литературного, этнографического, но и исторического научного значения, несомненно, заимствована М. И. Семевским от Н. И. Костомарова. Он постарался, по возможности, собирать рассказы современников, одними из первых были декабристы. Наиболее ранние записи относятся к 1859 г. В письме к отцу от 2 февраля писал: «В пятницу вечер провел у Оржицкого, первейшего друга Рылеева, казначея обширного общества декабристов, ныне 62-летнего старца. Вы можете представить, с какою жадностью внимал я его рассказам о наших мучениках, об наших великих людях... Ни одно слово не пропадет, все записано мною...»¹. Во время летних путешествий 1860 – 1861 г. М. И. Семевский был в Твери у М. И. Муравьева-Апостола и Ф. Н. Глинки – «этих живых памятников эпохи великой отечественной борьбы 1812 и эпохи 1820-х гг.», но только спустя 28 лет сообщил он о своем визите в описании очередной поездки по центральной России². Тогда же вел беседы с Анненковыми, бароном В. И. Штейнгейлем. Найдут отражение в записных книжках и встречи с М. А. Бестужевым в Петербурге в 1869 г. Это вошло в привычку, так в 1888 г., например, отметил, что «в последнее наше свидание П. Н. Свистунов много рассказывал нам интересного из своего далекого прошлого; кое-что мы успели внести в наши записные книжки и когда-нибудь поделимся этим с нашими читателями»³. Записанные рассказы М. И. Семевский систематизировал. Для этого книжки разрезались на листы, и рассказы подбирались по тематике. Некоторая часть подобных записей хранится в рукописном отделе ИРЛИ⁴. Таким образом, у М. И. Семевского сложилась группа рукописных материалов, которую вряд ли можно определить понятием «рабочий архив» – эти материалы были рассчитаны на длительное хранение и изначально формировались как коллекции по заданной проблеме.

Со многими из записей М. И. Семевский проводил дальнейшие подготовительные работы к печати, но не решался опубликовать. В качестве примера можно указать на «Рассказы о Рылееве рассыльного «Полярной звезды». В предисловии к публикации Ю. Г. Оксман сделал важное замечание относительно приемов работы М. И. Семевского с респондентом и доведения первоначальных отрывочных впе-

¹ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 261 – 261 об.

² РС. 1888. Т. 59. С. 421.

³ РС. 1889. Т. 61. С. 669.

⁴ ИРЛИ. Ф. 274, оп. 1, д. 19.

чатлений до законченного рассказа-воспоминания¹. В бумагах М. И. Семевского сохранилось три редакции записей: они сделаны в декабре 1871 – начале 1872 г. Ю. Г. Оксман обратил внимание на то, что записи не подвергнуты литературной обработке: «Семевский хорошо понимал – историческая ценность вводимого им в научный оборот материала определяется прежде всего личностью самого рассказчика. В первый и в последний раз в мемуарных документах литературный и домашний быт Рылеева изображался выходцем из крестьянским низов, оброчным крестьянином, работавшим по найму в «Полярной звезде»². Именно поэтому, по мнению Ю. Г. Оксмана, не были исправлены характерные особенности живой речи рассказчика («Они были директором», «Когда запрется с колектурами – не мешай», «Кондратий Федорович весь азиатский язык, и американский и все языки знал»). М. И. Семевский «на ходу» исправлял имена, ошибочные и запутанные характеристики и описания, запамätованные с годами, приписывая их определенным лицам, иногда создавая еще большую путаницу (это относится ко второй неопубликованной части записок – рассказе о знакомых К. Ф. Рылеева)³. Он пытался объединить приемы этнографической записи, т. е. сохранить речевые особенности респондента, столь важные для его характеристики, с точностью рассказа об историческом факте – требование обязательное для историка-позитивиста. Поэтому, где это было возможно, в записях устных рассказов, наблюдается неоднократное обращение к одному и тому же факту, стимуляция вопросами памяти опрашиваемого, конкретизация, уточнения, если необходимо, дополнительные наводящие вопросы. Далее при завершении работы над текстом, он пытался, сколь это было доступно, проверить факты по опубликованным материалам. Ю. Г. Оксман дал самую высокую оценку, как результатам этой методики, так и выбору респондента. «Рассказы Агапа Ивановича о самом Рылееве и о его быте очень точны, наблюдения – свежи и оригинальны. Многие из фактов, отмеченных Агапом Ивановичем в его беседах с Семевским, были подтверждены позднейшими находками архивных документов и продолжают подтверждаться публикациями последних лет»⁴. Заметим, что заслуженной благодарно-

¹ Рассказы о Рылееве рассылного «Полярной звезды» // ЛН. М., 1954. Т. 51. Кн. 1. С. 251 – 253.

² Рассказы о Рылееве... С. 253.

³ Рассказы о Рылееве... С. 253.

⁴ Рассказы о Рылееве... С. 253. Сходную оценку дали и авторы примечаний к сборнику «Писатели-декабристы в воспоминаниях современников» (М., 1980)

сти в свой адрес М. И. Семевский от автора публикации не получил, хотя «в первый и в последний раз... быт... изображался выходцем из крепостных низов» только и исключительно благодаря М. И. Семевскому.

М. И. Семевский видел в декабристах прежде всего живых людей из плоти и крови. Его интерес проявился в вопросах к М. А. Бестужеву. Среди них масса уточняющих вопросов о мельчайших деталях быта, вкусах, настроениях, круге чтения, занятиях, интересах. Применяя методы полевой археографии, М. И. Семевский донес до нас строй устной речи декабристов. Это отношение резко противостоит позиции А. А. Герцена, который, по словам Л. Н. Толстого, создал из них «вдохновенно задуманные и красиво исполненные статуи, полные символически-романтического настроения».

М. И. Семевский различал в традиции полевой археографии два вида исторических рассказов: повествование современника событий, записанные специалистом – считал достоверным свидетельством наравне с мемуарами; запись анекдотов (бытовавших в обществе устных рассказов об исторических лицах и событиях) – считал материалом неточным, но имеющим право на существование. Во-первых, потому, что «почти всегда передаваемое в них, так или иначе, основано на действительно совершавшемся событии»; во-вторых, «рассказ нередко весьма ярко рисует время и действующих лиц. И как часто случается, что какой-нибудь анекдот разом осветит того или другого исторического деятеля, характер которого до сих пор является недостаточно расследованным»¹. Однако степень достоверности подобного материала, по мнению М. И. Семевского, может быть различной. «Это далеко не материал, на который можно полагаться, – писал он, – где чаще всего встречаются неточности хронологические и другие – так это в подобных рассказах, переходящих из уст в уста, дополняемых и изменяемых, по воле и капризу лица, его передающе-

Р. В. Иезуитов, Я. Л. Левкович, И. Б. Мушина: «В отличие от воспоминаний декабристов и других мемуарных источников, наполненных политическими дебатами, воспламеняющими строками лирики Рылеева и Александра Бестужева, но в которых почти нет житейских деталей, плоти повседневной жизни – записи М. И. Семевским рассказов Агапа Ивановича уникальны, они позволяют нам увидеть Рылеева и его друзей «домашним образом», посмотреть на их ежедневные занятия глазами благожелательного наблюдателя, который в силу своего социального положения имел особый угол зрения на все происходящее...» (Т. 2. С. 334).

¹ Исторические рассказы и анекдоты, записанные со слов именитых людей П. Ф. Карбановым. Редакционные примечания // РС. 1872. Т. 6. С. 290.

го, до тех пор, пока кому-нибудь вздумается закрепить таковой рассказ изложением его на бумагу»¹. М. И. Семевский указал критерии, по которым возможно определить степень достоверности «подобного рода памятников». «Прежде всего необходимо, – писал он, – чтобы собиратель, по своему общественному положению, по близости к тем лицам, со слов которых записывается тот или другой рассказ, а те лица по близости к самому событию – внушали бы доверие в возможной точности рассказанного или записанного»². При издании «анекдотов» он не исправлял ошибок хронологических и биографических, считая, что «дело писателя, берущего во внимание такой «материал» отнестись к нему с особой осторожностью, и вполне критически, и взвесив его значение для своего труда сопоставить его с подлинными несомненными документами, его исправляющими и дополняющими»³.

С какой же целью М. И. Семевский публиковал столь недостоверные свидетельства? В примечаниях к рассказам П. Ф. Карабанова он писал, что, по его мнению, в них отразились «общественные воззрения на события или лица исторические – столь, повторяем драгоценные черты, что оставить их без внимания... было бы более, нежели странно»⁴. Таким образом «анекдоты» (обозначим этим понятием XIX века все бытующие в обществе устные исторические рассказы) важны для оценки общественного сознания, это источник по проблемам социальной психологии, социологии, что необходимо, как он отметил в том же предисловии «к изучению прошлой жизни нашего отчества в самом обширном смысле этой задачи».

В то же время к устному рассказу, особенно если запись была выполнена им самим или лицом, внушающим доверие, он относился как к достоверному документу. На страницах «Русской старины» достаточно примеров подобного отношения. Как факт, заслуживающий внимания, М. И. Семевский привел реакцию К. С. Сербиновича на свой вопрос о том, кто автор доклада следственной комиссии по делу декабристов в первой его редакции. «Когда пишущий эти строки, – отметил М. И. Семевский, – спросил покойного г. Сербиновича об этом обстоятельстве в 1872 г., г. Сербинович промолчал и перевел

¹ Исторические рассказы и анекдоты, шутки, остроты, заметки, мелочи. / ред. прим. // РС. 1879. Т. 25. С. 103.

² РС. 1879. Т. 25. С. 104.

³ РС. 1879. Т. 25. С. 105.

⁴ РС. 1879. Т. 25. С. 103.

разговор на другой предмет»¹. Эпизод, рассказывающий о поведении Николая I в связи со взятием Варны, появился после того как в редакцию был прислан рассказ из Владимира. М. И. Семевский обратился к князю А. А. Суворову-Рымникскому, упомянутому в нем, «с просьбою, рассказать некоторые подробности. Его светлость... весьма обязательно исполнил нашу просьбу, и мы записали с его слов нижеследующий эпизод из жизни покойного императора»². Резкую отповедь на страницах «Русской старины» М. И. Семевский дал сыну графа К. В. Нессельроде, приславшего в редакцию письмо с упреками в «невероятности» помещенных в журнале рассказов князя А. М. Горчакова, записанных в Ницце неизвестным автором, которым в действительности был М. И. Семевский. На что редактор незамедлительно ответил: «Напрасно гр. Д. К. Несельрод сомневается в вероятности рассказов кн. А. М. Горчакова: они слышаны нами самими, и тогда же во Франции, в Ницце лично внесены в нашу записную книжку. ... Другое дело – ошибался он или не ошибался в своих рассказах маститый государственный канцлер. Об этом можно спорить и приводить в опровержение документы...»³. Историю появления этих записей М. И. Семевский изложил в 1888 г. в редакционных примечаниях в связи с упоминанием Берлинского договора. «Осень 1881 г. и весну 1882 г. пишущий эти строки провел в Ницце. Там же в это время коротал последние месяцы своей жизни кн. А. М. Горчаков... Мы виделись с ним довольно часто, по утрам, у него же, – вспоминал М. И. Семевский. – Старик (84 года), впадавший часами в совершенно странное состояние, когда разговоры его касались женщин, много сообщал нам подробностей, ясно и обстоятельно изложенных, из его многолетней дипломатической службы. Многие мы тогда же записали, с его же согласия»⁴.

Таким образом, М. И. Семевский считал записи устных рассказов достоверным источниками, заслуживающими внимания, при этом публикация их, по его мнению, должна содержать информацию о месте, времени записи и лице, ее выполнившим. Поскольку жизнь и служба свела его со многими замечательными людьми, он приложил немало усилий по сбору подобных материалов. Среди увидевших

¹ Николай Михайлович Карамзин: Воспоминания К. С. Сербиновича // РС. 1874. Т. 11. С. 269.

² Черты характера императора Николая I // РС. 1871. Т. 3. С. 61.

³ Граф Каподистрия и граф К. В. Несельрод: 1820 – 1821 // РС. 1884. № 1. С. 219.

⁴ РС. 1888. Т. 57. С. 554.

свет и давно получивших статус полноценных исторических свидетельств: рассказы о А. С. Пушкине тригорских помещиков А. Н. Вульфа и М. И. Осиповой, Н. А. Меренберг (урожд. Пушкиной) об отце; графа М. Т. Лорис-Меликова и графа А. М. Горчакова; писателей М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. С. Тургенева, А. Н. Островского; Е. А. Бестужевой и М. А. Бестужева¹, Е. А. Сушковой².

Рассказ об историческом событии не вполне удовлетворял М. И. Семевского, если он не мог быть дополнен изобразительным рядом. Начиная собирать материалы о декабристах, он уже в конце 1850-х гг. приступает к формированию иконографии. В Москве продавались в те годы фотопортреты декабристов, не только с

¹ Со слов М. А. Бестужева были записаны М. И. Семевским эпиграммы и отрывки поэмы «Николосор» декабриста В. Л. Давыдова. Изыскания М. К. Азадовского позволили впервые ввести в научный оборот сведения о поэтической деятельности В. Л. Давыдова, положив начало ее изучению. Публикация была выполнена по записям М. И. Семевского, при этом публикатор отметил, что некоторые слова не дописаны, отчасти из осторожности отчасти вследствие быстрой записи (Азадовский М. К. Страницы истории декабризма. В 2 т. Иркутск, 1991. Т. 1. С. 189, 393). А. Л. Дымшиц, подготовивший новое издание стихотворений В. Л. Давыдова, уже был более категоричен, обвинил М. И. Семевского в «стилистической небрежности и логических ошибках». (Сатирические стихотворения В. Л. Давыдова / Публикация А. Л. Дымшица // ЛН. М., 1956. Т. 60. Кн. 1. С. 284).

² **Вульф А. Н.** Рассказы о Пушкине, записанные М. И. Семевским // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 446 – 449; **Осипова М. И.** Рассказы о Пушкине, записанные М. И. Семевским // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 457 – 461; **Меренберг Н. А.** [Воспоминания об отце] / Запись М. И. Семевского // Новые материалы о дуэли и смерти А. С. Пушкина Б. Л. Модзалевского, Ю. Г. Оксмана, М. А. Цявловского. Пг., 1924. С. 127 – 130; Рассказы о своем прошлом светлейшего князя А. М. Горчакова, записанные в Ницце весной 1882 г. // Андреев А. Р. Последний канцлер Российской империи Александр Михайлович Горчаков. Документальное жизнеописание. М., 1999. С. 127 – 135. (А. Р. Андреев высказал мнение, что «рассказы» для печати подвергнуты субъективной литературной обработке); **Семевский М. И.** Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (6/II 1882) // М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. В 2 т. 2-е изд. М., 1975. Т. 1. С. 177 – 184; **С. III.** Встреча И. С. Тургенева с Александром III (По материалам тетради М. И. Семевского) // Красная панорама. 1928. № 28. С. 14; Рассказы М. и Е. Бестужевых в записях М. И. Семевского // Воспоминания Бестужевых... С. 387 – 420; Рассказы Е. А. Бестужевой об отце и братьях // Верные сыны отечества. Воспоминания участников декабристского движения в Петербурге. Л., 1982. С. 364; **Сушкова (Хвостова) Е. А.** Записки. 1812 – 1841 / ред., введ. и прим. Ю. Г. Оксмана. Л., 1928.

оригинальных фотографий, но главным образом с портретов живописных (Н. А. Бестужева) и графических. Е. И. Якушкин, побывав в 1853 – 1854 гг. в Сибири, сфотографировал многих декабристов и распространял копии в Москве и Петербурге. В 1864 г. А. И. Герцен призвал современников собирать портреты декабристов и завел для этого специальный альбом. Наиболее полные коллекции подобных снимков сложились у М. И. Семевского и И. Е. Забелина¹. Но М. И. Семевский начал свою коллекцию ранее этого призыва, был у него и специальный альбом, который хранился в Литературном музее ИРЛИ. Следующим приобретением стали оригинальные портреты, полученные от М. А. Бестужева². Из них известны: в собрании Эрмитажа – автопортрет Н. А. Бестужева 1825 г.; в собрании Музея ИРЛИ – А. А. Бестужева-Марлинского, акварель 1828 г.³ М. И. Семевский целенаправленно и кропотливо продолжал собирать портреты декабристов всю жизнь. Фотографии П. С. Бобрищева-Пушкина, В. П. Ивашева, М. А. Назимова, И. И. Пущина были добыты из собрания М. А. Назимова⁴. Он не только стремился завести в свое время знакомства с самими декабристами, но и с членами их семей, с молодым поколением, что было иногда даже полезнее для его целей. М. И. Семевский был вхож в дом Е. К. Решко, правнучки декабриста В. П. Ивашева. Из ее архива были получены фотопортреты Н. И. Лорера, А. В. Поджою, П. И. Свистунова, Н. Р. Цебрикова⁵. Один из сыновей барона В. И. Штейнгейля подарил портрет с дарственной надписью «Его превосходительству Михаилу Ивановичу Семевскому г. Бирск, март 1884 г.» Далее рукою М. И. Семевского было дополнено: «От б<арона> Андрея Владимировича Штейнгейля». Фото представляло пересъемку портрета, имеющегося у А. В. Баранова⁶. Пользуясь своим положением государственного чиновника, имея возможность встречаться с М. С. Волконским, исполнявшим обязанности

¹ Зильберштейн И. С. Николай Бестужев и его живописное наследие // ЛН. М., 1956. Т. 60. Кн. 2. С. 264.

² Прищева Г. А. Декабристы в изобразительном искусстве. М., 1990. С. 174.

³ Вейс А. Ю., Гонтаева М. И. Декабристский фонд изобразительных материалов, хранившихся в Музее института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР // Декабристы и их время. М.; Л., 1951. С. 289.

⁴ Вейс А. Ю., Гонтаева М. И. Декабристский фонд... С. 179, 205, 219, 226, 242.

⁵ Вейс А. Ю., Гонтаева М. И. Декабристский фонд... С. 211, 236, 255, 267.

⁶ Вейс А. Ю., Гонтаева М. И. Декабристский фонд... С. 268.

попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, как попечитель Великолукского реального училища и др. учебных заведений Псковской губернии¹, М. И. Семевский сумел получить из его личного архива некоторые материалы, в числе которых были портреты Н. А. Загорецкого, А. П. Юшевского, А. И. Якубовича². Известно, что М. С. Волконский был человеком консервативных взглядов и стремился информацию о Волконском-декабристе не выпускать за пределы семьи.

Некоторые портреты были подарены и самими декабристами. Так на фотографии П. Н. Свистунова с его дарственной М. И. Семевский сделал следующую надпись: «Петр Николаевич Свистунов. Последний декабрист. 1888, мая, 25»³. К сожалению, больше портретов с дарственными надписями обнаружить не удалось. Остается предположить, что эта часть коллекции, как наиболее ценная, стала объектом интереса последующих коллекционеров и до нас не дошла. Но и то, что сохранилось, вызывает чувство благодарности и уважения к его подвижнической деятельности. Знаменитое собрание материалов по истории движения декабристов в Рукописном отделе и Литературном музее ИРЛИ (Пушкинского Дома) составлено в немалой степени из материалов собрания М. И. Семевского.

Именно на примере коллекции иконографии видно, что М. И. Семевский стремился как можно более точно атрибутировать имеющиеся у него материалы: на многих фотографиях сделаны надписи рукою барона А. Е. Розена, уточняющие принадлежность портрета.

В составе декабристской коллекции М. И. Семевского были акварели Н. А. Бестужева. По мнению И. С. Зильберштейна, изучавшего живописное наследие декабриста, акварель мест в окрестностях Читы, куда водили ссыльных купаться, была получена М. И. Семевским от Е. А. Бестужевой⁴. В 1870 г. М. А. Бестужев выслал М. И. Семевскому в разное время часть акварелей: виды Читы и Петровского завода⁵, а также портреты С. Р. и О. А. Лепарского¹, Г. М. Рейндера (не

¹ Входила в состав Санкт-Петербургского учебного округа.

² Вейс А. Ю., Гонтаева М. И. Декабристский фонд... С. 203, 270–271.

³ Вейс А. Ю., Гонтаева М. И. Декабристский фонд... С. 256.

⁴ Зильберштейн И. С. Николай Бестужев... С. 156.

⁵ «Вид саду при комендантской квартире в Чите», «Общий вид Петровского завода». – В 1917 г. акварель в составе собрания М. И. Семевского поступила в ИРЛИ, затем оттуда передана во Всесоюзный музей А. С. Пушкина. (Зильберштейн И. С. Николай Бестужев... С. 328).

сохранился), Я. Д. Казимирского. В сопроводительном письме М. А. Бестужев писал: «Посланные виды и портреты Вы можете удерживать столько времени, сколько Вы найдете необходимым, чтобы сделать какое вы хотите употребление; если хотите, снимайте копии, фотографические карточки и проч., но только прошу возвратить мне их по моему востребованию»². Здесь вновь встает вопрос о необходимости и научной целесообразности копий. Материалы были получены на время, и более могли никогда не попасть в руки исследователя. Копия, в таком случае, решала вопрос о доступности к материалу и выполняла своего рода охранные функции в случае утраты. М. А. Бестужев указанные материалы не востребовал, и они остались в собрании М. И. Семеvского. Уже после смерти М. А. Бестужева, он пытался уточнить имя автора акварелей у барона А. Е. Розена, который одну приписал Н. А. Бестужеву, другую Н. П. Репину и внес тем самым путаницу в вопрос об авторстве³.

М. И. Семеvский столь трепетно собиравший иконографию декабристов, стал невольной причиной гибели собрания купца А. М. Лушникова, восходящего к коллекции портретов Н. А. Бестужева. С акварельных портретов при переправке их с Петровского завода в Селенгинск были выполнены карандашные копии и оставлены И. И. Горбачевскому. В 1869 г. они перешли к кяхтинскому купцу А. М. Лушникову. В 1884 г., уступив просьбам М. И. Семеvского, он согласился отправить рисунки с пограничным комиссаром Е. В. Пфаффиусом в Петербург, но по дороге тот умер, и коллекция исчезла бесследно⁴. Сохранились только копии, сделанные с нее в середине 1870-х гг. в Москве по поручению купца Н. М. Зензинова художником Л. Петчем. Однако оригиналы отличались от копий, они были наивнее, проще, и ближе к природе⁵.

Таким образом, М. И. Семеvский ставил целью собрать в свою коллекцию материалы, всесторонне раскрывающие избранный им объект изучения. Его не смущал различный уровень качества этих

¹ Зильберштейн И. С. Николай Бестужев... С. 144, 327 – 328; Г. А. Принцева отметила, что портрет С. Р. Лепарского в 1930 г. из ИРЛИ был передан в Музей революции, с 1954 г. в собрании Эрмитажа. (Принцева Г. А. Декабристы... С. 20)

² Воспоминания Бестужевых... С. 316 – 317.

³ Зильберштейн И. С. Николай Бестужев... С. 144.

⁴ Зильберштейн И. С. Николай Бестужев... С. 428.

⁵ Лушников А. А. (сын) По поводу издания М. М. Зензинова «Декабристы. 86 портретов» // Исторический вестник. 1906. № 9. С. 1053.

материалов, важно, что бы они содержали достоверные свидетельства, и в целом позволяли установить исторические факты с максимальной степенью приближения к исторической истине. Все свои коллекции М. И. Семевский формировал как историк, именно историк-позитивист. Первоначально его коллекции отражали его увлечения, с годами – научные интересы, и позже – потребности редакторской работы. Но М. И. Семевский часто собирал материалы по причине живших в его душе высоких научных идеалов. В разные годы он собрал и передал в дар Археографической комиссии и библиотеке Академии наук 814 древних актов XVI – XVIII в.¹ В 1866 г. на заседании Археографической комиссии он сообщил: «В библиотеке моей находится довольно значительное число различных исторических и юридических актов, приобретенных мною в разное время и в разных местах, преимущественно от частных лиц»². Документы были собраны в основном во время поездок по делам Археографической комиссии; «найденны ... в местных домашних архивах и у продавцов старинны»³. В 1889 г. он сообщил о приобретении «любопытного собрания челобитных XVII в.», которые полагал предоставить в распоряжение комиссии»⁴. В 1890 г. из Симбирска от И. Н. Юркина получил выпись из тяжёбного дела 1670 – 1780 гг. чуваш с симбирянами. «Выпись эта, – как отмечено в Летописи Археографической комиссии, – в виде столбца, сохранившегося у крестьянина д. Бюрган, ныне умершего»⁵. Многие из представленных М. И. Семевским документов были опубликованы, как и этот акт в одном из изданий Комиссии⁶. Все материалы были снабжены подробными описями, одна из них опубликована в 1892 г.⁷ Древние акты не были объектом его интересов как коллекционера. Он собирал их с единственной целью – сохранить для потомков. На его глазах в научном мире произошли большие перемены.

¹ ЛЗАК за 1872 – 1878 гг. СПб., 1880. Вып. 6. С. 12, 28. – В. С. Иконников упоминал в своем капитальном труде факт передачи М. И. Семевским документов XVI – XVIII вв. в Археографическую комиссию, сделав его общеизвестным. (Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. 1. Кн. 1. Киев, 1891. С. 266).

² ЛЗАК за 1865 – 1866 гг. СПб., 1868. Вып. 4. С. 32.

³ ЛЗАК за 1888 – 1894 гг. СПб., 1893. Вып. 11. С. 108.

⁴ ЛЗАК за 1888 – 1894 гг. СПб., 1893. Вып. 11. С. 90.

⁵ ЛЗАК за 1888 – 1894 гг. СПб., 1893. Вып. 11. С. 90.

⁶ ЛЗАК за 1888 – 1894 гг. СПб., 1893. Вып. 11. С. 90; Вып. 6. С. 12. Вып. 5. С. 61; 70 актов опубликованы в «Чтениях Московского Общества Истории и Древностей».

⁷ Историко-юридические акты XVI и XVII вв. / собрал, описал и принес в дар Археографической комиссии член комиссии М. И. Семевский. СПб., 1892.

ны. Казавшиеся малозначимыми, непригодными для исторического исследования виды источников при изменении приемов, методов и общего подхода к предмету истории, стали широко использоваться учеными. М. И. Семевский разделял точку зрения Н. В. Калачова – лучше сохранить лишнее, чем уничтожить необходимое¹. И если он видел, что материал гибнет, то принимал меры к его спасению – помещал в свое собрание, что вовсе не свидетельствует о его неразборчивости как коллекционера.

М. И. Семевский широко использовал свои коллекции в научной и просветительской деятельности. Для знаменитых лекций о Петре I, которые он читал в зале Педагогического музея в Соляном городке, было переснято 177 гравюр на стекло для туманных картин (период 1700 – 1720 гг.). Цикл состоял из 8 лекций, и на последней демонстрировалось 100 снимков с краткими пояснениями. Таким собранием он лично не располагал, и здесь вновь выручила кооперация коллекционеров. В письме от 15 апреля 1891 г. к П. Я. Дашкову, М. И. Семевский благодарил «за дружеское внимание к моим лекциям, которым Вы оказали большое содействие любезным сообщением гравюр... из Вашего собрания».² М. И. Семевский использовал также коллекции Императорской публичной библиотеки и Д. А. Ровинского³. В свою очередь и Д. А. Ровинский благодарил М. И. Семевского за содействие в аннотировании своей коллекции⁴.

Развитие коллекционирования неизбежно влечет за собою и развитие сферы обслуживания. Библиофилы имели таковую сферу, например, в Петербурге представленную букинистической торговлей самых разных уровней – от относительно комфортабельных магазинов В. И. Клочкова до развалов Апраксина двора. На эти развалы, как правило, и попадали личные архивы, чаще к тряпичникам. Судьба их была предопределена – продавались кулями как сырье для растопки. Так гибли многие редкости. В отношении государственных учреждений Н. В. Калачов предложил, предназначенные к уничтожению бумаги делопроизводства давних лет, продавать с публичных торгов, «дабы любители старины могли их приобрести», поскольку «все-таки

¹ **Маяковский И. Л.** И. В. Калачов как историк-архивист. (Из истории русского архивоведения. 1860 – 1880-е гг. // Труды историко-архивного института. Т. 4. М., 1948. С. 166.

² ИРЛИ. Ф. 93, оп. 1, д. 15, л. 161.

³ ИРЛИ. Ф. 93, оп. 1, д. 15, л. 142.

⁴ **Ровинский Д. А.** Подробный словарь русских гравировальных портретов. СПб., 1889. Т. 1. С. XIII.

нельзя признать... в ученом отношении [их – О. К.] вполне непригодными»¹. Но это не решало проблемы формирования частных коллекций. М. И. Семевский предложил свое решение. Он открыл книжный магазин-склад, который не только высылал по желанию заказчиков все книги, сведения о которых публиковались в газетах и любых каталогах, и принимал на реализацию любые книги, любых издательств, но и, что самое важное, принимал на себя посреднические функции в продаже частных архивов и прочих предметов коллекционирования². В ноябрьском номере «Русской старины» за 1890 г. было опубликовано письмо некоего Н. К. Богушевского, землевладельца Псковского уезда и собирателя автографов, в котором тот писал: «Как ни странно, но для любителя-собираателя в России всего труднее добыть автографы замечательных русских людей, по крайней мере, их автографы не продаются у немногих существующих у нас коллекционеров. Редакция «Русской старины», как мне известно, имеет обширное и прекрасное собрание автографов русских деятелей XVIII – XIX вв. на всех поприщах государственной, ученой и литературной деятельности. В виду этого, позволю себе предложить вновь открытому книжному складу при конторе «Русской старины» взять на себя любезное посредничество между продавцом и покупателями»³. Вслед за этим было помещено объявление следующего содержания: «сим доводится до общего сведения, что магазин с удовольствием принимает на себя посредничество при покупке и продаже автографов, каковые вместе с определением их цены, просят доставить на комиссию в книжный магазин «Русской старины»⁴. Там же, в ноябрьской книжке, было сообщено о продаже писем К. Н. Батюшкова к Н. И. Гнедичу, в декабрьской – рукописи А. С. Пушкина и портрета Н. В. Гоголя⁵. Имея 6 тысяч подписчиков, М. И. Семевский содействовал сохранению ценных исторических документов, находившихся у частных лиц, причем не только среди наиболее просвещенной части общества – дворянства, но и среди менее осведомленных по части научной значимости документов, часто не видевших в их сохранении

¹ **Маяковский И. Л.** И. В. Калачов как историк-архивист... С. 166.

² Объявление о деятельности магазина помещено в ноябрьском номере «Русской старины». В частности сообщалось: «Все вообще заказы о высылке книг выполняются магазином «Русской старины» без малейшего замедления» (РС. 1890. Т. 68. Изд. обл.).

³ РС. 1890. Т. 68. Изд. обл.

⁴ РС. 1890. Т. 68. Изд. обл.

⁵ РС. 1890. Т. 68. Изд. обл.

прямой и понятной для них коммерческой выгоды, социальных групп – мещанства, чиновничества, купечества, духовенства, также принадлежащих к числу читателей журнала. К сожалению, эта деятельность продолжалось недолго.

Становление во второй половине XIX в. позитивизма как научного направления выдвигало на первый план задачу документирования истории. В условиях России того времени эта борьба часто перерастала в политическую, и оказала влияние на характер формирования исторических коллекций. В них накапливается значительное число копий по запретным темам из опасения гибели или изъятия подлинников, особенно хранившихся в личных архивах. Можно ли подобные смешанные собрания считать полноценными коллекциями и соответственно деятельность лица по их формированию оценить как коллекционерскую?

В. П. Козловым было высказано мнение, которое является отражением научного подхода, господствовавшего в XX в., что следует «отличать коллекционирование как результат сознательного разыскания и приобретения оригинальных... источников от процесса создания и сохранения личных (семейных и родовых) фондов», так же как собрание подлинников от собрания копий. Первое, по его мнению, отражает «собственно коллекционерскую деятельность, в то время как собрание копий является результатом архивных разысканий и ближе к личному архиву»¹. Однако оценка как коллекции, так и деятельности коллекционера невозможна вне контекста истории. Для второй половины XIX в. наличие смешанных тематических коллекций было неизбежно, поскольку частные коллекции заполняли вакуум источниковой базы в силу ограничения использования государственных архивов. Те материалы, которые копировались по служебной надобности для высокопоставленных лиц, обычно распространялись затем в списках. Но распространение копий, как правило, было вызвано иными причинами: опасностью гибели частных архивов, документы которых имели общественное значение. При оценке документальных коллекций следует учитывать как время ее создания, так и соотношение копий и подлинников, темы и цели составления коллекции. Часто копия может быть приравнена по значимости к подлиннику, когда предметом коллекционирования выступал сам текст – ав-

¹ Козлов В. П. Коллекционирование исторических источников как одна из проблем историографии, археографии и архивоведения: (на примере русских частных собраний конца XVIII – начала XIX в.) // Козлов В. П. Российское архивное дело. М., 1999. С. 142.

торская мысль, если произведение не было опубликовано (следует отличать копии, выполненные с печатных изданий по недостатку книг). Приобретение и создание таких копий следует оценить как коллекционерскую деятельность, смешанные коллекции следует оценивать как полноценные коллекционные блоки во всей совокупности представленного в них материала. Подобной коллекцией и была коллекция М. И. Семевского по истории декабризма. Именно в процессе ее формирования проявилась его позиция как собирателя, оттачивались методы и приемы формирования коллекций исторических материалов. Жизнь подтвердила правильность его позиции. Собрание М. И. Семевского стало с годами основой публикаций источников, сохранив в своем составе документы, не дошедшие до нас ни в государственных, ни в частных архивах.

§ 4. Судьба собрания

Знаменитое среди коллекционеров собрание М. И. Семевского распалось после его смерти на несколько частей и хранится в настоящее время не менее чем в восьми учреждениях нашей страны и за рубежом¹. Произошло это поэтапно: в 1890-е, 1900-е, 1920-е и 1950-е гг. Стесненные материальные обстоятельства заставили семью продать в 1893 г. журнал «Русская старина» вместе с архивом, и тем покрыть дефицит от его издания, а также приступить к распродаже книжного собрания. На страницах журнала в декабре 1892 г. было помещено объявление: «Продается библиотека покойного ред. «Русской старины» М. И. Семевского, состоящая из сочинений на русском, французском, немецком и др. иностранных языках: 1). Старинные книги на русском и иностранных языках, важные для истории просвещения России, каковы: исторические документы, акты, указы, материалы, летописи, сборники, очерки, записи, дневники, истории в тесном смысле, речи, письма, путешествия, география, статистика, юридические сочинения, относящиеся до России, собрания законов, уставы, карты, планы; 2). Книги на русском языке по всеобщей истории, географии, политико-экономические, юридические, богословские, философские, хозяйственные, биографические, и др. сочинения, не относящиеся до России; полные собрания сочинений русских ав-

¹ В Санкт-Петербурге: РНБ, отдел рукописей; ИРЛИ (Пушкинский Дом), рукописный отдел; Литературный музей ИРЛИ; БАН; Всесоюзный музей им. А. С. Пушкина; ГМПИР; Государственный Эрмитаж; архив Института истории РАН; в Москве: ГНБ; в США: библиотека конгресса в Вашингтоне; библиотека университета в Стэнфорде.

торов, романы, драматические произведения, учебники, переводы иностранных литературных сочинений, русские периодические и современные издания и некоторые сочинения на иностранных языках, до России не относящиеся»¹.

Раритеты в открытой торговле не появились, на продажу было предложено то, что могло привлечь внимание обывателя, собирающего домашнюю библиотеку. В 1895 г. на обложке монографии В. В. Тимошук тот же текст объявления о продаже появился в сокращенном варианте с одним важным дополнением – указанием числа выставленных на продажу книг: 3 тысячи названий². Следовательно, и спустя два года библиотека не была продана полностью. Хотя еще в 1893 г. из письма вдовы Е. М. Семевской к П. А. Ефремову следует, что семья собиралась продать 6 тысяч названий книг. Неизвестный букинист, предлагал за нее 4 тысячи рублей, и Е. М. Семевская, боясь продешевить, просила совета. Опубликовавшая письмо Е. В. Бронникова, предположила, что этим букинистом был В. И. Клочков, и что именно через него в 1893 г. сибирский библиофил Г. В. Юдин приобрел часть библиотеки М. И. Семевского³. Однако дата продажи ничем не подтверждена, и вероятно, выбрана произвольно. По опубликованным самим Г. В. Юдиным указателям состава своей библиотеки следует, что после 1894 г., но не позднее 1906 г., он приобрел одну пачку из «библиотеки Михайло Ивановича Семевского», но что было в этой пачке (книги или бумаги) неизвестно⁴. В 1903 г. часть библиотеки действительно была перекуплена В. И. Клочковым⁵, так что купить эту пачку Г. В. Юдин мог и в 1903 г. У. Г. Иваск на основании каталога, выпущенного В. И. Клочковым в 1903 г. составил характеристику библиотеки М. И. Семевского, выделил некоторые, по его мнению, редкие издания, и указал ее численность в 2456 названий⁶. Составленный перечень раритетов едва ли можно считать действительным отражением состава библиотеки, указанная численность соответствует выставленной на продажу еще в 1892 г. Либо

¹ РС. 1892. Т. 76. Объявления. С. III.

² Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский... Изд. обл.

³ Бронникова Е. В. О приобретении Г. В. Юдиным... С. 118.

⁴ Краткий указатель архивам разных лиц и учреждений, собранным с 1894 по 1906 гг. Г. В. Юдиным. СПб., 1907. С. 162. № 4548.

⁵ Клочков В. И. Каталог антикварных книг № 335: каталог, заключающий в себе книги из библиотеки покойного основателя – издателя исторического журнала «Русская старина» Михаила Ивановича Семевского. СПб., 1903.

⁶ Иваск У. Г. Описание русских книжных знаков. С. 255; Он же. Частные библиотеки России. Ч. 2. СПб., 1912. С. 41.

ответствует выставленной на продажу еще в 1892 г. Либо библиотека была продана в два приема (в 1893 г. – 3 тыс. через магазин «Русской старины»; в 1903 г. еще 3 тыс. через букиниста В. И. Клочкова), либо только в 1903 г. семья смогла продать ту часть библиотеки, которую предполагала первоначально. В дальнейшем собрание М. И. Семевского продолжали распродавать по частям, так в 1910 г. в Публичную библиотеку поступили письма семьи Бестужевых¹.

Коллекция М. И. Семевского была хорошо известна среди специалистов, и за ней охотились многие. Неудивительно, что материалы из его собрания были включены в такие известные собрания как П. Я. Дашкова², А. Ф. Отто-Онегина¹, И. Е. Забелина². Брату Василию

¹ ОИПБ за 1900 и 1901 гг. СПб., 1905. С. 252 – 253.

² «В 1906 г., – писал П. Е. Щеголев, – П. Я. Дашков передал в наше распоряжение несколько рукописных тетрадей – автографов М. А. Бестужева. Эти автографы, несомненно, те самые, с которых печатали М. И. Семевский и проф. Ф. Шиман». В частности, указана тетрадь, в которую входила «Азбука» и очерк «Селенгинск». (Воспоминания братьев Бестужевых / ред. П. Е. Щеголев. Пг., 1917. С. 150.) В 1906 г. П. Е. Щеголев получил в свое распоряжение от П. Я. Дашкова несколько рукописных тетрадей автографов М. А. Бестужева – тех самых, которые легли в основу публикации М. И. Семевского. (Динерштейн Е. С. Публикация сочинений декабристов в 1908 – 1917 гг. // Книжное дело в России во второй половине XIX в. – нач. XX в.: сб. науч. тр. Вып. 4. Л., 1989. С. 93) Об этом же обстоятельстве писал и М. К. Азадовский в письме к Ю. Осману: материалы М. Бестужева «находятся в составе архива Шильдера. Шильдер же получил их от Дашкова, а последний, несомненно, от Семевского. Думаю, что именно от Семевского, а не от какого-либо другого лица из Бестужевского окружения, потому что в бумагах Дашкова оказалось много текстов, написанных М. Бестужевым» непосредственно для Семевского и ему отправленных, напр<имер>, у Дашкова автографы почти всех писаний М. Бестуже<ва> 1869 – 1870 гг., т. е. тех, которые были посланы им Семевскому уже из Москвы. Почему они оказались у Дашкова – не могу объяснить. Продал ли их С<емевско>й Дашкову, подарил или обменял на другие документы – не знаю. Последнее обстоятельство очень возможно, ибо для С<емевско>го, после их опубликования, данные тексты имели лишь ценность автографов. А м<ожет> б<ыть>, они находились у Дашкова во временном пользовании и потом «осели» у него, как это часто бывало у многих архивистов и историков. Дашков же часть подарил Шильдеру (или давал на время), часть передал ему в копиях. То, что было у самого Дашкова, каким-то образом перешло в Муз<ей> Революции, оторвавшись от основного собрания, которое, как известно, находится в Пу<шкинском> Д<оме>, туда же, т. е. ПД (Пушкинский Дом – О.К.), вернулись (но не целиком) и бумаги бывшие в Музее Революции. (Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка. 1944 – 1954. М., 1998. С. 185). Бумаги Бестужевых были, вероятно, проданы, поскольку в 1900 г. часть их по закупке поступила в Публичную библиотеку. (ОИПБ за 1900 и 1901 гг. СПб., 1905. С. 252 – 253).

Ивановичу Семевскому, также известному коллекционеру, достались по завещанию лишь немногие раритеты и часть семейного архива, хотя в его собственность должно было перейти издание «Русской старины», но по неизвестным причинам этого не произошло. Архив В. И. Семевского в составе архива, издаваемого им журнала «Голос минувшего», после его смерти, был перевезен в Москву в 1916 г. компаньоном С. П. Мельгуновым. Вскоре революция вынудила его эмигрировать, бумаги он бросил, и в настоящее время они хранятся по разным государственным хранилищам, в частности, некогда принадлежавшие М. И. Семевскому – в Российской государственной библиотеке³. Однако наиболее ценная часть архива была вывезена С. П. Мельгуновым в Париж⁴, где он продолжал издание «Голос минувшего на чужбине», бедствовал и, видимо, распродал раритеты. Так материалы из собрания М. И. Семевского впервые попали за границу. Однако они могли быть вывезены и дочерью Михаила Ивановича Анастасией Михайловной. Судьба ее неизвестна, но судя по содержанию стихотворения написанного ее рукой на фотографии, поступившей в фонды ИРЛИ в начале 1920-х гг., она эмигрировала и могла вывезти наиболее ценные материалы⁵. Еще одним каналом по-

¹ Известно, что А. Ф. Отто-Онегин формировал свое собрание, как за границей, так и через поставщиков-букинистов в Петербурге. Собрание А. Ф. Отто-Онегина, поступившее в конце 1920-х гг. в Пушкинский Дом было распределено по видам хранения: книги перешли в БАН, среди них имеются экземпляры из коллекции М. И. Семевского с автографами известных лиц XIX в.

² Копия с сочинения М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России», списанная М. П. Заблочкин-Десятовским, была подарена им М. И. Семевскому, ныне находится в фонде И. Е. Забелина в ГИМ Ф. 440 (Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Кн. 9: Комментарии и указатели. М., 1971. С. 100).

³ РГБ. Ф. 542, карт. 92.

⁴ Архив В. И. Семевского // ЛН. М., 1933. Т. 7 – 8. С. 418 – 419.

⁵ А. М. Семевская получила домашнее образование, ее обучением, как и старшей, Татьяны, занимались непосредственно родители: мать преподавала игру на фортепьяно, отец – словесность, историю и закон божий (ИРЛИ. Ф. 274, оп. 2, д. 78, л. 99). Особое внимание М. И. Семевский уделял языкам: Анастасия владела французским, немецким, итальянским в совершенстве и, видимо, профессионально занималась переводом. Отъезд за границу мог планироваться ею только на время неурядиц в России (так воспринималась революция), но оказалось навсегда. Материальная возможность уехать была: Семевские имели во Франции предприятие (ИРЛИ. Ф. 274, оп. 3, д. 8). В стихотворении, написанном, кстати, по-французски, на фотографии, подаренной в сентябре 1918 г. в Пушкинский Дом она рассуждала, что любить родину нужно такую, какая она есть, а не толь-

ступления книг за границу стала система советской букинистической торговли в 1930-е гг. через акционерное общество «Международная книга», а также перемещение ценностей в результате Второй мировой войны. Книги М. И. Семевского находятся даже в Америке: в библиотеках университета в Стэнфорде¹ и конгресса США в Вашингтоне, куда попали в составе библиотеки Г. В. Юдина в 1907 г.².

В ИРЛИ (Пушкинский Дом) – отделе рукописей и музее, а также в БАН сосредоточена основная часть собрания и личный архив М. И. Семевского, но когда они поступили на хранение точно неизвестно, т. к. регистрационные книги ведутся лишь с 1924 г. Время поступления, указанное сотрудниками фондов ИРЛИ – ориентировочно 1923 г. В литературе же называются самые разные даты и причины поступления: по завещанию после смерти владельца³, в 1917 г.⁴ или по закупке в 1924 г.⁵. Уточнить эту дату можно на основании времени поступления материалов в Музей революции в Петрограде – 1920 г. Запись в книге поступления приводим полностью, как характерный образец точности регистрации в те годы: «26 автографов знаменитых деятелей политических, науки и искусства 16, 17, 18 и 19 вв. Западной Европы, 45 гравюр, 18 портретов фотографических, сделанных карандашом, акварелью, гуашью, преимущественно декабристов⁶, редкий портрет Чернышевского, 6 альбомов по «24 карикатуры в каждом». И далее, строкою ниже, неоконченная фраза «экземпляров названий книг»⁷. В графе источник поступления – «из книг Семевского». Сколько было принято единиц хранения, установить уже невозможно. В настоящее время найдено более четырехсот книг с экзлиб-

ко в дни благоденствия (ИРЛИ. Ф. 274, оп. 2, д. 98). Если она не собиралась уезжать навсегда, то могла оставить на временное хранение собрание и архив отца в Пушкинском Доме, как делали многие. Это может разъяснить и неточности в сведениях о времени поступления материалов в фонды архива.

¹ Studemeister Marguerite. Bookplates and their owners in imperial Russia: An illustrated Suwey of Holdings at Stanford University. Hermitode Publishers, 1991. S. 138, 140.

² Книговедение. Энциклопедический словарь. С. 622.

³ Принцева Г. А. Декабристы... С. 12.

⁴ Зильберштейн И. С. Николай Бестужев... С. 328.

⁵ Назарова Л. Н. Неосуществленный замысел Рыльева «Исторический словарь русских писателей» // ЛН. М., 1954. Т. 59. С. 312. – Речь идет о приобретении у наследников архива К. Ф. Рыльева, который в 1870 г. от сыновей Булгарина поступил в редакцию РС.

⁶ В частности, портрет Н. А. Бестужева (Принцева Г. А. Декабристы... С. 12).

⁷ ГМПИР. Книга поступлений за 1920-е гг.

рисами и пометами М. И. Семевского; фото петрашевца Д. Д. Ахшарумова; рукопись «Собрание российских стихотворений, 1829 год» с трогательной надписью на обложке «Собрание стихов влюбленного Ив. Егор. Семевского»; переплетенные копии писем Екатерины II из собрания Павловского дворца с пометкой на переплете «Русская старина», что означало из архива журнала; фирменная папка издательства «Русская старина» с материалами о революции 1848 года, о чем уведомляет собственноручная надпись редактора журнала, и ряд других¹. Последние материалы в приведенном выше перечне из книги учета не упоминаются и имеют другие номера (к сожалению, документы учета утрачены). Следовательно, в 1920 г. существовало, по крайней мере, два источника поступления. Первым был редакционный архив «Русской старины», среди которых могли быть книги и бумаги М. И. Семевского, поступившие в ИРЛИ в 1919 – 1920 гг. в связи с прекращением издания в 1918 г. Историк М. Н. Ченцов в 1920 г. указал местонахождение портрета декабриста И. Д. Якубовича – «из собрания бумаг С. Лепарского (архив «Русской старины» в Пушкинском доме)»². Ю. И. Штакельберг обнаружил документы о продаже архива в Пушкинский Дом последним редактором П. Н. Вороновым в его фонде (ЦГВИА)³. Вторым – архив семьи: в 1920 г. скончалась вдова М. И. Семевского Елизавета Михайловна. Возможно, что Б. Л. Модзалевский, активно собиравший в то тревожное время частные архивы, содействовал передаче коллекции Пушкинскому Дому. Отец Модзалевского, известный педагог Лев Николаевич, и Михаил Иванович были некогда друзьями. Борис Львович, близко знавший семью, был осведомлен о составе коллекции и как специалист способен оценить ее значение, а также трагедию в случае утраты. Однако Пушкинский Дом в двадцатые годы часто уступал вновь созданному Музею революции, набиравшему тогда фонды и потому особенно активному, «куски» коллекций. Многие сотрудники Пушкинского Дома подрабатывали научными консультантами в Музее, в частности П. Е. Щеголев, который входил в инициативную группу по созданию Музея, затем служил консультантом по литературной части, и в конце 1920-х гг. главным хранителем. Собрание М. И. Семевского, как и многие другие, стало заложником того научного подхода в определении коллекционной деятельности, который утвердился в

¹ ГМПИР. Ф. 2, ед. хр. 48338, 17079.

² Восстание декабристов. Библиография / состав. Н. М. Ченцов. М.; Л., 1929. С. 720.

³ Штакельберг Ю. И. Архив «Русской старины»... С. 293.

начале XX в. Основополагающим в оценке становится результат коллекционирования, сама коллекция, ее состав. Итогом этого подхода в 1920 – 1930-х гг. явилось формирование коллекций в государственных учреждениях по принципу уникальности и репрезентативности, что приводило к утрате части «лишних» или «избыточных» предметов, разделению уже сложившихся коллекций, в сопроводительных же документах, как правило, не фиксировалась история поступления и прежние владельцы.

Часть собрания М. И. Семевского оставалась у дочерей. Хранила ее, в связи с возможным отъездом Анастасии, младшая приемная дочь Татьяна Михайловна все в том же доме на Подъяческой улице. Вероятно, она эвакуировалась в период блокады Ленинграда и жила после войны в Ярославле. Но какие-то вещи оставались в квартире, и о них узнал коллекционер А. Н. Лбовский, вступивший в 1950-е гг. в переписку с владелицей и получивший некоторые материалы как для учреждения, так и для себя, что следует из сохранившегося черновика его письма¹. На этом приключения коллекции не закончились.

Некоторые экземпляры, попавшие в начале XX в. на книжный рынок, продолжали до конца 1940-х гг. активно вращаться в букинистической торговле. Так, например, при закупке книг Музеем революции в Ленинграде (ГМПир) в середине 1930-х гг. через сеть антикварных магазинов поступила большая партия (около 2 тыс.), в которой были и книги М. И. Семевского. Среди них, например, «Записная книжка графа П. Х. Грабе» (М., 1888)². В те же годы они встречались и среди книг, поступавших в Музей из Книжного фонда³. Известному библиофилу Н. О. Лернеру достался рукописный томик «Сборник прозаических и поэтических произведений различных авторов. Ч. VI. Составил Михайло Семевский. С-Петербург. 1857 г.» и был подарен им в Публичную библиотеку. На форзаце Н. О. Лернер сделал надпись: «Купил на вербном базаре в П-бург. 23 (10) апреля 1927 г. за десять копеек»⁴. Б. П. Козьмин приобрел в декабре 1924 г. письма М. И. Семевского о Каракозовском процессе у одного ленинградского букиниста. Ранее они входили в коллекцию автографов

¹ РНБ. Ф. 423, д. 1.

² ГМПир. Ф. 714, ед. хр. 3526.

³ Так в книге поступлений ГМР значится: «№ 3414. 27 марта 1930 г. – Книги. Журналы. Согласно описи № 8. Названий 616, томов 1416. Из книжного фонда». Среди этой партии, например, находился «Календарь на 1850 г.» (СПб., [1849]) с печаткой библиотеки И. Е. Семевского и экслибрисом М. И. Семевского.

⁴ РНБ. Ф. 905 НСРК, оп. 2, д. Q. 91.

одесского адвоката и общественного деятеля, депутата II и III Государственных Дум О. Я. Пергаментова¹. Книги с владельческими надписями и экслибрисами М. И. Семевского продавались даже в послевоенное время. В библиотеке М. С. Лесмана, которая составлялась после 1946 г., находится несколько изданий². В библиотеке Н. П. Смирнова-Сокольского хранился комплект «Современника» за 1836 – 1837 гг.³. В библиотеке Н. П. Лихачева были книги с владельческими записями М. И. Семевского⁴. В 1930-е гг. Музей революции (ГМПР) и Пушкинский Дом активно обменивались материалами. Так, акварели Н. А. Бестужева были переданы в Музей⁵, а зарисовки А. А. Ивановского возвращены из Музея в Пушкинский Дом⁶. В свою очередь Пушкинский Дом передавал в 1937 г. и позднее во Всесоюзный музей А. С. Пушкина материалы о декабристах, друзьях поэта, так туда попала и часть коллекции М. И. Семевского⁷. В 1950-е гг. Музей революции при изменении названия и профиля все фонды по истории XIX в. передал в Эрмитаж и Пушкинский Дом⁸. Среди них были и материалы М. И. Семевского. Книги, находившиеся в то время в составе библиотеки, остались в музее.

Последнее поступление на государственное хранение материалов из собрания М. И. Семевского состоялось в 1976 г. – упомянутый выше конволют из цензурных вырезок из «Русской старины» за первые двадцать лет издания в Публичную библиотеку⁹. Публичная библиотека пополнила свое собрание еще ранее в результате экспедиции по Псковской области в 1927 г.¹⁰. В самом поместье Семевских тогда уже была школа, что стало с Федорцовской библиотекой – неизвестно, но часть рукописей и несколько книг были найдены сотрудниками

¹ Козьмин Б. П. Современник о Каракозовском процессе: (письма М. И. Семевского) // Былое. 1925. № 6. С. 38.

² Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: аннотированный каталог. Публикации. М., 1989. С. 167. № 1681, 1948.

³ Смирнов-Сокольский Н. П. Моя библиотека. В 2 т. М., 1969. Т. 1. С. 162.

⁴ Панченко Е. З. Собрание русских книг XVIII – начала XIX вв. в библиотеке Н. П. Лихачева // Актуальные проблемы теории и истории библиофиливства: мат. VIII междунар. науч. конф. СПб., 2001. С. 58.

⁵ Принцева Г. А. Декабристы... С. 12, 20.

⁶ Принцева Г. А. Декабристы... С. 17.

⁷ Принцева Г. А. Декабристы... С. 17.

⁸ Принцева Г. А. Декабристы... С. 8 – 20.

⁹ Новые поступления в отдел рукописей и редких книг ГПБ (1974 – 1978). Каталог. Л., 1980. С. 122 – 123.

¹⁰ РНБ. Ф. 683. Опись. Л. 5.

у населения, среди них и книги, подаренные некогда реальному училищу. Итогом всех разновременных поступлений в РНБ стало выделение отдельного фонда Семевских¹. На букинистическом рынке после войны оказались и книги, некогда подаренные М. И. Семевским в Великолукское реальное училище. Так М. И. Лесман приобрел в свою библиотеку пьесу А. Н. Островского «Доходное место» (М., 1857) с экслибрисом М. И. Семевского и экслибрисом, которым были отмечены все книги, подаренные в училище².

Коллекции и библиотека М. И. Семевского влились в состав крупнейших архивов и книгохранилищ страны и не сохранились как единое целое. Но плоды его многолетней собирательской деятельности не пропали даром, они внесли существенный вклад в культурное наследие отечества. Активное использование собрания М. И. Семевского и архива «Русской старины» началось сразу после поступления на хранение в ИРЛИ в 1920-е гг. Работы Б. Л. Модзалевского, Ю. Г. Оксмана, П. Е. Щеголева³, позднее М. К. Азадовского, Б. П. Козьмина, С. Я. Штрайха⁴ содержат многочисленные ссылки на собрание М. И. Семевского, по материалам фондов готовились публикации по проблемам декабризма, дела Петрашевского, уточнялись тексты многих произведений русских поэтов, в частности М. А. Языкова, А. Н. Плещеева, К. Ф. Рылеева⁵. В 1960-е гг. Ю. И. Штакельберг изучал материалы архива «Русской старины»⁶ по истории польского восстания 1863 г.; Материалы личного архива привлекли внимание исследователей в 1960 – 1970-е гг.: Н. Я. Эйдельман, П. А. Зайонч-

¹ РНБ. Ф. 683.

² Книги и рукописи М. И. Лесмана... С. 167.

³ **Модзалевский Б. Л.** К истории «Зеленой лампы» // Модзалевский Б. Л. Пушкин и его современники. Избранные труды. (1898 – 1928). СПб., 1999. С. 9 – 66.; Щеголев П. Е. Декабристы. М.: Л., 1926.

⁴ М. К. Азадовский при подготовке нового издания стихов М. А. Языкова «нашел, – как он сообщал Ю. Г. Оксману, – м<ежду> п<рочим> в самый последний момент ряд новых текстов, в том числе и конец «Извинения», которое было в руках у М. И. Семевского, но к<оторое> он не мог напечатать по цензурным соображениям. Этот текст будет прямо украшением издания» (Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка. С. 44).

⁵ Антей. Кн. 3. Л., 1926. С. 29.

⁶ Н. К. Шильдер отметил, что при получении в свое ведение архива журнала ненапечатанными остались 4000 «записок и мемуаров разных лиц в период времени от Петра Великого до наших дней» (РС. 1892. № 12. С. 3). Справедливость требует заметить, что архив журнала пополнялся и в последующие годы издания, поэтому здесь не только заслуга М. И. Семевского.

ковский, Н. А. Троицкий, В. Г. Чернуха¹ и др. использовали его переписку и наброски к мемуарам для характеристики общественно-политических процессов и деятельности правительства; В. С. Нечаева – по вопросу об издании журнала «Время» братьями Ф. М. и М. М. Достоевскими². И только в 1990 гг. – для изучения жизни и деятельности его создателя.

В ходе дискуссии по вопросам истории и теории библиофильства, развернувшейся в 1970-е гг. на страницах сборника «Книга. Исследования и материалы», где проблемы библиофильства были впервые поставлены как научная проблема, высказывались положения, имеющие важное значение для оценки собирательской деятельности М. И. Семевского. Заметим, что указанные научные подходы были признаны всеми участниками дискуссии. Во-первых, «создавая свое собрание, – писал В. А. Петрицкий, – библиофил разыскивает и включает в него книги, рукописи, документы, ранее неизвестные науке... Если в собрании имеется даже небольшое число уникальных изданий, рукописей и документов – такое собрание можно считать представившим науке нечто новое»³. Собрание М. И. Семевского еще не до конца разработано (кроме того, и не обработано!)⁴ и содержит еще немало материалов, ценных для науки. Во-вторых, «библиофильское собрание как результат творчества требует признания – коллег, знатоков и специалистов, – отметили Л. Г. Климанов и М. Т. Петров, – а теперь (в 1970-е гг. – О. К.) все чаще и более широких слоев общества»⁵. Однако заинтересованность библиофилов и коллекционеров в обнаружении результатов своего труда – явление историче-

¹ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты...; Он же. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVII – XIX веков и Вольная печать. М., 1973; Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 – 1888-х годов. М., 1964; Он же. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80 – начала 90-х годов). М., 1970; Троицкий Н. А. Царские суды против революционеров России. Политические процессы 1871 – 1880 гг. Саратов, 1976; Он же. Царизм под судом прогрессивной общественности. Саратов, 1979; Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати 60 – 70-е гг. XIX в. Л., 1989.

² Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861 – 1863. М., 1972.

³ Петрицкий В. А. Библиофильство как творчество // Книга. Исследования и материалы: сб. 33. М., 1976. С. 192.

⁴ Штакельберг Ю. И. Архив «Русской старины»... С. 294

⁵ Климанов Л. Г., Петров М. Т. Феномен библиофильства // Книга. Исследования и материалы: сб. 46. М., 1983. С. 162.

ское. Во второй половине XIX в. русское общество еще только вырабатывало социальные подходы к формированию полнокровной коммуникации: автор-создатель (здесь библиофил-коллекционер) – произведение – общество. Стереотипный образ библиомана – «лица свихнувшегося на почве собирать книги» (С. А. Соболевский) или «собирателя редкостей» (П. А. Ефремов) – сменился образом книголюбца-подвижника, просветителя, видевшего завершение своей деятельности в обнародовании результатов, в факте общественного восприятия (каталоги, описания, выставки, лекции, экскурсии и пр.), выполняя тем самым важную социально-культурную функцию¹. М. И. Семевский был, несомненно, подвижником, неутомимым пропагандистом книги и знаний во всех социальных слоях общества. В третьих, «общественный статус, культурная направленность и духовная ориентация, и душевные стимулы библиофила выделяют его в особый творческий тип, ставящий и решающий в своей деятельности особые творческие задачи – библиофил не только деятель книжной культуры, но и весьма своеобразный тип носителя культуры в широком значении слова»². Именно таким и был М. И. Семевский.

Коллекционирование и, прежде всего, библиофильство стало для М. И. Семевского той счастливой «нитью Ариадны», которая вывела его из безликой толпы чиновников и журналистов в историческую память поколений. Любая коллекция, любая частная библиотека, тем более собрание библиофила, несет на себе отпечаток личности собирателя, является отражением его умственной жизни. Библиофильская деятельность, по мнению большинства исследователей феномена библиофильства, требует от человека особого таланта, особого призвания. Результатом деятельности библиофила является не только само собрание, но и совершенствование его личности в процессе собирательства. Суть этого процесса точно выразил В. Б. Шкловский в связи с деятельностью Н. П. Смирнова-Сокольского, сказав ему од-

¹ Многие деятели культуры отстаивали принцип доступности и открытости частных собраний для общества. Так, например, Н. П. Лихачев с возмущением писал об одном из американских коллекционеров, сделавшим свое собрание недоступным как в подлинниках, так и в копиях: «Выбрать из обращения все лучшее, все ценнейшее, все редчайшее и сделать недоступным в металлических шкафах... постаравшись при этом, чтобы и копии оказались недостижимыми – вот апофеоз современной библиофильской культуры!» (Лихачев Н. П. Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки. СПб., 1913. С. 101).

² Климанов Л. Г., Петров М. Т. Феномен библиофильства.. С. 168.

нажды: «не только вы собрали книги, но и книги собрали вас»¹. Переход на новый уровень интеллектуального состояния М. И. Семевский пережил в 1870-е гг.: именно тогда он передал свою юношескую библиотеку в Великолукское реальное училище, из книголюбца превратился в библиофила; его коллекционная деятельность все более переплетена с научной, на базе своих коллекций он готовит публикации и начинает издание журнала.

¹ Смирнов-Сокольский Н. П. Моя библиотека. С. 9.

Глава 4. Редакционно-издательская деятельность. «Русская старина»

Редакционно-издательская деятельность – одна из самых значимых страниц в жизни М. И. Семевского, в которой ярко проявилась его незаурядная личность. М. И. Семевский организовал журнал, когда ему было 33 года, уже сложившимся человеком. Пользуясь правом редактора, на протяжении 22 лет единолично определял направление «Русской старины», формировал программу и редакционный портфель в соответствии со своими убеждениями и научными представлениями.

В отечественной историографии относительно «Русской старины» сложилась определенная традиция – ее рассматривают исключительно через призму проблемы становления и развития отраслевой журналистики. Это отразилось на постановке задач исследования в работах Н. Г. Симиной и В. И. Пороха¹, ограничившихся анализом публикаций исторических источников в узком смысле этого понятия, и борьбы редактора с цензурными притеснениями. Попытка дать оценку литературным материалам, увидевшим свет на страницах журнала, впервые сделана Е. В. Бронниковой, но автор остановила свой выбор только на публикациях произведений А. С. Пушкина и материалов его биографии². Обобщающих оценок усилия М. И. Семевского как редактора-издателя до настоящего времени еще не получили, как не нашел в историографии надлежащей оценки весь огромный объем текстового материала (67 томов), представленный на страницах издания в период его редакторства.

В контексте биографии М. И. Семевского важен комплексный подход изучения «Русской старины» как издания периодического. Еще в 1960 г. С. С. Дмитриев предложил данный метод как наиболее перспективный в изучении периодических изданий. По его мнению, следовало учитывать весь объем текстового материала, в связи с этим

¹ **Симина Н. Г.** Исторические документы на страницах «Русской старины» в 70 – 80-х годах XIX в. // Исследования по отечественному источниковедению: сб. статей, посвященных 75-летию проф. С. Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 197 – 203; **Порох В. И.** Офицер, историк, издатель. Все о М. И. Семевском. Саратов, 1999. С. 73 – 143.

² **Бронникова Е. В.** Пушкиниана «Русской старины» // АЕ за 1999 г. М., 2000. С. 193 – 209.

он ввел понятие «текст-источник». Полагаем, что предложенный С. С. Дмитриевым метод следует дополнить библиофильскими критериями оценки повременных изданий, что позволит расширить границы информационных возможностей источника. Любое печатное издание, включая журнал, в виде отдельного экземпляра или тиража, может быть рассмотрено как памятник материальной культуры. Данный подход актуален, в частности, в отношении периодических изданий второй половины XIX в. Издательский бум, который стал возможен в связи с «великими реформами», сопровождался в издательской практике поисками новых форм, расширением тематики журналов, приемов их оформления и расположения материала, введением иллюстраций, чему немало способствовало развитие в эти годы полиграфической техники. М. И. Семевский как библиофил придавал большое значение как содержанию, так и оформлению печатного издания, считая, что гармоничное сочетание этих двух составляющих усиливает эмоциональное и познавательное воздействие книги на читателя.

Особое значение в отношении изучения «Русской старины» приобретает системный анализ редакционных примечаний, ремарок, библиографии, автором которых как правило был М. И. Семевский. Он не создал трудов по методологии истории и археографии, но в примечаниях к публикуемым материалам, а также в редакционных отчетах, излагал свои научные взгляды. Многие материалы, увидевшие свет на страницах журнала, имели автобиографический подтекст, в некоторых случаях были созданы по его настоянию или заказу на базе документов, находящихся в редакции. Только анализ всей совокупности текстовых материалов в сочетании с изучением приемов редакционной подачи, иллюстрациями и типографским оформлением позволит полнее представить не только своеобразие журнала, но и личность самого издателя.

§ 1. Типология журнала

Проблема типогенеза периодических изданий недостаточно изучена в отечественной историографии, вследствие своего пограничного положения: отдельными составляющими она входит и в историю наук (литературоведение, историю и пр.), и в историю журналистики. Самые ранние и весьма обстоятельные исследования относятся к изучению редакционно-издательской деятельности русских писателей, в связи с чем параллельно изучался процесс эволюции альманахов, сборников, иных повременных изданий, формирования литературных и литературно-критических и учено-литературных журналов. Исто-

рическая журналистика стала предметом обстоятельного изучения в 1960-е гг. московской школы исследователей во главе с С. С. Дмитриевым¹. Основным направлением было избрано исследование конкретных изданий, претендовавших на право именоваться первыми историческими журналами России («Сын отечества», «Русский архив»)². В 1980-е гг. предприняты попытки систематизировать материал по истории отраслевой журналистики негуманитарного направления. Исследование А. И. Акопова показало масштабы и направления возможных исследований, но автор преднамеренно отказался от анализа проблемы типогенеза русской журналистики и попыток обобщения представленного им материала³. С конца 1980-х гг. бурное развитие средств массовой коммуникации способствовало появлению исследований по теории журналистики, в связи с этим возникают исследования и по истории журналистики, в частности по проблемам типологии периодических изданий. Труды Я. Н. Зарусского, Е. А. Корнилова, А. Я. Черняка, Г. И. Щербаковой и, прежде всего, М. П. Мохначевой показали, что невозможно определить тип исторического периодического издания, исходя из анализа только исторической периодики, поскольку отраслевой исторический журнал вырос из опыта как специализированных научных, так и учено-литературных журналов «для всех сословий»⁴.

Начальный период типогенеза исторической журналистики приходится на 30 – 70-е гг. XIX в., когда происходили существенные изменения в процессе типизации и топологизации периодических изда-

¹ **Дмитриев С. С.** Источниковедение русской исторической журналистики: (постановка темы и проблематики) // Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976. С. 272 – 305; Он же. Именословие русских исторических журналов // РЛ. 1967. № 1. С. 73 – 83.

² **Данилов В. В.** Дедушка русских исторических журналов // Исторический вестник. 1915. № 7. С. 97 – 109; **Формозов А. А.** Первый русский историко-археологический журнал // ВИ. 1967. № 4. С. 200 – 217; **Мироненко М. П.** Журнал «Русский архив» и его роль в освещении освободительного движения в России: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1979; **Зайцев А. Д.** Петр Иванович Барте-нев. М., 1989.

³ **Акопов А. И.** Отечественные специальные журналы: (1765 – 1917). Ростов н/Дону, 1986. С. 3 – 7.

⁴ **Черняк А. Я.** О типологии произведений печати // Актуальные проблемы книговедения. [Вып.1]. М., 1976. С. 39-52; **Корнилов Е. А.** Типология периодической печати: основные понятия и категории // Типология периодических изданий. Ростов н/Дону, 1984. С. 4 – 15; Типология периодической печати. М., 1995; **Щербакова Г. И.** Споры о зарождении русской массовой журналистики. М., 2004; **Мохначева М. П.** Журналистика и историческая наука. В 2-х ч. М., 1998.

ний¹. В конце этого периода сформировалась отраслевая историческая журналистика, родоначальником которой считается «Русский архив». «Русскую старину», как правило, оценивают не более как его удачной копией². Вывод этот проистекал из факта схожести тематики журналов, личной дружбы редакторов и разделении ими в первые годы издания «Русской старины» сфер влияния, а также утверждения, что опыт редакционной работы М. И. Семевский получил, исключительно сотрудничая в «Русском архиве»³. Поэтому анализ «Русской старины» как типа издания не проводился, и многие вопросы остаются открытыми, например, почему «Русская старина» стала со временем преимущественно историко-биографическим журналом, почему журнал-копия – «Русская старина» был востребован публикой, а оригинал – «Русский архив» едва удерживал минимальный журнальный тираж; была ли «Русская старина» журналом или сборником и пр. Факт интегрирования опыта более поздними издателями и свособразного тематического «размежевания» журналов важен для изучения процесса типогенеза журналистики, автоматическое распространение результатов изучения «Русского архива» на другие исторические издания неправомерно. Анализ процесса типогенеза журналистики на ранних стадиях процесса требует детального изучения не одного, а многих изданий. Исторический журнал как тип издания в 60 – 70 гг. XIX в. еще окончательно не сложился, поскольку процесс дифференциации шел не только в сфере периодических изданий, но и в предметных сферах науки, поэтому типология конкретных изданий находилась часто в зависимости не столько от объективных процессов, сколько от субъективных факторов: личности редактора, его вкусов, политических пристрастий, коммерческих способностей. Поэтому вопрос о «Русской старине» как типе издания требует специального изучения.

Определяя место «Русской старины» в журнальной периодике исследователи традиционно сравнивают журнал с изданиями, схожими по программе и ближайшими по времени возникновения – «Русским архивом» (1863 – 1912) и «Сборником русского исторического общества» (1867 – 1915). Все три журнала публиковали преимущественно источники, относящиеся к императорскому периоду истории России.

¹ Мохначева М. П. Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII – XIX в. М., 1998. С. 241.

² Мироненко М. П. Журнал «Русский архив»...; Зайцев А. Д. Петр Иванович Бартенев...;

³ Зайцев А. Д. Петр Иванович Бартенев... С. 104.

Среди них в привилегированном положении находился «Сборник русского исторического общества», курируемый, как и само общество, августейшей фамилией, обладавший правом обращаться к материалам государственных архивов. «Русский архив» и «Русская старина» находились в одинаковых условиях: они привлекали материалы в основном частных архивов, поэтому содержание редакционного портфеля целиком зависело от личной инициативы редактора. В приемах издания журналов можно установить ряд параллелей:

1. П. И. Бартенев в первые годы и М. И. Семевский сами редактировали журнал, правили корректуры и вели все работы по технической организации издания, что позволило С. С. Дмитриеву назвать такой тип издания «моножурналом».

2. Журналы печатали «сырые» материалы, т. е. публиковали источники, предпочтение было отдано документам личного происхождения (мемуарам, запискам, дневникам, письмам и пр.).

3. Основным принципом отбора источников для публикации была подлинность и максимальная научная достоверность, а также всестороннее освещение факта, поэтому редакторы публиковали материалы, исходящие из разных общественных лагерей как прогрессивного, так и консервативного.

4. Ставя целью публикацию максимально возможного объема источников, редакторы, как правило, уклонялись от оценки печатаемых материалов, сопровождая публикацию лишь краткими замечаниями и примечаниями фактического характера;

5. Корреспондентами и сотрудниками журналов часто выступали одни и те же лица, в частности: историк литературы Я. К. Грот, Л. Н. Майков, М. Н. Логинов, библиофил С. А. Соболевский, историки М. Н. Погодин, М. А. Корф, сын декабриста Е. И. Якушкин и др.

6. Помимо постоянных корреспондентов журналы регулярно печатали материалы, которые присылали читатели.

7. Зарегистрировав журналы как научные, редакторы воспринимали их как издания широкого профиля, доступные всем любителям старины и подчеркивали популяризаторскую задачу.

8. Журналы почти не приносили доходов, оба редактора не были издателями-коммерсантами типа А. А. Краевского и А. С. Суворина.

9. Оба журнала имели сходные программы¹. Программу М. И. Семевского считают переложением программы П. И. Бартенева.

«Русский архив» начал приучать читателя к историческим документам, и другие журналы, по мнению А. Д. Зайцева и М. П. Мироненко, в частности «Русская старина», воспользовались плодами его деятельности. Однако «Русская старина» пользовалась большим успехом у читателей, чем «Русский архив», о чем свиде-

¹ Программа «Русского архива», издаваемого при Чертковской библиотеке: Издается в Москве с 1863 г. Издатель-редактор – отставной титулярный советник П. Батренев. Срок выхода: ежемесячно. Подписная цена: 7 р. с пересылкой и доставкой. Программа: 1) разного рода старинные акты, бумаги, письма, стихотворения и пр.; по преимуществу относящиеся до России и славянских народов. 2) библиографические заметки о редких замечательных книгах, как древних, так и новых, известия о библиотеках, типографском деле и проч. 3) материалы для русской и славянской словесности, а так же и статьи по этому предмету, биографии писателей, списки их сочинений, критика текстов и проч. Журнал печатается без предварительной цензуры.

Программа «Русской старины»: разрешено издавать в С.-Петербурге 19 декабря 1869 г. Издатель-редактор – коллежский секретарь Василий Семевский (Василий Арсеньевич Семевский (1825 – 1875), троюродный брат М. И. Семевского формально был редактором с 1870 по 1875 гг. – О. К.). Срок выхода – ежемесячно, книжками от 5 и более печатных листов. Подписная цена – 6 р. без доставки. «Русская старина» посвящается разработке отечественной истории и истории литературы, и согласно с этою задачею, в ней, без особого разделения на отделы, будут помещаться: исторические исследования, очерки и обозрения о событиях и эпохах из отечественной истории. Биографии и биографические очерки замечательных русских людей. Воспоминания, дневники, записки и рассказы русских деятелей. Государственные и дипломатические акты прошлого времени. Письма и заметки отечественных деятелей прошлого времени. Литературные произведения в стихах и в прозе, принадлежащие авторам прошлых периодов истории русской литературы. Исследования и статьи по предмету русской археологии; описания зданий, памятников, очерки истории городов и отдельных учреждений. Статьи о разных книгах и брошюрах прошлого времени, составляющих библиографическую редкость и почему-либо заслуживающих внимания. Обзор трудов и жизни русских современных ученых, исследований в области археологии, истории и библиографии. Библиографические указания на вновь выходящие книги, и, время от времени, критические статьи по предметам русской истории, археологии и истории русской литературы. Материалы, писанные на иностранных языках, печатаются в подлиннике и в переводе. Журнал печатается без предварительной цензуры (Сборник сведений о повременных изданиях (по 1 ноября 1870 г.) СПб., 1870. С. 179 – 180).

тельствовал ее внушительный тираж¹. Величина тиража неизбежно ставит вопрос об источниках средств на издание. В середине, а тем более во второй половине XIX в. тираж в 500 – 600 экземпляров был нерентабелен и только 3,5 тыс. давали надежду на получение оборотных средств для последующего цикла издания. «Русская старина» на протяжении всех лет издания удерживала достаточный тираж, чего не скажешь о «Русском архиве», но, несмотря на это, по смерти редактора была продана вместе с архивом для покрытия дефицита в 38,5 тыс. рублей. «Русский архив» достаточно регулярно получал субсидии на протяжении всего периода издания, в то время как «Русская старина» – только при редакторстве Н. П. Воронова с 1909 г.². Дела времени редакторства М. И. Семева сохранились за весь период с 1869 г., но указаний на материальную помощь в какой-либо форме в них нет³. Следовательно, издание работало на самоокупаемость.

Складывается впечатление, что «Русский архив» пользовался определенной поддержкой в прессе. Так критические статьи об исторической журналистике в популярных журналах начинались с перечня изданий с исторической тематикой, всегда указывались как «Русская старина» так и «Русский архив», но далее следовало указание на то, что самым содержательным и интересным являлся, безусловно, «Русский архив». Продолжение статей с разбором содержания «Русской старины» не обнаружены⁴. Эта оценка утвердилась и в историографии. Схожая ситуация просматривается и в указателе 1883 г., составленным флигель-адъютантом В. Поповым⁵ (Приложение 1, табл. № 1). В предисловии он отметил, что общественные библиотеки богаты периодическими изданиями, но публика ими мало пользуется из-за отсутствия тематических указателей, поэтому на основе полистного просмотра 12 наиболее популярных изданий, в число которых

¹ «Русский архив» издавался первоначально в 600 экземплярах, к началу 1870-х гг. в 2 тыс., и на рубеже XIX и XX вв. тираж вновь сократился до 700 – 800 экземпляров. «Русская старина» уже на второй год своего издания (1871 г.) имела тираж в 3,5 тыс. экземпляров, в 1880-е гг. доходил до 6 тыс. и не снижался до 4, 5 тыс. в 1890-е гг.

² Мохначева М. П. Журналистика в контексте наукотворчества... С. 241, 348 – 349.

³ Мохначева М. П. Журналистика в контексте наукотворчества... С. 348 – 349.

⁴ Де-Воллан Г. Наши исторические журналы за 1879 г. // Книжное обозрение. 1879. № 12. С. 24.

⁵ Попов В. А. Систематический указатель статей, помещенных в ниже поименованных периодических изданиях с 1830 по 1884 г. СПб., 1885.

вошли и «Русский архив» и «Русская старина», был составлен указатель, содержащий сведения о 12302 статьях, расположенных в 14 разделах. Материалы «Русского архива» и «Русской старины» отражены в 9 рубриках. Из «Русского архива» указаны 614 статей, из «Русской старины» 332 статьи, в то время как в «Систематической росписи содержания «Русской старины» за 1870 – 1884 гг. значится 22 тыс. публикаций, не считая разделов «смесь» и «библиографический листок»¹. Указатель рассчитан на массового читателя, пользующегося общественными библиотеками, следовательно, не располагающего достаточными средствами. Этому читателю настойчиво предлагали читать «Русский архив». При полистном просмотре, как указывал сам автор-составитель, не могло «потеряться» такое число публикаций, следовательно, это была определенная позиция, определенная избирательность, направленная на создание численного приоритета «Русского архива».

Иным было отношение к журналам читателей. Табл. 2 (Приложение № 1) составленная на основе ежегодных отчетов ИПБ, показывает, что «Русская старина» с первого года издания становится самым популярным историческим журналом и входит в десятку самых читаемых периодических изданий в залах ИПБ². По востребованности у читателей (состав читателей ИПБ был демократичен) «Русская старина» превосходила «Русский архив» в 2 – 3 раза. Для сравнения приведены данные о «Киевской старине». Несмотря на то, что журнал начал выходить с 1882 г., что тематика его отличалась ярко выраженной региональностью, он получил и удерживал рейтинг наравне с «Русским архивом». После смерти М. И. Семевского «Русская старина» теряет популярность. Ни Н. К. Шильдер, ни Н. Ф. Дубровин, несмотря на то, что оба были давними друзьями М. И. Семевского и хорошо знали изнутри его редакционную «кухню», не сумели удержать популярность журнала. Востребованными были в основном номера прежних лет.

Выскажем предположение, что оба журнала опирались на поддержку правительственных сфер, но ориентировались на различные политические группировки. В мемуарах С. Д. Шереметева отмечено,

¹ Систематическая роспись содержания «Русской старины» издания 1870 – 1884 г. СПб., 1885.

² Рейтинг популярности в 1870 – 1880 гг.: «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Дело», «Русский вестник», «Заря», «Всемирный труд», «Иллюстрированная газета», ЖМНП, «Всемирная иллюстрация», «Знание», «Беседа», «Санкт-Петербургские ведомости», «Голос» (в порядке убывания).

что Александр III «...интересуясь всегда историческими чтениями и получая «Русский архив» и «Русскую старину» и др., и далеко не одобрял редакторов, Бартенева и Семевского, часто грешивших против приличия и порядочности. Бартенева он принимал, и готов был сочувствовать его деятельности; бестактными выходками своими он окончательно охладил его». И далее: «...Все подобные выходки (имеется ввиду попытка печатать мемуары современников – О. К.) Барте-нева и Семевского, их двойная игра перед властями, перед публикою, считаясь с известными течениями и заигрывая с ними»¹. Свидетельство относится к маю 1891 г. Итак, если П. И. Бартеневу все же высказы-валось сочувствие, то М. И. Семевский не удостоивался его ни-когда за весь период своей издательской деятельности. Почему? Воз-можно потому, что он был близок к партии Константина Николаеви-ча, А. В. Головнина, Н. А. Милютина, потерпевшей поражение, пере-жившей отставку своего лидера. П. И. Бартенев отступил, именно к этому времени относится его переход на консервативные позиции. М. И. Семевский продолжал отстаивать свои взгляды, до конца ост-ался верен теме истории декабризма, идеалам «Великих реформ». Примечательно, что именно к этому времени относится его сближе-ние с А. Ф. Кони. Благодаря высокому покровителю – вел. кн. Кон-стантину Николаевичу, под началом которого служил в Главном ко-митете об устройстве сельского состояния и по заказу которого соз-дал путеводитель по дворцово-парковому комплексу Павловска, М. И. Семевский получил доступ к библиотеке дворца и опубликовал некоторые материалы, хранящиеся там: в частности, переписку Ека-терины II с Павлом и Марией Федоровной, юношеские конспекты Павла I и др.². В фондах ГМПИР хранится книга копий писем обита-телей Павловска конца XVIII в., так и не опубликованных на страни-цах журнала³. Такие публикации, несомненно, контролировались Константином Николаевичем. Частые встречи, беседы об общем де-ле – издании путеводителя сопровождались, как можно предпо-ложить, замечаниями в адрес журнала, что вполне естественно при доз-волении печатать на его страницах материалы о правящей династии из ее семейного архива, и свидетельствует как о доверии к редактору, так и к его журналу. Определить степень воздействия вел. кн. Кон-стантина Николаевича на М. И. Семевского сложно, но и отрицать

¹ Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 156.

² Перечень напечатанных материалов из Павловской библиотеки помещен М. И. Семевским в «Русской старине» (1878. Т. 23. С. 326).

³ ГМПИР. Ф. 2, ед. хр. 48338.

его невозможно, зная о свойствах характера последнего. В 1880-е гг. М. И. Семевский сохранил отношения с сыном вел. кн. Константином Николаевича – вел. кн. Константином Константиновичем, поэтом К. Р., стихи которого неоднократно будет печатать в своем журнале. Эти факты являются косвенным подтверждением предположения, что журнал отражал вкусы и интересы представителей либеральной бюрократии.

Следовательно, два крупнейших исторических журнала второй половины XIX в. при всей схожести отличались, и эти различия интуитивно улавливали читатели. Политическая платформа издания, как правило, находящаяся в прямой зависимости от политических взглядов издателя, воздействовала на содержательную сторону издания.

В изучении проблемы типологии «Русской старины» представляется важным наблюдение М. П. Мохначевой о том, что в начале XIX в. научная литературная общественность была вынуждена (и автор подчеркнула это обстоятельство) издавать литературно-ученый или энциклопедический научно-популярный журнал, который она отнесла к исторически первому типу журнальных изданий¹. Такой журнал содержал литературные и научные сочинения, критику и антикритику, публикацию исторических источников, хронику современных событий, библиографические заметки, самую разнообразную информационную смесь – от последних научных новостей и открытий до новых парижских мод. Дальнейшая трансформация учено-литературных журналов в середине XIX в. и в последующие десятилетия при сохранении их универсальности наблюдалась в направлении к отраслевой специализации на уровне программы, публикуемых материалов, коллектива печатавшихся авторов и корреспондентов². Программа «Русской старины» не только и не столько является расширенной копией программы именно «Русского архива», сколько повторяет программы учено-литературных журналов, с той только разницей, что имеет исторический и культурологический аспект публикуемого материала.

Научно-популярный журнал уже в середине XIX в. имел трех адресатов: «для образованной публики», «для всех сословий» (в значении издания «для семейного чтения») и «народный журнал»³. Тип

¹ Мохначева М. П. Журналистика в контексте наукотворчества... С. 228 – 229.

² Мохначева М. П. Журналистика в контексте наукотворчества... С. 242.

³ Мохначева М. П. Журналистика в контексте наукотворчества... С. 248.

научного журнала в современном понимании – журнала для специалистов в то время еще не мог быть реализован, поскольку не мог найти необходимого, в коммерческом плане, числа читателей, круг людей науки был слишком узок, околону научный социум также был невелик, что не позволяло создавать окупаемое, не говоря уже о рентабельном, издательское дело.

М. И. Семевский осмелился совместить принципы научного и научно-популярного издания с элементами журнала «для всех», а также соединить задачи коммерческого издания с требованиями современной исторической науки. Свои воззрения он излагал в виде замечаний, реплик и даже пространных рассуждений в рецензиях на страницах своего журнала. В 1870 г. в заметке по поводу книги П. А. Муханова отметил, что Археографическая комиссия, во главе издательской деятельности которой стоит автор рецензируемой работы «приступила к некоторым изданиям на таких началах, которым нельзя не сочувствовать». Сочувствие М. И. Семевского вызвало издание «важнейших летописей, выполняемое с полным применением к потребностям массы любителей отечественной истории (здесь и далее подчеркнуто мною – О. К.), а не трех-четырех специалистов, для которых доселе как бы только и работали разные наши ученые комиссии, совершенно забывшие десятки тысяч простых смертных, интересующихся и занимающихся отечественной историей»¹. Речь идет о создании таких исторических изданий, где без нарушения принципа научности сопутствующие справочные материалы и комментарии делали бы их понятными, доступными и интересными для широкой публики. Требования к подобным изданиям М. И. Семевский изложил в рецензии на шестой том «Сборника русского исторического общества» в 1871 г. «Необходимо заметить следующее, – писал он, – 1) при отсутствии на страницах «Сборника» исследований, желательно чтобы редакция этого почтенного издания помещала, в виде предисловия, обстоятельную и подробную статью, на основании помещенных в томе материалов, из которой статьи читатель видел бы, почему тот или другой документ выбран и помещен, т. е. определение достоинства и важности помещенного документа для русской исторической науки; 2) желательно почаще видеть внизу страницы, под текстом, необходимейшие и насущнейшие примечания и объяснения; 3) указатель, для удобства занятий, должен быть непременно описа-

¹ Семевский М. И. Рец. на кн.: Муханов П. А. Что желательно для русской истории. СПб., 1870 // РС. 1870. № 7. Обложка.

тельный; от этого выход тома хотя и затянется на месяц или два, но в претензии никто не будет»¹. Заметим, что эти взгляды как уже вполне сложившиеся, М. И. Семеvский исповедует в начале своей самостоятельной издательской деятельности и не только исповедует, но и реализует на страницах своего издания.

Создавая журнал для публики, М. И. Семеvский считал, что такое издание должно освещать актуальные проблемы «в области запретной близкой к нам старины»². Помещая рекламу журнала на страницах других периодических изданий, отмечал две позиции, которые, по его мнению, должны были привлечь читателя: наличие иллюстраций и публикацию «многих данных для истории минувшего царствования Александра II Освободителя»³. В рецензии на «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете» по достоинству оценил высокий научный уровень журнала, усилия его редактора Е. В. Барсова, готовившего к печати «целые серии материалов к допетровской Руси, а в ней весьма часто и древнейшей истории России относящиеся», М. И. Семеvский подчеркнул, что «отсюда причина полной нераспространенности «Чтений» в публике, но значение самого издания для ученых и вообще исследователей в области науки весьма важно»⁴. Именно тематика журнала, обращавшегося к темам древней истории, интересной лишь для специалистов, была причиной невостребованности в широких кругах потенциальных читателей. В 1890 г. в рецензии на первый выпуск «Живой старины» М. И. Семеvский сформулировал еще ряд требований: «1-е – не вдаваться в слишком глубокую ученость.; 2-е – писать языком возможно более *живым, чисто русским*, а не языком мешанным с иностранными словами, на котором у нас зачастую пишут о разных научных спорах»⁵.

¹ РС. 1871. № 11. Обложка.

² РС. 1871. № 11. Обложка. – В редакционном обзоре 1879 г. заметил: «глубокое наше убеждение, что события ближайшие к нам, уроки и ошибки недавнего прошлого особенно назидательны для будущего» (Семеvский М. И. «Русская старина» в 1879 г. Двенадцать книг // РС. 1879. Т. 26. С. 739).

³ Наблюдатель. 1886. № 11. Отд. рекламы.

⁴ **Семеvский М. И.** Рец. на кн.: Чтения в императорском Обществе истории и древностей России при Московском университете. 1889 / под ред. Е. В. Барсова. М., 1889 // РС. 1890. № 8. Обложка.

⁵ **Семеvский М. И.** Рец. на кн.: Живая старина: Периодическое издание отделения этнографии императорского русского географического общества / под ред. В. И. Ламанского. Вып. 1. СПб., 1890 // РС. 1890. № 11. Обложка.

М. И. Семевский исходил из того, что журнал должен быть и по форме и по содержанию доступен широкому кругу читателей, и вместе с тем быть исторически достоверным. На протяжении своего редакторства он неоднократно обращался к читателям с разъяснениями целей и задач издания, которые с годами несколько менялись. Подводя итоги первого трехлетия, М. И. Семевский определил направление журнала как «специально-исторического» издания¹, а несколькими месяцами ранее разъяснял, что «Русская старина» «есть не более как сборник, которого задача сохранять на своих страницах документы, имеющие значение в новейшей истории русского государства и общества или характеризующие тех или других общественных деятелей»². В 1875 г. отметил, что «Русская старина» носит характер обширной справочной книги, исторической энциклопедии, преимущественно XVIII в. и первой половины XIX в.», «доставляя серьезное и занимательное чтение лицам всех классов общества»³. Итак, спустя пять лет с начала издания М. И. Семевский декларировал иную направленность журнала. Вряд ли специальный исторический журнал мог быть одинаково интересен «лицам всех классов общества», при этом доставляя занимательное чтение. Решение такой задачи было по силам только популярному изданию. В 1877 г. М. И. Семевский в очередном ежегодном обзоре вновь обращается к вопросу о «выяснении тех задач, которые предвзяты нами с первого же года нашего исторического журнала». «Как памятник для сохранения фактов и бытовых черт былых времен, — писал он, — «Русская старина» вместе с тем имеет ввиду их сопоставление с событиями современными»⁴. Принципиально иной подход, чем тот, что был принят в аналогичных исторических изданиях, определил и иной подход к публикациям. «Как историческая энциклопедия — «Русская старина», — писал М. И. Семевский в 1879 г., — не может подчиняться правилам литературных исторических изданий, которые для удобства читателей стараются не переносить окончания статей с одного года на другой»⁵. Отмежевываясь от журналов литературного направления, редактор не желал примыкать к клану узкоспециальных изданий. «С самого начала нашего издания мы дали характер оному таков, — писал М. И. Семевский в 1880 г., — что «Русская старина» отнюдь не явля-

¹ РС. 1873. Т. 7. С. 1.

² РС. 1872. Т. 6. С. 70.

³ РС. 1875. Т. 14. С. 761.

⁴ РС. 1877. Т. 20. С. 720.

⁵ РС. 1879. Т. 24. С. 754.

ясь и не является складом архивных лишь сведений, имеющих значение и интерес в тесном, так сказать, в археографическом, а тем менее археологическом смысле; напротив, наше издание полностью откликлось на события исторические современной жизни нашего отечества. Разумеется этот отклик был своеобразный, совершенно соответственный программе нашего издания. Чествовалось ли лицо, праздновалось ли какое-нибудь историческое событие, загоралась ли борьба на той или иной окраине нашего отечества, – мы представляли соответственную историческую справку об однородном событии недавнего времени, либо группировали исторические воспоминания, рассказы, очерки, относящиеся до события, память о котором так или иначе чествовались в это время»¹. В обзоре 1882 г. это положение повторяется почти дословно: «Занятое событиями и лицами, подлежащими суду истории, наше издание откликалось, как оно всегда делало, на события текущей современной жизни»². В 1885 г. – новый поворот в направлении издания: на первый план выдвигаются просветительские, социальные задачи. «...Мы будем продолжать наш труд, преследуя в нем одну лишь цель: воспроизведение с полнейшим беспристрастием на страницах «Русской старины» записок, исследований, очерков и материалов, содействующих разработке отечественной истории, литературы и искусств и, тем самым, служащих к развитию самосознания русского народа и стремлений в нем ко всему лучшему в деле развития его нравственного бытия, и всего склада его жизни»³.

На какие же слои общества было рассчитано издание. Выше уже приводилось мнение самого редактора, что журнал был рассчитан на «все классы» и все они могут руководствоваться при чтении журнала не столько научными знаниями, сколько жизненным опытом. На упрек, что публикуемые мемуары он не «обставляет своими возражениями и пояснениями», М. И. Семевский ответил резкой отповедью: «Мы полагаем, что это почти излишнее. «Русская старина» издается не первый год, ее издание близится к концу второго десятилетия. Издается она не для подростков-юношей, а для таких людей, из которых

¹ РС. 1880. Т. 29. С. 1056.

² РС. 1882. Т. 36. С. 746. – «Русская старина», неизменно верная одной из постоянных своих задач – своевременно давать историческую справку» (РС. 1889. Т. 64. С. 854).

³ РС. 1885. Т. 48. С. 741. – «Русская старина» – «издание, всецело посвященное сохранению всего того, что приводит к самосознанию русского народа, его исторического прошлого в самом широком смысле этого слова» (РС. 1888. Т. 58. С. 212).

многие сами, так сказать, делали историю, и потому ею живо интересуются; читается это издание из году в год, в большинстве ее читателей одними и теми же лицами: для них известна та масса материалов, самого разнообразного содержания, которые мы представили, нередко об одних и тех же особенно выдающихся событиях в новейшей истории нашего отечества, а потому мы вправе надеяться, что таковые читатели и без наших указок сопоставят одни сведения другим, сами сделают вывод – где правда, где ошибка, предубеждение или неправда»¹. Журнал невозможно, исходя из заявлений редактора, признать узкоспециальным, отраслевым изданием. При его создании ставились иные задачи. Публикуемые материалы носили двойное назначение: во-первых, они служили поиску исторической истины. М. И. Семевский неоднократно декларировал это положение: «Цель издания – истина, его руководитель – беспристрастие»². Во-вторых, формировать убеждения читателей. «Дело в том, – писал М. И. Семевский в 1890 г., не зная, что практически подводит итог своей деятельности – что история имеет целью не один отчет о свершившемся, она, и это каждый знает, имеет громадное значение – поучения, наставления и самого существенного руководства, тем более сильного, что таковое, почти всегда, на крови и на костях основано... Но в старину в нашем отечестве ей, т. е. богине истории, не отводили, надо полагать, за смертью Карамзина, подобающего места»³. Судя по приведенным высказываниям речь шла о грамотном читателе, т. е. в понимании людей второй половины XIX в., выученном грамоте, думающем, занимающемся самообразованием и на основании своего жизненного опыта оценивающим исторические события; естественно, степень понимания и проникновения в суть науки для разных социальных слоев и индивидов была разной. М. И. Семевский подтверждал именно такое понимание своего журнала действиями: дарил годовые комплекты «Русской старины» в библиотеку Великолукского реального училища, Санкт-Петербургской Городской Думы, учителям городских училищ, в городские больницы, т. е. как той части публики, что можно назвать «ученой» так и для пользования лицами, получившими лишь минимальное образование.

Среди приемов, которыми пользовался М. И. Семевский, расширяя читательскую аудиторию, следует назвать: 1) отбор материала и

¹ РС. 1885. Т. 48. С. 732.

² РС. 1874. Т. 11. С. 789. Или: «Цель нашего издания – истина, ее руководитель – беспристрастие» (РС. 1879. Т. 23. С. 754).

³ РС. 1890. Т. 68. С. 799.

по форме и по содержанию доступный широкому кругу читателей, интересующихся историей; 2) наличие редакторских примечаний; 3) наличие иллюстраций (хотя и в ограниченном количестве); 4) введение рекомендательной библиографии. Здесь рассмотрим только первую позицию, трем остальным посвящены специальные параграфы данной главы.

В «Русской старине» преобладали записки, воспоминания, дневники, автобиографии, в значительно меньшем объеме публиковались документы, немало места отводилось неизвестным сочинениям русских писателей, значительное число публикаций относилось к биографическому жанру. Можно высказать предположение, что форма материалов, печатаемых в «Русской старине» в большой степени соответствовала вкусам широкой читательской аудитории. М. И. Семевский придавал большое значение не только исторической правде публикуемого материала, но и языку, характеру изложения. Все это было близко к реалистическому роману, наиболее адекватной форме воплощения художественных принципов критического реализма, форме литературных текстов, востребованных читателем во второй половине XIX в., достаточно вспомнить популярность произведений Ф. М. Достоевского. В «Русском архиве» документы частного происхождения преобладали над материалами делопроизводства, хотя последние не были исключением на страницах журнала. Подавляющее большинство публикаций «Русского архива», по подсчетам М. П. Мироненко, представляла переписка¹. Однако во второй половине XIX в. эпистолярный жанр в литературе, столь распространенный в конце XVIII – начале XIX вв. воспринимался массовым читателем, воспитанным на учено-литературных журналах и впервые столкнувшимся с отраслевой периодикой, как архаизм, аналог вышедшего из моды эпистолярного жанра. М. И. Семевский не переманил читателей «Русского архива», он рекрутировал новых, для которых форма подачи исторического материала в «Русской старине» была более привычна, и потому доступна и интересна. Возможно, в этом проявилось педагогическое мастерство и сочинительские навыки М. И. Семевского, умение чувствовать читательскую аудиторию.

Второй важный момент – в «Русской старине» была ярко выражена либеральная тенденция, особенно в 1880-е гг. Используя статистические методы исследования, М. П. Мироненко сравнил число и виды публикаций по темам движение декабристов и Отечественная

¹ Мироненко М. П. Журнал «Русский архив»... С. 7 – 8.

война 1812 г. и пришел к выводу, что «Русский архив» с 1880 г. утратил интерес к декабристской теме, в то время как «Русская старина» продолжала активно действовать в этом направлении¹. К аналогичным выводам пришел и В. В. Порох².

В-третьих, М. И. Семевский к понятию «старина» относил события совсем недавнего прошлого и пытался печатать мемуары современников. Начальник главного управления по делам печати Е. М. Феокистов писал П. Е. Бартеневу: «Я замечаю, что не только Семевский, но и Вы все более и более проникаете в эту область, и «Русский архив» и «Русская старина», видимо превращаются в какую-то современную хронику. Правительство не в состоянии этого допустить в тех случаях, когда разоблачения становятся положительно неудобными»³. Из замечания Е. Ф. Феокистова следует, что М. И. Семевский грешил этим больше. Скандалом обернулась, например, публикация мемуаров П. Д. Зотова о войне 1877 – 1878 гг.⁴. М. И. Семевского всегда интересовала новейшая история, которая в понимании историографии его времени еще не принадлежала собственно истории, т. е. современности, в которой «сотворялась» история. В табл. 2 (Приложение 1) отчетливо прослеживаются пики читательского интереса к журналу: 1880, 1881, 1883, 1885 гг., в 1886 – 1889 гг. читатели обращались в основном к номерам предыдущих лет. В эти годы печатались записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянской реформе (1880 – 1884), воспитателя Павла И. С. А. Порошина (1881), дневник В. К. Кюхельбекера (1875, 1883 – 1884, 1891), записки М. А. Бестужева (1870, 1881), А. П. Беляева (1880 – 1881, 1884 – 1886), Д. И. Звалишина (1881 – 1882). Следует отметить, что обзор репертуара журнала за выявленные годы повышенного интереса не позволяет в полной мере определить причин этого интереса, можно лишь с определенной степенью уверенности говорить о явном внимании к новой истории и ее проблемным периодам со стороны читающей публики. Только корпусное изучение «текст-источника» по методике контент-анализа позволит достоверно определить причины внимания читателей к конкретным годовым комплектам журнала, но подобный анализ выходит за рамки нашего исследования.

¹ МIRONENKO М. П. Журнал «Русский архив»... С. 19.

² ПОРОХ В. И. Офицер... С. 73 – 110.

³ Цит. по: ЗАЙЦЕВ А. Д. Петр Иванович Бартенев. С. 62.

⁴ ТИМОЩУК В. В. Михаил Иванович Семевский – основатель исторического журнала «Русская старина». СПб., 1895. С. 143 – 144.

Таким образом, интерес читательской аудиторией околонульного социума к «Русской старине» был вызван не столько программой журнала (она была аналогична учено-литературным журналам), но той индивидуальностью, самобытностью в ее реализации, которая всецело зависела от личности редактора.

§ 2. Редакционные примечания на страницах «Русской старины»

Во всем объеме авторского текста, представленного на страницах «Русской старины», весьма солидную долю занимают редакционные примечания. Кроме редактора в эту сферу никто не вторгся¹.

Примечания на страницах «Русской старины» интересовали исследователей только через призму политической истории, в качестве вспомогательного справочного материала, не имеющего самостоятельного научного значения. В частности, по мнению В. И. Пороха, комментарий широко использовался как инструмент борьбы с цензурой, чтобы провести в печать материалы революционно-демократического содержания².

Полагаем, что примечания и комментарии могут быть рассмотрены как форма научной деятельности М. И. Семевского, а также как важный источник исторического познания – фактор, формирующий научные представления в общественном сознании.

Журналистика формируется на пересечении двух равно направляющих сфер: духовно-интеллектуальной и материально-коммерческой. Для реализации проекта частного периодического издания необходимо наличие читательской аудитории. Исторически первыми в России XIX в. эту проблему решали литературные журналы. Чтобы привлечь читателей и, что более важно, удерживать стабильное число энтузиастов-подписчиков, которое разрастается за счет сочувствующих и любопытствующих, литературные журналы, такие как «Современник», стремились создать собственную литературную школу, которая и обростала поклонниками³. Отраслевые журналы могли опираться на статистически известное число профессионалов, хотя это был сравнительно малочисленный слой. Среди первых отраслевых журналов (начало XIX в.), востребованными чи-

¹ Когда в 1885 – 1886 гг., М. И. Семевский находился на курорте Мерреколь и не принимал непосредственного участия в подготовке номеров в печать, примечания отсутствовали на страницах журнала.

² Порох В. И. Офицер... С. 117, 127.

³ Мохначева М. П. Журналистика в потоке наукотворчества... С. 356.

тателями в России были военные и театральные¹, что отражало два возможных способа бытования отраслевой журналистики. Первые – опирались на многочисленный слой военнослужащих в России. Вторые – сродни литературным, т. е. кроме профессионалов привлекали широкий круг любителей, которые отчасти были воспитаны театром: журналистика опиралась на результаты просветительской деятельности театра.

Исторические журналы в поисках читателей стояли перед выбором: 1) Оставаться в рамках узкоспециальных и ограничиваться мизерным тиражом. Существование таких журналов напрямую зависело от меценатства или правительственных дотаций. Неудивительно, что первые профессиональные журналы оформляются при государственных учреждениях². 2) Опуститься до уровня бульварной прессы, печатая анекдоты или подавая исторический материал в форме фельетона. Возможность жизнедеятельности подобных журналов в XIX в. была ограничена кругом писателей, способных создавать произведения подобного жанра, фактографическим материалом, введенным в научный оборот и сакральной психологией читателей. Заметим, что в России при устойчивом росте интереса к истории так и не появилось собственного Дюма. 3) Строить отношения с читателями по модели литературных журналов – выпестовать круг корреспондентов и научить любопытствующего читателя получать удовольствие от чтения исторических источников-романов, которые создала сама жизнь.

Материалы, представленные на страницах «Русской старины» – мемуары, эпистолярное наследие, исторические очерки, биографии, М. И. Семевский считал «вполне историческим чтением» и причислял к более высокому уровню в отличие от «историко-романтических хроник и сказаний, повестей, романов, заключающих много фантазии», но которые в свою очередь относил и их к разряду «небесполезного чтения» в системе исторического самообразования³. «Вполне историческое чтение», по его мнению, даже чтение мемуаров, требовало от читателей определенных усилий. Редакционные примечания в «Русской старине» помогали любителям истории преодолеть барьер

¹ Мохначева М. П. Журналистика в потоке наукотворчества... С. 264 – 265.

² Акопов А. И. Отраслевые специальные журналы... С. 23 – 27.

³ РС. 1888. Т. 59. С. 694. – Любопытно, что М. И. Семевский начал эти рассуждения со следующей фразы: «С 1880 г., при появлении новых органов периодической печати...» В 1880 г. стал издаваться «Исторический вестник» С. Н. Шубинского, ориентированный на развлекательное историческое чтение. М. И. Семевский косвенно осуждал подобное направление журнала.

отчужденности, вводя в курс дела. Воспитание собственного читателя – направление, которое выбирает М. И. Семевский, полагая воздействовать на интересы и уровень развития публики.

С этой целью публикации больших по объему материалов или важных по историческому значению (если речь идет о малых формах, например, письма, стихотворения и пр.) в «Русской старине», как правило, предпослано редакционное предисловие (в некоторых случаях делались и послесловия). Структура этих текстов имела относительно устойчивую форму и включала следующие блоки информации: 1) описание источника; 2) легенду; 3) биографические справки об авторе или герое; 4) разъяснение научных принципов издания исторического источника; 5) рассказ о методике подготовки текстов к печати; 6) описание критериев отбора материала для печати; 7) комментарии; 8) информацию; 9) обращения со страниц журнала по разысканию исторических материалов; 10) размышления редактора. Это структура своеобразного банка данных, из которого по мере необходимости и сообразно имеющейся информации об источнике, М. И. Семевский компоновал примечания. Обязательности в освещении всех позиций не прослеживается. Как правило, предисловия к публикациям содержали тот минимум, который был необходим, чтобы вызвать интерес читателя к представленному материалу. Классическими можно считать предисловия к мемуарам А. Т. Болотова, И. Позье, Г. И. Добрынина. Все мемуары были опубликованы в первые годы издания журнала. К началу 1880 гг. наблюдается тенденция сокращения научной части комментария и усиление дидактической: М. И. Семевский все чаще ограничивался только краткими справками и присовокуплял списки публикаций в «Русской старине» по освещаемому в источнике вопросу, эпохе, лицу.

Описание источника. «Внешняя сторона», как называл М. И. Семевский формальное описание источника, включала в себя характеристику бумаги, чернил, наблюдение над характером почерка и степенью грамотности автора; описание формата и числа страниц в рукописи; характеристику переплета и указание на наличие надписей и помет, причем те из них, что располагались на титульном листе или переплете, как правило, приводились полностью¹. Структура этой

¹ Например: «Записка эта написанная в лист, и заключает в себе 85 страниц, из которых, начиная с 69 до конца ее заняты выпискою подлежащих к делу законов; составлена она была для членов общего собрания Сената...» (Убийство любовницы графа Аракчеева Настасии Шумской / ред. прим. // РС. 1871. Т. 4. С. 263); «...состоит из двух переплетенных тетрадей в лист. Писаны записки крупным, 328

части примечаний была произвольной и варьировалась в зависимости от желания редактора. Формальное описание он иногда прерывал лирическими отступлениями. Так, например, в предисловии к Запискам А. Т. Болотова в связи с характеристикой почерка заметил, что в рукописи нет помарок, поскольку она переписывалась набело. «И как переписывалась! – восклицал М. И. Семевский, – Никакой искусный каллиграф того времени не положил бы столько старания и труда при этом, какое употребил Болотов. ..Смело можно сказать, что в нашей литературе исторических записок XVIII в. нет другой такой рукописи, которая была бы так любопытна и с внешней своей стороны». Эмоционально окрашенное отношение к источнику было характерной особенностью примечаний написанных, М. И. Семевским. Кроме того, читателям сообщалось:

1. О времени и истории создания рукописи; например, характерным и вместе с тем наиболее ярким является рассказ о написании мемуаров М. И. Глинкой, сделанный со слов его сестры Л. И. Шестаковой¹.

2. О судьбе документа, где и у кого он хранился, когда и при каких обстоятельствах менял владельца.

четким, весьма своеобразным почерком, Добрынина. Бумага синяя, но некоторые листы серые и видно, что эти последние явились взамен прежде написанных и уничтоженных самим автором...» (Истинное повествование или жизнь Гаврила Добрынина, им самим написанная / ред. прим. // РС. 1871. Т. 4. С. 327); «Всех этих писем 83, переплетены они в одну книгу, в старинный кожаный переплет...»; «Подлинники, как замечено выше, переплетены в простой кожаный переплет; к сожалению, не в строгом хронологическом порядке. Пометы годов сделаны карандашом и едва ли ни А. И. Михайловским-Данилевским, просматривавшим эти письма...» (Князь М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский. Письма к дочери Е. М. Тизенгаузен, во втором замужестве Хитрово / ред. прим. // РС. 1874. Т. 10. С. 337).

¹ Например: «Писаны с 3 июня 1854 г. до конца марта 1855 г. по просьбе сестры Людмилы Ивановны Шестаковой с которою Глинка жил тогда вместе. Каждый день, являясь к завтраку, М. Ив. прочитывал один лист, написанный им в то утро. Существуют в 2-х экземплярах – один собственноручный, второй – копия, оба у Шестаковой и подарены Императорской публичной библиотеке. Копия сверена самим Глинкой...» (Записки Михаила Ивановича Глинки: 1804 – 1854 / ред. прим. // РС. 1870. Т. 1. С. 381). М. И. Семевский высоко ценил роль Л. И. Шестаковой в написании М. И. Глинкой мемуаров и в декабрьской книжке «Русской старины» за 1892 г. появился портрет ее с памятным знаком по случаю 500-го представления оперы «Жизнь за царя». Публикация была приурочена к 50-летнему юбилею оперы «Руслан и Людмила» в память пожеланиям М. И. Семевского (РС. 1892. № 12. С. 690).

3. Имя корреспондента и история поступления в редакцию журнала. В адрес корреспондентов М. И. Семевский щедро рассыпал благодарности. В некоторых случаях рассказы о поисках документов для печати содержали сюжетную интригу и были изложены в стиле приключений. Например, так построен рассказ о поисках рукописи мемуаров Г. И. Добрынина¹.

4. Достаточно часто указывалось, имела ли редакция возможность сверить текст по подлиннику в момент подготовки рукописи к печати или насколько «исправен» тот список, с которого делался набор.

5. Если редакция работала с копией, то, как правило, указывалось местонахождение подлинника; так же М. И. Семевский поступал и в том случае, если подлинник ему предоставляли только для снятия копии.

Обязательной составляющей примечаний была информация о предшествующих публикациях документа и причинах переиздания его в «Русской старине». Поводом к такому решению могли послужить:

1. Недоступность предшествующих публикаций из-за малого тиража изданий или давности лет со времени первой публикации и превращении издания в раритет, недоступный широкой публике.

2. Фрагментарность публикации, искажения или пропуски и в целом низкий научный уровень. В доказательство своих слов М. И. Семевский, как правило, приводил результаты сопоставления, указывая число пропущенных строк, страниц и пр. Так, например, при публикации записок А. Т. Болотова насчитал 2549 пропущенных строк и

¹ Например: «Года два тому назад Иван Петрович Корнилов указал нам на значение и интерес записок Добрынина и посоветовал озаботиться их приобретением для «Русской старины»... Мы поспешили разыскать рукопись записок, то была к величайшему сожалению копия, которую мы и приобрели от Л. Н. Антропова. Войдя, затем, в сношения с Алексеем Петровичем Стороженко, владельцем подлинника записок, мы узнали, что автограф «Повествования» Добрынина ходит по рукам в Вильне; но где и у кого? – предоставлено было нам самим разыскать, причем в случае успеха – А. П. дал нам право пользоваться находкой. Долго наши поиски были безуспешны. Потеряв наконец надежду получить подлинник, мы нашли вынужденными приступить к изданию «Истинного повествования» – с копии и уже напечатали из нее без малого XXII §§... Между тем, поиски продолжались, и наконец при весьма обязательном посредстве П. А. Муханова и ныне покойной Екатерины Васильевны Потаповой, подлинная рукопись Добрынина поступила в распоряжение «Русской старины» (Истинное повествование или Жизнь Гаврила Добрынина, им самим писаная / ред. прим. // РС. 1871. Т. 4. С. 372).

представил доказательства, напечатав в два столбца текст рукописи и текст из «Отечественных записок» 1850 г.¹. Важно отметить, что подобные сравнения М. И. Семевский производил не из желания вызвать изумление читателя. Ему была свойственна подобная педантичность. На полях «Записок» В. Давыдова (лондонское издание 1863 г. П. Долгорукова, экземпляр из личной библиотеки М. И. Семевского), в частности третьей главы «О польских событиях 1830 года», многочисленные пометы, вставки, подчеркивания отдельных слов – следы сопоставления опубликованного текста с имеющимися в распоряжении М. И. Семевского списками². Результаты этой кропотливой работы дали право М. И. Семевскому поместить в «Русской старине» следующее замечание: «Эта брошюра – весьма недобросовестная спекуляция: издатель откинул почти треть, при том, существенной части записок, в которой автор высказывает взгляд на польское дело, с точки зрения вполне русского человека; затем в дальнейших местах кн. Долгоруков повыбросил лишние слова, строки, даже целые страницы, сделал все от него зависящее, чтобы придать весьма любопытному и немаловажному историческому документу характер памфлета. Между тем полный правды и жизни рассказ славного партизана в действительности не имеет этого характера»³.

Разъяснение научных принципов издания. Осуждая других за искажения и пропуски, М. И. Семевский провозглашал принцип точности и полноты воспроизводимого текста, при этом особо обращал внимание на внесение в публикацию всех разночтений, если сохранилось несколько авторских копий; сохранение орфографии, языка, стиля и слога. Но практика издания нередко расходилась с декларацией принципов. Редактор в каждом конкретном случае исходил не столько из научных принципов максимальной точности в передаче текста, сколько руководствовался соображениями целесообразности, полагая, что для нужд массового читателя излишние подробности можно опустить, что они затрудняют понимание смысла текста. Так в «Записках» А. Т. Болотова, он отказался воспроизводить орфографию, поскольку в этом нет «никакой пользы для дела» и только «за-

¹ Семевский М. И. О записках Болотова // Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная им самим для своих потомков / изд. «Русской старины». 1870. Т. 1. С. 3.

² ГМПИР. Ф. 14, хр. 1729.

³ РС. 1872. Т. 5. С. 639.

труднит чтение»¹, но в отношении текстов, вышедших из-под пера, например, Екатерины II или Лагарпа, полагал, что недопустимо поступать столь вольно². В то же время сохранение стиля и слога в сочинениях «особенно писанных своеобычным языком и проникнутых духом времени» считал одним из постулатов, на которых зиждутся правила издания «Русской старины»³. В частности в послесловии к «Запискам» Г. И. Добрынина М. И. Семевский писал: «во многих словах мы придерживались правописания подлинника. Как человек остроумный, начитанный и по своему времени довольно образованный Добрынин не писал зря; он как видно из его же труда, – во все вдумываясь, во всем старался дать себе отчет и поэтому уклонения его от общепринятых грамматических правил – составляют не незнание этих правил, а некоторую своеобразность причудливого писателя»⁴. Следовательно, орфография, язык, слог, стиль – сохранялись, если эти особенности, по мнению редактора, были необходимы для характеристики личности писавшего, или подчеркивали своеобразие документа. Это правило действовало и в отношении воспроизведения стенограмм устных воспоминаний, прием, к которому достаточно часто прибегал М. И. Семевский, понимая, что далеко не все современники готовы взяться за перо. Нередко он произвольно отступал от правила идентичности воспроизведения текста. Археографические нормы публикации исторического материала, принятые в журнале, распространялись также и на литературные жанры. Сложность положения современного исследователя состоит в том, что строгой закономерности в подходах к решению этого вопроса у редактора не было, и потому необходима сплошная сверка текста с подлинником для выявления отступлений от провозглашенных правил. Фактов пропусков и искажений текстов, обнаруженных на страницах журнала достаточно⁵. Важно отметить, что эти различия в подходах были скрыты

¹ Семевский М. И. О записках Болотова... С. X.

² Екатерина II и Пугачевщина / ред. прим. // РС. Т. 13. С. 125; Отчеты Лагарпа гр. Н. И. Салтыкову о воспитании в. кн. Александра и Константина Павловичей 1783 г. / ред. прим. // РС. Т. 1. С. 35 – 40.

³ Семевский М. И. [О записках Гаврила Добрынина] // РС. 1871. Т. 4. С. 327.

⁴ Семевский М. И. [О записках Гаврила Добрынина]... С. 377.

⁵ Например, сокращения без указания в тексте (отточие) были произведены в дневнике В. К. Кюхельбекера (Дневник В. К. Кюхельбекера. Л., 1929. С. 17 – 18); сокращение текста записок В. П. Долгорукова (Тарле Е. В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. М., 1945. С. 43); в автобиографии Н. И. Костомарова в повествовании о его участии в Кирилло-мефодиевском обществе; записках Я. И. Соловьева и Д. И. Кипиани – убраны острые высказыва-

332

от публики, М. И. Семевский умело формировал у читателей иллюзию, что если материал опубликован на страницах его журнала, то он точно воспроизводит подлинник, и если возникла необходимость сократить текст или внести в него какие-либо изменения, то об этом уведомят читателя в примечании к публикации. Среди причин сокращений указывались:

1. Позволительность и даже целесообразность опускать те части документа, которые не имеют общего интереса. Например, в «Записках» И. Позье по этим соображениям опущены подробности, не имеющие отношения до России; в воспоминаниях В. В. Верещагина – депеши, захваченные генералом Струковым и т. п. Случаи эти далеко не единичны, но их редактор всегда оговаривал.

2. Невозможность огласить некоторые факты по этическим соображениям. Примером могут служить записки М. И. Глинки¹.

3. Сложности проведения документа через цензуру. Такова, например, причина пропуска в «Записках» князя М. М. Щербатова и В. Н. Каразина. Причем М. И. Семевский всегда стремился показать читателю, что в этом нет его вины. Более того, такие искажения он считал для себя обидными. Обращаясь к читателю, по поводу «Записок» М. М. Щербатова, в частности, писал: «Таковые искажения исторического документа нам тем прискорбнее, что «Русская старина», посвященная преимущественно изданию материалов к новейшей отечественной истории, имеет твердую задачу относиться к делу, с полнейшею правдою и беспристрастием. Нам казалось, что, печатая восторженные панегирики царственного Екатерины II сенатора Рунича, мы имеем право, в видах всестороннего исследования эпохи, напечатать целиком, единственно как исторический материал, и желч-

ния и рассуждения о крестьянской реформе; из записок декабриста А. Беляева вычеркнут лист с рассуждениями о политическом устройстве России (Симина Н. Г. Исторические документы... С. 202).

¹ Например: «Издавая в свет записки человека почти современного нам, мы, естественно, не могли избежать некоторых пропусков; но, уступая этой прискорбной необходимости, мы старались, во всяком случае, сделать их насколько возможно менее, и то в тех случаях, где Глинка касался интимных подробностей своих семейных отношений; в других же случаях ограничились тем, что не вписывали полных имен лиц, о которых говорится». «Здесь нами тоже сделан небольшой пропуск некоторых слишком интимных семейных подробностей (рассказ о разводе)» (Записки Михаила Ивановича Глинки: 1804 – 1854 / ред. прим. // РС. 1870. Т. 1. С. 314, 291).

ные строки сенатора князя Щербатова...» (многоочие М. И. Семевского – О. К.)¹.

4. Преднамеренное урезание текста источника самим редактором по причине возможных возражений цензуры. Подобные случаи в основном приходятся на 1880-е гг., когда М. И. Семевский теряет своего покровителя вел. кн. Константина Николаевича и ищет милости других влиятельных лиц, в частности графа Д. А. Толстого, и вел. кн. Сергея Александровича, но воззрения последних далеки от либерализма, и поэтому М. И. Семевский, несмотря на провозглашенные принципы, прибегал к купюрам и часто только создавал видимость, чем в действительности сообщал о всех случаях вырезок текста читателям. Примером могут служить воспоминания графа М. Н. Муравьева, где были вырезаны «резкие строки в отзывах его о государственных деятелях России»² или в сочинении Н. И. Греча о Ф. Булгарине – «голословные выходки как против Булгарина, так и против поляков, на что довольно щедр составитель биографии»³. Заметим, что последний пример относится к 1871 г., началу издательской деятельности М. И. Семевского вообще очень остро переживал «польский вопрос», всегда находя причину не согласиться с мнением автора, если тот резко высказывался в адрес поляков. Пожалуй, только в этом и проявлялась в нем «польская кровь», и еще в прекрасном знании польской истории особенно нового времени. Все его замечания опираются на доскональное знание дат, имен, событий.

Методика подготовки текста к печати. Разъяснять читателям приемы подготовки текста к печати М. И. Семевский считал необходимым. Как правило, отмечались:

1. Предварительная сверка с имеющимися списками, копиями, публикациями; установление разночтений, причин их возникновения и последующей фиксации их в примечаниях, если, по мнению редактора, они представляли научный интерес⁴. Он считал исключительно

¹ РС. 1871. Т. 3. С. 673.

² РС. 1884. Т. 42. С. 44.

³ РС. 1871. Т. 4. С. 513.

⁴ Например: «подлинные письма де-Лира из России показывают, что записки герцога составляют лишь сравнительно краткий свод тех же фактов и известий, какие заключаются и в его письмах.. кроме нескольких мелких неточностей, замеченных при сличении дневника с письмами, неточностей сделанных либо автором, либо переводчиком, – в записках де-Лира нет существенных ошибок или искажения исторической истины. В позднейшее время отыскался и рукописный 334

важным этот прием при публикации литературных материалов: фиксация разночтений давала возможность показать творческую лабораторию автора. У современников появление таких материалов часто вызывало протест. Известен спор И. А. Гончарова с М. И. Семевским по поводу публикации черновики. Писатель отразил свою позицию в 1875 г. следующей записью: «Я обещаю почтеннейшему Михаилу Ивановичу сообщить ему когда-нибудь мои воззрения против оглашения (везде, между прочим, и в «Русской старине») произведений автора, которых автор сам не назначал в печать». И далее: «Прах многих авторов возмущается, конечно, если только знает или чувствует то, что огласили после их смерти сокровенную черновую работу творчества»¹.

2. Сверка и исправление имен, дат и прочих неточностей, которые можно было устранить на уровне подготовительной работы в редакции². Наиболее ярко отразилась в подстрочных примечаниях. Достаточно часто М. И. Семевский, учитывая важность материала или испытывая ответственность перед важным историческим лицом, перу которого принадлежал источник, заказывал экспертизу.

3. Структурирование документа. Для удобства читателей М. И. Семевский разделял рукописи, особенно большие по объему, на части, обозначая их названия и расписывая в анонсе содержание по собственному усмотрению – прием, широко применявшийся в археографии второй половины XIX в.

4. Сокращение источника или изложение содержания в сжатом виде. Такой прием М. И. Семевский применил впервые в 1871 г. при публикации дела об убийстве любовницы графа Аракчеева Н. Шум-

текст записок герцога, с которых делал свой перевод Д. И. Языков (Принадлежала К. Н. Бестужеву-Рюмину – О. К.). Четырнадцать лет тому назад (в мае 1859 г.) по цензурованной рукописи Языкова, мы пополнили пропуски в печатном экземпляре его перевода, которые и представляем ныне, как свидетельство тех операций, какими подвергался в старое время перевод сказаний иноземцев о России» (Сказания иноземцев о России XVIII в.: Записки герцога де-Лиры. Записки леди Рондо / ред. прим. // РС. 1873. Т. 8. С. 80).

¹ Знакомые. Альбом М. И. Семевского – издателя-редактора исторического журнала «Русская старина»: 1867 – 1888. СПб., 1888. С. 64.

² Например: «...нельзя не извинить составителям Записок их хронологических или других, сознательных или бессознательных, ошибок. Впрочем, в печатаемых нами мемуарах мы всегда исправляем помянутые неточности, либо сами, либо печатая указания и поправки, сообщаемые читателями» («Русская старина» в 1878 г. Двенадцать книг // РС. 1878. Т. 23. С. 758).

ской¹. Судебное дело, согласно порядку судопроизводства содержало ряд повторяющихся фрагментов информации, излагавшихся в документах, возникших на разных этапах рассмотрения. Полная публикация отнимала чрезмерно большой листаж, сама форма канцелярского документа была мало приемлема для чтения. М. И. Семевский поручил А. Г. Пупареву² изложить фактографию в хронологическом порядке без комментариев и собственного отношения к фактам. В последующем М. И. Семевский прибегал к подобному приему при публикации подборок биографических материалов: биографическая справка составлялась на основании тех материалов, которыми располагала редакция и иллюстрировалась фрагментами или полными текстами документов.

Приемы публикации текстов на иностранных языках в большей степени были predeterminedены условиями журнальной публикации, предназначенной для массового читателя. М. И. Семевский принял следующие правила: печатался русский перевод источника; оригинал публиковался либо в подстрочнике петитом, либо вообще не печатался. Только значимость исторической личности, например, масштаба Екатерины II или особо оговоренные условия при передачи материалов в редакцию из частных архивов были веским доводом для публикации оригинала на правах перевода, при этом перевод помещался прежде оригинала³. Такой подход не соответствовал

¹ Например: «Из этой массы сведений, с неизбежными повторениями местами одного и того же, необходимо было составить насколько возможно полное и точное изложение дела об убийстве Шумской.. Труд этот, по нашей просьбе, исполнен сотрудником «Русской старины» Аркадием Гавриловичем Пупаревым. ... Г. Пупарев в настоящем рассказе нигде не впал в изложение собственных или посторонних взглядов. Такой прием в передаче подробностей этого весьма характеристичного эпизода из эпохи всемогущего Аракчеева, тем более необходим, что в нашей литературе существует несколько рассказов о том же событии, но таких, в которых истина совершенно заменена выдумками досужих авторов. ...Впервые является в печати без малейших отступлений от исторической истины, в той, впрочем, мере, в какой верен официальный источник» (Убийство любовницы Аракчеева Настасья Шумской / ред. прим. // РС. 1871. Т. 4. С. 263-264).

² А. Г. Пупарев – секретарь Орловского статистического комитета, корреспондент «Русской старины». В 1870 г. предоставил редакции рассказ «Холерный месяц в Петербурге (июнь 1831 г.)» (Напечатан: РС. 1884 г. Т. 44. С. 416.), составленный по подлинным делам. М. И. Семевский заказал ему изложение дела об убийстве Н. Шумской.

³ По желанию Ф. В. Каразина письмо В. Н. Каразина кн. А. Чарторьжскому было опубликовано на французском языке (РС. 1871. Т. 3. С. 701).

принятым научным правилам публикации текстов на иностранных языках. Тексты печатались параллельно: оригинал и перевод располагали на одной странице столбцами или на развороте. И тем не менее М. И. Семевский осознанно отступает от этого правила, видимо, опираясь на собственный издательский опыт. В 1866 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» он опубликовал статью «Прогулка в Тригорское», содержащую материалы к биографиям А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, Н. М. Языкова, А. А. Дельвига, в частности, письма А. С. Пушкина к П. О. Осиповой-Вульф из личных архивов А. Н. Вульфа и Е. Б. Зубовой (урожденной баронессы Вревской)¹. Из уважения к гению поэта, не решился взять на себя ответственность за перевод и начал публикацию на языке оригинала – по-французски. После первого же номера (публикация шла в шести номерах) в газету поступили жалобы от почитателей поэта не владевших французским языком. М. И. Семевский включил перевод, но такой прием был неприемлем для газеты – занимал слишком много места. Публикация была закончена только в переводе. М. И. Семевский впервые столкнулся с проблемой различий в приемах научной публикации и предназначенной для широкой публики с целью популяризации и утвердился во мнении, что грамотному человеку достаточно перевода.

Приемы публикации материалов на иностранных языках наиболее ярко характеризуют тип издаваемого М. И. Семеvским журнала для читателя, не владеющего языком, но грамотного человека. Анализ педагогических воззрений М. И. Семеvского показал, что он придерживался мнения о формировании школы по сословному принципу, и в среде детей из купечества, мещанства, крестьянства считал нецелесообразным обучение языкам, в то же время ратовал за изучение истории в большем объеме, чем это практиковалось, считая, что именно этот предмет способствует формированию гражданской личности. Это как раз и был тот круг грамотных людей, т. е. выученных грамоте, на которых в числе прочих был ориентирован его журнал, преследующий цель развивать «самосознание русского народа». Журнал не создавался специально для данной читательской аудитории, но с помощью комментария, не нарушая основных принципов археографии, становился доступным широкому кругу читателей.

¹ Семевский М. И. Прогулка в Тригорское: заметки и материалы для биографии Пушкина, Жуковского, Языкова и барона Дельвига // Санкт-Петербургские ведомости. 1866. № 139, 146, 157, 163, 168, 175.

Критерии отбора материалов к печати. Немало внимания М. И. Семевский уделял обоснованию принципов отбора материалов к печати. Среди них были как научные, так и технические критерии. К последним относятся: а) некачественная или недоступная для широкого читателя публикация. При этом всегда отмечалось, что если материал имеет особое значение как исторический источник, то целесообразна его повторная публикация на страницах именно «Русской старины» – журнала доступного широкой публике; б) оптимальное соотношение исторической значимости источника и объема текста, предполагаемого к публикации. При высокой степени информативности источника объем рукописи не являлся для редакции препятствием, но публикация не включалась в листаж журнала, чтобы не нарушать принципы периодического издания. Это положение обосновано в предисловии к мемуарам А. Т. Болотова¹.

Научные критерии отбора к печати отражали взгляды редактора на документальные свидетельства прошлого. Он различал материалы «вполне исторические» и не имеющие исторического значения. Первые определялись: значимостью исторического события или ролью личности в истории. Масштабы исторического события придавали особую значимость документальным свидетельствам о них. Из редакционного обращения 1873 г. следует, что в новейшей истории России М. И. Семевский выделял два краеугольных события – деяния Петра I и реформы Александра II: «Мы измеряем периоды развития России не цифрами лет, не годами, но теми событиями и явлениями в общественном строе, которые неминуемые последствия духа времени. Вся история нашего отечества делится на два главнейшие отдела: Русь до-Петровская, обнимающая восемь веков (862 – 1672) и Русь с Петра Великого. Двух вековую эпоху от рождения преобразователя России до нашего времени можно разделить, в свою очередь на два периода. Пограничная черта, отделяющая старую Россию Петровскую от новой России, освобожденной от крепостных пут, России земской, это – 19-ое февраля 1861 года, эра истинного возрождения России, открытие более широкого пути ее нравственному преуспеванию и промышленно-торговому развитию. ..19 февраля – рубеж, отделяющий все старое от молодого, преобразованного и призванного к новой жизни»². Степень важности события, как следует из приведен-

¹ Семевский М. И. О записках Болотова... С. 3.

² Семевский М. И. «Русская старина» в 1873 г. От редакции // РС. 1873. Т. 8. С. 1005.

ной цитаты, определялась теми последствиями, которые из него проистекали. Поэтому документы, фиксирующие событие, его последствия и восприятие в умах общества, в понимании М. И. Семеvского, были «вполне историческими» источниками. Эти взгляды он неоднократно декларировал на страницах журнала. В качестве примера приведем рассуждение из примечания к «Запискам» И. И. Липранди: «Так называемое «Дело Петрашевского» – независимо от вопроса, имело ли оно, по своей сущности, какое-либо значение – по времени своего возникновения и по глубокому следу им оставленному в мероприятиях правительства с 1848 по 1855 год, имеет очень важное значение. «Мнение» г. Липранди, по собственному его изъяснению, дало этому делу трагический исход, и следовательно, было исходною точкою многих, весьма памятных распоряжений в области народного просвещения, относительно университетов, гимназий, так же военно-учебных заведений, по цензуре и т. д. Отсюда понятно, что «Мнение» г. Липранди уже есть исторический документ, которого не обойдет будущий историк России...»¹. Схема рассуждения аналогична предыдущему примеру: причина правительственных мероприятий – «Мнение» Липранди по делу Петрашевского – факт истории, поэтому сам документ – «вполне исторический», хотя и отражает позицию одного человека. Среди материалов личного происхождения, которые, главным образом, и печатал журнал, М. И. Семеvский к числу полноценных исторических источников относил так же и те, что происходили от исторических личностей и характеризовали их не только как общественное лицо, но и как человека. По поводу писем кн. Кутузова-Смоленского, писал: «в этих безыскусственных, наскоро набросанных грамотках... заключается множество драгоценных подробностей вполне исторического содержания... В этих письмах мы видим кн. Кутузова, как он есть, вполне живым человеком и преисполняемся к нему, если это возможно, еще большим уважением»².

К исторически значимым материалам М. И. Семеvский относил анекдоты, считая, что этот вид источника важен как факт отражения события в умах современников и потомков³.

¹ РС. 1872. Т. 6. С. 70.

² Семеvский М. И. По поводу писем князя Кутузова-Смоленского // РС. 1872. Т. 5. С. 781–782.

³ Этот тезис М. И. Семеvский выразил следующими словами: «...то впечатление, которое оно производит в различных слоях общества...» (РС. 1873. Т. 8. С. 1014).

Среди «вполне исторических» материалов М. И. Семевский выделял документы «примитивного значения», т. е. фиксирующие мелкие факты истории. Например, к таковым относил документы о холере 1831 г.¹

Опираясь на изложенные принципы оценки источников, редактор обосновал приоритеты отбора материалов для печати:

1. Уточнение или исправление искажений исторических фактов, бытующих в литературе;
2. Объективность и точность освещения фактов в источнике;
3. Беспристрастность изложения материала (для материалов личного происхождения);
4. Общественная значимость содержащейся в источнике информации.

В целом принятые подходы соответствовали распространенному во второй половине XIX в. пониманию задач исторического исследования, ставившего целью выявление и критическое изучение фактов прошлого, и открытие закономерностей развития исторического процесса².

Исходя из этого, М. И. Семевский определял место «Русской старины» в процессе исторического познания прошлого как низшую ступень, обеспечивающую выявление и собирание качественных исторических источников. С точки зрения историка-позитивиста – фиксация исторического факта – первая и важнейшая ступень исторического знания.

При наличии равнозначных по важности материалов редактор отдавал предпочтение тем, что в большей степени соответствовали требованиям, предъявляемым литературным произведениям – умение автора владеть слогом, наличие ярких характеристик современников, динамика повествования. Этот подход применялся к материалам личного происхождения, если автор не был великой личностью, поскольку появившиеся из под его пера мемуары, могли служить только для характеристики события, социальных нравов, типологических черт его поколения, сам автор являл собою только типичную личность.

М. И. Семевский отдавал приоритет материалам отечественного происхождения. В этом проявилась его как научная, так и граждан-

¹ Семевский М. И. «Русская старина» в 1885 г. // РС. 1885. Т. 48. С. 736.

² Лаппо-Данилевский А. С. Лекции по русской истории, читанные в Императорском историко-филологическом институте: 1891 – 1922. СПб., б/г. С. 4; К[ареев] Н. История // Энциклопедический словарь / под ред. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., Т. 13^а. С. 505 – 507.

ская позиция. Основную ценность русских источников он видел в правдивости: «...Дневники и записки, веденные нашими соотечественниками, очевидцами и участниками событий: надежнейшая порука за их правдивость в том, что писавшие даже не льстились надеждою – при своей жизни, по крайней мере, – видеть их в печати; писали в назидание своим детям и внукам»¹. Основной недостаток иностранных материалов видел в искажениях, иногда умышленных, ошибках, непонимании бытовых и нравственных реалий России². Публикация подобных материалов требовала наличия научного комментария, что утяжеляло издание и затрудняло чтение. Признавая малопригодными иностранные материалы для публикации в «Русской старине», он указывал на их важность как источника и предлагал со страниц своего журнала программу их научной публикации под названием «Библиотеки переводов иноземцев о России XVIII в.» на базе отдела «Rossika» Императорской публичной библиотеки. В изложении этой программы интересны приемы публикации. «...Каждому переводу, сколь возможно точному и обстоятельному, – указывал М. И. Семевский, – должно быть предпосылаемо биографическое известие об авторе записок и библиография всех изданий, как подлинника его произведения, так и переводов оною на разные языки. Текст перевода должен сохранять (в скобках) собственные имена упоминаемых лиц и названий местности в том виде как пишет их автор; но, разумеется, тут должен быть перевод зачастую искаженных фамилий и названий. Примечания должны быть кратки, ограничены крайнею необходимостью и, отнюдь не тянуться длинным абзацем, без пользы утолщая книгу... Наконец, перевод должен иметь обстоятельное оглавление и алфавитный указатель, хотя бы одних только

¹ Семевский М. И. «Русская старина» в 1873 г. От редакции // РС. 1873. Т. 8. С. 1004.

² С запалом фельетониста в цитированном выше обзоре М. И. Семевский писал: «Почти до конца XVIII столетия иностранцы смотрели на нас как на дикарей; на путешествие в Россию, как на подвиг, равносильный путешествию кругосветному. Незнакомые ни с природой, ни с языком, ни с нравами, ни с обычаями нашего отечества, и видя в ней страну вроде Китая или Японии, иностранцы-путешественники в своих записках нередко делали грубейшие опшибки, извращали факты (иногда и умышленно), лгали и клеветали – и таким образом, распространяли между своими соотечественниками превратные понятия о России» (Семевский М. И. «Русская старина» в 1873 г. От редакции // РС. 1873. Т. 8. С. 1004).

личных имен»¹. Изложенных правил он старался придерживаться и при публикации иностранных источников на страницах «Русской старины».

Комментарий. Характерной чертой комментариев, составленных М. И. Семевским, было акцентирование внимания читателей на особенностях различных видов источников, степень достоверности, содержащейся в них информации². Часто редактор делал примечания по существу содержания, при этом имел ряд излюбленных тем: декабристы, польский вопрос, события 1762 г. и сопоставление с мемуарами А. Т. Болотова, что было свойственно особенно в первые годы после их публикации, он не упускал не малейшей возможности напомнить читателям об этих сюжетах³. Нередко высказывал личное мнение по существу содержания источника. В ряде случаев комментарии для «Русской старины» составляли специалисты, среди которых значилось много его личных друзей и знакомых: Д. М. Хмыров, Н. П. Дуров, В. С. Иконников, П. А. Ефремов, И. А. Гончаров и др.

Инициативы редактора по обеспечению издания материалами. М. И. Семевский часто выступал инициатором написания мемуаров. Общеизвестно, что по его настоянию были составлены записки Т. П. Пассек, Н. В. Берга, П. А. Каратыгина, Н. Н. Мурзакевича. В действительности этот список значительно больше. Его можно пополнить именами: Н. А. Корфа, Ф. Г. Солнцева, И. П. Пожалостина. Кроме того, по его инициативе были записаны воспоминания многих современников: А. М. Горчакова, М. Т. Лорис-Меликова, М. Е. Сал-

¹ **Семевский М. И.** Сказания иностранцев о России XVIII в. Записки герцога де-Лиры – Записки леди Рондо // РС. 1873. Т. 8. С. 50.

² Например: к рассказу «Дашковой надо относиться очень осторожно и отнюдь не принимать на веру все ее рассказы, как о себе самой, так и о тех лицах, с которыми ей приходилось встречаться в жизни. Просим не забывать, что «Русская старина», помещая на своих страницах рассказы кн. Дашковой о ней самой и о ее времени, представляет их исключительно как материал, хотя весьма пригодный для истории XVIII в. и местами очень интересный, но только как материал, подлежащий строгой исторической критике исследователя той эпохи, которой принадлежит эта, во всяком случае, замечательная сподвижница великой Екатерины» (Княгиня Е. Р. Дашкова / ред. прим. // РС. 1874. Т. 9. С. 430). «...Впервые является в печати без малейших отступлений от исторической истины, в той, впрочем, мере, в какой верен официальный источник» (Убийство любовницы Аракчеева Настасьи Шумской / ред. прим. // РС. 1871. Т. 4. С. 263 – 264).

³ При публикации писем Константина Павловича из Варшавы сделал сноски ко всем фамилиям будущих декабристов: С. П. Трубецкого, А. П. Юшевского, их причастности к событиям 14 декабря 1825 г. (РС. 1873. Т. 8. С. 375) Так он поступал всегда, когда в текстах встречались имена декабристов.

тыкова-Щедрина, А. Г. Рубинштейна, И. К. Айвазовского и др. Редактор призывал писать мемуары абсолютно всех, не зависимо от ранга и сословий, поскольку «самый предмет их мы всегда ставили, – писал он, – выше лица, которым они писаны»¹. В борьбе за публикацию воспоминаний современников основным критерием их значимости выдвигал не только нужды истории, но и задачи воспитательные. Осуждая практику закрытия на 50 лет пользования архивами частных лиц, в частности уже принятыми на хранение в учреждения, писал: «Полвека – да ведь это целая вечность!, а между тем, мемуары видных общественных деятелей, живших полною жизнью своего отечества, принимавших в его судьбах самый деятельный интерес – в своих сказаниях могут сохранить данные не только интересные, но прямо полезные, назидательные, прямо пригодные к жизни не только их потомков, но и всего отечества, как назидание и пример для них. Как же хоронить под спудом на 50 лет подобные мемуары»².

Все инициативы в области полевой археографии М. И. Семевский придавал гласности со страниц своего журнала. Зная о существовании важного документа, он напрямую через журнал обращался к лицу, у которого мог находиться интересующий его материал. Кроме того, подобные обращения носили и общий характер – редактор внушал читателям, сколь важно сохранять письменные свидетельства современности и настойчиво проводил мысль, что текущие события уже история³, высказывал суждения о важности изучать современ-

¹ Семевский М. И. «Русская старина» в 1875 г. / ред. прим. // РС. 1875. Т. 14. С. 762.

² Семевский М. И. «Русская старина» в издании 1879 г. // РС. 1889. Т. 64. С. 851.

³ Например: «Покорнейше просим семейство г. Дурново, буде сохранились у него неизвестные еще в печати письма А. С. Грибоедова, поделиться ими с читателями «Русской старины» (А. С. Грибоедов / ред. прим. // РС. 1874 Т. 10. С. 299); «Присоединяем к просьбе автора – напу просьбу и обращаем ее в особенности к старожилам Невельского уезда, достопочтенным Е. О. Дуве и А. И. Карташеву: от своих родителей они могли слышать любопытные рассказы о Мельхельоне, которые и желательно было бы видеть на страницах нашего издания» (Ореус И. И. Иван Иванович Мехельсон / ред. прим. // РС. 1876. Т. 15. С. 206); «23 ноября 1881 г. Н. И. Пирогова не стало. Остались ли после него записки? Слух прошел, что остались... Если это так, если рукопись существует, то просим семью покойного, в особенности того сына Николая Ивановича, который ныне состоит профессором в Новороссийском университете в Одессе, когда дойдут до них эти строки, – исполнить, конечно вполне священный, завет Н. И. Пирогова» (РС. 1882. Т. 36. С. 676); «Приглашаем участников минувшей войны представить на страницах «Русской старины» свои воспоминания, рассказы, заметки, доку-

ные события «со вполне исторической стороны», стремился формировать у читателей бережное отношение к свидетельствам прошлого и историческим памятникам отечества. Журнал регулярно в конце года печатал информацию, сколько поступило материалов от читателей, какое число их можно считать исторически значимыми¹. В 1883 г. М. И. Семевский отмечал, что с 1870 г. было прислано 4650 мемуаров, записок, целых архивов и отдельных документов². Неинтересными для печати была признана треть, остальные «вполне пригодны и интересны к помещению» на страницах журнала: из них половина уже была опубликована к 1883 г.

Информация. Редакционные примечания «Русской старины» часто содержали различного рода информацию: а) анонсы предполагаемых к печати материалов; б) отсылки читателей к материалам по освещаемой теме, опубликованным ранее на страницах журнала; в) сведения о корреспондентах, а также сообщения в стиле светской хроники. К области информации следует отнести и многократное повторение одних и тех же сообщений, с целью обратить внимание читателей на придаваемый им гласности факт. Особо следует отметить вариант примечаний, ставивший целью оградить публикуемый материал от нападков цензуры. Основным приемом редактора было перенесение акцента научного интереса на «безопасные» проблемы, при этом указанные аспекты хотя и имели место, но в действительности не они определяли историческое значение источника. Например, публикуя материалы из архива К. Ф. Рылеева, характеризовал их как литературные, указывая, что исторический интерес они представляют только с точки зрения создания образов исторических персонажей; мемуары Т. П. Пассек – как характеристику черт быта и нравов московского общества³.

менты – словом все, что может послужить материалом к истории этой войны» («Русская старина» в 1877 г. / ред. прим. // РС. 1877. Т. 20. С. 721); «Для всех таковых сообщений (воспоминаний – О. К.) мы с радостью открываем страницы нашего издания и надеемся, что наш призыв не будет гласом вопиющим в пустыне» (Великая княгиня Елена Павловна: очерк к ее жизнеописанию / ред. прим. // РС. 1882. Т. 33. С. 783).

¹ РС. 1883. Т. 64. С. 861.

² РС. 1883. Т. 40. С. 754; 1884. Т. 44. С. 652; 1889. Т. 64. С. 850.

³ Например: «Просматривая эти бумаги, видишь весь процесс работы даровитого писателя... Из этих произведений особенно замечательны «Думы» Рылеева; помимо их литературного значения, они имеют для «Русской старины» и исторический интерес: ряд крупнейших русско-исторических деятелей, каковы Владимир Святой, Марфа Посадница, Иван III... один за другим являются в произведе-

344

М. И. Семевский не был беспристрастным археографом, считал возможным и необходимым высказывать свое отношение к публикуемому материалу. Многие примечания не лишены эмоциональной окраски. Кроме того, примечания содержат сведения автобиографического характера: он упоминал о своих путешествиях и поездках, знакомствах, книгах из личной библиотеки¹, мнения частного характера², рассказывал о научной деятельности, делая ссылки на свои сочинения³.

Во второй половине XIX в. наблюдалось снижение пиетета прав издания исторических источников, сложившихся еще в 1830-е гг. в разработках Археографической комиссии. С 1860-х гг. в Комиссии шел непрерывающийся несколько десятилетий процесс разработки «правильной» эдиционной методики⁴. К кругу исторических источников, подлежащих изданию на основании научных правил и приемов, во второй половине XIX в. со всей определенностью относили

ниях Рылеева. Весьма любопытно при этом проследить какую сторону государственной или общественной деятельности, и какими нравственными качествами – наиболее типичные представители разных эпох русской истории воздействовали на творческую фантазию поэта» (Рылеев: Материалы для истории русской литературы / ред. прим. // РС. 1871. Т. 3. С. 65).

¹ Например, такого рода: «Еще в 1860 г., когда пишущий эти строки посетил Спасо-Ефимиев монастырь в Суздале...» (РС. 1875. Т. 12. С. 819). Информацию об издании «Складчины» – сборнике русских писателей, изданного в пользу крестьян, пострадавших от неурожая в 1874 г. сопроводил рассказом о себе, что он «был среди первых, кто присоединился к числу желающих содействовать изданию «Складчины», «сверх заявления об участии пожертвовал 100 р. на издание» (РС. 1875. Т. 12. С. 2).

² Примером может служить следующее замечание: «Воронов был, как все помнят, плохим актером, но дельным режиссером»; или «А. П. Каратыгин грубо заблуждался не находя достоинств в «Воеводе» Если это произведение оказалось не вполне сценичным, то это не отнимает у него значения одной из самых замечательных историко-драматических хроник в русской литературе». (РС. 1880. Т. 27. С. 658).

³ Например: «В обширной монографии пишущего эти строки «Царица Прасковья» (СПб., 1861) – личность эта обрисована возможно полно и всесторонне по подлинным, неизданным до того времени документам». (РС. 1872. Т. 6. С. 563); или в примечании к статье о партизане А. Н. Сеславине: «статья наша о нем в «Отечественных записках» 1860 г. внесла, хотя несколько новых данных в неизвестную еще историю в высшей степени своеобразной жизни героя» (РС. 1873. Т. 8. С. 415).

⁴ **Черков С. В.** Разработка правил издания исторических источников Археографической комиссией в XIX – начале XX в. // АЕ за 1985 г. М., 1987. С. 107 – 112.

летописи, грамоты и документы официального происхождения. Важным шагом в развитии эдиционной методики того времени было признание допустимым отличий в издательских приемах в отношении повествовательных источников в зависимости от требований историков и филологов.

М. И. Семеvский как член Археографической комиссии был свидетелем и непосредственным участником этой работы, и его взгляды на приемы публикации источников развивались в том же русле, в каком протекали тенденции эволюции эдиционной археографии в этом научном учреждении страны. Его увлечения дипломатикой были отражены в издании грамот XVII в., подаренных им Археографической комиссии, а также в издании по поручению комиссии «Списков иерархов и настоятелей монастырей российской церкви», составленных П. М. Строевым (СПб., 1877).

Следовательно, эдиционные приемы, принятые в «Русской старине» не были случайны. Но разнородность публикуемого материала создавала внешний «разнобой» в приемах публикации. Можно выделить три направления археографических приемов издания, используемых в журнале, в отношении: а) официальных документов, б) материалов личного происхождения (мемуары, письма), в) литературных материалов. Важно заметить, что все виды письменных документов М. И. Семеvский оценивал как полноценные именно исторические источники. Примечательно в этом плане его рассуждения о мемуарах М. И. Глинки: «Издавая теперь вполне «Записки», ... мы надеемся оказать услугу не только любителям, специально занимающимся музыкой, для которых это значение неоценимо, но и вообще содействовать уяснению того любопытного периода нашей недавней истории, который характеризуется таким необычайным развитием у нас художественного творчества. Этическая критика сделала свое дело: она выяснила художественное значение не только наиболее крупных созданий той эпохи, но, можно сказать без преувеличения, каждого лирического стихотворения Пушкина, каждого романа Глинки. Теперь наступает очередь критики исторической. Но только когда наша литература обогатится материалами вроде издаваемых теперь «Записок» Глинки для нас делается возможным действительно историческое суждение об эпохе, которая произвела Пушкина, Глинку, Лермонтова, Гоголя, т. е. все, чем мы гордимся в области литературы и искусства»¹.

¹ РС. 1870. 2-ое изд. Т. 1. 314 – 315.

По отношению к первому виду источников – документам М. И. Семевский старался применять эдичионные требования в полной мере (точное воспроизведение текста). В набросках к мемуарам по поводу одного из столкновений с начальником Главного управления по делам печати он заметил: «Если бы это был документ, то я бы не поступился, а прошел бы все инстанции и старался бы его отстоять»¹ (речь шла об издании мемуаров – О. К.). Если документ не проходил цензуру, редактор не стремился искать консенсус за счет вырезок в тексте – снимал публикацию полностью. Тот же подход прослеживался и в отношении к литературным материалам, важно было обнародовать все исправления, дополнения, варианты, черновики. Описывая архив К. Ф. Рылеева, заметил: «Здесь в самом поэтическом хаосе, нередко с чудовищно-неразборчивыми пометками, небрежною рукою поэта набросаны – то цельная «Дума», то отрывки из них, то отдельные строки и слова – варианты написанного, заметки, эпиграммы и прочие мелочи. Просматривая эти бумаги, видишь весь процесс работы даровитого писателя»². Литературные памятники М. И. Семевский издавал с особым вниманием к поправкам, воспроизведению зачеркнутых фраз и слов. Примером может служить издание черновых материалов пятой главы «Евгения Онегина и пьесы Н. А. Островского «Банкрот»»³.

Иначе он поступал с материалами личного происхождения. Здесь прослеживается два приема. Когда автора уже не было в живых – М. И. Семевский относился к мемуарам как к документам и, если вырезки искажали суть и дух мемуаров, он снимал публикацию. В частности, в связи с публикацией мемуаров А. М. Тургенева писал: «К сожалению, первые по времени и «обязательные» читатели (цензоры – О. К.) нашего издания в те четверо суток, когда книга еще неведома нашим подписчикам, находят рассказы А. М. Тургенева не вполне удобными к печати... Ну, за всем тем, нельзя – так нельзя, – подождем...»⁴. Если автор был жив – М. И. Семевский с согласия автора вносил изменения в текст, таким образом используя подходы редакции литературного журнала, когда для проведения статьи через цензуру текст сочинений иногда существенно перерабатывался. Допустим ли такой прием для исторического издания? На этот вопрос можно ответить утвердительно. Даже в конце XX в. в археографии не

¹ ИРЛИ. Ф. 274, д. 16, л. 512 об – 513.

² РС. 1871. Т. 3. С. 64.

³ РС. 1878. Т. 23. С. 217; 1891. Т. 61. С. 149 – 175.

⁴ РС. 1889. Т. 64. С. 848.

сложилось определенного понимания в вопросе, что считать археографической публикацией в отношении материалов современности¹. Как правило их не причисляли к научным изданиям и оценивали как текущие публикации. Но в таком случае, следует поставить вопрос, в какой мере «Русская старина» может быть отнесена к публицистическим или, в значительной мере, к политическим изданиям. По определению Е. М. Добрушина «археографическая публикация» обязательно содержит в себе информацию о самом документе и о методах его публикации, в первую очередь таких составляющих как заголовок и легенда². При создании современных мемуаров М. И. Семевский соблюдал указанные правила, достаточно сослаться на публикацию мемуаров Н. И. Пирогова, но именно этот вид источника подвергался наиболее жестокой редакторской правке. Но и здесь М. И. Семевский действовал в рамках существующей эдичионной культуры. Например, В. О. Ключевский считал, что «половина XVI в. не слишком глубокая старина в истории нашей письменности», поэтому нет оснований считать документы этой эпохи «археологической редкостью», но только в таковой «дорожат целостностью формы, потому что, разрушив эту форму, уничтожив в ней какую-нибудь подробность, уничтожат и самый исторический факт, представляемый редкостью»³. Издавая материалы XVIII – XIX вв. М. И. Семевский был свободен от сохранения формы источника. Тем не менее, сокращения, структурирование, передача текста по современной орфографии делались им или из соображений удобства пользования читателем, или по иным, внешним причинам. При этом использовались оба подхода, таковы были неизбежные условия журнальной публикации. Приведенные материалы показывают, что М. И. Семевский должен быть признан одним из тех, кто пытался перенести нормы археографических издательских правил для раритетов на повествовательные документы частного происхождения нового времени: XVIII – XIX вв. Учитывать это представляется необходимым для понимания объективной картины распространения знаний по археографии в русском обществе.

Несомненно, что редакционные примечания отражают научные, профессиональные и, в некоторых случаях, гражданские позиции М. И. Семевского, но лишь в той мере, в какой он считал возможным и

¹ Добрушин Е. М. О некоторых вопросах изучения терминологии и истории археографии // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 96 – 97.

² Добрушин Е. М. О некоторых вопросах изучения ... С. 99.

³ Ключевский В. О. Ответы и отзывы. Третий сборник статей. М., 1914. Ст. 1315.

необходимым представить их читающей публике. Все, что он декларировал со страниц своего издания, не расходилось с его убеждениями, даже если примечания были сделаны из соображений оградить публикуемый источник от цензурных вырезок.

§ 3 Полиграфическое оформление журнала. Иллюстрации

«Русская старина» отличалась от журналов своего времени некоторыми приемами оформления. Журнал, по мнению М. И. Семевского, должен быть удобен для массового читателя. В рецензии на первый выпуск «Живой старины», выходившей под редакцией В. И. Ламанского, он особо обратил внимание на то, что «печатать [необходимо – О. К.] более крупным шрифтом, а отнюдь не таким слепым, каким напечатан почти весь первый выпуск; нумерация страниц каждого выпуска не должна разбиваться, как нам кажется, на отделы, а идти сквозь всю книгу; для удобства справок в сборнике надо употреблять постраничные заголовки»¹. Этим правилам М. И. Семевский следовал при издании «Русской старины». Журнал печатался в печати В. Головнина в 1870 – 1872 г., а с 1873 г. и до конца редакторства М. И. Семевского – в типографии В. С. Балашова. Употреблялись различные сорта бумаги: дешевые для публики и дорогие для именитых подписчиков.

Одной из особенностей «Русской старины» было регулярное помещение иллюстраций в приложении к ежемесячным номерам журнала. В редакционном обзоре 1882 г. М. И. Семевский с гордостью отмечал, что ему «принадлежит почин в постоянном украшении книг исторических сборников портретами и рисунками, исполненными, по возможности, с лучших оригиналов и резцом лучших гравиров», и что «того же обычая, нами установленного и с нашей легкой руки стали придерживаться многие исторические издания»². Приложение иллюстраций он считал подарком для читателей, причем всегда подчеркивал, что «такой подарок обходится очень дорого»³.

М. И. Семевский уверял, что приступил к иллюстрированию журнала случайно, в силу обстоятельств. Тем не менее, в его выборе портретируемых прослеживается определенная закономерность, наличие программы. В ГМПИР хранится альбом в кожаном переплете

¹ Семевский М. И. Рец. на кн.: Живая старина: Периодическое издание Отделения этнографии Императорского русского географического общества / под ред. В. И. Ламанского. Вып. 1. СПб., 1890 // РС. 1890. № 11. Обложка.

² РС. 1882. Т. 36. С. 751 – 752.

³ РС. 1883. Т. 40. С. 752 – 753.

коричневого цвета с золотым тиснением названия и золотым обрезом: иллюстрации «Русской старины»¹. В альбоме наклеены гравюры из журнала, по 2 на странице (4 на развороте листа). Они подобраны по темам: государственные деятели, военачальники, деятели церкви, писатели, художники, отдельно – портреты дам, «служащих украшением общества». Во многих случаях пропущены листы, не заполнены места. В целом, складывается впечатление, что М. И. Семевский стремился создать некий обязательный минимум иконографии отечественной истории, своего рода портретную галерею.

В первое десятилетие иллюстрации в основном выполнял академик Л. А. Серяков. М. И. Семевский вспоминал, что «познакомился с Лаврентием Авксентьевичем в 1870 г., при самом начале издания «Русской старины». Вовсе не предполагал первоначально прилагать к нашему изданию какие-либо гравюры, так как при малой подписной цене на журнал это довольно затруднительно». И далее он отметил, что «увлекшись дарованием и художественностью в выполнении» гравюр решил на помещение их в журнале². Немаловажным фактом было и то, что вскоре их связала самая искренняя дружба. Л. А. Серяков работал в редкой технике – гравюре по дереву. Для журнала им было выполнено 48 портретов и художественная обложка. В память о друге и сотруднике М. И. Семевский в 1888 г. издал отдельной книгой все работы Л. А. Серякова³.

После Л. А. Серякова в журнале сотрудничали его ученики: граверы по дереву Г. И. Грачев, В. В. Матэ, И. И. Матюшин; по меди – академик И. И. Пожалостин, Ф. И. Веревкин, Ф. А. Меркон, А. О. Шейман. Гелиогравюры выполнял художник Г. Н. Скамони, фототипии – В. И. Классен⁴. Кроме того, некоторые портреты были

¹ ГМПИР. Ф. 14, ед. хр. 4842: «Русская старина» в гравюрах, ею изданных. 1870 – 1882. Т. 1, л. 1 – 37.

² Русские деятели в портретах, гравированных академиком Лаврентием Серяковым / изд. редакции журнала «Русская старина». СПб., 1882. С. 7. – Работы Л. А. Серякова М. И. Семевский ценил «как источник возрождения отечественного стиля» (РС. 1872. Т. 3. С. 114). Сводные издания под названием «Русские деятели в портретах» стали для журнала традицией. Всего было выпущено 5 сборников (включая собрание работ Л. А. Серякова), в которые включено 139 портретов.

³ Портрет С. М. Соловьева – последняя работа художника для журнала, которую закончил его ученик И. Матюшин.

⁴ Русские деятели в портретах, изданных редакцией исторического журнала «Русская старина». 3 собр. СПб., 1889. С. V – VII; Русские деятели в портретах, 350

выполнены К. О. Брожем, В. И. Якоби, Н. К. Брезе, В. С. Шпаком, П. Ф. Борелем¹. Иногда М. И. Семевский покупал уже готовые тиражи. Так в 1872 г. им была приобретена гравюра Петр I, выполненная с портрета Риго (1717 г.), копия – художником А. Лебедевым, гравер – Гретбач, которая печаталась по заказу Н. Г. Устрялова к пятому тому его труда «История царствования Петра Великого». «Редакция „Русской старины“, – писал М. И. Семевский, – не останавливаясь перед расходами, приобрела у наследников покойного весь, присланный из Лондона, заказ этой гравюры»².

Художники, работавшие для журнала, были профессионалами высокого уровня. Не менее требователен М. И. Семевский был и к технике воспроизведения гравюр. Отдельные тиражи были напечатаны в типографии В. С. Балашова³, в печатне В. И. Головнина⁴, где печатался сам журнал, и в литографии Н. Брезе⁵, заведении Шерер и К^о в Москве. Последняя была известна высоким качеством работ в технике фототипии, в ней, в частности, было напечатано известное издание портретов Д. А. Ровинского⁶. Некоторые гравюры печатались за границей: в литографии Лемерсье и К^о в Париже, у Брокгауза в Лейпциге⁷. Подавляющее большинство иллюстраций напечатаны в художественном отделении Экспедиции заготовления государственных бумаг.

Экспедиция занималась издательской деятельностью и наряду с массовой книгой выпускала уникальные библиофильские и подарочные издания, отличающиеся высоким качеством художественного оформления и полиграфического исполнения⁸. Во главе отделения

изданных редакцией исторического журнала «Русская старина». 2 собр. СПб., 1886. С. VI – VIII.

¹ Знакомые. Альбом М. И. Семевского... С. 92. Портрет Бирона (РС. 1871. Т. 3. С. 540); портрет А. С. Пушкина с акварели П. Ф. Соколова (РС. 1884. № 3. С. 664).

² Семевский М. И. О портрете Петра Великого // РС. 1872. Т. 3. С. 115.

³ Большая Садовая, д. 49, кв. 2.

⁴ Владимирская, д. 5, кв. 3.

⁵ Средняя Подъяческая, д. 4.

⁶ Ровинский Д. А. Подробный словарь гравировальных портретов. Т. 1 – 4. СПб., 1886 – 1889.

⁷ Систематическая роспись содержания... 1870 – 1884 г. СПб., 1885. С. 191, 193, 197, 201.

⁸ Тараканова О. Л., Грачева Н. С. Издания Экспедиции заготовления государственных бумаг – подарок для библиофила и предмет антиквариата

стоял художник Г. Н. Скамони, который сумел усовершенствовать технику гелиографии, фотогальвотипии и др., что позволило довести изображения до совершенства. М. И. Семевский представлял читателям журнала технические достижения полиграфии. М. И. Семевский неоднократно рассказывал на страницах журнала историю и технологический процесс гелиографии, особо подчеркивая заслуги Г. Н. Скамони в этой области¹.

Методом гелиографии было выполнено более 20 портретов, в частности, графа А. А. Аракчеева с гравюры Н. И. Утина (1876. Т. 17), Екатерины I (1880. Т. 28); императрицы Елизаветы Алексеевны (1884. Т. 41), вел. кн. Константина Николаевича, с фотографии, выполненной в Экспедиции в 1876 г. (1884. Т. 41). Известный групповой портрет писателей (март 1856 г.) – И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой, А. Н. Островский, Д. В. Григорович, А. В. Дружинин был воспроизведен с фотографии С. Л. Левицкого способом фотогальвотипической реконструкции. По поводу этого портрета М. И. Семевский писал: «Воспроизведенный этим способом портрет..., который редакция рассылает... в подарок своим читателям, замечателен тем, что не только изображает с необыкновенной точностью малейшие черты фотографии, снятой двадцать четыре года тому назад, но при этом, имея вид совершенной фотографии, никогда ни от света, ни от времени, не меняется и не желтеет»². И далее заметил, что способ имеет два существенных недостатка – требует много времени и дорог. Метод гелиографии позволил познакомить публику с факсимиле рукописей и автографами более чем 20 исторических личностей, среди которых преобладали писатели³.

Экспедиция заготовления государственных бумаг придавала большое значение сортам бумаги, что существенно влияло на эстетику книги. Для литографий предпочитали выбирать высококачественные дорогостоящие сорта, отлитые ручным способом. Неудивитель-

та // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства: мат. VIII Междунар. науч. конф. СПб., 2001. С. 28 – 35.

¹ **Семевский М. И.** Способ воспроизведения на металле гравюр и рисунков: гелиография // РС. 1876. Т. 15. С. 468 – 470; Он же. Художественное отделение в экспедиции заготовления государственных бумаг: (1864 – 1880) // РС. 1880. Т. 27. С. 872 – 876.

² РС. 1880. Т. 27. С. 875.

³ Петр I, Екатерина II, Е. А. Баратынский, А. Т. Болотов, М. И. Глинка, Н. В. Гоголь, кн. М. И. Голенищев-Кутузов, А. С. Грибоедов, А. А. Дельвиг, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, В. К. Кюхельбекер, В. Ф. Одоевский, П. А. Плетнев, кн. Г. А. Потемкин-Таврический, А. С. Пушкин.

но, что отдельные оттиски гравюр и литографий из «Русской старины» представляют ценность для коллекционеров и входят в коллекции иконографии, например, таких собраний как Литературного музея ИРЛИ, ГМПИР.

Воспользоваться услугами Экспедиции заготовления государственных бумаг могли в те годы все желающие, но услуги эти были недешевы. М. И. Семевский, несмотря на свою прижимистость, шел на расход, создавая даже не книгу, а журнал, чтобы издание радовало не только содержанием, но и эстетикой оформления. Расход бессмысленный, по мнению многих издателей тех лет, поскольку в России, как известно, журналы зачитывались до дыр, до полного физического уничтожения.

Делались попытки использовать в «Русской старине» цветную литографию. Таковыми были портреты царицы Прасковьи (1882. Т. 36), Н. В. Гоголя с портрета А. А. Иванова (1878. Т. 22), А. С. Пушкина (1884. Т. 41). По поводу портрета М. Ю. Лермонтова редактор заметил, что это портрет, «писанный с натуры красками, в сентябре 1839 г. живописцем Клиндером и отпечатанный по заказу редакции «Русской старины» у Лемерсье в Париже, хромолитографически, т. е. красками же»¹. Однако эта техника была несовершенна: краски сохли долго, портреты слипались с папиросной бумагой, которой непременно прокладывали иллюстрации. М. И. Семевский предпочел более практичный способ, хотя искушение было велико.

Во второе десятилетие издания М. И. Семевский начинает активнее помещать более разнообразный иллюстративный материал – изображения местности, о которой идет речь в мемуарах, медалей, памятников, карты². С 1891 г. журнал украшали виньетки работы Л. А. Серякова. М. И. Семевский по мере сил и возможностей старался помещать иллюстрации, разъясняющие содержание печатаемого материала. В примечании к плану «Ачинской бухты и Петропавловского порта на Камчатке» заметил, что печатает его «для того, чтобы рассказ А. П. Арбузова об отражении... был яснее»³. План дополнял статью контр-адмирала А. П. Арбузова «Оборона Петропавловского порта в 1854 г. против англо-французской эскадры».

¹ Систематическая роспись... 1870 – 1884 г. С. 197.

² За 1870 – 1884 гг. помещено: рисунков – 26, чертежей и планов – 11.

³ РС. 1870. Т. 1. С. 313.

Художественная и полиграфическая сторона в выборе иллюстративного материала не превалировала над исторической достоверностью изображения. По поводу работ И. П. Пожалостина он писал: «Произведения, могущие соперничать с наилучшими европейскими произведениями этого рода. Помимо мягкости резца, мастерского расположения бликов, света и теней и других достоинств техники гравирования, портреты Пожалостина, при совершенном сходстве, отличаются, так сказать, «национальным» характером – для иностранных художников неувимым. Русский тип, особенности одевания, детали священнических облачений: панагии, наперсные кресты и т. д., а также военные мундиры, эполеты, ордена и проч. На портретах русских деятелей, гравированных за границею, никогда не бывают изображены безукоризненно верно: в большинстве случаев они грешат против правды и отличаются произвольными прикрасами. Талант нашего гравера проявляется в каждой складочке одежды, в каждой морщинке лиц его портретов»¹.

М. И. Семевский стремился выбирать портреты, которые, по мнению современников, отличались схожестью с оригиналом, были выполнены с натуры. Так о портрете Е. Р. Дашковой, воспроизведенного для журнала с гравюры И. Майера, заметил, сославшись на мнение Д. А. Ровинского, что это «самый лучший и похожий портрет Дашковой»². По поводу портрета Елизаветы Петровны с гравюры Е. Чемизова (оригинал Ротари) – «это самый похожий портрет императрицы, по свидетельству ее современника Штелина», также со ссылкой на Д. А. Ровинского³. Убеждение, что изображение может и должно служить историческим источником было основополагающим не только при выборе художника, но и прототипа для гравюр. В изображении императорский семьи, военачальников, сановников преобладали портреты репрезентативные, но писателей, актеров и прочих М. И. Семевский стремился представить «домашним» портретом, передать образ человека в частной жизни, где наиболее ярко проявлялась его индивидуальность, склад характера. Так для портрета А. С. Пушкина была избрана акварель работы художника П. Ф. Соколова, выполненная в 1836 г. и подаренная А. О. Россет, от нее пере-

¹ Труды и жизнь академика-гравера Ивана Петровича Пожалостина // РС. 1881. Т. 31. С. 569.

² Систематическая роспись... 1870 – 1884 г. С. 194; **Ровинский Д. А.** Подробный словарь... Т. 1 С. 553.

³ Систематическая роспись... 1870 – 1884 г. С. 195; **Ровинский Д. А.** Подробный словарь... Т. 1 С. 794 – 795.

шедшая к П. Н. Батюшкову. П. Н. Батюшков был корреспондентом «Русской старины», и предоставил возможность художнику Н. К. Брезе воспроизвести портрет в литографированном виде¹. Основой для литографии с портрета М. И. Глинки стала работа П. А. Степанова². Портрет домоправительницы гр. Аракчеева Настасьи Минкиной был предоставлен Д. Философовым, помещиком Псковской губернии Новоржевского уезда. Находясь в Грузии, поместьи Аракчеевых, он купил портрет, выброшенный в кучерскую³. О портрете К. В. Чевкина заметил, что гравюра выполнена с живописного портрета, писанного академиком Тюриным и указанного редактору «Русской старины» для снимка покойным В. К. Чевкиным⁴. М. И. Семевский сообщал читателям не только имена художников, но и историю создания гравюр и их прототипов. Непременно сообщал и методику работы. Так, например, отметил, что портрет Д. В. Волкова, был предварительно сфотографирован С. Л. Левицким и увеличен настолько, насколько это было нужно для гравюры⁵. Он делал читателей соучастниками создания портретной галереи «Русской старины».

Таким образом, наблюдается тенденция превращения «Русской старины» в полновесное иллюстрированное историческое издание, но в полной мере эволюция не могла быть завершена по причине удорожания издания, и как следствие, угрозы сокращения числа подписчиков.

§ 4. Библиография на страницах журнала

Во второй половине XIX в. в обществе проявился повышенный интерес к библиографии: начинается обсуждение теоретических вопросов, зарождаются все виды практической библиографии, впервые появляются рекомендательные указатели, возникают библиографические журналы, библиографическое общество – реакция вполне закономерная, учитывая огромный рост издательской продукции⁶. Во второй половине XIX в. в связи с оживлением общественной жизни библиография впервые и, возможно как никогда, использовалась для идеологического воздействия. Библиографические отделы в журна-

¹ РС. 1881. Т. 44. С. 664.

² РС. 1874. Т. 9. С. 725.

³ РС. 1884. Т. 41. С. 668.

⁴ Систематическая роспись... 1870 – 1884 г. С. 201.

⁵ РС. 1884. Т. 9. С. 1.

⁶ В 1860 г. вышло 2 085 неперiodических изданий, в 1880 г. – 10 562. (Книговедение: Энциклопедический словарь. М., 1982. С. 195).

лах, особенно в «Современнике», служили трибуной для выражения общественно-политических и литературно-эстетических воззрений. В критических заметках о книгах (библиография в те годы воспринималась как направление книговедения) ставились и обсуждались такие проблемы, которые невозможно было затронуть в основных разделах журнала. Но, несмотря на общественный интерес, разработки в области практической библиографии были в эти годы уделом одиночек¹. К их числу следует отнести и М. И. Семевского.

В последние годы в многочисленных трудах по истории библиографии освещены начинания книжников по созданию системы информации о выходящих изданиях, но о деятельности М. И. Семевского в этой области нет даже упоминаний. Сошлемся на монографию В. О. Осипова о книготорговой библиографии, где среди 37 имен издателей, печатавших книготорговые (рекламные) каталоги, упомянуты не только «киты» книжной торговли – М. О. Вольф, А. С. Суворин, Н. Д. Сытин и др., но и издатель журнала «Вестник Европы» М. М. Стасюлевич. Редактор «Русской старины» забыт². Только в работе И. Д. Парфенова указано, что в 1894 – 1896 гг. в «Русской старине» печатались материалы по текущей библиографии, оцененные автором как неполноценные списки книг по истории³. Впрочем, этот факт лежит за временными рамками редакторства М. И. Семевского. Вместе с тем, в его журнале, начиная с первого года издания, сложился оригинальный библиографический отдел, изучение которого может пополнить историю библиографии и, что более важно, дать ценный материал для биографии М. И. Семевского.

М. И. Семевский был причастен ко многим начинаниям практической библиографии. Еще в молодости он примыкал к кружку организаторов одного из первых специализированных историко-библиографических журналов – «Библиографические записки». В те же годы был близко знаком с наиболее крупными библиографами своего времени: А. Н. Афанасьевым, Г. Н. Геннади, М. Д. Хмыровым, М. Н. Лонгиновым, А. Н. Неустровым. Участвуя в деятельности Комитета Грамотности при Вольном экономическом обществе, он, вероятно, принимал участие или был непосредственным свидетелем создания первого рекомендательного списка «Книг для школ и

¹ Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX в. 3-е изд. М., 1955. С. 418.

² Осипов В. О. Русская книготорговая библиография до начала XX в. М., 1983. С. 200.

³ Парфенов И. Д. Основы исторической библиографии. М., 1990. С. 38.

народного обучения» и деятельности первых в России библиографических организаций при том же комитете – Комиссии экспертов и Комиссии по одобрению книг, организованных Ф. Г. Толем, с которым был близко знаком. И, несомненно, он обменивался суждениями с В. И. Водовозовым, который в 1868 – 1870 гг. опубликовал обстоятельный труд «Обзор книг и руководств для общего образования» в журнале «Отечественные записки», обобщив опыт всех предшествующих начинаний, предпринятых в этом направлении, и тем самым заложил основу для развития рекомендательной библиографии¹. Закономерно, что М. И. Семевский придавал большое значение библиографии в деле пропаганды книги. «Действительно, – писал он в 1887 г., – с каждым годом эта литература (историческая – О. К.) обогащается трудами, нередко весьма замечательными, по поводу которых могут и должны бы появиться критические монографии...»².

Наличие библиографического отдела в специальных журналах М. И. Семевский считал обязательным и ввел его в «Русскую старину». Эту позицию он отстаивал всегда. Так в рецензии на выход нового журнала «Живая старина» в 1890 г. писал, что «особенно необходимый отдел критики и библиографии, судя по первому выпуску, будет предоставлен в этом издании вполне хорошо; да и не мудрено, так как под сенью Императорского Русского Географического общества имеются лица весьма сведущие в области этнографии и всех научных вопросов, к ней относящихся, из которых некоторые, каковы Веселовский, Ламанский, Л. Майков, А. Пыпин, Соболевский и др., представляют собой авторитеты в помянутой области знания»³. По мнению М. И. Семевского, важно, чтобы рецензентами были специалисты своего дела, способные оценить научную значимость книги.

Анализ редакционных отчетов, помещенных в «Русской старине», показывает, что М. И. Семевский имел четкую программу в отношении своего «библиографического листка»:

1. Предполагалось давать рецензии на «книги и издания, имеющие значение и интерес в области исторических наук в обширном

¹ Здобнов Н. В. История русской библиографии... С. 11.

² [Семевский М. И.] «Русская старина» в издании 1887 г. Восемнадцатый год издания // РС. 1887. Т. 56. С. 882.

³ РС. 1890. Т. 68. № 11. Обложка.

смысле этого слова»¹ (в разных отчетах упоминаются: история, археография, археология, география, этнография, нумизматика, словесность)²;

2. «Давать место рецензиям и заметкам лицам, специально изучавшим свой предмет и имеющим полный авторитет в науке русской истории»³;

3. «Обращать внимание читающего общества именно на издания в каком-либо отношении особенно замечательные»⁴.

М. И. Семевский постоянно сетовал, что отдел мал по объему. «Ни место, ни программа нашего журнала не позволяют нам вдаваться в критические обозрения вновь выходящих трудов, — отмечал он в 1888 г. — Это задача научно-литературных и специально критикобиблиографических изданий, которые и выполняют свое дело»⁵. Однако всегда подчеркивал, что библиографический листок журнала чрезвычайно полезен⁶.

Приступив к изданию собственного журнала, М. И. Семевский активно начинает заниматься библиографией, пишет рецензии и фактически сам ведет дело организации библиографического листка. До издания «Русской старины» он выступал с рецензиями сравнительно редко (известно не более 10 за 1860 – 1870-е гг.), почти не печатался в специализированных изданиях, как правило, помещал свои заметки в газетах «Голос» и «Санкт-Петербургские ведомости» в бытность редакторства А. А. Краевского⁷. В 1877 г. он баллотируется в Городскую Думу. Обязанности гласного дались ему нелегко, что ощутимо отразилось именно на характере библиографической информации, помещаемой на страницах журнала. Он вынужден был отказаться от составления заметок и заменить рецензии перечнем книг, изданных в России за 1870 – 1878 гг.⁸.

¹ [Семевский М. И.] «Русская старина» в 1884 г. Пятнадцатый год издания // РС. 1884. Т. 44. С. 651.

² РС. 1878. Т. 23. С. 768; 1882. Т. 34. С. 733; 1889. Т. 64. С. 868.

³ [Семевский М. И.] «Русская старина» в 1884 г. Тринадцатый год издания // РС. 1882. Т. 36. С. 733.

⁴ [Семевский М. И.] «Русская старина» в издании 1889 г. Двадцатый год издания // РС. 1889. Т. 64. С. 868.

⁵ [Семевский М. И.] «Русская старина» в издании 1888 г. Девятнадцатый год издания // РС. 1888. Т. 60. С. 791.

⁶ РС. 1882. Т. 34. С. 733; 1884. Т. 44. С. 651.

⁷ Тимощук В. В. Михаил Иванович Семевский... Приложение. С. 74 – 81.

⁸ [Семевский М. И.] «Русская старина» в 1877 г. // РС. 1877. Т. 20. С. 731.

В 1878 г. отдел перешел в ведение В. С. Иконникова. В. С. Иконников (1841 – 1923) ко времени приглашения в «Русскую старину» был известной фигурой в научном мире. Представляя его читающей публике, М. И. Семевский счел необходимым отметить не только то, что он профессор русской истории Киевского университета, но и то, что он известен «несколькими весьма значительными трудами в области как допетровской, так и новейшей отечественной истории»¹. Кроме того, он, безусловно, был специалистом в области библиографии. С середины 1870-х гг. постоянно выступал как рецензент, давал обозрения текущей исторической литературы во многих периодических изданиях: «Университетских известиях», «Древней и новой России», «Сборнике государственных знаний», издавал ежегодные библиографические обзоры исторической литературы. Научная позиция В. С. Иконникова была близка М. И. Семевскому. Стараясь быть «беспристрастным», он считал необходимым сообщать читателю «все» факты, не выделяя среди них ни главные, ни второстепенные. Именно по такому принципу он строил свой основной труд «Опыт русской историографии»². Выбор М. И. Семевского мог быть предопределен и схожестью убеждений обоих. В молодости В. С. Иконников интересовался политикой, «чутко переживал русскую современность, имел определенные симпатии и антипатии и являлся строгим критиком всего того, что считал злом русской жизни»³. И в зрелые годы ему был свойственен «либеральный дух», что проявлялось, в широкой общественной и просветительской деятельности⁴. Неудивительно, что М. И. Семевский пригласил в «Русскую старину» вести библиографический листок именно В. С. Иконникова.

Но с 1889 г., по неизвестным для нас причинам, он не смог в нужном объеме поставлять рецензии и М. И. Семевский вновь берет на себя руководство этой рубрикой. Кроме того, он всегда привлекал к сотрудничеству специалистов по самым разнообразным вопросам, как авторы рецензий выступали: А. П. Берже (12), Н. О. Костомаров (5), О. Ф. Миллер (4), В. И. Семевский (2), Н. П. Дуров (1), Н. К. Шильдер (1), А. Ф. Кони (1), В. В. Стасов (1), М. М. Венюков

¹ [Семевский М. И.] «Русская старина» в издании 1878 г. // РС. 1878. Т. 23. С. 768.

² Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983. С. 93.

³ Платонов С. Ф. Владимир Степанович Иконников // Анналы. 1924. № 4. С. 256.

⁴ Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии... С. 52 – 53.

(1) (в скобках указано количество рецензий – О. К.) Это были редкие вкрапления, но они придавали журналу вес.

Заявленная редактором программа относительно тематики рецензируемой литературы в целом выдерживалась (Приложение 1, табл. 4). Рецензировались книги, относящиеся к исторической науке в широком понимании слова без явного предпочтения какой-либо из обозначенных тем, за исключением публикации источников (16,2%). Им в выборе рецензируемой литература явно отдавалось предпочтение, возможно, это было связано с тем, что во второй половине XIX в. начинается активная публикация архивных материалов. Сравнительно мало (6,2%) рецензировалось изданий по литературе, хотя на страницах журнала материалы о русских писателях представлены достаточно широко, например о А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове, К. Ф. Рылееве и др. М. И. Семевский сами «сырые» материалы относил к историческим источникам, и потому широко представлял на страницах журнала, но задача рецензировать издания этого направления, по его мнению, принадлежала учено-литературным журналам.

Выбор рецензируемых в журнале изданий определяли М. И. Семевский и ведущий отдела В. С. Иконников. В. С. Иконников в рецензиях не выходил за рамки научной рецензии, представлял книгу по содержанию и научной значимости, определял ее место в исторической науке. Достоинством обзоров, по мнению И. Н. Коблеца, была систематичность и большой хронологический охват литературы¹. Рецензии М. И. Семевского не вписывались в рамки отраслевой библиографии.

Как библиограф М. И. Семевский известен благодаря изданию журнала. В «Русской старине» он опубликовал около 200 рецензий, наибольшее число в начальный и завершающий периоды своей редакционной деятельности (с 1870 по 1876 гг. и с 1889 по 1891 гг.). Многие из них не подписаны, их можно приписать М. И. Семевскому только по стилю написания, характерным оборотам речи и приемам изложения². Совокупность материала позволяет выявить методы,

¹ Кобленц И. Н. Историческая библиография // Очерки истории исторической науки в СССР. В 4 т. Т. 2. М., 1960. С. 683 – 693.

² В качестве примера приведем ряд высказываний: «Книжечка небесполезная и напечатана с любовью к книгам» (РС. 1890. № 9. Обложка); «очень полезная брошюра» (РС. 1891. № 9. Обложка); «изящно изданная книжечка» (РС. 1890. № 5. Обложка); «книга большого интереса, она всеконечно займет место в каждой сколько-нибудь порядочной библиотеке» (РС. 1889. № 2. Обложка); «полезный и интересный труд» (РС. 1887. № 4. Обложка); «вполне полезные книги» (РС. 360

приемы, правила, которыми он руководствовался при составлении рецензий.

Принцип отбора рецензируемой им литературы М. И. Семевский определил следующим образом: «мы имеем вообще обыкновение говорить только о книгах хороших и постоянно сожалеть, что еще много из хорошего, остается без нашего отзыва, т. к. ни место, ни время не позволяют нам давать отчет о всем, что доводится нам читать по нашей отечественной современной литературе в области как истории так и словесности»¹. Этот патриархальный подход («что нам довелось читать хорошего» – здесь он имел в виду себя) проявился однажды в том, что М. И. Семевский напечатал рецензию на книгу, изданную шесть лет тому назад, обосновав свой выбор тем, что, «ныне, найдя ее в своей библиотеке, мы прочли ее с большим удовольствием. Живость, искренность, образность рассказа, разнообразие и интерес содержания – вот достоинства этой изящно изданной книжечки»².

Указанный принцип постепенно превратился для М. И. Семевского в основной, но в начале издательской деятельности он ориентировался на общепринятые традиции, сложившиеся в библиографии. В целом сочетание этих двух начал и определило достаточно устойчивую систему выбора книг для рецензирования:

1. Академические издания, издания Археографической комиссии, Русского исторического общества, а также публикации материалов из фондов государственных архивов, т. е. издания предназначенные специалистам.

2. Книги, посвященные эпохе Петра I и реформам Александра II, как научные, так и популярные.

3. Издания, важные для самообразования, как правило, антологии, сборники, биографии, сочинения русских писателей; сюда следует отнести и книги для полезного досуга: путевые заметки, описания путешествий и пр.³

1889. № 7. Обложка); «в высшей степени обстоятельный труд» (РС. 1880. № 5. Обложка); «сборник представляет приятное явление» (РС. 1890. № 9. Обложка); «это в высокой степени почтенный труд», «труд весьма серьезного значения» (РС. 1891. № 5. Обложка)

¹ [Семевский М. И.] «Русская старина» в издании 1889 г. Двадцатый год издания // РС. 1889. Т. 64. С. 868.

² Семевский М. И. Рец. на кн.: Верещагин В. В. Очерки, наброски, воспоминания. СПб., 1883 // РС. 1889. № 8. Обложка.

³ К подобного рода литературе М. И. Семевский питал слабость, в его библиотеке был выделен специальный отдел «географии».

4. Педагогическая литература, в первую очередь, посвященная прогрессивным методам обучения в народной и профессиональной школах.

Однако строго очерченного круга ни по тематике, ни по уровню подачи материала для М. И. Семевского не существовало. Он мог поместить рецензию на любую, привлекающую его внимание книгу. В частности, из-за болезни брата Жоржа, он долгие годы вынужден был интересоваться медициной, курортным лечением, и в «Русской старине» встречаются рецензии на книги подобного содержания¹.

Первый номер журнала, который во многом был программным и по структуре и по содержанию, содержал только рецензии М. И. Семевского: на I том «Архива Государственного Совета» (СПб., 1869), 4-й том «Сборника Русского исторического общества» (СПб., 1869) и сборник «Русская историческая библиография» (6-й год издания. 1860 г. СПб., 1869). Все рецензии были выдержаны в духе строгой научности, раскрывалось содержание изданий и их значение для исторической науки. В последующем М. И. Семевский будет в той же манере рецензировать подобные издания, но с годами позволит себе высказывать собственное мнение о приемах издания, научном вкладе создателей труда с обязательным указанием имен и добавлением дифирамбов высоким покровителям, чьим патронатом обеспечено создание книги. Эти замечания раскрывают взгляды М. И. Семевского по вопросам археографии, архивного дела и организации работ по введению в научный оборот материалов государственных архивов. Заметим, что подобные высказывания относятся либо к раннему периоду, либо к последним годам жизни, возможно, в этом есть определенная закономерность. В первом случае молодой издатель стремился заявить о своей компетентности на избранном поприще, во втором, умудренный опытом человек считал возможным поучать. Например, в 1871 г. в рецензии на 6-й том «Сборника Русского исторического

¹ Примером может служить рец. на кн.: Н-н. А. Н. Крымские целебные минеральные грязи в деревне Саки и морские купания в городе Евпатории. Очерки. СПб., 1883. (РС. 1883 №10. Обложка). М. И. Семевский писал: «Это вполне изящно напечатанная и хорошо написанная книга признательного за исцеление пациента читается легко и с интересом. В небольшой литературе книг, относящихся до великолепной Тавриды, книга А. Н. Н-на представляет приятное явление. Не ограничиваясь подробным и живым изложением всего, что только может и должно заинтересовать и быть полезным лицу, отправляющемуся для лечения в Саки и Евпаторию, автор приводит указания и на прочие целебные богатства Крыма». В том же номере он поместил рец. на кн.: Лихачев. А. В. Самоубийство в западной Европе и Европейской России. СПб., 1883.

общества», отметив, что «Общество довольно быстро движется вперед по пути обнародования памятников новейшей отечественной истории», высказал, и достаточно категорично, замечания. Два из них касались научных комментариев, которые непременно, по его мнению, должны были присутствовать при публикации документов; кроме того, считал обязательным помещение предметного указателя¹. Рецензируя публикации архивных материалов, отмечал удачные, например, описание архива Морского министерства Ф. Ф. Веселаго: «Дело ведется чрезвычайно умело»²; резко критиковал низкий научный уровень других, в частности, неудачный каталог архива Департамента таможенных сборов: «Дело издания каталога ведется настолько затейливо, что это простая перепечатка имеющейся описи с совершенно бесполезными графами...»³. М. И. Семевский ратовал за разработку богатств ведомственных архивов, сетовал, что «сборники сырых материалов, каковые время от времени издают... центральные учреждения, извлекая таковые из своих архивов, весьма, впрочем, вяло, и выпуская их в свет с большими промежутками во времени, причем иногда даже прямо хоронят свои издания в собственных архивах. Это факт»⁴. Настаивал на участии ученых, на осуществлении руководства со стороны Археологического института в Санкт-Петербурге и привлечении сотрудников самих архивов к публикациям архивных сборников. «...Когда же, как ни теперь, – восклицал М. И. Семевский, имея в виду возможность организации широкой издательской деятельности государственных архивов, – когда во главе отдельных центральных управлений мы видим лиц или потрудившихся для науки, или обладающих высоким образовательным цензом»⁵.

Что касается до частных лиц, то М. И. Семевский приветствовал любые попытки придать гласности содержание собранных коллекций, настаивал, чтобы тираж был достаточный, каталоги доступны для широкой публики и чтобы соблюдались элементарные правила научного описания. Так по поводу выхода в свет каталога А. А. Титова отметил: «Владелец драгоценного собрания остановился на пре-

¹ РС. 1871. № 11. Обложка.

² РС. 1881. № 1. Обложка.

³ РС. 1889. № 7. Обложка.

⁴ РС. 1891. № 5. Обложка.

⁵ РС. 1889. № 7. Обложка. – Суждение, которое М. И. Семевский высказывал неоднократно (РС. 1875. № 1. Обложка; 1891. № 5. Обложка).

красной мысли, издать опись этого собрания», жаль, что в 100 экземплярах¹.

Отношение М. И. Семевского к библиографии проявилось и в оценке трудов библиографов. Он приветствовал на страницах своего журнала появление всех трудов по библиографии: «Русскую историческую библиографию» П. П. и В. П. Ламбиных², «Сибирскую библиографию» В. И. Межова³, труды Я. Ф. Березина-Ширяева⁴. Примечательно, что уже в первом номере своего журнала обратил внимание на назначение библиографии, в рецензии на труд Ламбиных, что «эта справочная книга, долженствующая быть настольною книгою у каждого, как занимающегося, так и вообще интересующегося отечественной историей»⁵. Через несколько лет, рецензируя новый выпуск библиографии Ламбиных, высказался в пользу академической системы составления библиографических трудов: «по своей серьезности и строгой систематичности, труд этот резко выделяется из прочих, с ним однородных, которые за последнее время будто изготавлялись в какой-то библиографической лаборатории, стали наводнять нашу литературу. С этими лабораторными трудами (в них особенно курьезны, помимо спешности и неполноты, грубые ошибки, отсутствие системы и пр. — малограмотные предисловия и два — три на целый том примечания...»⁶.

Своими выступлениями на страницах «Русской старины» он содействовал сохранению библиотеки М. Д. Хмырова.⁷ «Мы считаем

¹ РС. 1884. № 8. Обложка.

² Семевский М. И. Рец. на кн.: Ламбины П. П. и В. П. Русская историческая библиография. 1860. СПб., 1869. // РС. 1870. № 1. Обложка; Они же. Русская историческая библиография. 1861. СПб., 1870 // РС. 1871. № 1. Обложка; Они же. Русская историческая библиография. 1862. СПб., 1872 // РС. 1873 № 2. Обложка.

³ Семевский М. И. Рец. на кн.: Сибирская библиография: указатель книг о Сибири на русском языке за весь период книгопечатания. Т. 1. / сост. В. И. Межов; изд. И. М. Сибиряков. СПб., 1891 // РС. 1891. № 5. Обложка.

⁴ Семевский М. И. Рец. на кн.: Последние материалы для библиографии или описание книг, брошюр и портретов, русских и иностранных, находящихся в библиотеке Я. Ф. Березина-Ширяева, им самим составленное. СПб., 1884 // РС. 1885. № 2. Обложка.

⁵ РС. 1870. № 1. Обложка.

⁶ РС. 1873. № 2. Обложка.

⁷ М. И. Семевский стремится сохранить в памяти потомков облик М. Д. Хмырова. На страницах «Русской старины» были опубликованы: автобиография, список трудов (РС. 1873. Т. 7. С. 109 – 114) и проект М. Д. Хмырова о составлении «Энциклопедии отечествоведения». Н. С. Шубинский в предисловии к публикации писал, что «было бы искренне жаль, если бы мысль Хмырова умерла вместе 364

себя счастливыми, – писал он, – что наше пожелание о приобретении книгохранилища Хмырова каким-нибудь общественным учреждением не осталось напрасным: замечательное собрание брошюр (журнальных вырезок)¹ покойного вместе с его библиотекой по воле его императорского высочества Государя Наследника Цесаревича, приобретено именем его высочества»². М. И. Семевский сообщал читателям, что Хмыров «занимался собиранием и классификацией по отдельным предметам всего, что было когда-нибудь напечатано в периодических изданиях, начиная с 1755 г.», что в Историческом музее в Москве она получила название «хмыровской» и будет открыта для пользования желающих³. М. И. Семевский считал необходимым рассказывать читателям и о живых библиографах. Так, в рецензии на «Сибирскую библиографию» В. И. Межова сообщал год рождения, образование, сколько лет автор профессионально занимался библиографией и завершил рецензию примирительной сентенцией: «Некогда кое-кто любил вылавливать промахи и недостатки в трудах В. И. Межова; но не ошибается только тот, кто ничего не делает, ошибки неизбежны в такой колоссальной работе, которая, например, принята и выполнена В. И. Межовым...»⁴

Издания, посвященные эпохе Петра I и реформам Александра II находились под пристальным вниманием М. И. Семевского. Он давал рецензии на каждый вышедший из печати том «Писем и бумаг Петра Великого». Это были не рецензии, а панегирики Петру I, редактору издания А. Ф. Бычкову, графу Д. А. Толстому и изданию в целом. Приведем несколько обширных цитат:

«Дай, Господи, увидеть и все последующие томы этого сборника. Глубокая благодарность от всех любителей отечественной истории, как начинателю всего этого дела, гр. Д. А. Толстому, так и всем лицам, для монументального сего сборника потрудившимся. Издание

с ним...» (Проект М. Д. Хмырова составления и издания «настойной энциклопедии русского отечествоведения» // РС. 1873. Т. 7. С. 227).

¹ Московский исторический музей. От управления музея имени Государя Наследника цесаревича: 1) об учреждении музея и открытии действий его управления; 2) о приобретении библиотеки покойного М. Д. Хмырова (РС. 1873. Т. 7. С. 289 – 290).

² М. И. Семевский входил в число действительных членов Музея с января 1873 г – РНБ. Ф. 708, д. 911, л. 4.

³ РС. 1873. Т. 7. С. 290.

⁴ РС. 1891. № 1. Обложка.

мало сказать – изящно: оно роскошно в полном смысле слова и вполне достойно Великого Петра»¹.

«В это монументальное издание вошло, в два тома, 616 собственноручных или подписанных царем Петром документов... Вся семья птенцов великого государя, его сподвижники подъемятся в этих документах, а прежде всего в них обрисовывается сам гениальный преобразователь России. Что за энергия, что за разнообразная кипучая деятельность! Этот сборник, когда будет доведен до конца, составит лучшую историю Петра, а потому наши профессора и преподаватели положительно отныне на лекциях о Петре обращаться должны к этому сборнику и возможно близко знакомить с его содержанием своих слушателей и учеников. Пусть пред ними говорит сам царь Петр полными силы, лаконизма и разума письмами полными своеобразной остроты и веселости шутками. Редактор издания акад. А. Ф. Бычков, и издание это навсегда останется образцовым для всех собирателей, издателей-редакторов исторического материала. О том, что не только каждое слово Петра, но и каждая буква тщательно разобраны, не приходится и говорить, это, само собой разумеется, но и каждый документ сопровождается самыми обстоятельными примечаниями с введением в них множества драгоценных актов, состоящих в ответах царю Петру»².

Из приведенных текстов рецензий следует, что М. И. Семевский в зрелые годы изменил свое отношение к императору. Свойственное в молодости отторжение в духе славянофильства сменилось убеждением в гениальности преобразований Петра I. По текстам рецензий можно сделать еще одно важное наблюдение о взглядах М. И. Семевского. Приоритет всего русского, национальное самоуважение, о котором он говорил в молодости, является незыблемой составляющей его взглядов и в зрелые годы. «Русский человек» – это та дефиниция, которая используется им для определения значимости явления, события, человека. Устойчиво и даже навязчиво она используется с конца 1880-х гг. В частности: «притом Загоскин был чисто русский человек. Все это объясняет ту популярность, которой пользовались его повести и романы по всей беспредельной России... (о писателе М. Н. Загоскине – Русская старина. 1889. № 10); «профессором историком, до мозга костей – русским человеком, каким был Михаил Петрович, со-

¹ Семевский М. И. Рец. на кн.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887 // РС. 1888. № 3. Обложка.

² Семевский М. И. Рец. на кн.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. (1702 – 1703) СПб., 1889 // РС. 1890. № 4. Обложка.

вмещавшим в себе достоинства и недостатки, присущие именно русскому человеку» (об историке М. П. Погодине – Русская старина. 1889. № 2. С. 434); «труды истинно незабвенного русского земско-государственного деятеля Юрия Федоровича Самарина... Появление этой книги – этого завета русского вполне государственного мужа...» (о Ю. Ф. Самарине – Русская старина. 1890. № 10). Он всегда был в определенной степени настроен против иностранцев (немцев), что также проскальзывало в рецензиях. Например, в отношении книги И. И. Ореуса «Описание Венгерской войны 1848 г. (СПб., 1880) заметил: «Весь труд составлен с полнейшим беспристрастием и совершенно чужд той шепетильности, ради которой – из опасения «огорчить» монархию Габсбургов, прославившуюся, между прочим, своею черною неблагодарностью России – литература отечественной истории вовсе лишена была серьезного, специального исследования войны России с Венгрией»¹. Ратовал М. И. Семевский и за отказ от иностранных слов. Приведем полный текст рецензии на брошюру В. Н. Никитина: «Несчастные» (СПб., 1890): «Интересная брошюра известного тюрьмоведа, изданная по поводу бывшего тюремного конгресса, настолько, насколько он относится к русскому тюремному делу»². М. И. Семевский принципиально не желал употреблять распространное в специальной литературе слово «пенитенциарный». Свой взгляд он изложил в редакционном обзоре 1873 г.: «современный наш язык засорен такою массою иностранных слов, в замену которых существуют не только равносильные, но и того сильнее русские слова. В этом случае иностранную медь мы ценим дороже собственного золота...»³.

Почти все рецензии, появившиеся в «Русской старине» на книги об эпохе «Великих реформ», были написаны М. И. Семевским. Особо он выделил труды Гр. Джаншиева и по сей день сохранившие свою научную значимость⁴. Все рецензии носят яркую публицистическую направленность, что, впрочем, закономерно, поскольку речь шла о новейшей истории, часто о текущих событиях. Например, в рецензии на книгу речей А. Ф. Кони М. И. Семевский заметил, что они уже яв-

¹ РС. 1880. № 5. Обложка.

² РС. 1890. № 10. Обложка.

³ Семевский М. И. Русская старина в 1873 г. От редакции // РС. 1873. Т. 8. С. 1016.

⁴ Семевский М. И. Рец. на кн.: Джаншиев Гр. Страницы истории судебной реформы: Д. Н. Замятин. М., 1883 // РС. 1883. № 10. Обложка.

ляются достоянием истории и рассказывают о проведении реформ в жизнь¹.

На публицистических моментах в рецензиях следует остановиться особо. К концу жизни М. И. Семевский все больше превращал рецензии в публичные заявления. Все они, так или иначе, касались проблем культуры и назначения книги. Как наиболее типичные приведем следующие выдержки. Первая сентенция – реакция на выход в свет каталога Лермонтовского музея при Николаевском кавалерийском училище. «Значение таковых музеев громадно, – писал М. И. Семевский, – и в отношении воспитательном ко всему современному обществу, и в отношении прямо к сохранению всего, что относится до талантливого вожака всего, что есть в нравственном строе этого общества. Ввиду этого, не следовало ли бы Петербургскому университету, не откладывая вдаль, отвести в своей библиотеке шкаф, да две – три витрины для основания Тургеневского музея, в честь питомца этого университета, сильного талантом автора «Записок охотника». Стоит только положить начало и, несомненно, горячо отзовутся русские люди на вклады в таковой музей. Профессорам М. И. Сухомлинову, О. Ф. Миллеру и прочим их достойным сотоварищам следовало бы воспользоваться этой мыслью и воплотить ее в жизнь»².

Вторая – из рецензии на книгу П. Н. Батюшкова «Волынь. Историческая судьба юго-западного края» (СПб., 1888): «Книга напечатана в количестве 10000 экземпляров и продается по 1 руб. 30 коп. Очевидное дело, что она разоидется чрезвычайно быстро, как то случилось с «Холмскою Русью»; правительственная субсидия с лихвою, как и в первом случае, окупится и на полученные средства дело уже продолжится, так сказать самим обществом. Вот так должно делать дело, значения истинно государственного, и надо лишь пожалеть, что к нему не было приступлено гораздо ранее. Вот оружие, которым не

¹ «Одно перечисление этих «достопамятных» дел, занимавших и волновавших в свое время русское общество, – писал М. И. Семевский, – показывает, какой громадный интерес имеет сборник, ныне столь своевременно изданный одним из наиболее уважаемых представителей высшей обвинительной власти в России. Интерес этот ни один только юридический; это сборник произведений самого глубокого, иногда вполне художественного анализа главнейших язв, снедающих жизнь современного русского общества» (Семевский М. И. Рец. на кн.: А. Ф. Кони Судебные речи 1868 – 1888. СПб., 1888 // РС. 1888. № 3. Обложка).

² **Семевский М. И.** Рец. на кн.: Бирдерлинг А. А. Лермонтовский музей Николаевского кавалерийского училища. СПб., 1884 // РС. 1884. № 1. Обложка.

только должно сражаться с ксендзовско-шляхетным извращением истории и старины издревле святорусского края, но и, несомненно, победить неправду!»¹.

Третья – на сборник «Помощь самообразованию», издаваемый в Саратове под редакцией врача А. Ф. Тельнихина². «Сборник представляет приятное явление, – отмечал М. И. Семевский, – наша провинциальная печать дает уже научные сборники, и с какою превосходною целью, как оказание помощи в самообразовании! ... Относительно состава последующих выпусков этого сборника, мы повторяем совет, уже данные его редакции, а именно – не помещать беллетристических произведений, они отнимают лишь место в сборнике популярно-научных статей, которые так необходимы в нашем молодом, в особенности провинциальном, обществе, ежегодно принимающем в свой состав сотни молодежи со школьной скамьи, молодежи всех слоев народа, так долго остававшегося чуждым самых элементарных знаний. Г. Тельнихин не принимает, однако, этот совет, утверждая, что «беллетрист может вышутить и опошлить многое из того, что ненужными оковами тяготит жизнь тысячи людей»... Значение беллетристики бесспорно громадно, да втискивать ее в сборник главным образом научных сведений – вовсе не идет; какая-нибудь повестушка «не много вышутит и опошлит» (мы не имеем уже гениального сатирика Щедрина), а лишит только сборник того характера безусловной *полезности*, при котором это издание займет, бесспорно, хорошее место в современной русской печати. От души желаем ему полного успеха»³.

Подобные высказывания, обращения, назидания М. И. Семевский постоянно включал в рецензии. Кроме того, в рецензии включались его собственные воспоминания, иногда достаточно обширные, иногда даже не очень существенные. Примером может служить рецензия на книгу «Генерал-майор Лев Львович Кирпичев» (СПб., 1891): «Прекрасная брошюра – составленная с видимой любовью и заботливостью. Портрет и изображение в гробу Кирпичева очень хороши. Мы знали отца Льва Львовича Кирпичева – слепца, – нашего земляка по Великолукскому уезду. Мы у него бывали ребенком в 1848 г. и живо помним этого приветливого, в высокой степени образованного

¹ РС. 1888. № 6. Обложка.

² Помощь самообразованию. Сборник публичных лекций, популярно-научных статей и литературных произведений русских и иностранных писателей, издаваемый и редактируемый врачом А. Ф. Тельнихиным. Вып. 2. Саратов, 1890.

³ РС. 1890. № 9. Обложка.

человека – отличного математика. Помним то чарующее впечатление, какое произвели он и вся его прекрасная семья на нас в их патриархальном домике. У достойных родителей вышли прекрасные дети». Далее М. И. Семевский сообщил некоторые факты биографии Л. Л. Кирпичева¹.

Это была, пожалуй, самая характерная черта М. И. Семевского – все рассматривать через призму собственного «Я». Этим «Я» со временем для него стала «Русская старина». М. И. Семевский не пропускал случая в рецензиях подчеркнуть значение журнала в деле просвещения, развития науки, распространения знаний и пр. В качестве примера приведем несколько цитат. По поводу «Родословного сборника русских дворянских фамилий» В. В. Руммеля и В. В. Голубцова (СПб., 1886 и 1887) писал: «С удовольствием заметим мы также, что внешность издания, а также и порядок расположения родословий, колонн титлы, в особенности расположение поправок и дополнений, число которых обширно, приняты достопочтенным В. В. Румелем те же, какие приняты были нами в издании «Русской родословной книги», составленной кн. А. Б. Лобановым-Ростовским»². О работе Е. В. Барсова «Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси» (М., 1887) заметил: «Русская старина» считает себя счастливою, что, отмечая факт появления монументаль-

¹ РС. 18190. № 4. Обложка. – В рец. на кн.: Н. Стояновский «Опыт для руководства ручным трудом в общеобразовательных училищах» (СПб., 1890) отметил, что «еще в 1859 г. мы помним его, как усердного учителя воскресных школ...» (РС. 1890. № 6. Обложка). О М. П. Погодине в рец. на кн.: Н. Барсуков «Жизнь и труды М. П. Погодина» (Кн. 1. СПб., 1888): «Еще одно слово – и на этот раз об отношениях к нам лично покойного М. П. Погодина. Отзывчивый на все, что относилось к упрочению и развитию знаний в области отечественной истории, М. П. Погодин приветствовал весьма сочувственно – и устно, и письменно – издание наше «Русская старина» с первых же дней ее основания, в январе 1870 года. Встретивши затем в 1871 г. пишущего эти строки в СПб., на вечере у Н. В. Качалова, М. П. Погодин благословил нас на продолжение этого издания и предсказал ему долголетие и успех». (РС. 1889. № 2. С. 443); на книгу А. Н. Ушакова: «Сборник служб, молитв и песнопений, употребляемых при богослужениях в православной церкви, с объяснением непонятных слов, и оборотов речи на русском языке. Руководство для училищ, где введено церковное пение, и для церковно-приходских школ» (М., 1890): «Содержание и цель книги объясняется ее заглавием; книга полезная особенно как пособие для учащихся при обучении в школах, составлена учителем городского приходского училища в г. Ростове Великом, каковое училище мы имели истинное удовольствие посетить в 1888 г.» (РС. 1889. № 10. Обложка).

² РС. 1888. № 2. Обложка.

ного исследования Е. В. Барсова, может сказать, что и ею внесено несколько страниц в обширную литературу «Слова о полку Игореве», а именно в майской книге «Русской старины» изд. 1880 г. помещены несколько отрывков из «Слова», найденных в бумагах знаменитого филолога Павского»¹. В рецензии на «Сборник стихотворений» И. С. Аксакова (М., 1886) заметил, что «первая пьеса «Пророк» есть та самая, которую мы нашли в бумагах Фридриха Боденштедта и напечатали в книге «Русской старины», но только изданный нами автограф разнствует с тем списком Аксакова, который вошел в обозреваемый сборник: разность состоит в нескольких отдельных словах...»². О «Записках Петра Андреевича Каратыгина (СПб., 1880) дал подробнейшие объяснения в связи с тем, что часть их печаталась в журнале. В частности М. И. Семевский писал: «Читатели «Русской старины» хорошо знакомы с этими, живо и талантливо изложенными очерками одного из старейших и наиболее уважаемых при его жизни, по уму и нравственным качествам, артистов русской сцены. Записки Петра Андреевича Каратыгина запечатлелись в «Русской старине» с 1872-го года; они появлялись, более или менее значительными отрывками, почти ежегодно на страницах этого издания, но появлялись в том порядке, какой находил для себя удобным автор; он печатал одни главы и откладывал другие... Ныне Записки эти изданы в хронологической последовательности. Одно уже это обстоятельство делает настоящую книгу весьма полезною. Если в ней не более тридцати пяти страниц, не бывших в «Русской старине», (в сноске указал какие именно – О. К.) за то разбросанное в «Русской старине» в течение семи лет (1872 – 1879) теперь соединено в одну книгу»³.

Библиографические материалы в «Русской старине» не ограничивались только библиографическим листком.

В 1885 г. вышла отдельным томом «Систематическая роспись содержания «Русской старины» издания 1870 – 1884 гг.», составленная В. В. Тимошук. Роспись повторяла рубрики журнала. Каждая публикация получила отдельный номер (отдельный номер был также дан по отделу библиографии). Следующая «Систематическая роспись содержания «Русской старины» издания 1885 – 1887 гг.» (СПб., 1888), составленная в 1887 г. А. С. Лацинским, повторяла структуру и продолжала номера предыдущей, такой принцип продолжался и в

¹ РС. 1888. № 9. Обложка.

² Семевский М. И. Рец. на кн.: Аксаков И. С. Сборник стихотворений. М., 1886 // РС. 1887. № 9. Обложка.

³ РС. 1880. № 5. Обложка.

последующем. Появление каталогов журнальных статей было одним из наиболее популярных направлений журнальной библиографии. Регистрационная библиография велась многими журналами, в частности, «Вестником Европы», «Горным журналом» и пр. «Русская старина» следовала правилам, принятым солидными повременными изданиями.

Бюллетени торговой библиографии появились в «Русской старине» с октябрьской книжки 1890 г. При жизни М. И. Семевского было напечатано 17 номеров, в которых помечены книги, выходившие в течение месяца, причем бюллетени имели дополнения, составленные непосредственно перед рассылкой журнала читателям. Все книги можно было получить через магазин и книжный склад «Русской старины». Книги, которые находились на складе магазина, были отмечены звездочкой; но и на все остальные принимался заказ без всяких ограничений. М. И. Семевский начал заниматься торговой библиографией в те годы, когда ее значение в книготорговом мире падало. Бурный рост книжной продукции не позволял ни одной книготорговой фирме охватывать весь книжный ассортимент, прекратилось печатание универсальных каталогов, ускоренно развивался процесс специализации, как в издательском деле, так и в составлении каталогов. Возникшее в 1884 г. в Петербурге Общество книгопродавцев и издателей, пытаясь найти выход, приступило к печатанию выборочных списков выходивших книг¹. Бюллетени «Русской старины» также были выборочными (бюллетень № 1 содержал перечень 90 изданий; № 17 – 205; в то время как полный список должен был бы фиксировать не менее 1000 вышедших книг) и в основном содержали перечень книг, вышедших в Петербурге, Москве, и лишь отдельные издания Одессы, Киева, Казани, Ярославля и даже Рязани.

К торговой библиографии относится информация о ходе продажи книг, но эти сведения помещались только об изданиях редакции «Русской старины». М. И. Семевский регулярно, с начала своего издания, оповещал читателей о наличии книг на складе. «Этих томов осталось весьма мало экземпляров, а именно: всего лишь по 8 экземпляров», например, отметил относительно «Собрания сочинений» А. Ф. Гильфердинга². В. О. Осипов зафиксировал случай печатания списков распроданных книг, относящийся к 1895 г., отметив его как пер-

¹ Здобнов Н. В. История русской библиографии... С. 385; Осипов В. О. Книготорговая библиография. М., 1984. С. 62 – 63.

² РС. 1889. Т. 64. С. XIII.

вый опыт¹. Можно считать, что М. И. Семевский ввел этот прием информирования на 15 лет ранее. В 1887 г. в журнале помещалась реклама петербургских книжных магазинов: М. Николаева, Н. Г. Мартынова, товарищества «Новое время» и магазина Н. Кимпеля в Риге – печатались списки книг и реклама отдельных изданий.

Рекламная библиография также имела место в приложениях к журналу, объем ее существенно увеличился с конца 1890 г. в связи с началом работы магазина. До этого времени практиковалась только реклама книг, изданных «Русской стариной» и с 1886 г. рекламировались периодические издания, в основном журналы: «Библиограф», «Русская мысль», «Осколки», «Сын отечества», «Живописное обозрение», «Нева», «Наблюдатель», «Северный вестник», «Юридическая летопись», «Русский художественный архив», «Мир божий», газета «Врач», т. е. те издания, которые содействовали самообразованию. Реклама книг была исключением, и делалось оно только для близких – невестки Е. Н. Водовозовой², а также жены – Е. М. Семевской.

Во второй половине XIX в. библиография в соответствии с традицией воспринималась как часть литературы, направление литературной критики, к концу XIX в. все больше превращалась в информационную дисциплину, оперировавшую вторичной информацией. Этот процесс трансформации в рамках библиографии ярко прослеживается при анализе всех библиографических материалов, представленных на страницах «Русской старины». Школа «Библиографических записок» – журнала, посвященного, в основном, литературоведческим проблемам³, оказала сильное влияние на взгляды М. И. Семевского в области библиографии. М. И. Семевский превращал рецензии в своего рода литературно-историческое, литературно-публицистические эссе. Для него библиография немыслима без контекста культуры, без связи с народным просвещением. Труды М. И. Семевского-библиографа следует отнести, в основном, к области рекомендательной библиографии.

¹ **Осипов В. О.** Русская книготорговая библиография... С. 201.

² **Водовозова Е. Н.** Умственное и нравственное развитие детей от первого проявления сознания до школьного возраста. СПб., 1891; Она же. Жизнь европейских народов. СПб., 1890.

³ **Здобнов Н. В.** История русской библиографии... С. 345 – 346; **Беспалова Э. К.** Формирование библиографической мысли в России (до 60-х гг. XIX в.). М., 1994. С. 138.

Во второй половине XIX в. происходит разграничение литературной критики и библиографии. В рамках книговедения библиография находилась в широком историко-литературном контексте и была связана с народным просвещением¹. Задачи этого направления были сформулированы еще В. С. Сопиковым в начале XIX в.: «библиография (книговедение), или основательное познание о книгах, составляет существенную часть истории народного просвещения», она «не только показывает состояние и постепенное распространение наук вообще, – образует вкус к хорошим сочинениям»². Этот исторический этап развития библиографии, по существу не перешагнувшей рамки литературной критики, определяют как период, предшествовавший становлению науки библиографии, и характеризуют как библиографический метод в литературе³. Просвещение общества – та задача, которая была близка М. И. Семевскому, которую он впитал в себя еще во времена преподавательской деятельности и последовательно проводил в жизнь. Он считал, что не специалисту нужна не только информация о книге, но и пояснения, какую познавательную или образовательную пользу принесет ее прочтение, и как ни мал был библиографический листок, он доставлял полезную информацию читателю, знакомил с классическими трудами по истории и рекомендовал общедоступные.

Во второй половине XIX в. формируется научное представление об основной функции библиографии – информационной, библиография все больше превращается в информационную дисциплину, оперировавшую вторичной информацией. Чуткий к общественному мнению М. И. Семевский уловил эту общественную потребность, и в «Русской старине», хотя и в небольших объемах, вводятся различные формы торговой и регистрационной библиографии.

Развивающийся в библиографии во второй половине XIX в. процесс активной отраслевой дифференциации отражала позиция В. С. Иконникова⁴. С начала своей деятельности в журнале он проводил идею отраслевой библиографии, не выходя за рамки истории (в узком понимании предмета). Его труды демонстрируют зарождение

¹ Беспалова Э. К. Теоретическое введение в историю библиографии. М., 2003. С. 36 – 37.

² Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. СПб., 1813. Ч. 1. С. XIII – XIV.

³ Беспалова Э. К. Формирование библиографической мысли.. С. 137.

⁴ Беспалова Э. К. Теоретическое введение... С. 37.

исторической библиографии, как вспомогательной исторической дисциплины.

Анализ «Русской старины» как журнала преимущественно археографического показал, что публикации исторических источников в периодическом издании отличались рядом особенностей. Уровень журнальной археографии¹ находится во многом в зависимости от личности редактора, его уровня знаний. Проблема сохранения рентабельности издания и в связи с этим оптимального соотношения объема и содержания часто препятствовала публикации материалов по строгой научной форме, приводила к сокращению комментария или полному отказу от него, существенно влияла на объем научно-справочного аппарата. На издание «Русской старины» также оказало влияние соображение экономии: только в первых номерах за 1870 г. М. И. Семевский помещает предисловия крупным шрифтом, как и основной текст, далее переходит на петит или оформляет сопроводительные тексты как подстрочные примечания. К области научно-справочного аппарата следует отнести указатели имен и росписи содержания журнала. Указатель имен включал: все встречающиеся имена в текстах журнала; даты жизни лица; указание на звание и общественное положение, на момент упоминания; род деятельности; имена корреспондентов были дополнены перечнем предоставленных к печати материалов с кратким изложением содержания. Столь подробный указатель, по мнению М. И. Семевского, способствовал составлению биографических справок, давал возможность исправить хронологические ошибки и в целом быть справочною книгою при занятиях историей².

М. И. Семевский в большей степени, чем редакторы других журналов, создавал «свой» журнал. Он не только редактировал, подбирал материалы и вел корректуры, что встречалось в практике тех лет и что позволило С. С. Дмитриеву охарактеризовать подобные журналы как «моножурналы», но и писал массу текстового материала, делал выбор иллюстративного материала. Большинство его корреспондентов, особенно в первые годы – это его друзья. Он привлекал для создания журнала родственников, в частности брата Василия Ивановича

¹ Афиани В. Ю. О журнальной археографии // АЕ за 1988 г. М., 1989. С. 15 – 24. – В. Ю. Афиани ввел термин «журнальная археография» и обосновал необходимость выделения особого направления в археографии.

² РС. 1870. 3-е изд. Т. 1. С. 1.

ча¹. Многие материалы «Русской старины» автобиографичны: отражали не только его вкусы, взгляды, убеждения, но и фиксировали этапы его жизни.

Развитие исторической журналистики во второй половине XIX в. было следствием не только успехов наук, но и откликом на общественную потребность. Выросло число грамотных людей, повысился образовательный уровень, в значительной мере в результате деятельности земств, готовящих кадры для своих нужд преимущественно из числа лиц низших сословий, а также в связи с развитием коммерческого, технического и ремесленного образования. Одновременно наблюдалось и изменение вкусов читательской аудитории, читатель стремился найти в литературе правду жизни. В работах В. Б. Банк, В. Р. Лейкиной-Свирской определены динамика не только количественных, но и качественных подвижек, которые произошли в чита-

¹ На страницах журнала печатались некоторые работы В. И. Семевского (Семевский В. И. Книгиня Екатерина Романовна Дашкова, 1743 – 1810. Характеристика ее и значение в истории царствования Екатерины II // РС. 1874. Т. 9. С. 407 – 430; Его же. Крепостные крестьяне при Екатерине II. 1762 – 1796. // РС. 1977. Т. 17. С. 579 – 618, 653 – 690; Его же. Волнения крепостных крестьян при Екатерине I. 1762 – 1796 // РС. 1877. Т. 18. С. 193 – 226; Его же. Сельский священник во второй половине XVIII в. // РС. 1877. Т. 19. С. 501 – 538; Его же. Александр Григорьевич Ильинский. 1877. Некролог // РС. 1878. Т. 21. С. 541 – 545; Его же. Казенные крестьяне при Екатерине II. 1762 – 1796 // РС. 1879. Т. 24. С. 1 – 40, 247 – 266, 377 – 396, 621 – 639; Т. 25. С. 35 – 54, 231 – 248; Его же. Костомаров Н. И. Историко-биографический очерк // РС. 1885. Т. 49. С. 181 – 212; Его же. Записка К. Д. Кавелина об освобождении крестьян в России. 1855 // РС. 1886. Т. 49. С. 131 – 180, 293 – 320, Т. 50. С. 287 – 310; Его же. Борьба крепостных с помещичью властью в царствование Николая I // РС. 1886. Т. 53. С. 389 – 430; Его же. Очерк из истории крестьянского вопроса в конце XVIII – в первой половине XIX в. Крестьянский вопрос в журналистике и литературе в 1785 – 1855 гг. // РС. 1887. Т. 56. С. 71 – 106, 395 – 424, 619 – 648.). Е. Н. Семевская отмечала, что эти публикации были связаны с желанием Василия Ивановича вернуть долг за обучение (Семевская Е. Н. Василий Иванович Семевский // Голос минувшего. 1917. № 9 – 10. С. 58). Но думается, что М. И. Семевский действительно гордился научными успехами своего брата, искренне переживал за него и старался всячески поддерживать. В частности, он опубликовал дискуссию в Московском университете по поводу защиты докторской диссертации брата (Речь В. И. Семевского, произнесенная им в Императорском Московском университете перед диспутом при защите диссертации на степень магистра русской истории (исследование о крестьянах при Екатерине II) 17 февраля 1882 г. // РС. 1882. Т. 34. С. 565 – 584; Его же. Крестьянский вопрос при Екатерине II. 1765 – 1775. Очерк из исследования магистра русской истории В. И. Семевского // РС. 1882. Т. 35. С. 233 – 274).

тельской среде¹. Наличие потенциального читателя создало возможность роста числа средств массовой информации (к таковым во второй половине XIX в. следует причислить периодические издания), реализация которой в значительной мере предопределена участниками этого процесса. Стараюсь обеспечить журнал подписчиками, чуткий к общественному мнению М. И. Семевский правильно оценивал интересы и состав потенциальной читательской аудитории в России второй половины XIX в. Он соединил в единое целое принципы научного, научно-популярного и журнала «для всех». По приемам подачи материала, выбору форм, жанров, сюжетам, наличию иллюстраций и пр. часто приближается к «журналу для всех сословий». Судя по сведениям, помещаемым в «Русской старине» о географии ее подписчиков, журнал поступал достаточно равномерно во все губернии и был доступен как в губернских, так и в уездных городах, и как считал М. И. Семевский, содержание его было посылно грамотному человеку «из всех классов общества». По публикуемому материалу, авторам, большинству корреспондентов – «Русская старина» – издание научное. Круг вопросов, поднятых в редакционных примечаниях, позволяет признать, что в журнале присутствовали все составляющие научной археографической публикации: редакционный заголовок, легенда, научно-справочный аппарат, хотя и не в полном объеме для каждой конкретной публикации, по форме и приемам адаптированный для восприятия околонульным социумом. Поэтому «Русскую старину» можно считать своеобразным и самым растиражированным учебником, который содержал знания по археографии, изложенные в доступной форме для широкой читающей публики.

Определение типа издания зависит от многих факторов, составляющих некоторую систему взаимозависимых свойств. При этом издания, имеющие общие типоформирующие факторы, но отличающиеся хотя бы одним из них, не являются представителями одного типа, но они могут объединяться по разным признакам в типологические группы². «Русский архив» был по определению исследователей специальным историческим, научным журналом, первенцем отраслевой периодики. Без должного основания эта оценка переносилась и на «Русскую старину», что влекло за собой обвинение в невысоком уровне научности журнала, увлечении «легким» историческим жан-

¹ Банк В. Б. Изучение читателей в России (XIX в.). М., 1969; Лейкина-Свиская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971.

² Корнилов Е. А. Типология периодической печати... С. 16.

ром – мемуарами, анекдотами, в целом не вполне удачным повторением своего предшественника, чему немало способствовало сходство программ, авторского состава и внутренней структуры изданий. По нашему мнению, эти издания следует отнести к разным типам, но они, несомненно, составляют одну группу исторических журналов. Ведущим фактором типологии периодического издания является характер аудитории, на которую ориентировано издание¹. «Русский архив» – журнал «специальный, узкого круга людей»². Редактор «Русской старины» поставил задачу создать журнал, востребованный большим числом читателей, и весьма успешно реализовал ее. Во второй половине XIX в. многотиражный журнал не мог быть узкоспециальным, одно положение исключает другое.

Важнейшая особенность «Русской старины» – стремление связать содержание издания (несмотря на его кажущуюся «старину») с потребностями современного общества. Археография (научное направление, преобладавшее в журнале) имеет дело с ретроспективной информацией, которая в условиях борьбы за судьбы «Великих реформ» в 1870 – 1880 гг. приобретала смысл не только исторический, но и политический. «Духом и направлением», господствовавшим во второй половине XIX в. было стремление просветить общество. История, по мнению М. И. Семева, должна была нести эту функцию. Такова его позиция, сложившаяся еще во времена активной преподавательской деятельности, и он последовательно проводил ее в жизнь.

М. И. Семевский постоянно, вдумчиво, кропотливо работал с читателем, что отразилось, прежде всего, в структуре формирования томов. «Русская старина» один из немногих, или практически единственный журнал, не имеющий постоянных рубрик. Журнал в принципе имел рубрики, но они закреплены не по томам, а по годовым комплектам. Такая внутренняя структура давала возможность выделить в томе ведущую тему, представить коллекцию более полно и многосторонне в своей совокупности материалов. В подборе материала для печати М. И. Семевский исходил из того, что он должен быть и по форме и по содержанию доступен широкому кругу читателей, и вместе с тем быть исторически достоверным. Поиск таких исторических материалов делал практически неизбежным обращение к документам личного происхождения – запискам, дневникам, мемуарам, эпистолярному наследию. В таком случае сам замысел и реализация журна-

¹ Корнилов Е. А. Типология периодической печати ... С. 31.

² Очерки истории исторической науки... Т. 2. С. 611.

ла были возможны только тогда, когда сложились условия в обществе не только для написания мемуаров, но и желание их обнародовать¹. Появление воспоминаний, рассчитанных на потомков, в широком смысле этого слова, т. е. на грядущее поколение, и шаг к их публикации, свидетельствовали о началах формирования гражданского общества. Явление это было заметным, но далеко не столь широким, чтобы обеспечить редакцию подходящим материалом. М. И. Семевский постоянно побуждал читателей писать мемуары.

Просветительские начала отчетливо прослеживаются и в попытке превратить «Русскую старину» в иллюстрированное издание, и в направлении деятельности библиографического отдела. В последнем случае М. И. Семевский был твердо уверен, что неспециалисту нужна не только информация о существовании той или иной книги, но и пояснения, какую познавательную или общеобразовательную пользу принесет ее прочтение. Из просветительских идей проистекало и отношение М. И. Семевского к редакционным примечаниям. Вопросы практической археографии – их основной предмет. Журнал способствовал не только распространению археографических знаний, но и вообще теоретических исторических, выполнял широкую системообразующую функцию на срезе научного и научно-популярного знания по многим направлениям исторической науки и формирующихся во второй половине XIX в. специальных исторических дисциплин. Кроме того, используя текст примечаний, «Русская старина» выступала как центр, организующий процесс собирания исторических источников, формируя своеобразный «народный» архив, поскольку в редакцию поступали материалы от частных лиц – как отдельные документы, так и целые архивы. М. И. Семевский не был пассивным собирателем, он постоянно будировал читателей, обращаясь к ним со страниц журнала.

Отличительной чертой «Русской старины» был перевес в содержании журнала в сторону личных материалов и биографий. На этот факт обращалось внимание всеми исследователями, но объяснения он не получил. Подобный выбор материала в эпоху распространения позитивизма несколько странен, учитывая позицию М. И. Семевского как сторонника нового направления, что проявилось еще в молодости, во время активной педагогической деятельности, когда он выступал с резкой критикой биографического метода в преподавании истории, предлагая строить курс как «культурные очерки». Повы-

¹ Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991.

шенный интерес к воспоминаниям не противоречит позитивистской историографии, в рамках которой мемуаристка рассматривалась преимущественно как источник фактического материала¹. Борьба за факт: уточнение пока живы свидетели событий – редакторское кредо М. И. Семевского. Публикация большого количества биографий, вплоть до специальных заказов редакцией написания биографических очерков на основании материалов, которыми располагал журнал, не вполне вписывается в концепцию позитивистского подхода, ориентированного на изучение массовых явлений. «Биография масс» была представлена на страницах журнала, уделявшего немало внимания вопросам общественного движения². Присутствие «портретной» истории было, по нашему мнению, компромиссом с массовым читателем. Известно, что на одну и ту же информацию (или ее форму) разные люди реагируют по-разному. Если знания о событии или предмете соответствуют прежним представлениям, то такая информация, даже ошибочная, воспринимается, как правило, с положительным настроением, если нет – вызывает отрицательные эмоции. Десятилетиями отработанная система биографического метода преподавания истории во всех типах учебных заведений, продолжавшая существовать, несмотря на успехи русской педагогической школы и исторической науки до конца XIX в., сформировало определенный принцип восприятия исторической информации. Кроме того, развитие гражданского общества повысило приоритет личности, что сделало биографию своеобразным образцом индивидуальности, привлекательной для читателя.

¹ П. А. Зайончковский еще в середине 1970-х гг. утверждал, что «ценность мемуаров заключается в изложении фактической стороны описываемых событий, а не в оценке их, которая естественно, почти всегда субъективна» (История в дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях современников / под ред. П. А. Зайончковского. М., 1976. Вып. 1. С. 3).

² Очерки истории исторической науки... Т. 2. С. 612.

Заключение

Изучение биографии М. И. Семевского показало, что он во многом способствовал будущему биографу, сохраняя документальные свидетельства своей жизни: семейный архив, архив редакции издаваемого им журнала, обилие материалов личного происхождения – письма, наброски к мемуарам, дневники, записные книжки и т. д. Архив М. И. Семевского не случайное скопление бумаг, в нем видны следы преднамеренного отбора материала: возвращены письма от адресатов, и несомненно выборочно были оставлены для потомков. Систематизация архива, которая проводилась в последние годы жизни, сопровождалась «чисткой». Но и в этом богатом архиве наблюдается недостаток документов, которые напрямую разъясняли бы мотивы поведения его владельца.

Опыт работы над биографией даже столь документированной персоны, показывает, что даже в столь благополучной ситуации возникает проблема, которую в биографике обозначают термином Пьера Бурдьё – «биографическая иллюзия», и биограф при обилии материалов личного происхождения вынужден дополнять и проверять их посредством сопоставления и анализа с другими видами источников через призму «эго-документа». Необходимо, прежде всего, создать прочную фактографическую базу жизнеописания героя. Игнорирование этого правила затрудняет применение метода бихевиоризма, позволяющего проектировать процесс мотивации поступков и часто являющегося единственно возможным путем проникновения во внутренний мир героя. Дефицит фактов биографии неизбежно приводит исследователя к двум крайностям: либо ограничению биографии основными вехами жизни, т. е. уровнем послужного списка, либо заполнению пропусков за счет моделирования образа. Но любая контекстуализация по существу устраняет индивидуальное в личности, исторический контекст эпохи жестко детерминирует мотивы поведения, индивид подводится под существующие в современном ему обществе нормы. Написание биографии превращается в «типовое строительство» образов, далеких от реальности.

Представленные в данном исследовании новые материалы разрушают бытовавшую «биографическую иллюзию», дополняют канву событий жизни и деятельности М. И. Семевского, изменяют акценты оценок.

Один из важнейших вопросов биографии М. И. Семевского – истоки его интереса к истории России, причем истории определенных периодов, в частности, неослабевающее внимание к движению декабристов, проявившееся рано, почти с детства. На наш взгляд корни этого интереса гнездятся в семье, в попытках осмыслить факты жизни близких ему людей, прежде всего отца. И. Е. Семевский – человек просвещенный для своего времени, оказал сильное влияние на формирование мировоззрения сына, всячески содействовал ему в литературных занятиях (достаточно вспомнить его действия в связи с обнаружением архива Грибоедовых в имении Хмелиты – материалы были предложены сыну для публикации; запись пословиц и поговорок в Псковской губернии).

Не менее важно и влияние А. Н. Креницина – человека неблагонадежного, связанного с государственными преступниками – декабристами. Примечательно, что И. Е. Семевский не только водил дружбу с опальным соседом (за 40 верст, расстояние, которое могло быть сокращено только сродством душ), но и поощрял знакомство с ним сына. О степени влияния «мишневского затворника» на юного М. И. Семевского можно только догадываться. А. Н. Креницин предоставлял ему для копирования материалы своего архива, архива Н. А. Бестужева, а в последствии передал их в собственность. В лице М. И. Семевского он видел восприемника дела. Именно в его доме, превращенном в мемориальный музей истории декабризма, М. И. Семевский мог видеть пример коллекционирования в целях сохранения исторической памяти, пример собирательства не хаотичного, но целеустремленного, упорядоченного и, что важно, комплексного. Коллекции А. Н. Креницина наглядно демонстрировали одно из возможных предназначении частного собирательства – передать накопленную информацию следующим поколениям.

Изучение политических взглядов М. И. Семевского осложнено отсутствием с его стороны прямых заявлений и деклараций. Анализ обширной переписки М. И. Семевского, одного из основных источников, показывает, что М. И. Семевский пережил вместе со своим поколением все метаморфозы идейно-политических исканий: тайный корреспондент А. И. Герцена, участник Шахматного клуба, член Комитета грамотности при Вольном экономическом обществе, Санкт-Петербургского Педагогического общества, участник бесконечных журфиксов, предметом острых дискуссий на которых были эманси-

пация крестьян и судьбы отечества, где диапазон мнений колебался от революционера-демократа Н. Г. Чернышевского до умеренного либерала К. Д. Ушинского и славянофила А. Ф. Гильфердинга.

Как литератор, вхожий в дом Н. Г. Чернышевского, М. И. Семевский попал в поле зрения III отделения, был арестован в 1862 г. по делу о связях с А. И. Герценом и в 1866 г. привлекался как свидетель по делу П. Л. Лаврова. Был известен как брат опального офицера-артиллериста А. И. Семевского, понесшего наказание за причастность к студенческим волнениям 1861 г., к тому же женатого на сестре государственного преступника М. В. Петрашевского. С 1869 г. по 1875 г. М. И. Семевский находится под полицейским надзором. Как будто бы есть все основания причислить его к революционно-демократическому лагерю. Но в те же годы он стремится печататься в московских журналах, сделал попытку публиковать материалы в «Морском сборнике», игнорировал «Современник», и не оставил редакцию «Военного сборника» после ухода оттуда Н. Г. Чернышевского.

В 1860-е гг. он сходится с петербургскими славянофилами – А. Ф. Гильфердингом, А. Н. Поповым. Мировоззрение М. И. Семевского не лишено было влияния идей славянофильства и в молодости и в зрелые годы, но со временем оно все более эволюционировало к приоритету нации. Период «Великих реформ» – время первого жизненного опыта М. И. Семевского, формирования взглядов. В эти годы он меняет свои убеждения в соответствии с политическими метаморфозами общественного мнения: рубежами становятся 1862 и 1866 гг. Взгляды М. И. Семевского – взгляды либерала наиболее прогрессивного для 60-х гг. XIX в. направления либеральной мысли, принятого обозначать в историографии как либеральный бюрократизм. Величие реформ Александра II станет лейтмотивом «Русской старины», отдельный том каждого года он будет посвящать именно этому событию, печатая отчеты обедов в память 19 февраля – собрания кружка реформаторов, в число избранных членов которого будет введен в качестве историографа. А. П. Заблоцкий-Десятовский, Н. А. Милютин, А. В. Головин, вел. кн. Константин Николаевич – лица, оказавшие влияние на судьбу и взгляды М. И. Семевского, у кого он искал покровительства и надеялся на дружбу. Связующим звеном в его мировоззрении были просветительские представления, определявшие модель повседневного поведения и целевые установки общественной деятельности.

Профессиональные приоритеты М. И. Семевского связаны с рано пробудившимся интересом к истории, увлечение которой было сопряжено с самореализацией в нескольких областях деятельности: литературной, педагогической и издательской. М. И. Семевский создал ряд статей и монографий (в основном в 1860-е гг.), потребовавших от молодого и профессионально неподготовленного человека огромных усилий, направленных на приобретение навыков историка-архивиста, монографий – исторических повестей, по точному определению Н. Л. Рубинштейна, которые читали современники и, которые вновь востребованы читателями спустя век со времени их написания. К числу препятствий, встреченных на этом пути следует отнести как недоступность архивов, столкновения с цензурой, вплоть до отказа редакторов печатать статьи, так и мучительные размышления – сможет ли он жить от литературных трудов. Вторым и, вероятно, решающим фактором в процессе формирования его взглядов как историка являлась педагогическая деятельность, которая, как показало изучение этого вопроса, занимала важное место в жизни М. И. Семевского. Работа над лекциями (уроками для Смольного института) была сопряжена с огромными временными затратами на подготовку, тщательным анализом доступных источников, самостоятельной систематизацией фактов, изучением историографии, что привело к формированию приоритетов научных концепций в системе личных исторических воззрений. М. И. Семевский отверг прагматический подход в истории, воспринял концепцию позитивизма, у него рано сложилось устойчивое понимание истории как науки о культуре, исходя из чего, он выдвинул свой метод изложения курса истории – культурные очерки. Особенностью его представлений в начале научной деятельности был эклектизм. Как реципиент философских, исторических учений он не примкнул к какому-либо одному направлению. Возможно, для самоопределения ему не доставало фундаментальных знаний, о чем он неоднократно сожалел, возможно в этом проявилось влияние К. Д. Ушинского и его соратников-педагогов, считавших, что в деле просвещения любая правильная мысль независимо из какого контекста она почерпнута, имеет право на существование в их мировоззрении.

Как историк М. И. Семевский наиболее ярко проявил себя в издании «Русской старины». Он начал издавать журнал, имея определенный опыт архивной, научной и издательской деятельности. Но как специалист в области археографии он окончательно сложился и реа-

лизовал свои потенциальные возможности, именно издавая журнал. В «Русской старине» как ни в каком ином журнале второй половины XIX в., проявилось авторское «Я». Кроме обычного редакторского труда, ведения корректур, выяснения отношений с цензурой, М. И. Семевский писал для журнала рецензии на книги, редакторские ремарки, печатал научные статьи прошлых лет, свои речи в Городской Думе, заметки о поездках по России с археографическими целями. Заслуги М. И. Семевского в области введения в научный оборот материалов личного происхождения, даже при той критике «Русской старины» со стороны профессионалов-историков, которые обращались и в настоящее время продолжают обращаться, (и следует полагать, что будут обращаться и в будущем) к публикациям, помещенным на страницах журнала. Заслуги М. И. Семевского-историка и в том, что, используя страницы своего журнала, он развернул широкую просветительскую деятельность по распространению не только конкретных исторических знаний, но и принципов, приемов и методов фиксации исторических фактов, посредством редакционных примечаний, методическое и скрупулезное объяснение читателям основ археографии, источниковедения, отчасти историографии на уровне научных достижений своего времени, с которыми он был хорошо знаком как член (работающий – как это называл сам М. И. Семевский, т. е. принимавший непосредственное участие в практических делах, чем он очень гордился) Археографической комиссии – ученого общества, где зарождались и формировались передовые научные знания в области вспомогательных исторических дисциплин. М. И. Семевский одним из первых применил археографические нормы к публикациям материалов современников.

Интерес к археографии замыкает длинную цепочку ученых увлечений М. И. Семевского. Любовь к книге, возникшая в детстве, вылилась в библиофильство в зрелые годы и нашли завершение в деятельности коллекционера. История собирательской деятельности М. И. Семевского изучена впервые, как форма жизнедеятельности и проявления мировоззренческих установок. В создании любой коллекции, в частности книжного собрания, непременно реализуется талант и призвание собирателя, плоды его кропотливого труда. Труд библиофила как и деятельность любого индивида детерминирован общественными процессами, и в этом смысле формирование коллекции зависит от времени, места ее возникновения, количества книжной продукции бытующей на рынке и т. п. Но по сравнению с другими

видами деятельности свобода самореализации личности в процессе формирования частной библиотеки – максимальна. Именно библиотека (ее состав, история формирования) наиболее адекватно отражают внутренний мир, душу и мотивы действий человека. На основе анализа книжного собрания М. И. Семевского возможно констатировать, что философский смысл жизни он видел в служении гуманистическим идеям, верил во всеисилие науки и просвещения. Вся его общественная жизнь была посвящена служению этому идеалу. Преуспевающий чиновник в 1870 г. начал издавать журнал, но в 1877 г., несмотря на двойную нагрузку, баллотировался в гласные Городской Думы. На протяжении более чем 15 лет усердно трудился над реализацией по тем временам утопической идеи – дать возможность всем детям столицы из беднейших классов образование, при этом доказывал, что необходимо создать не только условия для организации учебного процесса в специально построенных школьных зданиях с рекреационными и спортивными залами, но и сделать возможным посещение школы для самых бедных детей (обеспечить их, в прямом смысле, куском хлеба).

Оценка жизни и деятельности М. И. Семевского должна быть представлена не только через призму издательской деятельности, но и тех коллекций, которые стали достоянием общества. Во-первых, следует констатировать, что М. И. Семевский всячески содействовал сохранению исторического наследия, в какой бы форме (материальной или духовной) оно не бытовало, используя, прежде всего, страницы своего журнала. Он организовал, как можно определить, формирование «народного архива» – архива «Русской старины». М. И. Семевский всегда разделял личные коллекции и архив журнала, оценивая его, с позиции исключительно нравственной как общее достояние читателей. Во-вторых, М. И. Семевский собрал немалые личные коллекции (особо следует отметить коллекцию рукописей, автографов, иконографии, редких книг, гравюр), чем содействовал сохранению исторических источников от прямого уничтожения и невежества современников, и исчезновения в потоке времени. М. И. Семевского часто высмеивали за «всеядность», собиравшее без должного отбора. Полагаем упрек несправедливый. Как коллекционер он, несомненно, обладал талантом чувствовать предназначение попавшего к нему в руки случайного осколка старины, предвидеть тот коллекционный блок, включение в который позволит даже на уровне поверхностного анализа источника выявить более полно его информационные возможности. В-третьих, как историк-новист М. И. Семевский

пытался интегрировать в общество мысль, что история, «сотворяется» на глазах современников. В этом его убедили реалии собственной жизни – он имел медаль за организацию реформы в Царстве Польском, принимал непосредственное участие в деле, которое оценивал как краеугольный камень в исторической судьбе России. Он стремился документировать важнейшие события современности, посредством сохранения личных материалов (письма, записки, проекты, протоколы и пр.) и написания мемуаров. Это понимание проявилось рано, еще в юности. М. И. Семевский не только так поступал сам, но и подвигал вначале знакомых, затем читателей действовать подобным образом. С годами эта настойчивость не ослабевает и превращается, по мнению современников, в курьезную черту характера редактора «Русской старины», запрашивающего автографы и мемуары, за которые не надо платить – мотивы его действий объясняли скупостью. Сам М. И. Семевский не успел написать мемуаров, хотя подготовительные заметки сохранились в его архиве.

Одним из мучительных вопросов для владельца коллекции всегда является судьба его собрания. М. И. Семевский понимал неизбежность гибели своих коллекций в том виде, в каком он их замыслил (ни дочь, ни тем более жена не разделяли его увлечений). Еще при жизни он начал передавать отдельные части собрания в государственные или общественные учреждения (Великолукское реальное училище, Археографическую комиссию, Академию Наук, Императорскую публичную библиотеку, Лермонтовский музей в Петербурге). Благодаря усилиям длиною в жизнь, М. И. Семевский собрал исторический архив, на основании которого в ИРЛИ выделено 30 фондов, не считая личного фонда М. И. Семевского, сформированы существенные части коллекции иконографии декабристов в Эрмитаже, Литературном музее ИРЛИ, выделена коллекция книг в ГМПИР; книги из личной библиотеки, спасенные им некогда из бумаг, предназначенных для оклейки стен под обои, вошли в собрание рукописных книг РНБ. На основании этих материалов создано немало научных трудов.

Имя М. И. Семевского многие годы находилось в полузабвении. Оно часто встречалось на страницах исследований, посвященных XIX в., но лишь как своеобразный индекс-определитель местонахождения источников (ссылки на фонд Семевского, архив, на журнал «Русская старина»). Изучение биографии М. И. Семевского показало, что незаслуженно забыты его дела на поприще педагогики, практиче-

ски неизвестен он как библиофил и коллекционер. Полагаем, что результаты проведенного исследования позволяют ставить вопрос о том, чтобы имя М. И. Семевского было отражено в тематических справочниках и энциклопедических изданиях по истории библиофильства, книговедения, журналистики и педагогики.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Таблица 1

Перечень материалов, посланных М. И. Семевским А. И. Герцену

№ п/п	Название статей	Дата присылки материалов / Лицо, доставившее материалы	Место публикации	Время публикации	Источник информации (см. в конце табл)
1	Записки Н. И. Панаева о восстании военных поселян в 1831 г.	Конец 1856 г. (или 1858 г.) Способ пересылки неизвестен.	Колокол. 1858, 1 июня – 1 июля. № 16 – 18.	1858 г., июнь	3, С. 252 – 254.
2	Письма «Румянцева к Титову»	Конец 1856 г. (или 1858 г.) Способ пересылки неизвестен.	Полярная звезда. 1858. Вып. IV. С. 279 – 287.	1858 г., около 1 марта	4, С. 78.
3	Смерть Павла I (отрывок из дневника современника). Восходит к мемуарам А. Ф. Ланжерона	Лето 1859 г. Посылка М. И. Семевского из Парижа.	Исторический сборник. Кн.1. С. 46 – 60.	1869 г., апрель.	1, С. 61 – 64.
4	Письмо В. И. Штейнгейля Николаю I; Его же. Записка о сибирских губернаторах	Июнь – октябрь 1860 г. Возможно через А. И. Афанасьева	Исторический сборник. Кн. 1. С. 76 – 125.	1859 г., апрель.	2, С. 151; 1, С. 68 – 75.
5	Бумаги М. В. Буташевич-Петрашевского	Июнь – октябрь 1860 г. Возможно через А. И. Афанасьева	Колокол. 1858. № 49 – 53. С. 399 – 488.	1859 г., 1 августа – 1 октября.	6, С. 52.
6	Материалы о Екатерине II	Лето 1859 г. Посылка М. И. Семевского из Парижа.	Не печатались.		5, С. 139.
7	Материалы о вел. кн. Константине Николаевиче	Лето 1859 г. Посылка М. И. Семевского из Парижа.	Не печатались.		5, С. 139.

8	Из записок А. Ф. Воейкова	Лето 1859 г. Посылка М. И. Семевского из Парижа.	Исторический сборник. Кн.2. С. 117 – 132	1859 г., апрель.	1, С. 122.
9	Письмо Ермолова	Лето 1859 г. Посылка М. И. Семевского из Парижа.	Исторический сборник. Кн. 2. С. 153 – 158.	1861 г., январь.	1, С. 142.
10	Выписки из бумаг М.-Данилевского	Лето 1859 г. Посылка М. И. Семевского из Парижа.	Исторический сборник. Кн. 2. С. 55 – 116.	1861 г., январь.	1, С. 108.
11	Воспоминания о К. Ф. Рылееве (Из собственноручной рукописи Н. А. Бестужева)	Лето 1859 г. Посылка М. И. Семевского из Парижа.	Полярная звезда. Кн.. 6. С. 1 – 30.	1861 г., март.	5, С. 143; 2, С. 120 – 121.
12	Колесников и его товарищи в Орен- бурге	Не ранее 1860 г.	Полярная звезда. Кн. 7, вып. 1. С. 91 – 97.	1861 г., сентябрь.	2, С. 151.
13	Из «Записок Нико- лая Бестужева»	Июнь 1861 г. Доставлены Н. В. Гербелем	Полярная звезда. Кн.7, вып. 2. С. 1 – 7.	1862 г., 1 июня.	5, С. 221 – 226.
14	Еще из записок Н. А. Бестужева	Февраль – март 1862 г., (воз- можно лето 1861 г. через Н. В. Гербеля	Полярная звезда. Кн.7, вып. 2. С. 73 – 75.	1862 г., 1 июня.	5, С. 221 – 226.
15	Из записок, припи- сываемых М. А. Бестужеву	Февраль – март 1862 г., (воз- можно лето 1861 г. через Н. В. Гербеля	Полярная звезда. Кн.7, вып. 2. С. 76 – 84.	1862 г., 1 июня.	5, С. 221 – 226.

Составлено по: 1) Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Кн. 3. Комментарии и указатели. М., 1971. 2) Полярная звезда. Журнал А. И. Герцена и Н. П. Огарева. В 8 кн. 1855 – 1869. Факс. изд. М., 1968. Кн. 9: Приложение. 3) *Эйдельман Н. Я.* Анонимные корреспонденты «Колокола». Проблемы изучения Герцена. М., 1963. 4) *Эйдельман Н. Я.* Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII – XIX веков и Вольная печать. М., 1973. 5) *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды» М., 1966. 6) *Порох В. И.* Офицер, историк, издатель. Все о М. И. Семевском. Саратов, 1999.

Таблица 2.

**Публикации исторических журналов «Русский архив»
и «Русская старина» за 1870 – 1884 гг.,
отмеченные в «Указателе» В. А. Попова.**

<i>№ п/п</i>	<i>Тематика разделов</i>	<i>«Русская старина»</i>	<i>«Русский архив»</i>
1	Русская история и история славянских народов	3	-
2	Биографии и характеристики - Сочинения, относящиеся к истории нравов	67	88 (54)*
3	Исторические материалы и дневники - Исторические рассказы и анекдоты - Хроники	197	450 (162)
4	Разбор исторических сочинений и библиографии	1	9 (7)
5	Биографии историков	-	2
6	Археология, нумизматика и палеогра- фия - Мифология всех народов, легенды	1	4
7	Языкознание и филология	1	-
8	История словесности	47	50 (82)
9	Искусства	15	11
10	Всего	332	614 (305)

*Количество статей за 1863 – 1869 гг.

Составлено по: Попов В. А. Систематический указатель статей, помещенных в ниже по-
именованных периодических изданиях с 1830 по 1884 гг. СПб., 1885.

Таблица 3

Рейтинг востребованности исторических журналов в Императорской публичной библиотеке в Санкт-Петербурге. 1870 – 1899 гг.

Годы	Русская старина (Требования за текущий год)	Русская старина (Требования за предыдущие годы)	Занимаемое место по числу требований в ИПБ	Русский архив* (Требования за текущий год)	Русский архив* (Требования за предыдущие годы)	Киевская старина** (Требования за текущий год)	Киевская старина** (Требования за предыдущие годы)
1870	-	-	-	183	-	-	-
1871	365	-	11	218	-	-	-
1872	671	-	11	332	-	-	-
1873	667	-	10	263	-	-	-
1874	925	-	8	352	-	-	-
1875	721	-	7	118	-	-	-
1876	569/27***	670/8	7	146/10	289/8	-	-
1877	457/17	589/9	6	106/8	154/0	-	-
1878	354/34	254/0	10	71/65	65/2	-	-
1879	809/120	446/70	8	185/17	151/10	-	-
1880	1057/131	518/105	8	от10 до20	-	-	-
1881	1007/113	716/201	8	от10 до20	-	-	-
1882	506/91	307/61	12	167/21	126/14	156/10	-
1883	1825/420	1223/370	5	437/30	540/40	306/30	225/18
1884	658/95	1319/105	6	84/9	327/25	149/16	98/10
1885	1756/450	1100/307	7	705/86	627/99	250/26	287/17
1886	638/90	826/84	7	82/12	321/34	43/11	88/10
1887	-	-	-	-	-	-	-
1888	372/98	1018/114	12	59/19	372/48	65/3	-
1889	614/114	863/118	8	83/12	338/48	66/6	83/11
1890	454/25	532/8	11	120/9	4225	65/8	121/5
1891	339/48	493/6	14	104/5	254/2	60/30	118/0
1892	390/42	446/2	11	86/5	282/2	60/1	141/0
1893	250/48	567/14	23	54/8	386/2	85/5	124/2
1894	279/27	517/13	24	80/5	335/0	66/2	121/2
1895	219/23	559/12	27	87/4	396/0	77/1	158/0
1896	221/27	715/21	32	112/7	495/0	61/1	163/3
1897	196/17	658/19	35	118/8	487/0	96/3	187/5
1898	186/14	608/15	34	40/2	395/0	69/2	232/7
1899	219	683	38	42	516	69	179

* «Русский архив» не подымался выше 18 – 20 места в списке журналов по числу требований.

** «Киевская старина» – как правило, замыкала третий десяток.

*** Первая цифра – число выданных журналов в зал для чтения, вторая – число отказов.

Составлено по: Отчеты Императорской публичной библиотеки за 1870 – 1899 гг. СПб., 1870 – 1901.

Таблица 4

**Тематика изданий, на которые помещены рецензии в журнале
«Русская старина»**

№ п/п	Тема рецензируемой книги	Число публикаций	%
1	Публикация источников из них: - издания <i>Археографической комиссии</i>	132 (31)	16,4 (3,8)
2	История России из них: - <i>история допетровской Руси</i> - <i>история петровского времени</i> - <i>новейшая история (правление Александра II)</i> - <i>краеведение</i>	359 (64) (20) (19) (68)	40,3 (7,8) (2,5) (2,5) (8,2)
3	Всеобщая история из них: - <i>история славянства</i>	20 (6)	2,6 (0,7)
4	Вспомогательные исторические дисциплины из них: - <i>палеография</i> - <i>сфрагистика</i> - <i>нумизматика</i>	10 (2) (4) (2)	1,3 (0,2) (0,4) (0,2)
5	Мемуары	21	2,9
6	Биографии из них: - <i>юбилейные сборники</i>	62 (10)	7,9 (1,2)
7	Библиофилиство	24	3,3
8	Библиография	21	2,6
9	Литература из них: - <i>русская классика</i> - <i>сочинения иностранцев</i>	55 (9) (6)	7,1 (1,1) (0,7)
10	Фольклор	18	2,4
11	Искусство из них: - <i>театр</i> - <i>музыка</i> - <i>живопись</i>	9 (2) (2) (3)	1,2 (0,2) (0,2) (0,3)
12	Филология	3	0,4
13	География	11	1,5
14	Статистика	11	1,5
15	Юриспруденция	11	1,5
16	Прочее	59	7,5
	Всего	826	100

Составлено по: Систематическая роспись содержания «Русской старины» издания 1870 – 1884 гг., составленная В. В. Тимошук. СПб., 1885; Систематическая роспись содержания «Русской старины» издания 1885 – 1887 гг. СПб., 1888.; Систематическая роспись содержания «Русской старины» издания 1888 – 1890 гг. СПб., 1891; Систематическая роспись содержания «Русской старины» издания 1891 – 1896 гг. СПб., 1897.

Приложение 2.

Периодические издания, с которыми сотрудничал М. И. Семевский в 1859 – 1870 гг.

1. Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. – М., 1850 – 1861 / изд. Н. В. Калачов.
2. Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. – СПб., 1834 – 1864 / изд. А. Ф. Писемский (с ноября 1860 г.), П. Д. Боборыкин (с февраля 1863 г.).
3. Ваза. Литературно-художественный журнал светских новостей, мод, домашнего хозяйства и рукоделия (с 1859 г. – Дамский журнал светских новостей, мод, домашнего хозяйства и рукоделия). – СПб., 1858 – 1863 / изд.-ред. Е. Ф. Сафонова.
4. Вестник Европы. Журнал историко-политических наук. – СПб., 1866 – 1918 / изд.-ред. М. М. Стасюлевич.
5. Военный сб. Изд. по Высочайшему повелению. – СПб., 1858 – 1894 / ред. В. Аничков, Н. Н. Обручев, Чернышевский, П. К. Меньков (с 1859 г.).
6. Время. Журнал литературный и политический. – СПб., 1861 – 1863 / изд.-ред. М. М. Достоевский.
7. Голос. Газета политическая и литературная. – СПб., 1863 – 1884 / изд.-ред. А. А. Краевский.
8. Грамотей. Народный журнал. – СПб. (М. с 1869 г.), 1862 – 1876 / ред. Я. Ивановский; И. Н. Кушнер (с 1865 г.).
9. Журнал Министерства Народного Просвещения. – СПб., 1834 – 1894 / ред. А. В. Никитенко (до 1860 г.); К. Д. Ушинский (май 1860 – 1863 гг.); Ю. С. Рехневский (1864 – 1867 гг.).
10. Иллюстрация. Всемирное обозрение (с 1861 г. – Еженедельное обозрение). – СПб., 1859 – 1863 / изд. А. О. Бауман; ред. В. Р. Зотов, Н. С. Курочкин (с сер. 1861 – до сер. 1862 г.), А. О. Бауман (с сер. – до конца 1862 г.), П. М. Цейдмер (1863 г.).
11. Книжный вестник. Журнал книжно-литературной деятельности в России. – СПб., 1861 – 1867 / изд. при книжной торг. Сеньковского; ред. П. А. Ефремов, Я. А. Ростовцев (с № 22 1865 г.).
12. Москвитянин. – М., 1841 – 1856 / изд. М. Н. Погодин.
13. Народное богатство. Политико-экономическая и литературная газета. – СПб., 1862 – 1865 / изд.-ред. И Балабин.
14. Общеобразовательный вестник. Журнал литературы, наук, искусств, промышленности, торговли и общежития. – СПб., 1857 – 1858 / ред. В. Рюмин.

15. Отечественные записки. Журнал учено-литературный и политический. – СПб., 1859 – 1884 / изд.-ред. А. А. Краевский, А. А. Краевский и С. С. Дудышкин (с сент. 1866 г.), А. А. Краевский (с конца 1866 г.), изд. А. А. Краевский и ред. М. Е. Салтыков-Щедрин (с апреля 1876 г.).
16. Рассвет. Журнал наук, искусств и литературы для взрослых девиц. – СПб., 1859 – 1862 / изд.-ред. В. Кремшин.
17. Русская речь. Обзорение литературы, истории, искусства и общественной жизни на Западе и в России. – М., 1861 / ред. Е. В. Сальяс-де-Турнемир (Евгения Тур).
18. Русский архив. Историко-литературный сб., издаваемый при Чертковской библиотеке. – М., 1863 – 1872 / изд.-ред. П. И. Бартенев.
19. Русский вестник. Журнал литературный и политический. – М. (СПб. с 1887 г.), 1856 – 1894 / ред. М. Н. Катков.
20. Русский инвалид. Военные новости. Официальная газ. Военного Министерства. – СПб., 1862 / ред. Н. Писаревский.
21. Русское слово. Литературно-ученый журнал. – СПб. – 1859–1862 / изд. А. Г. Кушелев – Безбородко.
22. Санкт-Петербургские ведомости. – СПб., 1728–1917 / аренд.-ред. А. И. Очкин, при участии А. А. Краевского (1850 – 1862), В. Ф. Корш.
23. Светоч. Учено-литературный журнал. – СПб., 1860–1862 / изд. Д. И. Каменовский, ред. Теглев (до конца 1861 г.); изд.-ред. Д. И. Каменовский.
24. Современное слово. – СПб., 1862–1863. (Газ. вначале выходила вместе с Русским инвалидом) / ред. Н. Писаревский.
25. Учитель. Журнал для наставников, родителей и всех желающих заниматься воспитанием и обучением детей. – СПб., 1861–1870 / изд.-ред. И. И. Паульсон, Н. Х. Вессель, И. И. Паульсон (с 1865 г.); изд. Д. Е. Кожачников, ред. И. И. Паульсон (с 1867 г.).
26. Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. – М., 1858–1894 / ред. О. М. Бодянский.

Библиография
Опубликованные источники

1. Архив К. Д. Ушинского. В 4 т. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1959–1962. – Т. 1–4.
2. Батенков Г. С. Сочинения и письма. В 2. / Г. С. Батенков. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. – Т. 1–2.
3. Водовозов В. И. Избранные педагогические сочинения / В. И. Водовозов; сост. В. С. Аранский. – М.: Педагогика, 1986. – 472 с.
4. Восстание декабристов. Библиография / состав. Н. М. Ченцов. – М.:Л.: Гос. изд-во, 1929. – 729 с.
5. Горбунов И. Ф. Сочинения. В 3 т. Т. 3. / И. Ф. Горбунов. – СПб.: [б. и.], 1904 – 1910. – 415 с.
6. XXV лет: 1859 – 1884: сб., изданный комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. – СПб.: [б. и.], 1884. – 592 с.
7. Дело Чернышевского: сб. док. и мат. – Саратов: Приволж. кн. изд., 1968. – 680 с.
8. Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. В 6 т. – М.: ГИХЛ, 1934 – 1944. – Т. 2–3.
9. Из переписки. Письма графа Л. Толстого, А. Фета и Н. Н. Страхова // Русское обозрение. Вып. 1. – М.: [б. и.], 1901. – С. 70–103.
10. Кони А. Ф. Собр. соч. В 9 т. Т. 8. Письма 1868 – 1927 гг. / А. Ф. Кони. – М.: Юридическая литература, 1969. – 527 с.
11. Летопись жизни и творчества А. И. Герцена: 1859 – июнь 1864 / автор-сост. С. Д. Гурвич-Лищенер; отв. ред. И. Г. Птушкина. – М.: Наука, 1983. – 703 с.
12. Летопись Санкт-Петербургского педагогического общества / прилож. к журн. «Народная школа». – 1869. – № 1. – С. 1–9.
13. Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России: 1856 – 1880 / Е. Лихачева. – СПб., 1901. – 887 с.
14. Материалы для биографии П. Л. Лаврова. Выл. 1. – Пг.: Колос, 1921. – 91 с.
15. Миллер О. Ф. Славянский опрос в науке, в жизни и в литературе / О. Ф. Миллер. – СПб.: [б. и.], 1865. – 83 с.
16. Миллер О. Ф. Славянство и Европа / О. Ф. Миллер. – СПб.: [б. и.], 1877. – 63 с.
17. Неизданные письма Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, А. Ф. Писемского и др. Из архива А. Н. Островского. – М.:Л.: Akademia, 1932. – 741 с.
18. Новый завет господа нашего Иисуса Христа. В русском переводе. По благословению Святейшего Правительствующего Синода. – 13-е. изд. – СПб., 1905. – 514 с.
19. Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину. – М.: Изд-во Всес. б-ки им. В. И. Ленина, 1935. – 266 с.
20. Письма и документы: Г. Е. Благовестлов, Я. П. Полонский, Г. А. Куселев-Безбородко // Звенья: сб. мат. и док. по истории литературы, искусству и общественной мысли XIX в. – М.:Л.: Akademia, 1932. – 558 с.
21. Письма о Достоевском. Достоевский в неизданной переписке современников // Литературное наследство. – Т. 86. – М., 1973. – С. 349–566.
22. Письма Филарета Митрополита Московского и Коломенского к высочайшим особам и к разным лицам светского звания. В 2 т. Т. 2. – Тверь, 1888. – 342 с.
23. Письмо А. И. Тургенева К. С. Сербиновичу: 1845 // Русская старина. – 1882. – Т. 34. – С. 443–462.

24. Половцов В. А. Сведения о Комитете Грамотности. (Из памятной книжки Санкт-Петербургской губернии) / В. А. Половцов. – СПб.: [б. и.], 1863. – 4 с.
25. «Полярная звезда», журнал А. И. Герцена и Н. А. Огарева. В 8 кн. 1855 – 1869. Вольная русская типография. Лондон – Женева. – Факс. изд. – М.: Наука, 1968. – Кн. 1–8.; Кн. 9: Приложения.
26. Попов В. А. Систематический указатель статей, помещенных в ниже поименованных периодических изданиях с 1830 по 1884 г. / В. А. Попов. – СПб.: [б. и.], 1885. – 112 с.
27. 15 лет газеты «Голос»: 1863 – 1878. – СПб., 1878. – 276 с.
28. Ростовцев Я. И. Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений / Я. И. Ростовцев. – СПб.: [б. и.], 1849. – 185 с.
29. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. В 20 т. Т. 19. Кн. 2: Письма 1882 – 1884 / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Художественная литература, 1976. – 240 с.
30. Самарин Ю. Ф. Сочинения. В 12 т. Т. 12. Письма 1840 – 1853 / Ю. Ф. Самарин. – М.: [б. и.], 1911. – 479 с.
31. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре от 1720 по 1862 гг. / напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. – СПб.: [б. и.], 1862. – 479 с.
32. Сборник сведений о повременных изданиях (по 1 ноября 1870 г.) – СПб.: [б. и.], 1870. – 374 с.
33. Семенов Д. Д. Избранные педагогические сочинения / Д. Д. Семенов. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1953. – 400 с.
34. Семенов Д. Д. Народное образование в Саратове / Д. Д. Семенов // Образование. – 1893. – № 3. – С. 231–247.
35. Семенов Д. Д. Петербургская начальная школа на ниве столичного самоуправления / Д. Д. Семенов // Народное образование. – 1895. – № 11. – С. 42–58.
36. Толстовский музей. Т. 2. Переписка Л. Н. Толстого со Н. Н. Страховым: 1870 – 1894 / с пред. и прим. Б. Л. Модзалевского. – СПб.: Изд. Общества Толстовского музея, 1914. – 253 с.
37. Устрялов Н. Г. Руководство к первоначальному изучению русской истории / Н. Г. Устрялов. – 8-е изд. СПб.: [б. и.], 1845. – 48 с.
38. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения. В 6 т. / К. Д. Ушинский. – М.: Педагогика, 1988. – Т. 1–2.
39. Ушинский К. Д. Собрание сочинений / К. Д. Ушинский. – М.; Л.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1952. – Т. 11.
40. Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского: (1828 – 1889) / Н. М. Чернышевская. – М.: Госполитиздат, 1953. – 680 с.
41. Ширинский-Шихматов А. П. Воскресные школы России / А. П. Ширинский-Шихматов. – СПб.: [б. и.], 1863. – 58 с.
42. Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. В 2 т. / В. И. Штейнгейль. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985–1992. – Т. 1–2.
- Юбилейный сборник Литературного фонда: Л: 1859 – 1909. – СПб.: [б. и.], 1910. – 630 с.

Мемуары

43. Агафонов Н. Я. Из казанской истории. [Литературные воспоминания из истории Казанского университета] / Н. Я. Агафонов. – Казань, 1906. – 224 с.
44. Адариюков В. Воспоминания / В. Адариюков // Гравюра и книга. – 1924. – № 23. – С. 57–58.
45. Аксаков И. С. История моего знакомства с Гоголем / И. С. Аксаков. – М.: [б. и.], 1890. – 78 с.

46. Анненков П. В. Литературные воспоминания / П. В. Анненков. – М.: Госполитиздат, 1960. – 689 с.
47. Антонович М. А. Из воспоминаний о Чернышевском / М. А. Антонович // Памяти Н. Г. Чернышевского. – СПб., 1910. – С. 14–37.
48. Березин-Ширяев Я. Ф. Николай Павлович Дуров / Я. Ф. Березин-Ширяев // Библиограф. – 1887. – № 1. – С. 5–7.
49. Боборыкин П. Д. Воспоминания. В 2 кн. / П. Д. Боборыкин. – М.: Художественная литература, 1965. – Т. 1–2.
50. Венюков М. И. Из воспоминаний. В 3 кн. / М. И. Венюков. – Амстердам, 1895 – 1901. – Кн. 1–3.
51. Водовозова Е. Дореформенный институт и преобразования К. Д. Ушинского / Е. Водовозова // Русское богатство. – 1908. – № 11. – С. 25–55.
52. Водовозова Е. Н. (Титова) Из заметок старой пенсионерки / Е. Н. Водовозова (Титова) // Воспитание. – 1860. – № 5. – С. 359–368.
53. Водовозова Е. Н. На заре жизни. Воспоминания. В 2 т. / Е. Н. Водовозова; подг. текста, вступ. ст. и прим. Э. С. Виленской и Л. И. Ройтберг. – М.: Художественная литература, 1987. – Т. 1–2.
54. Водовозова-Семевская Е. И. Житейские невзгоды / Е. И. Водовозова-Семевская // Голос минувшего. – 1923. – № 1. – С. 45–72.
55. Воспоминания братьев Бестужевых / ред. П. Е. Щеголев. – Пг.: [б. и.], 1917. – 127 с.
56. Воспоминания Бестужевых / ред. статья и коммент. М. К. Азадовского. – М.; Л.: Изд-во Акад. Наук. СССР, 1951. – 819 с.
57. Вульф А. Н. Рассказы о Пушкине, записанные М. И. Семевским / А. Н. Вульф // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. / под общ. ред. В. Э. Водуоро. – М.: Художественная литература, 1985. – Т. 1. – С. 446–449.
58. Головин А. В. Записки для немногих / А. В. Головин // Вопросы истории. – 1996. № 1–2, 4–6, 9–10; 1997. № 1–11.
59. Дневник государственного секретаря А. А. Половцева. В 2 т. / А. А. Половцев; ред., биогр. очерк и коммент. проф. П. А. Зайончковского. – М.: Наука, 1966. – Т. 1–2.
60. Дневник Е. А. Перетца: (1880 – 1883) / Е. А. Перетц; с предисл. А. Е. Преснякова. – М.; Л.: Госуд. изд-во, 1927. – 172 с.
61. Дневник корректора. (Записки Сунгурова, корректора «Времени») // Русская литература. – 1962. – № 1. – С. 216–229.
62. Драгоманов М. П. Автобиография / М. П. Драгоманов // Былое. – 1906. – № 6. – С. 181–193.
63. Записки Н. Ф. Бунакова. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной: 1837 – 1905 / Н. Ф. Бунаков. – СПб., 1905. – 364 с.
64. Из дневника В. П. Гаевского // Красный архив. – 1940. – № 3 (100). – С. 229–235.
65. Из записок Я. Ф. Березина-Ширяева // Русский библиофил. – 1912. – № 3. – С. 20–25.
66. Кауфман А. Е. За кулисами печати: (Отрывки воспоминаний старого журналиста) / А. Е. Кауфман // Исторический вестник. – 1913. – Т. 133. – № 7. – С. 9–130.
67. Князь Мещерский. Воспоминания / В. П. Мещерский. – М.: Захаров, 2001. – 688 с.
68. Крымов М. А. Знакомство с Н. Г. Чернышевским (1858 – 1862) / М. А. Крымов // Слово. – 1905. – 16 ноября. – Приложение. – С. 12.
69. Мемуары графа С. Д. Шереметьева / сост., подгот. текста и прим. Л. И. Шохина. – М.: Индрик, 2001. – 737 с.
70. Меньков П. К. Записки Петра Коновича Менькова. В 3 т. Т. 2. Дневник П. К. Менькова / П. К. Меньков. – СПб.: [б. и.], 1898. – 370 с.

71. Милотин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милотина: 1850 – 1862 / Д. А. Милотин; подгот. текста и коммент. Л. Г. Захарова и др. – М.: Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова, 1999. – 558 с.
72. Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. В. 10 т. Т. 7. Мой первый литературный опыт / Н. К. Михайловский. – СПб.: [б. и.], 1909. – 980 с.
73. Назарьев В. Н. Вешние всходы: из воспоминаний, встреч и переписки 70-х гг. / В. Н. Назарьев // Вестник Европы. – 1889. – Т. 2. – С. 661–718.
74. Никитенко А. В. Дневник. В 3 т. Т. 1. 1826 – 1857 / А. В. Никитенко М.: Госполитиздат, 1955. – 246 с.
75. Овсянников А. Н. Профессор Николай Павлович Дуров / А. Н. Овсянников // Русская старина. – 1900. – Т. 102. – С. 642–648.
76. Острогорский В. П. Из истории моего учительства. Как я сделался учителем: (1851 – 1864) / А. Н. Овсянников. СПб.: [б. и.], 1895. – 293 с.
77. Семевская Е. Н. Василий Иванович Семевский / Е. Н. Семевская // Голос минувшего. – 1917. – № 9–10. – С. 50 – 71.
78. Семевский В. И. Автобиографические наброски / В. И. Семевский // Голос минувшего. – 1917. – № 9–10. – С. 7 – 49.
79. Семенов Д. Д. М. И. Семевский как педагог. (Посвящается памяти М. И. Семевского) / Д. Д. Семенов // Вестник воспитания. – 1892. – № 4. – С. 121–128.
80. Семенов Д. Д. Очерк педагогической деятельности Иосифа Ивановича Паульсона // Вестник воспитания. – 1898. – № 6. – С. 94–116.
81. Скабичевский А. М. Литературные воспоминания / ред., вступ. ст. и прим. Б. П. Козьмин. – М.; Л.: Земля и фабрика, 1928. – 355 с.
82. Сорокин В. Л. Воспоминания старого студента / В. Л. Сорокин // Русская старина. – 1888. – Т. 60. – С. 617 – 625.
83. Стасов В. В. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки / В. В. Стасов. – СПб.: [б. и.], 1899. – 502 с.
84. Титова (Водовозова) Н. К. Д. Ушинский и В. И. Водовозов. Воспоминания институтки / Н. К. Титова (Водовозова) // Русская старина. – 1887. – № 2. – С. 488–494.
85. Тучкова-Огарева Н. А. Глава из воспоминаний / Н. А. Тучкова-Огарева // Материалы к биографии М. Бакунина. Бакунин в Первом интернационале. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. – 439 с.
86. Худяков И. А. Записки каракозовца / И. А. Худяков. – М.; Л.: Молодая гвардия, 1930. – 213 с.
87. Шелгунов Н. В. Воспоминания. В 2 т. / Н. В. Шелгунов. – М.: Художественная литература, 1967. – Т. 1–2.
88. Шереметев С. Д. Мемуары / С. Д. Шереметев; сост., подг. текста и прим. Л. И. Шохина. – М.: Индрик, 2001. – 735 с.
89. Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записи: (1864 – 1886) / Е. А. Штакеншнейдер. – М.; Л.: Akademia, 1934. – 582 с.

Некрологи

90. В. П. Михаил Иванович Семевский. (Некролог) / В. П. // Мир божий. – 1892. – № 4. – С. 30–33.
91. Михаил Иванович Семевский. [Некролог] // Русская старина. – 1892. – № 4. С. I – XXXI.

Каталоги

92. Бокачев Н. Описи русских библиотек и библиографические издания, находящиеся в исторической и археологической библиотеке Н. Бокачева. Каталог. В 2 т. / Н. Бокачев. – СПб.: [б. и.], 1890. – Т. 1–2.
93. «В этих книгах вся моя скромная трудовая жизнь...» Каталог книг библиотеки М. И. Семевского из собрания Государственного музея политической истории России. – СПб.: ГУК ГМПИР, 2002. – 71 с.
94. Вейс А. Ю. Декабристский фонд изобразительных материалов, хранившихся в Музее института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР / А. Ю. Вейс, М. И. Гонтаева // Декабристы и их время: мат. и сообщ. / под ред. М. П. Алексеева и Б. С. Мейлаха. – М.; Л.: Изд-во Академ. Наук СССР, 1951. – С. 285–371.
95. Ключков В. И. Каталог антикварных книг № 335: каталог, заключающий в себе книги из библиотеки покойного основателя-издателя исторического журнала «Русская старина» Михаила Ивановича Семевского / В. И. Ключков. – СПб., 1903. – 64 с.
96. Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: аннот. кат. Публикации. – М.: Книга, 1989. – 462 с.
97. Краткий указатель архивам разных лиц и учреждений, собранным с 1894 по 1906 гг. Г. В. Юдиным. – СПб. [б. и.], 1907. – 210 с.
98. Подробный словарь русских гравировальных портретов / сост. Д. А. Ровинский. Т. 1. – СПб., 1889. – 344 с.
99. Принцева Г. А. Декабристы в изобразительном искусстве / Г. А. Принцева. – М.: Искусство, 1990. – 230 с.
100. Смирнов-Сокольский Н. П. Моя библиотека. Т. 1–2. / Н. П. Смирнов-Сокольский. – М.: Книга, 1969. – Т. 1–2.

Труды М. И. Семевского

101. Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гвагента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю московскому, Петру первому, в 1698 году, веденный секретарем посольства Иоанном Георгом Корбом / пер. с латинского Б. Женева и М. Семевского // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. – 1866. – Кн. 4. – С. 12; 1867. – Кн. 1. – С. 123 – 206; Кн. 3. – С. 207–382.
102. Козьмин Б. П. Современник о Каракозовском процессе (письма М. И. Семевского) / Б. П. Козьмин // Былое. – 1925. – № 6 (34). – С. 38–54.
103. Семевский М. И. 19 февраля / М. И. Семевский // Русская старина. – 1884. – Т. 41. – С. 669–734.
104. Семевский М. И. Авдотья Федоровна Лопухина / М. И. Семевский. – М., 1859. – 47 с.
105. Семевский М. И. Александр Николаевич Креницин: некролог / М. И. Семевский // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865. – 16 (28) сентября. – № 241. – С. 3.
106. Семевский М. И. Александр Федорович Гильфердинг (1831 – 1872) / М. И. Семевский // Русская старина. – 1872. – Т. 6. – С. 455–456.
107. Семевский М. И. Биографические заметки: А. Креницин, гр. Я. Ростовцев и В. Соколовский / М. И. Семевский // Отечественные записки. – 1860. – № 5. – С. 285–299.
108. Семевский М. И. Василий Андреевич Золотов. [Некролог] / М. И. Семевский // Русская старина. – 1883. – № 1. – С. 178.

109. Семевский М. И. Г-ну Тягунову: (по поводу статьи «Сказочник Ерофей») / М. И. Семевский // Отечественные записки. – 1864. – Т. 155. – С. 991–993.
110. Семевский М. И. Городское управление и городские выборы в Холме Псковской губернии / М. И. Семевский // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865. – № 187. – С. 1–3.
111. Семевский М. И. Грамотность в сельском населении Псковской губернии в 1863 г. / М. И. Семевский. – СПб.: [б. и.], 1864. – 93 с.
112. Семевский М. И. Грамотность в деревнях временно-обязанных крестьян Псковской губернии в 1863 г. / М. И. Семевский. – СПб.: [б. и.], 1864. – 89 с.
113. Семевский М. И. Грамотность в деревнях государственных крестьян Псковской губернии в 1863 г. / М. И. Семевский. – СПб.: [б. и.], 1864. – 107 с.
114. Семевский М. И. Елизавета Петровна до востшествия своего на престол / М. И. Семевский // Русское слово. – 1859. – № 2. – С. 209 – 277.
115. Семевский М. И. Замечательная попытка применения русского алфавита к польскому языку, – заметка по поводу книги: «Элементарь» / М. И. Семевский // Отечественные записки. – 1866. – № 12. – С. 749 – 764.
116. Семевский М. И. Иван Скобелев / М. И. Семевский // Русская речь. – 1861. – № 95. – С. 673 – 678; № 96. – С. 689 – 694.
117. Семевский М. И. Из Псковской губернии: корреспонденция / М. И. Семевский // Голос. – 1868. – 6 февраля. – С. 3.
118. Семевский М. И. Историко-этнографические заметки о Великих Луках и Великолуцком уезде / М. И. Семевский. – СПб.: [б. и.], 1857. – 211 с.
119. Семевский М. И. Кожуховский поход. (Современное описание 1694 г.) / М. И. Семевский // Иллюстрация. – 1859. – № 43. – С. 236; № 44. – С. 295; № 45. – С. 315; № 46. – С. 327; № 47. – С. 349 – 350; № 49. – С. 382 – 383.
120. Семевский М. И. Кончина барона Владимира Ивановича Штейнгеля. Некролог: 1783 – 1862 / М. И. Семевский // Современное слово. – 1862. – № 93. – С. 3.
121. Семевский М. И. Ледяной дом. Шуты и забавы при дворе Анны Иоанновны / М. И. Семевский // Общеэзанимательный вестник. – 1957. – № 16. – С. 555–573.
122. Семевский М. И. Маринское женское училище во Пскове / М. И. Семевский // Голос. – 1863. – № 83, 85, 86. – С. 1–2.
123. Семевский М. И. Место заточения царицы Авдотьи Федоровны Лопухиной / М. И. Семевский // На несколько часов: лит. сб. Вып. 2. – СПб., 1867. – С. 266–348.
124. Семевский М. И. Народные толки о происхождении Петра I / М. И. Семевский // Светоч. – 1862. – № 1. – С. 21 – 60.
125. Семевский М. И. Несколько слов о книге для чтения г. Водовозова / М. И. Семевский // Народная школа. – № 12. – С. 20.
126. Семевский М. И. Несколько слов о фамилии Грибоедовых / М. И. Семевский // Москвитинин. – 1856. – № 12. – С. 309 – 320.
127. Семевский М. И. О применении русского алфавита к польскому языку / М. И. Семевский // Русский инвалид. – 1866. – № 122. – С. 3 – 4.
128. Семевский М. И. Об исключении и увольнении воспитанников из учебных заведений. Реферат, читанный на заседании Петербургского педагогического общества / М. И. Семевский. – СПб.: [б. и.], 1877. – 16 с.
129. Семевский М. И. Общественное образование в Царстве Польском: 1815 – 1864 / М. И. Семевский – СПб.: [б. и.], 1864. – 61 с.
130. Семевский М. И. От Твери до Астрахани, волжские заметки, 1861 г. / М. И. Семевский // Отечественные записки. – 1861. – № 12. – С. 421–464; 1862. – № 4. – С. 335–366; № 6. – С. 54–81; № 12. – С. 498–546.
131. Семевский М. И. Ответ на заметку Е. Стрельцова / М. И. Семевский // Учитель. – 1864. – № 15–16. – С. 615–618.
132. Семевский М. И. Отмена телесного наказания в Царстве Польском / М. И. Семевский // Голос. – 1864. – № 283. – С. 3.

133. Семевский М. И. Петр Первый, как юморист / М. И. Семевский // Русская старина. – 1872. – Т. 6. – С. 845–889.
134. Семевский М. И. Петр Первый, как юморист / М. И. Семевский // Светоч. – 1861. – Кн. 9. – 50 с.
135. Семевский М. И. По поводу заметки Н. Устрялова / М. И. Семевский // Голос. 1864. – 7 июля. – С. 3.
136. Семевский М. И. Поездка по Псковской губернии 1862 г. / М. И. Семевский. – СПб.: [б. и.], 1862. – 60 с.
137. Семевский М. И. Поездка по России в 1890 г. / М. И. Семевский // Русская старина. – 1890. – Т. 68. – С. 713–745.
138. Семевский М. И. Поправка: (письмо в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей») / М. И. Семевский. – Санкт-Петербургские ведомости. – 1865. – № 231. – С. 2.
139. Семевский М. И. Прогулка в Тригорское: заметки и материалы для биографии Пушкина, Жуковского, Языкова и барона Дельвига / М. И. Семевский // Санкт-Петербургские ведомости. – 1866. – № 139, 146, 157, 163, 168, 175. – С. 2–3.
140. Семевский М. И. Профессор и академик Я. К. Грот: 50-летняя ученая и литературная его деятельность / М. И. Семевский // Русская старина. – 1883. – Т. 37. – С. 213–250.
141. Семевский М. И. Путевые очерки, заметки и наброски. Поездка по России в 1888 г. / М. И. Семевский // Русская старина. – 1888. – Т. 59. – С. 421–448.
142. Семевский М. И. Рец. на кн.: «Библиографический сборник». Изд. П. Ефремовым / М. И. Семевский // Голос. – 1867. – 4 июля. – № 185. – С. 4.
143. Семевский М. И. Рец. на кн.: «Воспоминания кавказского офицера» / М. И. Семевский // Книжный вестник. – 1865. – № 8. – С. 146–147.
144. Семевский М. И. Рец. на кн.: «Новая русская литература: от Жуковского до Голя включительно / сост. В. И. Водовозов. СПб., 1870» / М. И. Семевский // Русская старина. – 1871. – Т. 3. – Обложка.
145. Семевский М. И. Рец. на кн.: В. И. Водовозов. «О том, как стал Петербург и откуда пошла русская наука» / М. И. Семевский // Русская старина. – 1870. – Т. 2. – Обложка.
146. Семевский М. И. Речь гласного на заседании Санкт-Петербургской Городской Думы. 15 января 1882 г. / М. И. Семевский // Русская старина. – 1882. – Т. 33. – С. 557 – 559.
147. Семевский М. И. Семен Андреевич Порошин: 1741 – 1769 / М. И. Семевский // Русский вестник. – 1866. – Кн. 8. – С. 421–455.
148. Семевский М. И. Сказочник Ерофей / М. И. Семевский // Отечественные записки. – 1864. – № 2. – С. 485–498.
149. Семевский М. И. Слово и дело. Рассказы из времени Петра Великого: 1719 – 1724 гг. / М. И. Семевский // Светоч. – 1861. – № 3. – 30 с.; № 4. – 40 с.
150. Семевский М. И. Средние учебные заведения в Царстве Польском / М. И. Семевский // Русский инвалид. – 1866. – № 301. – С. 2; № 303. – С. 1–2; № 304. – С. 1–2.
151. Семевский М. И. Шарлота-Христина-София, принцесса Брауншвейг-Люнебургская, супруга царевича Алексея / М. И. Семевский // Ваза. – 1859. – № 8. – С. 59 – 61; № 9. – С. 67 – 69.

Публикации записей устных рассказов, выполненных М. И. Семевским

152. Запись беседы Салтыкова с М. И. Семевским / сообщ. И. Троцкого // Литературное наследство. – М., 1934. – Т. 13–14. – С. 519–527.
153. Меренберг Н. А. [Воспоминания об отце] / Н. А. Меренберг; запись М. И. Семевского // Новые материалы о дуэли и смерти А. С. Пушкина / под ред. Б. Л. Модзалевского, Ю. Г. Оксмана, М. А. Цяпловского. – Пг.: [б. и.], 1924. – С. 127–130.
154. Осипова М. И. Рассказы о Пушкине, записанные М. И. Семевским / М. И. Осипова // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. / под. общ. ред. В. Э. Вацура и др. – М.: Художественная литература, 1985. – Т. 1. – С. 457–461.
155. Рассказы Е. А. Бестужевой об отце и братьях // Верные сыны отечества. Воспоминания участников декабристского движения в Петербурге / сост. Л. Б. Добринская, Л. С. Семенов; научн. ред. С. С. Волк. – Л.: Лениздат, 1982. – С. 360–378.
156. Рассказы М. и Е. Бестужевых в записях М. И. Семевского // Воспоминания Бестужевых / ред., ст. и коммент. М. К. Азадовского. – М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1951. – С. 387–420.
157. Рассказы о Рылееве рассылного «Полярной звезды» / публ. Ю. Г. Оксмана // Литературное наследство. – М., 1954. – Т. 51. Кн. 1. – С. 251–256.
158. Рассказы о своем прошлом светлейшего князя А. М. Горчакова, записанные в Ницце весной 1882 г. // Андреев А. Р. Последний канцлер Российской империи Александр Михайлович Горчаков. Документальное жизнеописание / А. Р. Андреев. – М.: «Белый волк» – КРАФТ, 1999. – С. 127–135.
159. Рассказы Прасковьи Егоровны Анненковой, рожденной Гебль: (1800 – 1876) // Русская старина. – 1888. – Т. 57. – С. 169–198, 433–456, 567–604. Сербинович К. С. Николай Михайлович Карамзин. Воспоминания / К. С. Сербинович // Русская старина. – 1874. – Т. 11. – С. 44–75, 236–272.
160. Семевский М. И. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (6/II 1882) / М. И. Семевский // М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. В 2 т. – 2-е изд. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. 1. – С. 177–184.
161. Троицкий И. М. Запись беседы Салтыкова с М. И. Семевским / И. М. Троицкий // Литературное наследство. – М., 1934. – №13–14. – С. 519–520.

Издания редакции «Русская старина»

162. Бунт военных поселян в 1831 году. Рассказы и воспоминания очевидцев. – СПб.: [б. и.], 1870. – 282 с.
163. Записки Манштейна о России: 1727 – 1744 / пер. с франц. В. В. Тимошук с подлинной рукописи Манштейна; пред. Мих. Семевского. – СПб.: Изд. «Русской старины», 1875. – 397 с.
164. Знакомые. Альбом М. И. Семевского, издателя-редактора исторического журнала «Русская старина»: 1867 – 1888. – СПб.: [б. и.], 1888. – 416 с.
165. Историко-юридические акты XVI и XVII вв. / собрал, описал и принес в дар Археографической комиссии член комиссии М. И. Семевский. – СПб.: [б. и.], 1892. – 72 с.
166. Островский А. Н. Банкрот: Свои люди – сочтемся. Комедия в 4-х действиях / сочинение Александра Николаевича Островского, собственноручная рукопись, подаренная им М. И. Семевскому в 1855 г. в Москве; пред. М. И. Семевского; изд. ист. журн. «Русская старина». – СПб., 1891. – 78 с. – Отд. отт.
167. Русские деятели в портретах, изданных редакцией исторического журнала «Русская старина». 2 – 5 собр. – СПб.: [б. и.], 1889 – 1891. – Собр. 2–5.
168. Русские деятели в портретах, гравированных академиком Лаврентием Серяковым. Вып. 1. – СПб.: Изд. ред. журн. «Русская старина», 1882. – 182 с.

Литература

169. Абрамов Я. В. Наши воскресные школы: Их прошлое и настоящее / Я. В. Абрамов. – СПб.: [б. и.], 1900. – 352 с.
170. Авдеева Л. Р. Русские мыслители: Ап. А. Григорьев. Н. Н. Данилевский, Н. Н. Страхов. Философская культурология второй половины XIX в. / Л. Р. Авдеева. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 192 с.
171. Аверинцев С. С. Добрый Плутарх рассказывает о героях, или счастливый брак биографического жанра и моральной философии / С. С. Аверинцев // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. – М.: Наука, 1994. – Т. 1. – С. 637 – 654.
172. Азадовский М. К. Страницы истории декабризма. В 2 кн. Кн. 1 / М. К. Азадовский. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. – 496 с.
173. Азбелев С. Н. Александр Федорович Гильфердинг (1831 – 1872) / С. Н. Азбелев // Смирнов С. В. Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX вв. Справочное пособие. – М.: Флинта–Наука, 2001. – С. 151–160.
174. Айрапетов О. Р. Н. Н. Обручев и дело «Военного сборника» (1858) / О. Р. Айрапетов // П. А. Зайончковский: 1904 – 1983 / Статьи, публикации и воспоминания о нем. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – С. 442–452.
175. Акопов А. И. Отечественные специальные журналы: 1765 – 1917: историко-типологический обзор / А. И. Акопов. – Ростов н/Дону: Изд-во Ростов гос. ун-та, 1986. – 125 с.
176. Аксаков И. С. Федор Иванович Тютчев. (Биографические очерки) / И. С. Аксаков. – М.: [б. и.], 1874. – 406 стлб.
177. Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII в. / Е. В. Анисимов. – М.: Новое лит. обозрение, 1999. – 719 с.
178. Анисимов Е. В. Елизавета Петровна / Е. В. Анисимов. – М.: Молодая гвардия, 2002. – 425 с.
179. Анисимова Е. Е. Авторы и создатели книги М. И. Семевского «Павловск. Очерк истории». 1877/ Е. Е. Анисимова // Павловские чтения: сб. мат. науч. конф. 1996 – 1997 / научн. ред.: Н. С. Третьяков, Л. В. Коваль. – СПб.; Павловск: АРТ-Палас, 1998. – С. 8–19.
180. Артамонов В. П. Предисловие / В. П. Артамонов // Семевский М. И. Царица Екатерина Алексеевна. Анна и Вильям Монс: 1692 – 1729. – М.: Пресса, 1994. – С. 3–10.
181. Афиани В. Ю. О журнальной археографии / В. Ю. Афиани // Археографический ежегодник за 1988 г. – М., 1989. – С. 15–24.
182. Базанов В. Г. А. Ф. Гильфердинг и его «Обонежские былины» / В. Г. Базанов // Обонежские былины. В 4 т. – 4-е изд. – М.;Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. – Т. 1. – С. 1–28.
183. Базанов В. Г. Капитон Сунгуров и его записная книжка / В. Г. Базанов // Русская литература. – 1862. – № 1. – С. 216–229.
184. Базанов В. Г. Поэзия Русского севера / В. Г. Базанов. – Петрозаводск: Карелия, 1981. – 288 с.
185. Баландин А. И. А. Ф. Гильфердинг – собиратель былин на Севере / А. И. Баландин // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1983. – С. 3–38.
186. Балуев Б. П. Искренний и правдивый друг народа: Василий Иванович Семевский / Б. П. Балуев // Историки России: XVIII – начало XX в. – М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1996. – С. 446–485.
187. Банк В. Б. Изучение читателей в России (XIX в.) / В. Б. Банк. – М.: Книга, 1969. – 262 с.

188. Барг М. А. Категории и методы исторической науки / М. А. Барг. – М.: Наука, 1984. – 342 с.
189. Баренбаум И. Е. Книжный Петербург – Ленинград / И. Е. Баренбаум, Н. А. Костылева. – Л.: Лениздат, 1986. – 446 с.
190. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1 – 22. Кн. 17. / Н. П. Барсуков. – СПб.: [б. и.], 1903. – 217 с.
191. Баскаков В. Н. Библиотека и книжные собрания Пушкинского Дома / В. Н. Баскаков. – Л.: Наука, 1984. – 37 с.
192. Бегби Л. Александр Бестужев-Марлинский и русский байронизм / Л. Бегби; Университет штата Пенсильвания. – СПб.: , 2001. – 258 с.
193. Беленький И. Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции / И. Л. Беленький // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 5. Спец. выпуск: Историческая биография и персональная история. – М., 2001. – С. 40–83.
194. Беленький И. Л. Проблемы биографического жанра в советской исторической науке. Научно-аналитический обзор / И. Л. Беленький. – М.: ИНКОН АН СССР, 1988. – 27 с.
195. Белов И. Учебники по истории и географии / И. Белов // Русский инвалид. – 1864. – 31 января. – Прибавление к № 3. – С. 5–6.
196. Белявский А. Исторический очерк элементарной школы в биографиях замечательных педагогов и по уставам правительства / А. Белявский. – СПб., 1905. – 102 с.
197. Беляева Х. Ф. КATALOGИ библиотеки Пушкинского Дома Академии Наук СССР / Х. Ф. Беляева, А. Н. Степанов // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР. – М., 1958. – № 20. – С. 32–53.
198. Берков П. Н. Личные библиотеки трех русских писателей (Ломоносова, Пушкина, М. Горького) / П. Н. Берков. // Книга: Исследования и материалы: сб. / Всесоюзная книжная палата. – М.: Книга, 1963. – Т. 8. – С. 349–376.
199. Беспалова Э. К. Теоретическое введение в историю библиографии / Э. К. Беспалова; Московский гос. ун-т культуры и искусств. – М.: МГУКИ, 2003. – 39 с.
200. Беспалова Э. К. Формирование библиографической мысли в России (до 60-х гг. XIX в.) / Э. К. Беспалова. – М.: Изд-во МГУ культуры, 1994. – 282 с.
201. Бестужев Н. А. Рассказы и повести старого моряка / Н. А. Бестужев. – М.: [б. и.], 1860. – 515 с.
202. Бестужев-Рюмин К. Н. О. Ф. Миллер. (Некролог). – Отд. отд. из ЖМНП – 1889. – Июль. – 3 с.
203. Библия или книга священного писания ветхого и нового завета. Российское библейское общество. – [Б. м.]: [б. и.], [182–]. – 1124 стлб.
204. Биография как историческое исследование // История СССР. – 1970. – № 4. – С. 231–242.
205. Блок М. Антропология истории или ремесло историка / М. Блок. – М.: Наука, 1973. – 232 с.
206. Блюм А. В. Издательская деятельность Санкт-Петербургского комитета грамотности / А. В. Блюм // Книга: Исследования и материалы: сб. / Всесоюзная книжная палата. – М.: Книга, 1979. Т. 38. – С. 99–117.
207. Богданов В. Биографический метод в литературоведении / В. Богданов // Словарь литературных терминов. – М.: Просвещение, 1979. – С. 32–33.
208. Богданович Т. А. Любовь людей 60-х гг. / Т. А. Богданович; пред. Н. К. Пиксанова. – Л.: Akademia, 1929. – 417 с.
209. Бронникова Е. В. О приобретении Г. В. Юдиным части библиотеки М. И. Семевского // Мир источниковедения: (сб. в честь Сигурта Отговича Шмидта). – М.; Пенза: Историко-архивный институт Российского гос. гуманит. ун-та, 1994. – С. 116–119.

210. Бронникова Е. В. Пушкиниана «Русской старины» / Е. В. Бронникова // Археографический ежегодник за 1999 г. – М., 2000. – С. 193–209.
211. Буртина А. Ю. Мелочи иерейской жизни: документальный очерк об И. С. Беллюстине / А. Ю. Буртина // Лица: Биографический альманах. – М.; СПб.: Феникс–Atheneum, 1995. – Вып. 6. – С. 187–237.
212. Валевский А. Л. Биографика как дисциплина гуманитарного цикла / А. Л. Валевский // Лица. Биографический альманах. – М.; СПб.: Феникс–Atheneum, 1995. – Вып. 6. – С. 32–69.
213. Варустин Л. Э. Журнал «Родное слово»: 1856 – 1866 / Л. Э. Варустин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. – 252 с.
214. Вейсман Е. Подвиг русского библиофила (М. Д. Хмыров) / Е. Вейсман // Альманах библиофила: сб. Вып. [1]. – М.: Книга, 1973. – С. 99–108.
215. Видеман Г. Руководство к первоначальному обучению истории, изложенное в форме биографий для низших классов гимназий. Ч. 1–2 / Г. Видеман. – СПб., 1865. – Ч. 1–2.
216. Виленская Э. С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.) / Э. С. Виленская. – М.: Наука, 1965. – 467 с.
217. Винокур Г. О. Биография и культура / Г. О. Винокур; Труды Гос. акад. худ. наук. – М.: [б. и.], 1927. – 86 с.
218. Власть и реформы. От самодержавия к советской власти. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. – 800 с.
219. Володин А. И. Лавров / А. И. Володин, Б. С. Итенберг. – М.: Молодая гвардия, 1981. – 319 с.
220. Врубель И. Боярин «Русской старины» / И. Врубель // Родина. – 1989. – № 9. – С. 54–56;
221. Ганелин Ш. И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX в. / Ш. И. Ганелин – 2-е изд. – М.: Учпелгиз, 1954. – 304 с.
222. Геннади Г. Н. О публичных библиотеках в русских городах / Г. Н. Геннади // Московские ведомости. – М., 1858. – 12 с. – Отд. отд.
223. Геннади Г. Н. Указатель библиотек в России / Г. Н. Геннади. – СПб.: [б. и.], 1864. – 36 с.
224. Герцен А. И. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 12. Произведения 1852 – 1857 гг. / А. И. Герцен. – М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1957. – 612 с.
225. Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные им летом 1871 г. В 2 т. Т. 1. / А. Ф. Гильфердинг. – 4-е изд. – М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1949. – 812 с.
226. Гинзбург Л. Я. Автобиографическое в творчестве Герцена / Л. Я. Гинзбург // Литературное наследство. – М.: Наука, 2001. – Т. 99. – Кн. 1. – С. 7–54.
227. Глинский Б. Б. Революционный период русской истории: (1861 – 1881). Ч. 1. / Б. Б. Глинский. – [Б. м.]: [б. и.], 1913. – 588 с.
228. Глушко Ю. Школа российского офицерства: исторический справочник / Ю. Глушко, А. Колесников. – М.: «Русский мир», 1993. – 220 с.
229. Гольцов В. А. Памяти В. Н. Лешкова / В. А. Гольцов // Русская старина. – 1882. – Т. 35. – С. 665–668 с.
230. Гончаров Н. К. Педагогическая система К. Д. Ушинского / Н. К. Гончаров. – М.: Педагогика, 1974. – 272 с.
231. Градовский А. Д. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 6. Статьи и публицистические лекции по национальному вопросу / А. Д. Градовский. – СПб.: [б. и.], 1901. – 653 с.
232. Градовский Гр. Суд потомства. Памяти М. И. Семеевского / Гр. Градовский. // Новости и биржевая газета. – 1895. – 10 марта. – С. 2–3.
233. Данилов В. А. А. Н. Креницин / В. А. Данилов. // Русская литература. – 1960. – № 3. – С. 151–156.

234. Данилов В. В. Дедушка русских исторических журналов / В. В. Данилов // Исторический вестник. – 1915. – Т. 141. – № 7. – С. 109–129.
235. Данин Д. С. Сорок баррелей парижского пластыря. О психологической реконструкции образа ученого / Д. С. Данин // Человек науки. – М.: Наука, 1974. – С. 56–73.
236. Декабристы. Неизданные материалы и статьи: Труды Пушкинского Дома при Российской Академии наук / под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. – М.: Изд. Всесоюз. общ. полит. каторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. – 336 с.
237. Де-Воллан Г. Наши исторические журналы за 1879 г. / Г. Де-Воллан // Книжное обозрение. – 1879. – № 12. – С. 24–31.
238. Деятели книги в альбоме «Знакомые». (Неопубликованные записи) / публ. А. П. Астафьева, М. Д. Троицкого // Книга: Исследования и материалы: сб. / Всесоюзная книжная палата. – М.: Книга, 1983. – Т. 47. – С. 189–190.
239. Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. В 5 т. Т. 1: От предшественников декабристов до падения режима / сост. А. А. Шилов, М. Г. Карноухова; под ред. Вл. Виленского-Сибириякова. – М.; Л.: Изд. Всесоюзного общ. политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. – 496 стлб.
240. Джаншиев Г. А. М. Унковский и освобождение крестьян / Г. Джаншиев. – М.: [б. и.], 1894. – 192 с.
241. Диксон К. И. Санкт-Петербургский комитет грамотности. Исторический очерк: 1861 – 1911 / К. И. Диксон, Б. Э. Кетриц. – СПб.: [б. и.], 1911. – 57 с.
242. Динерштейн Е. С. Публикация сочинений декабристов в 1908 – 1917 гг. / Е. С. Динерштейн // Книжное дело в России во второй половине XIX в. – нач. XX в.: сб. науч. тр. / М-во культуры РСФСР, Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. 4. – Л.: ГПБ, 1989. – С. 63 – 93.
243. Дмитриев С. С. Именословие русских исторических журналов / С. С. Дмитриев // Русская литература. – 1967. – № 1. – С. 73–83.
244. Дмитриев С. С. Источниковедение русской исторической журналистики: (постановка темы и проблематика) / С. С. Дмитриев // Источниковедение отечественной истории. 1975: сб. ст. – М.: Наука, – 1976. – С. 272–305.
245. Дневник В. К. Кюхельбекера. Материалы к истории русской литературы и общественной жизни 10 – 40-гг. XIX в. – Л.: Прибой, 1929. – 379 с.
246. Добрушин Е. М. О некоторых вопросах изучения терминологии и истории археографии / Е. М. Добрушин // Археографический ежегодник за 1987 год. – М., 1988. – С. 92–102.
247. Дронов И. Т. Воскресные школы очаги культуры и просвещения / И. Т. Дронов // Советская педагогика. – 1971. – № 6. – С. 112–117.
248. Дронов И. Т. Первые воскресные школы в России / И. Т. Дронов // Вопросы истории. – 1970. – № 6. – С. 198–201.
249. Дудзинская Е. А. Славянофилы в общественной борьбе / Е. А. Дудзинская. – М.: Мысль, 1983. – 272 с.
250. Дьяков В. А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии: 1856 – 1865: Библиографический словарь / В. А. Дьяков. – М.: Наука, 1967. – 250 с.
251. Евгенийев-Максимов В. Е. Некрасов как человек, журналист и поэт / В. Е. Евгенийев-Максимов. – М.: Гос. изд-во, 1922. – 312 с.
252. Егоров С. Ф. К. Д. Ушинский: жизнь и педагогическая деятельность / С. Ф. Егоров. // Ушинский К. Д. Педагогические сочинения. В 6 т. Т. 1. / К. Д. Ушинский. – М.: Педагогика, 1988. – С. 5–28.
253. Зажурило В. К. Ушинский в Петербурге / В. К. Зажурило. – Л.: Лениздат, 1979. – 191 с.
254. Зайончковский П. А. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннот. указ. кн. и публ. в журн. В 4 т. – М.: Книга, 1978 – 1989. – Т. 1–4.

255. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 – 1880-х годов / П. А. Зайончковский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. – 511 с.
256. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. (Политическая реакция 80 – начала 90-х годов) / П. А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1970. – 444 с.
257. Зайцев А. Д. Петр Иванович Бартенев / А. Д. Зайцев. – М.: Московский рабочий, 1989. – 172 с.
258. Зайцев А. Д. Петр Иванович Бартенев и журнал «Русский архив» / А. Д. Зайцев. – М.: АО «Московские учебники и картография», 2001. – 243 с. ил.
259. Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX в. / Н. В. Здобнов. – 3-е изд. – М.: Госкультпросветиздат, 1955. – 608 с.
260. Зейфман Н. В. Письма В. И. Штейнгейля к Г. С. Батенкову / Н. В. Зейфман // Археографический ежегодник за 1975 г. – М., 1976. – С. 261–270.
261. Зикеев Н. К истории возникновения Петербургского педагогического общества / Н. Зикеев // Советская педагогика. – 1938. – № 11. – С. 92–97.
262. Зильберштейн И. С. Николай Бестужев и его живописное наследие / И. С. Зильберштейн // Литературное наследство. – М., 1956. – Т. 60. – Кн. 2. – С. 7–430.
263. Иванов А. И. О путевых заметках К. Д. Ушинского во время поездки в Самарскую губернию летом 1861 г. / А. И. Иванов // Доклады на научных конференциях сб. ст. / Ярославский государственный педагогический институт им. К. Д. Ушинского. – Ярославль, 1963. – Т. 2. – Ч. 2. – Вып. 1. – С. 93–101.
264. Иваск У. Г. Описание редких книжных знаков. Вып. 1 – 3. / У. Г. Иваск. – М.: [б. и.], 1905. – Вып. 1. – 123 с.
265. Иваск У. Г. Частные библиотеки России. В 2 ч. Ч. 2. / У. Г. Иваск. – СПб.: [б. и.], 1912. – 80 с.
266. Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. 1. Кн. 2 / В. С. Иконников–Киев: [б. и.], 1891. – 1283 с.
267. Ионова И. Г. Воскресные школы в годы первой революционной ситуации: (1859 – 1861) / И. Г. Ионова // Исторические записки. – М., 1956. – № 57. – С. 177–210.
268. Искюль С. Н. Послесловие / С. Н. Искюль // Русская старина: путеводитель по XVIII в. / сост. А. В. Кургатников; послесловие С. Н. Искюль. – М.: РИК «Культура»; СПб.: Информационно-издательское агентство «ЛИК», 1996. – С. 360–369.
269. «Исповедь» В. И. Кельсиева / вступ. ст. М. Клевенского // Литературное наследство. – М., 1941. – Т. 41–42. – С. 253–262.
270. Историографии истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. – 2-е изд. – М.: Высш. школа, 1971. – 458 с.
271. Историческая биография: сб. обзоров. К XVII Международному конгрессу исторических наук (Мадрид, август. 1990) / Академия наук. Институт научной информации по общественным наукам. – М.: [б. и.], 1990. – 227 с.
272. Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герцена и Н. А. Огарева. В 3 кн. Кн. 3: Комментарии и указатели. – М.: Наука, 1971. – 301 с.
273. История библиотеки Академии Наук СССР: 1714 – 1964. – М.; Л.: Наука, 1964. – 599 с.
274. Итенберг Б. С. П. Л. Лавров в русском революционном движении / Б.С. Итенберг. – М.: Наука, 1988. – 301 с.
275. К[арева] Н. История / Н. К[арева] // Энциклопедический словарь / под ред. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. – СПб., Т. 13^а. – С. 500–508.
276. Кавелин К. Д. Собр. соч. В 4 т. Т. 3. / К. Д. Кавелин. – СПб.: [б. и.], 1899. – 1163 стлб.

277. Карамзин Н. М. История государства Российского / коммент. А. М. Кузнецова. Т. I – IV. – Калуга: Золотая аллея, 1993. – 560 с.
278. Кареев Н. И. Сущность исторического прогресса и роль личности в истории / Н. И. Кареев. – СПб.: [б. и.], 1914. – 574 с.
279. Кареев Н. И. Идея всеобщей истории. Вступительная лекция, читанная в Санкт-Петербургском ун-те / Н. И. Кареев. – СПб.: [б. и.], 1885. – 20 с.
280. Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. / Р. А. Киреева. – М.: Наука, 1983. – 216 с.
281. Киреева Р. А. Не мог жить и не писать: Николай Иванович Костомаров / Р. А. Киреева // Историки России: XVIII – начало XX века. – М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1996. – С. 268 – 314.
282. Китаев В. А. «Вестник Европы» и славянофильство / В. А. Китаев // П. А. Зайончковский (1904 – 1983). Статьи, публикации, воспоминания о нем. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – С. 335–351.
283. Китаев В. А. Славянофилы после отмены крепостного права: учеб. пособие / В. А. Китаев. – Волгоград: Изд-во Волгоград. ун-та, 1994. – 68 с.
284. Клевенский М. «Исповедь» В. И. Кельсиева / М. Клевенский // Литературное наследство. – 1941. – Т. 41–42. – С. 253–262.
285. Климанов Л. Г. Феномен библиофильства / Л. Г. Климанов, М. Т. Петров // Книга: Исследования и материалы: сб. / Всесоюзная книжная палата. – М.: Книга, 1983. – Т. 46. – С. 155–169.
286. Ключевский В. О. Ответы и отзывы. Третий сб. статей. – М.: [б. и.], 1914. – 482 с.
287. Книга в России: 1861 – 1881. В 3 т. / Науч. совет по истории мировой культуры АН СССР, Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; под общ. ред. И. И. Фроловой. – М., 1988 – 1991. – Т. 1–3.
288. Книговедение: энциклопедический словарь / ред. коллегия: Н. М. Сикорский и др. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – 664 с.
289. Кобленц И. Н. Историческая библиография / И. Н. Кобленц // Очерки истории исторической науки. В 4 т. – М.: Изд-во Акад. Наук СССР. – Т. 2. – С. 683–693.
290. Ковальченко И. Д. Историк Сергей Михайлович Соловьев. Его жизнь, труды, научное наследство / И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев // Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. / отв. ред. и авт. вступ. ст. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. – М.: Мысль, 1988. – Т. 1. – С. 6–48.
291. Козлов В. П. Российское архивное дело: архивно-источниковедческие исследования / В. П. Козлов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 335 с.
292. Козлов В. П. Коллекционирование исторических источников как одна из проблем историографии, археографии и архивоведения (на примере русских частных собраний конца XVIII – начала XIX в.) / В. П. Козлов // Козлов В. П. Российское архивное дело: архивно-источниковедческие исследования. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – С. 141–150.
293. Козлов В. П. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII – XIX в. / В. П. Козлов. – М.: Аспект-пресс, 1996. – 269 с.
294. Козьмин Б. П. Герцен и Огарев, и «молодая эмиграция» / Б. П. Козьмин // Литературное наследство. – 1941. – Т. 41–42. – С. 3–48 с.
295. Козьмин Б. П. Мемуары Е. Н. Водовозовой / Б. П. Козьмин // Водовозова Е. Н. На заре жизни и другие воспоминания. В 2 т. – М.; Л. Academia, 1934. – Т. 1. – С. 3–23 с.
296. Козьмин Б. П. Современник о Каракозовском процессе: (письма М. И. Семевского) / Б. П. Козьмин // Былое. – 1925. – № 6 (34). – С. 38–54.
297. Корнилов Е. А. Типология периодической печати: основные понятия и категории / Е. А. Корнилов // Типология периодических изданий. – Ростов: Изд-во РГУ, 1984. – С. 4–15.

298. Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. Ч. 1. / Н. И. Костомаров. – СПб.: [б. и.], 1861. – 104 с.
299. Костомаров Н. И. Литературное наследие / Н. И. Костомаров. – СПб.: [б. и.], 1890. – 523 с.
300. Кох О. Б. «Имение это останется в роде Семевских...» (Сельцо Федорцево Великолуцкого уезда) / О. Б. Кох, Н. В. Пархомик // Псков: Научно-практический, историко-краеведческий журнал. – 2002. – № 16. – С. 73–82.
301. Кох О. Б. «Моя любимые книги и книжечки...» (Заметки о библиотеке М. И. Семевского) / О. Б. Кох // Псков: Научно – практический, историко-краеведческий журнал. – 2000. – № 13. – С. 51–64.
302. Кох О. Б. «Он был титулярный советник...» / О. Б. Кох // Псков: Научно-практический, историко-краеведческий журнал. – 1999. – № 10. – С. 17–22.
303. Кох О. Б. Граф Николай Яковлевич Ростовцев – гласный Порховского уездного земства / О. Б. Кох // Краеведческие чтения. Порхов – Холмки: мат. науч. конф. 21 – 23 сентября 2001 г. – Псков: ПОИПКРО, 2002. – С. 131–141.
304. Кох О. Б. Движение декабристов в восприятии поколения шестидесятых годов XIX в. (По материалам архива М. И. Семевского) / О. Б. Кох // Историзм в культуре: мат. Междунар. науч. конф. в СПб. 24 – 25 ноября 1997 г. / СПб. Гос. акад. культуры. – СПб.: СПбГАК, 1998. – С. 54–58.
305. Кром М. М. Историческая биография: новая жизнь старого жанра / М. М. Кром // Историко-краеведческие и методологические проблемы биографических исследований: сб. мат. научно-практического семинара (Санкт-Петербург, 4 – 5 июня 2002 г.) – СПб.: Изд. СПбГУ, 2002. – С. 182–189.
306. Лаппо-Данилевский А. С. Лекции по русской истории, читанные в Императорском историко-филологическом институте: 1891 – 1922 / А. С. Лаппо-Данилевский – СПб.: [б. и.], 1891. – 157 с.
307. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. / В. Р. Лейкина-Свирская. – М.: Наука, 1971. – 368 с.
308. Лемке М. К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов» / М. К. Лемке. – 2-е изд. – СПб.: [б. и.], 1906. – 427 с.
309. Лемке М. К. Политические процессы в России в 1860-е гг.: (по архивным документам) / М. К. Лемке. – М.; Пг., 1923. – 684 с.
310. Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ: 1859 – 1865 / М. К. Лемке. – СПб.: [б. и.], 1904. – 512 с.
311. Линков Я. И. Революционная борьба А. И. Герцена и Н. А. Огарева и «Земля и воля» 1860-х гг. / Я. И. Линков. – М.: Наука, 1964. – 475 с.
312. Лихачев Н. П. Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки (рода Лихачевых) / Н. П. Лихачев. – СПб.: [б. и.], 1913. – 101 с.
313. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте / Ю. М. Лотман. // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 683. – Тарту, 1986. – С. 98–123.
314. Лурье Ф. М. Хранители прошлого. Журнал «Былое». История, редакторы, издатели / Ф. М. Лурье. – Л.: Лениздат, 1990. – 254 с.
315. Лушников А. А. (сын) По поводу издания М. М. Зензинова «Декабристы. 86 портретов» / А. А. Лушников. // Исторический вестник. – 1906. – № 9. – С. 1053.
316. Макеев Н. Н. Г. Чернышевский – редактор военного сборника / Н. Н. Макеев. – М.: Воен. изд., 1950. – 106 с.
317. Масарик Т. Г. Россия и Европа / Т. Г. Масарик; отв. ред. М. А. Абрамов. – СПб. РХГИ, 2000. – 420 с.
318. Маяковский И. Л. И. В. Калачов как историк-архивист. (Из истории русского архивоведения. 1860 – 1880-е гг.) / И. Л. Маяковский; под ред. проф. В. В. Максимова, проф. И. Л. Маяковского // Труды историко-архивного института. – М., 1948. – Т. 4. – С. 161–180.

319. Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры. В 4 ч. Ч. 1 / П. Н. Милоков. – СПб.: [б. и.], 1896. – 223 с.
320. Мироненко М. П. Журнал «Русский архив» и его роль в освещении освободительного движения в России: дисс. ... к. и. н.: 07. 00. 09 / М. П. Мироненко; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1979. – 22 с.
321. Михневич Вл. Михаил Иванович Семевский / Вл. Михневич // Новости. – 1892. – 12 марта. – С. 3.
322. Модзалевский Б. Л. Декабристы на пути в Сибирь. Донесения сенатора князя Б. А. Куракина. 1827 г. / Б. Л. Модзалевский // Декабристы. Неизданные материалы и статьи / под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. – М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. – С. 99–127.
323. Модзалевский Б. Л. Работы П. В. Анненкова о Пушкине / Б. Л. Модзалевский // Модзалевский Б. Л. Пушкин и его современники. Избранные труды: (1898 – 1928). – СПб.: «Искусство – СПб», 1999. – С. 452 – 453.
324. Модзалевский Л. Н. Очерки истории воспитания и обучения с древнейших времен до наших дней. Ч. 1. / Л. Н. Модзалевский. – СПб.: [б. и.], 1899. – 949 с.
325. Моисеева Г. Н. Казанская история. [Ист. повесть 16-го в.] / подгот. текста, вступ. ст., [археогр. обзор] и прим. Г. Н. Моисеевой; под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. – М.; Л. Изд-во Акад. Наук СССР, 1954. – 195 с.
326. Мордовцев Д. Л. Николай Иванович Костомаров за последние десять лет его жизни: 1875 – 1885 / Д. Л. Мордовцев // Русская старина. – 1885. – Т. 41. – С. 617–648.
327. Мохначева М. П. Журналистика и историческая наука в России 30 – 70-х гг. XIX в.: (опыт источниковедения историографии). Автореф. дисс. ... д. ист. н. 07. 00. 09. – М.: Историко-архивный институт Российского гос. гуманит. ун-та. – 22 с.
328. Мохначева М. П. Журналистика и историческая наука. В 2 кн. Кн. 1. Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII – XIX в. / М. П. Мохначева. – М.: РГГУ, 1998. – 383 с.
329. Мохначева М. П. Журналистика и историческая наука. В 2 кн. Кн. 2. Журналистика и историографическая традиция в России 30 – 70-х гг. XIX в. / М. П. Мохначева. – М.: РГГУ, 1998. – 383 с.
330. Мушина И. Б. Писатели-декабристы в воспоминаниях современников / И. Б. Мушина, Я. Л. Левкович // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. В 2 т. / сост. и прим. Р. В. Иезуитова и др.; вступ. ст. И. Б. Мушина, Я. Л. Левкович – М.: Художественная литература, 1980. – Т. 2. – С. 5–45.
331. Мыльников А. С. Книга как объект источниковедения // Источниковедение отечественной истории: сб. статей. 1975 / А. С. Мыльников. – М.: Наука, 1976. – С. 58–74.
332. Назарова Л. Н. Неосуществленный замысел Рыльева: «Исторический словарь русских писателей» / Л. Н. Назарова // Литературное наследство. – М., 1954. – Т. 59. – С. 300–314.
333. Найдыш В. М. Цивилизация как проблема философии истории / В. М. Найдыш Акад. гуманит. наук, Рос. ун-т дружбы народов. – М.: Сигнал, 1997. – 187 с.
334. Невелев Г. А. Русское декабристоведение конца XIX – начала XX в.: историографические портреты / Г. А. Невелев; Брян. Гос. пед. ин-т им. И. М. Петровского. – Брянск: БГИПИ, 1993. – 60 с.
335. Невельская старина: сб. мат. по истории Невеля XVI – начала XX в. / вступ. ст., сост., прим. и прилож. Л. М. Максимовой. – СПб.: Акрополь, 1993. – 191 с.
336. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. В 15 т. Т. 13: Критика. Публицистика. 1866 – 1870 / Н. А. Некрасов; подгот. текста и коммент. А. М. Березин и др. – СПб., 1997. – 451 с.

337. Нефедова И. М. Петербургское педагогическое общество: (к столетию его основания) / И. М. Нефедова; Пед. о-во СССР, Киргиз. респ. отд-ние. – Фрунзе, 1960. – 20 с.
338. Нечаев В. П. Процесс П. Л. Лаврова. 1866 / В. П. Нечаев // Сб. мат. и ст.: редакция журнала «Исторический архив». – [М.]: Гос. изд-во, 1921. – Вып. 1. – С. 45 – 72.
339. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время»: 1861 – 1863 / В. С. Нечаева. – М.: Наука, 1972. – 317 с.
340. Никитин С. А. Славянские комитеты в России / С. А. Никитин. – М.: Изд-во МГУ, 1960. – 362 с.
341. Никольцева Г. Д. Книга в России: 1850-е гг. – 1917 г.: указ. дорев. лит. Ч. 1: Период с середины 50-х гг. до середины 90-х гг. / М-во культуры РСФСР, Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина / Г. Д. Никольцева. – Л.: Гос. Публ. б-ка, 1986. – 212 с.
342. Носов С. Н. Письма А. Григорьева как источник по истории славянофильства / С. Н. Носов // Вспомогательные исторические дисциплины / Археологическая комиссия. Ленинградское отделение. – 1981. – Т. 12. – С. 120–145.
343. Общественное движение в России в первую половину XIX в. / сост. В. И. Семевский, В. Богучарский, П. Е. Щеголев. – СПб.: [б. и.], 1905. – Т. 1. – 495 с.
344. Оржеховский И. В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60 – 70-х годах XIX в.: лекции по спецкурсу / И. В. Оржеховский. – Горький: [Горьк. ун-т], 1974. – 168 с.
345. Осипов В. О. Русская книготорговая библиография: до начала XX в. / В. О. Осипов. – М.: Книга, 1983. – 232 с.
346. Очерки истории исторической науки в СССР. В 4 т. Т. 2. / под ред. М. В. Нечкиной. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 862 с.
347. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / под ред. Ш. И. Ганелина, Л. Д. Голубовских, П. В. Горностаева и др.; отв. ред. А. И. Пискунов. – М.: Акад. пед. наук СССР, 1976. – 600 с.
348. Панченко З. Е. Собрание русских книг XVIII – начала XIX вв. в библиотеке Н. П. Лихачева / З. Е. Панченко // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства: мат. VIII междунар. науч. конф. / сост. и отв. ред. д. философ. н. проф. В. А. Петрицкий. – СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2001. – С. 56–59.
349. Парадизов П. П. Очерки по историографии декабристов / П. П. Парадизов. – М.;Л.: [б. и.], 1928. – 183 с.
350. Парфенов И. Д. Основы исторической библиографии / И. Д. Парфенов. – М.: Высш. шк., 1990. – 111 с.
351. Первое десятилетие начальных училищ в ведении Санкт-Петербургской городской думы: 1877 – 1887. Отчет городской комиссии по заведению городскими начальными училищами и учебными мастерскими. – СПб., 1888. – 487 с.
352. Персональная история / отв. ред. и сост. Д. М. Володихен. – М.: «Мануфактура», 1999. – 336 с.
353. Петрицкий В. А. Библиофильство как творчество / В. А. Петрицкий // Книга. Исследования и материалы: сб. / Всесоюзная книжная палата. – М.: Книга, 1976. – Т. 33. – С. 189–193.
354. Петров С. Г. «Сказания старины седой»: легенды, песни, обряды, пословицы, частушки Великолукского края / С. Г. Петров; изд. Республиканского гуманитарного института. – СПб.: РГИ, 2000. – 241 с.
355. Петров С. Г. Не забудь их Россия: ист. очерки / С. Г. Петров. – Великие Луки: [б. и.], 1997. – 88 с.
356. Петров С. Г. Он был поэтом истории / С. Г. Петров // Нева. – 1999. – № 11. – С. 216–219.

357. Пирожкова Т. Ф. Революционеры-демократы о славянофильстве и славянофильской журналистике / Т. Ф. Пирожкова. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 162 с.
358. Пирожкова Т. Ф. Славянофилы и их журнально-издательская деятельность / Т. Ф. Пирожкова. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 84 с.
359. Пирумова Н. М. Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек / Н. М. Пирумова. М.: Мысль, 1989. – 254 с.
360. Письма и документы: Г. Е. Благосветлов. Я. П. Полонский, Г. А. Кушелев-Безбородко / прим. и вступ. ст. Г. Р. Прохорова // Звенья: сб. мат. и док. по истории литературы, искусству и общественной мысли XIX в. – М.; Л.: Academia, 1932. – С. 296–345.
361. Пичкуненко Я. Д. К вопросу о роли воскресных школ в буржуазно-демократическом освободительном движении России в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. / Я. Д. Пичкуненко // Советская педагогика. – М., 1954. – С. 95–114.
362. Платонов С. Ф. Владимир Степанович Иконников / С. Ф. Платонов // Анналы. – 1924. – № 4. – С. 252–267.
363. Полонская И. М. Книги из библиотеки с автографами Ф. В. Каржавина в собрании Отдела редких книг / И. М. Полонская // Труды ГБЛ им В. И. Ленина. – Т. 14: История книги. Работы отдела редких книг. – М., 1978. – С. 13–164.
364. Померанцева Г. Е. Биография в контексте времени. ЖЗЛ. Замыслы и воплощение серии / Г. Е. Померанцева. – М.: Книга, 1987. – 335 с.
365. Попов А. А. Декабристы-псковичи / А. А. Попов. – Л.: Лениздат, 1980. – 223 с.
366. Порох В. И. М. И. Семевский в общественной жизни России в 60-е – начале 90-х гг. XIX в.: дисс. ... д. ист. н.: 07. 00. 02 / В. И. Порох – Саратов, 1999. – 36 с.
367. Порох В. И. М. И. Семевский в общественной жизни России в 70-е – начале 90-х годов XIX века / В. И. Порох // Страницы Российской истории: межвуз. сб. к 60-летию со дня рождения профессора Г. А. Тишкина / под ред. А. О. Бороноева, Е. Р. Ольховского. – М.: Издательский Дом «Парад», 2001. – С. 243–267.
368. Порох В. И. М. И. Семевский под полицейским надзором / В. И. Порох // Освободительное движение в России. – Саратов, 1999. – Вып. 17. – С. 96–106.
369. Порох В. И. Офицер, историк, издатель. Все о М. И. Семевском / В. И. Порох. – Саратов: СГАП, 1999. – 152 с.
370. Порох И. В., Семевский в Москве (октябрь 1955 – июль 1856) / И. В. Порох, В. И. Порох // Россия в XIX – XX вв.: сб. ст. к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – С. 147–158.
371. Принцева Г. А. Декабристы в изобразительном искусстве / Г. А. Принцева. – М.: Искусство, 1990. – 230 с.
372. Протопопов Д. Д. История Санкт-Петербургского комитета грамотности, состоявшего при Императорском Вольном Экономическом обществе: (1861 – 1895) / Д. Д. Протопопов. – СПб.: [б. и.], 1893. – 370 с.
373. Пульхеров А. И. Образование и образовательные средства в г. Великих Луках и его уезде. Историко-статистические очерки / А. И. Пульхеров. – Псков: [б. и.], 1893. – 183 с.
374. Раков В. П. А. Григорьев – литературный критик / В. П. Раков. – Иваново: ИВГУ, 1980. – 54 с.
375. Ревель Жак. Биография как историческая проблема / Жак Ревель; [Рос. гос. гуманитарн. ун-т]. – М.: РГГУ, 2002. – 57 с.
376. Репина Л. П. Персональная история и интеллектуальная биография / Л. П. Репина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 8. Специальный выпуск: Персональная история и интеллектуальная биография. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 3 – 9.

377. Репина Л. П. «Персональная история»: Биография как средство исторического познания / Л. П. Репина // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. (Вып. 2). – М., 1999. – С. 76–100.
378. Репина Л. П. Историческая биография и «новая биографическая история» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 5. Специальный выпуск: Историческая биография и персональная история. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – С. 5–12.
379. Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. В 4 т. Т. 1 / Д. А. Ровинский. – СПб.: [б. и.], 1886. – 736 с.
380. Розен А. Е. Записки декабриста / А. Е. Розен; подгот. и вступ. ст. Г. А. Невелева. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд., 1984. – 479 с.
381. Ростова Н. Архив В. И. Семевского // Литературное наследие. – М., 1933. – Т. 7 – 8. – С. 418 – 430.
382. Рубинштейн Н. Л. Русская историография / Н. Л. Рубинштейн. – М.: Госполитиздат, 1941. – 660 с.
383. Рудницкая Е. Л. Н. П. Огарев в русском революционном движении / Е. Л. Рудницкая. – М.: Наука, 1969. – 424 с.
384. Русская старина: путеводитель по XVIII в. / сост. А. В. Кургатников; послесл. С. Н. Искюль. – М.: РИК «Культура»; СПб.: Информационно-издательское агентство «ЛИК», 1996. – 380 с.: ил.
385. Рыбников Н. А. Биографии и их изучение. – М. [б. и.], 1920. – 48 с.
386. Рыбников Н. А. Изучение биографии: (Темы семинара; указ лит.) / Н. А. Рыбников. – М.: [б. и.], 1922. – 14 с.
387. Рыбников Н. А. Собрание биографий местных деятелей / Рыбников Н. А. // Вопросы краеведения. – Н. Новгород. – 1923. – С. 135–137.
388. С. III. Встреча И. С. Тургенева с Александром III: (по материалам тетради М. И. Семевского) / С. III. // Красная панорама. – 1928. – № 28. – С. 14.
389. Сатирические стихотворения В. Л. Давыдова / публ. А. Л. Дымшица // Литературное наследство. – М., 1956. – Т. 60. – Кн. 1. – С. 284–287.
390. Сватиков С. Русские студенты в Гейдельберге / С. Сватиков // Новый журнал для всех. – 1912. – № 12. – С. 69–82.
391. Селиванова С. А. Историк декабристов М. И. Семевский в годы революционной ситуации / С. А. Селиванова // Революционная ситуация в России в середине XIX века. Деятели и историки: сб. ст. / [ред. кол. М. В. Нечкина (отв. ред.) и др.]; АН СССР, Иг-т истории СССР. – М.: Наука, 1986. – С. 175–85.
392. Семевский В. И. М. В. Петрашевский в Сибири / В. И. Семевский // Голос минувшего. – 1915. – № 5. – С. 43–82.
393. Семенов Д. Д. М. И. Семевский как педагог. (Посвящается памяти М. И. Семевского) / Д. Д. Семенов // Вестник воспитания. – 1892. – № 4. – С. 121–128.
394. Симина Н. Г. Исторические документы на страницах «Русской старины» в 70 – 80-х годах XIX в. / Н. Г. Симина // Исследования по отечественному источниковедению: сб. ст., посвященных 75-летию проф. С. Н. Валка. – М.; Л.: Наука [Ленингр. отд-ние], 1964. – С. 197–203.
395. Смирнов В. З. Очерки по истории прогрессивной русской педагогики XIX в. / В. З. Смирнов. – М.: Учпедгиз, 1963. – 312 с.
396. Смирнов В. З. Реформа начальной и средней школы в 60-х гг. XIX в. / В. З. Смирнов. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1954. – 312 с.
397. Собиратели книг в России: [2 половина XIX в.]; сб. / сост. Л. М. Равич. – М.: Книга, 1988. – 295 с.
398. Соболевский С. А. Новые явления в русской библиографии / С. А. Соболевский. – М.: [б. и.], 1969. – 16 с.
399. Соколов Ю. М. А. Ф. Гильфердинг / Ю. М. Соколов // БСЭ. – М.: Советская энциклопедия, 1929. – Т. 16. – С. 835.

400. Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. Ч. 1 – 5 / В. С. Сопиков. – СПб.: [б. и.], 1813 – 1821. – Ч. 1–5.
401. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30 – 90-е гг. XIX века / Ю. С. Сорокин. – М.; Л.: Наука [Ленингр. отд-ние], 1965. – 565 с.
402. Спасович В. Д. Сочинения. В 10 т. Т. 8: Последние работы в девяностых годах / В. Д. Спасович. – 2-е изд. – СПб.: [б. и.], 1913. – 346 с.
403. Сперанский М. Н. Русские подделки рукописей в начале XIX в. (Бардин и Сулакадзев) / М. Н. Сперанский // Проблемы источниковедения. – М., 1956. – Вып. 5. – С. 53–87.
404. Степанов Е. К. «Мне дорог край родной...» (А. Н. Креницин) / Е. К. Степанов // Русская литература. – 1980. – № 4. – С. 122–130.
405. Струминский В. Я. Очерки жизни и педагогической деятельности К. Д. Ушинского: (Биография) / В. Я. Струминский. – М.: Учпедгиз, 1960. – 348 с.
406. Струминский В. Я. П. Г. Редкин – русский педагог второй половины XIX в. / В. Я. Струминский // Редкин П. Г. Избранные педагогические сочинения / сост. член-кор. Акад. наук. РСФСР В. Я. Струминский. – М.: Учпедгиз, 1958. – С. 3–58.
407. Струминский В. Я. Русская начальная школа в 60-х гг. XIX в. / В. Я. Струминский // Начальная школа. – 1945. – № 7–8. – С. 40–46.
408. Сушкова (Хвостова) Е. А. Записки: 1812 – 1841 / Е. А. Сушкова (Хвостова); ред., введ. и прим. Ю. Г. Оксмана. – Л.: Academia, 1928. – 446 с.
409. Сыроечковский Б. Е. Из истории движения декабристов / Б. Е. Сыроечковский; пред. И. В. Пороха; изд. Моск. ун-та. – М.: МГУ, 1969. – 372 с.
410. Тараканова О. Л. Издания Экспедиции заготовления государственных бумаг – подарок для библиофила и предмет антиквариата / О. Л. Тараканова, Н. С. Грачева // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства: мат. VIII Междунар. науч. конф. – СПб.: Изд-во «Российская национальная библиотека», 2001. – С. 28–35.
411. Тарле Е. В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг / Е. В. Тарле. – М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1945. – 110 с.
412. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристка XVIII – первой половины XIX в.: от рукописи к книге / А. Г. Тартаковский. – М.: Наука, 1991. – 288 с.
413. Таубин Р. А. К вопросу о роли Н. Г. Чернышевского в создании «революционной партии» в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. / Р. А. Таубин // Исторические записки АН СССР. – 1952. – № 39. – С. 59–97.
414. Таубин Р. А. Революционная пропаганда в воскресных школах России в 1860 – 1862 гг. / Р. А. Таубин // Вопросы истории. – 1956. – № 8. – С. 80–90.
415. Терлецкий В. В. Материалы о деятельности К. Д. Ушинского в Санкт-Петербургском педагогическом обществе и Литературном фонде / В. В. Терлецкий // Новое об К. Д. Ушинском: исследования и материалы о жизни, деятельности, педагогическом наследстве: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 193. – Ярославль: ЯПИ, [197–]. – С. 67–87.
416. Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский – основатель исторического журнала «Русская старина»: 1837 – 1892. Биографический очерк / В. В. Тимошук; под ред. и пред. Н. К. Шильдера. – СПб.: [б. и.], 1895. – 258 с.
417. Типология периодических изданий / отв. ред. к. филолог. н. Е. А. Корнилов. – Ростов н/Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1984. – 160 с.
418. Типология периодической печати: проблемы и тенденции развития типологической структуры современной периодики / под. ред. Я. Н. Заруского – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 144 с.

419. Ткачев П. Н. (О книге Кельсиева) / П. Н. Ткачев // Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. – М.; Л., 1940. – С. 215 – 217.
420. Толстая Л. Н. Русские книги для чтения (1 – 4) // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Юбилейное издание. В 90 т. – М.; Л.: Госиздат, 1936. – Т. 10. – С. 13–233.
421. Троицкий Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866 – 1895 / Н. А. Троицкий. – М.: Мысль, 1979. – 350 с.
422. Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом: 1880 – 1894 / Н. А. Троицкий. – Изд. 2-е. – Саратов: Изд. Саратов. ун-та, 1983. – 423 с.
423. Троицкий Н. А. Царские суды против революционеров России. Политические процессы: 1871 – 1880 гг. / Н. А. Троицкий. – Саратов: Изд. Саратов. ун-та, 1976. – 408 с.
424. Троцкий И. М. Запись беседы Салтыкова с М. И. Семевским / И. М. Троцкий // Литературное наследство. – М., 1934 – Т. 13–14. – С. 519–526.
425. Учебники дореволюционной России по истории / сост. Т. В. Естафорова. – М.: Просвещение, 1993. – 382 с.
426. Ушинский К. Д. Собрание сочинений. В 11 т. Т. 11: Материалы биографические и библиографические / К. Д. Ушинский; сост. и подгот. к печати В. Я. Струминский. – М.: Акад. пед. наук РСФСР, Л., 1948. – 728 с.
427. Фарсоби́н В. В. Источниковедение и его метод. Опыт анализа понятий и терминологии / В. В. Фарсоби́н. – М.: Наука, 1983. – 229 с.
428. Федорова Е. М. Поэт Александр Креницин / Е. М. Федорова // Псков: Научно-практический, историко-краеведческий журнал. – 2002. – № 16. – С. 143–148.
429. Формозов А. А. Первый русский историко-археологический журнал / Е. М. Федорова // Вопросы истории. – 1967. – № 4. – С. 208–212.
430. Ходнев А. И. История Императорского Вольного Экономического Общества с 1765 до 1865 гг. / А. И. Ходнев. – СПб.: [б. и.], 1865. – 667 с.
431. Цейтлин А. Г. Методы литературоведения / А. Г. Цейтлин // Литературная энциклопедия. – М., 1934. – Т. 7. – Стб. 241–280.
432. Цимбаев Н. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России / Н. И. Цимбаев. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 264 с.
433. Цимбаев Н. И. С. М. Соловьев и его научное наследие / Цимбаев Н. И. // Соловьев С. М. Избранные труды. Записки / подгот. А. А. Левандовский, Н. И. Цимбаев. – М.: Изд-во МГУ. – С. 353 – 380.
434. Цимбаев Н. И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. / Н. И. Цимбаев. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 269 с.
435. Черков С. В. Разработка правил издания исторических источников Археографической комиссией в XIX – начале XX в. / С. В. Черков // Археографический ежегодник за 1985 г. – М., 1987. – С. 107–112.
436. Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати 60 – 70-е гг. XIX в. / В. Г. Чернуха. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1989. – 205 с.
437. Чернышев В. И. К. Д. Ушинский и реформа Смольного и Александровского институтов / В. И. Чернышев // Известия Академии наук РСФСР. – М., 1951. – № 33. – С. 98–100.
438. Чернышев Е. Революционный демократ-историк А. П. Щапов (1830 – 1876) / Е. Чернышев // Вопросы истории. – 1951. – № 8. – С. 63–150.
439. Черняк А. Я. О типологии произведений печати / А. Я. Черняк // Актуальные проблемы книговедения: сб. научн. трудов Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, Отдел ред. кн. [Вып. 1]. – М., 1976. – С. 39–52.
440. Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: учеб. пособие / А. Л. Шапиро. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Культура, 1993. – 761 с.

441. Шевырев А. П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы / А. П. Шевырев. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 183 с.
442. Шелгунов Н. В., Воспоминания. В 2 т. Т. 2: Воспоминания Л. П. Шелгуновой и М. Л. Михайлова / Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов; вступ. ст. Э. Виленского, Л. Ройтберг. – М.: Художественная литература, 1967. – 634 с.
443. Штакельберг Ю. И. Архив «Русской старины» / Ю. И. Штакельберг // К столетию героической борьбы «За нашу и вашу свободу»: сб. ст. и мат. о восстании 1863 г. / под ред. В. А. Дякова [и др.]. – М.: Наука, 1964. – С. 292–350.
444. Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854 – 1886) / Е. А. Штакеншнейдер; ред. ст. и коммент. И. Н. Розанова, М. Л. Михайлова. – М.; Л.: Academia. – 1934. – 582 с.
445. Штрайх С. Я. Сестры Корвин-Круковские / С. Я. Штрайх. – М.: Мир, 1933. – 341 с.
446. Щеголев П. Е. После 1 марта 1881 г. / П. Е. Щеголев // Былое. – 1907. – № 3. – 290–305.
447. Щербакова Г. И. Споры о зарождении русской массовой журналистики / Г. И. Щербакова. – М.: Реглант, 2004. – 238 с.
448. Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. Секретная политика России XVIII – XIX веков и вольная печать / Н. Я. Эйдельман. – М.: Мысль, 1973. – 367 с.
449. Эйдельман Н. Я. Из потаенной истории России XVIII – XIX веков: [сб.] / Н. Я. Эйдельман; вступ. ст. А. Г. Тартаковского. – М.: Высш. школа, 1993. – 290 с..
450. Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды» / Н. Я. Эйдельман. – М.: Мысль, 1966. – 309 с.
451. Эймонтова Р. Г. Идеи просвещения в обновляющейся России (50 – 60-е годы XIX в.) / Р. Г. Эймонтова; РАН, Институт рос. истории – М.: Мысль, 1998. – 407 с.
452. Эймонтова Р. Г. Университетская реформа 1863 г. / Р. Г. Эймонтова // Исторические записки. – 1961. – Т. 70. – С. 163–96.
453. Эймонтова Р. Г. Ученый-просветитель П. В. Павлов / Р. Г. Эймонтова // Исторические записки. – М., 1986. – Т. 113. – С. 231–232.
454. Юрасов А. В. Великие Луки в XII – XVII вв. Историческая топография средневекового города / А. В. Юрасов. – Псков: Центр «Возрождение», 1996. – 104 с.: ил.
455. Яновский О. А. Прежде чем читать эту книгу / О. А. Яновский // Семейский М. И. Тайная служба Петра I. Документальные повести / сост., автор предисл. и коммент. О. А. Яновский. – М.: ТЕРРА, 1996. – С. 6–9.

О г л а в л е н и е

Список сокращений	4
Введение	5
Глава I. Характеристика личности.	43
§ 1. Портрет	43
§ 2. Общественно-политические взгляды.	65
Глава 2. Педагогическая деятельность и взгляды на проблемы педагогики	130
§ 1. Начало педагогической деятельности. Таврическая школа	132
§ 2. Преподаватель Смольного института	144
§ 3. Инспекция народных школ Псковской губернии	161
§ 4. Деятельность в Комитете грамотности и Санкт- Петербургском педагогическом обществе	170
§ 5. Деятельность в Училищной комиссии Санкт- Петербургской Городской Думы	201
§ 6. Взгляды М. И. Семевского на вопросы начального и среднего образования	206
Глава 3. Книжное собрание. СобираТЕЛЬСкая деятельность	220
§ 1. Библиотека	220
§ 2. Библиофильские взгляды	258
§ 3. СобираТЕЛЬСкая деятельность	270
§ 4. Судьба собрания	297
Глава 4. Редакционно-издательская деятельность. «Русская старина»	309
§ 1. Типология журнала	310
§ 2. Редакционные примечания на страницах «Русской старины»	326
§ 3 Полиграфическое оформление журнала. Иллюстрации	349
§ 4. Библиография на страницах журнала.	355
Заключение	381
ПРИЛОЖЕНИЯ	389

Кох
Ольга Борисовна

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ СЕМЕВСКИЙ

Опыт аналитической биографии

Редактор Е. Э. Биржакова
Оригинал-макет С.А.Владимировой

191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 2. СПбГУКИ.
Лиц. ИД № 05313 от 09.07.2001

Отпечатано в типографии "Турусел".
191186, СПб., ул.Миллионная, д.1.
Лиц. ЦД № 2-69-571 от 24.10.2000
01.11.2005. Печ. л. 26,25. Печать офсетная. Тир.500. Зак.